

ФОН АЛЬБРЕХТ

ИСТОРИЯ
РИМСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

III

Лук

МИХАЭЛЬ ФОН АЛЬБРЕХТ

ИСТОРИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

MICHAEL VON ALBRECHT

GESCHICHTE
DER RÖMISCHEN
LITERATUR

VON ANDRONICUS BIS BOETHIUS

MIT BERÜCKSICHTIGUNG IHRER
BEDEUTUNG FÜR DIE NEUZEIT

III

Zweite, verbesserte und erweiterte Auflage

K · G · SAUR
MÜNCHEN · NEW PROVIDENCE · LONDON
PARIS 1994

МИХАЭЛЬ ФОН АЛЬБРЕХТ

ИСТОРИЯ
РИМСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ОТ АНДРОНИКА ДО БОЭЦИЯ

И ЕЕ ВЛИЯНИЯ
НА ПОЗДНЕЙШИЕ ЭПОХИ

III

Перевод с немецкого А. И. Любжина

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ КАБИНЕТ
Ю · А · ШИЧАЛИНА
МОСКВА 2005

УДК 821.124.0(37)(091)(075.8)

ББК 83.3(0)3я73

А 56

Перевод сверен и отредактирован автором

Издание осуществлено при поддержке
GOETHE-INSTITUT INTER NATIONES, BONN

Альбрехт Михаэль фон

А 56 История римской литературы / Пер. А. И. Любжина. —
М: «Греко-латинский кабинет»® Ю. А. Шичалина, 2005. —
Т. 3. — 616 с.

ISBN 5-87245-080-X
ISBN 5-87245-114-8 (том III)

© 1994 by K. G. Saur Verlag
© А. И. Любжин, перевод, 2005
© Греко-латинский кабинет®
Ю. А. Шичалина, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Предуведомление о пользовании книгой 1399

ПЯТАЯ ГЛАВА:
ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ
И ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ 1401

I. ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ
И ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ: ОБЩИЙ ОБЗОР . . . 1403

Предварительные замечания 1403

Исторические рамки 1404

Условия возникновения литературы 1407

Латинская и греческая литература 1416

Жанры 1419

Язык и стиль 1423

Образ мыслей I: Литературные размышления 1427

Образ мыслей II 1428

II. ПОЭЗИЯ 1434

Поэзия эпохи средней и поздней Империи 1434

Poetae novelli 1442

Авзоний 1446

Авиан 1457

Рутилий Намациан 1458

Клавдиан 1463

Ювенк 1479

Седулий 1482

Пруденций 1484

III. ПРОЗА 1498

A. Историография и родственные жанры 1498

Историография эпохи средней
и поздней Империи 1498

Светоний	1519
Флор	1541
Аммиан	1550
В. Ораторская и эпистолярная проза	1566
Фронтон	1566
Panegyrici latini	1570
Симмах	1574
С. Роман	1580
«Проза вымысла» эпохи средней и поздней Империи	1580
Апулей	1580
Д. Специальная и образовательная литература	1600
1. Авторитеты римской школы	1600
Специальная литература эпохи средней и поздней Империи	1600
Геллий	1612
Макробий	1619
Марциан Капелла	1625
Кассиодор	1629
2. Основатели римского права	1634
Юридическая литература эпохи средней и поздней Империи	1634
3. Отцы христианской Европы	1661
Первые шаги христианской латинской прозы ..	1661
Тертуллиан	1663
Минуций Феликс	1690
Киприан	1705
Новациан	1718
Арнобий	1722
Лактанций	1732
Фирмик Матерн	1749
Марий Викторин	1755
Иларий Пиктавийский	1766
Амвросий	1771
Иероним	1786
Руфин и другие переводчики	1803
Августин	1805
Бозций	1852

ШЕСТАЯ ГЛАВА: УСЛОВИЯ СОХРАНЕНИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	1887
---	------

КНИЖНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПРИВЕДЕННЫЕ В СОКРАЩЕНИИ. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	1899
ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	1927
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	1989

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ О ПОЛЬЗОВАНИИ КНИГОЙ

Книга задумана как единое целое; разделение на три тома вызвано чисто внешними причинами.

Четыре главы, посвященные эпохам (напр., «Обзор литературы республиканской эпохи»), которые открывают основные главы II–V, представляют собой литературную жизнь данной эпохи в поперечном разрезе. За этими главами всегда следует глава, посвященная поэзии, после нее — проза в целом, с подразделениями по авторам и жанрам. В рамках каждой эпохи произведения одного жанра обсуждаются по возможности вместе, но авторы, которые могли бы оказаться в разных рубриках, появляются только однажды.

Для рассмотрения в продольном разрезе используются главы, посвященные жанрам (напр., «Римский эпос»), названия которых выделяются курсивом. Они всегда предшествуют главе, посвященной самому раннему из важнейших представителей.

Та же цель достигается постоянной структурой глав, посвященных авторам: жизнеописание, датировка; источники, образцы, жанры; литературная техника; язык и стиль; образ мыслей; традиция; влияние на позднейшие эпохи. При этом литературно-теоретические размышления («Образ мыслей I») в силу их особенной важности рассматриваются отдельно от взглядов соответствующего автора на остальные предметы («Образ мыслей II»).

В библиографических указаниях сокращения без инициалов (напр.: LEO, LG) отсылают к общему списку сокращений в конце книги, а таковые же с инициалами и датами (напр.: F. LEO 1912) — на библиографический список в конце каждой главы.

Написание места издания всегда совпадает с указанным в приведенной книге (поэтому наряду с Roma могут появиться Roma и Rome). Имена современных ученых даются Капителью. Сокращения имен латинских авторов — принятые в Thesaurus Linguae Latinae (редкое исключение для Сенеки и Клавдиана служит для того, чтобы облегчить поиск). Сокращения названий журналов и прочих изданий приведены в списке сокращений. Сокращения при названиях: Т (текст), П (перевод), К (комментарий), Пр (примечания).

ПЯТАЯ ГЛАВА:
ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ
И ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

І. ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ: ОБЩИЙ ОБЗОР

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Эпоха от Адриана до Константина в одном известном справочнике определяется как «отчасти период величайшей бесплодности»¹. При этом, однако, на данное время приходится не только деятельность видных авторов второго ранга, как, например, биограф Светоний, антиквар Геллий, историк Флор, оратор Фронтон. Мы обнаруживаем здесь светочей римской юридической мысли, сталкиваемся с такими изысканными яствами, как *Pervigilium Veneris*, *Alcestis Barcinonensis*, а *Метаморфозы* Апулея — безо всяких оговорок неотъемлемое достояние всемирной литературы. Но эта реплика становится совершенно непонятной, если привлечь христианских авторов той же эпохи — Тертуллиана, Минуция Феликса, Киприана, Новациана, Лактанция. Приведенный вердикт, вероятно, отчасти объясняется столь легким презрением к так называемым эпохам упадка, отчасти устоявшейся привычкой не рассматривать одновременно христианских и языческих авторов какой-либо эпохи, как было бы сообразно здравому смыслу, а напротив, искусственно отделять их друг от друга. К этому прибавляется обособление научной традиции в тех областях, которые занимаются христианскими латинскими авторами.

Долго по понятным соображениям Отцов Церкви читали больше под систематическим, чем историческим углом зрения. Часто при этом ограничивались установлением того вклада, который внес соответствующий автор в общее развитие учения, в чем он был «прав» или «не прав»; меньше задавались вопросом о его историческом месте в рамках своей эпохи и о литературном методе.

Для литературоведения плодотворнее был вопрос: как соответствующий христианский автор цитирует и понимает Библию? Этот подход сочетает богословский аспект и филологический: реконструкция старых латинских переводов Библии,

1. SCHANZ-HOSIUS, LG, т. 3, S. V.

которые при этом употреблялись, — задача филологической науки; разработка истории истолкований объединяет теологию и филологию. Произведение, выросшее из этой работы — *Vetus Latina* — неценимое подспорье для истории интерпретации.

История литературы задает патристическим текстам не менее настоятельные вопросы. Для кого писали эти авторы? С какими познаниями и предрассудками своей аудитории они заведомо должны были считаться? Иногда они обращаются к церковным читателям, иногда к язычникам, иногда — к еретикам, иногда — к иудеям. Какое влияние этот фактор оказывает на форму и содержание произведений? Какие при этом возникают новые литературные жанры, какие прежние получают новый смысл? Как предположительно «стиль эпохи» отражается на литературе? Есть ли фундаментальные представления, которые объединяют христиан и язычников, и какие выводы делают из них авторы? Достаточно вспомнить о монотеизме философов или о риторических и герменевтических мыслительных структурах. И — стержневая проблема — как относится тот или иной автор к язычеству? Как римская классическая литература отразилась в его сознании? Как она преобразилась при этом? Есть ли такие стороны «римскости», которые в рассматриваемый период даже усилились по сравнению с прежним состоянием из-за встречи с христианско-иудейской традицией?

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАМКИ

Последняя из рассматриваемых нами эпох латинской литературы складывается из двух больших периодов: от Адриана (117 г.) до Диоклетиана (305 г.) и от Константина до Юстиниана (565 г.). Такое деление важно с точки зрения церковной истории: соответственно до и после победы христианства. Но оно целесообразно и в общеисторическом аспекте: во второй период переселение народов приводит к крушению Западной Империи, в то время как Восточная консолидируется вокруг Константинополя. Таким образом, можно назвать первый промежуток эпохой средней Империи, второй — позднеримской или ранневизантийской эпохой.

Между II и IV веками разыгрался кризис, который по своей тяжести вполне можно сравнить с кризисом гражданских войн: катастрофа III в. Однако в то время как гражданские

войны не смогли сокрушить римскую литературу, беды III в. привели ее практически к ничтожеству. С историко-литературной точки зрения здесь возникает разрыв, причем не только внешний.

Предшествующая и последующая эпоха — II и IV в. соответственно — имеет рубежный характер и носит отпечаток духовной революции сверху: к началу II в. стоическая философия — которая прежде была в оппозиции — находит признание у императоров и все активнее перенимается ими¹. В начале IV в. так поступают и с неоплатонически окрашенным христианством. Изменение духовной основы в каждом случае оказывает решающее влияние на развитие латинской литературы.

Эпоха от Адриана до Константина — сумерки старого и рассвет нового времени. Император Адриан (117—138 гг.) осуществляет во внешней политике окончательный поворот от экспансии к сдерживанию. Меняется и архитектура — начинается эпоха крупных пограничных укреплений. Обладание великим наследием также накладывает свой отпечаток на духовную сферу: строятся библиотеки, основываются высшие школы, «архаисты» с любовью обращаются к прошлому.

С внутривполитической точки зрения отношения между цезарем и сенатом устанавливаются не слишком напряженные: государи (как правило, усыновленные), которые своей мудростью и философическим поведением перехватывают инициативу у так называемой стоической сенатской оппозиции, становятся приемлемыми и для аристократии. Сенат сильно меняется по составу и развивает новые идеалы приспособленчества. Теперь в латинской литературе сходит на нет основной стимул сенаторской историографии, ее место занимают жизнеописания цезарей.

Громадный литературный провал III в. — в промежутке между 235 и 284 гг. мы практически не знаем языческих произведений на латинском языке — следствие всеобщей незащищенности перед солдатскими императорами. В лице Максимиана (235 г.) принцепсом становится выслужившийся фракийец. За следующие полстолетия смятений и бурь меняется 26 государей, из коих только один умирает естественной смертью. Внешние враги Рима осмелели: саксы, франки, алеман-

1. Во второй половине II в., кроме того, в лице Секста Эмпирика заявляет о себе скепсис, Апулея — платонизм — учение, которое в начале столетия уже было представлено Плутархом.

ны, маркоманы, готы и сасаниды угрожают Империи — а в это время иллирийцы и представители Востока спорят за императорский трон. На происхождении цезаря сказывается только изменившийся состав войска. Италики и образованные провинциалы удаляются от военной службы. Со времен Адриана легионы черпают в провинциальном крестьянстве пополнение своих рядов; там возникают стационарные лагеря, и военное ремесло становится наследственным. Солдаты, представители культурно отсталого сельского населения пограничных провинций, со времен Септимия Севера все недоверчивей относятся к горожанам и грабят без различия римские и враждебные поселения; образованные офицеры встречаются редко. Назначение военных на высшие должности ведет — хотя и в ограниченном масштабе — к варваризации высших сословий.

Налоговое бремя превращается в непосильную ношу; прежде всего от него страдают арендаторы и мелкие землевладельцы — бегство от податей становится повседневным явлением и приводит к дефициту рабочих рук и запустению ценных земель. Контрмеры — порча монеты и плановое хозяйство вплоть до прикрепления работников к земле — рашатаывают доверие граждан к государству. Не в последнюю очередь вследствие долгового гнета развиваются частные латифундии за счет малых землевладельцев, а также государственных доменов, поскольку должникам из числа крестьян часто не оставалось ничего, кроме как отдаться под «покровительство» крупного помещика. Но мало того, теряет силы фундамент античной культуры — полис. Побудительные причины его экономического расцвета перестают действовать, поскольку благотворное честолюбие горожан теперь не вознаграждается, а наказывается — члены городских советов (*decuriones*) должны лично отвечать за налоговые недоимки своих округов. В итоге, как раз самые деятельные искусственно занижают свои доходы, чтобы не попасть в декурионы. Принцип заставлять имущих горожан занимать почетные должности, которые губительно сказываются на их состоянии в силу публичных повинностей, погашает предпринимательский дух; никакие старания более не окупаются¹. Экономический

1. Вместе с упадком гражданской активности в полисах гибнет и частное меценатство.

эффект не замедлил сказаться: ремесло и торговля переживают упадок. Бедные и богатые, город и село становятся жертвами кризиса. С особенной силой он затрагивает западную половину Империи, население которой сокращается быстрее. Италия, чью экономику римляне никогда не могли поставить на прочную основу, переживает упадок. Она утрачивает свои привилегии, в прошлом обеспечивавшие ей хоть тень существования: так мстит за себя прежнее пренебрежение римлян к разработке имеющихся ресурсов, коими они не занимались, стараясь изыскать как можно больше несущественных источников.

Решительные реформы Диоклетиана приводят к тому, что центр Империи перемещается на Восток, царит плановое хозяйство, Италия насильственно уравнивается с прочими областями. Константин основывает на Востоке столицу, названную его именем, с новым сенатом, который в 339 г. становится равноправным римскому и скоро возвышается над ним. Тот же цезарь увеличивает число и повышает престиж сенаторов. С эпохи Диоклетиана и Константина латинская литература вновь оживает.

Последняя фаза рассматриваемого нами периода проходит под знаком политического разделения обеих половин Империи и поселения германцев на Западе. Вестготы захватывают Рим (410 г.) и оседают в Италии и Испании, вандалы тянутся через Пиренейский полуостров в северную Африку, в Сардинию и на Корсику. В 455 г. они грабят Рим. Особенно активна литературная жизнь на исходе древности в Галлии. Боэций и Кассиодор, жившие в Италии при дворе Теодориха, завершат наше странствие по римской литературе.

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Культурные ландшафты. Со II в. падает значение Рима как центра власти; цезари все чаще вынуждены жить на окраинах, находящихся под постоянной угрозой, и все больше зависят от своих войск. Уже при Марке Аврелии (161—180 гг.) начинаются серьезные нападения варваров на северную Италию; приходится продать императорскую коллекцию гемм, чтобы финансировать войну против маркоманов. Септимий Север оставляет своим сыновьям — кроме попытки внушить им стремление к единству — только один совет: обогащать солдат. Во второй

половине III в. германцы устремляются через *limes*, пограничный вал, и на Востоке доходят до Афин (267 г.); Дакия утрачена; усилившиеся после двадцатых годов персы захватывают Антиохию (256 г.) и берут в плен цезаря Валериана (вероятно, уже в 259 г.). При Аврелиане (270—275 гг.) признано необходимым снабдить Рим мощными городскими стенами.

Происхождение цезарей отражает растущее значение провинций и живущих в тамошних городах землевладельцев. После Испании, которая выставляет во II в. изрядное число образцовых государей, в лице Септимия Севера (193—211 гг.) на авансцену выступает Африка — давно романизованная область, чье политическое влияние теперь соответствует экономическому. Африка, цитадель латыни, самое позднее¹ со II в., благодаря Фронтону и Апулею, заявляет претензии на литературное лидерство, которое позднее оправдывает целый ряд великих авторов от Тертуллиана до Августина.

Так возвышают голос провинции, и его уже нельзя не слышать; при Каракалле все свободные жители Империи получают права римского гражданства (212 г.). Этот шаг обнажает экономическую слабость Италии, которая, привыкнув в течение веков оттягивать на себя все ценное в мире, так никогда и не научилась стоять на собственных ногах. Старые и новые культурные центры поднимают голову: на Западе следует отметить Карфаген — там делает свою карьеру Апулей, — может быть, первый из пишущих на латинском языке, которому уже не слишком нужен Рим как форум.

В то время как провинции переживают расцвет и преобразуются в самостоятельный культурный ландшафт, звезда столицы мира закатывается — медленно, но верно; Рим превращается в музей своего великого прошлого. Со временем сходят на нет и экономические привилегии Италии, пока Диоклетиан наравне с прочими областями не разделит ее на провинции. Цезари еще почитают и украшают Рим, однако это уже не *тот* центр, где принимаются исторические решения.

В последнюю фазу античности отдельные провинции живут практически самостоятельной литературной жизнью.

Италия. Старая столица приобретает новый блеск благодаря первенствующей роли своих епископов и патриотизму сенаторов. В Риме Иероним получает эпохальное задание соз-

1. Светоний, предположительно, тоже африканец.

дать новую латинскую Библию. В размышлениях о Риме Рутилий Намациан сочиняет свою поэму *De reditu*.

Рим остается важным центром, где сохраняется культурное наследие: этим занимается сенатская аристократия. Она также становится аудиторией для авторов — выходцев с Востока, таких как Клавдиан и Аммиан Марцеллин. Ведущая фигура охранительного сената — Симмах. Тот факт, что он был побежден епископом Медиоланским Амвросием, свидетельствует о смещении центра тяжести: не только христианство одолевает язычество, но и духовно и экономически активная северная Италия — среднюю. Уже с конца III в. Медиолан становится императорской резиденцией.

V век со своими варварскими вторжениями заглушает литературу в Италии¹.

Начало VI столетия застаёт при дворе Теодориха двух первоклассных авторов — Боэция и Кассиодора: первый становится столпом средневековой философии, а второй — школы. Влиятельнейший грамматик Присциан, живший в Византии, связан с Равенной. Диаконом в Медиолане (позднее епископом Павии) становится уроженец Арля Эннодий² († 521 г.), сочетающий с виртуозностью галльского ритора античность и христианство, прозу и поэзию. Интереснее, чем стихи и письма в стиле Симмаха или Сидония, — его *Житие епископа Павии Епифания* и *Панегирик Теодориху*.

Африка. Провинция Африка, переживающая экономический и культурный расцвет, в духовной — а вскоре и в политической — сфере играет ведущую роль прежде всего во II и III вв. К концу II столетия она выставляет династию Северов. Здесь культивируется как родной латинский язык, а довольно долгое время не менее активно — и греческий; это отражается в двуязычии Апулея и Тертуллиана. Африка посылает в Рим энергичных адвокатов. Многие из крупнейших церковных писателей родом отсюда: Тертуллиан, Минуций, Киприан, Арнобий, Лактанций, Августин. Светские авторы, не уступающие им во влиятельности, — Апулей и Марциан Капелла. Уже при вандалах здесь также появляются поэтические таланты, посмеивающиеся в латинских эпиграммах над своими новыми господами.

1. В Норике к концу столетия появляется *Vita Severini* Евгиппия.

2. Издания: F. Vogel, MGH AA 7, Berolini 1885; библиография: J. Fontaine, RACHG 5, 1962, 398—421.

Испания. Она развивается раньше, чем Африка: еще в I в. Испания отправляет в Вечный город крупных авторов, а к началу II столетия — превосходных цезарей. Затем, как представляется, она надолго почилла на лаврах¹. Только к 400 г. (цезарь Феодосий и крупный христианский поэт Пруденций) она возвращается на мировую авансцену.

Здесь господство германцев также дает посмертный расцвет, хотя и только с переходом исповедовавших арианство вестготов в католичество (586 г.). В Толедо, Сарагосе и Севилье епископы пытаются остановить упадок образованности и пишут трактаты о философии, грамматике и истории. Самый значительный среди них — Исидор Севильский² († ок. 640 г.), автор богословских и исторических трудов. Он заявил о себе как величайший компилятор своим энциклопедическим лексиконом *Originum sive etymologiarum libri XX*, содержащим обширные сведения. Он не черпает материал из первых рук, но незаменим как источник информации о языке, литературе и культуре римлян и сохраняет свое значение и после Средних веков.

Галлия. Цитадель культурной жизни поздней античности — Галлия, с центром романизации — Лионом. Духовные центры — школы в Марселе, Арле, Ниме, Тулузе, Нарбонне, Вьенне, Пуатье и прежде всего в Бордо, родине многостороннего, но несколько поверхностного поэта Авзония. В Галлии гордятся своим культурным уровнем и не жалеют средств для

1. E. NORDEN, LG 127 считает, что виной духовного застоя в этой римской колонии было отсутствие смешения рас и контактов с греческим Востоком (смеяла по тем временам концепция).

2. *Издания:* F. AREVALO, 7 тт., Romae 1797–1803 (= PL 81–84); *epist.*: G. B. FORD (П), Amsterdam 1970; *etym.*: W. M. LINDSAY, 2 тт., Oxford 1911, перепечатка *etym.* кн. 2: P. K. MARSHALL (ТК), Paris 1983; *etym.* кн. 9: M. REYDELLET (ТПК), Paris 1984; *etym.* кн. 12: J. ANDRÉ (ТПК), Paris 1986; *Goth.*: Th. MOMMSEN, MGH AA 11, 2, 267–295; G. DONINI, G. B. FORD (П), Leiden 1970; *nat.*: J. FONTAINE (Т, Index Verborum), Bordeaux 1960; *ort. et obit.*: C. CHAPARRO GÓMEZ (ТП), Paris 1985; *библиография:* ALTANER⁸ 494–497; *лит.*: J. FONTAINE, *Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique*, 2 тт., Paris 1959; J. FONTAINE, VChr 14, 1960, 65–101; *Isidoriana*, Colección de estudios sobre San Isidoro de Sevilla en el 14 centenario de su nacimiento, Sevilla 1961; H.-J. DIESNER, *Isidor von Sevilla und seine Zeit*, Berlin 1973; H.-J. DIESNER, *Isidor von Sevilla und das westgotische Spanien*, Trier 1978 (= Berlin 1977); K. N. MACFARLANE, *Isidore of Seville on the Pagan Gods* (*orig.* 8, 11), Philadelphia 1980; M. MARTINA, *Isidoro de poetis (orig. 8, 7)*, CCC 4, 1983, 299–322; G. CORDONER, *La «etimología» en Isidoro de Sevilla*, в: *Symbolae L. MITXELENA septuagenario oblatae*, изд. J. L. MELENA, Gasteiz 1985, 275–286; U. SCHINDEL, *Zur frühen Überlieferungsgeschichte der Etymologiae Isidors von Sevilla*, StudMed, ser. 3, 29, 2, 1988, 587–605.

его поддержания: в нашей главе об ораторах мы упомянем великодушный поступок одного ритора, который основал фонд для восстановления своей школы (298 г. по Р. X.).

В начале IV в. Трир — резиденция цезаря — превращается во второй Рим. Наряду со школой и императорским двором носителем литературных ценностей становится крупнопоместная знать, из чьей среды нередко выходят епископы: светский человек Сидоний († ок. 486 г.) и поэт Алцим Авит († 518 г.). Христианство, которое на юге Франции имеет греческие черты, способствует тому, что в этой провинции знание греческого языка удерживается дольше, чем в Африке. Из Леринского монастыря (основанного ок. 410 г. видным представителем знати Гоноратом) возникает целая плеяда авторов: Иларию Арльский († 410 г.), Винценций Леринский († до 450 г.), Евхерий Лионский († ок. 450 г.), Сальвиан († ок. 480 г.), Фавст Риезский († ок. 490 г.).

Кесарий Арльский¹ со своей сознательной склонностью к народному стилю проповедей в аристократической Галлии оказывается в одиночестве.

Из Аквитании родом Сульпиций Север², автор знаменитого *Жития св. Мартина*. Составленная им в 403 г. *Хроника* отличается предметной достоверностью и ясным языком (см. ниже стр. 1511 сл.).

В V в. римляне теряют Галлию. Германцы и гунны берут на себя задачу разрушить все до основания. Однако под сенью монастырей и епископских школ, а вскоре и в школах при дворе королей из династии Меровингов расцветает изысканная христианская литература.

Сидонию Аполлинарию († ок. 486 г.; см. ниже, стр. 1439 сл.) епископская тиара не мешает продолжать литературные игры Авзония. Между тем следует предположить, что за этими бесодержательными литературными продуктами стоит педагогический замысел — развить чувство формы и стиля; для ан-

1. *Издания*: G. MORIN, *Maredsous* 1937; C. LAMBOT, 2 тт., Turnholti 1953 (= CC 103—104).

2. *Издания*: С. HALM, CSEL 1, 1866; *библиография*: ALTANER 231; *лит.*: NORDEN, *Kunstprosa* 2, 583; A. KAPPELMACHER, RE 2, 4, 1, 1931, 863—871; В. М. PEEBLES (II, избр.), *Washington* 1970; P. HYLÉN, *Studien zu Sulpicius Severus*, Lund 1940; N. K. CHADWICK, *Poetry and Letters in Early Christian Gaul*, London 1955, 89—121; G. K. VAN ANDEL, *Sulpicius Severus and Origenism*, *ŪChr* 34, 1980, 278—287; P. G. AUGELLO, *La tradizione manoscritta ed editoriale delle opere di Sulpicio Severo*, *Orpheus NS* 4, 1983, 413—426.

тичного человека это намного больше, чем просто внешность. Крупнее его фигура Венанция Фортуната († ок. 600 г. в Пуатье; см. ниже стр. 1440), поэта родом из Италии, последнего мастера античной латинской поэзии и раннего автора церковных гимнов.

Проза достойно представлена Сальвианом Массилийским, чье произведение *De gubernatione Dei* (между 429 и 451 гг.) в лучших античных традициях противопоставляет наследие Римской Империи варварам с их нравственным превосходством. Друживший с Сидонием ритор Клавдиан Мамерт († ок. 474 г.), как вьеннский пресвитер пишет *De statu animae*, влиятельнейший философский труд в промежутке между Августином и Боэцием. Он отстаивает в полемике с Фавстом Риезским непространственную, количественно неопределимую сущность души. Его неоплатонизм оказывает влияние на средневековье, а кроме того — на Декарта. В письме ритору Сапавду Мамерт выступает против падения образованности и призывает к классическим занятиям. Неудержимое развитие языка в романские диалекты документируется, с другой стороны, поваренной книгой Антима (ок. 520 г.). Упадок метрики можно наблюдать по стихам короля Хильперика († 584 г.). В своей фактологически ценной *Истории франков* епископ Григорий Турский († 593 г.) еще кокетничает по поводу неспособности отличить средний род существительного от мужского и употребить предлог с нужным падежом; его продолжатель — известный нам как Фредегар — стоит в этом отношении уже по другую сторону добра и зла.

Ирландия и Англия. Этим провинциям принадлежит будущее; плодотворная миссия ирландских и англосаксонских монахов и Каролингское возрождение лежат за пределами нашего труда.

Меценатство. Закат римской литературы со времен Адриана вовсе не обусловлен исключительно убыванием творческих сил. Причины этого явления многообразны. В рассматриваемую эпоху лица, учреждения и общественные слои, благоприятствующие или же препятствующие литературным трудам, — это цезарь, сенат, школа, церковь, юристы.

Человеческие жертвы, которых требуют гражданские войны и сумасбродство цезарей, в I в. не привели литературу к опустошению, поскольку писатели из высших слоев могли ве-

сти независимый образ жизни, к тому же были частные меценаты — мы знаем это по судьбе Марциала и Стация.

Плиний Младший — не только сам писатель, он оказывает покровительство поэтам и прозаикам из своего окружения, деятельно поддерживая их. Тип честолюбивого италийского сенатора, который вынес из своего родного городка неистребимое желание обессмертить благодеяниями собственное имя, а также обладает достаточным вкусом, чтобы не расточать их понапрасну, — решающая опора литературы. Появляются сенаторы из других мест — меняется и круг тех, кому оказывается поддержка. Для эллинофильствующих цезарей и сенаторов, которые сплошь и рядом выходцы с грекоязычного Востока, а часто просто повинуются моде, латинская литература не в цене. Фронтон покровительствует пишущему по-гречески историку Аппиану — римскому всаднику. Сенаторы, излагающие римскую историю на своем родном греческом языке — Арриан (II в.) и Кассий Дион (III в.).

При этом пытаются сохранить то, что есть: цезари строят библиотеки; Адриан основывает в Риме Атеней, первую государственную высшую школу (Aug. Vict. *Caes.* 14, 2); энергичные грамматики¹ занимаются языковыми штудиями, архаисты² — хорошей старой латынью. Перейдя к обороне и не думая больше о завоеваниях, латинская литература старается сохранить и культивировать свои проверенные достижения, в надежде вернуть себе молодость, припав к источникам своего детства. Живет и развивается только одна отрасль современной литературы: с усовершенствованием административной системы начинается расцвет юридического творчества — это единственные «классики», которыми может похвастаться эпоха от Адриана до Александра Севера³. Здесь — буквально в послед-

1. Кв. Теренций Скавр (советник Адриана по вопросам грамматики), Великий Лонг (использует Скавра; его цитирует Геллий, то есть, он также автор эпохи Адриана), Г. Сульпиций Аполлинарий (из Карфагена, учитель Геллия), Эмилий Аспр (возможно, конец II в., автор важных комментариев к Теренцию, Саллюстию и Вергилию; его используют позднее Донат и Сервий), Гелений Акрон (комментатор, жил позднее, чем Геллий), Порфирион (автор школьного комментария Горация; II—III вв., после Апулея и до Юлия Романа, которого со своей стороны ок. 362 г. использует Харисий).

2. Фронтон, Геллий, Апулей.

3. П. Ювенций Цельс сын (консул вторично в 129 г.), Сальвий Юлиан (из Африки, жил при Адриане), С. Помпоний (при Адриане), Волузий Мециан (при Антонине Пии), Гай (при Пии и Марке Аврелии), Цервдий Сцево-

нюю минуту — происходит нечто типичное для Рима: латынь юристов, в отличие от некоторых продуктов «изящной» словесности, производит благоприятное впечатление своей ясностью и точностью. Наконец римское право обретает позднеклассическое совершенство; насильственная смерть одного из его главных представителей, Ульпиана (вероятно, уже в 223 году, а не в 228-м), от рук подчиненных ему гвардейцев означает конец культурной эпохи.

От Адриана до Александра Севера самый расцвет юридической литературы показывает, какое решающее значение может иметь покровительство цезаря для бытия или небытия литературы. Когда Ювенал сказал, что только великодушное вмешательство цезаря может спасти римскую литературу, он оказался пророком. К сожалению, его голос замер, так и не будучи услышан.

В III в. сенат теряет свое влияние, а у постоянно сменяющих друг друга на престоле императоров нет досуга для покровительства культуре. Чрезмерное отягощение горожан податями и угасание гражданского чувства, этим обусловленное, неблагоприятно сказывается и на частном меценатстве. В это время римская литература — со всей своей политичностью и сейсмографической точностью, регистрирующей малейшие изменения в обществе, — кажется, умолкает почти на полстолетия (235—284 гг.)¹. Труды Киприана, чья мысль затрагивает проблематику новой общности, церкви, — одно из замечательных, пролагающих путь в будущее исключений. Еще ярче светит в этот темный час Римской Империи светоч греческой философии: в Александрии учит глубокомысленный Ориген († самое позднее в 253 г.), в Риме — возвышенный Плотин († 270 г. в Минтурнах). Христианин и язычник, в наше время они кажутся братьями. В переломную эпоху они куют духовное оружие для потомков.

Даже и теперь есть императоры, которые сознают свои культурные задачи. Цезарь Галиен дает возможность беспрепят-

ла (при Марке Аврелии), Эмилий Папиниан (вероятно, самый знаменитый юрист при Септимию и Каракалле, казнен при последнем), Домиций Ульпиан из Тира (при Александре Севере, убит преторианцами), Юлий Павел (при Александре Севере).

1. Назовем Цензорина, *De die natali* (238 г.), исследование о счислении времени, Солина (вероятно, ок. 250 г.), буколического поэта Немезиана (к концу рассматриваемого периода).

ственно работать философу Плотину, а у цезаря Тацита есть заслуги в распространении произведений его тезки. Оба монарха, как видно, выказали неплохой вкус, чем бы это ни было обусловлено.

Новая консолидация Империи при Диоклетиане и Константине приводит к оживлению литературы: как и следует ожидать во времена Реставрации, в классицистической форме — признак того, что литература развивается не только в силу собственных имманентных законов. Цезари покровительствуют латинскому языку, несмотря на решение в пользу восточной столицы. Это не только язык солдат и юристов, но и элемент государственной и духовной идентичности и преемственности. Юлиан, который пишет по-гречески, «отступник» в трех отношениях: религиозном, философском и языковом.

Энергичные грамматики и риторы заботятся о непрерывности хорошей школьной традиции, делающей возможной передачу культурных ценностей от поколения к поколению. Постепенно появляется новая аристократия — аристократия образованности; члены римского сената, у которых больше нет политического влияния, споспешествуют выходу в свет достоверных изданий, сохраняя тем самым латинскую литературу; в этом отношении бессилие Рима имеет благоприятные последствия. Из аристократических кругов выходит такой оратор, как Симмах. Это аудитория исторического труда Аммиана.

Христианская литература и философские переводы переживают мощный взлет. Христианский гуманизм, например иеронимовский, и платонизм Августина — высшие точки этого процесса. При Феодосии двойное возрождение переживает поэзия: это Клавдиан, который еще раз дает просиять древности во всей ее пластической красоте, и Пруденций, употребляющий старые стихотворные формы как оболочку для нового, христианского содержания.

Школа и церковь. Латинская литература сохранилась — отвлекаясь от вмешательства то императоров, то сената — благодаря потребностям школы и церкви и культивирования определенных литературных форм.

Прочность античной школы велика; она в конечном счете устояла перед христианством, и последнее восприняло ее как нечто само собою разумеющееся: ведущий представитель уче-

ного латинского монашества — Иероним — ученик грамматика Доната.

В то время как римская литература республиканского и императорского времени связана с *res publica*, сенатом и всадническим сословием и вынуждена умолкнуть в эпоху катастрофы старого общества и его системы ценностей, в недрах африканской церкви возникает новая латинская литература. Место политической общности занимает духовная. Отсюда неслыханное ощущение свободы у Тертуллиана. Для литературы рассматриваемого периода церковь сначала играет революционную, в конце — охранительную роль.

После Константина церковь все больше подчиняет себе литературу. Расцвет церкви и латинского языка под властью христианских императоров дает мощный импульс христианским латинским писателям. Творец задавшего тон перевода Библии, Иероним, — классически образованный ученый, секретарь папы, монах и знаток гебраистики, — стоит в точке пересечения всех силовых линий эпохи (за исключением философии).

После заката Западной Империи только юристы сохранили некоторую независимость от церкви; следы этого факта дают о себе знать вплоть до позднего средневековья.

ЛАТИНСКАЯ И ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Примерно три столетия латинская словесность играла ведущую роль: великим авторам от Плавта до Тацита современная греческая литература практически не могла противопоставить равноценные имена. Со времени Адриана положение меняется. Теперь латинские писатели первого ранга — такие как Тертуллиан и Апулей — приобретают достоинство редкости. Для поэзии век философии и без того неблагоприятен. На греческой стороне появляется наряду с учеными — врач Гален Пергамский († 199 г.), астроном Птолемей Александрийский (при Антонине Пии и Марке Аврелии), гносеологический критик Секст Эмпирик († ок. 200 г.), периегет Павсаний († ок. 180 г.) — множество знаменитых имен. Среди них оратор Элий Аристид († ок. 187 г.), историки Арриан (*consul suffectus* в 130 г., † после 170 г.) и Аппиан (всадник и прокуратор при Марке Аврелии, † после 165 г.), а также по меньшей мере два писателя, принадлежащие ко всемирной литературе: Плутарх († после 120 г.) и Лукиан († после 180 г.). В третьем веке латинская сло-

весность почти полностью умолкает, а греческая — называя только два имени — дает в лице Оригена одного из виднейших богословов, а в лице Плотина — философа первого ранга.

Для того положения, когда невозможно было не принимать в расчет возросший духовный и хозяйственный вес грекоязычного Востока, симптоматичными являются эллинофильские увлечения цезаря Адриана — безусловно, это не только личный каприз великого организатора. Разве уже Цезарь не думал о перемещении столицы на Восток? Диоклетиан выберет Никомедию, Константин — расположенный недалеко Византий. Приток в Рим выходцев из Греции и с Востока, на который жаловался уже Ювенал, не ослабевает во II столетии. Он отражает реальное соотношение сил в сфере экономики и культуры, и Адриан — достаточно тонкий политик, чтобы возглавить этот процесс.

Мировая культура становится полностью двуязычной. Последствия для римской литературы не замедлили сказаться: на Востоке «латинизация» ограничивается распространением латыни как языка администрации, чьему развитию спешествует император созданием школ римского права¹ и честолюбивым культивированием латинской речи как тепличного цветка; на Западе, и прежде всего в космополитическом Риме, многие образованные предпочитают жесткой тоге удобный паллий и избавляют себя — прежде всего занимаясь излюбленными в тот период философскими темами — от работы над стилистически трудоемкой латынью. Марк Аврелий — к вящему огорчению своего верного учителя риторики, африканского латиниста Фронтон — все больше становится философом на императорском троне и записывает по-гречески свои самые интимные мысли.

С победой философии над риторикой игра латинского языка, развивавшегося как язык публичных выступлений, была проиграна. Публичность в старом смысле слова и без того исчезла; замирение второго века для нее так же мало полезно, как хаос третьего. И новое греческое ораторское искусство нанесло латыни смертельный удар на ее собственном поле. С такими виртуозами слова больше не может конкурировать знат-

1. Кроме Рима (где работали классики) и Карфагена следует назвать Александрию, Цезарею, Антиохию, Афины и прежде всего Берит (особый расцвет в IV в.); в 425 г. к ним прибавляется Константинополь.

ный дилетант. Похвала Риму раздается сейчас на греческом языке. Только в областях, где латинский отпечаток был всего сильнее, — например, в Карфагене — современный риторический стиль смог сложиться и на языке римлян: таков случай Апулея. Он и Тертуллиан, два величайших латиноязычных писателя своего времени, как и следовало ожидать, владеют обоими языками; их тема — в соответствии с духом времени — философия или же религия. И без того понятно, что поэзия в философский век находится при смерти. Изящная поэма *Per vigiliam Veneris* — впрочем, ее датировка ненадежна — относится к числу исключений, подтверждающих правило. Латынь, кажется, обречена на узкое поприще в рамках школы, армии и юриспруденции.

При Константине она вновь усиливается — пишущий по-гречески цезарь Юлиан представляет собой исключение. В послеконстантиновскую эпоху появляется латиноязычная литература, которой уже невозможно пренебречь: это творчество отчасти сенаторов западной столицы, отчасти — людей из церковного круга, отчасти — солдат или поэтов-выходцев с Востока. Двуязычие переживает упадок, и появляется необходимость сделать для Запада доступной греческую мысль на латыни, что обогащает философскую литературу на языке римлян.

Иероним, Августин, Пруденций, Клавдиан, Аммиан знаменуют новый взлет латинской словесности, достигший своей высшей точки при Феодосии Великом (379—395 гг.) и его преемниках. Речь идет не о посмертном расцвете, обращенном в прошлое, но о настоящем возрождении: Иероним и Августин относятся к виднейшим латиноязычным писателям. Иероним переносит латынь на Восток — в Вифлеем. В конце IV в. даже греки — как Аммиан и Клавдиан — пишут на латыни: вот доказательство высокого престижа этого языка. Римская сенатская аристократия, совершенно лишенная политического влияния, отдает свои силы делу сохранения латинской литературы.

И наконец, кратким, но плодотворным оказывается малое возрождение в эпоху Юстиниана с фигурами Боэция¹ и Кассиодора в Италии и грамматика Присциана, который работает в Константинополе. Вместе с юстиниановой кодификаци-

1. Теодорих поступил с Боэцием не лучше, чем Калигула и Нерон с Сенекой.

ей источников права их деятельность закладывает фундамент школьного образования, права и философской мысли средневековья.

ЖАНРЫ

Жанры меняются; возникают новые точки пересечения между ними, обусловленные иным положением авторов и конкретной аудитории: императорский двор, аристократия, школа и церковь.

Благодаря императорской инициативе *римское право* обретает свою окончательную форму. Двор государя споспешествует также появлению *панегириков* в прозе, а затем и в эпической форме.

Влияние школы и церкви изменяет *историографию*: краткие абрисы и обзоры предназначены для молодежи и — в качестве ускоренного курса — для делающих карьеру. Римское линейное понимание исторического развития только теперь — в необычайно плодотворном сочетании с библейской закваской — становится последовательной и разработанной историософией и достигает своей вершины в трактате Августина *De civitate Dei*. Позднее большинство историков — духовные лица. Часто они довольствуются общим абрисом или сборником примеров. Экссуперанций делает эксцерпты из Саллюстия, Юлий Парис — из Валерия Максима, Кассиодор обращается к Евсевию. Фульгенций пишет 14 книг *De aetatibus mundi*. Что касается язычников, то семь книг *Historia Romana* Симмаха утрачены. Единственный чистокровный историк, Аммиан Марцеллин, — не сенатор и бывший солдат — пишет в этом качестве для римской сенатской аристократии.

Политическая ситуация и читательская потребность в развлекательной литературе приводят к тому, что историографические труды на латинском языке вытесняются биографиями цезарей; достаточно вспомнить Мариа Максима, *Historia Augusta* и Аврелия Виктора. Вкус широкой публики к жизнеописаниям используют и церковные авторы, тем более что главные для христианской религии темы — обращение и мученичество — прямо-таки напрашиваются на биографическую обработку. Христианская биография развивается из скромных источников — деяний мучеников — и достигает значительной высоты. Так, Понтий описывает жизнь Киприана, Паулин Ме-

диоланский — Амвросия, Поссидий — Августина, Евгиппий сочиняет жизнеописание Северина, Сульпиций Север — *Житие св. Мартина*.

Мы дорого дали бы за то, чтобы прочесть *автобиографию* такого императора, как Адриан или Септимий Север. Смешанная новаторская форма — психологическая автобиография с философской и экзегетической подкладкой, которую создал Августин, продолжая наброски Апулея, в своих *Confessiones*. Римский вкус к психологии, к индивидуальности, к личному опыту производит на свет новый жанр — психологическую автобиографию.

Жизнеописание близко к *роману*: наряду с языческими романами — от стилистически совершенных *Метаморфоз* Апулея до фольклорной *Historia Apollonii regis Tyri*, *романов о Трое* Диктиса и Дарета и *романов об Александре* — есть и христианские, имеющие целью развлечение и поучение¹.

Форму *философского диалога* христианизует уже Минуций Феликс: в отличие от Цицерона, у которого в философских произведениях каждому участнику позволено остаться при своем мнении, у Минуция в конце истина христианства убеждает язычника.

Дидактика и судебная речь сочетаются в *апологетике*, адресованной нехристианам, — жанре, который достигает своей вершины и одновременно конечной точки в *De civitate Dei* Августина; позднее речь идет лишь о том, чтобы обращать необразованных язычников, и, к сожалению, это осуществляется не всегда только словами.

Уже у Тертуллиана — самого раннего из латинских христианских писателей первого ранга — обильно представлен другой, менее обусловленный временем тип *полемической* литературы: сочинения против иудеев и инаковерующих христиан. Внутрихристианская борьба направлений усиливается после константиновского поворота, причем политика также играет в этом свою роль: у ариан много приверженцев в Германии, у монофизитов — в Сирии и Египте, у донатистов — в Африке. Эти иногда весьма агрессивные тексты написаны в смешанной форме дидактики и инвективы.

1. Так, *Деяния Павла и Феклы* (в составе апокрифических *Деяний апостолов*) напоминают «целомудренный любовный роман»; анонимный роман о странствиях Петра Руфин переводит в IV в. с греческого на латынь. Иероним — мастер агиографической новеллистики.

Потребности церкви способствуют появлению все большего числа *истолкований* Библии и *комментариев* к ней.

Точка пересечения речи и экзегезы — христианская *проповедь*; ее отделка может быть — в зависимости от автора и аудитории — искусной или подчеркнуто простонародной.

Форму нравственного *письма*, на которую наложил решающий отпечаток Сенека, перенимает и расширяет Иероним. Его письма служат целям поучения, но они содержат также некрологи и богословскую доктрину, так что жанровые границы становятся текучими и затрагивают сферу дидактики. Такие письма задуманы для широкого круга читателей.

Традиционный тип Плиниева сборника писем — с частными и политическими акцентами — естественно, широко используется и язычниками, и христианами. Время способствует такого рода писательству.

Школа продолжает традицию античной *грамматики* — включая истолкование авторов — и *риторики*. Значительные достижения можно найти в IV веке: достаточно упомянуть учителя Иеронима Элия Доната — его имя позднее станет символом грамматики — и Мария Викторина, сведущего комментатора и переводчика важных языческих и христианских текстов. Углубляющийся разрыв обеих частей Империи делает необходимыми *переводы* греческой литературы.

Римское пристрастие к *энциклопедиям* и дидактике отражается в традиционных и новых (например, Марциан Капелла) литературных формах, которые передают сокровищницу античных знаний средневековью.

Поэзия — если мы не будем учитывать бравого Авзония — достигает своей прежней высоты только в эпоху поздней Империи. Национальный латинский *эпос* умолкает для нас после Силия Италика. Потом остаются только панегирические или инвективные стихи Клавдиана и Кориппа. По форме и содержанию эти эпические произведения тесно связаны с жизнью императорского двора. Риторизация зашла в них так далеко, что остается только один шаг до чистой аллегии у Пруденция. Мифологическая эпика для нас — если не считать такого произведения высокого уровня, как *Alcestis Barcinonensis*, и аналогичных экзерциций у Драконция — прежде всего представлена *De raptu Proserpinae* Клавдиана. Это мифологическое и космологическое произведение сочетает прекрасную форму с различными традициями эпоса и дидактической поэзии.

С церковной средой (правда, не напрямую с литургией) связано возникновение *эпикки на библейские сюжеты*; на этом поприще выделяется Седулий. Поэтические достижения Пруденция полностью индивидуальны: он христианизует практически все жанры, среди которых и *дидактический эпос*. При этом полностью аллегорическая *Психомахия* — последовательное воплощение тенденций римской поэзии и изобразительного искусства. Это одновременно и действенный исходный пункт поэзии и искусства Средних веков.

Врожденная склонность римлян к дидактике усиливается благодаря тому, что духовная жизнь все больше входит в школьные и церковные рамки. Пример — *Carmen de figuris*, произведение, которое — в традиции эллинизма — обрабатывает непоэтический материал в поэтической форме. Более приятное впечатление производят загадки Симфосия. Дидактические элементы можно найти и в других жанрах: достаточно вспомнить об этнографических вставках Клавдиана, Кориппа, Сидония или о малых естественнонаучных стихотворениях у Клавдиана и Сидония.

Время неблагоприятно для *идиллии*: отметить можно только Немезиана; Энделехий пишет христианскую эклогу в асклеиадовых стихах. *Сатира* проявляется в других жанрах: в инвективах Клавдиана, экскурсах о Риме Аммиана Марцелина и не в последнюю очередь в прозе Арнобия и Иеронима — Отцов Церкви, в которых погибли прирожденные сатирики.

Антология содержит и написанное гекзаметрами *Послание Дидоны Энею* (№ 83 RIESE = 71 SHACKLETON BAILEY).

Элегический размер теряет связь с ясно очерченным жанром. Он становится оболочкой для первопроходческого стихотворения Лактанция *De Phoenice* — первого образчика христианской поэзии. Рутилий Намациан в элегическом стихотворении *De reditu suo* включает в описание путешествия похвалу Риму. *Любовную элегию* Максимиан представляет весьма скромно. Элегическим размером, не вполне подходящим к содержанию, Авиан латинизирует *басни* Бабрия. Позднее этим метром будут писать даже «комедии».

Эпиграммой занимаются до последнего момента, ее пишут и лирическими размерами.

Драма, опустившаяся до уровня мима и шоу-бизнеса, более не имеет литературного значения; нетрудно понять недове-

рие христиан к театру. У Плавта обнаруживаются подражатели значительно позднее, в так называемых комедиях, где поражает не только элегический стих.

Совершенно новый импульс лирика получает через христианскую *гимнографию*, завоевавшую для латинской поэзии неизведанное прежде поприще акцентуированных размеров. При этом есть и христианская поэзия в традиционных формах. Пруденций, наряду с Катуллом и Горацием, — третий великий римский лирик.

*Эпиталамий*¹ воспринимается как пережиток языческого прошлого.

От смешанных форм, таких как акцентуированный гекзаметр (например, Коммодиан — III или скорее V в.), не удовлетворяющих ни классическим, ни средневековым меркам, откажутся весьма скоро.

ЯЗЫК И СТИЛЬ

Мировая культура двуязычна: Ювенал жалуется, что Рим стал греческим городом. Цезарь Адриан своим эллинофильством — значимым и в политическом отношении — легализует этот путь развития. Утрачивая позиции как язык изящной словесности, латынь ищет источники обновления, обращаясь иногда к прежним этапам своего развития, иногда к изоощренной риторизации.

Но прежде всего новые импульсы ей дают философия и христианство. На серьезный философский вызов латынь отвечает медленно, но основательно. Продолав путь от Апулея через Тертуллиана и Мария Викторина к Августину и Боэцию, латинский язык стал точным инструментом и в этой области, которая еще во II в. кажется поприщем греков. Постепенное овладение миром отвлеченных понятий связано с необходимостью обсуждать на родном языке философские и догматические темы — независимо от того, идет ли речь о дилетантах или образованных людях, которые недостаточно владеют греческим (в позднюю эпоху таких становится все больше).

Нужно несколько подробнее остановиться на «христиан-

1. Христианское исключение: Паулин из Нолы. Напротив, традиция Стация оживает у Драконция, Сидония, Луксурия, Патриция.

ской латыни»; она обогащает язык, хотя часто и косвенно, из нового источника — семитского. Сначала церковь, возникшая на востоке Империи, употребляет общераспространенный греческий (*κοινή*) — даже и в Риме. Как и на первом этапе развития римской литературы, греческий имеет приоритет перед латинским языком. Еще раз латынь питается из чужих запасов: ранние переводчики Библии и проповедники, отчасти ориентируясь на говорящих по-латыни иудеев, начали формировать христианский язык. Проблема перевода Библии — новшество для латинской литературы. Перевод был ее жизненной стихией с самого начала, но чаще всего в виде свободной художественной переработки. Документальная верность вообще была свойственна римлянам в повседневной жизни, но никогда в ней не было потребности для литературных текстов такого масштаба. Тесная, дословная связь со священным оригиналом создает новую ситуацию. Даже на синтаксис влияет язык последнего¹ — будь то текст греческий или еврейский, хотя это редко обходится без тыловой подстраховки в собственном языке. Но если взглянуть в целом, структура литературного языка меняется не в той же степени, что и словарь. Гебраизмы, грецизмы, кальки появляются по принципу дословности. Получив санкцию от Евангелия с его авторитетом, часть из них вторично проникает в литературный язык, а иногда позднее — и в язык народный.

Два примера еврейского влияния: два основных значения глагола *confiteri* — «сознаваться в грехах» и «исповедовать веру» — коренятся в античном словоупотреблении; из них развиваются христианские термины — непереходный глагол *confiteri* «исповедоваться» и *confessio* «могила мученика». Чистый гебраизм — употребление *confiteri* в смысле «восхвалять»²; он носит искусственный характер и никак не отражается в романских языках; однако это необходимо знать, чтобы полностью понять, например, заглавие труда Августина *Confessiones*. Гебраизм, который оказал сильное влияние, — *parabola*, использовавшийся в *Сентуагинте* и *Вульгате* для перевода еврейского *mâshâl*. В своем значении «притчи» или «пословицы» оно мо-

1. Напр., *Vivit Dominus, quia...* <*non veniet tibi quicquam mali propter hanc rem*> («Жив Господь! <не будет тебе беды за это дело>» 1 *Sam.* 28, 10); соответственно немецкий перевод: «So wahr Gott lebt»; английский: «The Lord liveth that...», испанский: «Vive Dios que...».

2. Напр., *Matth.* 11, 25; *Ps.* 144, 10, через посредство греческого ἐξομολογεῖσθαι.

жет иногда восприниматься как синоним «слова»¹. Так возникают франц. *parole*, ит. *parola*, исп. *palabra*.

Можно было бы ожидать, что с наступлением христианства пробил час народного языка. Общины, говорящие по-латыни, возникают прежде всего на севере Африки. Языковая простота ранних латинских свидетельств, как, например, *Деяний Сицилиитанских мучеников* (ок. 180 г.)², имеет, конечно, социальные причины, но есть и религиозные. Безыскусная речь Евангелий, контрастирующая с риторическими украшениями языческой культуры, ведет и к определенному освежению языка (хотя неискоренимая риторика вскоре сказывается и здесь).

Вульгаризмы принимаются прежде всего через проповедь, которая, если хочет дойти до сердца простолюдина, должна приспособиться к его языку³. Но доступная наглядность и риторическая стилизация вовсе не исключают друг друга⁴. Так, проповеди Отцов Церкви не являются надежными свидетельствами народного языка. Конечно, безыскусность Евангелия обязывает тех, кто его исповедует; однако эта простая мысль от поколения к поколению выражается во все более изощренных периодах — ведь убеждать нужно и образованного читателя⁵. И христианская проповедь продолжает традиции греко-римской риторики.

К элементам, которые можно воспринимать как угодно, но только не как простонародные, относятся и многочисленные неологизмы. Они возникают в связи с распространением богословских споров, которые невозможно было вести, не прибегая к отвлеченным понятиям. Уже в работах самого раннего из латинских церковных авторов первого ранга Тертуллиана рябит в глазах от *abstracta*. И когда весь мир начал спор о догматах, такие слова стали жизненно необходимы даже для дилетантов. Можно относиться к этому по-разному, но для языка это начало новой эпохи.

1. Напр., *Hiob* 27, 1; 29, 1; *Jes.* 14, 4.

2. О следах литературной обработки в этих *Acta*: Н. А. GÄRTNER, *Die Acta Scyllitanorum in literarischer Interpretation*, WS 102, 1989, 149–167.

3. Aug. in *Ps.* 36, *serm.* 3, 6 *Melius in barbarismo nostro vos intellegitis, quam in nostra disertitudine vos deserti eritis*, «лучше, чтобы вы поняли нас с нашим варваризмом, чем украсить нашу речь и украсть у вас истину».

4. Ср. реплику в предыдущем примечании и, например, анафоры и параллелизмы Aug. *serm.* 301, 7, 6 (PL 38, 1383) или *serm.* 199, 2, 3 (PL 38, 1028). Уже у апостола Павла обнаружили элементы диатрибы.

5. Оговорки для этого круга читателей у Lact. *inst.* 5, 1, 15.

С культурно-исторической точки зрения особенно привлекает внимание христианское развитие того процесса, который проявился уже в словаре язычников: *orare* («молиться») — не народное, а торжественно-архаическое слово. Оно сравнительно рано закрепилось в этом качестве и встречалось по преимуществу в формулах; теперь оно вновь оживает. Тот факт, что Сенека употреблял его для молитвы богам, подготавливает христианский узус¹. Библейское противопоставление духа и плоти (*spiritus* и *caro*; например, *Gal.* 5, 17) предвосхищается тем же стойком Сенекой, который противопоставляет друг другу *animus* и *caro*².

Христианское использование слова *captivus*, *пленный*, в переносном смысле «пленник своих страстей», в романских языках развившееся в «убогий» (франц. *chétif*) и «плохой» (ит. *cattivo*), также подготовлено у Сенеки (*dial.* 5, 4, 4 *captus*)³.

Наряду со стоическими источниками христианского узуса действуют и древнеримские. Это справедливо прежде всего для противопоставления собственного народа (*populus*) и чужих (*gentes*)⁴. С первых латинских Отцов Церкви это сугубо римское противопоставление переносится на различие между церковью («народ Божий») и язычниками (евр. *Gojot*).

Позднейшее обозначение нехристианина как *paganus* восходит предположительно к обычаю противопоставлять гражданское лицо (*paganus*) воину (зд. *miles Christi*)⁵. В данном случае также легко уловить развитие римских представлений.

Возник ли таким образом новый, собственный язык?⁶ Или авторы всего-навсего старались соответствовать конкретному окружению? Распространение и победа христианства, безусловно, принесли с собой новые выразительные формы, и раннехристианская эпоха — один из важнейших этапов развития латинского языка. Но коренится литературный язык церк-

1. E. LÖFSTEDT, *Peregrinatio Aetherae*, Uppsala 1911, 39—43.

2. *Sen. epist.* 65, 22; 74, 16; *dial.* 6 (= *cons. Marc.*), 24, 5; ср. W. von WARTBURG, рецензия на G. Devoto, *Storia della lingua di Roma*, Bologna 1940, ZRPh 61, 1941, особенно 146.

3. LÖFSTEDT, *Late Latin* 73, прим. 2.

4. Напр., *Cic. de orat.* 2, 76.

5. Напр., *Tac. hist.* 1, 53; «гражданское лицо» еще у Тертуллиана *fall.* 4, 8; *cor.* 11, 5; другое значение: «сельский, непросвещенный» (*Oros. prol.* 9; *Pers. prol.* 6; *Plin. epist.* 7, 25, 5 сл.).

6. Так считает MOHRMANN (см. библиографию); осторожнее LÖFSTEDT, *Late Latin* 68—87.

ви глубоко в древности, подобно тому как невозвратный поворот к средневековому искусству осуществлялся уже в античности¹.

Христианство не порождает в мгновение ока новый язык или новое искусство. Уже для того, чтобы тебя поняли, необходимо пользоваться наличными выразительными средствами; это обстоятельство косвенно проясняет роль посредника между античностью и средневековьем, которую суждено было сыграть Риму.

ОБРАЗ МЫСЛЕЙ I ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

У Макробия мы обнаруживаем понимание *Энеиды*, примыкающее к античной традиции истолкования Гомера. Вергилия он сравнивает с природой, порождающей все². С одной стороны, это показатель устойчивости античной школы в ее связи с авторитетом поэтических текстов — они служат открытию мира. С другой стороны, будущее именно за этой высокой оценкой человеческого творчества.

Античное и христианское понимание текстов сталкиваются друг с другом. В некоторых пунктах можно утешаться тем, что античная образованность одержала победу в этой борьбе. Прежде всего поражает упорство, с каким держится за жизнь античная школа. Грамматика и риторика культивируют и сообщают через нее то понимание литературы, которое можно считать общим достоянием образованных людей. Только изредка в этой области христианство выказывает радикально враждебное отношение к культуре; по большей части его авторы открыты для влияния языческой образованности.

Иероним, конечно, будет стараться доказать, что Библия дает образцы всех литературных жанров и может тем самым заменить все книги. Однако для классической литературы здесь больше угрозы на словах, чем на деле; как раз эти размышления искусного переводчика свидетельствуют о тонком чувстве

1. B. SCHWEITZER, Die spätantiken Grundlagen der mittelalterlichen Kunst, Leipzig 1949, 17; кроме того, E. DINKLER, Gnomon 22, 1950, 412 сл.

2. LIEBERG, *Poeta creator*; опыт человеческого творчества не чужд римским поэтам (ср. *Ov. met.* 6, 1—145), но пристальное внимание философов привлекает только начиная с неоплатоников.

стиля, а также о том, что и при чтении сакральных текстов потребность в красоте не может исчезнуть.

Христиане «пользуются» языческими литературными жанрами и делают из них нечто новое: творческие попытки христианизировать различные *genera* приводят, например, к возникновению эпической поэзии на библейские сюжеты и к систематическому обращению к многочисленным текстовым разновидностям в творчестве Пруденция.

Едва ли не важнее всего этого — герменевтический посыл: категории греческого литературоведения прилагаются к тексту Библии. Воспринимая Ветхий Завет, следуют принципам античной гомеровской экзегезы; в Александрии иудей Филон и многие христиане вплоть до Оригена сделали их плодотворными для истолкования Библии.

Больше всего последствий проистекло из «обращения» («продуктивной») риторики к целям («рецептивной») герменевтики под знаком христианства, которое — будучи религией, основанной на Писании, — смогло сделать истолкование текста моделью миропонимания. Это — достижение Августина в *De magistro* и *De doctrina christiana*.

ОБРАЗ МЫСЛЕЙ II

К началу второго столетия осуществляется духовный переворот. Пусть Домициан — в который уже раз — изгнал философов из Города, светская мудрость со времен Нервы и Траяна получает доступ ко двору, что проявляется, например, в ссылке и возвращении Диона из Прусы — она даже превращается в одну из опор государства. (Можно вспомнить о Константине, который после провала диоклетиановских преследований решил возглавить ту силу, за которой — будущее.) Философия входит в моду. Со времен Адриана носят философские бородки¹. Образ римлянина изменился даже внешне. Цезарям нравится, когда к ним обращаются как к «философам». Адриан идет на то, что дает свободу от повинностей учителям мудрости (правда, эта мера была отменена уже при Антонине Пии). Духовная революция сверху предвещает век разума, мудрости и умеренности. При этом становится бессмысленной стоиче-

1. Теперь см. P. ZANKER, *The Mask of Sokrates. The Image of the Intellectual in Antiquity*, Berkeley 1995, особенно 198–266.

ская оппозиция и вместе с тем сенаторская историография в стиле Тацита: этот ветер дует уже в другие паруса. Осуществилась ли мечта Сенеки об идеальном правителе стоического чекана? Но его попытка запечатлеть в латинских словах внутреннее содержание философской мысли, кажется, пока еще осталась без продолжателей.

Философический дух времени открывает новые пути христианскому благовествованию: христианство представляет себя как особый вид философии (Терт. *apol.* 46). Точки соприкосновения — некоторые представления естественной теологии (такие как монотеизм) и этики. Кроме того — идея обращения, пафос истины, серьезное отношение к миссии поддерживать общественную нравственность, мужество в сопротивлении, исходящее из внутренней свободы, презрение к смерти и готовность к мученичеству (так, христиане могут сказать «да» фигуре Сократа). Становится возможным сделать христианство близким для образованных слоев, представив его завершением античной философии. Сначала на первом плане оказывается Стоя, затем — неоплатонизм.

Диалог с языческой философией оказывает обратное влияние на то, чем конкретно наполняется вера в содержательном отношении. Нельзя говорить отдельно о позднеантичной и раннехристианской философии. Богословие все больше овладевает инструментарием, изготовленным философской мыслью: ранний пример — учение о Логосе, в котором — самое позднее с Филона — сочетаются традиции иудейской премудрости и греческой философии. При посредстве христианства мысль о Логосе становится точкой соприкосновения старого и нового: неслыханное утверждение пролога к Евангелию от Иоанна, что творящий божественный Логос воплотился в Иисусе Христе, делает возможным шаг от прежней философии естественного творения к новой историософии. Теперь, когда завоевана ранее неведомая сфера, откуда можно созерцать, воспринять и наполнить новым смыслом две традиции — античную и ветхозаветную, может появиться философия истории большого стиля.

Латинская литература эпохи средней и поздней Империи заново открывает для себя иудейско-христианскую традицию. Отныне эта последняя наряду с греческой, питавшей республиканскую литературу, и национальной римской классикой, которой Рим располагает начиная с эпохи Августа, образует

третий духовный источник. Тем самым литература эпохи средней и поздней Империи закладывает фундамент для позднейшей Европы.

В рамках этого процесса римская традиция играет важную, но, к сожалению, часто упускаемую из виду роль, — ведь многие чисто римские черты только теперь могут проявиться вполне.

Юридическая мысль обретает свою окончательную форму.

Это справедливо и для психологии, в которой с особым блеском проявили себя латинские Отцы Церкви. Здесь ключевая позиция принадлежит Сенеке с его практической заботой о душе и функцией посредника в передаче стоической и римской мысли, которая, как представляется, в чем-то предвосхищает христианскую. Не напрасно Тертуллиан говорит: *Seneca saepe noster* («Сенека — часто наш», *ант.* 20, 1). Подчеркнутый психологизм и мысль об обращении у Августина соответствуют практичному и психологичному менталитету римлян. Римский интерес к индивидуальности, к личному опыту производит на свет новый литературный жанр — психологическую автобиографию (*Исповедь* Августина).

Римский вкус к концепциям линейного исторического развития только теперь — в сочетании с библейскими предпосылками — порождает разработанную философию истории (чья вершина — *De civitate Dei* Августина). Вергилиево и Цицероново восприятие истории, сориентированное на римскую мировоззренческую державность, во многом подготавливает христианскую концепцию или дает ориентир для критики; от него неотделимо римское государственничество, во многих отношениях влияющее на самосознание церкви (например, представления о *populus* — христианах, *gentes* — стоящих вне церкви, т. е. язычниках). Для христианских авторов Вергилий и Цицерон — не только литература; они представляют собой духовную силу, они — и как противники, и как предшественники — воспринимаются содержательно и серьезно.

Римская склонность к энциклопедизму и дидактике сказывается на традиционных и новых литературных формах, в которых такие авторы, как Марциан Капелла, передают Средним векам сведения, добытые античностью.

Римская мысль создает противоядие греческому стремлению к чистой созерцательности и поглощению христианства мифологически окрашенным платонизмом или общим син-

кретизмом и предотвращает его победу. Например, в полемике Тертуллиана против гностиков можно увидеть за работой старого и энергичного римского адвоката, со страстью отстаивающего неповторимое значение посюсторонней жизни и исторической действительности. Эта конвергенция римской и иудейской практичности — первенство экзистенциального подхода по отношению к философски-спекулятивному — существенно способствовала тому, что христианство сумело сохраниться в чистоте перед лицом эллинизированного окружения. Ярко выраженное стремление к широкому поприщу, недоверие к избытку эзотерики и вкус к юридическим констатациям — также типично римское наследие западной церковной истории.

Поэтому вторую половину четвертого столетия и начало пятого можно назвать первым Ренессансом. Ретроспективное изучение этой эпохи проливает новый свет на классическую римскую литературу, и это становится ясно, если рассматривать ее освобождающее влияние и способность к возрождению.

M. VON ALBRECHT, *La littérature et la langue latines de l'antiquité tardive*, LEC 50, 1982, 3—11 (с обоснованием хронологического подразделения, используемого в данном труде). изд., *Latin Literature of the Fourth Century*, London 1974. * C. BLÖNNIGEN, *Der griechische Ursprung der jüdisch-hellenistischen Allegorese und ihre Rezeption in der alexandrinischen Patristik*, Frankfurt 1992. * G. W. BOWERSOCK, *Greek Sophists in the Roman Empire*, Oxford 1969. * A. J. BOYLE, изд., *The Imperial Muse*, Bendigo 1990. * P. BROWN, *Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy*, JRS 51, 1961, 1—11. * R. BROWNING, в: CHLL 683—773. * F. BUFFIÈRE, *Les mythes d'Homère et la pensée grecque*, Paris 1956. * H. VON CAMPENHAUSEN, *Lateinische Kirchenväter*, Stuttgart 1960. * *Christianisme et formes littéraires de l'antiquité tardive en Occident*, Entretiens (Fondation Hardt) 23, Vandœuvres-Genève 1977. P. COURCELLE, *Les lettres grecques en Occident de Macrobie à Cassiodore*, Paris 2^e 1948. * A. DEMANDT, *Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284—565 n. Chr.*, München 1989. * S. DÖPP, *Die Blütezeit lateinischer Literatur in der Spätantike (350—430 n. Chr.). Charakteristika einer Epoche*, Philologus 132, 1988, 19—52. * B. EFFE, *Entstehung und Funktion personaler Erzählweisen in der Erzählliteratur der Antike*, Poetica 7, 1975, 135—157. * H. EIBL, *Augustin und die Patristik*, München 1923. * S. FEIN, *Die Beziehung der Kaiser Trajan und Hadrian zu den litterati*, Stuttgart 1995. * J. FONTAINE, *Aspects et problèmes de la prose d'art latine au III^e siècle*, Turin 1968. * J. FONTAINE, *La letteratura latina cristiana*, Bologna 1973 (значительно расш. по

ср. с франц. оригиналом 1970 г.). * J. FONTAINE, Etudes sur la poésie latine tardive d'Ausone à Prudence. Recueil de travaux, Paris 1980. * J. FONTAINE, Naissance de la poésie dans l'Occident chrétien. Esquisse d'une histoire de la poésie latine chrétienne du III^e au VI^e siècle, Paris 1981. * J. FONTAINE, Comment doit-on appliquer la notion de genre littéraire à la littérature latine chrétienne du IV^e siècle?, *Philologus* 132, 1988, 53–73. * H. FUCHS, Der geistige Widerstand gegen Rom in der antiken Welt, Berlin 1938, перепечатка 1964. * H. FUCHS, Augustin und der antike Friedensgedanke. Untersuchungen zum 19. Buch der *Civitas Dei*, Berlin 1926. * M. FUHRMANN, Die lateinische Literatur der Spätantike. Ein literarhistorischer Beitrag zum Kontinuitätsproblem, *A&A* 13, 1967, 56–79. * M. FUHRMANN, Rom in der Spätantike, München 1994. * H. A. GÄRTNER, изд., Kaiserzeit II (= Die römische Literatur in Text und Darstellung 5), Stuttgart 1988 (лит.). * Т. НАСС, The Novel in Antiquity, Oxford 1983. * HARNACK, LG. * P. J. HEATHER, Goths and Romans 332–489, Oxford 1991. * R. HERZOG, Einführung in die lateinische Literatur der Spätantike (блестящая работа), в: HLL 5, 1–44; ср. также HLL 5 passim (лит.). * N. HOLZBERG, Der antike Roman, München 1986. * A. H. M. JONES, The Late Roman Empire, 3 тт., Oxford 1964. * R. KASTER, The Guardians of Language, Berkeley 1988. * W. KIRSCH, Die lateinische Versepiik des 4. Jahrhunderts, Berlin 1989. * LABRIOLLE, LG. * LÖFSTEDT, Late Latin. * R. MARACHE, La critique littéraire de langue latine et le développement du goût archaïsant au II^e siècle de notre ère, Rennes 1952. * H.-I. MARROU, Saint Augustin et la fin de la culture antique, Paris 1958. * J. MARTIN, В. QUINT, изд., Christentum und antike Gesellschaft, Darmstadt 1990 (= WdF 649). * С. МОHRMANN, Die altchristliche Sondersprache in den *Sermones* des hl. Augustin, Amsterdam 1932, 1965 (расш.). * С. МОHRMANN, *Tertium genus*. Les relations judaïsme – antiquité – christianisme, reflétées dans la langue des chrétiens, Turnhout 1971. * С. МОHRMANN, Etudes sur le latin des chrétiens, 4 тт., Roma 1961–1977. * А. МОМИГЛИАНО, Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D., в: А. МОМИГЛИАНО, изд., The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century, Oxford 1963, 79–99. * Th. MOMMSEN, Römische Kaisergeschichte. Nach den Vorlesungs-Mitschriften von S. und P. Hensel 1882/86, изд. В. и А. DEMANDT, München 1992. * P. MONCEAUX, Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne, 7 тт., Paris 1901–1923, перепечатка 1966. * В. NEUSCHÄFER, Origenes als Philologe, Basel 1987. * Т. NISSEN, Historisches Epos und Panegyrikus in der Spätantike, *Hermes* 75, 1940, 298–325. * S. M. OBERHELMAN, Rhetoric and Homiletics in Fourth-Century Christian Literature. Prose Rhythm, Oratorical Style, and Preaching in the Works of Ambrose, Jerome and Augustine, Atlanta 1991. * J. PALM, Rom, Römertum und Imperium in der griechischen Literatur der Kaiserzeit, Lund 1959. * F. PASCHOD, Roma aeterna. Etudes sur le patriotisme romain dans l'Occident latin à l'époque des grandes invasions, Rome 1967. * В. P. REARDON, The Second Sophistic, в: W. TREADGOLD, изд., Renaissances before the Renaissance,

Stanford 1984, 23—41. * M. ROBERTS, *The Jeweled Style. Poetry and Poetics in Late Antiquity*, Ithaca 1989. * D. A. RUSSELL, изд., *Antonine Literature*, Oxford 1990. * V. A. SIRAGO, *La seconda sofistica come espressione culturale della classe dirigente del II sec.*, ANRW 2, 33, 1, 1989, 36—78. * P. STEINMETZ, *Untersuchungen zur römischen Literatur des 2. Jh. n. Chr.*, Wiesbaden 1982. * P. STEINMETZ, *Lyrische Dichtung im 2. Jh. n. Chr.*, ANRW 2, 33, 1, 1989, 259—302. * J. A. STRAUB, *Vom Herrscherideal in der Spätantike*, Stuttgart 1939, перепечатка 1964. * J. A. STRAUB, *Heidnische Geschichtsapologetik in der christlichen Spätantike. Untersuchungen über Zeit und Tendenz der *Historia Augusta**, Bonn 1963. * B. A. VAN GRONINGEN, *General Literary Tendencies in the Second Century A. D.*, *Mnemosyne*, ser. 4, 18, 1965, 41—56. * A. WLOSOK, *Rom und die Christen. Zur Auseinandersetzung zwischen Christentum und römischem Staat*, Stuttgart 1970 (= AU, Reihe 13, Beiheft 1).

II. ПОЭЗИЯ

ПОЭЗИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ¹

Закат античной поэзии

Мы располагаем несколькими стихами, написанными цезарем Адрианом, где почти по-современному звучат его внутреннее беспокойство и одиночество²; эти миниатюры дают основание предположить, в каком направлении могла бы развиваться латинская поэзия малых форм, если бы она не предпочла бессодержательность и формальные игры. *Poetae novelli* прибегают к техническим приемам греков³ и аффектированного Левиа. Изготовлению стихотворных надписей⁴, изучение которых нередко способствует пониманию литературы, посвящает свой досуг среднее сословие; в этом принимают участие с конца III в. также представители новой аристократии и христиане. Прикладная поэзия, которая достигла в стихотворениях «на случай» Стация и эпиграммах Марциала высочайшего художественного уровня и вошла в мировую литературу, не может теперь соответствовать этому стандарту. Творчество самого Авзония, выделяющегося среди своих современников, — поэтому ему здесь будет посвящена отдельная глава — производит впечатление праздного и случайного по сравнению с этими мастерами серебряной латыни.

1. В общем виде ср. P. STEINMETZ, *Lyrische Dichtung im 2. Jh. n. Chr.*, ANRW 2, 33, 1, 1989, 259–302.

2. Интересная модернизация этого стихотворения: Durs Grünbein, *Nach den Satiren*, Frankfurt 1999, 60; см. M. VON ALBRECHT, в кн.: B. SEIDENSTICKER, M. VÖLKER (изд.), *Mythen in nachmythischer Zeit*, Berlin 2002, 113.

3. NORDEN, LG 97.

4. W. SCHETTER, K. SMOLAK, HLL 5, 224–236; о значении поэтических надписей для понимания литературы см. теперь труды J. GÓMEZ PALLARÈS, например, его статью *Ovidius epigraphicus* в кн.: W. SCHUBERT (изд.), *Ovid: Werk und Wirkung*, Frankfurt 1999, 755–773; готовится и его книга *Poesia y el mundo romano* в серии *Studien zur Klassischen Philologie*, Frankfurt 2003.

К числу авторов, работающих с малыми формами, относятся, кроме того¹, П. Оптациан Порфирий, Пентадий, Аблабий, Флавий Афраний Сиагрий, Алцим, квестор Павел, Репозиан, Симфосий, Тибериан, а также анонимные авторы *Молитвы Океану* и *Песни гребца*. Отдельного упоминания заслуживает открытая в Барселоне *Alcestis*², производящая приятное впечатление и написанная гекзаметрическими стихами в неизвестную эпоху и неизвестным автором. *Спор между пекарем и поваром* Веспы³ появился самое раннее в конце III в.. Агон различных профессий входит в традицию фольклорных споров, введенную в литературу Феоокритом, Вергилием и Катуллом (62), — как и сопоставление (σύγκρισις), культивируемое в риторических школах. У этой разновидности большое литературное будущее⁴.

Пользуется заслуженной славой такая драгоценность, как *Pervigilium Veneris*⁵ (вероятно, начало IV в.). Впечатляющий размер *versus quadrati* подчеркивается полнозвучным рефреном. Описание ночного бдения вдохновляется культовыми обрядами. Очень светское благочестие, а еще подчеркнутый в конце болезненный контраст между человеком и природой затрагивают струны, родственные современному читателю. Вспомним о Якобе Бальде (*Филомела*), Г. А. Бюргере, Шатобриане, Уолтере Пейтере, Т. С. Элиоте.

Поэзия малых форм достигает своей вершины в творчестве Авзония (см. посвященную ему главу). В Галлии стиль Авзония находит подражателей в лице Г. Аполлинария Сидония, обладающего чутьем формы, но не глубиной, и его современника Меробавда, горячего почитателя Аэция. К числу авторов малых стихотворений относятся Эннодий († 521 г.), который,

1. Об этих авторах: К. SMOLAK, HLL 5, 1989, §§ 544–553. О Репозиане, кроме того, GÜRTNER, LG 1988, 192–199; 569; 582.

2. *Издание*: М. MARCOVICH (TK), Leiden 1988; *лит.*: GÜRTNER, LG 1988, 170–178; К. SMOLAK, HLL 5, 1989, § 549.

3. М. SCHUSTER, *Vespa*, RE 8 A 2, 1958, 1705–1710; К. SMOLAK, HLL 5, 1989, 235–256.

4. Н. WALTHER, *Das Streitgedicht in der lateinischen Literatur des Mittelalters*, München 1920.

5. *Издания*: Р. PITHOU, Paris 1577 (с прим. Ю. СКАЛИГЕРА; ed. princ.); R. SCHILLING (ТППр), Paris 1944; L. CATLOW (ТПК), Bruxelles 1980; *лит.*: основополагающая работа К. SMOLAK, HLL 5, 1989, § 551 (*лит.*); R. SCHILLING, *Le refrain dans la poésie latine*, в: *Musik und Dichtung*. FS V. PÖSCHL, изд. М. VON ALBRECHT и W. SCHUBERT, Heidelberg 1990, 117–131.

как и Сидоний, пишет еще и прозу. В захваченной вандалами Африке появляются христианские и «древнеримские» стихи Драконция (конец V в.)¹ и некоторые эпиграммы из *Anthologia Latina*, среди которых лучше всего исследованы стихотворения Луксурия (первая треть VI в.)².

Авиан пишет басни мало приспособленным для этого элегическим размером (ок. 400 г.) — признак размывания жанровых границ. Известная поэма Рутилия о путешествии (см. посвященную ему главу) также написана в элегической форме. Элегию в собственном смысле слова в VI в. представляет Максимиан³. Убеленный сединами поэт, который в юности советовался, как он утверждает, с мудрым Боэцием (3, 48), открывает новые аспекты у исчерпанного жанра (представители которого ему так же хорошо известны, как Вергилий) своей стариковской точкой зрения (№ 1, 2 и 5); только два из шести стихотворений посвящены юношеской тематике (3 и 4): но даже здесь, как нарочно, именно в тот миг, когда возлюбленная доступна, исчезает страсть (3). Импотенция (3 и 5) — тема, которую мы уже знаем по Овидию и Петронию; обращение девушки к не желающей исполнять свои обязанности части тела поднимается здесь до философских высот (5). За внешней вольностью таятся аскетические мысли автора (вероятно, христианина). В эпоху средневековья Максимиан как *ethicus* становится школьным автором.

Буколику культивирует Немезиан (см. разд. *Римская буколика*, выше т. II, стр. 726).

Тот же самый автор пробует свои силы в дидактической поэзии. От его произведения об охоте дошло только 325 гекзаметров. Кв. Серен пишет медицинский эпос, собрание рецептов в гекзаметрах. Руфий Фест Авиен сочиняет в стихах *Descriptio*

1. *Laudes Dei* — не эпос, а похвала милости Божией в трех книгах. В первой книге речь идет о творении, во второй — о деяниях Христовых. В третьей, где говорится среди прочего и о покорности человека, достойна упоминания реплика о готовых к жертве язычниках.

2. H. HARR, *Luxurius. Text, Untersuchungen, Kommentar*, 2 тт., Stuttgartiae 1986.

3. *Издания*: Ae. BAEHRENS, *Poetae Latini minores*, т. 5, Lipsiae 1883, 313–348; R. WEBSTER (TK), Princeton 1900; F. SPALTENSTEIN (TK), Rome 1983; *лит.*: W. SCHETTER, *Studien zur Überlieferung und Kritik*, Wiesbaden 1970; C. RATKOWITSCHE, *Maximianus amat*, Wien 1986 (датировка IX в.); ee же, *Weitere Argumente zur Datierung und Interpretation Maximians*, WS 103, 1990, 207–239; A. FO, *Significato... della raccolta... di Massimiano*, Hermes 115, 1987, 348–371.

orbis terrae, произведение *De ora maritima* и перевод Арата. Необычна дидактическая поэзия Теренциана Мавра¹ (вероятно, II—III в.); он создает в виртуозных стихах различных размеров поэму о метрике, которая состоит из трех частей: *De litteris* (85—278), *De syllabis* (279—1299) и *De metris* (1300—2981). Они дошли до нас вместе; вступление (1—84) предназначалось сначала только для *De syllabis*. Около 400 г. выходят в свет *Carmen de figuris* и *Carmen de ponderibus et mensuris*. Оба стихотворения написаны гекзаметрами.

Эпос у Клавдиана, прирожденного поэта, которому мы посвятим отдельную главу, получает новую, панегирическую форму. Поздний расцвет этот старый достопочтенный жанр переживет в творчестве Кориппа².

Начатки христианской поэзии

Латинская христианская поэзия имеет три корня: близкие к фольклору песнопения, в особенности в восточной церкви, возвышенную прозу переведенных на латынь псалмов, литургических молитвословий и догматических положений, а также — на третьем месте — латинскую изящную поэзию.

О христианской прикладной лирике — «псалмах и славословиях и песнопениях духовных» — идет речь в Новом Завете (*Eph.* 5, 19; *Col.* 3, 16). В начале II в. Плиний (*epist.* 96/97, 7) свидетельствует, что христиане регулярно собираются в определенный день перед восходом солнца и поочередно восхваляют гимном Христа как Бога (*carmen dicere*). В греческих и сирийских общинах, должно быть, этих песней было много; музыка церкви восточной оказывает влияние на Илария и еще до него — на западную церковь. Ранние латинские гимны вводили одиночки, часто преодолевая недоверчивость общин; с литературной точки зрения эти стихотворения притязательны, иногда прямо-таки «не народны»; эту картину меняет новооткрытый *Psalmus responsorius*³, написанный по алфавитному принципу (на папирусе IV в.). Это раннее свидетельство

1. Издание: J.-W. BECK (ТПК), Göttingen 1993; конкорданс: J.-W. BECK, Hildesheim 1993; P. L. SCHMIDT, KIP 591; J.-W. BECK, Terentianus Maurus: Gedanken zur Datierung, Hermes 122, 220—252.

2. Основополагающая работа: E. BURCK, в: E. BURCK, изд., Das römische Epos, Darmstadt 1979, 379—399; 418—419 (лит.).

3. R. HERZOG, HLL 5, 1989, § 559.

народного церковного распева эпохи Константина — в иных отношениях классицистической. Антикизирующее или же неклассическое оформление обусловлено не столько хронологическим, сколько социальным фактором. Компромиссные формы — «неквантитативный гекзаметр» — не имеют будущего¹. Амвросий в своей новаторской, одновременно простой и благородной гимнографии находит точку равновесия между строгим вкусом образованного сословия и народным благочестием — точку равновесия, которая укажет путь по крайней мере на полтора тысячелетия вперед.

В начальный период христианской поэзии снова сравнительно велико влияние на нее латинской прозы, хотя причины этого явления совсем иные, нежели в ранний период и в эпоху Августа. Псалмы, которые церковь приняла как сборник молитв, переведены в прозаической форме²; носящие догматический отпечаток гимны (как, например, гимны Илария или Викторина) ориентируются на художественную прозу литургических текстов «вероисповедания» (*credo*). Параллелизмы, предпочтительные в прозе возвышенного стиля, позволяют ассонансам и рифмам постепенно становиться важными формообразующими элементами. С упадком классической квантитативной метрики ритмические колоны, выстроенные параллельно, становятся новой одеждой близкой к народному языку лирики.

Две традиции, совершенно различные с формальной точки зрения, удивительным образом конвергируют: излюбленная в еврейских псалмах форма параллелизма находит спонтанный отклик в латинском языке — его художественная проза культивирует аналогичные конструкции уже давно. Зарождающаяся христианская лирика на латинском языке одновременно начинает перенимать те структурные принципы, которые до сих пор не укоренились в Риме: например, абecedарий псалма 119 (118), так называемая «золотая азбука». Эта форма служит и педагогическим целям: при усвоении вероучения алфа-

1. Коммодиан сочиняет акцентуированные стихи на «народной латыни» (издание: I. MARTIN, Turnholt 1960 = CC 128); о времени спорят (III–V в.). Известны аналогичные опыты Августина.

2. В прозаической форме сочинены и предназначенные для пения «гимны» в правилах Кесария и Бенедикта *Te Deum laudamus* (вероятно, перевод с греческого), *Te decet laus* (с греческого) и *Magna et mirabilia* (*apocal.* 15, 3–4); ср. W. BULST, *Hymni Latini antiquissimi LXXV, Psalmi III*, Heidelberg 1956, 7–8.

витный принцип, сколь бы он ни был сомнительным в эстетическом отношении, помогает запомнить содержание. К тому же многие христианские стихотворения открыто дидактичны. На греческом Востоке — в частности, у гностиков — существовали весьма близкие явления.

Третий корень христианской поэзии — традиционные античные формы разных жанров. Предмет, предназначенный для повествования, приводит к появлению библейской эпикки, для поучения — дидактической поэзии догматического содержания; даже эклога подвергается христианизации. Самый ранний поэтический плод латинского христианства, должно быть, *De Phoenixe*¹ Лактанция, который использует миф как аллегорию надежды на личное воскресение и выполняет подготовительную работу для христианской поэтики². Процесс достигает своей кульминационной точки в сознательном преобразении языческих жанров в творчестве Пруденция — последней вершине античной и первой — христианской поэзии.

Этот процесс превращается в свою противоположность, когда у менее одаренных продолжателей Пруденция во все большем масштабе наряду с формой в христианскую поэзию внедряется и античное содержание; результаты у такого виртуоза, как Сидоний Аполлинарий³, можно — в зависимости от вкуса — высмеивать как французское кокетство в эпоху поздней античности, похвалить как *humanitas Ausoniana* или осудить как суетность, которая только по имени — христианство; вероятно, каждый из трех вердиктов, при всей их несправедливости, обладает своей долей правды. Расцвету сопоставимой с автобиографической прозой Августина индивидуальной поэзии, насколько она вообще была бы допустима с христианской точки зрения, у такого автора, как, скажем, Сидоний, не благоприятствуют три обстоятельства: он связан с аристократическими кругами, со школой и с церковью. Только с внешней стороны его положение напоминает положение Горация, который воспекает в прекрасных стихах свое расставание с

1. См. нашу главу о Лактанции, стр. 1732; 1741.

2. Традиционной формой обходятся и гекзаметрические *Laudes Domini* (R. HERZOG, HLL 5, § 560), выливающиеся в конечном счете в апологию Константина.

3. Издания: А. LOYEN (ТПК), 3 тт., Paris 1960 и 1970; *cart.* 22: N. DELHEY (ТК), Berlin 1993; *конкорданс*: P. G. CHRISTIANSEN, J. E. HOLLAND, Hildesheim 1993.

поэзией и обращение к философии. Так, образованные авторы, рукоположенные в епископы, «отрекаются» от поэтической мишуры, но продолжают сочинять стихи и дальше — к сожалению, хуже, чем Гораций. Такие поэты, как Авзоний, в чьем распоряжении оказалась вся формальная сокровищница античности, могут сделать из всего своего поэтического хозяйства «обрывки одной большой исповеди»; но — в отличие от прозы Августина — у этих художников стиха исповедь низводится до банальности, и у них не оказывается ничего достойного, в чем можно было бы исповедаться. Несмотря на это, поздняя античность — хотя слабо и нерешительно — прокладывает путь поэзии индивидуального самовыражения Нового времени. Намеки на это можно увидеть у Паулина из Нолы¹, для которого с момента обращения Христос заменяет Музу. Он пытается объяснить своему учителю Авзонию — со всей непреклонностью ревнителя, но в классических стихах, — как он стряхнул с себя всю мишуру гуманистической образованности. Эпический *Eucharisticus* Паулина из Пеллы², сочиненный около 459 г., волнует своей жизненной достоверностью, но с поэтической точки зрения написан неуклюже.

Венанций Фортунат³ (VI в.) превосходит талантом поэтов своего времени; его произведения — в старых и новых формах, которыми автор владеет с одинаковой легкостью, — отражают ликование *ecclesia triumphans*. Элегия *De partu virginis* формально подчиняется античным нормам, великолепные гимны, посвященные Рождеству и Страстям Христовым, закладывают основу средневековой поэзии и одновременно устанавливают высокую планку. Отточенные стихи о борьбе мучеников и чудесах святых увековечивают одиночек в их деятельном подражании Христу. Описание радости вечной жизни похоже на барочную плафонную роспись. Трещина между антикизирующей формой и христианским содержанием преодолевается еще раз. Голос личности может прозвучать и в общепринятом стихотворении «на случай», но, в конечном счете, ему предстоит потеряться в хоре.

Главная тема христианской поэзии — похвала Богу. Для этого лирическая форма — лишь одна из многих возможностей.

1. *Издание*: G. DE (= VON) HARTEL, 2 тт., Vindobonae 1894 (= CSEL 29–30).

2. *Издание*: W. BRANDES, Vindobonae 1888 (= CSEL 16, 263–334).

3. *Издания*: F. LEO, В. KRUSCH, MGH AA 4, 1 и 2, Berolini 1881–1885; M. REYDELLET (ТП), Paris 1994; *Epitaphium Vilitutae* (4, 26): P. SANTORELLI (ТК), Napoli 1994.

Благовествование также может служить Его прославлению. Это осуществляется двояко: либо прямо через пересказ Евангелия и объяснение церковных догматов в эпической и дидактической поэзии, либо косвенно — описанием жизни и мученической смерти обращенных в христианство. Рассказы о мученичествах напоминают драматический и биографический жанры; некоторые повести об обращении похожи на философские тексты.

Собственно библейская эпика начинается с Ювенка; он христианизует эпос и самосознание эпического поэта, излагает Библию изящной поэтической латынью, но не идет на самостоятельную композицию, выбор и оформление материала. Принимая в рассмотрение его значение как первопроходца, мы кратко остановимся на нем отдельно.

Проба¹ (IV в.) облачает в форму центона из цитат Вергилия избранные христианские темы. Что это — симптом эпохи «классицизма», наступившей с правлением Константина, или еще один признак дальнейшего провала поэзии в пропасть школьного формализма? У строгих богословов и филологов волосы встают дыбом, когда Проба утверждает, что Вергилий воспевал Христа; Иероним, и филолог, и богослов, усматривает в этом центоне уничтожение как Библии, так и Вергилия. Исторически правильнее было бы говорить о новом, «герменевтическом» чтении, которому благоприятствует взаимопроникновение римской культуры и христианства, типологически связывающем римского классика как своего рода «Ветхий Завет» с ныне воплощенной во Христе истиной и затем — как произошло с аркой Константина — выстраивающем из руин прежних зданий новую архитектуру.

После талантливого Седулия, которому будет посвящена отдельная глава (см. ниже), следует упомянуть его подражателя Аратора, вызывавшего восхищение вплоть до XVI в.: его *Деяния апостолов* в 544 г. воодушевляли римлян перед лицом угрозы со стороны готов, исповедующих арианство: тринитарная экзегеза обосновывает высокое призвание церкви Петра². Техника отдельных образов и поэтической медитации напоминает Седулия, который повлиял в свою очередь и на Рустин-

1. R. HERZOG, HLL 5, 1989, § 562.

2. *Издания*: Arius BARBOSA, Helmanticae 1516; A. P. MCKINLAY, Vindobonae 1951 (= CSEL 72); J. SCHWIND, Arator-Studien, Göttingen 1990.

ка Гельпидия в его *Carmen de Christi Iesu beneficiis. Genesis* перелагает в стихи Клавдий Марий Виктор (*Alethia*), но прежде всего — Авит.

Алцим Экдиций Авит становится в 494 г. вьенским епископом; его творчество следует отнести к культуре поздней Галлии с ее яркой риторической окраской. Главное его поэтическое произведение, *De spiritalis historiae gestis*, включает пять книг: 1 *De mundi initio*, 2 *De originali peccato*, 3 *De sententia Dei*, 4 *De diluvio mundi*, 5 *De transitu maris*. В отличие от *Heptateuchus* Киприана, где мы сталкиваемся с пересказом, здесь речь идет о самостоятельно задуманной поэме. Авит не дает обилию материала раздавить поэзию: по примеру хороших эпиков он выбирает лишь некоторые эпизоды стержневого значения. Он поэтически умело изображает Рай и рассказывает о происходящем с психологической точностью. Впервые вводит он в эпос образ Люцифера. Мильтон, который в своих основательных штудиях усердно занимался и Авитом¹, придал окончательное оформление теме потерянного Рая. Можно сделать вывод: и в античной эпике на библейские сюжеты обнаруживаются значительные возможности, которые раскрываются в полной мере только в Новое время.

POETAЕ NOVELLI

Жизнь, датировка

Под этим обозначением грамматик Теренциан Мавр (по-видимому, конец II в.) упоминает ряд поэтов, которых его коллега Диомед назовет *neoterici*; их творчество мы можем проследить в период, приблизительно простирающийся от правления Адриана до конца II столетия. Теренциан приводит имена троих из них: Алфия Авита, Анниана и Септимия Серена. Произведения последнего вышли в свет *nuper*, «недавно», Алфий опубликовал свои еще *pridem*, «ранее». Геллий упоминает Анниана (тот появляется у него трижды) как старшего современника, который слушал еще Проба. О некоем Мариане, также принадлежащем к этой группе, нам больше ничего не известно.

1. G. KRÜGER, в: SCHANZ-HOSIUS, LG 4, 2, 1920, 632, прим. 3; вообще об Авите *ibid.* §§ 1153—1159.

Тем не менее, как представляется, число приверженцев этого направления не ограничивалось четырьмя упомянутыми фигурами: единственное полностью сохранившееся стихотворение из круга *novelli* (MOREL 144), кажется, не принадлежит никому из поэтов, известных нам по имени.

Обзор творчества

Алфий Авит пишет *libri rerum excellentium*, не отступая от единственного размера — ямбических диметров. Материалом ему служат сюжеты из римской истории в духе анекдотов и новелл, которые заимствуются, по-видимому, у Ливия. Из творчества Анниана *Fescennina* (свадебные песни) известны нам практически по одному названию; Авзоний свидетельствует, что они отличались значительной вольностью в трактовке сексуальной тематики. Несколько шире наши сведения о *Carmina Falisca* Анниана, стихах во вкусе крестьянского фольклора; вероятно, название им дало поместье автора в Фалериях, и несомненно, они были приурочены к этой местности по своему содержанию¹. Из *Opuscula ruralia* Серена мы располагаем относительно большим количеством фрагментов, которые наряду с сельской тематикой, — возможно, как уже *Carmina Falisca* — были посвящены и эротическому материалу. Мариан пишет *Lupercalia* (по всей видимости, с антикварной ориентацией).

Источники, образцы, жанры

Novelli избегают безнадежного состязания с классиками латинской поэзии, и в этом они близки грекам эпохи эллинизма, которые также уклоняются в область литературной игры, малых форм и экзотики, — плацдарм, еще не «завоеванный» авторами первого ранга. Значительнейшими из римских предшественников *poetae novelli* были Катулл и его современники; еще более ранним и весомым стимулом и образцом стало творчество Левия с его метрической и лексической гибкостью. Не следует упускать из виду и так называемый *Appendix Vergiliana*, поэзию малых форм нероновской эпохи и опыты Плиния Младшего, стремившегося воскресить атмосферу поздне-республиканских литературных кружков.

В качестве источника Алфий использовал Ливия. Он перерабатывал эпизоды в духе отдельных новелл лирическим раз-

1. MOREL 1: *Uva, uva sum et uva Falerna* («я гроздь, и я — фалернская гроздь»).

мером, подчеркивая при этом драматический элемент; такого рода смесь близка балладам Нового времени. Следовательно, нам следует рассмотреть, каким образом признаки различных жанров сочетаются в отдельном стихотворении, прежде чем говорить о «поэзии вне жанра». Когда тип стихотворения, на который раньше не обращали особого внимания, вдруг обретает более высокий литературный статус, это нельзя трактовать как новшество; об этом можно говорить в том случае, если под его влиянием окажется поэзия целой эпохи. При занятиях Авзонием появится возможность оценить в полной мере значение этого процесса.

Литературная техника¹

В обработке истории о похищении сабинянок Алфий заменяет Ливиев «хор» юных женщин одной-единственной женщиной, которая обращается к своему мужу: таким образом поэт усиливает реалистический эффект и проникновенность сцены. В эпизоде со школьным учителем из Фалерий, Алфий предпочитает прямую речь косвенной. Цинизм учителя при этом усиливает драматизм происходящего.

Язык и стиль

Poetae novelli, которые — в соответствии с архаизирующим вкусом своей эпохи — открыли Левия, проявляют интерес к метрическому экспериментаторству: следующий стих может быть прочитан как обычным образом, так и задом наперед, не теряя своей метрической формы: *versu volo, Liber, tua praediceretur acta / acta praediceretur tua, Liber, volo versu* («Либер, неть хочу я славу твою звонкой песнью», р. 189 MOREL). Предпочтению литературной игры в метрике соответствует строго дифференцированный подход к языку. *Novelli*, с одной стороны, прибегают к архаизмам (*litterator* вместо *grammatista*, *Curis* вместо *Quiris*), с другой — к «вульгарным» формам (*vagare* вместо *vagari*, *viridus* вместо *viridis*, краткость изначально долгих слогов). Еще один яркий отличительный признак языка — забота о внешне простом, близком к народному способе выражения. Это проявляется, например, в практически не знающем исключений

1. Ср. STEINMETZ, Livius bei Alfius Avitus.

совпадении стиха и синтаксического единства и в отказе от длинных периодов.

Образ мыслей I Литературные размышления

Из Геллия мы знаем, что Анниан интересовался лингвистическими вопросами — особенно произношением. У нас нет прямых свидетельств о литературных теориях, которые исповедовали *poetae novelli*, и потому нам придется ограничиться следующим: отметим то парадоксальное явление, что это «модернистическое» движение получило исходный импульс от «архаистов»; благодаря этому случилось так, что Левий и Катул — остросовременные поэты в свое время — были вновь открыты как «ценный антиквариат».

Образ мыслей II

Портрет Анниана, набросанный Геллием, вызывает симпатию: это поэт, который в своем фалисском винодельческом поместье предается утонченным радостям жизни и посвящает свое время антикварным и филологическим изысканиям. Фрагменты *novelli* хорошо согласуются с этим образом: перед нашими глазами стихи, не слишком обремененные грузом различных проблем, сосредоточенные на домашнем и индивидуальном и включающие в себя литературную игру с эротической и сельской тематикой; при этом они не встраиваются открыто в буколическую или же элегическую традицию. Уединенной частной жизни соответствует отказ от высокой, патетической тональности, реалистическая тенденция. Какое отличие от не столь еще далекого поколения Сенеки, Петрония и Лукана! Высший слой тем временем примирился со своей политической беспомощностью и посвящает досуг удовольствиям частной жизни и учености.

Традиция

Немногочисленные фрагменты дошли до нас практически исключительно благодаря грамматикам, ищущим примеры для иллюстрации метрических редкостей.

Влияние на позднейшие эпохи

Несмотря на несколько тощее содержание, не следует недооценивать влияние, которое суждено было оказать *novelli* в их кратком посмертном бытии. Уже тот факт, что они в течение примерно полувека были «современными», свидетельствует об определенном совпадении с духом времени. У них есть точки пересечения и с другими поэтическими продуктами II века, прежде всего принадлежащими перу Флора и Адриана. Как представляется, упоминания у Теренциана и Диомеда предполагают доступность их произведений. Геллий ссылается на произведения Анниана как на вещи общеизвестные, и если в IV веке в Трире Авзоний делает то же самое, нельзя отрицать того, что они имели успех. Как раз Авзоний и мог у них многое позаимствовать — преимущественное внимание малым формам, игру со стихом (ср. его брачный центон), воспевание определенной местности (*Мозелла!*). Для эротики и учености *novelli* также могли послужить стимулом.

Издания: FPL (Т), 136—148 MOREL; 342—360 BLÄNSDORF. * J. W. DUFF, A. M. DUFF, *Minor Latin Poets*, 2 тт., London 1934, rev. 1935, 439—450 (только Адриан). * E. COURTNEY, *The Fragmentary Latin Poets*, Oxford 1993, 375—420.

H. BARDON, *Les empereurs et les lettres latines d'Auguste a Hadrien*, Paris 1968, 393—424. * A. CAMERON, *Poetae Novelli*, HSPH 84, 1980, 127—175. * E. CASTORINA, I «*poetae novelli*», *Biblioteca di cultura* 30, Firenze 1949, 3—12. E. CASTORINA, *Questioni neoteriche*, *ibid.*, 1968, 157—160. * M. GALDI, *Ideali artistici e letterari della scuola neoterica o novella in Roma*, *Mouseion* 4, 1927, 90—108. * I. MARIOTTI, *Animula vagula blandula*, в: *Studia Florentina* A. RONCONI oblata, Roma 1970, 233—249. * P. STEINMETZ, *Untersuchungen zur römischen Literatur des 2. Jh. n. Chr.*, Wiesbaden 1982. * P. STEINMETZ, *Livius bei Alfius Avitus*, в: *Livius, Werk und Rezeption*, FS E. Burck, 1983, 435—447. * P. STEINMETZ, *Lyrische Dichtung im 2. Jh. n. Chr.*, ANRW 2, 33, 1, 1989, 259—302. J. K. WAGNER, *Quaestiones neotericae*, диссертация, Leipzig 1907, 5—10. * E. ZAFFAGNO, *Gli opuscula di Sereno*, в: *Argentea Aetas, in memoriam E. V. MARMORALE*, Genova 1973, 273—294.

АВЗОНИЙ

Жизнь, датировка

Д. Магн Авзоний, первый француз в мировой литературе, родился в Бордо ок. 310 г. в семье врача. Пройдя курс учения на

родине и в Тулузе, у своего дяди Арбория, он затем в течение тридцати лет преподает в знаменитых школах Бордо, сначала грамматику, затем риторику¹. Его незабвенная супруга Сабина, от которой у него было трое детей, умирает в 28 лет. Цезарь Валентиниан I (ок. 365 г.) призывает его в Трир для воспитания Грациана и дает ему титул *comes* (371 г.) и *quaestor sacri palatii* («квестор священного дворца», 375 г.)². Написанная там знаменитая *Mosella* — похвала мозельским пейзажам в 483 гекзаметрах — делает его первым певцом прелестей немецкого ландшафта³, а *Bissula* — первооткрывателем достоинств швабских девушек. Голубоглазая блондинка досталась ему в качестве военной добычи во время предпринятого Валентинианом похода против алеманнов, но господин и рабыня вскоре поменялись ролями. Грациан в 378 г. делает его *praefectus praetorio trium Galliarum* и в 379-м — консулом. Поэт наставляет цезаря на путь усиления роли сената и умеренной политики, сознательно дистанцирующейся от позиции Валентиниана. После насильственной смерти Грациана (383 г.) Авзоний возвращается в свои владения на берегу Гаронны, чтобы наполнить жизнь литературными занятиями и общением с друзьями. Его последние годы омрачает религиозный фанатизм его ученика Паулина, чей отказ от спокойной жизни любителя литературы наш поэт, которому достаточно ежедневной утренней молитвы, так и не смог понять.

Обзор творчества⁴

Поэтические вступления («Книга 1») обращены к читателю, к Сиagriю и к императору Феодосию, от которого сохранилось приведенное тут же письмо к Авзонию⁵.

1. A. D. Воотн, *The Academic Career of Ausonius*, Phoenix 36, 1982, 329—343.
2. Гесперий, сын Авзония, становится в 376 г. проконсулом Африки, в 377—380 гг. он *praefectus praetorio* Италии, Иллирии и Африки.
3. Произведение датируют между 369 и 375 г. (вероятно, 371).
4. Реконструировать подлинную последовательность в написании произведений Авзония — тяжелая задача; сегодня при этом исходят из ветви x (см. разд. *Традиция*). Мы положили в основу обычную последовательность текстов (напр., изд. Н. С. Е. Уинте); для нас главное — различные жанры текстов.
5. Поэтические вступления есть у книг 5, 7, 13, 14, прозаические — у книг 4, 6, 8, 9, 12 (два прозаических вступления), 16, 17. Собственное предисловие в прозе предпослано стихотворению 2, 1. Промежуточные прозаические реплики обнаруживаются в *Centio*. Вступления в прозе и в стихах открывают 4 и 9 книги. Без вступлений вовсе — книги 2, 3, 10, 11; о прозаических вступлениях:

Ephemeris («Книга 2») описывает жизнь поэта в течение дня.

Далее следуют *carmina*, касающиеся важных этапов в биографии Авзония и частично имеющие официальный характер («Книга 3»).

Parentalia («Книга 4») дает портреты его родственников, *Professores Burdigalenses*¹ («Книга 5») — коллег (вероятно, после 385 г.).

Эпитафии («Книга 6») по большей части относятся к героям Троянской войны.

Так называемые *Эклоги* («Книга 7») включают вступление, написанное одиннадцатисложником, и длинные дидактические произведения в гекзаметрах или дистихах, а также некоторые поучительные эпиграммы.

*Распятый Купидон*² («Книга 8») — гекзаметрический текст с прозаическим введением, описывающий фреску в трирском триклинии. Страшное наказание, которому бог подвергается в подземном мире от рук влюбленных женщин и самой Венеры, в конце концов оказывается кошмарным сном.

Bissula («Книга 9»), названная по имени швабской девушки, — маленький цикл любовных стихотворений в различных размерах³, по большей части эпиграмм, с прозаическим и поэтическим вступлением.

Mosella («Книга 10») — самое значительное во всех смыслах произведение Авзония. Своей известностью оно обязано — как и путевые заметки Рутилия Намациана — прежде всего, по-видимому, материалу.

Гекзаметрическое произведение *Ordo urbium nobilium* («Книга 11») посвящено двадцати знаменитым городам в обратной прогрессии: от Рима, который поэт «почитает», до Бордо, который он «любит».

*Technopaegnon*⁴ («Книга 11») — сборник гекзаметрических стихотворений, в которых каждый стих оканчивается односложным словом. Материал (литература, грамматика, мифология) сгруппирован по предметным областям.

Игра семи мудрецов («Книга 12») написана ямбическим сенарием. Каждый мудрец представляется и цитирует свои афоризмы в греческом оригинале.

Двенадцать цезарей («Книга 14») — сборник эпиграмм, написанных элегическим дистихом; вводные, посвященные всем императорам стихотворения, — гекзаметрические.

Z. PAVLOVSKIS, From Statius to Ennodius. A Brief History of Prose Prefaces to Poems, RIL 101, 1967, 535–567.

1. R. P. H. GREEN, Still Waters Run Deep. A New Study of the *Professores of Bordeaux*, CQ 35, 1985, 491–506.

2. W. FAUTH, *Cupido cruciatur*, GB 2, 1974, 39–60.

3. Хориамбический тетраметр (2 хориамба и аристофанов стих), гекзаметр, элегические дистихи, дистихи из полного гекзаметра и полустушия.

4. О жанре см. теперь: S. STRODEL, Zur Überlieferung und zum Verständnis der hellenistischen Technopaegnen, Frankfurt 2002.

Поэтическое послесловие, *Conclusio*, к составленному Авзонием списку всех консулов образуют «Книгу 15».

«Книга 16» — *Griphus ternarii numeri*, «Книга 17» — *Cento nuptialis*, неблагонамеренный монтаж из лоскутков целомудренного Вергилия, и то и другое предназначено для круга его друзей.

Переписка, в основном стихотворная, — среди адресатов выделяются Симмах и Паулин — составляет объемистую «Книгу 18», эпиграмматическая смесь — «девятнадцатую», сочиненная в прозе благодарность консула Авзония императору Грациану — «двадцатую книгу», прямо-таки панегирический гимн.

К этому прибавляется *Appendix Ausoniana*, содержащий неподлинные вещи.

Источники, образцы, жанры

Наряду с любимцами Авзония — Катуллом и Горацием — в его творчестве отражается широкий спектр корифеев римской поэзии¹: Плавт, Теренций, Лукреций, Вергилий, Тибулл, Овидий, Лукан, Стаций, Ювенал² и Септимий Серен (которому он обязан заглавием *Opuscula*). Среди прозаиков первое место принадлежит Цицерону и обоим Плиниям; он знаком также с Варроном, Светонием, Флором и, возможно, Марием Максимумом³.

Древнелатинских поэтов — Афрания, Энния, Луцилия — он цитирует из вторых рук.

У *Мозеллы* есть точки соприкосновения с энкомиями и с поэзией в духе *Halieutica*; у Апулея также было произведение о рыбах. Поэтические описания местностей (хорографии, как, например, Варрона Атацинского) тоже вносят свою лепту; идеализация напоминает Вергилиеву похвалу Италии в *Георгиках*.

Эпиграммы часто используют греческие образцы⁴; Марциал заметно им уступает — к вящему вреду для Авзония. *Троянские герои* восходят к псевдо-Аристотелю. Это доказывает, что историю латинской эпиграммы нельзя написать с позиций «языковой имманентности».

Оформлением новых стихотворных жанров мы займемся в следующем разделе.

1. W. GÖRLER, Vergilizitate in Ausonius' *Mosella*, *Hermes* 97, 1969, 94–114; R. P. H. GREEN, Ausonius' Use of the Classical Latin Poets. Some New Examples and Observations, *CQ* 27, 1977, 441–452.

2. R. E. COLTON, Ausonius and Juvenal, *CJ* 69, 1973, 41–51.

3. R. P. H. GREEN, Marius Maximus and Ausonius' *Caesares*, *CQ* 31, 1981, 226–236.

4. F. MUNARI, Ausonio e gli epigrammi greci, *SIFC* 27/28, 1956, 308–314.

Литературная техника

В *Commemoratio professorum Burdigalensium*¹ в основном представлены два типа стихотворений: энкомии², где систематически оценивается публичная преподавательская деятельность, и тексты, сердцевиной которых становится биография, поскольку в научном отношении особо нечего хвалить³.

Многие пьесы заканчиваются обращением к умершим; мотивы утешения скорее можно охарактеризовать как довольно редкие. Такие стихотворения, посвященные памяти покойных и отмеченные печатью личной симпатии, но не переходящие в преувеличенные похвалы, — стихотворения, где автор набрасывает сколь возможно достоверный портрет умершего, — новая, созданная Авзонием стихотворная разновидность (*commemoratio*), где сочетаются элементы *laudatio*, *эпикедия*⁴, элегии и эпиграмматической эпитафии. Пафос скорби и печали заменяется личным этосом. Стимул к содержательному и внешнему оформлению мог исходить среди прочего от Светония⁵, *De grammaticis et rhetoribus*, где также подчеркивается индивидуальность каждого грамматика. Римский вкус к конкретности и индивидуальности, к красноречию факта, проявляющийся у Светония, сказывается на поэзии Авзония и создает в ее рамках новую форму.

Ordo uerbum nobilium также представляет новую разновидность: здесь формальные элементы греческой эпиграммы объединяются с римскими *descriptiones*, которые до сих пор были составными частями крупных текстов, а у Авзония приобрели самостоятельность и были сгруппированы им в цикл.

Напротив, в *насмешливых эпиграммах* отсутствует творческий элемент — и в формальном, и в содержательном отношении. Авзоний ограничивается повторением стереотипов; чрезмерное стремление сделать остроу ясной и понятной производит впечатление педантизма; это непростительный промах, тем более что адресатом была группа «знатоков».

В кабинетных пьесах вроде *Письма к сыну* Авзоний заявляет

1. О нижеследующем особенно Н. SZELEST (ZAnt) 1976.

2. 1—6; 13—15; 20—22; 24.

3. 7—12; 16—19; 23.

4. *Epicedeion* состоит из *laudatio* («восхваления»), *comploratio* («оплакивания») и *consolatio* («утешения»).

5. Н. SZELEST (ZAnt) 1976, особенно 433.

о себе как о достойном продолжателе традиций риторической лирики стихотворного обращения *К сну* Стация.

Язык и стиль¹

Как раньше Луцилий, Авзоний смешивает латынь и греческий в макаронических стихах — этот подход чинит насилие обоим языкам и более характерен для полуобразованных эпох. Бросается в глаза неряшливое с метрической точки зрения употребление многих греческих слов — языковые познания поэта в этой сфере далеки от чрезмерности. Но и в латинских стихах он сокращает *a* в *contra*. Поскольку он никогда не покидал Галлию, его латынь — признак тогдашнего восприятия языка в этой провинции.

Однако его эпиграммы свидетельствуют о сознательном отношении к последнему: Руф говорит *reminisco* вместо *reminiscor* — следовательно, у него нет *cor* (понимания) — *epigr.* 8. Бесмысленное применение школьных схем к неподходящим предметам разоблачает *epigr.* 61: тот же самый Руф желает супружеской паре детей *masculini, feminini* и *neutri generis*, «мужского, женского и среднего рода». Часто юмор, таким образом, не выходит из пределов школьного здания.

Употребление прилагательных в *Мозелле* существенно способствует поэтическому впечатлению: цветовые контрасты — зеленый, красный, белый (69 сл.), прозрачность воды (55) и игра света очаровывают читателя. Созерцание голубых и зеленых тонов ландшафта соответствует повышенному интересу к цветовым эффектам у поздних латинских поэтов². Заслуживает упоминания тот факт, что у Авзония здесь есть точки соприкосновения с Эннием.

В *Commemoratio professorum* важное стилистическое средство — обращение к покойным.

Лирический эффект сочетается с риторическим повтором в *Письме к сыну*: упорное повторение *solus* («одинокий», 7–9) и *sic* (17–19) передает читателю всю непосредственность печального настроения покинутого отца.

1. R. E. COLTON, Some Unusual Words Used by Martial and Ausonius, CB 54, 1977, 8–10; V. CRISI, De re metrica et prosodiaca D. Magni Ausonii, I. De hexametris et pentametris, Utini 1938; P. TORDEUR, Etude des élisions dans la Moselle d'Ausone, Latomus 29, 1970, 966–987.

2. H. SZELEST 1987 (лит.).

Образ мыслей I Литературные размышления

Риторические критерии Авзония соответствуют его практике: *perite, concinne, modulate, dulciter* («как подобает опытному мастеру, гармонично, музыкально, нежно», *epist.* 23, *prosa*); его любовь к литературе сочетается с представлением об *otium*: в старости он хочет вместе с внуками перечитать классиков — Горация, Вергилия, Теренция, Саллюстия (в том числе *Истории: epist.* 22, 55—65). Его подход к литературе, как показывает *Протфентик* к внуку (*epist.* 22), отчетливо окрашен в педагогические тона. Но такие реплики — в которых, собственно, нет ничего неожиданного — все же не проникают до самой глубины.

Важнейшее свидетельство литературного самоотождествления Авзония — всеобъемлющий — во всех отношениях — характер его сборника. Все кажется поэту достойным увековечивания: его семейные отношения, преподаватели Бордо и многое другое. Как и в случае с Луцилием, есть искушение сказать, что вся жизнь старика лежит перед нашими глазами, как вотивная табличка. Подобно древнелатинским поэтам, он внушает чувство, что личность — нечто большее, чем зачастую случайные стихи. В «энциклопедической» тематике *Opuscula* можно распознать римское стремление изведать все. В накоплении на первый взгляд ничтожных деталей угадывается стремление личности быть зеркалом мира.

Важный подступ к поэзии индивидуального самовыражения можно обнаружить — по крайней мере в тенденции и в намеках — в любовных стихотворениях к девушке из племени свевов *Bissula*. Весьма поучительно, что Авзоний полагает, будто личный характер этих пьес нуждается в отдельном оправдательном предисловии. Здесь проявляется то, что в римской литературе все время пытается пробиться к поверхности, но часто заглушается литературным или общественным гнетом. И если это происходит со столь конвенциональным и школьным поэтом, как Авзоний, то такое стремление следует рассматривать как важный симптом времени¹.

У самого Авзония явно есть чувство, что он не все сказал в своих стихах, поскольку он часто снабжает их прозаическими

1. Все же Симмах подтверждает певцу Мозеля, что тот и в поэзии остается верен правде (*epist.* 1, 14, 3). Конечно, это можно принять только с оговорками, ср. например, Ch.-M. TERNES 1970.

реди-, между- и послесловиями. Ведь Авзоний — литератор, и в его эпоху возникает неудержимое желание писать решительно обо всем, хотя и в устоявшихся, общепринятых формах. Несколько позже *Исповедь* Августина заложит фундамент новой литературы личного самовыражения. У Авзония, явно-го приверженца прекрасной поверхности, «златотканого покрыва» сего мира, эти попытки скромны, но все же заслуживают внимания.

Образ мыслей II

В поле зрения Авзония попадают близкие люди, родной пейзаж и собственное риторическое призвание. К этим лицам и вещам, как бы незначительны они ни были сами по себе, льнет его сердце. В этом он подлинный римлянин. В *Мозелле*, при всей ее риторичности, иногда обнаруживают современное чувство природы. Ярче, чем идеализированное и типизированное описание Мозеля, образы городов дают нам представление о том, как жили в его эпоху; такая поэтическая обработка реальности и в древности является скорее редкостью. Бордосские преподаватели зачастую описаны с симпатией, но без чрезмерных похвал. Со своим вкусом к индивидуальности и конкретности Авзоний оказывается на пороге Нового времени.

Напротив, последовательно «античная» — но и романская тоже — сторона его творчества — привязанность к риторике и языковым играм. Хотя и здесь присутствует индивидуальное ядро. Сквозь пустоту и мишуру *Gratiarum actio* просвечивает завет учителя ученику — призыв к кротости. К естественному окружению писателя относится и его излюбленная латынь (греческий — не самая сильная его сторона) — и ее классики. Прирожденный педагог, он охотно (и зачастую пренебрегая требованиями вкуса) привносит элемент удовольствия в образование; оно же для него является не достопочтенным пугалом, а неотъемлемым предметом домашнего обихода, который — как в брачном центоне — можно трепать и ерошить в свое удовольствие.

При этом он, вопреки ожиданиям, столь серьезен в своих играх с риторикой и с домашней поэзией малых форм, что воспринимает как предательство обращение своего ученика Паулина к бескомпромиссному христианству. Слова об-

ращенного (Paulin. *carm.* 10, 39 сл.), направленные против риториков, которые напитали сердце ложью и суетностью и учат только владеть языком (*qui corda falsis atque vanis imbuunt / tantumque linguas instruunt*, «питают сердце суетой, обманами / в одних речах наставники»), должно быть, и вправду задело его глубоко.

Традиция¹

Традиция Авзония относится к самым запутанным проблемам классической филологии; здесь приходится ограничиться самыми общими указаниями.

Авзоний предварительно посылает экземпляры своих стихотворений² друзьям; затем следует публикация в собственном смысле слова, с сопроводительным письмом, в котором знакомый — фразеологически — приглашается «исправить» лежащее перед ним стихотворение. Некоторые стихи дошли с двумя такого рода письмами, то есть публиковались дважды³.

Нам известны три ветви, восходящие к поздней античности:

х: Ветвь х тянется из Испании, ее главный представитель — Leiden-sis Vossianus Lat. F. III, IX в. (= V); это самый объемный свод сочинений Авзония; жертвою сокращений пали некоторые эпиграммы.

у: Вторая ветвь традиции восходит, вероятно, к Vobiensis; начало представляет Paris. Lat. 8500, XIV в. (= P). Прете считает Harleianus 2613 (h) лучшим ее представителем. Эта традиция содержала и пропавшие на сегодняшний день *Historica*. Укороче, чем х; прежде всего за счет личной сферы.

z: Третий и самый краткий сборник оставляет без внимания автобиографический и исторический материал, зато содержит благодарственную речь и эротические стихотворения. Варианты z сегодня считаются не авторскими («первого издания», скажем, 383 г.), а интерполированной, хотя и позднеантичной редакцией. Tilianus (Leiden-sis Vossianus Lat. Q 107), XIV или XV в. (= T) свержен с престола как главный представитель z.

1. S. PRETE, *Ricerche sulla storia del testo di Ausonio*, Roma 1960; позднейшую лит. см. в S. PRETE, изд., 1978; M. D. REEVE, *Some Manuscripts of Ausonius, Prometheus* 3, 1977, 112–120; см. его же в: REYNOLDS, *Texts and Transmission* 26–28; полезен обзор исследований у W.-L. LIEBERMANN 1989, 270–277.

2. Ср. Симмах у Auson., *epist.* 1.

3. Напр., *Technopaegnon*. Сопроводительное письмо к *Fasti*, будучи сначала адресовано сыну Гесперию, потом переадресуется некоему Григорию.

Влияние на позднейшие эпохи¹

Авзония читают Энделехий, Пруденций, Паулин из Пеллы, Сидоний, Эннодий и Венанций Фортунат; в *Epigrammata Bobiensia* чувствуется его влияние. Его непринужденная манера в некоторых отношениях задает тон в позднеантичной Галлии.

В эпоху средневековья *Мозелла* оказывает влияние на Валафрида Страбона, Эрменриха (оба IX в.) и на *Gesta Treverorum* (XII в.). Мудрые изречения нашего поэта передаются школой из поколения в поколение, но вообще отклик на его творчество сдержанный, и не только из-за переписки с Паулином. В эпоху раннего Возрождения² интерес усиливается, начиная с Бенцо и Петрарки. Боккаччо обладает полным текстом Авзония. Монтень читает нашего поэта, «поскольку он родом из Бордо». Эразм с удовольствием цитирует его в *Adagiorum Collectanea*, Ж. С. Скалигер — в *Поэтике*, поэты Пляды — Ронсар, Дю Белле, Баиф — знакомы с его творчеством, как и К. Цельтис и М. Опиц в Германии. Как эпиграмматического поэта его заслоняют Марциал и греческая антология. Тем не менее Б. Грасиан († 1658 г.), главный представитель стиля *conceptismo*, хвалит блестящий талант Авзония. Для Попа († 1744 г.) и Ричардсона († 1761 г.) он вовсе не является неизвестной величиной. Лессинг († 1781 г.) не пренебрегает его творчеством; Гете в 1812 г. активно занимается *десятой эпиграммой*, просит Кнебеля перевести ее, а Й. В. Дёберейнера — дать справку, какой яд имеется в виду³; таким образом, для чтения Авзония у него поэтический интерес — не главное. Великий философ Кант († 1804 г.) подражает Авзонии (*Commemoratio*), посвящая стихи памяти покойных коллег (*Denkverse zu Ehren verstorbener Kollegen*)⁴. Гердер

1. Поздняя античность: J. L. CHARLET, *L'influence d'Ausone sur la poésie de Prudence*, Paris 1980; средневековье и Новое время: R. WEISS, *Ausonius in the Fourteenth Century*, в: R. R. BOLGAR, изд., *Classical Influences on European Culture A. D. 500—1500. Proceedings of an International Conference Held at King's College (1969)*, Cambridge 1971, 67—72; H. L. FELBER, S. PRETE, D. Magnus Ausonius, в: P. O. KRISTELLER, изд., *Catalogus translationum et commentariorum. Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries. Annotated Lists and Guides*, т. 4, Washington 1980, 193—222.

2. НИСНЕТ, *Class. Trad.* 188; о нижеследующем также см. W.-L. LIEBERMANN 1989, 306—308.

3. GRUMACH 398—400.

4. M. G. VAJONI, *Bypassing Time. The Commemoratio of Ausonius in Kant*, Euph-

(† 1803 г.) удивляется тому влиянию, которое дано было оказать нашему поэту. Феликс Дан († 1912 г.) выводит его в своем романе о Биссуле.

Издания: Bartholomaeus GIRARDINUS, Venetiis 1472. * K. SCHENKL, Berlin 1883 (MGH, AA 5, 2). * R. PEIPER, Leipzig 1886. * H. G. E. WHITE (ТП), 2 тт., London, Cambridge, Mass. 1919–1921 и др. * S. PRETE, Leipzig 1978. * R. P. H. GREEN (ТК), Oxford 1991. * R. P. H. GREEN (Т), Oxford 1998. * *Mosella*: C. HOSIUS (ТПр), Marburg ³1926, перепечатка 1967. * Ch.-M. TERNES (ТК), Paris 1972. * W. JOHN (ТППр), W. BINSFELD (перераб.), W. ABEL (лит.), Berlin 1980. * B. K. WEIS (ТПК), Darmstadt 1989. * P. DRÄGER (ТПК), Trier 2001. ** *Конкорданс*: L. J. BOLCHAZY, J. A. M. SWEENEY, M. G. ANTONETTI, Concordantia in Ausonium. With Indices to Proper Nouns and Greek Forms, Hildesheim 1982; см. также Indices изданий. ** *Библ.*: Ch.-M. TERNES, Ausone. Bibliographie objective et subjective, Bulletin des antiquités luxembourgeoises 14, 1983 (1984), 3–126; LOSSAU 1991 (см. ниже).

F. BENEDETTI, La tecnica del *vertere* negli *Epigrammi* di Ausonio, Firenze 1980. * A. DELACHAUX, La latinité d'Ausone. Etude lexicographique et grammaticale, диссертация, Lausanne, Neuchâtel 1909. * F. DELLA CORTE, L'ordinamento degli *Opuscula* di Ausonio, RCCM 2, 1960, 21–29. * F. DELLA CORTE, I *Fasti* di Ausonio, в: Studi di storiografia antica in memoria di L. FERRERO, Torino 1971, 203–208. * F. DELLA CORTE, I *Caesares* di Ausonio e Mario Massimo, в: Atti del Convegno *Gli storiografi latini tramandati in frammenti* (Urbino 1974) = StudUrb 49, 1, 1975, 483–491. * F. DELLA CORTE, *Bissula*, RomBarb 2, 1977, 17–25. * P. DRÄGER, Bissula-Eliza-Lolita: Priap als Sprachlehrer, Kurtrierisches Jahrbuch 41, 2001, 73–107. * J. FONTAINE, Etudes sur la poésie latine tardive d'Ausone à Prudence, Paris 1980. * W. FAUTH, *Cupido cruciatur*, GB 2, 1974, 39–60. * H. FUCHS, Textgestaltungen in der *Mosella* des Ausonius, MH 32, 1975, 173–182. * M. K. HOPKINS, Social Mobility in the Later Roman Empire. The Evidence of Ausonius, CQ 11, 1961, 239–249. * C. HOSIUS, Die literarische Stellung von Ausons *Mosellied*, Philologus 81, 1926, 192–201. * E. J. KENNEY, The *Mosella* of Ausonius, G&R 31, 1984, 190–202. * D. KORZENIEWSKI, Aufbau und Struktur der *Mosella* des Ausonius, RhM 106, 1963, 80–95. * P. DE LABRIOLLE, Ausonius, RLAC 1, 1950, 1020–1023. * W. D. LEBEK, Das Versepithaph *Syll. Eln.* 2 (ZPE 63, 1986, 83–100) und Ausonius, besonders *Epitaphia heroum* 35, ZPE 69, 1987, 101–105. * W.-L. LIEBERMANN, D. Magnus Ausonius, в: HLL 5, München 1989, 268–308. * M. J. LOSSAU (изд.), Ausonius, Darmstadt 1991. * J. MARTIN, Textes chrétiens d'Ausone, BAGB 4, 1972, 503–512. * F. MARX, Ausonius' *Lied von der Mosel*, RhM 80, 1931, 368–392. * F. MARX, Ausonius, RE 2, 2, 1896, 2562–2580. * E. K. RAND, Ausonius. The First French Poet, PCA 24, 1927, 28–41. * M. D. REEVE, Some Manuscripts of Ausonius, Prometheus 3, 1977,

112–120. * M. ROBERTS, *The Mosella of Ausonius. An Interpretation*, TAPhA 114, 1984, 343–353. * E. SÁNCHEZ SALOR, *Hacia una poética de Ausonio*, *Habis* 7, 1976, 159–186. * E. G. SCHMIDT, *Bemerkungen zu den Gedichten des Ausonius*, *StudClas* 3, 1961, 413–420. * H. SILVAN, *Ausonius of Bordeaux. Genesis of a Gallic Aristocracy*, London 1993. * H. SZELEST, *Die Sammlung Ordo urbium nobilium des Ausonius und ihre literarische Tradition*, *Eos* 61, 1973, 109–122. * H. SZELEST, *Valete manes inclitorum rhetorum. Ausonius' Commemoratio professorum Burdigalensium*, *Eos* 63, 1975, 75–87. * H. SZELEST, *Ausonius und Suetonius*, *ZAnt* 26, 1976, 433–442. * H. SZELEST, *Die Spottepigramme des Ausonius*, *Eos* 64, 1976, 33–42. * H. SZELEST, *Die Mosella des Ausonius und ihre literarische Tradition*, *Eos* 75, 1987, 95–105. * H. SZELEST, *Zbiorek Auzoniusza Epitaphia heroum qui bello Troiano interfuerunt*, *Meander* 5, 1997, 463–470. * H. SZELEST, *Auzoniusza Protrepticus ad nepotem*, *Meander* 1, 2000, 2–28. * Ch.-M. TERNES, *Paysage réel et coulisse idyllique dans la Mosella d'Ausone*, *REL* 48, 1970, 376–397. * Ch.-M. TERNES, *Études ausoniennes*, 2 т., Luxembourg 1980; 1983.

АВИАН

Авиан (или Авианий, но не Авиен) жил, вероятно, не во II в., а в начале пятого. Он посвящает свои басни, написанные эгегическим дистихом, некоему Феодосию (может быть, Макробию). Его идентичность с упомянутым в *Сатурналиях* Макробия (1, 4) аристократом Авиеном ненадежна.

Подлинность некоторых из 42 басен оказалась под сомнением (23; 35; 38). Это же справедливо и для многих проμύθια и ἐπιμύθια, отсутствующих в некоторых рукописях. Сейчас по большей части верят в их подлинность. Заголовки, которые даются лишь в нескольких кодексах и в различном виде, не имеют ничего общего с Авианом.

Очень тесна связь с греческим баснописцем Бабрием (в тридцать одной басне). Из вступления сделали вывод, что оригиналом Авиана был прозаический пересказ басен Бабрия (вероятно, принадлежащий Тициану, в «эзоповом триметре», ср. *Auson. epist.* 16)¹, однако сейчас предполагают и возможность прямого обращения к Бабрию. Федр, кажется, оказал на него лишь слабое влияние. Пять басен прежде не засвидетельствованы (22; 25; 28; 30; 38), четыре происходят из *Collectio Augustana* (9; 12; 26; 42), одна восходит к псевдо-Досифею (27), одна — к неизвестному источнику (5).

1. O. CRUSIUS, *JKPh* 139, 1889, 650.

В художественном отношении Авриан ниже Федра. Элегический дистих не слишком подходит для материала. Каждое двустишие образует смысловое единство; так сюжетное развитие для многих басен теряется в антитезах.

Оценка языка и стиля Авриана зависит от состояния текста, для которого до сих пор нет надежной основы. В любом случае исходить следует из того, что у Авриана самоощущение образованного писателя и он заботится об изяществе формы; однако его язык пропитан позднелатинскими элементами, а манера отличается витиеватостью.

Сейчас только занимаются классификацией богатой традиции (160 рукописей)¹. Авриан, единственный известный с IX по XVI в. античный баснописец, в Средние века стал школьным автором; его пересказывали многократно. Александр Неккам († 1227 г.) сочиняет в стихах *Novus Avianus*.

Издания: STEINHÖWEL, в: Aesopus, Ulm (JOH. ZAINER) ок. 1476—1477 (27 басен). * Apologus Aviani civis Romani (полн.), Coloniae 1494 (H. QUENTELL). * H. CANNegiETER (TK), Amstelaedami 1731. * C. LACHMANN, Berolini 1845. * V. RABENLECHNER (II), Wien 1883. * R. ELLIS (TK), Oxford 1887. * J. W. DUFF и A. M. DUFF (ТП), в: Minor Latin Poets, London 1934, ²1935. * A. GUAGLIANONE, Torino 1958. * F. GAIDE (ТП), Paris 1980.

O. CRUSIUS, RE 2, 2, 1896, 2373—2378. * E. C. JONES, LAW s. v. Avianus (лит.). * W. R. JONES, Avianus, Flavianus, Theodosius and Macrobius, в: Classical Studies Presented to B. E. PERRY, Urbana, Illinois 1969, 203—209. * J. KÜPPERS, Die Fabeln Avians. Studien zu Darstellung und Erzählweise spätantiker Fabeldichtung, Bonn 1977. * C. W. MÜLLER, Ennius und Äsop, MH 33, 1976, 193—218.

РУТИЛИЙ НАМАЦИАН

Жизнь, датировка

Рутилий Клавдий Намациан, выходец из галльско-римской знати, в 414 г.² становится префектом Рима; его отец также исполнял эту должность. Поздней осенью 417 г.³ он едет из Рима

1. Ср. J. KÜPPERS, Gnomon 53, 1981, 242 сл.

2. Иначе I. LANA 1961, 15—16.

3. Иначе I. LANA 1961, 60 по F. VOLLMER 1914, 1251: 21—22 сентября 416 г. Основные датировки — указание на возраст Рима (1, 135); о времени года стих 183; 201; 205 сл.; за раннюю датировку (415 г. по Р. X.): I. LANA и E. CASTORINA у A. BARTALUCI (и др.) 1975, 16 и 17; со своей стороны, за 417 г. V. TANDOI, ibid. 18.

в Галлию. Там он собирается увидеть свои земли, опустошенные готами.

Написанный в элегических дистихах *itinerarium* сочинен после прибытия в Галлию.

Обзор творчества

Пропало начало первой книги; таким образом, взятый из 1, 1 заголовок *De reditu suo* не аутентичен. От второй книги сохранились первые 68 строк; к этому добавляются 38 испорченных стихов.

Изложение причин путешествия включает похвалу прирожденным римлянам (1, 1–34), а прощание с Вечным городом — гимн-молитву к РOME с просьбой о счастливой поездке (35–164). Затем — разлука с друзьями (165–178), последний из которых оставляет Рутилия у Остии (179–216). Описание плавания от *Portus Romae* до *Portus Pisanus* (217–644) оживляют достопримечательности (например, 1, 249–276 — серные ключи; 1, 475–490 — солеварни; памятник отцу автора в Пизе — 1, 574–590) и посещение друзей (1, 465–474; 541–558).

После вступления (2, 1–10), экскурсов о географическом положении и облике Италии (17–40), роковой деятельности Стилихона (41–60) вторая книга обрывается на прибытии в Луну (61–68). Новоткрытые в одном из *Vobiensis* фрагменты *A* и *B* показывают, что путешественник достиг Галлии.

Источники, образцы, жанры

Безусловно, кроме собственных наблюдений, Рутилий использует и путеводители. Как опытный оратор, он знаком с римской историей. Автор сведущ в латинской поэзии и использует своих предшественников¹ — Вергилия и Овидия, а в особенности родственные по жанру тексты, вроде *Iter Brundisinum* (*sat.* 1, 5) Горация и *Tristia* Овидия (например, 1, 10), *Propempticon* (*silv.* 3, 2) Стация и *Мозеллу* Авзония — очень умело, его подражание отличается технической утонченностью. Он прямо цитирует Гомера. Произведение — удачный пример скрещивания жанров: скорее мы ожидали бы гекзаметра, чем элегического дистиха; однако связи между жанром и метром в эту эпоху слабеют.

1. W. SCHMID 1960, 877–887; A. BARTALUCCI 1965, 30–39; о жанре: F. PASCHOUD 1979.

Литературная техника

Мы имеем дело не с документальным дневником, но с поэтическим произведением императорской эпохи — материал обрабатывается задним числом и с помощью риторических средств. Крупная форма предопределяется экскурсами, связанными со стоянками в пути и содержащими этиологические сведения, *ἐμφράσεις* или моральные рассуждения.

Язык и стиль

Язык и стиль отличаются чистотой; автор учился на хороших примерах. К архаическим и простонародным элементам относится употребление пассивного причастия прошедшего времени в активном значении: *neccdm decessis umbris* («поскольку еще не ушли тени» 1, 313); *quisque* вместо *quisquis* (1, 276). Строение стиха изысканно, однако многосложные слова в исходе стиха — не редкость. Размер благоприятствует риторическому заострению мыслей: достижения Рима отражаются в антитезах (*urbem fecisti quod prius orbis erat*, «в Рим ты сумел превратить, прежде что миром звалось» 1, 66; *excedis factis grandia fata tuis*, «мощь судеб велика; больше деянья твои» 1, 92) и парадоксах (*profuit iniustus te dominante capi*, «несправедливым к тебе выгодно в плен попадать» 1, 64).

Образ мыслей I

Литературные размышления

Основание собственной славы Рутилий усматривает на архаический манер не в своих словах поэта, а в своих политических деяниях во славу народа: Рим должен вспоминать о них (1, 155–164)¹. В одном из новооткрытых фрагментов (В 15–19) автор, кажется, намекает, что он хочет воспеть Констанция², если хватит на это его талантов — весьма древний топос.

Образ мыслей II

Похвала Констанцию (*frg.* В) и выпад против Стилихона (2, 41–60) — полезные коррективы к преувеличениям Клавдиана.

1. «Рутилий — умный, интересующийся литературой дипломат, который вряд ли хотел обнаружить в стихах глубины собственной души в большей степени, нежели он это делал в повседневной жизни» (F. VOLLMER 1914, 1251).

2. Консул 414, 417, 420 гг.; позднее Констанций III.

Хотя Рутилий и ценится как хороший исторический и географический источник, мы лишь изредка можем узнать что-то о реальной жизни той эпохи. Подлинное впечатление мы получаем о чрезмерной учтивости, которая царит в обращении между знакомыми и друзьями.

Автор, вероятно, язычник. Правда, колкости в адрес монахов (1, 439–452; 517–526) и иудеев (1, 381–398) имеют характер топоса; их можно найти и у христианских авторов¹. Вражда к германцам дополняет образ несколько узколобого представителя своего сословия. Духу времени соответствует меланхолическая медитация о бренности городов, вызванная руинами Популони (1, 401–414). Личные нотки звучат тогда, когда Рутилий заговаривает о своем отце.

Объяснение римской идеи отчасти может быть ответом (впрочем, неудовлетворительным) на *De civitate Dei* Августина². Особую ценность Рутилий усматривает в представлении о правовом сообществе (1, 1–66). Идеализированный образ Рима соответствует воззрениям аристократической партии Симмахов и Никомахов, но как-то не вяжется с жесткими условиями начала V в.. С другой стороны, после взятия Рима Аларихом (410 г.) исповедание его способности возродиться выглядит особенно трогательно. Восстать из пепла и вырасти под ударами судьбы — вот что автор со всей своей пронизательностью считает одним из законов существования Рима: *ordo renascendi est crescere posse malis* («вот возрождения путь — в бедах сумеет возрасти», 1, 140).

Традиция

Испорченная рукопись, обнаруженная в 1493 г. в Боббио, вскоре была вновь утрачена. Саннадзаро († 1530 г.) и еще два писца делают с также погибшего промежуточного источника копию — *codex Vindobonensis lat. 277* (конец XV либо начало XVI в.), fol. 84 г. — 93 v. Этот последний и *editio princeps* Ио. Бапт. Пия (Болонья, 1520 г.) восходят к одному и тому же оригиналу; но в *editio* уже есть интерполяции. *Romanus*³, XVI в., происходит от другого списка, однако хуже *Vindobonensis*. Недавно в одном фрагментарно сохранившемся *Vobiensis* (*Taurinensis* F

1. H. SCHENKL, Ein spätrömischer Dichter und sein Glaubensbekenntnis, RhM 66, 1911, 393–416; за язычество Рутилия (с подробным изложением дискуссии) E. DOBLHOFFER, изд., 1, 1972, 27–33.

2. COURCELLE, Histoire³ 1964, 104 сл.; A. CAMERON 1967.

3. C. HOSIUS, Die Textgeschichte des Rutilius, RhM 51, 1896, 197–210.

IV 25) на старом, использованном для починки книги пергаменте (VII или VIII в.), нашли еще 38 стихов которые, к сожалению, сохранились лишь фрагментарно¹.

Влияние на позднейшие эпохи

Рутилия потомство знало плохо; однако его сюжет привлек к нему внимание исследователей древности, может быть, не вполне заслуженное с чисто литературной точки зрения.

Издания: Io. Vart. Pius, Bononiae 1520. * W. ZUMPT (ТПр), Berlin 1840. * Itasius LEMNIACUS = A. VON REUMONT (ПК), Berlin 1872. * J. VESSEREAU (ТП, полн. Index, оценка), Paris 1904. * С. Н. KEENE, G. F. SAVAGE (ТК), London 1907. * J. VESSEREAU, F. PRÉCHAC (ТППр), Paris 1933, 2¹⁹⁶¹. * G. HEIDRICH (Т), Progr. Wien 1911, исправл. 2¹⁹¹⁵ (В проекте, по-видимому, не опубли.) * J. W. и А. М. DUFF, в: Minor Latin Poets (ТППр), London 2¹⁹³⁵, 751—829. * P. VAN DE WOESTIJNE (Т, Index verborum), Antwerpen 1936. * R. HELM (ТК), Heidelberg 1933. * E. MERONE (ТК), Napoli 1955. * E. CASTORINA (ТПК), Firenze 1967. * E. DOBLHOFER, 2 тт. (ТПК, Index verborum), Heidelberg 1972—1977. * A. MAZZOLAI (ПК), Grosseto 1990—1991. * А. Fo (ТПК), Torino 1992. * G. P. O'DALY (Т), Cambridge (вскоре). * 2, 31—60: O. SCHISSEL VON FLESCHENBERG (К), Leipzig 1923. * *Новые фрагменты:* M. FERRARI, IMU 16, 1973, 5—30. * P. FRASSINETTI (ТП), I nuovi frammenti di Rutilio Namaziano, SRIL 3, 1980, 51—58. ** *Indices:* полн., в изд. J. VESSEREAU 1904; P. VAN DE WOESTIJNE; E. DOBLHOFER. ** *Библ.:* А. I. VENTURA, Studi recenti su Rutilio Namaziano e note al suo classicismo, A&R 16, 1971, 83—102.

L. ALFONSI, Significato politico e valore poetico nel *De reditu suo* di Rutilio Namaziano, StudRom 3, 1955, 125—139. * A. BARTALUCCI, E. CASTORINA, E. CECCHINI, I. LANA, V. TANDOI: Il nuovo Rutilio Namaziano. Interventi, Maia 27, 1975, 3—26. * A. BARTALUCCI, Note rutiliane, SCO 14, 1965, 30—39. * A. CAMERON, Rutilius Namatianus, St. Augustine, and the Date of the *De reditu*, JRS 57, 1967, 31—39. * E. CECCHINI, Per il nuovo Rutilio Namaziano, RFIC 102, 1974, 401—404. * J. CIRINO, L'idea di Roma negli scrittori latini e particolarmente in Rutilio Namaziano, Napoli 1933. * F. CORSARO, Studi Rutiliani, Bologna 1981. * COURCELLE, Histoire 53 сл.; 104—107 и др. * G. D'ANNA, Recenti scoperte di testi di poesia latina, C&S 19, 1980, Nr. 75, 72—80. * F. DELLA CORTE, Rutilio Namaziano ad Albingaunum, RomBarb 5, 1980, 89—103. * F. DELLA CORTE, La ricostruzione di Albingaunum (414—417 d. C.), RSL 50, 1984, 18—25. * F. DELLA CORTE, Il frammento A' del *De reditu* di Rutilio Namaziano (1987), в: F. D. C., Opuscula 11, Genova 1988,

1. M. FERRARI 1973; ср. также А. BARTALUCCI (и др.) 1975; P. FRASSINETTI 1980, см. *Издания*.

209–213. * M. FERRARI, Nuove scoperte di testi classici, A&R 18, 1973, 228–229. * M. FERRARI, Spigolature bobbiesi, IMU 16, 1973, 1–41. * A. FO, Ritorno a Claudio Rutilio Namaziano, MD 22, 1989, 49–70. * D. FRYE, Is Cl. Postumus Dardanus the Lepidus of *De reditu suo* 1. 307, Hermes 121, 1993, 382–383. * H. FUCHS, Zur Verherrlichung Roms und der Römer in dem Gedicht des Rutilius Namatianus, BZG 42 (= FS STAEHELIN), 1943, 37–58. * M. FUHRMANN, Die Romidee der Spätantike, HZ 207, 1968, 529–561. * H. A. GÄRTNER, Rome et les Barbares dans la poésie latine au temps d'Augustin. Rutilius Namatianus et Prudence, Ktema 9, 1984, 113–121. * A. GIANNOTTI, La metrica di Rutilio Namaziano, Udine 1940. * U. KNOCHE, Ein Sinnbild römischer Selbstauffassung, в: U. K., Vom Selbstverständnis der Römer, Heidelberg 1962, 125–143. * D. KORZENIEWSKI, Reiseerlebnisse des Rutilius Namatianus. Exegetische Beiträge, Gymnasium 86, 1979, 541–556. * N. LAMBOGLIA, Albenga e i nuovi frammenti di Rutilio Namaziano, RIL 31–33, 1976–1978, 32–88. * I. LANA, Rutilio Namaziano, Torino 1961. * I. LANA, Originalità e significato dell'inno a Roma di Rutilio Namaziano. La coscienza religiosa del letterato pagano, Pubbl. del Dip. di archeol., filol. class. e loro tradizioni dell'Università di Genova 106, Genova 1987, 101–123. * F. PASCHOUD, Roma aeterna. Etudes sur le patriotisme romain dans l'Occident latin à l'époque des invasions, Rome 1967. * F. PASCHOUD, Une relecture poétique de Rutilius Namatianus, MH 35, 1978, 319–328. * F. PASCHOUD, A quel genre littéraire le poème de Rutilius Namatianus appartient-il?, REL 57, 1979, 315–322. * M. ROBERTS, The Treatment of Narrative in Late Antique Literature. Ammianus Marcellinus (16. 10), Rutilius Namatianus and Paulinus of Pella, Philologus 132, 1988, 181–195. * W. SCHMID, «Roma nascens» in Rutilio Namaziano, в: Studi in onore di L. CASTIGLIONI, 2, Firenze 1960, 877–887. * K. F. STROHEKER, Der senatorische Adel im spätantiken Gallien, Tübingen 1948, 193 f. * V. TANDOI, Il nuovo Rutilio Namaziano, Maia 27, 1975, 3–26. * F. VOLLMER, Rutilius, RE 1 A 1, 1914, 1249–1254.

КЛАВДИАН

Жизнь, датировка

Как и пионеры римской поэзии, ее последний великий представитель — человек, для которого латинский язык не был родным. На своей родине — в Александрии, где нет недостатка в видных грамматиках, зачастую заодно и пишущих стихи, Клавдиан получил основательное двуязычное¹ образование и вскоре добился известности греческой *Гигантомахией*, *эпиграмма*

1. О биографии: А. CAMERON 1974, особенно 1–29; в Египте преподавалось также латинское стихосложение: *ibid.* 21.

ми¹ и другими произведениями. В то время не было ничего необычного в том, что автор, увидевший свет в Египте, покинул свою родину и отправился искать покровительства влиятельных лиц в другом месте. В Риме он в первый раз заявляет о себе латинским стихотворением, *Панегириком на консульство Пробина и Олибрия* (к 1 января 395 г.). Его талант, следовательно, открыли сенаторы²; он усваивает себе их менталитет. Придворная карьера нашего автора приходится на 395—400 гг.; он становится *vir clarissimus* («сиятельнейшим мужем»), *tribunus et notarius* («секретарем»)³, входит в тайный совет Стилихона и получает (между 400 и 402 г.) на форуме Траяна *poscente senatu*, «по требованию сената», почетную статуя⁴. Поняла ли сенатская аристократия, в чем заключался его вклад в самоосознание позднего Рима? Или это был только знак уважения со стороны Стилихона? Брак Клавдиана и свадебная поездка в Ливию приходится на конец его жизни. После 404 г. мы уже не застаем его в живых; иначе он воспел бы второе консульство Стилихона (405 г.) и его победу над Радагаисом (406 г.).

До свержения Стилихона (408 г.) был составлен сборник посвященных ему стихотворений. *Carmina minora* также были собраны и изданы не самим поэтом. Что касается датировки, то для некоторых более крупных произведений исторический подход с его гипотезой о прямой последовательности событий и посвященных им произведений⁵ с филологическими соображениями единой концепции⁶ согласовать непросто⁷.

1. Подлинны — в силу родственных мотивов с латинскими стихами — греческие эпиграммы *A. P.* 9, 753 и 754; что касается *A. P.* 1, 19; 9, 139 и по метрическим соображениям 1, 20, их следует считать произведениями другого Клавдиана, жившего позднее; об интерпретации эпиграмм: P. LAURENS 1986.

2. Кроме того, ему покровительствовали Адриан (*min.* 21 сл.), Этерналий (*min.* 3) и Флорентин (*rafl.*).

3. CIL 6, 1710.

4. *Get. praef.* 7—14; CIL 6, 1710; DESSAU 2949.

5. A. CAMERON 1970; H. FUNKE 1985.

6. S. DÖPP 1980.

7. *Paneg. Prob. et Olyb.* (к январю 395 г.), *rafl.* 1 (395—397: по Th. VIRT, изд.; A. CAMERON 1970, 452—466 датирует *rafl.* после *Ruf.* и полагает, что именно смерть помешала закончить произведение), датировка книг 2 и 3 под вопросом; *III Hon.* (к январю 396 г.), *in Ruf.* (*praef.* 2, 397; датировка первой книги под вопросом; *IV Hon.* (к январю 398 г.), *epithalam.* (начало 398 г.); *Gild.* (398 г.); *Manl. Theod.* (к январю 399 г.); *in Eutrop.* (399 г.); *cons. Stil.* (начало 400 г.); *Get.* (402 г.); *VI Hon.* (к январю 404 г.). *Laus Serenae* (*min.* 30) и латинская *Gigantomachia* (*min.* 53; поздняя датировка по A. CAMERON 1970, 467—473) остались незавершенными.

Обзор творчества¹

Panegyricus dictus Probino et Olybrio: после обращения к богу Солнца восхваляются предки, особенно отец обоих юных Анициев. Богиня Рома — которую поэт выводит перед глазами читателя — рекомендует их императору Феодосию, мать Проба надевает на них платье, подобающее их должности, и бог Тибра выражает свою гордость за них; затем поэт благословляет наступающий год.

In Rufinum 1: Прежние сомнения Клавдиана в существовании провидения рассеяны смертью Руфина. Возмущенная торжеством справедливости (*iustitia*), Аллекто собирает фурий на совет в преисподней. После этого Мегера посылает своего любимого приемного сына, изверга Руфина, в Византий. Его алчности и жестокости противопоставлен Стилихон как светлый образ спасителя. Справедливость, которую Мегера заставила снова покинуть землю, пророчествует о смерти Руфина и счастливом веке при Гонории.

In Rufinum 2: Руфин, овладевший волей императора Востока Аркадия, приказывает Стилихону — который избегает битвы с Аларихом — отвести войска Империи к Константинополю. Эти последние, вернувшись в столицу, низлагают Руфина. Судья в царстве мертвых осуждает его на самые страшные глубины подземного мира.

Panegyricus dictus Honorio Augusto tertium consuli: Клавдиан передает в Медиолан поздравления сената одиннадцатилетнему консулу Гонорию. Последний, взяв за образец деда, учился военному искусству у отца. Участие в войне с Аргобастом он мог принять лишь душою, однако ауспиции были благоприятны благодаря именно ему. Умиравший Феодосий завещает Стилихону защищать обоих своих сыновей; они будут царствовать со славой.

Panegyricus dictus Honorio Augusto quartum consuli: Клавдиан славит деда и отца Гонория, победы последнего над мятежниками, его мягкость и щедрость. Больше всего места занимают наставления Феодосия: Клавдиан делает из них зеркало государей. Затем следует наставление продолжать учение: путь указывают примеры из римской истории. Панегирик венчает восхваление Стилихона и Гонория.

Epithalamium dictum Honorio Augusto et Mariae и *Fescennina*: Амур слышит о любви Гонория к Марии. Он летит на Кипр, к своей матери Венере; поэт описывает обитель богини. Затем следует не менее значимое изображение плавания Венеры к лигурийским берегам. Богиня неожиданно застаёт невесту за чтением классиков и наряжает ее. Хор солдат хвалит отца невесты Стилихона².

De bello Gildonico: Всемогущий на Востоке Евтропий объявляет Стилихона врагом государства (397 г.) и побуждает мавра Гильдона остановить подвоз зерна к Риму. Его брат Масцезель наносит ему пораже-

1. О предисловиях см. разд. *Образ мыслей I*.

2. О *Fescennina* см. разд. *Язык и стиль*.

ние весной 398 г. по поручению Стилихона. Не случайно отсутствует вторая книга; ее написание было бы нежелательно после убийства Масцезеля на глазах того же Стилихона.

Богиня Рома сетует перед лицом Юпитера на голод, Африка — на жадность и распутство Гильдона; затем отец богов пророчествует о победе Гонория и о господстве Рима над Африкой. В двух параллельных снах Аркадий получает от своего отца Феодосия приказ уступить брату, а Гонория воодушевляет к борьбе его дед, покоритель Мавретании; после разговора со Стилихоном, который рекомендует послать на войну Масцезеля, Гонорий произносит пламенную речь перед воинами, выступающими в поход.

Panegyricus dictus Mallio Theodoro consuli: Феодора, который раньше занимал почетные должности, а теперь во время досуга предается занятиям философией, Справедливость призывает посвятить себя служению ей. Он соглашается, хотя и с неохотой отказывается от сельской жизни. К образу виновника торжества делает поправку карикатура в *cart. min.* 21. Начало времен, исполненных надежды, — как говорит муза Урания в своей речи — знаменуют праздничные игры.

In Eutropium 1: Евнух Евтропий, самый влиятельный политик Восточной Империи, получает консульство в 399 г. Он, будучи рабом, много раз менял господ. Общее презрение развязывает ему руки; придворный Абунданций, который его возвысил, падает первой же его жертвой. Он жаден и честолюбив. Вместо того чтобы предоставить военное дело мужам, он утверждает, что победил готов, и теперь даже притязает на консульское достоинство. Это обстоятельство комментируется дважды — серьезным мужем и шутником. Богиня Рома побуждает Стилихона и Гонория избавиться от этого позорного пятна.

In Eutropium 2: Процесс продолжается: Евтропию ставят памятники, он руководит праздничным шествием полумужчин к Анкире, городу Матери Богов. Не желая терпеть подобного распутства, Марс побуждает Беллону поднять готов на войну. Сначала Евтропий пытается вести страусиную политику, затем — сатирическая сцена — он созывает свой опустившийся военный совет. К готской угрозе прибавляется парфянская; наконец — в августе — Евтропия свергают и отправляют в ссылку на Кипр. Затем Аврора просит Стилихона теперь защитить и Восточную Империю¹.

De consulatu Stilichonis 1: Вандал Стилихон становится консулом в 400 г. Мы слышим рассказ о его молодости и военных подвигах, включая мирную миссию в области Рейна и войну с Гильдоном; ее изображение теперь продолжено без упоминания имени Масцезеля.

De consulatu Stilichonis 2: В чрезвычайно важной второй книге речь

1. Во второй книге само изгнание рассматривается как наказание недостаточное; несколько мягче вступление к этой книге (написанное, вероятно, позднее).

идет об олицетворенных доблестях, живущих в сердце Стилихона; прежде всего это мягкость, верность, справедливость. По желанию провинций Рома просит Стилихона принять консульство и передает ему жезл из слоновой кости и сотканную божественной рукой одежду с изображениями подвигов его потомков. На будущее солнце выводит из пещеры вечности золотые годы и благоприятные созвездия.

De consulatu Stilichonis 3: Стилихон находится в Риме (поэт прославляет Вечный город) и устраивает праздничную травлю. Диана отправляется в путь со своими нимфами, чтобы привести сюда зверей со всего света. Ее странствие из Ливии в Рим напоминает шествие Вакха. Так природный мир включается в «космическую поэзию»; за раздвижением временных рамок во второй книге следует аналогичный шаг с пространственными.

De bello Getico: Аларих в 401 г. захватил Аквилею. Стилихон возвращается из Ретии, где он восстановил спокойствие, в Италию и на Пасху 402 г. с успехом встречает вестготов при Полленции; Аларих вынужден был обещать вернуться в Иллирию. Достоинно внимания предупреждение старого гота и гордый ответ Алариха. В конце успех Стилихона поэт сравнивает с победой Мария над кимврами.

Panegyricus dictus Honorio Augusto sextum consuli: По просьбе богини Ромы Гонорий — император и консул — приходит в Вечный город на праздничные игры. После нового поражения — у Вероны — Аларих в памятной речи утверждает, что Италия для него потеряна. По желанию Ромы Гонорий по достоинству оценивает подвиг Стилихона.

De raptu Proserpinae 1: Собрав всех богов подземного мира, Плутон жалуется, что у него нет жены. По совету Лахесис он отправляет Меркурия к Юпитеру. Тот решает дать ему в жены Прозерпину. По его приказу Венера, в сопровождении Дианы и Минервы, поспешно отправляется на Сицилию, где находит Прозерпину, работающую за ткацким станком. На ткани, которая готовится в подарок матери (ее нет рядом), изображен весь мир.

De raptu Proserpinae 2: На следующее утро богини отважно выходят на прогулку и срывают цветы, которые чудесным образом выращивает Генна. Затем появляется похититель Плутон; напрасно Минерва и Диана требуют его к ответу; он утешает невесту и отводит ее в свое царство, где для нее готов торжественный прием.

De raptu Proserpinae 3: Перед собранием богов Юпитер объясняет, что под его властью — в отличие от его отца Сатурна — нужда заставит людей стать изобретательней. Выслушав жалобу матери природы на недостаток плодородия и цивилизации, Юпитер собирается распространить сельское хозяйство, отпустив Цереру на поиски пропавшей дочери. Никто не должен ей сообщать, где Прозерпина. В отчаянии она зажигает два гигантских факела на Этне и отправляется в путь. Произведение осталось незаконченным.

Малые стихотворения весьма многообразны. У нас есть эпиграм-

мы (некоторые из них, написанные на сходные темы, как, например, 33–39, идут друг за другом). Из писем поучительно — с точки зрения истории того времени — послание к Серене (30). Что касается Адриана, которого автор обижает в одной эпиграмме и у которого затем просит прощения, эпиграмма и письмо стоят вместе (*in.* 20 сл.). Мы обнаруживаем описания местностей (источник Апон 26), предметов (магнит: *in.* 29), необычных или баснословных животных (дикобраза 9, феникса 27, электрического ската 49), и людей (как *in.* 20 о старике, который никогда не покидал свою деревню) и, наконец, стихотворения «на случай», как прелестный *Epithalamium* для Палладия и Целерины (25).

Не полностью сохранившаяся латинская *Гигантомахия* — не перевод греческой, также дошедшей фрагментарно. О греческих эпиграммах см. выше стр. 1464 с прим. 1 и стр. 1475.

Источники, образцы, жанры

Carmina maiora по-новому сочетают эпическую и панегирическую традицию. Жанр носит отпечаток эстетических потребностей окружения поэта, для которого тот пишет, но он окрашен и индивидуальным талантом автора (см. разд. *Литературная техника*).

На латыни панегирики писались по большей части в прозе. Для грека Клавдиана были доступны греческие стихотворные панегирики. В зачаточной форме их можно обнаружить у Феогида и в хоровой лирике — к традиции последней до некоторой степени примыкает и Гораций; поэтическая похвала властителю оформляется у Феокрита, откуда попадает в латинскую эклогу, а также у Герода и Каллимаха, чей *Локон Береники* был переведен Катуллом. Энний — исторический эпик, восхваляющий своих благодетелей, — пишет в духе эллинистической поэзии. Таким образом, Клавдиан здесь не выходит за рамки также и римской традиции.

Однако к этой поэзии, ставшей, между тем, в высшей степени искусственной, прибавляется еще один — хоть и не относящийся к «высокой» литературе — стимул. Греческий стихотворный панегирик императорской эпохи знаком нам только по отрывкам. В области латинской поэзии мы располагаем лишь *Панегириком Мессалы*. Этот распространенный вид эфемерных продуктов, из которого Стаций сделал полноценную малую форму (см., например, *silv.* 2, 5), у Клавдиана благодаря скрещиванию с эпосом становится формой крупной. В этом

смысле *Панегирики* Клавдиана обогащают латинскую поэзию новым жанром.

Другие *Carmina maiora* имеют исторический (*De bello Getico*, *De bello Pollentino*) или мифологический характер (*De raptu Proserpinae*, вероятно, по александрийскому образцу II в.). Панегорический элемент так же просто обнаружить в историческом эпосе, как и в *Carmina minora*: достаточно вспомнить *Похвалу Серене* (*min.* 30).

У инвектив есть и греческие, и римские корни: этот жанр можно истолковать так же легко с помощью риторической теории, поэтических или фольклорных традиций, как и сопоставлением с параллельными текстами — к *In Eutropium* следует прочесть $\psi\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ Иоанна Хрисостома против Евтропия и пропагандистское сочинение Синесия за преемника Евтропия Аврелиана (*De regno*). Что касается олицетворения Рима, то наряду с эпической традицией (Лукан, Силий Италик) нужно привлечь и речь Ромы Симмаха в его третьей *Relatio*.

Постоянно актуальна поэтическая традиция: все вновь и вновь вспоминаешь о Вергилии; Овидий — со своими аллегорическими описаниями местностей, с этопеей в форме речи и в стремлении к пластической наглядности — является предшественником Клавдиана; Стаций осуществил для него предварительную работу, введя в большую литературу стихотворение «на случай». О «лирике предмета» у Стация напоминают описательные *Carmina minora* (например, 2; 4; 17; 26). Заслуживает отдельного исследования, в какой степени Клавдиан вдохновлялся произведениями изобразительного искусства¹. Эпиграмма играет с греческой традицией; показательны серии эпиграмм на один и тот же предмет (*min.* 7 a, b; 15–16; 33–39; 43–44). Обращение к предшественникам у Клавдиана осуществляется свободно, самостоятельно и остроумно.

Литературная техника

Изобразительное искусство Клавдиана основывается на способности подавать самостоятельно каждый образ и представлять его читателю с визуальной убедительностью. Тем самым он завершает процесс, начавшийся в римском эпосе со вре-

1. Для начала: F.-F. SCHWARZ, *Nigra maiestas*. Bryaxis-Sarapis-Claudian, в: *Classica et Provincialia*, FS E. DIEZ, Graz 1978, 189–210.

мен Вергилия и Овидия и продолженный поэтами эпохи серебряной латыни¹. Внешние механизмы действия сжимаются и сводятся к необходимо нужному. Эти образы обладают замкнутым характером, однако их изоляция друг от друга — не полная. Ключевые слова создают лейтмотив и связывают образы между собой, выстраивая произведение в единое целое. Проницательные интерпретаторы обнаружили внутреннюю стройность клавдиановских текстов².

Если миф излагается подробно, он инсценирует душевно-духовную сторону события. В лаконичной форме он играет роль примера или сопоставления. Похвалу Серене (*min.* 30) украшают многие женские имена баснословного мира.

Для лепки отдельных фигур характерны речи, задуманные как средство этопеи. В других случаях ораторы также выбирают обдуманно: если Аларих объявляет сам, что Италия для него потеряна, это самый весомый авторитет в данном вопросе (*VI cons. Hon.* 274—329). Точно так же лучший рупор для зеркала государей — отец Гонория, император Феодосий.

Поэтический эффект основан прежде всего на описаниях, которые оживляются среди прочего благодаря преобразованию их в действие и ярким краскам — золотой, пурпурной, белой, зеленой (например, *min.* 30, 89—93). Показательны изображения аллегорических фигур — достаточно вспомнить спор между Мегерой и Справедливостью (*Ruf.* 1, 354—387). Аллегорические описания местностей — как достопримечательная обитель Венеры — показывают, что риторическая выучка может помочь проявиться подлинно поэтическому дару воображения. Вторая книга *О консульстве Стиллихона* объединяет в концентрированной форме различные технические приемы аллегорического оформления.

Ново то, что Клавдиан регулярно снабжает свои произведения поэтическими предисловиями, — можно вспомнить его современника Пруденция, который, правда, создает их с иными целями³. Сравнение с орлом в *III cons. Hon. praef.* свидетельствует о зрелом поэтическом самосознании.

Совершенствованию искусства Клавдиана помогла и рито-

1. F. МЕНМЕЛ, Valerius Flaccus, диссертация, Hamburg 1934; F. МЕНМЕЛ, Virgil und Apollonius Rhodius, Hamburg 1940.

2. Ср. M. BALZERT 1974; к *In Rufinum* S. KOSTER 1980, 298—314.

3. R. HERZOG, Die allegorische Dichtkunst des Prudentius, München 1966, 127—135 (о различии между панегирической и религиозной аллегорией).

рическая теория — мы можем с ней познакомиться прежде всего по творчеству Менаандра Лаодикейского¹ (III в.). Структуру стихотворного энкомия нельзя, конечно, схематизировать, сводя к школьным предписаниям², поскольку талант стихотворца все вновь и вновь проявляется в том, что он оживляет, а иногда и нарушает схему³. Например, мастерски исполнено возвращение к исходной ситуации предисловия под конец панегирика на четвертое консульство Гонория. Однако литературно притязательное восхваление, составленное по схеме энкомия, в латинской поэзии — новшество Клавдиана⁴.

Язык и стиль

Стиль и стих элегантны и выдерживают сравнение с лучшими поэтами I в. по Р. X. Искусные антитезы возникают как бы непреднамеренно: римский жизненный стиль описывается следующими словами: *virtute decet, non sanguine niti* («доблесть — опора, не кровь», *IV cons. Hon.* 220). Стилистически плодотворная тема, — например, феникс: эта птица умирает с радостью, поскольку ей не терпится родиться вновь (*in.* 27, 58); только старость уходит, а феникс остается (103). Он — «свой собственный наследник» (101), его смерть — «плодотворная смерть» (25). Гекзаметр иногда искусно делится на мельчайшие единицы (*Ruf.* 1, 300): *eruit: instauras; accendit proelia: vincis*, «рушит — ты снова воздвиг; выходит на бой — победил ты».

Самые частые стихотворные размеры — гекзаметр и элегический дистих; последний пользуется предпочтением Клавдиана в эпиграммах, малых произведениях и в предисловиях к крупным поэмам. Однако есть и краткие гекзаметрические вещи. В *Fescennina* размеры чередуются: первая пьеса написана алкеевыми одиннадцатисложниками; вторая состоит из замечательных строф в пять стихов — три анакреонтовых, один хориамбический диметр и ферекратов стих. Третье стихотворение написано анапестами, четвертое — асклепиадовым стихом.

1. *RhetGr* 3, 329—446.

2. Предисловие, происхождение, рождение, молодость, военные подвиги и поступки в мирной жизни (по основным доблестям), сравнение (по большей части отсутствует), эпилог.

3. S. DÖPP 1980.

4. H. SZELEST 1977.

Образ мыслей I Литературные размышления

Клавдиан чувствует свой прирожденный поэтический дар, он не хочет говорить *verba communia*, «обыкновенные слова», прежде всего когда его вдохновляет покровитель (*meus Apollo*, «мой Аполлон» — *min.* 3). Однако не следует делать из него импровизатора; реплики вроде *min.* 25, 1 продиктованы ситуацией и жанром. Свое понимание поэзии Клавдиан высказывает в первую очередь в предисловиях.

Уже в юности он чувствует влечение к крупным темам: достаточно вспомнить о греческой *Гигантомахии*. Там он в самом начале (1–15) сравнивает свое творчество на эту возвышенную тему с плаванием по открытому морю. В иных местах он также говорит о трепете, который вызывают крупные темы и авторитетные слушатели (например, *Manl. Theod. praef.*). С другой стороны, он дает читателю возможность испытать вместе с ним чувство все большей уверенности. Так, он изображает моряка, который с каждым разом отваживается плыть все дальше и дальше (*rapt. 1 praef.*), или дает сравнение с молодыми орлами, для которых испытание — смотреть на солнце (*III cons. Hon. praef.*). Из предисловия к *Bellum Geticum* мы узнаем, что поэт достиг признания и стал видной фигурой. Но именно это он воспринимает как дополнительное бремя ответственности. Полемику с критиками — которых он любезно аттестует как кентавров и фавнов (3) — мы обнаруживаем в предисловии к *Epithalamium dictum Honorio Augusto et Mariae*.

В *De raptu Proserpinae 2 praef.* Флорентин выступает как новый Геркулес, Клавдиан — как новый Орфей. Связь между мифологией и современностью в роли художественного материала Клавдиан метко характеризует как взаимоотношения между сном и действительностью (*VI cons. Hon. praef.*). Он мечтал написать поэму о гигантомахии, которую можно было бы положить к стопам Юпитера; теперь же ему предстоит воспеть консульство цезаря. Как уже Овидий, в реальном государе (который и на самом деле воплощает высшую земную власть) по римскому обычаю он видит то, что превосходит миф. Мотив сна со времен *Somnium* Цицерона тесно связан с темой государства.

В предисловии к третьей книге *О консульстве Стилихона* Клавдиан сравнивает свое отношение к герою с таковым же

Энния к Сципиону. Тот факт, что он пишет по приказу (*cons. Stil. 3 praef. 24*), он расценивает положительно: полководец придает значение свидетельству Муз (5) и особенно заботится о поэте, который может после победы вновь увидеть Рим и получить военные лавры (20). Этим способом Стилихон сближается с мусическими властителями, такими, как Сципион или Август. Исторические события, без сомнения более значительные, чем, напр., во времена Стация, служат Клавдиану источником вдохновения; они — *carmine digna*, «достойны стихов» (6). Стихами же, со своей стороны, он вызывает уважение того, кого воспевает (6). С точки зрения Клавдиана, это положение — звездный час истории; он сделал его таковым своей поэзией.

Образ мыслей II

С первого взгляда видно, что Клавдиан идеализирует своего героя Стилихона и демонизирует его противников. Без сомнения, он искажает действительность; однако трудно определить, насколько далеко он заходит в нарушении пропорций¹. Термин «пропаганда» неоднозначен; хорошая пропаганда опирается на факты, хотя бы и тенденциозно отобранные; пропагандист — вовсе не обязательно лжец. Однако у простых пропагандистов не бывает обычно и такой посмертной жизни, как у Клавдиана. Добросовестная стилистическая отделка и композиция текстов говорят о том, что мы имеем дело с чем-то большим, нежели однодневные памфлеты². Поэтическая концепция не исчерпывается наличием тенденциозности.

Точно так же очевидно, что боги из *theologia fabulosa* обретают у Клавдиана такую образность и пластичность, как редко у кого в римской поэзии. Но можно ли из этого заключить, что он верующий язычник? Ведь аллегории, которые уже никто не станет воспринимать дословно, поданы у него с такой же степенью наглядности. И разве миф не становится литературой, а его употребление — вопросом стиля, а не религиозной веры уже у Овидия? Одно из стихотворений доказывает, что Клав-

1. В разоблачительном духе, с обилием сведений и весьма увлекательно А. САМЕРОН 1970; сдержанно, например, С. ГНИЛКА, *Spomen* 49, 1977, 26–51.

2. Ср. S. ДОРР 1980 против А. САМЕРОН 1970.

диан, хотя бы формально, должен был быть христианином (*min.* 32)¹; и наоборот, его молитва Виктории (*Stil.* 3, 205–216) — только образчик патриотической риторики и вовсе не аргумент в пользу его языческих взглядов. Учитывая столь большое распространение религиозного индеферентизма в его время, этот вопрос для понимания стихотворений не столь важен, как иногда предполагают. Клавдиан гордится великим римским прошлым². Что касается настоящего, то для него особенно важна защита культуры от внешних и внутренних врагов³. Как и Энний⁴, в иных отношениях также сопоставимый с нашим поэтом автор, он в своем творчестве отражает общественные идеалы своего времени. Естественно, он пытается при этом оказать влияние на своего читателя, и мы можем поверить, что он желает, чтобы Римская Империя продолжала существовать, а также считает Стилихона ее призванным спасителем. По своей тенденции Клавдиан — рупор Рима и мировоззрения римлян.

В основе вполне серьезной паренезы императору (*IV Non.* 214–352) лежит этический идеал властителя, далеко выходящий за рамки потребностей современной пропаганды⁵. Гонорий должен не только стать государем, который будет достойно управлять империей в духе своего отца; поэт держит перед ним — и перед современным обществом — зеркало и показывает аналогии между макро- и микрокосмом. Вообще поэт Клавдиан еще раз делает актуальным единство греческой и римской культуры, как ее воспринимает его аудитория — образованная сенатская аристократия.

Традиция

В нашем распоряжении около 300 рукописей Клавдиана. В старейших произведениях даются самостоятельными группами: политические стихотворения (без панегирика в честь консульства Пробина и

1. Об этом J. L. SEBESTA 1980; J. VANDERSPOEL, *Claudian, Christ, and the Cult of Saints*, CQ NS 36, 1986, 244–255.

2. Ср., например, знаменитую похвалу Риму *cons. Stil.* 3, 130–181.

3. Иначе расставляет акценты в римской речи Элий Аристид (II в.): обеспечение правосудия и гражданские права.

4. Ср. *cons. Stil.* 3, *praef.*

5. Что касается зеркала государей, нужно вспомнить о *De regno* Синесия († до 415 г.) и о речах к императору Фемистия († ок. 388 г.) и Либания († ок. 393 г.).

Олибрива) были рано, может быть, еще по распоряжению Стилихона собраны в одном своде. С начала средневековья у этого последнего общая традиция с также собранными в одно целое малыми стихотворениями — это так называемый *Claudianus maior*¹. Главные представители — *Bruxellensis* 5381 (*Gemblacensis*, XI в.), *Vaticanus* 2809, XII в., *Parisinus* 18 552, XII—XIII в.

Для *Carmina minora* есть еще кодексы; самый значительный — *Vergo-pensis* 163, конца VIII в. Только латинскую *Гигантомахию* (*min.* 53) содержит *Sangallensis* 273, IX в. Греческая *Гигантомахия* — в *Matritensis* *Graecus* 4691, 1465 г., и в *Laurentianus*, conv. sopp. 164, XV в., греческие эпиграммы — в *Heidelberger Palatinus* 23, XI в.

Самостоятельная традиция у следующих крупных произведений, которые не были связаны со Стилихоном: *Panegyricus dictus Probino et Olybrio* и — снова независимо — *De raptu Proserpinae*; последнее произведение называли *Claudianus minor*. Оба эти стихотворения всплывают в XII в.

Вообще рукописей Клавдиана в XII, XIII и XV в. становится все больше, что соответствует растущей популярности нашего поэта. Отдельные ветви традиции, насколько мы можем видеть, сходятся только в XII в. Однако каталоги средневековых библиотек показывают, что были и другие комбинации. Все рукописи контаминированы. Новые издатели оставили надежду восстановить стемму.

Влияние на позднейшие эпохи

Влияние Клавдиана многосторонне: как версификатора, как автора архетипических мифологических образов, а также аллегорических фигур и местностей, как источника для художников и скульпторов, как натурфилософа, политического философа, моралиста.

Не прояснены взаимоотношения Клавдиана и Пруденция². Латинские поэты в Галлии, Африке и Италии знают Клавдиана и работают в его традиции. Достаточно сравнить *Эпиталамий* (*mai.* 9—10) с соответствующими стихотворениями Венанция Фортуната (*carm.* 6, 1) и Сидония Аполлинария (*carm.* 10—11), который вообще пытается стать вторым Клавдианом. Земляк нашего поэта Нонн Панополитанский (V в.), кажется, обратил

1. Терминология в случае с Клавдианом как будто нарочно создана для того, чтобы ввести в заблуждение: не следует путать *Claudianus maior* и *minor* с *carmina maiora* и *minora*.

2. См. А. САМЕРОН 1970, 469—473 (по большей части приоритет Клавдиана); иначе С. ГНИЛКА, *Гномон* 49, 1977, 43 сл.; о следующем: А. САМЕРОН 1970, 419—451.

на него внимание¹; в Константинополе его читают Присциан и Иоанн Лидиец (VI в.).

Новый взлет влияние нашего поэта переживает в XII столетии. Иоанн Альтавилльский в своем *Architrenius* (1184 г.) явно намекает на него². Изображение обители Венеры у Клавдиана (10, 49–96), вероятно, наложило свой отпечаток на распространенное представление о «горé Венеры».

Александр Неккам († 1217 г.) цитирует в своем произведении *De naturis rerum* (1, 35) 53 стиха из *Феникса* Клавдиана; длинная цитата обладает для нас ценностью рукописи. Алан Лилльский († ок. 1203 г.) пишет своего *Anticlaudianus de Antirufino* в полемике с *In Rufinum*³. Он противопоставляет бесчеловечному Руфину свой образ по-настоящему божественного человека. Собрание в преисподней (*Ruf.* 1, 25–67) через Алана (8, 147–316) оказывает влияние на Виду (*Christias*), Петра Мученика из Англии (*Pluto furens*)⁴ и Мильтона (*Paradise Lost*).

Чосер († 1400 г.) использует⁵ — может быть, через посредство школьной подборки — *Laus Serenae*, пролог к *VI cons. Non.* и особенно *De raptu Proserpinae*, произведение, обязанное своей популярностью с XII в., среди прочего, и своим натурфилософским мотивам⁶.

В союзе со Стацием и Луканом Клавдиан становится серьезным конкурентом поэтам времени Августа. Переход к эпохе Возрождения для нашего автора оказывается плавным. Петрарка знает его хорошо. Стихотворные энкомии Клавдиана считаются образцом панегирической литературы, оживающей с XIV в. Позднее он периодически угрожает оттеснить на второй план Вергилия с Овидием.

В *De genealogiis deorum gentilium* (11, 4) Боккаччо († 1375 г.) дает жизнеописание Венеры; при этом он подробно цитирует

1. О греческой гигантомахии у Нонна: А. CAMERON 1970, 15 сл.

2. *Architrenius* 1, р. 252 WRIGHT.

3. Ср. также аллегорическое описание местности *Anticl.* 1, 107–186 с *Claud. rapt. Non.* 49; 56 сл.

4. U. HECHT, *Der Pluto furens* des Petrus Martyr Anglerius. Dichtung als Dokumentation, Frankfurt 1992; K. WIERSCH, *Die Unterweltsversammlung bei Claudian in der antiken und späteren Tradition*, диссертация, Heidelberg 1996.

5. *The House of Fame* 1507 сл.: *The Merchant's Tale*, E. 2227 сл.; HIGHET, *Class. Trad.* 592 сл.

6. Об одном из средневековых комментариев см. теперь А. К. CLARKE, P. M. GILES, изд., *The Commentary of Geoffrey of Vitry on Claudian, De raptu Proserpinae. Transcribed... with an Introduction and Notes*, Leiden 1973.

Эпиталамий, но называет его *De laudibus Styliconis*. *Эпиталамий* (*min.* 10) оказывает влияние также на стансы Полициано († 1494 г.) *Per la giostra*. Клавдианов *Court of Venus* (*ibid.*) еще в XVIII в. вызывает многочисленные английские переложения в стихах¹. Кольридж († 1834 г.) также рекомендует исполненного фантазии Клавдиана и оставляет Силия непрочитанным².

Плавание Венеры (*Claud. mai.* 10, 144–179) порождает целую традицию в изобразительном искусстве, которая ведет к *Vénus marine* Пуссена († 1665 г.)³. Наряду с Овидием и Стацием Клавдиан наложил весомый отпечаток на восприятие мифа и вообще античности вплоть до XVIII века.

В произведениях в жанре зеркала государей⁴ от *Policraticus* (1159) Иоанна из Солсбери († 1180 г.)⁵ до *De cura rei publicae* Филиппа Лейденского (некоторое время спустя 1355 г.) слова Федосия Гонорию (*IV cons. Hon.*, особенно 229–302) — наиболее часто цитируемый пассаж. Традиция продолжается и в эпоху Ренессанса, как, например, в *Boke Named the Gouvernour* (1531 г.) Томаса Элиота. Вплоть до Нового времени Клавдианов Руфин оказывает влияние на клишированные изображения тиранов.

Афоризмы Клавдиана с IX в. входят во флорилегии. Еще Новое время любит и ценит фразы вроде *mobile vulgus* («непостоянная толпа», *IV cons. Hon.* 302; отсюда английское *mob*), о свободе служить хорошему властителю (*numquam libertas gratior extat / quam sub rege pio*, «никогда не бывает свобода милее, / чем при честном царе»; *cons. Stil.* 3, 114 сл.) и о несносном выскочке: *asperius nihil est humili cum surgit in altum* («нет скверней никого, чем из подлых пробившийся к знати», *Eutr.* 1, 181). Клавдиан присутствует и в числе авторов, которых читает Монтень († 1592 г.). Монтескье († 1755 г.) предваряет свои *Considérations* об упадке Рима словами из *Ruf.* 1, 22 сл.: *tolluntur in altum, ut lapsu graviore ruant* («к вершине стремятся, / чтобы с большей упасть высоты»).

Кольридж называет Клавдиана «первым из современных»; он открывает в нем противостояние античной объективности и современной субъективности. Жорис-Карл Гюисманс

1. A. CAMERON 1970, 439.

2. A. CAMERON 1970, стр. VII.

3. C. DEMPSEY, *The Textual Sources of Poussin's Vénus marine*, *JWI* 29, 1966, особенно 441.

4. A. CAMERON 1970, 431–433 (обильный материал).

5. Этот автор хорошо знаком с творчеством Клавдиана.

(† 1907 г.) посвящает ему раздел в своем *A Rebouris*¹. Еще в 1966 г. Клавдиан занимает Хеллу С. Хаассе в ее новелле *Een nieuwer testament*. Германн Зудерманн в драме *Die Lobgesänge des Claudian* (Stuttgart, Berlin 1914) метко назвал нашего поэта «любимцем богов, у которого крестильная купель не стерла с перьев отблеск Олимпа» (1 явление, 4 сцена).

Издания: В. CELSANUS, Vicentiae 1493 etc. * N. HEINSIUS, Lugduni Batavorum 1650; Amstelodami 1665. * Th. BIRT (крит., с подр. введ. и *Index verborum*), Berolini 1892, перепечатка 1961 (= MGH AA 10). * M. PLATNAUER (ТП), London 1922. * J. V. HALL, Leipzig 1985. * *Cet.*: Н. SCHROFF (ТК), Berlin 1927. * D. DE VENUTO (ТК), Roma 1968. * G. GARUTI, введ., ТПК, Bologna 1979. * *Gild.*: М. OLECHOWSKA (ТПК), Leiden 1978. * А. CAMERON (К, готовится к печати). * *Eutrop.*: А. С. ANDREWS (К), диссертация, Philadelphia 1931. * P. FARGUES (ТК), Paris 1933. * Н. SCHWECKENDIEK (ПК), Hildesheim 1992. * *Eutrop., Ruf.*: J. V. HALL (Т), Cambridge (вскоре). * *III Hon.*: J. LEHNER (К готовится к печати). * *IV Hon.*: W. BARR (ТПК), Liverpool 1981. * J. LEHNER (К), Königstein 1984. * *VI Hon.*: К. А. MÜLLER (ТК), Berlin 1938. * W. ERNEST (К, см. ниже). * *Manl. Theod.*: W. SIMON (ТПК), Berlin 1975. * *nupt. Hon.*: U. FRINGS (К), Meisenheim 1975. * *Ol. Prob.*: W. TAEGERT (ТПК), München 1988. * *rapt.*: J. V. HALL (ТК), Cambridge 1969. * J.-L. CHARLET (ТП), Paris 1991. * С. GRUZELIER (ТПК), Oxford 1993. * *rapt. I.*: E. POTZ (К), диссертация, Graz 1985. * *Ruf.*: Н. L. LEVY (новый экзегетич. К с перепечаткой Т и крит. К 1935 года), London 1971. * *Stil.*: U. KEUDEL (К, подражание), Göttingen 1970. * *carm. min. 27 (Phoenix)*: М. L. RICCI (ТК), Bari 1981. * *carm. min. 30 (Laus Serenae)*: W. E. HEUS (ТК), Utrecht 1982. * F. E. CONSOLINO (ТП), Venezia 1986. ** *Indices: Index verborum* в изд. Th. BIRT. * M. WACHT, Lemmatisierter Index zu den *Carmina maiora* Claudians mit statistischen Anhängen zu Sprache und Metrik, Nürnberg 1980 (= Regensburger Microfiche Materialien 9). ** *Библ.*: F. GASACELI, *Recenti studi Claudiane*, BStudLat 2, 1972, 318—326. См. также монографии и комментарии.

М. BALZERT, *Die Komposition des Claudianischen Gotenkriegsgedichtes c. 26*, Hildesheim 1974. * T. D. BARNES, *The Victims of Rufinus*, CQ NS 34, 1984, 227—230. * А. CAMERON, *Claudian. Poetry and Propaganda at the Court of Honorius*, Oxford 1970. * А. CAMERON, *Claudian*, в: J. W. BINNS, изд., *Latin Literature of the Fourth Century*, London 1974, 134—159. * P. G. CHRISTIANSEN, *The Use of Images by Claudius Claudianus*, Den Haag 1969. * S. DÖPP, *Zeitgeschichte in Dichtungen Claudians*, Wiesbaden 1980. * А. Н. ЕАТОН, *The Influence of Ovid on Claudian*, диссертация, Washington 1943. * W. ERNEST, *Die Laudes Honorii Claudians: 3 Beispiele poetischer Konsulatspanegyrik im Vergleich*, диссертация, Regensburg 1987. * P. FARGUES, *Claudian. Etudes sur sa poésie et son temps*, Paris

1933. * W. FAUTH, *Concussio Terrae*. Das Thema der seismischen Erschütterung und der vulkanischen Eruption in Claudians *De raptu Proserpinae*, A&A 34, 1988, 63—78. * A. FO, Studi sulla tecnica poetica di Claudiano, Catania 1982. * H. FUNKE, The Universe of Claudian. Its Greek Sources, PLLS 5, 1985 (опубл. 1986), 357—366. * S. GENNARO, Lucrezio e l'apologetica latina in Claudiano, MSLC 7, 1957, 5—60. * I. GUALANDRI, Aspetti della tecnica compositiva in Claudiano, Milano 1968. * J. B. HALL, Prolegomena to Claudian, London 1986 (= BICS Suppl. 45). * U. KEUDEL, Poetische Vorläufer und Vorbilder in Claudians *De consulatu Stilichonis*, Göttingen 1970. * U. KNOCH, Ein Sinnbild römischer Selbstauffassung, в: *Symbola Coloniaensia* J. KROLL, Köln 1949, 143—162. * S. KOSTER, Die Invektive in der griechischen und römischen Literatur, Meisenheim 1980. * P. LAURENS, Poétique et histoire. Etude de neuf épigrammes de Claudien, BAGB 1986, 4, 344—367. * J. LEHNER, Poesie und Politik in Claudians *Panegyrikus auf das vierte Konsulat des Kaisers Honorius*. Ein Kommentar, Königstein 1984. * H. L. LEVY, Themes of Encomium and Invektive in Claudian, TAPhA 89, 1958, 336—347. * N. MARTINELLI, Saggio sui carmi greci di Claudiano, Miscellanea GALBIATI 2, 1951, 47—76. * R. MOES, Les hellénismes de l'époque théodosienne. Recherches sur le vocabulaire d'origine grecque chez Ammien, Claudien et dans l'*Histoire Auguste*, Strasbourg 1980. * I. OPELT, Schimpfwörter bei Claudian, Glotta 60, 1982, 130—135. * R. PERRELLI, I proemi claudiani. Tra epica e didattica, Catania 1992. * M. L. RICCI, Il mito della Fenice in Claudiano, tra propaganda politica e scienza, Quaderni dell' A. I. C. C. di Foggia 1981, 63—71. * Wolfg. SCHMID, Claudianus, RLAC 3, 1957, 152—167. * P. L. SCHMIDT, Politik und Dichtung in der Panegyrik Claudians, Konstanz 1976. * J. SCHWARTZ, Le papyrus latin d'*Alceste* et l'œuvre de Claudien, ZPE 52, 1983, 37—39. * J. L. SEBESTA, Claudian's Credo. The *De salvatore*, CB 56, 1980, 33—36. * M. SWOBODA, De Ausonii et Claudiani fragmentis hymnico-precatatoriis, Eos 69, 1981, 83—95. * H. SZELEST, Klaudians *Laus Serenae*, Eos 65, 1977, 257—263. * F. VOLLMER, Claudianus, RE 3, 2, 1899, 2652—2660.

ЮВЕНК

Жизнь, датировка

Г. Ветгий Аквилин Ювенк, из знатной испанской семьи, — пресвитер. Он создает свое Сводное Евангелие (*Evangeliorum libri IV*) при Константине, вероятно, в 329/330 г.

Обзор творчества

История детства — синопсис Евангелий от Матфея и от Луки (ср. *Diatessaron* Татиана); затем он следует Евангелию от Матфея, которое дополняет Евангелием от Иоанна.

Источники, образцы, жанры

Жанр «библейского эпоса», с одной стороны, можно свести к школьному упражнению поэтического пересказа, с другой — к желанию образованной аудитории получить стилистически приемлемую версию библейских сюжетов. Ювенк, вероятно, создает свой труд самостоятельно; кроме латинской версии, он привлекает также и греческий оригинал.

Литературная техника

В принципе доминирует почти дословное воспроизведение, которое, как полагает поэт, подобает священному тексту. Одновременно — при всем при том — *ornatus* (4, 808) — открыто провозглашенная цель; только самая благородная литературная форма, эпическая, может соответствовать высоте предмета. Манеру Ювенка можно охарактеризовать следующими ключевыми понятиями: перифраза, сокращение, распространение, деисторизация, деиудеизация, романизация.

Язык и стиль

Как и следует ожидать от классициста, обращение с языком и со стихотворным размером осуществляется в рамках корректности.

Образ мыслей I Литературные размышления

Вступление излагает литературную концепцию Ювенка: ничто в мире не бессмертно, в том числе и Рим. Однако слава подвигов человека живет долго, если они воспеты, скажем, Гомером или Вергилием. Точно так же длительна и слава поэтов. И если уже сказания, основанные на человеческой лжи, дают поэту такую посмертную жизнь, то Ювенк, безусловно, сподобится бессмертной славы и вечной жизни, поскольку он возвещает о божественной истине житнетворческих деяний Христа. Поэтому даже гибель мира ему не страшна¹. Христианская

1. Поэт рассчитывает — для нас несколько по-римски прямолинейно — на Христово воздаяние за свои труды. Однако он ограничивает свои ожидания — на что не всегда обращают внимание — словом *forsan*, «может быть». Об ин-

поэзия может спасти автора на Страшном суде. Однако он не хочет провозгласить ее средством стяжать милость; Ювенк молится о крещении Святым Духом в Иордане своей души — как позднее Мильтон; тем самым он ставит свое творчество на службу высшему и в эпилоге высказывает убеждение в том, что он обязан своим произведением Христовой благодати, *gratia Christi* (4, 806) и его миру, *pax*. Таким образом он делает первый шаг к поэтике христианского эпоса.

В поэме Ювенка, что касается ее замысла, речь идет о «крещении» (т. е. христианизации и спиритуализации) античного эпоса. Достижения Гомера и Вергилия, а также их долговечность должно превзойти (аналогичная мысль в светском варианте появится у Камюэнса): Ювенк пишет первый уже «нелживый» эпос.

Образ мыслей II

Обычное преклонение перед правителем христианизируется: царь-миротворец Константин — единственный монарх, который не хочет, чтобы его почитали как бога; ему воздаст вечной жизнью милость Христова (4, 809—815). Император — гарант внешнего мира, и это — предпосылка для появления труда Ювенка (4, 809 сл.); косвенно это напоминает *Pax Augusta*, необходимое условие творчества Вергилия (количество книг у Ювенка тождественно числу не только Евангелий, но и *Георгиев*). Сочетание классицизма и христианства имеет и римско-политический акцент. В эпоху Константина появляется не только «христианский Цицерон» (Лактанций), но и «христианский Вергилий» — Ювенк.

Традиция

Шесть рукописей относятся к докаролингской эпохе; более всего (около 30) кодексы Ювенка распространены в IX—X вв.; история текста еще не написана.

Влияние на позднейшие эпохи

Ювенк получает немедленное признание как архетип христианской поэзии. Проба и Паулин из Нолы знают его. Иероним в своей истории литературы отводит ему видное место. В эпоху поздней античности Ювенка часто цитируют вместо Святого Писания. Вплоть до XI в. и вновь с эпохи Возрождения он был школьным автором, хотя ему и предпочитают более гибкого Седулия.

Издания: Editio princeps Daventriae, 1490. * K. MAROLD, Leipzig 1886. * J. HUEMER, CSEL 24, Vindobonae 1891. ** Кроме того, N. HANSSON, Text-kritisches zu Juvenus mit vollständigem Index verborum, Lund 1950.

M. FLIEGER, Interpretationen zum Bibeldichter Iuvenus. Gethsemane, Festnahme Jesu und Kaiphaprozeß (4, 478–565), Stuttgart 1993. * R. HERZOG, Die Bibelepik der lateinischen Spätantike 1, München 1975. R. HERZOG, HLL 5, 1989, § 561 (лит.). * M. J. ROBERTS, The Hexameter Paraphrase in Late Antiquity, Liverpool 1985.

СЕДУЛИЙ

Жизнь, датировка

Радостное событие в библейской эпике — *Carmen Paschale* Седулия (вторая четверть V в.). Автор, по-видимому, родом из Италии, но позднее перебирается в Грецию.

Обзор творчества

Седулий предпосылает четырехчастной Евангельской гармонии книгу о Ветхом Завете, и потому *Carmen Paschale* состоит из пяти книг. Мы располагаем и в высшей степени риторизированной версией этого произведения в прозе (*Opus Paschale*). Элегия с искусным повтором полустийший параллелизует события Ветхого и Нового Завета. По принципу алфавитной построчной знаменитый гимн Христу *A solis ortus cardine*.

Источники, образцы, жанры

Как автор библейского эпоса Седулий следует за Ювенком, однако в «вергилизации» он заходит гораздо дальше, чем его предшественник, и заимствует у классика иногда целые стихи.

К счастью, он отказывается от эстетически неплодотворного рабского копирования библейского оригинала.

Литературная техника

Седулий — одаренный поэт, самостоятельно располагающий свой материал. У него есть чутье на главное и второстепенное, и поэтому Пасха тематически оказывается на первом плане. Чудеса Ветхого и Нового Завета — ее предзнаменования; их нужно понимать типологически. Грехопадению в начале второй книги противопоставляется воплощение Сына Человеческого; для женских фигур — Евы и Марии — автор выражает свою оценку в поэтических образах. Сосредоточение на деяниях Христовых дает то эстетическое преимущество, что речь идет не столько об учении, сколько о событиях. Кроме того, автор (такой же пламенный оратор, как Лукан) оживляет рассказ молитвами, наставлениями и полемикой. Текст, предназначенный для медитации, можно оценить как «стихотворный иконостас» *avant la lettre*.

Язык и стиль

Изысканная манера автора сказывается на стихах лучше, чем на вымученной прозе.

Образ мыслей I Литературные размышления

В намерении воспеть чудеса Христовы (*carm. pasch.* 1, 1) Седулий, как раньше Ювенк, противопоставляет свое творчество лживой поэзии язычников. Он выбирает стихотворную форму, поскольку та по вкусу образованной публике (*epist.* 1, p. 5, 1 НУЕМЕР); подобно Лукрецию, он отводит поэтике скромное место, далеко не отражающее его настоящих достижений.

Образ мыслей II

Автору пришлось каяться в своей талантливости; самостоятельная трактовка библейского предмета ставит его в затруднительное положение; отсюда — прозаическая переработка.

Традиция

Стихотворное наследие Седулия было издано посмертно в 495 г. Все рукописи *Carmen Paschale* восходят к одному архетипу. Старейшие — Ambrosianus R 57 (VII в.), Taurinensis E IV 44 (VII в.), Gothanus I 75 (VIII в.), Basileensis O IV 17 (VIII в.). Начиная с IX в. рукописи становятся многочисленными; некоторые монастырские библиотеки располагали произведениями любимого автора даже в двух экземплярах.

Влияние на позднейшие эпохи

Седулия ценили высоко и много читали. Аратор (*Деяния апостолов*, 544) в своей аллегоризации идет по его стопам, как и в обращении с языком. Мы уже говорили об одаренном Авите (начало VI в.). Ок. 900 г. Ремигий из Оксерры пишет комментарий к Седулию; строфы *Christianissimus poeta* обогащают требники и молитвенники, а через перевод Лютера — евангелическое церковное пение.

Издания: Io. HUEMER, Vindobonae 1885 (= CSEL 10). * N. SCHEPS (ПК), Delft 1938. * I. F. CORSARO (ПК), Catania 1948. ** *Index verborum et locutionum* (избр.) у Io. HUEMER, изд. *Конкорданс*: M. WACHT, Hildesheim 1992. ** *Библиография:* ALTANER § 101.

G. KRÜGER в: SCHANZ-HOSIUS, LG 4, 2, 1920, §§ 1146—1149. * I. F. CORSARO, *Sedulio poeta*, Catania 1955. * HERZOG, см. гл. о Ювенке. * I. OPELT, *Die Szenerie bei Sedulius*, JbAC 19, 1976, 109—119. * C. RATKOWITSCH, *Vergils Seesturm bei Iuvenus und Sedulius*, JbAC 29, 1986, 40—58. * G. P. E. SPRINGER, *The Gospel Epic in Late Antiquity. The Paschale Carmen of Sedulius*, Leiden 1988 (с библиографией).

ПРУДЕНЦИЙ

Жизнь, датировка

Аврелий Пруденций Клемент, родившийся в 348 г. в Испании, изучает риторику, занимается адвокатской практикой, дважды становится наместником провинции и наконец входит в круг советников императора Феодосия. В более зрелом возрасте он принимает решение посвятить свою жизнь исключительно христианской поэзии. В пятидесятилетнем возрасте он сам издает свои стихотворения. В предисловии нет упоминания о *Dittochaëum*: показалось ли автору это произве-

дение слишком незначительным или оно было создано позже? Неупоминание в предисловии *Психомахии* объясняется иначе (см. ниже прим. 2). Варианты в *cath.* 10, 9—16 заставляют думать о втором издании, на что, правда, иные указания отсутствуют. Год смерти поэта неизвестен.

Издание включает: *Praefatio* (405 г.), *Cathemerinon*, *Apotheosis*, *Hamartigenia*, *Psychomachia*, *Contra Symmachum* (402—404 гг.), *Peristephanon*, *Epilogus*. *Peristephanon* в некоторых рукописях идет следом за *Cathemerinon*, но в лучших — после *Contra Symmachum*. Положение и функция так называемого *Epilogus* установлены не вполне надежно, как и последовательность стихотворений в книге *Peristephanon*¹. Все произведения написаны в промежутке 392—405 гг.

Обзор творчества

В центре сборника стоит *Psychomachia*², окруженная двумя парами дидактических эпических произведений. Две книги, стоящие перед *Psychomachia*, — *Apotheosis* и *Hamartigenia* — направлены против еретиков, а стоящие после — *Contra Symmachum* I и II — против язычников. Обе двойные группы обладают внутренней цельностью в силу общих прологов и эпилогов. У *Психомахии* — собственный пролог. Эпическую сердцевину сборника обрамляют лирические произведения *Cathemerinon* и *Peristephanon*.

Симметричная архитектура дополняется последовательным развитием темы. Книга *Cathemerinon* («Ежедневные гимны») сопровождает христианина в течение года и дня. Она содержит по шесть гимнов³ для определенных часов дня и времен года. В конце — в обоих последних гимнах — ярче всего проявляется связь со Христом. Стоящие в центре эпические произведения оставляют на время практику и обращаются к богословию. Центральное произведение, *Psychomachia*, фланкируют поэмы, направленные против заблуждений — ересей и язычества. *Apotheosis* поражает патрипассиан, сабеллиан, иудеев, эбионитов и манихеев и затем развивает ортодоксальное учение о Троице. Пруденций достаточно осторожен, чтобы в открытую не нападать на ариан и присциллиан. *Hamartigenia* обращается против дуалистических концепций возникновения греха. Часто упомина-

1. Об этом W. LUDWIG 1977, 321—338.

2. Неупоминание *Psychomachia* в общем *Praefatio* усложняет истолкование сборника как единого целого, однако вовсе его не исключает (W. LUDWIG 314 с дискуссией 364 сл.).

3. Первые шесть гимнов относятся к часам молитвы, рекомендованным Амвросием (*virg.* 3, 18): J. BERGMAN 1921, 62.

ется имя Маркиона; но мишенью собственно является скорее, и Пелагий.

Сердцевина же, *Psychomachia*, сориентирована в свою очередь на практику: воздвижение храма мудрости возможно только после победы добродетелей. По призыву Христа душе, прежде чем обратиться к Нему, предстоят шесть битв: аллегорические образы Веры, Целомудрия, Терпения, Смирения, Надежды, Трезвости, Разума и Трудолюбия преодолевают соответствующие пороки. Седьмая битва состоится после возвращения победоносной рати добродетелей. Раздор (ересь) уступает перед Единосушием. Добродетели воздвигают храм, в котором живет мудрость.

В паре с борьбой против еретических заблуждений — противодействие язычеству. Обе книги *Contra Symmachum* связаны (хотя, по-видимому, актуальный повод и отсутствует) со знаменитым спором об алтаре Победы 384 года. Первая книга — критика политеизма; вторая опровергает тогдашнюю *Relatio* Симмаха, развивая контраргументы Амвросия (*epist.* 17 сл.). Последняя книга (*Peristephanon*: «О венках») показывает, как мученичество венчает христианскую жизнь. Она состоит из 14 стихотворений, сочетающих в себе лирический, эпический и драматический элемент. Пруденций в основном воспеваает испанских и — по случаю пребывания в Риме в 401–403 гг. — римских мучеников. В сборнике чередуются теория и практика, созерцание и борьба, что обусловило последовательное его развитие как единого целого.

Самостоятельное произведение, интересное с точки зрения истории изобразительного искусства, — *Dittochaemum* («Двойное подкрепление»). 49 стихотворений по четыре гексаметра задуманы как надписи к фрескам в одной из римских базилик, представляющим сцены из Библии.

Источники, образцы, жанры

В некотором смысле можно сказать, что *Психомахия* вступает в соревнование с Вергилием и его подражателями; последовательное развитие получают их опыты аллегорического оформления материала. В результате возникает христианская книжная поэзия как противовес языческой литературе. Несмотря на то, что «подражание от противного» совершенно очевидно, не надо абсолютизировать антивергилиевскую тенденцию: скорее полемику с Вергилием следует оценить как признак стремления сказать нечто важное и общезначимое, подобно тому как прежде досократики и Лукреций прикладывали к себе мерку великих эпиков. Это столь же мало имеет целью «заменить» Вергилия, как второе творение — цер-

ковь — первое, то есть природу. Наряду с вездесущим Вергилием особого внимания заслуживает Лукреций¹ — удивительная конвергенция, которая, однако, все вновь и вновь обнаруживается у раннехристианских авторов, поскольку они умеют ценить духовную свободу этого автора. Для описания древнеримской религии дает краски римская сатира.

Гораций — отправная точка для лирических стихотворений: Пруденций христианизует форму и содержание его лирики. Правда, широкий разброс и «систематическое» использование стихотворных размеров заставляют думать и об использовании справочников². У стихотворений, посвященных мученикам, как у «победных песней», есть пиндаровский фон, однако несколько расплывчатый.

Мученичество Романа (*perist.* 10) со своими 140 ямбическими триметрами — христианский *pendant* трагедии. Изображение мученичеств в книге *Peristephanon* в духе трагедий Сенеки и эпика Лукана эксплуатирует римскую склонность к ужасному. Это справедливо и в отношении вкуса к роскоши и блеску: описания, например, баптистерия (*perist.* 12, 31–44) переносят Стациевы изображения вилл в религиозную сферу. Риторическая *ἔκφρασις* в описании храма (*psych.* 823–887) облагораживается связью с *Апокалипсисом*.

Характерны для Пруденция жанровые скрещивания на микроуровне — буколические мотивы есть в гимнах, сатирические в дидактическом эпосе³ — и в целом; поэт в сборнике стихотворений, отклоняясь от классических традиций, объ-

1. С. BRAKMAN, *Quae ratio intercedat inter Lucretium et Prudentium*, *Mnemosyne* NS 48, 1920, 434–448; E. RAPISARDA, *Influssi lucreziani in Prudenzio. Un suo poema lucreziano e antiepicureo*, *VChr* 4, 1950, 46–60. Литература об источниках и образцах: о Библии — N. CRASSO 1972; об античных образцах: S. M. HANLEY 1959; С. WITKE 1968; А. MAHONEY, *Vergil in the Works of Prudentius*, диссертация, Washington 1934; Ch. SCHWEN, *Vergil bei Prudentius*, диссертация, Leipzig 1937; I. OPELT, *Prudentius und Horaz*, в: *Forschungen zur römischen Literatur*, FS K. BÜCHNER, Wiesbaden 1970, 206–213; F. ALEXANDER, *Beziehungen des Prudentius zu Ovid*, *WS* 54, 1936, 166–173; M. L. EWALD, *Ovid in the Contra Symmachum of Prudentius*, Washington 1942; A. SALVATORE, *Echi ovidiani nella poesia di Prudentio*, в: *Atti del Convegno internazionale ovidiano (Sulmona 1958)*, Roma 1959, 257–272; R. HENKE, *Die Nutzung von Senecas (Ps.-Senecas) Tragödien im Romanus-Hymnus des Prudentius*, *WJA NF* 11, 1985, 135–150; об Авзонии: J.-L. CHARLET 1980; J. M. POINSOTTE, *La présence des poèmes antipaïens anonymes dans l'oeuvre de Prudentius*, *REAug* 28, 1982, 33–58.

2. W. LUDWIG 1977, 318–321.

3. J. FONTAINE 1975.

единяет произведения совершенно различных жанров¹. Из современных светских разновидностей назовем: эпиграмму (*perist.* 8), описание путешествия (*perist.* 9), *carmen tragicum* (*perist.* 10), элегическое послание (*perist.* 11), мим (*perist.* 12) и, естественно, клавдиановскую эпикку. При этом Пруденций понимает и учитывает вкус современной публики; однако было бы, безусловно, слишком узко рассматривать его творчество только как реакцию на определенные процессы в литературе его времени; его цель — христианизировать поэзию вообще.

Библию Пруденций читает в доиеронимовском переводе, который (если поэт не приукрашивает его) был достаточно элегантным. Кроме того, для него актуальны Тертуллиан, Киприан, Арнобий, Лактанций, Амвросий и деяния мучеников. *Hamartigenia* опирается на тертуллиановскую работу *Adversus Marcionem*. Источники для *Contra Symmachum — Relatio* самого Симмаха и возражения Амвросия, а кроме того, апологетическая традиция критики языческих богов. Взаимосвязь с Августином остается под вопросом.

Труд Пруденция по темам и жанрам «энциклопедичен». Можно в качестве параллели вспомнить обобщающие опыты вроде цикла трактатов Цицерона или произведений Сенеки; приводили в этом смысле и *Corpus iuris*². Попытка охватить в одном цикле повседневную жизнь христианина (в *Cathemerionon*), христианское учение (в эпических произведениях) и венец христианской жизни (в *Peristephanon*) напоминает — скорее в целом, чем в подробностях — главное произведение Климента в трех частях (*Протрфетик, Педагог, Строматы*). Направляется и мысль о римской поэзии, которая, — например, в лице овидиевых *Метаморфоз* — задумана энциклопедически. Крупная форма у Пруденция — «первый опыт латинско-христианской космической поэзии»³. Непривычно сочетание жанрово разнородных элементов в симметрично выстроенное целое; это напоминает сборник Катутла, чей облик в том виде, в каком он дошел до нас, равным образом восходит к поздней античности; эти крупные формы предполагают такой вид публикации, как кодекс⁴. Вергилиеведение эпохи Пруден-

1. W. LUDWIG 1977 с дискуссией.

2. Ср. M. FUHRMANN, *Entretiens* (Fondation Hardt) 23, 1977, 368 сл.

3. E. ZINN, *Die Dichter des alten Rom und die Anfänge des Weltgedichts*, A&A 5, 1956, особенно 25; теперь в: H. OPPERMANN, изд., *Römertum*, Darmstadt 1962, 185.

4. P. L. SCHMIDT, *Entretiens* (Fondation Hardt) 23, 1977, 372.

ция рассматривало *Эклоги*, *Георгики* и *Энеиду* как одно всеобъемлющее произведение, повествующее о различных возрастах человечества в их последовательности: пастушеская жизнь, земледелие, война¹. В стремлении вступить в соревнование с классическими поэтами Пруденций в своем сознательно разнородном сборнике создает нечто неклассическое². Вергилий — сакральный поэт дохристианского Рима — возвещает в *Георгиках* (3, 1—39) о намерении построить храм в честь Августа — обещание, исполнением которого считается *Энеида*; аналогично сборник Пруденция, где кульминация центральной пьесы — строительство храма мудрости, сравнивали с церковными постройками того времени³, о которых с восхищением отзывается поэт. Эпиграмматический триптих — *perist.* 8⁴.

Литературная техника

Психомахия предпослано гимническое обращение ко Христу. С внешней стороны его можно сопоставить с обращениями к Музам, однако Христос — вовсе не литературное божество, Он, как никто другой, ответствен за предмет в целом. Этот аспект *invocatio* сближает Пруденция с дидактическими поэтами — авторами *О природе вещей*, *Георгик* и *Метаморфоз*. В особенности следует вспомнить овидиево *nam vos mutastis* (*met.* 1, 2). Пруденций сам осознает дидактическую цель своей поэзии (*psych.* 18 сл. и *psych. praef.* 50—68).

«Аллегорическое творчество», характерное для римской поэзии, Пруденций довел до логического конца. *Психомахия* — первая последовательно аллегорическая крупная поэма в европейской литературе. Любая мельчайшая деталь ее олицетворений находится в самой тесной связи с сущностью. Эпические начатки (Молва у Вергилия, аллегорические персонажи и местности Овидия, *Fides* и *Roma* у Силия Италика) Пруденций последовательно развивает; это — отважное новшество; здесь христианство помогает довести одну из типически римских тенденций оформления материала до предела, и возникает «морально-аллегорический» эпос. Поэтическая аллегория появляется в *Cathemerinon* как обращение аллегорезы, восходя-

1. Don., *vita Verg.* 57—59; W. LUDWIG 1977, 356, ср. 306.

2. С иным обоснованием W. LUDWIG 1977, 350—353; 355.

3. *Perist.* 12, 31—66; C. GNILKA 1963, 89.

4. W. SCHETTER, Prudentius, *Peristephanon* 8, Hermes 110, 1982, 110—117.

щей к традиции древнехристианского богословия. Возникающая из этого смесь отвлеченных и наглядных элементов создает трудности для современного читателя, ищущего «чистой» образности¹. Прежде всего Пруденций одухотворяет типично эпические элементы изображения битв (для описания борьбы между добродетелями и пороками) и *ἔμφρασις* (для описания будущего храма мудрости).

Образная ткань плотно облекает предмет. В книге *Cathemerinon* царит символика света и тьмы. В *Психомахии* вид гибели определенного порока тесно связан с его сущностью. Удивительна духовная близость к Лукрецию (1, 78 сл.) в описании того, как языческую религию преодолевает *Fides* (*psych.* 21–38). Ужасную голову старой религии попирают ногами; победители чувствуют, что достигли небес. Это не случайность, а культурно-историческая параллель: Лукреций изобразил внутреннее освобождение, а Пруденций отмечает этой реминисценцией новую ступень, на которой христианство дает аналогичный опыт.

Концентрической архитектуре целого соответствует тонкость и уравновешенность в деталях; так, в *Cathemerinon* у отдельного гимна часто есть собственный центр тяжести в виде библейской истории — композиция и функция рассказа напоминают четвертую книгу *Од* Горация.

Язык и стиль

Везде царит поэтическая форма. Вкрапленные в текст *Contra Symmachum* в некоторых рукописях прозаические цитаты из Симмаха были вставлены позднеантичным редактором².

Язык и стиль эстетически притязательны, иногда в высшей степени поэтичны и искусны. Архаизмы вроде *olli* вместо *illi* уже ко времени Вергилия давно вышли из употребления; Пруденций использует их для своего стихотворчества. Контраст с сознательно простыми гимнами Амвросия вряд ли мог быть сильнее. Для своих представлений христианин Пруденций создает множество новых слов, которые стали неотъемлемым достоянием средневековой латыни³.

1. Напр. *epil.* 25–30; о *cath.* хорошо R. HERZOG 1966, 52–60.

2. Иначе M. P. CUNNINGHAM, предисловие к изд. (ошибочно).

3. M. MANITIUS, *Zu Juvencus und Prudentius*, *RhM* 45, 1890, 485–491, особенно 487; о языке M. LAVARENNE 1933.

Он владеет всеми техническими приемами античной риторики. Как ритмик¹ Пруденций отличается вкусом и разностороностью. Он не только употребляет горацианские размеры, но и прибегает к другим лирическим строфам, однако никоим образом не выходит из рамок квантитативной метрики. Форма строф в *cath.* 1; 2; 11; 12 амвросианская.

Образ мыслей I Литературные размышления

В отношении Пруденция ошибочно говорить о христианском оправдании языческой поэзии; правильнее сказать, что у него формы и язык старой латинской поэзии возрождаются под знаком Христа, подобно тому как Лукреций поставил свое творчество на службу эпикурейской проповеди и воссоздал таким образом дидактический эпос большого стиля. Типично римской целеустановке — поучению — соответствует желание сделать что-то полезное² или нужное Господу (*praef.* 28–46; *epil.* 21–35). Для Пруденция задача христианского поэта — восхваление Бога (*praef.* 36). К этому добавляется забота об освящении собственного труда, желание поучать людей, привести их к Господу и стать защитником христианства: поэзия служит сверхземным целям³. «Формулы скромности» нужно воспринимать на фоне христианского смирения; христианские и общелитературные топосы вдохновения сочетаются в *perist.* 10, 1–25, особенно 19, и отсюда вырастают поистине отважные поэтические притязания. Природа и классическая традиция используются и одухотворяются как знаковая система. Таким образом, можно говорить о систематическом христианском преображении почти всех поэтических форм⁴. В каждой из них он ищет и находит то, что «родственно правде»⁵, и выводит найденное на свет. Высокая оценка эпоса в античности проявляется в том, что *Психомахия* стоит в середине сборника.

1. M. MANITIUS *ibid.* 490 сл.; A. KURFESS 1957, 1065 сл.; L. STRZELECKI, *De Horatio rei metricae Prudentianae auctore*, в: *Commentationes Horatianae* 1, Kraków 1935, 36–49; P. TORDEUR, *Essai d'analyse statistique de la métrique de Prudence*, RELO 1972, 2, 19–37; J. LUQUE MORENO 1978.

2. Полезно то, что служит подготовке к будущей жизни (Св. Василий, *К юношам о том, как получить пользу от языческих сочинений* 2, 9 сл.).

3. J. RODRIGUEZ-HERRERA 1936, 142.

4. W. LUDWIG 1977.

5. Св. Василий, *ibid.* 4, 36–54.

Образ мыслей II

В *Психомахии* Пруденций от Творца обращается к творению. Духовная брань разыгрывается на трех уровнях: свою битву в одиночку ведет каждый человек внутри себя, церковь борется в человеческой истории и, наконец, одерживается эсхатологическая победа, на которую указывает освящение меча Целомудрия (107 сл.) и строительство храма в конце.

Связь библейского и земного мира видна в *Peristephanon* с иной точки зрения, нежели в *Cathemerinon*: здесь подход современности к библейской истории сакраментален, а там мученики прошлого непосредственно участвуют в событии священной истории¹.

Пруденций перенимает и христианизует и представление о «вечном Риме», *Roma aeterna*; достаточно вспомнить о гимне Лаврентию и прежде всего о *Contra Symmachum* (1, 542; Verg. *Aen.* 1, 279). *Virtutes* римлян создали Империю, и теперь под властью христианского государя возможно всемирное христианское царство. В отличие от других, Пруденций не верит в гибель (обращенного в христианство) Запада; но можно ли поэтому называть его теологом Империи в том же смысле, как и Евсевия? Скорее, для него речь идет о преображении римской истории под знаком Христа.

Традиция

О богатой традиции — речь идет о приблизительно 320 рукописях — здесь могут быть даны лишь самые беглые указания. Самая старая сохранившаяся рукопись, *Putean(e)us* (A, Paris. lat. 8084, VI в.), написана капитальным письмом и имеет подпись некоего Веттия Агория Базилия, имеющего также заслуги в сохранении текстов Горация; в то время были уверены в том, что античное наследие — это единое целое. Лишь немного моложе *Ambrosianus D 36, sup. (B)*, чьи старейшие части, вероятно, были созданы в Боббио ок. 620 г. *Recensio* основывается на этих двух древнейших рукописях; поскольку они содержат лакуны, приходится привлекать дополнительные кодексы.

Все рукописи распадаются на два класса². Первая — лучшая — груп-

1. R. HERZOG 1966, 13—92.

2. Любопытным образом эти классы также обозначают А и В. Таким образом получается, что рукопись В в своих старейших отрывках относится к группе А. О традиции: R. STETTNER, *Die illustrierten Prudentiushandschriften*, Berlin 1895, к нему том с иллюстрациями 1905; C. MENGIS, *Fragmente einer Freiburger*

па содержит произведения в рассмотренном выше (стр. 1484—1485) порядке. Во второй за *cath.* 10 следует книга *perist.*; затем идут *cath.* 11 и 12. Взаимоотношения классов нуждаются в дальнейшем прояснении. Следы авторских вариантов предполагали в *cath.* 10, 9—16; 3, 100; *psych.* 727—729.

Мы располагаем иллюстрированными рукописями Пруденция, восходящими к утраченному иллюстрированному изданию *Психомачии*, вероятно, еще V в. Позднеантичный художник христианизует типы изображений, подобные историческим рельефам на колоннах Траяна и Марка Аврелия. Таким образом, он переносит в живопись метод, полностью аналогичный тому аллегорическому преображению эпических батальных сцен, которое осуществляет Пруденций.

Влияние на позднейшие эпохи¹

Августин и Иероним не обратили внимания на Пруденция. Что вызвало у них подозрение: классическая поэтика или же римская идеология? Или его стихи читались первоначально лишь в узком кругу, который еще более уменьшается после 410 г.? Но тем более живой отклик он нашел у позднейших поколений.

Prudentiushandschrift, *Philologus* 83, 1928, 89—105; H. WOODRUFF, *The Illustrated Manuscripts of Prudentius*, *Art Studies* 7, 1929, 12—49; G. LAZZATI, *Osservazioni intorno alla doppia redazione delle opere di Prudenzio*, *AIV* 101, 1941—1942, 217—233; W. SCHMID, *Die Darstellung der Menschheitsstufen bei Prudentius und das Problem seiner doppelten Redaktion*, *VChr* 7, 1953, 171—186; M. P. CUNNINGHAM, *A Preliminary Recension of the Older Manuscripts of the Cathemerinon, Apotheosis, and Hamartigenia of Prudentius*, *SEJG* 13, 1962, 5—59; E. PIANEZOLA, *Sulla doppia redazione in Prudenzio cath. 10, 9—16*, в: *Miscellanea critica*, FS B. G. Teubner, Leipzig 1965, 2, 269—286; M. P. CUNNINGHAM, *The Problem of Interpolation in the Textual Tradition of Prudentius*, *TAPhA* 99, 1968, 119—141; E. J. BEER, *Überlegungen zu Stil und Herkunft des Berner Prudentius-Codex 264*, в: *Florilegium Sangallense*, FS J. DUFT, Sigmaringen 1980, 15—17; C. GNILKA, *Theologie und Textgeschichte. Zwei Doppelfassungen bei Prudentius*, *WS NF* 19, 1985, 179—203; C. GNILKA, *Zwei Binneninterpolamente und ihre Bedeutung für die Geschichte des Prudentiustexts*, *Hermes* 114, 1986, 88—98.

1. О влиянии: H. R. JAUSS 1960; A. KATZENELLENBOGEN 1933 и 1939; R. E. MESSENGER, *The Mozarabic Hymnal*, *TAPhA* 75, 1944, 103—126, особенно 105; H. SILVESTRE, *Aperçu sur les commentaires carolingiens de Prudence*, *SEJG* 9, 1957, 50—74; H. SILVESTRE, *Jean Scot Erigène commentateur de Prudence*, *Scriptorium* 10, 1956, 90—92; G. R. WIELAND, *The Latin Glosses on Arator and Prudentius in Cambridge University Library*, MS Gg. 5.35. Toronto, Ontario 1983; H. D. MERRITT, изд., *The Old English Prudentius Glosses at Boulogne-sur-Mer*, Stanford 1959; K. L. SCHMIDT, *Prudentius und Erasmus über die Christuskrippe mit Ochs und Esel*, *ThZ* 5, 1949, 469—471.

Сидоний Аполлинарий (*epist.* 2, 4, 9) ценит Пруденция наравне с Горацием (ср. параллель в истории текста в предыдущем разделе). Геннадий (*vir. ill.* 13) называет его знатоком языческой литературы, Алциму Авиту (*carm.* 6, 372) принадлежит популярный позднее каламбур о *prudens ars*, «разумном искусстве» Пруденция.

В эпоху средневековья Пруденция читают (и подражают ему) больше всего. Его гимны, сегодня оцениваемые как «нелитургические», вошли целыми строфами¹ в римские молитвенники. Его гимны и песни о мучениках сравнительно рано снабжают древневерхненемецкими глоссами. Похоронная песнь *iam maesta quiesce querella* (из *cath.* 10) переживает смену эпох в Книге псалмов Бабста (1545) и еще сейчас сохраняется в Псалтыри шведской церкви².

Влияние *Психомехии* на искусство и литературу Средних веков трудно оценить³. Правда, Данте, который по масштабу своей космической поэзии далеко превзошел Пруденция, как представляется, игнорирует его и других позднеантичных поэтов⁴.

В Новое время его звезда постепенно закатывается. Эразм признает Пруденция в его уникальной многосторонности *unum inter Christianos secundum poetam*, «единственным поэтом среди христиан, принесшим добрые плоды», и знает лучше, чем потомки, что его культурные достижения переживут смену эпох и модных стилей: *virum quovis etiam saeculo inter doctos numerandum*, «это муж, который в любом веке будет причислен к искусным»⁵. Книга *Peristephanon* своим наглядным изображением мученичества находит отклик в эпоху барокко⁶. Ричард Бентли называет Пруденция Вергилием и Горацием христиан (*Christianorum Maro et Flaccus*)⁷. Еще в произведении Сэмюэля Ричардсона *Pamela, or Virtue Rewarded* (1740) открыли реминисценции Пруденция⁸.

В рамках позднеантичного преобразования римской литературы Пруденций в поэтической области завершает начатую

1. Из *cath.* 1, 2 и 12 и сокращенный гимн из *perist.*

2. J. BERGMAN 1922, 15.

3. S. LAVARENNE, изд. т. 3, 25–45; A. KATZENELLENBOGEN 1933.

4. NICHT, *Class. Trad.* 80.

5. J. BERGMAN 1922, 14.

6. ALTANER 1947.

7. Издание Горация, Cambridge 1711, к *Hor. carm.* 2, 2, 15.

8. NICHT, *ibid.* 340.

Иларием и Лактанцием христианизацию эстетики. Он — первый христианин, для которого поэзия — профессия и призвание. Поэтика «восхваления» пролагает путь в будущее для литературы христианской Европы, как и поэтика «преображения»; и то, и другое актуально еще для Рильке.

Издания: Deventer, ок. 1492—1497 (s. 1. et a., возможно, изд. Alexander HEGIUS). * N. HEINSIUS, Amsterdam 1667. * F. ARÉVALO (ТК), 2 тт., Roma 1788—1789, повторно в PL 59 и 60. * Glossemata de Prudentio: PLS 3, 965—1033. * J. BERGMAN (ТК), Uppsala 1897. * J. BERGMAN, CSEL 61, Vindobonae 1926. * M. P. CUNNINGHAM, CC 126, Turnholti 1966. * M. LAVARENNE (ТППр), 4 тт., Paris 1943—1951, т. 1, ³1972; 2—4, ²1961—1963, 3, ³1992 (улучш. и дополн. J.-L. CHARLET). * H. J. THOMSON (ТП), 2 тт., London, Cambridge, Mass. 1949—1953. * M. C. EAGAN (П), 2 тт., Washington 1962 и 1965. * *apoth.*: E. RAPISARDA (ТППр), Catania 1948. * K. SMOLAK (частичн. комм.: *hymn., praef., apoth.* 1—216), диссертация, Wien 1968. * *cath.*: M. PELLEGRINO (ТППр), Alba 1954. * F. SCIUTO (ТППр), Catania 1955. * *cath.* 1—6: M. PELLEGRINO (ТК), Torino 1964. * *cath.* 1, 2, 5 и 6: M. M. VAN ASSENDELFT (ТК), Groningen 1976. * *c. Symm.*: G. STRAMONDO, L. TAORMINA (ТП), Catania 1956. * E. RAPISARDA (1: Т), Catania 1954. * *ditt.*: R. PILLINGER (ТПК), Wien 1980. * *ham.*: J. STAM (ТПК), диссертация, Leipzig, Amsterdam, Paris 1940. * R. PALLA (ТПК), Pisa 1981. * *psych.*: M. LAVARENNE (ТПК), Paris 1933. * U. ENGELMANN (ТП, 24 иллюстрации по рук. 135 семинарской библиотеки St. Gallen), Basel, Freiburg 1959 (нефилологич.). * E. RAPISARDA (ТП), Catania 1962. ** *Конкорданс:* R. J. DEFERRARI, J. M. CAMPBELL, A Concordance of Prudentius, Cambridge, Mass. 1932, перепечатка 1966. ** *Библ.*: C. MAGAZZÙ, Rassegna di studi prudenziani (1967—1976), BStud-Lat 7, 1977, 105—134. * M. P. CUNNINGHAM, Literature on Prudentius (—1971), ANRW (в проекте).

R. ARGENIO, *La Psychomachia* di Prudenzio, RSC 8, 1960, 267—280. * R. ARGENIO, *Il Contra Symmachum* di Prudenzio fu uno scritto di attualità?, RSC 16, 1968, 155—163. * T. D. BARNES, The Historical Setting of Prudentius' *Contra Symmachum*, AJPH 97, 1976, 373—386. * J. BERGMAN, Aurelius Prudentius Clemens, der größte christliche Dichter des Altertums, Tartu (1921), 1922. * U. BOSCALLIA, *La Passio S. Laurentii* di Prudenzio e le sue fonti, Udine 1938. * M. BROŽEK, De Prudentio Pindaro latino, Eos 47, 1954, 107—141; 49, 1957—1958, 123—150. * M. BROŽEK, De Prudentii praefatione carminibus praefixa, в: Forschungen zur römischen Literatur, FS K. BÜCHNER, Wiesbaden 1970, 31—36. * V. BUCHHEIT, Christliche Romideologie im *Laurentius-Hymnus* des Prudentius, в: Polychronion, FS F. DÖLGER, Heidelberg 1966, 121—144. * V. BUCHHEIT, Prudentius über Gesittung durch Eroberung und Bekehrung, WJA 11, 1985, 189—223. * V. BUCHHEIT, Heimkehr ins Paradies (Prud. Cath. 8, 41—48; 11, 57—76), Philologus 136, 1992, 256—273. * R. CALCITTI, *Subdita Christo servit Roma dea*. Osservazioni sulla teologia politica di Prudenzio, Aevum 46, 1972, 402—435. * A. CERRI, Aspet-

ti di polemica antimitologica e di composizione poetica in Prudenzio, *Athenaeum* 42, 1964, 334–360. * A. CERRI, Archeologia romana nel *Contra Symmachum* di Prudenzio, *Athenaeum* 41, 1963, 304–317. * J.-L. CHARLET, L'apport de la poésie latine chrétienne à la mutation de l'épopée antique: Prudence précurseur de l'épopée médiévale, *BAGB* 1980, 2, 207–217. * J.-L. CHARLET, L'influence d'Ausone sur la poésie de Prudence, Aix-en-Provence, Paris 1980. * J.-L. CHARLET, La création poétique dans le *Cathemerinon* de Prudence, Paris 1982. * J.-L. CHARLET, La poésie de Prudence dans l'esthétique de son temps, *BAGB* 1986, 4, 368–386. * S. T. COLLINS, The *Apotheosis* of Prudentius, *SEJG* 9, 1957, 44–49. * M. P. CUNNINGHAM, The Nature and Purpose of the *Peristephanon* of Prudentius, *SEJG* 14, 1963, 40–45. * S. DÖPP, Prudentius' *Contra Symmachum* eine Einheit?, *VChr* 40, 1986, 66–82. * W. EVENEPOEL, Zakelijke en literaire onderzoekingen betreffende het *Liber Cathemerinon* van Aurelius Prudentius Clemens, Brussel 1979. * C. FABIAN, Dogma und Dichtung. Untersuchungen zu Prudentius' *Apotheosis*, Frankfurt 1988. * W. FAUTH, Der Morgenhymnus *Aeterne rerum conditor* des Ambrosius und Prudentius *catth.* 1, *JbAC* 27–28, 1984–1985, 97–115. * J. FONTAINE, Trois variations de Prudence sur le thème du paradis, в: *Forschungen zur römischen Literatur*, FS K. BÜCHNER, Wiesbaden 1970, 96–115. * J. FONTAINE, La femme dans la poésie de Prudence, *REL* 47^{bis}, 1970, 55–83. * J. FONTAINE, Le mélange des genres dans la poésie de Prudence, в: *Forma futuri*, Studi in onore del Cardinale M. PELLEGRINO, Torino 1975, 755–777. * C. GNILKA, Studien zur *Psychomachie* des Prudentius, Wiesbaden 1963. * C. GNILKA, Interpretation frühchristlicher Literatur. Dargestellt am Beispiel des Prudentius, в: *Impulse für die lateinische Lektüre. Von Terenz bis Thomas Morus*, изд. H. KREFELD, Frankfurt 1979, 138–180. * C. GNILKA, Die Natursymbolik in den *Tagesliedern* des Prudentius, в: *Pietas*, FS B. KÖTTING, Münster 1980, 411–446 (= *JbAC*, Ergänzungsband 8). * C. GNILKA, Zur *Praefatio* des Prudentius, в: *Filologia e forme letterarie. Studi offerti a F. DELLA CORTE*, т. 4, Urbino 1987, 231–251. * N. GRASSO, Prudentio e la Bibbia, *Orpheus* 19, 1972, 79–170. * S. M. HANLEY, Classical Sources of Prudentius, диссертация, Cornell, Ithaca, N. Y. 1959. * K. R. HAWORTH, Deified Virtues, Demonic Vices and Descriptive Allegory in Prudentius' *Psychomachia*, Amsterdam 1980. * R. HENKE, Studien zum *Romanushymnus* des Prudentius, Frankfurt, Bern 1983. * R. HENKE, Der *Romanushymnus* des Prudentius und die griechische Prosapassio, *JbAC* 29, 1986, 59–65. * R. HERZOG, Die allegorische Dichtkunst des Prudentius, München 1966. * R. HERZOG, Rom und Altes Testament: Ein Problem in der Dichtung des Prudentius, в *De Tertullien aux Mozarabes* (= *Mélanges J. FONTAINE*), т. 1, Paris 1992, 551–570. * H. R. JAUSS, Form und Auffassung der Allegorie in der Tradition der *Psychomachia* des Prudentius, в: *Medium Aevum Vivum*. FS W. BULST, Heidelberg 1960, 179–206. * M. КАМ, «Die Welt der Römer mit der Seele suchend...». Die Religiosität des Prudentius im Spannungsfeld zwischen *pietas christiana* und *pietas Romana*, Bonn 1990. * A. KATZENELLENBOGEN, Die *Psychomachie* in der Kunst des Mittelalters, диссертация,

Hamburg 1933. * A. KATZENELLENBOGEN, *Allegories of the Virtues and Vices in Medieval Art*, London 1939; Taschenbuch New York 1964. * F. KUDLIEN, Krankheitsmetaphorik im *Laurentiushymnus* des Prudentius, *Hermes* 90, 1962, 104–115. * A. KURFESS, Prudentius, *RE* 23, 1 (45), 1957, 1039–1071. * I. LANA, Due capitoli prudenziani. La biografia, la cronologia delle opere, la poetica, Roma 1962. * M. LAVARENNE, *Etude sur la langue du poète Prudence*, Paris 1933. * G. LO PORTO, Scoperti i resti mortali del poeta Prudenzio Clemente?, *RAG* 33, 1957, 197–202. * W. LUDWIG, *Die christliche Dichtung des Prudentius und die Transformation der klassischen Gattungen*, в: *Christianisme et formes littéraires de l'antiquité tardive en occident*, Entretiens (Fondation Hardt) 23, 1977, 303–372. * J. LUQUE MORENO, *La versificación de Prudencio*, Granada 1978. * M. A. MALAMUD, *A Poetics of Transformation. Prudentius and Classical Mythology*, Ithaca 1989. * S. G. NUGENT, *Allegory and Poetics. The Structure and Imagery of Prudentius' Psychomachia*, Frankfurt 1985. * A.-M. PALMER, *Prudentius on the Martyrs*, Oxford 1989. * E. K. RAND, *Prudentius and Christian Humanism*, *TAPhA* 51, 1920, 71–83. * R. G. RANK, *The Apotheosis of Prudentius. A Structural Analysis*, *CF* 20, 1966, 18–31. * M. ROBERTS, *Poetry and the Cult of the Martyrs. The Liber Peristephanon of Prudentius*, Ann Arbor 1993. * J. RODRIGUEZ-HERRERA, *Poeta Christianus. Prudentius' Auffassung vom Wesen und von der Aufgabe des christlichen Dichters*, Diss. München: Speyer 1936. * J. RUYSSCHAERT, *Prudence l'Espagnol, poète de deux basiliques romaines de S. Pierre et de S. Paul*, *RAC* 42, 1966 (= *Mélanges E. ZOSI* 1), 267–286. * T. A. SABATTINI, *Storia e leggenda nel Peristephanon di Prudenzio*, *RSC* 20, 1972, 32–53; 187–221. * A. SALVATORE, *Studi prudenziani*, Napoli 1958. * E. M. SANFORD, *Were the Hymns of Prudentius Intended to be Sung?*, *CPh* 31, 1936, 71. * M. SMITH, *Prudentius' Psychomachia. A Reexamination*, Princeton 1976. * F. SOLMSEN, *The Powers of Darkness in Prudentius' Contra Symmachum. A Study of his Poetic Imagination*, *VChr* 19, 1965, 237–257. * F. SOLMSEN, *The Conclusion of Theodosius' Oration in Prudentius' Contra Symmachum*, *Philologus* 109, 1965, 310–313. * W. STEIDLE, *Die dichterische Konzeption des Prudentius und das Gedicht Contra Symmachum*, *VChr* 25, 1971, 241–281. * H. J. THOMSON, *The Psychomachia of Prudentius*, *CR* 44, 1930, 109–112. * K. THRAEDE, *Untersuchungen zum Ursprung und zur Geschichte der christlichen Poesie*, *JbAC* 5, 1962, 125–157. * K. THRAEDE, *Die infantia des christlichen Dichters*, в: *Mullus*, FS Th. KLAUSER, Münster 1964, 362–365 (= *JbAC Ergänzungsband Nr. 1*). * K. THRAEDE, *Studien zu Sprache und Stil des Prudentius*, Göttingen 1965. * K. THRAEDE, *Concordia Romana in der Antwort des Prudentius auf die 3. Relatio des Symmachus*, в: *Tesserae*, FS J. ENGELMANN = *JbAC, Erg.* — Bd. 18, 1991, 380–394. * G. TORTI, *Patriae sua gloria Christus. Aspetti della romanità cristiana di Prudenzio*, *RIL* 104, 1970, 337–368. * Ch. WITKE, *Prudentius and the Tradition of Latin Poetry*, *TAPhA* 99, 1968, 509–525. * Ch. WITKE, *Numen Litterarum. The Old and the New in Latin Poetry from Constantine to Gregory the Great*, Leiden, Köln 1971, 102–143.

III. ПРОЗА

А. ИСТОРИОГРАФИЯ И РОДСТВЕННЫЕ ЖАНРЫ

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

В эпоху после Тацита великая римская историография, исходящая из сенатских кругов, исчезает. Положение дел, которому она обязана своим появлением, сильно меняется; сознание прежней *libertas*¹ уже мертво. Со времен Адриана перевес бюрократии становится бесспорным, и сенат теряет последнюю видимость политического влияния. Все время растет число сенаторов — выходцев с Востока, говорящих по-гречески, и примерно с середины II в. исчезает и чувство древней национальной римской солидарности сенаторского сословия. Но и несенаторская историография — вспомним, например, о Клавдии Квадригарию, Валерии Антиате или Тите Ливии! — практически замирает. Пропадает чутье на исторические изменения, столь осязаемое у Ливия² и Тацита. С одной стороны, чувствительной становится личная зависимость от императора — отсюда всевозрастающий интерес к биографиям властителей (Светоний, Марий Максим, *Historia Augusta*). С другой — вкусу публики прежде всего соответствуют исторические *exempla* (Валерий Максим) и патетические обзоры (Флор). Потребности школы удовлетворяют сухие компендии.

Греческую историографию того времени подобный кризис не затрагивает. Дело не только в эллинофильстве цезаря Адриана и продолжающейся эллинизации и ориентализации высшего римского сословия, а прежде всего в том факте, что греческая историография в Риме не настолько связана с на-

1. Ср. WIRSZUBSKI, *Libertas*, особенно 153—212 (= 124—171).

2. См. особенно Т. J. LUCE, *Livy. The Composition of his History*, Princeton, N. J. 1977, особенно 230—297.

личием определенных сословно-общественных структур, как латинская. Здесь носители традиции — не сенаторы, а интеллектуалы. Во втором веке по Р. Х. Арриан из Никомедии (в Вифинии) пишет свою (сохранившуюся) историю Александра, которая опирается на надежные источники, а также (утраченные) истории отдельных провинций (например, *Bithynica* — историю своей родины). В то же время Аппиан Александрийский сочиняет римскую историю в 24 книгах от истоков до Траяна. В первой половине III в. Кассий Дион Кокцеян из Никеи (консул 223/24 и 229 г.) в старости создает римскую историю в 80 книгах (от Энея до Севера Александра); это первая всеохватывающая римская история после Ливия — и характерно, что она написана на греческом языке.

Точно так же в первой половине III в. римскую историю от смерти Марка Аврелия (180 г.) до прихода к власти Гордиана III (238 г.) прослеживает Геродиан (возможно, сириец). Несколько позже, но в том же самом столетии, П. Геренний Дексипп из Афин создает труды о Греции при диадохах, всемирно-историческую хронику от древнейшей эпохи вплоть до Клавдия Готика и историю войн против готов (доведенную по крайней мере до 270 г.). *Хроникой* начала V в. мы обязаны Евнапию из Сард в Лидии. Даже римлянин Азиний Квадрат (первая треть III в.) для своей римской истории (от основания города до Севера Александра) выбирает греческий язык, а именно искусственный диалект Геродота.

Новые стимулы сообщает историографии христианство. Здесь также первоначально греческий оказывается на первом плане. В своей всеобщей истории — от сотворения мира до 217/18 г. по Р. Х. — Секст Юлий Африкан рассматривает ветхозаветную и древнегреческую историю параллельно — новшество в рамках античной историографии!

Решающее влияние оказал Евсевий, епископ Кесарии в Палестине (ок. 260—340 гг.). Его *Χρονικὸὶ κανόνες* дают краткий обзор истории халдеев, ассирийцев (с мидийцами, лидийцами и персами), евреев, египтян, греков и римлян с приложением хронологических таблиц по годам от рождения Авраама до 303 г. по Р. Х. После смерти Евсевия его произведение искажают и дополняют новыми сведениями до 323 г. Сохранились армянская версия этой редакции и латинский перевод Иеронима, доведенный до 378 г. Другое произведение Евсевия, *Церковную историю* (которая не является историческим трудом

в собственном смысле слова, а рассматривает некоторые специфические аспекты — апостольскую преемственность, христианских учителей и писателей, гностиков и еретиков, наказание иудеев, преследование христиан, мученичество), мы читаем по-гречески, по-сирийски (а потому и по-армянски) и по-латыни (перевод Руфина 403 г., доведенный до 395 г.). Евсевий стремится к «правде» и отбрасывает риторику. Он цитирует источники; его метод близок к приемам антикваров и филологов. В этом отношении он напоминает Светония.

Что касается латинской литературы, то здесь мы видим Флора (при Адриане); мы посвятим ему отдельную главу; возможно, тогда же Граний Лициниан сочиняет краткую историю Рима (фрагменты сохранились на палимпсесте). Дата эпитафы Ливия под вопросом. Вероятно, она основана на более раннем (и более обширном) резюме.

В III или IV в. Юлий Обсеквент использует эпитафу для своей книги о чудесных знамениях (*Liber prodigiorum*). М. Юниан Юстин¹ (неизвестной эпохи, возможно, Александра Севера) делает сокращенный вариант всеобщей истории писателя эпохи Августа Помпея Трога (использовавшей хорошие утраченные источники), смешивает эксерпты с указаниями на содержание труда и сосредоточивается на *exempla* (для студентов, изучающих риторику). Он любит сентенции.

Правление императора Диоклетиана (284—305 гг.)² знаменует наступление политической и экономической стабилизации, которая делает возможным оживление культуры (в особенности латинской литературы) при Константине. Но для по-настоящему великой историографии время придет только к концу IV в.: тогда латинский язык выберет для своего труда Аммиан Марцеллин.

До того Евтропий (ок. 369 г.) и Фест (после 369 г.) напишут свои *бreviarii*. Окружение таких цезарей, как Валентиниан и Валент, родом по большей части из придунайских провинций. Сенат теперь состоит из провинциалов, которым нужно дать возможность ознакомиться с римской историей в форме яркого и обозримого произведения.

Утрачена гипотетическая *Kaisergeschichte* (*История цезарей*) —

1. *Издание*: O. SEEL, Lipsiae 1935, ²1956; перепечатка 1993; O. SEEL (ПК, с Трогом), Zürich 1972; подробнее см. гл. о Троге.

2. S. WILLIAMS, Diocletian and the Roman Recovery, London 1985.

общий источник Аврелия Виктора, Евтропия и *Historia Augusta*¹.

Секст Аврелий Виктор²

Жизнь, датировка. Как позднее Евтропий и Фест, Аврелий Виктор принадлежит к слоям высокопоставленного чиновничества. Родом африканец, он в 361 г. становится наместником второй Паннии проконсульского ранга, *consularis Pannoniae secundae*, в 389 г. *praefectus urbi* (Амм. 21, 10, 6), при Феодосии *iudex sacrarum cognitionum*, «судья судебного управления» (DESSAU 1, 2945). Свой исторический очерк он публикует вскоре после 360 г.³ *Epitome de Caesaribus* использует *Caesares* самого Аврелия Виктора⁴. Неизвестный редактор в IV в. объединяет три произведения в один корпус, охватывающий римскую историю от праисторических времен до 360 г. по Р. Х., куда включает и *Caesares* Аврелия Виктора. Напршивается мысль о датировке трилогии временем правления Юлиана (361—363 гг.), поскольку христианство не упоминается ни единым словом⁵.

1. A. ENMANN, Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser und das Buch *De viris illustribus urbis Romae*. Quellenstudien, Philologus Suppl. т. 4, 1884; возможно, это была краткая хроника эпохи со II по конец III в. с ценной информацией о придунайских областях; ENMANN полагает, что произведение было написано при Диоклетиане; сегодня его датируют скорее эпохой после 337 г., если вообще не сравнивают его существование.

2. F. FICHLMAYR, R. GRÜNDEL, Lipsiae 1911, 1970; P. DUFRAIGNE (ТПК), Livre des Césars, Paris 1975; J.-C. RICHARD (ТПК), Les origines du peuple romain, Paris 1983; лит.: Н. BEHRENS, Untersuchungen über das anonyme Buch *De viris illustribus*, Heidelberg 1923; A. MOMIGLIANO, Some Observations on the *Origo gentis Romanae*, JRS 48, 1958, 56—73; G. PUCCIONI, La tradizione annalistica romana nell' *Origo gentis Romanae*, Firenze 1960; W. DEN BOER, Rome à travers trois auteurs du IV^e siècle, Mnemosyne ser. 4, 21, 1968, 256; T. D. BARNES, The Lost *Kaisergeschichte* and the Latin Historical Tradition, Bonner Historia Augusta Colloquium 1968—1969, опубл. 1970, 13—27; H. W. BIRD, The Sources of the *De caesaribus*, CQ NS 31, 1981, 457—463; H. W. BIRD, Sextus Aurelius Victor. A Historiographical Study, Liverpool 1984 (с хорошей библиографией 165—170); P. SOVERINI, Note ad Aurelio Vittore, MCr 19—20; 1984—1985, 235—240; J. FUGMANN, Königszeit und frühe Republik in der Schrift *De viris illustribus urbis Romae*. Quellenkritisch-historische Untersuchungen. I: Königszeit, Frankfurt 1990.

3. A. CASTAGNOL, Emprunts de l'Histoire Auguste aux «*Caesares*» d'Aurelius Victor, RPh 41, 1967, 85—97.

4. J. SCHLUMBERGER, Die *Epitome de Caesaribus*. Untersuchungen zur heidnischen Geschichtsschreibung des 4. Jh. n. Chr., München 1974, 63—66.

5. A. MOMIGLIANO, Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D., в: его же, изд., The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century, Oxford 1963, 96 сл.

Обзор творчества. Здесь мы сталкиваемся с историей Империи, преимущественно в кратких биографиях цезарей от Августа до Констанция II († 361 г.). Исторический труд составлен из трех частей: 1) *Origo gentis Romanae* (от Сатурна до Ромула), чей автор неизвестен, 2) анонимного произведения *De viris illustribus urbis Romae*: 86 биографий видных личностей от Прокки, царя Альбы Лонги, до Марка Антония; там затрагиваются и биографии неримлян (напр., Клеопатры); 3) подлинного труда Аврелия Виктора, который ограничивается временем после Августа.

Предположительные источники: так называемая *Kaisergeschichte*, наряду с ней — Светоний, Тацит (возможно, через флорилегии), Марий Максим, вероятно, также списки цезарей (в том виде, как их версифицирует Авзоний)¹. *De viris illustribus* восходит к сборнику биографий Гигина и является историческим источником, независимым от Ливия.

Литературная техника. Исходный пункт — биографический жанр, поскольку Аврелий располагает свой материал по цезарям и времени их правления; с этим сочетаются историографические технические приемы² (повествовательные отрывки) и моральные сентенции. Некоторые эпизоды выхватываются как *exempla*, прочее же оставляется без внимания.

*Язык и стиль*³. *Elocutio* отличается неровностью; риторическая высокопарность сменяется анекдотическим повествованием. Обстоятельность, свойственная официальному языку, чередуется с лаконичностью в духе Саллюстия. Последнего напоминают также исторические инфинитивы и фреквентативы. Напротив, автор *De viris illustribus* пишет без претензий.

Образ мыслей. В соответствии со своей позицией — позицией сенаторского сословия — Аврелий Виктор осуждает преобладание военщины и приветствует восстановление Империи при Диоклетиане, Константине и его сыновьях. Он бросает сенаторам упрек, что они, стремясь к удобствам и желая обо-

1. H. W. BIRD, Sextus Aurelius Victor. A Historiographical Study, Liverpool 1984, 16–23.

2. О сочетании биографии и истории: А. МОМIGLIANO, Il trapasso fra storiografia antica e storiografia medievale, RSI 81, 1969, 286–303.

3. О языке и стиле: H. W. BIRD (цит. зд. прим. 1) 90–99; о color Sallustianus: E. WÖLFFLIN, Aurelius Victor, RhM 29, 1874, 282–308; особенно 285–308; R. J. PENELLA, A Sallustian Reminiscence in Aurelius Victor, CPh 78, 1983, 234.

гатиться, выпустили власть из рук (37, 7)¹. Литературное образование он ценит высоко (40, 13). Он, очевидно, язычник², однако не говорит ни слова против христианства. Для автора *De viris illustribus* характерная фигура мысли — *exemplum*.

*Традиция*³. Три трактата корпуса сохранились в Вгукелленсис 9755—63 (XV в.) и Oxoniensis Canonicianus 131 (A. D. 1453), восходящих к общему источнику. Произведение *De viris illustribus urbis Romae*, кроме того, обладает самостоятельной традицией. *Эпитома*, параллельное произведение к *Caesares*, дошло до нас в двух семействах рукописей; краткую редакцию пощадили интерполяторы.

Влияние на позднейшие эпохи. *Caesares* были использованы в *Historia Augusta* (см. разд. о датировке и прим.). Иероним прибегал к Аврелию Виктору в своей переработке Евсевия. К упомянутой выше (неподлинной) главе о Клеопатре обращался Пушкин († 1837 г.) в выдающейся повести *Египетские ночи*⁴.

Евтропий⁵

Жизнь, датировка. Евтропий принимает участие в походе Юлиана Отступника († 363 г.) против персов. Как личный секретарь (*magister memoriae*) не слишком образованного императора Валента (364—378 гг.) он получает задание составить краткий очерк римской истории. В высшей степени вероятно, что это тот самый сенатор Евтропий, который был консулом в 387 г. вместе с Валентинианом.

Обзор творчества. Бревиарий *Ab urbe condita*, в 10 коротких

1. *Dum oblectantur otio simulque divitiis pavent, quarum usum affluentiamque aeternitate maius putant, munivere militaribus et paene barbaris viam in se ac posteros dominandi, «Предаваясь досугу и став робкими из-за своих богатств, обладать и пользоваться которыми они считают более важным, чем все перфеходящее, они открыли военным и чуть ли не варварам путь к власти над собой и потомками».*

2. J. M. ALONSO-NÚÑEZ, Aurelius Victor et la Péninsule Ibérique, Latomus 41, 1982, 362—364.

3. S. D'ELIA, Studi sulla tradizione manoscritta di Aurelio Vittore: I. la tradizione diretta, Napoli 1965.

4. VON ALBRECHT, Rom 242 с прим.

5. *Издание*: С. SANTINI, Leipzig 1979, перепечатка 1992; *лит.*: М. CAPOZZA, Roma fra monarchia e decemvirato nell'interpretazione di Eutropio, Roma 1973; (*лит.* там 163—173); G. BONAMENTE, Giuliano l'Apostata e il «Breviario» di Eutropio, Roma 1986 (обширный список литературы 177—217); датировка *Breviarium* 369/70 г.: А. CASTAGNOL, цит. стр. 1501, прим. 3.

книгах, посвящен цезарю. Первая книга охватывает события от основания Рима до победы Камилла над галлами. Вторая книга оканчивается первой, а третья — второй Пунической войной. Дальнейшие точки водораздела — победа над Югуртой (кн. 4), конец гражданской войны между Марием и Суллой (кн. 5), смерть Цезаря (кн. 6), гибель Домициана (кн. 7), Александра Севера (кн. 8), Диоклетиана (кн. 9) и Иовиана (кн. 10). Таким образом, финальный пункт изложения — 364 г. Обещание написать современную историю (10, 18, 3) — ни к чему не обязывающий топос.

Источники. Для республиканской эпохи используются Флор и извлечения из Ливия, для первых двенадцати цезарей — Светоний, затем пресловутая неизвестная *Kaisergeschichte* и также недоступная для нас история династии Константина. Время правления Юлиана и Иовиана автор описывал как очевидец. Для географических и хронологических сведений, должно быть, привлекались справочники; хронология достовернее, чем у современников Евтропия.

Литературная техника. При изображении республиканской эпохи автор обращает внимание исключительно на войны и битвы; только в императорский период личности появляются на первом плане, причем с добавлением анекдотического материала (7, 18). Чем ближе к современности, тем дифференцированное становится изображение характеров. Повествование развивается последовательнее, не так скачкообразно, как у Аврелия Виктора.

Язык и стиль отличаются гладкостью, ясностью и некоторой трезвостью, они одинаково далеки от искусственной изысканности и небрежности в отделке. Как писатель, Евтропий для своего времени — несомненно привлекательная фигура.

Образ мыслей. Дружественный сенату автор (6, 25), Евтропий считает Цезаря тираном (в то время как Аврелий Виктор восхищается им). Он усматривает разрыв в римской истории: господство грубого солдата Максимиана кладет конец сотрудничеству между императором и сенатом, что имеет решающее значение для судьбы государства. Он сохраняет нейтралитет по отношению к христианству; он не упоминает обращение Константина, но клеймит Юлиана за то, что тот был *nimis religionis Christianae insectator* («слишком ревностным преследователем христианской веры», 10, 16, 3).

*Традиция*¹. Старейшая рукопись — Gothanus I 101 (IX в.), другую группу образуют Vertinianus Audomarensis (St. Omer) 697 (XI в.) и Leidensis B. P. L. 141 (X в.). Особое значение имеет текст, который использовал греческий переводчик Пеаний, современник Евтропия; правда, его высокая ценность в качестве свидетельства ограничивается тем, что он переводит вольно и не останавливается перед тем, чтобы делать вставки (из Кассия Диона).

Влияние на позднейшие эпохи. Евтропия читали много и дважды переводили на греческий язык² — честь, которая вряд ли выпала еще кому-нибудь из римских писателей: в подобном историческом труде нуждалась не только усиленная представителями провинциальных армий римская элита, но и сенатские круги Константинополя, которые рекрутировались из муниципальной аристократии. Следы знакомства с Евтропием обнаруживаются у Иеронима, Орозия и в *Эпитоме* псевдо-Аврелия Виктора (если, конечно, дело не в их общем источнике). В эпоху средневековья влияние Евтропия велико. Павел Диякон (ок. 720—799 гг.) черпает из него материал и продолжает его историческое повествование собственными шестью книгами, доведя его до 553 г. Около 1000 г. Ландольф Сагакс (тоже с собственными дополнениями) присоединяется к нему.

Editio princeps появляется в 1471 г. Новое время свергло Евтропия с престола как историка, но периодически использовало как школьного автора.

Фест³

Жизнь, датировка. *Breviarium* Феста, так же как и Евтропия, создан по заказу императора Валента (364—378 гг.). В *Vambergensis* Фест назван *vir clarissimus* и *magister memoriae*. Произведение написано после 369 г. Идентификация с иными фигурами, носящими имя *Фест*, ненадежна.

1. N. SCIVOLETTO, La tradizione manoscritta di Eutropio, GIF 14, 1961, 129—162.

2. Ок. 380 г. Пеаний, ок. 600 г. Капитон.

3. По большей части (ложно) его называют Руфием Фестом. *Издания:* Sixtus RUESINGER, Romae 1468; J. W. EADIE (TK), London 1967; M.-P. ARNAUD-LINDET (ТП), Paris 1994; *лексикон:* M. L. FELE, Hildesheim 1988; *лит.:* В. BALDWIN, Festus the Historian, в: В. В. Studies in Late Roman and Byzantine History, Literature, and Language, Amsterdam 1984, 79—99; R. C. BLOCKLEY, Festus' Source on Julian's Persian Expedition, CPh 68, 1973, 54 сл.; J. M. ALONSO-NÚÑEZ, Festus et la Péninsule Ibérique, Latomus 39, 1980, 161—164.

Обзор творчества. Вслед за обзором роста римского государства вплоть до современного состояния (3—14) идет рассказ о войнах на Востоке до Иовиана (15—29). Трактат лишен цельности, повествование ведется скачкообразно, что отчасти может быть обусловлено его тенденциозностью (см. ниже).

Источники — *Epitome Liviana*, Флор, Светоний, а также *Kaiser-geschichte*, чье существование предполагается некоторыми исследователями.

Литературная техника. О ней вряд ли можно говорить, поскольку произведение очень кратко, а строгая, ясная линия Евтропия здесь совершенно отсутствует. Нет последовательного исторического повествования. Однако произведение сознательно разделено на две части, чтобы противопоставить прежние римские победы их не столь успешным восточным кампаниям. Рост римского государства представлен с региональной точки зрения. В истории императорской эпохи подчеркиваются войны на восточной границе от Помпея и Красса до Иовиана.

Язык и стиль. Со стилистической точки зрения Феста также нельзя сравнить с Евтропием. В предисловии он (совершенно правильно) говорит, что император велел ему быть кратким, — желание, которое он исполняет тем более охотно, что и без того не красноречив. На самом деле, однако, он — как маленький Флор — пытается компенсировать скудость содержания изысканной манерой.

Образ мысли. Компендиум пропагандирует походы Валента на Восток. Лейтмотив — мысль, что особая трудность любой восточной войны — в случае успеха должна увеличить славу, а поражения — служить оправданием. Ценность труда заключается в списке диэцезов и провинций при цезаре Валенте и некоторых подробностях войн императоров Аврелиана и Диоклетиана на Востоке.

Традиция. Рукописи распадаются на две группы, в рамках первой (заслуживающей предпочтения) выделяются *Gothanus 101*¹ (IX в.) и *Vambergensis E III, 22* (IX в.).

Влияние на позднейшие эпохи. Феста читают Аммиан, Иордан и Исидор. Иордан (VI в.) иногда полезен для восстановления текста.

1. M. PEACHIN, *The Purpose of Festus' Breviarium*, *Mnemosyne* ser. 4, 38, 1985, 158—161.

Юлий Обсеквент¹

Liber prodigiorum Юлия Обсеквента — собрание чудесных знамений, относящихся к эпохе 190—11 гг. до Р. Х.

Источники. Юлий Обсеквент, как и Евтропий, основывается на некоем *Chronicon*, который, со своей стороны, представляет собой сокращенный вариант *Ливиевой эпитомы*.

Образ мыслей. Автор — язычник, верящий в предзнаменования, считает необходимым отпущение и уверен в его успехе. Эта позиция соответствует эпохе арьергардных боев язычества против христианства в IV в. Предположение Моммзена, что автор был христианином, сегодня отклонено.

Традиция. Рукописи не сохранились; основа текста — Альдово издание 1508 г. Иногда помогают параллельные тексты писателей, которые черпают сведения из тех же источников.

Л. Септимий

(латинский переводчик Диктиса)²

Жизнь, датировка. Л. Септимий — грамматик, который перевел греческое произведение *Ephemeris belli Troiani* Диктиса на латинский язык. По большей части его датируют IV в.³

Обзор творчества. Вводное письмо Кв. Арадию Руфину сообщает, что мы имеем дело с переводом греческого произве-

1. *Издания:* А. MANUTIUS, Venetiis 1508; О. ROSSBACH, Titi Livi periochae, в его изд. Ливия, т. 4, Lipsiae 1910 (перепечатка 1973), 149—181; А. С. SCHLESINGER (ТП), изд. Ливия, т. 14, Cambridge, Mass. 1967, 237—319; *лексикон:* S. ROCCA, Iulii Obsequentis lexicon, Genova 1978; *лит.:* P. G. SCHMIDT, Supplemente lateinischer Prosa in der Neuzeit. Rekonstruktionen zu lateinischen Autoren von der Renaissance bis zur Aufklärung. Göttingen 1964, 11—13; R. FREI-STOLBA, Klimadaten aus der römischen Republik, МН 44, 1987, 101—117; С. SANTINI, Letteratura prodigiale e «sermo prodigialis» in Giulio Ossequente, Philologus 132, 1988, 210—226.

2. *Издания:* U. ZELL, Coloniae 1470—1475; W. EISENHUT (вместе с остатками греческого оригинала) Lipsiae 1958, 1973; *лит.:* А. CAMERON, Poetae Novelli, HSPH 84, 1980, 127—175 (об Ephemeris); E. CHAMPLIN, Serenus Sammonicus, HSPH 85, 1981, 189—212; W. EISENHUT, Spätantike Troia-Erzählungen — mit einem Ausblick auf die mittelalterliche Troia-Literatur, MLatJb 18, 1983, 1—28; А. CAMERON, The Latin Revival of the Fourth Century, в: W. TREADGOLD, Renaissances before the Renaissance, Stanford 1984, 42—58; S. TAMPANARO, Sulla composizione e la tecnica narrativa dell' *Ephemeris* di Ditti-Settimio, в: Filologia e forme letterarie. Studi offerti a F. DELLA CORTE, Urbino 1987, 4, 169—215; А. GRILLO, Tra filologia e narratologia. Dai poemi omerici ad Apollonio Rodio, *Ilias Latina*, Ditti-Settimio, Darete Frigio, Draconzio, Roma 1988; S. MERKLE, Die *Ephemeris belli Troiani* des Diktys von Kreta, Frankfurt 1989 (*лит.*).

3. Так снова S. MERKLE 1989; иначе А. CAMERON 1980 и E. CHAMPLIN 1981 (III в.).

дения о Троянской войне, вышедшего из-под пера очевидца. Критянин Диктис якобы вырезал свой дневник финикийским письмом на липовых дощечках и велел положить его в оловянной шкатулке в свою могилу. На 13-м году правления Нерона пастухи обнаружили книгу; их хозяин передал ее императору, который велел перевести книгу на греческий язык. Латинский переводчик заявляет, что он воспроизвел пять первых книг, где речь идет о войне, с той же подробностью, а остальные четыре, где речь шла о возвращении героев, свел в одну.

Источники. Сообщение об открытии оригинала — вымысел; однако папирус доказывает, что греческий образец действительно существовал. Произведение занимает самостоятельное положение между особенно сильно повлиявшей на него историографической традицией — к числу важнейших образцов относится Саллюстий¹ — и традицией авантюрного, любовно-романа и романов об Александре.

Литературная техника. История открытия текста в могиле напоминает старые легенды, распространенные в Риме. В тех местах, которые мы можем сравнить с оригиналом, перевод отличается вольностью; он не столь сух, как греческий текст. Повествовательная техника имеет точки соприкосновения и с историографией, и с романом; но, в отличие от последнего (в античном исполнении), здесь нет главного героя. Любовь играет большую роль, но она становится разрушительной силой. Эта точка зрения напоминает трагическую.

Язык и стиль. В отношении языка и стиля автор — сын своего века; однако он прилежно учился у Саллюстия и Вергилия. Язык и стиль латинского перевода притязательнее, чем в греческом оригинале.

Образ мыслей. По сравнению с Вергилием — и Гомером — здесь появляется антитроянская тенденция. Автор греческого оригинала, Диктис — вероятно, II в. — как грек, дистанцируется от римлян. Одновременно Троянская война отражает моральный упадок греков, которых варвары вынудили воевать.

Возможно еще одно объяснение антитроянской позиции автора. Не исключено, что Диктис использует Троянскую войну как модель борьбы античного культурного мира против вновь усилившихся ко второй четверти III в. персов. Является ли в этом случае Ахилл прообразом нового Александра (Севера)?

1. К Саллюстию особый интерес проявляют в IV в.: S. MERKLE 1989, 276.

Традиция. Лучшая рукопись — Sangallensis 205 (IX—X в.). Найденная в Иеси в 1902 г. рукопись содержит и латинского Диктиса (частично X в., остальное — XV в.).

Влияние на позднейшие эпохи. Латинский Диктис в эпоху средневековья служил заменителем Гомера и оказал таким образом сильное влияние.

Вирий Никомах Флавиан¹

Вирий Никомах Флавиан получает при Феодосии *quaestura sacri palatii*, должность квестора священного дворца², и посвящает императору свои *Анналы*; при узурпаторе Евгении в 394 г. он становится консулом, но в том же году ему приходится заплатить жизнью за измену. Его сын и внук имеют заслуги в сохранении текстов Ливия. Историк Никомах перевел также *Жизнь Аполлония Тианского*.³

Anonymi Valesiani³

В одном из средневековых флорилегиев есть краткая история Римской Империи при Константине (*Excerptum Valesianum I*). Труд написан ясно и точно; автор, чья деятельность датируется временем вскоре после смерти Константина (337 г.), явно язычник (немногочисленные указания на вещи, связанные с христианством, вставлены из Орозия). Фрагмент дает нам наглядное представление о том, как мало дошло до нас от позднеантичной историографии и как осторожны должны мы быть в своих суждениях.

Excerptum Valesianum II, в котором речь идет о времени Одоакра и Теодориха, принадлежит христианину, настроенному против Ария (вероятно, VI в.).

1. BARDON, Lit. lat. inc. 291—293; J. SCHLUMBERGER, Die verlorenen *Annalen* des Nicomachus Flavianus. Ein Werk über Geschichte der römischen Republik oder Kaiserzeit, в: J. STRAUB, изд., Bonner Historia-Augusta-Colloquium 1982—1983, Bonn 1985, 305—329.

2. То есть должность главного юридического советника императора, одна из пяти высших в Империи (прим. перев.).

3. *Издание:* J. MOREAU, V. VELKOV, Excerpta Valesiana, Lipsiae² 1968; *лит.:* S. J. B. BARNISH, The Anonymus Valesianus II as a Source for the Last Years of Theoderic, *Latomus* 42, 1983, 572—596; N. BAGLIVI, Su Anonymus Valesianus 1, 3, 7, *Orpheus* 9, 1988, 312—324, дальнейшая литература: HLL 5, 1989, 195 сл. (= § 535) и затем HLL 6, § 725.

Аммиан Марцеллин

Крупнейшему историку поздней античности Аммиану Марцеллину мы посвятим отдельную главу.

После него историография окончательно попадает в руки христиан. Эпоху в этом процессе составляет творчество Иеронима.

Иероним¹

Он переводит и перерабатывает вторую книгу *Хроники* Евсевия.

Римский материал своей хроники Иероним дополняет по Евтропию, Светонию (*De viris illustribus*) и римским спискам должностных лиц. Сведения для 325–378 гг. он добавляет сам. Синтез осуществляется поспешно. Нет ни одного произведения во всей римской литературе, которое и было бы столь необходимым для исследователя и ставило бы перед ним на каждом шагу ловушки. Но тем тщательнее забота Отца Церкви о ритмических клаузулах.

Второй исторический труд Иеронима — *De viris illustribus* — появляется в 392 г. Здесь речь идет о 135 церковных писателях от св. Петра до Иеронима.

Основной источник — *Церковная история* Евсевия, но Иероним — к вящему неудовольствию Августина — включает и еретиков, и иудеев. Из язычников этой чести удостоился только Сенека — из-за своей подложной переписки со св. Павлом. Это характерно для времени: римская литература под знаком христианства переживает свое первое большое возрождение, и можно предполагать, что Иероним (если бы ему не помешала хронология) поместил бы и своего любимого Цицерона среди христианских классиков.

Манера письма отличается простотой; в этой книге мы тоже обнаруживаем многочисленные ошибки, однако она столь же необходима и так же пролагает путь в будущее, как и предыдущая.

1. Hier. Chron. a Abr.: отдельное издание: I. KNIGHT FOTHERINGHAM, Londinii 1923; P. NAUTIN, La liste des oeuvres de Jérôme dans le *De viris illustribus*, Orpheus NS 5, 1984, 319–334; ср. также нашу главу об Иерониме, ниже стр. 1786–1803.

Тиранний Руфин¹

Тиранний Руфин из Конкордии около Аквилеи — сначала друг, а позднее враг Иеронима — вместе с Меланией приходит в 371 г. в Египет, становится учеником Дидима и примерно с 378 г. живет в Иерусалиме как монах. В последние годы своей жизни, которые Руфин проводит на родине, он переводит на латинский язык труды Оригена, Василия и Григория Назианзина.

По настоянию аквилейского епископа Хромация он переводит *Церковную историю* Евсевия. Прежде всего Руфин вычеркивает цитируемые последним документы. Он добавляет к этому труду две книги, охватывающие историю 324—395 гг. Жанр — новшество для римской литературы.

Кроме Евсевия, Руфин опирается на собственные воспоминания и на Отцов Церкви IV в. Язык и стиль отличаются простотой и отсутствием риторических украшений. Критическими способностями Руфин уступает Евсевию.

Сульпиций Север²

Сульпиций Север (ок. 363—400 гг.) — выходец из семьи образованной галльской знати; он учится в Бордо и дружит с Паулином из Нолы. Как христианский аскет он берет пример с Мартина Турского, которого прославляет в своем творчестве.

Две книги его *Хроники* охватывают период от сотворения мира до 400 г. по Р. Х. При этом он сосредоточивается в основном на библейской и церковной истории. Сульпиций начитан

1. *Издания*: PL 21; PG 17, 615—632 (защита своего перевода Оригена); M. SIMONETTI, Turnholt 1961 (= CC 20; с библиографией); K. ZELZER, Wien 1986 (*Basili Regula a Rufino latine versa* = CSEL 86).

2. *Издания*: С. HALM, CSEL 1, Vindobonae 1866; В. М. ПЕББЛЕС (П., избр. соч.), Washington 1970; Mart.: J. FONTAINE (ТПК), 3 тт., Paris 1967—1969; A. A. R. BASTIAENSEN, J. W. SMIT (ТК), Verona 1975; J. BERNAYS, Über die Chronik des Sulpicius Severus, Berlin 1861; P. NYLTÉN, Studien zu Sulpicius Severus, диссертация, Lund 1940 (особенно о языке и стиле); S. PRETE, I *Chronica* di Sulpicio Severo, saggio storico-critico, Roma 1955; G. K. VAN ANDEL, The Christian Concept of History in the *Chronicle* of Sulpicius Severus, Amsterdam 1976; F. MURRU, La concezione della storia nei *Chronica* di Sulpicio Severo: alcune linee di studio, Latomus 38, 1979, 961—981; S. COSTANZA, I *Chronica* di Sulpicio Severo e le *Historiae* di Trogo-Giustino, в: La storiografia ecclesiastica nella tarda antichità. Atti del convegno tenuto in Erice (1978), Messina 1980, 275—312; F. GHIZZONI, Sulpicio Severo, Roma 1983; C. STANCLIFFE, St. Martin and His Hagiographer, Oxford 1983; R. KLEIN, Die Praefatio der *Martinsvita* des Sulpicius Severus. Form, Inhalt und überzeitliche Bedeutung, AU 31, 4, 1988, 5—32; о Сульпиции Севере см. также т. I, стр. 521 и стр. 1411.

и понимает ценность документов; в основном он черпает материал из Евсевия, однако обращается и к историкам-язычникам (например, к Тациту). Стиль, которому он учился среди прочих и у Саллюстия, правилен, но никогда не достигает Иеронимова изящества. В особенности ценны те сведения, которые он сообщает о собственной эпохе.

Августин

Августин — ключевая фигура для понимания римской истории. О нем будет рассказано подробно в другом месте¹.

Орозий²

Жизнь, датировка. Орозий (личное имя Павел не вполне достоверно) родом, вероятно, из Бракары в Португалии, однако он

1. Некоторые из его основных мыслей о римской истории: 1) Римская история изобилует не только моральными примерами. 2) Прошлое знает такие же великие катастрофы, как и настоящее. 3) Упадок Рима — симптом греховной сущности человека вообще; он не сводится к добродетелям или порокам римлян, которые не лучше и не хуже, чем другие народы. 4) Римская Империя не была необходима для спасения, она такое же проходящее явление, как и все остальное; об Августине ниже стр. 1805–1852.

2. *Издания:* *apol.*: G. SCHEPPS, CSEL 18, Vindobonae 1889; *apol.*; *hist.*: C. ZANGEMEISTER, CSEL 5, Vindobonae 1882 (ed. maior), перепечатка 1966 г.; Lipsiae 1889 (ed. minor); *comm.*: K.-D. DAUR, CC 49, Turnholti 1985, 133–163; *hist.*: A. LIPPOLD (TK), A. BARTALUCCI, G. CHIARINI (П), 2 тт., Firenze 1976; R. J. DEFERRARI (П), Washington 1964; A. LIPPOLD (ППр), введ. С. ANDRESEN, 2 тт., Zürich 1985–1986; M.-P. ARNAUD-LINDET (ТП), 3 тт., Paris 1990–1991; *лит.*: J. SVENNUNG, Orosiana. Syntaktische, semasiographische und kritische Studien zu Orosius, Uppsala 1922; F. WOTKE, Orosius, RE 18, 1, Stuttgart 1939, 1185–1195; H. HAGENDAHL, Orosius und Iustinus, Göteborg 1941; A. LIPPOLD, Rom und die Barbaren in der Beurteilung des Orosius, диссертация, Erlangen 1952; H. J. DIESNER, Orosius und Augustinus, AAntHung 11, 1963, 89–102; B. LACROIX, Orose et ses idées, Montréal 1965; T. E. MOMMSEN, Aponius and Orosius on the Significance of the Epiphany, в: E. RICE, изд., Medieval and Renaissance Studies, New York 1966, 299–324; F. PASCHOUD, Roma aeterna, Neuchâtel 1967; E. CORSINI, Introduzione alle *Storie* di Orosio, Torino 1968; S. KARRER, Der gallische Krieg bei Orosius, Zürich 1969; A. LIPPOLD, Orosius, christlicher Apologet und römischer Bürger, Philologus 113, 1969, 92–105; W. SUERBAUM, Vom antiken zum frühmittelalterlichen Staatsbegriff, Münster ³1977; T. M. GREEN, Zosimus, Orosius and their Tradition. Comparative Studies in Pagan and Christian Historiography, New York 1974; F. FABBRINI, Paolo Orosio — uno storico, Roma 1979; H. W. GOETZ, Die Geschichtsideologie des Orosius, Darmstadt 1980; Y. JANVIER, La géographie d'Orose, Paris 1982; D. KOCH-PETERS, Ansichten des Orosius zur Geschichte seiner Zeit, Frankfurt 1984; A. MARCHETTA, Orosio e Ataulfo nell'ideologia dei rapporti romano-barbarici, Roma 1987; P. A. ONICA, Orosius, диссертация, Toronto 1987;

чувствует и кровную связь с Тарраконом (*hist.* 7, 22, 8). Получив основательное риторическое и богословское образование, он покидает свою родину и в Африке знакомится с Августином, который отправляет его в Вифлеем к Иерониму (*Aug. epist.* 166, 2). Там он вмешивается (на стороне Августина) в спор с Пелагием. Самое позднее в 418 г. Орозий закончил свое произведение, идея которого была подсказана Августином (*hist.* 1 *prol.* 1—8; 7, 43, 20).

Обзор творчества

1. *Commonitorium de errore Priscillianistarum et Origenistarum*. Труд написан для Августина.

2. *Liber apologeticus contra Pelagianos*. В своей полемике против Пелагия Орозий несколько увлекся: он утверждает, что даже с помощью Божией человек не может быть без греха (*apol.* 7, 2) и теперь должен оправдываться перед папой; при этом он ссылается на ошибки перевода и изъяны слуха.

3. Особенно интересны для нас *Historiarum adversum paganos libri VII*. Они закончены в 417 г. (7, 43, 19; ср. 7, 41, 2).

Первая книга охватывает промежуток от Сотворения мира до основания Рима, вторая — вплоть до вторжения галлов, третья — примерно до 280 г. до Р. Х., четвертая посвящена войнам против Пирра и Карфагена. Пятая книга описывает события от разрушения Коринфа (146 г.) до подавления восстания рабов (73—71 гг. до Р. Х.), шестая примерно до начала новой эры, седьмая — до 417 г. по Р. Х. Орозий описывает события греческой и римской истории параллельно.

Источники. Секст Юлий Африкан первым в начале III в. создал *Хронографию*, синхронное изложение ветхозаветной и языческой истории. От него зависит Ипполит Римский († 235 г.). Тон задают основанные на этом принципе *Χρονικὸὶ κανόνες* Евсевия, которые переводит и продолжает Иероним. Августин и Орозий опираются на Иеронима. Орозий, кажется, не использовал Сульпиция Севера. Основание Рима Орозий относит — по катоновскому летосчислению — к 752 г. до Р. Х. Для географического введения он, должно быть, использовал какой-либо справочник.

Источники, которые называет сам Орозий, он цитирует по

большей части из вторых рук, например, Палефата и Фанокла¹. По большей части мы и сегодня знаем его непосредственные источники: Флора, Евтропия, Юстина и *Periochae* к книгам Ливия. Орозий является ценным свидетелем для реконструкции Ливиева изображения эпохи от 146 г. до Р. Х. вплоть до первой гражданской войны, а позднее для некоторых мест в *Истории* Тацита, но прежде всего — для времени после 378 г.

Кроме того, Орозий знаком со Светониевыми жизнеописаниями цезарей, он делает выписки из *Commentarii* Цезаря (Orosius 6, 7—11), но считает их произведением Светония (как и Аполлинарий Сидоний *epist.* 9, 14, 7), а время от времени прибегает и к *Истории* Тацита. *История* же Саллюстия ему неизвестна. Естественно, он использует и *Церковную историю* Евсевия в переводе Руфина. Наряду с повествовательными он, должно быть, привлекал и хронографические источники². Обращение с источниками — довольно добросовестное.

Литературная техника. Как ритор Орозий намерен доказать, что страдания человечества в прошлом были по крайней мере такими же, как и в настоящем (*hist.* 1, *prol.* 13—14). Этой цели служит изложение всемирной истории. Требование ясности *narratio* Орозий исполняет тем, что делает композицию стройной и обозримой. Внутри каждой книги после ряда взаимосвязанных сюжетов он дает свои оценки и размышления, предоставляя читателю возможность отдохнуть и подчеркивая водораздел.

Язык и стиль. Описание географической картины мира (*hist.* 1, 2, 1—106) отличается от остального текста сухостью стиля. За исключением географического введения, труд написан в изящной манере, богат афоризмами и антитезами, изыскан, даже перегружен. Автор стремится проникнуть в свой предмет (*hist.* 3: *praef.* 3 *vim rerum, non imaginem*, «подлинное, а не кажущееся значение вещей»).

Образ мыслей. В отличие от Августина, Орозий ограничивается исключительно историей языческого мира. Для христианского истолкования всеобщей истории основополагающими являются пророчества *Книги Даниила* 2, 31—45, которые

1. В одном месте он опирается — с откровенным саморазоблачением — на *Valerius et Antias* (*hist.* 5, 3, 3).

2. A. LIPPOLD, Die Darstellung des ersten punischen Krieges in den *Historiarum adversum paganos libri VII* des Orosius, RhM NF 97, 1954, 254—286, особенно 261.

соотносили с четырьмя мировыми державами¹. Твердо устоялось отождествление первой с ассирийским, а четвертой — с римским государством (ср. *Aug. civ.* 20, 23; 18, 2). Вторая и третья державы для Орозия — Македония и Карфаген (*hist.* 2, 1, 4–6; ср. 7, 2, 1–7). Наряду с этим подразделением на четыре мировых державы было и другое, от шести до семи (ср. *Aug. civ.* 22, 30); Орозий, кажется, не обращает на него никакого внимания. В остальном он пытается не прибегать к Откровению и исходить из философской веры в провидение (7, 1, 1). Это может быть связано с тем, что он пишет на публику.

В то время как Августин и признает слабости христианской концепции императорской власти, и исходит в своих оценках из справедливости, а не из успеха (*Aug. civ.* 5, 24), Орозий прославляет настоящее (например, *hist.* 7, 35, 6) и верит, что римская история с наступлением христианской эпохи изменилась к лучшему (7, 5, 3 сл.). В рамки римско-христианской цивилизации он хотел бы включить и германцев (7, 41, 7–9), и вообще он куда более оптимистичен, чем Августин². Римская гордость видна и в той мысли, что Бог пожелал воплотиться не просто в человека, но в *civis Romanus*, и Октавиану было предначертано установлением *Pax Augusta* подготовить почву для воплощения Бога (*hist.* 6, 22, 5–8)³.

Традиция очень богата; старейшая из почти 200 рукописей, Codex Laurentianus pl. 65, 1, была создана в VI в.⁴

Влияние на позднейшие эпохи. Хорографию Орозия используют так называемый *Aethicus* и Исидор († 636 г.). Обозримое и легко читаемое произведение очень распространено в эпоху средневековья, особенно следует отметить *Chronicon* Отто фон Фрейзинга († 1158 г.). В IX в. король Альфред пишет сокращенный англо-саксонский перевод с географическими дополнениями. Орозия переводят и на арабский язык. Вера это-

1. Учение о мировых державах: H.-W. GOETZ, *Die Geschichtsideologie des Orosius*, Darmstadt 1980, 71–79.

2. Отличие от Августина (и близость к Евсевию и Иерониму) энергично подчеркивает P. A. ONICA, *Orosius*, диссертация, Toronto 1987, ср. DA 48, 11, 1988, 2864 A–2865 A.

3. K. SCHÖNDORF, *Von der augusteischen zur christlichen Romideologie*, *Anregung* 28, 1982, 305–311.

4. D. J. A. ROSS, *Illuminated Manuscripts of Orosius*, *Scriptorium* 9, 1955, 35–56; A. D. VON BRINCKEN, *Studien zur lateinischen Weltchronik bis in das Zeitalter Ottos von Freising*, Düsseldorf 1957; J. M. BATELEY, D. J. A. ROSS, *A Check List of Manuscripts of Orosius*, *Hist. adv. pag. l. VII*, *Scriptorium* 15, 1961 329–334.

го автора в долговечность Римской Империи, обеспеченную христианством, вызвала к жизни средневековое представление о *translatio imperii*¹. Первое издание выходит в свет в 1471 г. в Аугсбурге, до конца XVII в. за ним последовали еще двадцать четыре.

Авторитет Орозия упал только в эпоху Просвещения, когда учение о четырех мировых державах было окончательно отброшено.

Historia Augusta²

Датировка. Такое название от Исаака Касаубона, который в 1603 г. издал это произведение отдельно, получил сборник из

1. D. KOCH-PETERS 1984 (цит. стр. 1512 прим. 2), 223.

2. *Издания:* В. ACCURSIUS, Mediolani 1475; D. ERASMUS, Basileae 1518; I. CASAUBONUS, Paris 1603; D. MAGIE (ТП), 3 тт., London 1922–1932, перепечатка 1954; E. HOHL, т. 1, 1927 (²1965), т. 2, 1927, с дополн.: W. SEYFARTH и Ch. SAMBERGER, Lipsiae 1965; A. BIRLEY (неполный П), Harmondsworth 1976; E. HOHL, E. MERTEN, A. RÖSCER (ТПП), с предисл.: J. STRAUB, т. 1, Zürich 1976, т. 2, 1985; H. W. BENARIO (*Vita Hadriani*: К), Chico 1980; P. SOVERINI (ТПП), Torino 1983; A. LIPPOLD (*Vita Maximini*: К), Bonn 1991; J.-P. CALLU, A. GADEN, O. DESBORDES (*Vita Hadriani, Vita Aelii, Vita Antonini*: ТП), Paris 1992; R. TURCAN (*Vita Opilii Macrini, Vita Diadumeni, Vita Heliogabali*: ТП), Paris 1993; *Лексикон:* C. LESSING, Lipsiae 1901–1906; *Библ.:* A. F. BELLEZZA, La lettera tura degli *Scriptores Historiae Augustae* oggi, AALig 41, 1984 (1986), 253–273 (с аппендиксом P. SOVERINI о языковых проблемах *Historia Augusta* 273–275); E. W. MERTEN, Stellenbibliographie zur *Hist. Aug.*, 4 тт., Antiquitas R. 4, Ser. 2, 1–4, Bonn 1985–1987; A. SCHEITHAUER 1987, особенно 13–18; 211–224; ср. Bonner *Historia-Augusta-Kolloquien* (с 1963 г. в серии Antiquitas, Bonn, изд. J. STRAUB).

J. A. STRAUB, Heidnische Geschichtsapologetik in der christlichen Spätantike. Untersuchungen über Zeit und Tendenz der *Historia Augusta*, Bonn 1963; P. WHITE, The Authorship of the *Historia Augusta*, JRS 57, 1967, 115–133; R. SYME, Ammianus and the *Historia Augusta*, Oxford 1968; G. KERLER, Die Außenpolitik in der *Historia Augusta*, Bonn 1970; H. W. BIRD, Suetonian Influence in the Later Lives of the *Historia Augusta*, Hermes 99, 1971, 12–134; R. SYME, Emperors and Biography. Studies in the *Historia Augusta*, Oxford 1971; R. SYME, The *Historia Augusta*. A Call of Clarity, Bonn 1971; F. KOLB, Literarische Beziehungen zwischen Cassius Dio, Herodian und der *Historia Augusta*, Bonn 1972; R. SYME, The Composition of the *Historia Augusta*. Recent Theories, JRS 62, 1972, 123–133; B. MOUCHOVÁ, Untersuchungen über die *Scriptores Historiae Augustae*, Praha 1975 (1978); K.-P. JOHNE, Kaiserbiographie und Senatsaristokratie. Untersuchungen zur Datierung und sozialen Herkunft der *Historia Augusta*, Berlin 1976; J. BURIAN, *Fides historica* als methodologischer Grundsatz der *Historia Augusta*, Klio 59, 1977, 285–298; I. HAHN, Das «goldene Jahrhundert» des Aurelius Probus, Klio 59, 1977, 223–236; H. SZELEST, Die *Historia Augusta* und die frühere römische Geschichte, Eos 65, 1977, 139–150; T. D. BARNES, The Sources of the *Historia Augusta*, Bruxelles 1978; R. SYME, Propaganda in the *Historia Augusta*, Latomus 37, 1978, 173–192; A. F. BELLEZZA, Prospettive del testo della *Historia Augusta*, Brescia 1979; I. MARRIOT, The Authorship of the *Historia Augusta*. Two Com-

тридцати биографий императоров от Адриана до Нумериана (117–285 г.). Отсутствуют императоры 244–253 гг.; возможно, утрачено и начало, если этот труд был задуман как продолжение Светония. Имена мнимых авторов, сохраненные традицией: Элий Спартиан, Юлий Капитолин, Вулканий Галликан, Элий Лампридий, Требеллий Поллион и Флавий Вописк. В семи биографиях есть обращения к Диоклетиану, в шести — к Константину; другие адресованы частным лицам. Теперь общепринята версия, что мы имеем дело с фальсификацией одного автора поздней эпохи. Иногда думают о времени Юлиана Отступника¹, иногда — о рубеже IV–V вв.², иногда — о периоде между 405 и 525 гг. Позднее время написания объяснило бы и сам факт фальсификации: языческая пропаганда в христианской империи невозможна в непосредственном виде, а только в литературной ретроспективе (эта концепция представлена в дальнейшем изложении).

*Источники*³. По жанру автор продолжает традицию Светония (*Maxim. et Balb.* 4, 5; *Prob.* 2, 7). Исследование установило шесть основных источников: первый, чье название до нас не дошло, охватывает промежуток до 217 г. Марий Максим дает красочные детали о Макрине; прежде всего отсюда черпает

puter Studies, JRS 69, 1979, 65–77; B. BALDWIN, Tacitus, the *Panegyrici Latini*, and the *Historia Augusta*, *Eranos* 78, 1980, 175–178; D. DEN HENGST, The Prefaces in the *Historia Augusta*, диссертация, Amsterdam 1981; K.-H. STUBENRAUCH, Kompositionsprobleme der *Historia Augusta*. Einleitungen, der verlorene Anfang, диссертация, Göttingen 1982; R. SYME, *Historia Augusta Papers*, Oxford 1983; H. SZELEST, Die *Historia Augusta* und die frühere antike Literatur, *Eos* 71, 1983, 35–42; K.-P. JOHNE, Zum Geschichtsbild der *Historia Augusta*, *Klio* 66, 1984, 631–640 (лит.); G. MARASCO, *Ricerche sulla Historia Augusta*, *Prometheus* 12, 1986, 159–181; J. BURIAN, Die Darstellung der Markomannenkriege in den *Scriptores Historiae Augustae (Vita Marci)* und ihre Glaubwürdigkeit, *LF* 110, 1986, 114–118; T. HONORÉ, *Scriptor Historiae Augustae*, JRS 77, 1987, 156–176; F. KOLB, *Untersuchungen zur Historia Augusta*, Bonn 1987; A. SCHEITHAUER, Kaiserbild und literarisches Programm. *Untersuchungen zur Tendenz der Historia Augusta*, Frankfurt 1987; A. SCHEITHAUER, Die Bautätigkeit der Kaiserin der *Historia Augusta*, *WJA* 14, 1988, 225–240; D. BAHARAL, Portraits of the Emperor L. Septimius Severus, *Latomus* 48, 1989, 566–580; J. B. LEANING, *Didius Julianus and His Biographers*, *Latomus* 48, 1989, 548–565; C. BERTRAND-DAGENBACH, *Alexandre Sévère et l'Histoire Auguste*, Bruxelles 1990; E. WALLINGER, *Die Frauen in der Historia Augusta*, Wien 1990; W. J. CHERF, *The Thermopylae Garrison of Vita Claudii* 16, *CPh* 88, 1993, 230–236.

1. N. H. BAYNES, *The Historia Augusta. Its Date and Purpose*, Oxford 1926.

2. Так решительно («самое позднее») D. FLACH, *Einführung in die römische Geschichtsschreibung*, Darmstadt 1985, 278.

3. T. D. BARNES, *The Sources of the Historia Augusta*, Bruxelles 1978.

ся материал о Гелиогабале. Геродиан — важнейший автор, который предоставляет сведения для 238 г. (и еще раньше); его показания дополняются по Дексиппу, который в дальнейшем служит источником до 270 г. Для времени после 260 г. (как и для рамки биографии Александра) привлекается «*Kaisergeschichte*»; после 270 г. доказано использование Евнапия. К этому добавляются Аврелий Виктор и Евтропий, может быть, Фест и Аммиан. Вызывает любопытство упоминание автобиографий Адриана и Септимия Севера, сочинений Элия Корда и Флегона. К сожалению — особенно в жизнеописаниях малоизвестных цезарей — цитируются и вымышленные документы и источники, так что читатель имеет дело с досадным сплетением ценных сведений и самой бесстыдной лжи.

Литературная техника только в принципе воспроизводит светониевскую (ср. ниже), как, например, в композиции *Жизнеописания Пия*. Однако, в отличие от Светония, большая часть биографий не делится ни по строго хронологическому признаку, ни по свойствам характера (*per species*). Недостаток информации компенсируется анекдотами, чудесными историями и новеллистическими элементами, напоминающими романистику. Хотя автор и заявляет, что не будет заниматься ничтожными или непристойными сплетнями (ср. *Aur.* 3, 1; 6, 6; *Heliog.* 18, 4), но доказательств противного вполне достаточно. Верх наглости — утверждение историка, будто он стремится к достоверности и исторической истине (*Trig. tyr.* 1, 2; 11, 6 сл.); впрочем, он достаточно честен, чтобы в другом месте апеллировать к *curiositas*, «любопытству» (*Aur.* 10, 1). Произведение ставит перед собой одновременно и развлекательную, и дидактическую цель.

*Язык и стиль*¹. Невозможно обнаружить стилистическую разницу между отдельными «авторами»; «Флавий Вописк» и «Треbelлий Поллион» выделяются более сильной риторической окраской. Стоило бы рассмотреть снова, достаточно ли велико различие, чтобы отвергнуть унитарную версию.

Образ мыслей. Просенатская позиция автора не дает никаких оснований для выводов о его сословной принадлежности. Произведение признавали опытом языческой апологетики истории; оно хвалит терпимость, с которой правили хорошие

1. J. N. ADAMS, The Linguistic Unity of the *Historia Augusta*, Antichthon 11, 1977, 93—120.

цезари, — предположительно для того, чтобы христианские государи воочию узрели собственную нетерпимость.

*Традиция*¹, состоящая из двух ветвей, в общем зависит от Vaticanus Palatinus 899 (IX в.).

Влияние на позднейшие эпохи. У *Historia Augusta* находятся читатели вплоть до средневековья².

BARDON, Litt. lat. inc., т. 2, 270—277; 291—293. * H. W. BIRD, Sextus Aurelius Victor. A Historiographical Study, Liverpool 1984 (также о Евтропии и о *Historia Augusta*). * R. BROWNING, CHLL 732—754 (основополагающее). * A. CHASTAGNOL, Emprunts de l'*Histoire Auguste* aux *Caesares* d'Aurelius Victor, RPh 41, 1967, 85—97. * W. DEN BOER, Rome à travers trois auteurs du quatrième siècle, Mnemosyne 4, 21, 1968, 254—282 (об Аврелии Викторе, Евтропии и Фесте). * W. DEN BOER, Some Minor Roman Historians, Leiden 1972 (о Флоре, Аврелии Викторе I и II, Евтропии и Фесте). * D. FLACH, Einführung in die römische Geschichtsschreibung, Darmstadt 1985, 257—311. * W. HARTKE, De saeculi quarti exeuntis historiarum scriptoribus quaestiones, Lipsiae 1932. * F. HEINZBERGER, Heidnische und christliche Reaktionen auf die Krisen des weströmischen Reiches in den Jahren 395—410 n. Chr., диссертация, Bonn 1976. * M. HOSE, Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio, Stuttgart 1994. * E. MALCOVATI, I breviari del IV secolo, Ann. Univ. Cagliari 12, 1942. * A. MOMIGLIANO, Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D., в: его же, изд., The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century, Oxford 1963, 77—99. * J. SCHLUMBERGER, Die *Epitome de Caesaribus*. Untersuchungen zur heidnischen Geschichtsschreibung des 4. Jh. n. Chr., München 1974 (также о Евтропии и о *Historia Augusta*). * S. WILLIAMS, Diocletian and the Roman Recovery, London 1985.

СВЕТОНИЙ

Жизнь, датировка

Г. Светоний Транквилл, родившийся, вероятно, в Царском Гиппоне³ (северная Африка) ок. 70 г., — выходец из всаднического сословия. Таким образом, и географически, и социаль-

1. О состоянии текста недавно Н. L. ZERNIAL, Akzentklausel und Textkritik in der *Historia Augusta*, Bonn 1986.

2. C. BERTRAND, L'*Histoire Auguste* et son influence sur quelques auteurs au moyen âge, Liège 1982.

3. Надпись Année Epigraphique 1953, 27 сл. (№ 73); G. V. TOWNEND, The Hippo Inscription and the Career of Suetonius, *Historia* 10, 1961, 99—109.

но он относится к тем, за которыми будущее. Он посвящает свой труд городскому префекту Г. Септицию Клару (*Lydus, de magistr.* 2, 6), которого почтил своим посвящением и влиятельный Плиний. Автор *Писем* и *Панегирика* взял Светония в «ученики»¹ под свое покровительство, побуждал его опубликовать свое произведение (*epist.* 5, 10) и выхлопотал для него у Траяна *ius trium liberorum* (*epist.* 10, 94–95; ок. 112 г.). Светоний занимает в императорской канцелярии должности *a studiis, a bibliothecis* и *ab epistulis*². В 122 г.³ он теряет это место: Адриан после смерти Плотины отправляет в отставку многих приверженцев Траяна, среди которых и Септиций Клар (Hist. Aug. *Hadr.* 11, 3). Светоний, кажется, и в 130 г. продолжает литературную деятельность⁴; правда, весомость подтверждающего это свидетельства не стоит переоценивать⁵. Фронтоном упоминается некоего Транквилла (*ad Ver.* 1, 13, р. 117 V. D. Н.) и Светония Транквилла (*ad am.* 1, 13, р. 179 V. D. Н.).

Обзор творчества

Сохранившееся произведение *De vita XII Caesarum libri VIII* включает биографии двенадцати цезарей от Юлия Цезаря до Домициана. Поскольку труд был посвящен городскому префекту Г. Септицию Клару, по крайней мере книги 1 и 2 (а возможно, 1–6, с жизнеописанием Нерона включительно) должны были быть опубликованы до 122 г. Седьмая (Гальба, Отон, Вителлий) и восьмая книги (Флавиусы) могли быть добавлены позднее; однако противоположная точка зрения также имеет своих сторонников⁶. Все же остается под вопросом, достаточный ли аргумент для обоснования различной датировки двух первых и остальных книг — разница в словаре и документальных источниках.

Произведение *De viris illustribus*⁷ включало краткие жизнеописания

1. *Epist.* 1, 24, 1; ср. 10, 94, 1; *contubernalis* (воен. «товарищ по палатке») означает ученика (который живет с мастером под одной крышей).

2. Руководитель канцелярии, ведавшей императорской перепиской (прим. перев.).

3. Так (а не в 121 г.) SYME, Tacitus 2, 799; дальнейшая лит. у U. LAMBRECHT 1984, 23 прим. 45; ср. R. SYME 1980, 113 сл. (против 128 г.).

4. *Tit.* 10, 2; об этом SYME, Tacitus 780.

5. См. теперь В. BALDWIN 1983, 46.

6. За раннее (до остальных) появление шести последних биографий: G. W. BOWERSOCK, Suetonius and Trajan, в: *Hommages a M. Renard* (Coll. Latomus 101) 1, 119–125; противоположная точка зрения: K. R. BRADLEY, *The Composition of Suetonius' Caesares again*, JIES 1, 1973, 257–263.

7. О *De viris illustribus*: В. BALDWIN 1983, 379–466; A. WALLACE-HADRILL 1983, 50–72.

поэтов, ораторов, историков, грамматиков и риторов. Сохранились биографии грамматиков и начало раздела о риториках; жизнеописания поэтов частично доступны для нас в традиции соответствующих авторов (Теренций, Гораций, Персий); светониево происхождение жизнеописаний Вергилия, Тибулла и Лукана остается под вопросом. Возможно, *De viris illustribus* вышли в свет раньше императорских биографий¹.

Утрачены многочисленные труды (по большей части исторического и культурно-исторического характера); Суда сохраняет целый ряд названий², к которым добавляются следующие: *De regibus*, *De institutione officiorum*, *Περὶ ἐπισήμων πορνῶν*, *De rerum naturis*, *De animantium naturis*, *De rebus variis*. Многие из этих работ, должно быть, входили как составные части в синтетический труд *Prata*³. Широта охвата литературной деятельности Светония и особенности названий дают основание утверждать, что в лице Светония мы имеем дело с универсальным ученым. Чтобы понять его писательскую манеру, необходимо иметь это в виду.

Источники, образцы, жанры

Светоний изучает *Fasti*, *Acta senatus* и *Acta diurna populi Romani*. В *Cal.* 8, 5 он убедительно использует *Acta* против литературных источников. *Res gestae* Августа он привлекает, но делает это самостоятельно. Он цитирует многочисленные письма Августа⁴, а также писания и речи Тиберия (*Tib.* 28; 29; 32, 2; 67, 1; 67, 3–4). Уменьшение роли эпистолярной документации в последующих биографиях объясняют различным образом. Безусловно, свою роль играет симпатия Светония к Августу; кроме того, могли сказаться спешка и расчет снискать милость Адриана ускоренной публикацией. Однако высказывалось и следующее предположение: позднейшие биографии потому не содержат императорских писем, что Светоний уже не (или еще

1. A. WALLACE-HADRILL 1983.

2. *Suda* 4, 581, 19–27 ADLER, s. v. Τράγχυλλος; *Περὶ τῶν παρ' Ἑλλήσι παιδιῶν βιβλίον α'*, *Περὶ τῶν παρὰ Ῥωμαίοις θεωριῶν καὶ ἀγῶνων βιβλία β'*, *Περὶ τοῦ κατὰ Ῥωμαίους ἐνιαυτοῦ α'*, *Περὶ τῶν ἐν τοῖς βιβλίοις σημείων α'*, *Περὶ τῆς Κικέρωνος πολιτείας α'*, *Περὶ ὀνομάτων κυρίων καὶ ἰδέας ἐσθημάτων καὶ ὑποδημάτων καὶ τῶν ἄλλων οἷς τις ἀμφιέννυται*, *Περὶ δυσφήμων λέξεων ἧτοι βλασφημιῶν, καὶ πόθην ἐκάστη, Περὶ Ῥώμης καὶ τῶν ἐν αὐτῇ νομίμων καὶ ἠθῶν βιβλία β'*, *Συγγενικῶν Καισάρων... βιβλία γ'*, *Στέμμα Ῥωμαίων ἀνδρῶν ἐπισήμων*.

3. Об утраченных произведениях: F. DELLA CORTE 1967, 233–245; A. WALLACE-HADRILL 1983, 43–49; P. L. SCHMIDT, *Suetons Pratum*, ANRW 2, 33, 5, 1991, 3794–3825.

4. Например, *Aug.* 71, 2–4; 86; 87, 1–3; *Tib.* 21, 2–7; *Cal.* 8, 4; *Claud.* 4; сомнения в личном знакомстве Светония с источником у B. BALDWIN 1983, 134–139.

не) подвизался при дворе и таким образом не имел доступа к архивам¹. Правда, поскольку в позднейших биографиях отсутствует и *литературная* документация, не говоря уже о систематическом знакомстве с актами, не следует делать поспешных выводов на основании материала.

Светоний поименно цитирует Танузия Гемина (*Iul.* 9, 2), Г. Оппия (*Iul.* 53), Плиния Старшего, Лентула Гетулика (*Cal.* 8, 1—3), Кв. Элогия (*Vit.* 1, 2) и Кассия Севера (*Vit.* 2, 1), документы, написанные самими цезарями, и Сенеку Старшего (*Tib.* 73). Безусловно, он использует популярных в его время историков Клувия Руфа, Плиния Старшего и Фабия Рустика. Дважды он упоминает Кремуция Корда (*Aug.* 35, 2; *Cal.* 16, 1). Отдельными греческими цитатами он, вероятно, обязан некоему Ти. Клавдию Бальбиллу². Вообще следует считаться с тем, что его круг чтения был весьма обширным.

Неясно его отношение к Тациту и Плутарху. Возможно, в окружении Септиция он слушал отрывки из *Анналов*³; однако точки соприкосновения могут основываться и на общих источниках. В биографиях императоров противоречия с Плутархом часто бросаются в глаза⁴. Этот факт также еще предстоит объяснить.

В *De viris illustribus* Светоний использовал Варрона (и не только *De poetis*), кроме того — Непота, Сантру, Гигина, Фенестеллу, Аскония Педиана, а может быть, и *Musae* Опилия (Опилла). Затем — письма Августа, Мecenата, Мессалы Корвина, Цицерона, Атея Филолога, произведения рассматриваемых авторов, а также декреты сената и цензоров, надписи, личные воспоминания. Ученость Светония имеет основой обширную исследовательскую работу; можно только пожалеть о гибели многих его произведений.

Строгая жанровая форма биографии не существовала. Вообще ее трудно отделить от энкомия⁵, однако элементы последнего у Светония по большей части незаметны. Из предшественников ближе всего к схеме Светония *Жизнеописание*

1. G. V. TOWNEND 1967, 87—91; о критике: L. De CONINCK 1983.

2. G. V. TOWNEND, The Sources of the Greek in Suetonius, *Hermes* 88, 1960, 98—120, особенно 115—119.

3. E. CIZEK 1977, 46, прим. 80.

4. B. BALDWIN 1983; A. WALLACE-HADRILL 1983, 69—71.

5. W. STEIDLE ²1963, 129—132; об элементах энкомия и жизнеописания у старейшего христианского биографа Понтия: VERSCHIN, *Biogt.* 1, 64.

Этаминонда Корнелия Непота. Ф. ЛЕО¹ пытается различить две разновидности жанра: «перипатетическую», выстроенную хронологически, художественно оформленную и посвященную публичным деятелям, и «александрийскую», которая развивалась по характерным признакам, имела научный характер и относилась к представителям литературной жизни. Если принимать эту классификацию, то Светоний применяет принципы второго типа к политическим деятелям. Впрочем, нам известны и литературно притязательные биографии поэтов. С другой стороны, хотя это иногда отрицают, и до Светония, по-видимому, были политические биографии, не сводимые к похвальным речам. Например, перипатетик и ровесник Теофраста Фений Эресский (ок. 336 г. до Р. Х.) писал биографии поэтов, философов, а также сицилийских тиранов. Кажется, это были вовсе не панегирики².

Вопрос о самостоятельности Светония как творца жанра нельзя рассматривать отдельно от аналогичной проблемы для Непота. Масса утраченного материала и посредственный талант этих авторов побуждают к осторожности.

Как бы то ни было, в любом случае категории, которыми руководствуется Светоний, полностью соответствуют римским мыслительным стереотипам³: род, семья, рождение, воспитание, *toga virilis* (совершеннолетие), начало карьеры, военные подвиги, частная жизнь, предзнаменования, смерть, завещание. В основном Светоний исходит из фактов, которые ему доступны. Их группировка осуществляется по различным принципам биографической и римской историографической традиции, среди них — последовательное выстраивание комбинаций хороших и дурных примеров. Так под его пером возникает типично римская форма биографии.

1. LEO, *Biogr.* 139—144.

2. Ср. также Батона, *Περὶ τῶν ἐν Ἐφέσῳ τυράννων*; D. R. STUART, *Epochs of Greek and Roman Biography*, Berkeley 1928, 132—134; R. LAQUEUR, *Phainias*, RE 19, 2, 1938, 1565—1591; W. STEIDLE ²1963, 140—151; осторожно А. МОМIGLIANO, *The Development of Greek Biography*, Cambridge, Mass. 1971, 78; отвергает J. GEIGER (цит. к Непоту).

3. W. STEIDLE ²1963, 108—125; они были предвосхищены в сборниках воспоминаний, римских *tituli* и *elogia*, *Imagines* Варрона, возможно, и в биографиях римских должностных лиц; ср. стр. 1524, прим. 3.

Литературная техника

Светоний излагает исторический материал в неисторической манере. У биографа совершенно другая точка зрения, чем, скажем, у Тацита. Биографии цезарей отличаются от историографии¹ структурой, предметом и стилем.

Наш автор был предположительно *grammaticus*, то есть преподавателем словесности, задачей которого было толкование текстов (включая то, о чем в них идет речь). Этим объясняется его вкус к фактам. Улубление в структуру *Vitae* показывает, что Светоний тщательно распределяет свой материал².

Предметно обусловленное членение по рубрикам вообще напоминает политическую автобиографию Августа (*Res gestae*). Однако следует принимать в расчет и римскую традицию схематично выстроенной, строго разделенной на рубрики биографии должностного лица³. Светониевская биография рассматривает сначала публичную, а затем частную сферу жизни цезаря, так что в результате складывается общая картина. Композиционная схема в разных биографиях варьируется. Даже сама собой напрашивающаяся последовательность — семья, отец, рождение, первые годы жизни — не устоялась вполне. Такие рубрики, как происхождение цезарей, имена их жен, упоминание предзнаменований, в различных биографиях не складываются в шаблон⁴.

По содержательным мотивам в биографии Цезаря «предыстория» (до единовластия) — особенно длинная часть; ему ведь пришлось долго сражаться за первенство. «Портрет» властителя во многих биографиях стоит в конце; часть его *species* сообщается только после кончины⁵. Для Вителлия (17) описание внешности сочетается с сообщением о его смерти.

Биография Тита построена своеобразно: вначале — общее описание, затем — два противоположных: жизни до и после воцарения. В то время как в иных случаях пороки рассматриваются *после* добродетелей, здесь — под влиянием фактов — отрывок с некоторыми отрицательными нюансами предшествует безоговорочно положительному повествованию.

1. A. WALLACE-HADRILL 1983, 9—15; 122.

2. G. LUCK, Über Suetons *Divus Titus*, RhM 107, 1964, 63—75; H. GUGEL 1970.

3. О предыстории *Liber pontificalis* (VI в.): BERSCHIN, Biogr. 1, 270—277; 2, 115—138.

4. B. MOUCHOVÁ 1968.

5. *Ner.* 51—56; *Cal.* 21—22; *Otho* 12; *Dom.* 18—22.

Биография Клавдия — самая неясная как в оценке, так и в строении, что — вольно или невольно — соответствует изменчивому характеру этого государя (*Claud.* 15, 1).

Свое композиционное мастерство Светоний проявляет скорее в мелочах, чем в крупных разделах. Иногда он эффектно и драматично группирует свой материал¹; например, захватывающе описаны последние часы Нерона. Сведения сообщаются в такой последовательности, что достигают своей цели, — типично римский стилистический принцип.

«Постоянными элементами» в биографиях цезарей² стали и предзнаменования, эротические моменты и *ultima verba*, «последние слова». Обращение к предзнаменованиям — *ostenta, omina* и *prodigia* — вполне соответствует суевериям эпохи (ср. *Plin. epist.* 1, 18), но их размещение выполняет литературные задачи: оно подчеркивает определенную последовательность мотивов — как в *Divus Iulius*: с одной стороны, стремление Цезаря к царскому достоинству (1, 3; 7, 2; 61), с другой — пренебрежение культовыми обычаями, которое приводит к его смерти (30, 3; 59; 77; 81, 4).

Особенно хорошо умеет Светоний цитировать: ведь у него чужое имеет значение для истолкования предмета³ — таково высказывание Суллы, что в Цезаре много Мариев, собственная реплика Цезаря о его царском и божественном происхождении (*Suet. Iul.* 1, 3; 6, 1), то, что он сравнивает себя с Александром (7, 1) и его любимая цитата из *Финикиянок*: εἴπερ γὰρ ἀδικεῖν χρῆ, τυραννίδος πέρι / κάλλιστον ἀδικεῖν («нарушить право — так уж ради трона / его нарушить лучше...»), *Iul.* 30, 5; *Eur. Phoen.* 524 сл.; *Cic. off.* 3, 82). В биографии Домициана (21) можно прочесть многозначительную реплику, проливающую свет на судьбу государя: *Condicionem principum miserrimat aiebat, quibus de coniuratione comperta non crederetur nisi occisis*, «он говорил о том, что властителю приходится хуже всех: ведь только тогда тебе и поверят, что раскрыт заговор, когда тебя убьют».

В биографии Цезаря обнаружили лейтмотивы и искусное «завязывание узла»⁴. Точно так же можно доказать функциональную обусловленность отдельных подробностей в биогра-

1. В. Mouchová 1968, 15 и 105 сл.

2. Н. Gugel 1977, 23–103.

3. У. Lambrecht 1984, 37–43; W. Müller 1972, 95–108.

4. Н. Gugel 1970, особенно 22.

фии Августа¹. Группировка фактов подчинена принципу градации²; например, эротические подробности даны *crescendo*³. *Ultima verba* завершают основную тему каждой конкретной биографии⁴. Говорят о все более мрачных тонах в описаниях (*noircissement progressif*⁵), что постепенно подводит читателя к определенному мнению.

Важная проблема, которая еще нуждается в последовательном изучении, — взаимосвязь различных жизнеописаний⁶. Биографии Гальбы и Отона тесно переплетены друг с другом и сохраняют историческую последовательность.

В таких случаях Светоний сочетает биографический элемент с развернутым историческим повествованием⁷. Описание отдельной жизни и большая история совмещались уже в *Агриколе* Тацита, правда, во много более эстетически совершенной форме, чем у Светония. Определенная закономерность делает *Vita* в императорскую эпоху эрзацем истории. Однако Светония нельзя назвать историком в античном смысле слова; уже само направление взгляда разводит оба жанра. Поскольку Светоний отдает предпочтение реальному сцеплению событий по сравнению с драматичностью и внутренним единством повествования⁸, возникает принципиальное противоречие целям античной историографии.

Язык и стиль

Стиль Светония не отличается единством⁹. Достоинства отдельных блистательных сцен приписывали его оригиналам; однако скорее перепады обусловлены различием содержания (материал по рубрикам или же повествование). В то время как античная историография — кроме военно-политических пассажей и хронологии — требует риторической отдел-

1. R. HANSLIK 1954, 99—144.

2. B. MOUCHOVÁ 1968, 43—47; 105; A. PENNACINI 1984.

3. H. GUGEL 1977, 73—95, особенно 76.

4. H. GUGEL 1977, 95—103.

5. E. CIZEK, Sur la composition des *Vitae Caesarum* de Suétone, StudClas 3, 1961, 355—360, особенно 360.

6. Указания у H. GUGEL 1977, 143; B. MOUCHOVÁ 1968, 65—77.

7. H. GUGEL 1977, 144.

8. B. MOUCHOVÁ 1968, 105.

9. G. D'ANNA 1954, 179—190 сравнивает *Nero* 9 и 35 (краткие фразы) с 47—49 (более искусные периоды).

ки, Светоний не заботится о том, чтобы создать произведение «изящной словесности». Стилистически он попадает в орбиту специальной литературы. Его относят к числу тех авторов, которые ищут точное слово, *mot juste*; он стремится не к риторической помпезности, а к цезаревой эlegantности, правда, без пуризма. Он симпатизирует классическим временам (Цицерон и Август). Его собственный стиль чужд архаических элементов, его отличает непритязательная манера античных ученых. Плиний называет Светония *scholasticus* (*epist.* 1, 24, 4), Иоанн Лаврентий Лидиец — филологом (*Lyd. de mag.* 1, 34, p. 35 WÜ.), *Suda* 4, 581, 18 ADLER — грамматиком¹. Автор *Historia Augusta* хвалит Светония за то, что он пишет «не столько красноречиво, сколько правдиво» (*non tam diserte quam vere*)²; свидетель плох, но мысль хороша. Не свойственны профессиональной латинской историографии, но характерны для Светония «ученые» особенности, такие как специальные термины³, греческие слова и весьма пространные цитаты из документов.

Типичный прием Светония — *divisio*, перечень тех пунктов, которые в дальнейшем подлежат рассмотрению. Эта метода восходит к риторике и употребляется в энкомиях. К сожалению, у Светония она не всегда выполняет свою цель — прояснить структуру⁴.

Светоний не был великим мастером стиля. Его заботит ясность, краткость и точность. В конце концов возникает впечатление холода и бесцветности. С другой стороны, членение фраз, например, в *Юлии*, местами вплоть до мельчайших подробностей соответствует развертыванию содержания⁵. Манеру Светония нельзя свести просто к небрежному стилю заметок⁶.

1. F. DELLA CORTE ²1967, 29 сл. предостерегает от переоценки этих свидетельств; однако он исходит из слишком суженного понятия *grammaticus*.

2. *Script. Hist. Aug. Prob.* 2, 7.

3. A. WALLAGE-HADRILL 1983, 20 сл. с лит.

4. G. B. TOWNEND 1967, 84—87.

5. W. STEIDLE ²1963, 125 сл.; о словаре см. B. MOUSNOVÀ 1966, 55—63.

6. Как полагал ЛЕО, *Biogr.* 134, это можно установить в сравнении с alexandрийской научной биографией.

Образ мыслей I Литературные размышления

Светоний редко высказывается о своих писательских намерениях, и подробнее всего — когда речь идет о структуре отдельных биографий (например, *Aug.* 9; 61, 1). Чаще встречаются стилистические и литературно-социологические наблюдения.

Архаизм, вошедший в моду во II веке, Светония не привлекает. Как показывают его похвальные отзывы о стиле Цезаря (*Iul.* 56, 2) и Августа (*Aug.* 86)¹, его идеал — *notus civilisque et proprius sermo*, «обычная речь граждан с использованием слов в собственном смысле», без *obscuritas*, «темноты», и *audacia in translationibus*, «отважных метафор», (*gramm.* 10, 7). Вместе с Квинтилианом и Плинием он относится, таким образом, к числу классицистов в духе времени Флавиев и Траяна².

В этом отношении он не разделяет вкус Адриана, который ставил Цицерона, Вергилия и Саллюстия ниже, чем Катона, Энния и Целия (*Script. Hist. Aug. Hadr.* 16, 6). Предшественником этого направления был в эпоху Флавиев Валерий Проб — в провинции (например, Сирии) древнелатинские авторы, вытесненные из римской школы классиками, держались дольше, что не ускользает от острого взгляда Светония (*gramm.* 24, 2); в соответствии с ростом экономического влияния взгляды и вкус провинций отражаются на столице.

В стилистических нюансах литературное суждение нашего автора надежнее, чем в общих вопросах: манера Августа кажется ему *elegans, temperatum* и чуждой модных прикрас; цезарь Клавдий пишет, по его мнению, *magis inepte quam ineleganter* (*Claud.* 41, 3)³; вряд ли можно более метко определить манеру этого правителя⁴. Хорошо обосновывает Светоний и неподлинность некоторых приписываемых Горацию произведений (*elegi vulgares, epistula etiam obscura, quo vitio minime tenebatur*, «элегические стихи вульгарные, письмо даже и темное, а ему менее всего был свойствен этот недостаток»: *vita Hor.* 5). Что касается Vergiliana, он, правда (если биография действительно принадлежит

1. F. DELLA CORTE 1967, 35 сл.

2. Не следует думать, будто классицизм и сильная центральная власть тесно связаны друг с другом; «нероновское барокко» и «антониновский архаизм» также возникают при монархии.

3. То есть он заботится о правильности своей латыни, но не свободен от ученой *ἀχαίρια*, «докучливости».

4. VON ALBRECHT, *Prosa* 164—189.

ему)¹, не столь критичен. Но в *De grammaticis et rhetoribus* пропорции нарушены иногда прямо-таки устрашающе: великий ученый Варрон отсутствует вовсе, а такой крупной фигуре, как его учителю Элию Стилому, уделено совсем немного места.

Критичностью и трезвостью отличается его концепция поэтического меценатства (*vita Hor.* 2 сл.). Может, потому, что у него не сложились отношения с Адрианом? Для Светония ясно то, какое решающее влияние оказывает государь на литературу уже в силу своего положения. Он подчеркивает плодотворность дружественной по отношению к литературе политики Августа (ср. *Aug.* 89, 3 *ingenia saeculi sui omnibus modis fovit*, «он всеми способами поощрял таланты своего века») и интерес Тиберия к литературе (*Tib.* 70). Домициан — вероятно, по контрасту самовосприятия именно этого императора — стилизован под *ἄμοιβος*, «чуждого Музам невежду». С другой стороны, у Светония не встречается понимания эллинофильство Нерона. В пренебрежении к «гречишкам», *Graeculi*, он заявляет о себе как типичный римлянин (например, *Tib.* 11, 1; 56). Он не рассыпается в любезностях в адрес эллинофильствующего Адриана.

Образ мыслей II

Отношение Светония к мистериальным религиям и философским школам отличается холодком, свойственным римскому магистрату. Он с пониманием относится к выдворению философов из Рима и совершенно не в состоянии постичь христиан. Он весьма не высокого мнения об эпикуреизме (*gramm.* 8, 1); Помпилий Андроник, — полагает он, — как истый эпикуреец, был слишком ленив на занятиях. Если задаться целью обнаружить у Светония черты «интеллектуала», то скорее всего вспоминается академический пробабализм, скажем, Карнеада², который он мог усмотреть у предмета своего восхищения — Цицерона, а также у Плиния. Как биограф он в определенном смысле стремится к *probabile e vita*, «вероятному в соответствии с жизнью». Противопоставление *virtutes* и *vitia* отдаленно напоминает *in utramque partem disserere* скептической Академии. Если у Светония вообще есть принцип, то это сомнение; под маской тонкого бихевиоризма он развивает соразмерное эпохе

1. За авторство Светония Н. NAUMANN 1985.

2. Е. СIZEK 1977, особенно 178; 192; 196 сл.

понятие принципата. Однако в этом вопросе следует соблюдать необходимую осторожность. Светоний, в конце концов, слишком римлянин, чтобы присоединиться окончательно к определенной философской школе.

Чувство всеобщей предопределенности соответствует менталитету императорской эпохи¹; предзнаменования воспринимаются серьезно; астрология, толкование снов и физиогномика имеют статус наук; так, скажем, Тиберий презирает *religio*, но верит в астрологию (19; 69; 72, 1 сл.). В то время как у историков чудеса усугубляют драматичность сообщения, у Светония они скорее показывают, что несчастье можно предвидеть. Они связаны с приобретением императорского достоинства и с его утратой². Таким образом, прежде всего чудеса занимают Светония не как элементы древнеримской государственной религии, а как частные предзнаменования индивидуальной судьбы. Однако судьба цезаря играет первостепенную роль для всех.

В политическом отношении Светоний дополняет традиционную сенаторскую точку зрения мнением всадника. «Хорошие» государи для него те, которые уважают сенаторов и всадников³. К Отону, умеренному неронианцу, который хочет объединить все сословия и расположен к всадникам, он относится лучше, чем Тацит. Тот исходит из позиции сенаторов, а Светоний — и из позиции всадников.

Веспасиан, который благоприятствует обоим сословиям (9, 2), и Тит также вызывают его симпатию. Он расположен к Клавдию, покровительствующему всадникам; но поскольку сенаторы враждебны к последнему, образ этого императора получился двойственным. Вообще Светоний подчеркивает особую энергию всадников (*Tib.* 8, 4); женщин, вольноотпущенников и плебс он тоже трактует не так презрительно, как Тацит (что, впрочем, значит не так уж много).

Ко времени жизни Светония государство достигает предела в своем расширении; администрация и порядок пишутся с большой буквы. Тот факт, что биографический ряд открывает Цезарь, а не Август, также соответствует положению дел при Траяне: тот впервые после долгого перерыва ведет заво-

1. A. WALLAGE-HADRILL 1983, 192 сл. с лит.

2. A. WALLAGE-HADRILL 1983, 191 сл.

3. Положительно: *Iul.* 41, 2; *Aug.* 40, 1; *Vesp.* 9, 2; отрицательно: *Tib.* 51, 2; *Cal.* 26, 4; 30; 2; ср., однако, *Dom.* 7, 2.

евательные войны, и сравнение с Александром и Цезарем напрашивается само собой. Критику своего времени¹ у Светония можно уловить лишь косвенно, а именно в «позднейших» биографиях: смерть предшественника удерживается в тайне, чтобы облегчить смену правителей (*Claud.* 45; намного осторожнее *Aug.* 98, *Tib.* 22). Один император, восходящий на престол, нелюбим из-за необоснованных казней видных граждан (*Tit.* 6). Критика утраты территорий (*Nero* 18), всевластия вольноотпущенников (конечно же, при Клавдии) и бюрократизации Империи раздается громко. При этом слабые места Адриана перечислены почти полностью. Случайность ли это?

Вообще Светоний не склонен к черно-белому изображению, и его суждение о государях достаточно нюансировано. Правда, уже при поверхностном анализе обнаруживаются четыре группы императоров: почти только положительные черты он усматривает у Августа, Веспасиана и Тита, преимущественно положительные — у Цезаря и Отона, в основном отрицательные у Тиберия, Гальбы и Домициана, только отрицательные у Калигулы, Нерона и Вителлия; образ Клавдия противоречив, но автор к нему скорее неблагосклонен. Зато много тонкостей в деталях: уже в изображении Цезаря есть разные слои. С одной стороны, при Траяне его можно не рассматривать как общественный скандал — это основатель римской монархии и великий завоеватель. Хотя признаются *moderatio* и *clementia* (*Iul.* 75), *impotentia* («несдержанность») и *arrogantia* («наглость», *ibid.*) оправдывают убийство столь честолюбивого диктатора. К *honores nimii*, «чрезмерным полномочиям», относятся *continuus consulatus*, «постоянное консульство», и *perpetua dictatura*, «пожизненная диктатура», — почести, которые Август счел ненужными. К единовластию Цезаря, кроме «божественного» аспекта его существа, ведет еще и *ambitio*. И вот Цезарь подвергается критике: соответствует ли он идее принципата?

Правда, достаточно тяжело говорить об «идее принципата»² у Светония. Биографии цезарей показывают — насколько в принципе здесь возможны обобщения — что он склоняется к идее умеренной монархии. Принципат и власть связаны неразрывно³, однако и то и другое основывается на *concordia*

1. E. CIZEK 1977, 182 с лит.; иначе K. R. BRADLEY 1976.

2. U. LAMBRECHT 1984, особенно 78–83; 147–155.

3. *Iul.* 29, 1 *difficilius se principem civitatis a primo ordine in secundum quam ex secundo*

ordinum, «согласии сословий», и представлении об образцовом поведении римлянина, с особенным акцентом на *abstinentia* и *moderatio*, но прежде всего на том, что сенат нужно щадить и оберегать его права.

Работа с «монархическими» топосами (λόγος βασιλικός) обуславливает и описание добродетелей и пороков государей, в том виде, как они соответствуют духу времени (*clementia* — *crudelitas*, *liberalitas* — *avaritia*, *civilitas*, «гражданственность» — *superbia*, «надменность»). Аналогичным образом сопоставлял черты характера власть имущих Плиний (*paneg.* 3, 4). Хочет ли Светоний представить императору Адриану определенный образ принципата?¹ Изображение по принципу «добродетелей» и «пороков» на самом деле напоминает зеркало государей². Очевидным образом мы имеем дело не со сформулированной идеологией, а со шкалой ценностей, которую автор по умолчанию разделяет со своей аудиторией.

Идея *принцепса* для Светония воплощается не в *libera res publica*, «свободном государстве», но, в основном, в Августе, однако слово *principatus* в его биографии не встречается³. Конечно же, Август — *optimi status auctor*, «создатель наилучшего положения дел» (*Aug.* 28, 2), *saluber magis quam ambitiosus princeps*, «правитель скорее полезный, нежели честолюбивый» (*Aug.* 42, 1), который (*Aug.* 53, 1), как позднее Тиберий (*Tib.* 27), не позволяет обращаться к себе словом *dominus*, «владыка»⁴. Он правит с *clementia* и *civilitas* (*Aug.* 51) и сочетает *prudentia* с *pietas* (*Aug.* 31)⁵; но прежде всего он уважает сенат и традиционные установления. Для Светония характерно, что этот реферат звучит «идеологичнее», чем текст; часто автор дает понять свои ценностные установки из контекста.

Описание внешности (нередко к концу биографии) включает и очерк характера. Светоний — физиогном⁶; может быть, он знаком с работами в этой области своего современника Полемона Лаодикейского. Портреты, кажется, иногда больше свя-

in novissimum detrudi, «первому лицу в государстве тяжелее с первого места сойти на второе, чем со второго оказаться на последнем».

1. Например, E. SIZEK 1977.

2. P. HADOT, *Fürstenspiegel*, RLAC 8, 1972, 555–632, особенно 568–610.

3. U. LAMBRECHT 1984, 158.

4. В отличие от Домициана (*Dom.* 13, 1–2).

5. U. LAMBRECHT 1984, 36–43.

6. E. C. EVANS, *Roman Descriptions of Personal Appearance in History and Biography*, HSPH 46, 1935, 43–84, особенно 61–70 и 77–79; J. COUSSIN 1953.

заны с общим суждением Светония, чем с дошедшими до нас скульптурными изображениями; описание внешности Августа подчеркивает детали, напоминающие читателю «царственных» зверей и птиц — львов и орлов (*Aug.* 79); красота Калигулы искажается — для Светония он похож на козу (*Cal.* 50, 1); Веспасиан — лисица, и остается таковой (*Vesp.* 16, 3).

Светоний не разделяет пессимизм Тацита. В то время как этот последний показывает, как власть развращает людей, наш автор дает контрпримеры: Август, Отон, Тит. Главная его задача — сделать наглядной многосторонность жизни и личности императоров.

Хотя Светоний не старается прежде всего набросать историческую панораму, он правильно воспринимает рубежи великих эпох; он начинает не с Августа, а с Цезаря, поскольку при нем окончился республиканский период; затем он оценивает значение 69 года для римской истории и проникательно признает роль Флавиев в консолидации государства (*Vesp.* 1, 1); он хорошо отличает предлог от причины (*Iul.* 30, 2 и 31, 1). Переход через Рубикон он справедливо классифицирует как ἀρχή (*initium*, «начало») в полибиевском смысле слова (*Iul.* 31—33).

Заслуживает внимания, что в биографиях убитых императоров обстоятельства смерти описаны более объективно, чем в следующих — преемников, которым каждый раз приписывалось убийство (Тиберий/Калигула; Клавдий/Нерон). Непоследовательность можно обнаружить и в *De viris illustribus*¹. Вероятно, не следует отрицать отсутствия в какой-то мере проницательности у Светония.

Однако, при всех ошибках, его понимание людей в своей основе справедливо. В отличие от некоторых историков Нового времени, он видит, что люди вполне способны преодолеть или же преобразить идеологию и различные установления².

Основная особенность творчества Светония — его римский реализм³. Автор хочет предоставить слово фактам и отказывается от риторико-философских декоративных элементов. Правда, в позднейших биографиях его исследовательская энергия уже не та. Есть и ошибочные суждения: несправедли-

1. В. BALDWIN 1983, 391.

2. В. BALDWIN 1983, 339.

3. W. STEIDLE ²1963.

во утверждение, будто Тиберий пренебрегал охраной границ¹. Встречаются у биографа и противоречия², которые вовсе не всегда непременно объясняются невнимательностью; он ведь хочет дать многосторонний образ происходящего.

Светоний — *grammaticus* и аккуратный чиновник-регистратор. Выбор материала определяется не историческим, но биографическим его значением. Его некритический вкус к анекдотам — следствие предпочтений эпохи, любящей сенсации; однако он избегает риторической отделки. Поскольку его сплетни основываются на современных событиям материале, часто ему верят больше, чем, например, *Historia Augusta*, которая заполняет ложью информационные лакуны. Но прежде всего Светоний дает нам возможность увидеть то, что происходит при дворе императора.

Образ жизни государя для него — термометр общественного состояния. Властитель существует не в пустоте; его окружают знатные римляне, которые (часто со своими семьями) принимают участие в императорских обедах. Многие из тех, кому предстояло стать государями, уже с юных лет вращались при дворе: таковы Гальба и Тит.

В биографиях Светония отражается эллинизация римского общества: Август собирает вокруг себя греческих ученых, Тиберий — астрологов и грамматиков; даже в «перечне грехов» чувствуется его интерес к эллинистической культуре. По сравнению с временами Непота (*praef.* 1), музыка завоевала для себя жизненное пространство: Нерон — крайний случай, но не исключение; Калигула и Британник также получили музыкальное образование.

В эпоху Флавиев эллинофильство уступает перед римской реакцией. Если старая знать воплощала эллинизацию и нравственный упадок, то вместе с новыми сенаторами из муниципиев и провинций в Риме водворяется более строгий духовный климат. Однако уже Веспасиан и еще более Домициан покровительствуют риторике, поэзии, изобразительному искусству, театру, музыке, созданию библиотек (*Vesp.* 18—19, 1; *Dom.* 4, 4; 20). Таким образом, Светоний обращает внимание не только на политику и частную жизнь своих императоров, но и на культурную сторону их деятельности.

1. *Tib.* 41; D. FLACH 1972, 280 сл.

2. E. CIZEK 1977, 39; D. FLACH 1972 *passim*.

Оценка фактов косвенно выражается у Светония в композиции материала, причем синхронный аспект преобладает над диахроническим. Отдельные детали выстраиваются по признаку градации и тем самым оказывают воздействие на читателя: как ловкий психолог, Светоний подталкивает к суждениям, вместо того чтобы их высказывать. У читателя при этом остается ощущение достоверности, поскольку «образ мыслей» нашего автора скрыт в проблематичной форме его произведения и неотделим от него.

Традиция

Так как сохранившимся рукописям свойственны одни и те же недостатки (прежде всего лакуна в начале), они восходят к общему архетипу: возможно, к кодексу, который Луп де Феррьер (после † 862 г.) хотел получить из Фульды (844 г. по Р. X.; *epist.* 91, 4, ed. P. K. MARSHALL, Leipzig 1984); однако он получил только копию, которая позднее также была утрачена. Старейшая из сохранившихся рукописей — Memmianus (M; написана ок. 840 г. в Туре) = Paris. lat. 6115 (ею владел Анри де Месм)¹; связь этой рукописи с письмом Лупа остается под вопросом. В любом случае Фульда, чью монастырскую школу посещали Эйнгарт и сам Луп, имеет значение для каролингской рецепции Светония.

Кроме того, нужно отметить Gudianus 268 Guelferbytanus (G; XI в.), несколько переоцененный Г. БЕККЕРОМ, и Vaticanus 1904 (V; XI–XII в.).

Распределение по главам в изданиях (в своей окончательной форме) восходит к Эразму (Basel 1518); у Memmianus — другое подразделение.

Трактат Светония *De grammaticis et rhetoribus* открыл в 1450 г. Энох д'Асколи. Он сохранился вместе с малыми произведениями Тацита (см. выше). Наш текст основывается на копиях эпохи Возрождения. О традиции биографий поэтов см. издания соответствующих поэтических текстов.

Влияние на позднейшие эпохи

Светоний относится к числу тех римских авторов, которые оказали наиболее сильное влияние. Ученые авторы позднеантичной эпохи (Цензорин, Исидор, Иоанн Лидиец, Сервий и Макробий), кажется, предпочитают энциклопедические тру-

1. Cp. W. BERSCHIN, *Medioevo greco-latino*, Napoli 1989, 56 и 165.

ды Светония, а не Варрона¹. Биографии цезарей — эпохальное произведение; подлинный исторический труд потом напишет только Аммиан Марцеллин. В кильватере Светония плывут среди прочих Марий Максим, так называемый Аврелий Виктор (вторая половина IV в.), Евтропий в *Breviarium* и *Historia Augusta*, где его называют *emendatissimus et candidissimus scriptor*, «писателем самым безупречным и чистосердечным»². Посидий подразделяет свою *Vita S. Augustini* (ок. 432 г.) по образцу Светония *per species*³. В Фульде Светоний оказывает воздействие на Эйнгарта († 840 г.; *Vita Caroli Magni*) и Лупа де Феррье-ра († после 862 г.). Эйнгарт, в свою очередь, оказал влияние на Ассера с его *Vita Alfredi* и ее светониевской формой. Вильям Мальмсберийский († 1142 г.) следует за нашим автором в *Gesta Regum IV*⁴.

Светониевы биографии писателей вошли в языческую традицию грамматиков и поэтов. Как произведение (*De viris illustribus*) они в той же мере задают тон для Иеронима, как позднее для Геннадия Массилийского (V в.), Исидора Севильского († 636 г.) и Ильдефонса Толедского (VII в.). Форма биографического жанра определена Светонием раз и навсегда. По его трудам — в том числе и энциклопедическим — учатся самым различным вещам многие авторы, особенно эпохи христианской античности и средневековья. Византийская эпитама его работы о бранных словах и об играх была открыта в шестидесятые годы прошлого века на Афоне⁵. Данте († 1321 г.) вслед за Светонием (*Inf.* 45 *nigris vegetisque oculis*, «с черными и ясными глазами») создает свой захватывающий образ «взгляда коршуна» у Цезаря (*occhi grifagni: Inf.* 4, 123).

Начиная с эпохи Возрождения нашего автора читают мно-

1. CONTE, LG 549.

2. Script. hist. Aug., *Quadr. Tyr. (Firm.)* 1, 1.

3. G. LUCK, Die Form der suetonischen Biographie und die frühen Heiligenviten, в: Mullus. FS Th. KLAUSER, Münster 1964, 230–241, особенно 240; BERSCHIN Biogr. 1, 226–235; J. G. HAAHR, William of Malmesbury's Roman Models: Suetonius and Lucan, в: A. S. BERNARDO, S. LEVIN, The Classics in the Middle Ages, Binghamton, N. Y. 1990, 165–173; о Светонии в эпоху средневековья *ibid.* Index s. v. Suetonius.

4. G. B. TOWNEND 1967, 107 с лит.; вообще ср. L. TRAUBE, Vorlesungen und Abhandlungen 2, München 1911, 133 сл.; 3, München 1920, 12; 231–233; 271–273; см. также изд. *Reliquiae* (REIFFERSCHNEID, который, однако, иногда слишком оптимистичен).

5. Новое издание — J. TAILLARDAT, Paris 1967.

го, *aetas Suetoniana* и *Plutarchiana* сменяют друг друга. Для Петрарки († 1374 г.), обладателя трех рукописей Светония, он — *auctor certissimus, curiosissimus rerum scriptor*, «достовернейший автор и любопытнейший историк», но, правда, скорее источник, чем образец; его жизнеописания знаменитых римлян по своему замыслу¹ — труд исторический, а не биографический в духе Светония. Светониевская рецепция у Боккаччо также больше затрагивает материал, нежели стиль. Незадолго до смерти Джеронимо Кардано († 1576 г.), врач и естествоиспытатель, пишет автобиографию на латинском языке. Как и Светоний, он группирует материал *per species*, при этом выразительно подчеркивая свои усовершенствования по сравнению с предшественниками. В числе знаменитых издателей и комментаторов Светония в Новое время — Ф. Бероальд (Bononiae 1493; 1506); И. Касаубон (Genavae 1595; Paris 1610), А. Рейффершейд (Lipsiae 1860).

Творчество Светония знаменует высший расцвет римского биографического жанра на рубеже века литературы и века науки. Как кладезь сведений — он первый среди римских и греческих ученых своего времени.

Римская черта — нагромождение опытных данных. «В любом случае конечная цель — опыт в конкретной области, а не обзор и не созерцание в целом»². *Vitae* дают целую подборку общепринятых вещей; в этом заключается ценность их свидетельства о жизни римского общества. Это до некоторой степени извиняет признанные слабости биографа: фактическую неточность, пренебрежение историческим контекстом, отдельное рассмотрение взаимосвязанных вещей, ложную историческую композицию.

Если Светоний действительно родом из Гиппона, это один из первых африканцев в латинской литературе. Во всяком случае он первый, кто в виде жизнеописаний последовательно сменяющих друг друга императоров представил события того времени как единое целое в биографическом жанре³. Значение личности императора усилило биографический элемент и в историографии анналистического толка (как она представлена у Тацита). Однако Светоний далек от того, чтобы стирать

1. Edizione Nazionale delle Opere di F. Petrarca, ed. G. MARTELOTTI, т. 2, Firenze 1964.

2. Н. KORNHARDT, *Exemplum*, диссертация, Göttingen 1936, 87.

3. Н. GUGEL 1977, 144—146.

грань между биографией и историей. Он следует принципу «характеристики фактами»¹, то есть обладает специфически римским вкусом к отдельному событию в его конкретности, единичности и неповторимости². Светоний оставляет читателю больше свободы в суждениях, чем Тацит, который ревнивей ведет свою аудиторию и подчиняет ее убедительной силе своей образности³.

Издания: I. A. CAMPANUS, Romae, август 1470. * Ю. ANDREAS, епископ Алерии, Romae, декабрь 1470. * F. A. WOLF (с *Animadversiones* Ю. А. ERNESTI и комментарием — I. CASAUBONUS), 4 тт., Lipsiae 1802. * D. C. W. (= Gu.) BAUMGARTEN-CRUSIUS (ТК, хорошие Indices), 3 тт., Lipsiae 1816—1818. ** *Quae supersunt omnia*: C. L. RUTH, Lipsiae 1858. * *Vitae Caesarum, De viris ill.*: A. STAHR, W. KRENKEL (ППр), Berlin ²1985. * *Vit. Caes.*: М. ИММ, Lipsiae 1907 (ed. mai.). * М. ИММ, Lipsiae 1908 (ed. min.), перепечатка 1992. * Н. AILLOUD (ТППр), 3 тт., Paris 1931—1932 и др. * J. C. ROLFE (ТППр), London (1914) 1951. * R. GRAVES (П), М. GRANT (введ.), Harmondsworth 1980. * A. LAMBERT (ППр), München 1955, ⁴1983. * М. HEINEMANN (П), R. TILL (введ.), Stuttgart 1957, перераб. R. HÄUSSLER ⁷1986. * О. WITSTOCK (ТП), Berlin 1993. * *Iul.*: H. E. BUTLER, M. Cary, с дополн. G. V. TOWNEND (ТК), Bristol ²1982. * *Aug.*: E. S. SHUCKBURGH (ТК), Cambridge 1896. * J. M. CARTER (К), Bristol 1982. * *Tib.*: J. R. RIETRA (ТК), Amsterdam 1928; M. J. DU FOUR (ТК), Philadelphia 1941 (перепечатка вместе 1979). * K. W. VOGT (К), диссертация, Würzburg 1975. * *Cal.*: D. W. HURLEY (К), Atlanta 1993. * D. WARDLE (К), Bruxelles 1994. * *Claud.*: J. MOTTERSHEAD (ТК), Bristol 1986. * *Claud., Nero*: W. KIERDORF (ТК), Paderborn 1992. * *Nero*: B. H. WARMINSTON (ТПр), Bristol 1977. * K. R. BRADLEY (К), Bruxelles 1978. * *Galba, Otho, Vit., Vesp., Tit., Dom.*: G. W. MOONEY (ТПК), Dublin 1930, New York 1979. * *Galba, Otho, Vit.*: D. SHOTTER (ТПК), Warminster 1993. * *Vesp.*: A. W. BRAITHWAITE (ТК), Oxford 1927. * *Tit.*: H. MARTINET (К), Königstein 1981. * *Dom.*: F. GALLI (ПК), Roma 1991. * *gramm., rhet.*: F. DELLA CORTE (ТПК), 4, Genova 1947, Torino ³1968. * G. BRUGNOLI, Lipsiae 1960, ³1972. * М.-С. VACHER (ТП), Paris 1993. * R. A. KASTER (ТПК), Oxford 1995. * *Reliquiae* (без *Vitae Caesarum*): K. REIFFERSCHIED (содержит также *vita Ter.*, ed. F. RITSCHL), Lipsiae 1860. * *De poetis*: A. ROSTAGNI, Suetonio *De poetis* e biografii minori, Torino 1944. ** *Index*: A. A. HOWARD, C. N. JACKSON, Index verborum C. Suetonii Tranquilli stilique eius proprietatum nonnullarum, Cambridge, Mass. 1922, перепечатка 1963. * *Clavis Suetoniana* (в изд. BAUMGARTEN-CRUSIUS, т. 3, 1816—1818). ** *Библ.*: P. GALAND-HALLYN, Bibliographie suétонienne (*Les Vies des XII Césars*) 1950—1988, ANRW 2, 33, 5,

1. W. STEIDLE ²1963, 102.

2. W. STEIDLE ²1963, 47 и 69 с лит.

3. «There is something solidly authentic about Suetonius' emperors» G. V. TOWNEND 1967, 93.

1991, 3576–3622. * D. T. BENEDIKTSON, A Survey of Suetonius Scholarship, 1938–1987, CW 86, 1993, 377–447.

A. ABRAMENKO, Zeitkritik bei Sueton: Zur Datierung der *Vitae Caesarum*, Hermes 122, 1994, 80–94. * G. ALFÖLDY, Römisches Staats- und Gesellschaftsdenken bei Sueton, Ancient Society 11–12, 1980–1981, 349–385 = Die römische Gesellschaft, Wiesbaden 1986, 396–433. * B. BALDWIN, Suetonius, Amsterdam 1983. * K. BAYER, Der Stil Suetons, в: Der Suetonische Kern und die späteren Zusätze der Vergilvita, диссертация, München 1952, 5–74. * A. R. BIRLEY, Suetonius, JRS 74, 1984, 247–251. * K. R. BRADLEY, Imperial Virtues in Suetonius' *Caesares*, JIES 4, 1976, 245–253. * K. R. BRADLEY, The Rediscovery of Suetonius, CPh 80, 1985, 254–265. * K. R. BRADLEY, The Significance of the *Spectacula* in Suetonius' *Caesares*, RSA 11, 1981, 129–137. * K. R. BRADLEY, The Imperial Ideal in Suetonius' *Caesares*, ANRW 2, 33, 5, 1991, 3701–3732. * L. BRAUN, Galba und Otho bei Plutarch und Sueton, Hermes 120, 1992, 90–102. * K. BRINGMANN, Zur Tiberiusbiographie Suetons, RhM 114, 1971, 268–285. * C. BRUSCHER, Analysen zu Suetons *Divus Iulius* und der Parallelüberlieferung, Bern 1958. * E. CIZEK, Structures et idéologie dans *Les Vies des douze Césars* de Suétone, București и Paris 1977. * J. COUSSIN, Suétone physiognomiste dans les *Vies des XII Césars*, REL 31, 1953, 234–256. * J. M. CROISILLE, L'art de la composition chez Suétone, d'après les *Vies de Claude et de Néron*, в: Annali dell' Istituto Italiano per gli studi Storici, 2, 1970, 73–87. * L. DALMASSO, La grammatica di C. Suetonio Tranquillo, Torino 1906. * G. D'ANNA, Le idee letterarie di Suetonio, Firenze 1954. * L. DE CONINCK, Suetonius en de Archivalia, Verhandelingen van de Koninklijke Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kunsten van België, Kl. der Letteren, Jg. 45, 104, Brussel 1983. * F. DELLA CORTE, Suetonio, eques Romanus (Milano 1958) Firenze 2¹⁹⁶⁷. * A. DIHLE, Studien zur griechischen Biographie, Göttingen 1956, 2¹⁹⁷⁰. * A. DIHLE, Die Entstehung der historischen Biographie, SHAW 1986, 3. * S. DÖPP, Zum Aufbau der *Tiberius-Vita* Suetons, Hermes 100, 1972, 444–460. * T. A. DOREY, изд., Latin Biography, London 1967. * M. DUBUISSON, Purisme et politique. Suétone, Tibère et le grec au Sénat, в: Hommages à J. VEREMANS, Bruxelles 1986, 109–120. * J. ЕКТОР, L'impassibilité de l'objectivité de Suétone, LEC 48, 1980, 317–326. * D. FLACH, Zum Quellenwert der *Kaiserbiographien* Suetons, Gymnasium 79, 1972, 273–289. * D. FLACH, Einführung in die römische Geschichtsschreibung, Darmstadt 1985, 174–190. * G. FUNAIOLI, Suetonius, RE 2, 7, 1931, 593–641. * G. FUNAIOLI, I Cesari di Suetonio, в: Studi di letteratura antica. Spiriti e forme, figure e problemi delle letterature classiche, Bologna 1947, 2, т. 2, 147–172. * J. A. GARRATY, The Nature of Biography, London 1958. * J. CASCOLI, Suétone historien, Paris 1984. * M. A. GIUA, Una lettura della biografia svetoniana di Tiberio, ANRW 2, 33, 5, 1991, 3733–3747. * P. GRIMAL, Suétone historien dans la *Vie d'Auguste*, VL 83, 1981, 2–9. * H. GUGEL, Caesars Tod (Suet. *Iul.* 81, 4–82, 3). Aspekte zur Darstellungskunst und zum Caesarbild Suetons, Gymnasium 77, 1970, 5–22. * H. GUGEL, Studien zur biographischen Technik Suetons,

- Wien 1977. * R. HANSLIK, *Die Augustusvita* Suetons, WS 67, 1954, 99–144. * J. HELLEGOUARC'H, Suétone et le principat d'après la *Vie d'Auguste*, в: *Filologia e forme letterarie*, FS F. DELLA CORTE, Urbino 1987, т. 4, 79–94. * R. A. KASTER, *Studies on the Text of Suetonius, De grammaticis et rhetoribus*, Atlanta 1992. * U. LAMBRECHT, Herrscherbild und Principatsidee in Suetons Kaiserbiographien. Untersuchungen zur *Caesar*- und zur *Augustus-Vita*, диссертация, Bonn (1982) 1984. * LEO, Biogr. * R. G. LEWIS, Suetonius' *Caesares* and their Literary Antecedents, ANRW 2, 33, 5, 1991, 3623–3674. * H. LINDSAY, Suetonius as *ab epistulis* to Hadrian and the Early History of the Imperial Correspondence, *Historia* 43, 1994, 454–468. * R. C. LOUNSBURY, *The Arts of Suetonius*, New York 1987. * R. C. LOUNSBURY, *Inter quos et Sporus erat: The Making of Suetonius' Nero*, ANRW 2, 33, 5, 1991, 3748–3779. * W. C. McDERMOTT, Suetonius and Cicero, *Gymnasium* 87, 1980, 485–495. * B. MOUCHOVÁ, Adoption und Testament in Suetons Kaiserbiographien. Ein Beitrag zur Erkenntnis des Wortschatzes bei Sueton, *Graeco-Latina Pragensia* 3, 1966, 55–63. * B. MOUCHOVÁ, Studie zu Kaiserbiographien Suetons, Prag 1968. * W. MÜLLER, Sueton und seine Zitierweise im *Divus Iulius*, SO 47, 1972, 95–108. * J. P. MURPHY, The Anecdote in Suetonius' Flavian «Lives», ANRW 2, 33, 5, 1991, 3780–3793. * H. NAUMANN, 125 Jahre *Vita Donatiana* des Vergil, в: F. MAIER, W. SUERBAUM, изд., *Et scholae et vitae*, FS K. BAYER, München 1985, 33–40. * E. PARATORE, Una nuova ricostruzione del *De poetis* di Suetonio, Roma 1946, Bari 2¹⁹⁵⁰. * A. PENNACINI, Strutture retoriche nelle biografie di Plutarco e di Suetonio, *Sigma* 17, 1–2, 1984, 103–111. * T. REEKMANS, Verbal Humour in Plutarch and Suetonius' *Lives*, *AncSoc* 23, 1992, 189–232. * P. L. SCHMIDT, Suetons *Pratum* seit Wessner (1917), ANRW 2, 33, 5, 1991, 3794–3825. * W. STEIDLE, Sueton und die antike Biographie, München 1951, 2¹⁹⁶³. * R. SYME, Biographers of the Caesars, MH 37, 1980, 104–128. * R. SYME, The Travels of Suetonius Tranquillus, *Hermes* 109, 1981, 105–117. * G. B. TOWNEND, Suetonius and his Influence, в: T. A. DOREY, изд., 79–111. * M. C. VACHER, La vie des professeurs à Rome, *ALMArv* 1981, № 8, 49–57. * P. VENINI, Sulla tecnica compositiva svetoniana, Pavia 1975. * T. VIJAMAA, Suetonius on Roman Teachers of Grammar, ANRW 2, 33, 5, 1991, 3826–3851. * A. WALLACE-HADRILL, Suetonius. The Scholar and his Caesars, London 2¹⁹⁹⁵. * D. WARDLE, Cluvius Rufus and Suetonius, *Hermes* 120, 1992, 466–482. * A. E. WARDMAN, Description of Personal Appearance in Plutarch and Suetonius – The Use of Statues as Evidence, *CQ* 17, 1967, 414–420.

Жизнь, датировка

Жизненный путь «Флора» решительно невозможно реконструировать, поскольку неясно, идентичны ли поэт, ритор и историк. Если они тождественны, то возникает яркий — и даже слишком пестрый — образ. Однако среди исследователей достаточно много «унитариев»².

Изыщное произведение *Vergilius orator an poeta*, от которого сохранилось только введение, дает нам яркое представление об ораторе с живыми подробностями: коренной африканец, в юности он претерпел унижение от Домициана — провал на поэтических соревнованиях. Затем он много путешествует; занимается в Испании преподаванием. Учитывая поэтические амбиции ритора, не исключено, что он тождествен со стихотворцем, который позднее обменивался столь живыми посланиями с Адрианом; несколько кратких стихотворений сохранились в *Historia Augusta* и *Anthologia Latina*; из писем к Адриану не сохранилось практически ничего. Риторико-поэтическая манера историка могла бы указывать на идентичность писателем. Напротив, *Pervigilium Veneris* восходит к другому автору³.

Риторический трактат написан при Траяне, краткие стихотворения (в гекзаметрах, ионических диметрах и *versus quadrati*) при Адриане. Историографический труд Флора, вероятно, относится к концу царствования этого государя⁴. Некоторые датируют его эпохой Траяна⁵, в особенности из-за «империалистического духа», который, впрочем, господствует только в первых частях работы; есть еще одна — не вполне надежная — датировка эпохой Антонина Пия⁶.

1. Поэта зовут Аннием, ритора П. Аннием и историка Аннеем (или Юлием) Флором.

2. В последнее время J. M. ALONSO-NÚÑEZ 1983, 1 с лит.

3. R. SCHILLING, *Pervigilium Veneris*, Paris 1944, Intr. стр. xxii—xxxiii; I. CAZZANICA, *Storia della letteratura latina*, Milano 1962, 727—729.

4. P. JAL, изд., стр. CLV.

5. P. ZANCAN 1942, особенно 66 сл.

6. L. NAVAS, *Zur Geschichtskonzeption des Florus*, *Klio* 66, 590—598 (основная концепция Флора не совпадает с политической доктриной как Траяна, так и Адриана).

Обзор творчества

Первая книга историографического труда посвящена эпохе до первой Пунической войны, вторая охватывает период вплоть до разрушения Нуманции, третья — до событий накануне заговора Катилины, четвертая — до Августа.

Источники, образцы, жанры

Флор черпает свой материал — прежде всего по раннему Риму — из Ливия (или уже из сокращенной переработки его труда). Ошибки, иногда грубые, частично восходят к оригиналам¹: например, он считает Августа *dictator perpetuus* (наряду с Евтропием и *De viris illustribus*, использовавшими, вероятно, тот же источник). Достоинно внимания, что «медлительность» Кунктатора он относит к периоду после битвы при Каннах (как и Ампелий, но не Евтропий, Орозий и *Periochae*). Однако не стоит полностью отрицать зависимость от Ливия². Скорее, как представляется, в некоторых местах Флор имел в виду создать *retractatio* Ливия³. Материал он группирует иначе, его отношение к Августу — более дружественное, чем у Ливия.

Точки соприкосновения с *De viris illustribus* и Ампелием наводят на мысль об общем источнике (Гигин, *Exempla; De vita rebusque illustrium virorum*). Но Флор привлекает также и Цезаря (1, 45 = 3, 10), и Саллюстия (1, 36 = 3, 1; 2, 12 = 4, 1), который вообще наложил свой отпечаток на его историческую концепцию; ему известен и Тацит⁴.

Совпадения с Луканом раньше сводили к историческому труду Сенеки Старшего⁵. Восходит ли периодизация истории по «возрастам» к старшему⁶ или к младшему⁷ Сенеке, остается под вопросом (ср. Lact. *Inst.* 7, 15, 14—16). Правда, Лактанций в

1. L. BESSONE 1978, особенно 422—426.

2. Это делает P. ZANCAN 1942, 61 сл.

3. P. JAL 1965, 367.

4. О Саллюстии: A. NORDH 1952, особенно 127 сл.; о Таците: P. JAL, изд., стр. XXX, прим. 3.

5. O. ROSSBACH, *De Senecae philosophi librorum recensione et emendatione*, *Breslauer Philol. Abh.* 2, 3, 1888, 162—173, особенно 169 сл.; о Вергилии и Лукане: P. JAL, изд., XXIX, прим. 8; XXX, прим. 1..

6. L. CASTIGLIONI, *Lattanzio e le Storie di Seneca Padre*, *RFIC* 56, 1928, 454—475, особенно 474 сл.

7. R. HÄUSSLER 1964, особенно 315—319; однако сегодня HÄUSSLER выступает за Сенеку Старшего.

иных местах цитирует только младшего Сенеку, однако философ и не писал историографических трудов. Так что нельзя совершенно исключить, что речь идет о риторике Сенеке¹. Возможно, дело в том, что Отец Церкви спутал Аннея Сенеку с Аннеем Флором. До Флора сравнение с человеческим возрастом мог употребить и Варрон в *De vita populi Romani*.

Что касается жанровой принадлежности, мы имеем дело не с простым учебником — хотя произведение позднее и служило этим целям. Против этого свидетельствует, например, упоминание целой серии крупных битв и полководцев и неясная хронология. Флор пишет для аудитории риторических декламаций. Для сочиняющего панегирик римскому народу нужны не столько факты, сколько эмоциональный комментарий. О возможной тенденции произведения см. разд. *Образ мыслей*.

Книга *Vergilius orator an poeta*, где в утраченной главной части, вероятно, разрабатывалась тема взаимоотношения между стихотворчеством и ораторским искусством, относится к тому же жанру, что и *De oratore* Цицерона, *Dialogus* Тацита и *Octavius* Минуция Феликса (ср. также Gell. 18, 1, 2—3).

Литературная техника

Историческое повествование здесь — не исторический труд в полном смысле слова, а своего рода панегирик римскому народу.

Флор хочет не описывать события в духе хроники, а делает из отдельных сюжетов маленькие произведения искусства². Он не следит строго за последовательностью событий и не придает никакого значения полноте. Ради эстетического эффекта он не останавливается перед искажением исторических событий³. Повествование эмоционально окрашено⁴. «Герой» произведения — римский народ. Полководцы — только исполнительные органы; автора не слишком заботят их имена. Во второй книге *populus Romanus* больше не играет ведущей роли; зато в конце на первый план выходит положительный образ Августа.

1. J. M. ALONSO-NÚÑEZ 1982, 9 сл.

2. A. KLOTZ 1940, 115.

3. A. KLOTZ 1940, 116.

4. Достаточно сравнить Flor. 1, 38, 16 = 3, 3 16 с Appian. 6, 72; или даже Flor. 2, 22 = 4, 12.

Характерны обобщения и промежуточные вступления, которые затрагивают тему возраста на достигнутом историческом уровне и таким образом помогают придать труду внутреннее единство.

Язык и стиль

Стиль изыскан; Флор не поддается и архаизаторским тенденциям. Он последовательно стремится к краткости и таким образом предпочитает *Ablativus absolutus*. Ритмика клаузул напоминает риторические, а не историографические тексты; крестик и трохей здесь встречаются чаще, чем у Цицерона, правда, дитрохей — реже¹.

Флор умеет очаровать читателя метафорами: Антоний — *fax et turbo sequentis saeculi* («пламя и вихрь наступающего века», 2, 14, 2 = 4, 3, 2); *emptio frumenti ipsos rei publicae nervos exhauriebat, aerarium* («покупка зерна истощала самые жилы государства, казну», 2, 1, 7 = 3, 13, 7). Его несколько аффектированная эlegantность превращает знакомое в непривычное. В этом у него можно иногда обнаружить и поэтические достоинства². Стилистически он далек от Ливия и приближается к афористическому стилю Сенеки и лаконизму Тацита, например, *igitur breve id gaudium* («радость же эта была недолгой», 2, 30, 30 = 4, 12, 30). Или: *cum ille — o securitas! — ad tribunal citaret* («когда тот — о беспечность! — взывал к трибуналу», 2, 30, 44 = 4, 12, 44). Он эффектно использует антитезы: *difficilius est provincias obtinere quam facere; viribus parantur, iure retinentur* («провинции труднее удержать за собой, чем завоевать: для второго нужна сила, для первого — справедливость», 2, 30, 29 = 4, 12, 29). Или: *Germani victi magis quam domiti erant* («германцы скорее были побеждены, нежели укрошены», 2, 30, 30 = 4, 12, 30). Труд Флора — римская история, «поставленная на пуанты»³.

Образ мыслей I Литературные размышления

Флор усматривает свою литературную задачу в том, чтобы описать «историю жизни» Рима и споспешествовать славе своего

1. P. JAL, изд., стр. LVII—LXIX.

2. Ср. разд. *Влияние на позднейшие эпохи*: Леопарди.

3. R. PICHON, *Histoire de la littérature latine*, Paris 1898, 701.

народа; тем самым задача оратора, биографа и историка образуют у него единый сплав¹. Это самоощущение объясняет также и особенности его манеры.

Образ мыслей II

В произведении намечен общий очерк развития римского государства, что свидетельствует — по крайней мере в зачаточном состоянии — об определенных историософских интересах. Как Аппиан, Плутарх и Аристид, Флор восхваляет всеохватность Римской Империи. Рим — завершение исторического процесса. Одна из главных целей автора — изобразить *magnitudo imperii*, «величие державы» (1 *praef.* 1).

Произведение Флора построено по принципу человеческих возрастов². Внутренние противоречия объясняются тем, что вступление из политических соображений постулирует вторую молодость при Траяне. Сравнение с возрастом приобретает более глубокое значение благодаря антитезе *fortuna-virtus* (1 *praef.* 2) и теме *libertas*. *Virtus* включает и остальные добродетели: *pietas, fides, modestia, iustitia, clementia*. Греки прибавили к этому учение о преемственности держав, но его следы не обнаруживаются у Флора.

В первой книге прославляется империализм, во второй — мир. Однако не надо делать отсюда аналитических заключений³; эта полярность издавна свойственна римскому мышлению. Своим ростом Рим обязан *virtus*, своим упадком — недостатку в ней; *Fortuna* энергичнее как раз в такие эпохи⁴. Упадок и *senectus*, «старость», находятся в ее власти. *Libertas* тесно связана с *res publica* (годичность, коллегиальность, *leges, auctoritas*).

1. Его писательское самоощущение нельзя отделить от самоощущения историка.

2. Выступая против попыток оставить во вступлении сохранные традиции числа, R. HÄUSSLER 1964 считает необходимым *emendatio*. Сравнения с возрастом: Flor. *proem.* 4–6; Lact. *inst.* 7, 15, 15–16; Hist. Aug. *Car.* 2; Amm. 14, 6, 3; H. FUCHS, *Der geistige Widerstand gegen Rom in der antiken Welt*, Berlin 1938, 88; ср. также J. SCHOLTEMEIJER 1974, особенно 82 и 92 сл.

3. Иначе O. HIRSCHFELD, *Anlage und Abfassungszeit der Epitome des Florus*, SPAW 1899, 542–554 (= Kl. Schr., Berlin 1913, 867–880).

4. О *fortuna* и *virtus* у Цицерона, Саллюстия и Сенеки: A. NORDH 1952; ср. также Liv. 9, 17–19; в отличие от Плутарха (*De fortuna Romanorum* 317 В–С), который объясняет успех римлян скорее *τύχη*, чем *ἀρετή*, Флор подчеркивает *virtus*, прежде всего в период экспансии.

Вместе с *virtus* погибает также и *libertas*. Императоры до Траяна виновны в *inertia*. Эта особенность — сущностная черта старости (Cic. *off.* 1, 123).

Основа — материал Ливия. На него накладывается Саллюстиева мысль. Однако Флор — в отличие от Саллюстия — настроен проаристократически. Для Ливия центральный пункт — *urbs*, «Город», для Флора — *imperium* и *populus Romanus*¹. Так *Cunctator*, «медлитель», становится «щитом державы» (а не Рима, как говорят Посидоний и Плутарх) и примером (адриановской) оборонительной политики. Несчастье проистекает из благополучия: *Causa tantae calamitatis eadem quae omnium, nimia felicitas* («причина такой катастрофы — та же, что и у всех остальных, избыток благополучия», 2, 13, 8 = 4, 2, 8). Это саллюстиевская мысль.

После Канн Ганнибал не воспользовался своим шансом (1, 22, 20 = 2, 6, 20). Причина — предопределенность мирового господства Рима (*fatum urbis imperaturae*) или недостаток инициативы со стороны самого карфагенского вождя (*aut ipsius mens mala*) в сочетании с враждебностью богов к его городу (*et aversi a Carthagine di*). Флор (продолжая традицию Ливия) полагает, что притязания Рима на мировое господство оправданны божественным призванием.

Есть только намеки на «философское» истолкование. Александра *ἄρμονία* превращается в *paх Romana*. Некоторые² обнаруживают у него «стоическую» надпартийность. И на самом деле он с пониманием относится к побежденным карфагенянам, осуждает жестокую победу над Нуманцией и готов признавать ошибки римлян и в других случаях. Однако он все вновь и вновь подтверждает свое презрение к варварам³.

Будучи в общем и целом настроен рационалистически, он не слишком считается с предзнаменованиями⁴. Флор отражает менталитет сенаторов и всадников; он представляет историческое понимание среднего образованного римлянина⁵. С точки зрения истории культуры интересно восьмое стихотворение, если оно, конечно, принадлежит тому же ав-

1. 2, 34, 61 = 4, 12, 61; всеобщий мир 2, 34, 64 = 4, 12, 64.

2. V. ALBA 1953, 62; 71.

3. 2, 26, 13 = 4, 12, 13; 2, 27, 17 = 4, 12, 17; 2, 29, 20 = 4, 12, 20 = 2, 30, 30 сл. = 4, 12, 30 сл.

4. V. ALBA 1953, 56 сл.

5. W. DEN BOER 1965, 367.

тору; оно свидетельствует о прогрессе эллинизации: обычная болтовня о «римскости» разоблачается как лицемерие. Уже можно отважиться открыто признаться в своем пристрастии к греческой культуре. Эта позиция также соответствует времени Адриана.

Исторический труд Флора — вовсе не простое резюме Ливия. Это *tabella (praef. 3)*, картина истории римского народа. С одной стороны, Флор прославляет завоевания от Ромула до Августа, с другой — показывает большую опасность, которую может принести продолжение экспансии¹. Этот труд, таким образом, документ эпохи Адриана.

Традиция²

Важнейшая рукопись — Codex B = Vambergensis E III 22 (IX либо X в.), представляющий самостоятельную ветвь (вместе с работой Иордана, черпавшего материал у Флора — *De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum*³). Многочисленные остальные рукописи вместе образуют второй класс, к главным представителям которого относится лоршский Nazarianus N = Palatinus Latinus Heidelbergensis 894 (IX в.).

Качество B (достоверного произведения необразованного переписчика), возможно, несколько переоценивалось после его открытия в начале XIX в. (тем не менее только он содержит 2, 18, 2—6 = 4, 8, 2—6); другой класс дает более гладкий текст, чья привлекательность все же может быть обманчивой. Общие ошибки обоих классов указывают на единую (позднеантичную) копию⁴.

Влияние на позднейшие эпохи

Флор оказал воздействие на многих авторов⁵: Аммиана Марцелина, Феста (*Breviarium rerum gestarum populi Romani*), Орозия, Иордана, Малалу. Вероятно, его даже перевели на греческий язык, и он был актуален и для византийской литературы. Римские исторические примеры, с которыми полемизируют христиане, сохраняют отпечаток Флора. Августин сражается

1. P. JAL, изд., стр. XLI—XLIII.

2. M. D. REEVE, *The Transmission of Florus, Epitome de Tito Livio and the Periochae*, CQ NS 38, 1988, 477—491.

3. Изд. Th. MOMMSEN, MGH: Auctores antiquissimi 5, 1, Berlin 1882, перепечатка 1961.

4. P. K. MARSHALL B: REYNOLDS, *Texts* 164—166.

5. W. DEN BOER 1965, 369 сл.

не только с Ливием, но и с малыми историками, в том числе с нашим автором¹.

В эпоху средневековья и даже в XVIII в.² Флор — школьный автор и с полным правом вызывает восхищение своей *brevitas*.

Высокое мнение Петрарки († 1374 г.) о стиле Флора разделяет Хуан Луис Вивес († 1540 г.): *Flori opusculum, quo nihil potest fingi in illo genere vel acutius vel lepidius*, «небольшое произведение Флора, ни тоньше, ни приятнее которого нельзя себе ничего даже и представить»³. Аналогичным образом рассуждает Юст Липсий († 1606 г.)⁴. Иосиф Скалигер († 1609 г.) называет Флора «un très bel auteur», «превосходным автором»⁵. Только в Нидерландах между 1638 и 1674 гг. выходит в свет шесть изданий. Ф. Н. Кёфто († 1623 г.) пишет французский перевод. Следы рецепции Флора обнаруживаются и в Испании⁶. Сервантес († 1616 г.) использует нашего автора как источник для своей *Nimancia*, Расин († 1699 г.) — для *Mithridate*. Польские историки-патриоты подражают Флору на латыни⁷ и охотно применяют его сентенции к истории своей родины.

Монтескье († 1755 г.) в своем *Essai sur le goût* особенно ценит критику в адрес Ганнибала — *cum victoria posset uti, frui maluit*, «он мог бы получить от своей победы пользу, но предпочел — удовольствие», (Flor. *epit.* 1, 22, 21 = 2, 6, 21). В *Esprit des Lois* он метко объясняет предложение *hic erit Scipio qui in exitium Africae crescit*, «это будет тот Сципион, который растет на погибель Африке», (Flor. *epit.* 1, 22, 11 = 2, 6, 11): «Vous croyez voir un enfant qui croît et s'élève comme un géant», «вам кажется, что вы видите ребенка, который растет и воспитывается как гигант»⁸.

Ego nolo Caesar esse / ambulare per Britannos, «не желаю быть владыкой, / жить, кочуя у британцев». С этими стихами Флора

1. Flor. 1, 1, 13 у Aug. *civ.* 3, 13; Flor. 2, 9, 14—16 = 3, 21, 14—16 у Aug. *civ.* 3, 27 *fn.*; таких авторов, как Флор, Августин имеет в виду *civ.* 3, 19.

2. W. DEN BOER 1965, 367; J. STRAUB 1977, 137; P. JAL, изд., стр. XXXVII.

3. *De tradendis disciplinis*, цит. у V. ALBA 1953, 157.

4. V. ALBA 1953, 157.

5. Scaligerana, ed. DES MAIZEAUX, Amsterdam 1740, 2, 377.

6. V. ALBA 1953, 160 сл.

7. Так, Иоахим Пасторий в 1641 г. издает *Florus Polonicus seu Polonicae historiae epitome nova*; об этом I. LEWANDOWSKI, *Florus in Polsce*, Warszawa 1970.

8. V. ALBA 1953, 161; ср. также оценку стиля в *Essai sur le goût*, изд. Pléiade 2, p. 1257; Flor. *epit.* 1, 5, 8 = 1, 11, 8 *Idem tunc Faesulae quod Carthae nuper, ... Tiberis quod Euphrates*, «тогда Фезулы значили то же самое, что недавно Карфы, а Тибр — что недавно Евфрат».

знаком Гете, как и с ответной репликой императора Адриана: *Ego nolo Florus esse / ambulare per tabernas*, «не желаю быть я Флором, / жить, кочуя по тавернам». Следует прочесть вступление к 15-й Римской элегии, а затем еще раз *Поэребок Ауэрбаха* (*Faust* 2095 сл.)¹: «Ich halt es wenigstens für reichlichen Gewinn, / Daß ich nicht Kaiser oder Kanzler bin», «я по крайней мере то считаю величайшей удачей, что я — не император и не канцлер».

Леопарди († 1837 г.) в *Pensieri* пишет о Флоре. Он видит в нашем авторе поэта, который владеет риторическими средствами², и умеет ценить поэтические качества стиля Флора.

Леопольд фон Ранке († 1886 г.) предпочитает описание битвы в Тевтобургском лесу, принадлежащее перу Флора, всем остальным (сегодня предпочтение отдают рассказу Кассия Диона). Вплоть до новейшего времени его портрет Мария, а также образ Спартака, оказывал сильнейшее влияние. Современное обозначение слонов как «танков древности» обусловлено описаниями Флора. На самом деле слоны больше служили для обороны; за их спинами могла укрыться и подготовиться к атаке кавалерия³.

В произведении Флора история как «жизнеописание римского народа» становится предметом риторически окрашенного энкомия. Сравнение с человеческим возрастом можно считать, хотя и скромным, историософским опытом. Влияние на позднейшие эпохи показывает, что, несмотря на все ошибки по существу, писательское воодушевление и способность давать живописные описания не остались без внимания.

Издания: R. GAGUIN, у: U. GERING, M. GRANTS и M. FRIBURGER, Paris, Sorbonne, б. г. (1471). * E. S. FORSTER (ТП), London 1929; см. также J. W. DUFF, A. M. DUFF (ТП), в: *Minor Latin Poets*, London 1935, 423–435. * Н. (= Е.) MALCOVATI, Roma 1938 (²1972). * P. JAL (ТП), 2 тт., Paris 1967. * L. AGNES (ТП), Torino 1969. * J. G. DEANGELI (Т и *frgg.*), Torino 1969. * *Carm.*: C. Di GIOVINE (ТК), Bologna 1988. ** *Лексикон:* M. L. FELE, *Lexicon Florianum*, Hildesheim 1975 (по MALCOVATI ²1972). ** *Библ.:* в изд. P. JAL, т. 1, CLXIV–CLXIX.

V. ALBA, *La concepción historiográfica de Lucio Anneo Floro*, Madrid 1953. * J. M. ALONSO-NÚÑEZ, *The Ages of Rome*, Amsterdam 1982. * J. M.

1. *Hist. Aug. Hadr.* 16, 3 сл.; R. ЯКОВИ, Eine verkannte Reminiszenz an die *Hadriana-Vita* in Goethes *Faust*, *Arcadia* 24, 1989, 67–68.

2. V. ALBA 1953, 164 сл.

3. W. DEN BOER 1965, 384.

ALONSO-NÚÑEZ, Die politische und soziale Ideologie des Geschichtsschreibers Florus, Bonn 1983. * J. M. ALONSO-NÚÑEZ, Les conceptions politiques de Florus, LEG 54, 1986, 178–180. * J. M. ALONSO-NÚÑEZ, Die Ideologie der Virtus und der Fortuna bei Florus im Lichte der Inschriften und Münzen, BJ 186, 1986, 291–298. * L. BESSONE, Di alcuni «errori» di Floro, RFIC 106, 1978, 421–431. * L. BESSONE, Floro: un retore storico e poeta, ANRW 2, 34, 1, 1993, 80–117. * F. CUPAIUOLO, Caso, fato e fortuna nel pensiero di alcuni storici latini. Spunti e appunti, BStudLat 14, 1984, 3–38. * W. DEN BOER, Florus und die römische Geschichte, Mnemosyne ser. 4, 18, 1965, 366–387. * I. HAHN, Prooemium und Disposition der *Epitome* des Florus, Eirene 4, 1965, 21–38. * R. HÄUSSLER, Vom Ursprung und Wandel des Lebensaltervergleichs, Hermes 92, 1964, 313–341. * L. HAVAS, Le corps de l'Empire romain vu par les auteurs latins et grecs. Un chapitre de l'historiographie et de la rhétorique gréco-romaines, в: M. SORDI, изд., Autocoscienza e rappresentazione dei popoli nell'antichità, Milano 1992, 239–259. * M. HOSE, Zur Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio, Stuttgart 1994. * P. JAL, Nature et signification politique de l'œuvre de Florus, REL 43, 1965, 358–383. * A. KLOTZ, Der zweite Punische Krieg bei Florus, RhM 89, 1940, 114–127. * S. LILLIEDAHL, Florusstudien. Beiträge zur Kenntnis des rhetorischen Stils der Silbernen Latinität, Lund, Leipzig 1928. * E. MALCOVATI, Studi su Floro, Athenaeum NS 15, 1937, 69–94; 289–307; 16, 1938, 46–64. * A. NORDH, *Virtus* and *Fortuna* in Florus, Eranos 50, 1952, 111–128. * E. PARATORE, Leopardi e la letteratura latina post-augustea, в: Leopardi e il mondo antico, Atti del 5 Convegno Internazionale di Studi Leopardiani (1980), Firenze 1982, 211–221. * J. SCHOLTEMEIJER, L. Annaeus Florus: 'n analyse van strukturele temas; 'n nuwe perspektief, AClass 17, 1974, 81–100. * R. SIEGER, Der Stil des Historikers Florus, WS 51, 1933, 95–108. * P. STEINMETZ, Untersuchungen zur römischen Literatur des 2. Jh. n. Chr., Wiesbaden 1982, 121–164. * J. STRAUB, Imperium-Pax-Libertas, Gymnasium 84, 1977, 136–148. * J. STRAUB, Reichsbewußtsein und Nationalgefühl in den römischen Provinzen. Spanien und das Imperium Romanum in der Sicht des Florus, JRGZ 25, 1978, 173–195. * P. ZANCAN, Floro e Livio, Padova 1942.

АММИАН

Жизнь, датировка

В свою эпоху Аммиан Марцеллин не единственный грек, ставший видным латинским писателем (вспомним Клавдия Клавдиана). Это не обязательно доказательство второстепенного значения Запада в то время¹, а, напротив, признак того, что

1. NORDEN, Kunstprosa 2, 573.

в последние десятилетия IV в. латынь возвращает себе литературное первенство, утраченное во II столетии. Несмотря на то, что многие авторы родом из провинций — например, риторику культивировали в Галлии, а право преподавалось на Востоке — Рим еще не отрекся от своего статуса духовного центра.

Родной город Аммиана, Антиохия в Сирии, — значительный узел торговых путей (14, 8, 8); здесь возникает и первая греко-христианская община (*Деяния апостолов*, 11, 26). Как антиохиец Аммиан не питает особой симпатии к Константинополю; Рим он ценит выше — но не римлян своей эпохи.

Аммиан родился незадолго до 333 г. в состоятельной семье (ср. 19, 8, 6); он сожалеет, что видные люди насильственно вводятся в состав советников (*decuriones* 25, 4, 21; ср. 21, 12, 23). Рано он вступает в императорскую лейб-гвардию (*protectores domestici*) и с 353 г. находится в подчинении у начальника конницы на Востоке, Урсичина, которого цезарь Галл призывает из Месопотамии в Антиохию, чтобы вести процессы о государственной измене. После казни Галла Аммиан сопровождает своего начальника Урсичина далее в Медиолан (354 г.). Там тот избегает процесса и получает от Констанция II (337—361) задание устранить восставшего в Кельне узурпатора Сильвана. Затем он остается в Галлии, чтобы охранять Юлиана (или наблюдать за ним).

Летом 357 г. Констанций призывает Урсичина в Сирмию (Митровица) и отправляет его на Восток; у Амиды в Армении Аммиан получает возможность во время отважной разведки наблюдать движение всей персидской армии (18, 6, 20—22). Вскоре после этого он становится свидетелем осады и падения Амиды (359 г.). Он бежит через Мелитену в Антиохию. Урсичин в 360 г. получает отставку (20, 2, 5); Аммиан принимает участие в походе Юлиана против персов (книги 23—25). В промежутке 363—380 гг. он живет и пишет в Антиохии и предпринимает оттуда поездки в Египет, Грецию и Фракию. Наконец он обосновывается в Риме, где читает отрывки из своего труда в сенаторских кружках и встречает одобрение (Либаний, *epist.* 983). Не следует преувеличивать его близость к Симмахам и Никомахам. Его нельзя отнести ни к одной из влиятельных в ту пору групп: он ни христианин, ни сенатор, ни германец. От войск, к которым он принадлежит, его отличает образование, от римского общества — нравственная серьезность. Большое

счастье, что эпоху Юлиана мы видим глазами этого одинокого наблюдателя.

Для датировки *Res gestae* есть следующие вехи: в 14-й книге (14, 6, 19) говорится об изгнании чужеземцев из Рима (383 г.) как о недавнем событии. Похвала Серапеона в Александрии (22, 16, 12), должно быть, написана до разрушения этого храма (391 г.), если, конечно, Аммиан не умалчивает об этом намеренно или по незнанию. Либаний (*ibid.*) свидетельствует о публикации первых книг труда примерно в 391 г. Упоминаются (26, 5, 14) консульство Неотерия (390 г.) и (27, 11, 4) смерть Проба (безусловно, после 389 г.). О Феодосии идет речь как о «позднее зарекомендовавшем себя государе», а не как о «царствующем государе» (29, 6, 15). Таким образом, предположительно произведение было завершено после его смерти (395 г.), но во всяком случае еще до 400 г.

Обзор творчества

Res gestae состояли из 31 книги. Продолжая *Историю* Тацита, они описывали события от Нервы (96 г.) до гибели императора Валента в битве с готами при Адрианополе (378 г.). Утрачены первые 13 книг, охватывавшие период от 96 до 352 г. Сохранившиеся книги (14–31) посвящены событиям 353–378 гг., то есть в десять раз более короткому промежутку. Произведение содержит многочисленные экскурсы и приобретает благодаря этому «энциклопедический» характер. Важные водоразделы образуют начала 15-й и 26-й книг.

Таким образом, все произведение было разделено на три части: 1–14 (96–354), 15–25 (354–364) и 26–31 (364–378). Перед 31 книгой – лакуна (события трех лет), отрывок отсутствует и в 24-й, 7-й.

Источники, образцы, жанры

Мы не можем сказать, какие труды использовал Аммиан для утраченного изображения раннего этапа своей истории.

Сохранившиеся книги основаны на собственном опыте автора. Он привлекает документы (16, 12, 70); переписка между Констанцием и Сапором II также, должно быть, основывалась на оригиналах (хотя они и могли подвергнуться определенной стилистической обработке). Часто совершенно точные даты должны основываться на служебных книгах должностных лиц. Историк расспрашивал и свидетелей. Записку Юлиана о его войне против алеманнов и других германских племен ис-

пользовали Аммиан и Либаний (*op.* 18). К числу источников относятся и панегирики, которые Аммиан открыто упоминает в 31, 10, 5.

В отличие от современной истории, материал для экскурсов заимствуется из вторых рук и потому не всегда достоверен. Для географических сведений историк, как представляется, пользовался не справочником, а официальными римскими (и птолемеевскими) списками округов и городов. Из хорографически построенного исторического труда «Руфия» Феста он, вероятно, усваивает исторические заметки в экскурсах, а также знает *Chorographia Pliniana* и некоторые описания местностей на греческом языке.

Свои оригиналы Аммиан раскрывает лишь отчасти: так, Цицерона он 34 раза называет по имени. Кое-чем наш автор обязан Авлу Геллию, Валерию Максиму, Флору, Саллюстию. Аммиан весьма начитан; он любит греческую литературу, особенно поэзию, на которую часто ссылается¹. Однако было бы односторонним характеризовать его как греческого историографа, который лишь случайно пишет на латинском языке.

Трудно определить жанровый характер произведения. Он колеблется между историографией, биографией, воспоминаниями и энциклопедией.

Аммиан знаком с Ливием, Саллюстием и всеми трудами Тацита, кроме *Диалога*. Языковое влияние его *Истории*, которую наш автор даже решил продолжить, особенно чувствительно в началах книг. Правда, духовное родство с Тацитом не столь ярко выражено, чтобы можно было считать Аммиана безоговорочным приверженцем последнего², однако работа в традиции исторического жанра великого предшественника остается фактом. Несомненно, Аммиан учился у Тацита лепке характеров — сосредоточенностью на государях его труд напоминает *Анналы*. Техника экскурсов заставляет вспомнить *Историю* Саллюстия. В отличие от Тацита и Диона, Аммиан — не сенатор; но проблема свободы и без того более не актуальна.

1. 14, 6, 7 Симонид; 14, 6, 8 *vates Ascraeus*, Гесиод; 14, 6, 21 Гомер; 25, 4, 19 Арат; список «*Sententiae in Form of Quotations*» у R. C. BLOCKLEY, Appendix G 195.

2. Критически L. E. WILSHIRE, *Did Ammianus Marcellinus Write a Continuation of Tacitus?*, CJ 68, 1972/3, 221–227; H. TRÄNKLE 1962, особенно 25–26; зависимость от Тацита подчеркивает L. R. ROSELLE, *Tacitean Elements in Ammianus Marcellinus*, Thesis Columbia Univ. 1976.

Плодотворно¹ и сопоставление с современниками — Юлианом, Либанием, Фемистием, — латинскими панегириками, а также параллельными источниками сведений (как, например, Зосим, ок. 500 г.). Критика эпохи напоминает сатиру и еще более — Лукиана.

Более значимы ссылки Аммиана на Платона и Цицерона, пронизывающие весь труд. Как и Августин, Аммиан — читатель, который ценит Цицерона не за его форму, но за содержание.

Литературная техника

Выбор латинского языка, возможно, основывается на патриотизме; кроме того, не было латинского описания деяний Юлиана.

Аммиан возвращает римской историографии, истощившейся в анекдотах и компендиумах, прежнее, утраченное после Тацита достоинство, насколько это позволяют изменившаяся обстановка и его социальное положение.

Источники его информации предопределяют смещение равновесия и перспективы. Те ситуации, которые автору известны из собственного опыта, описываются подробнее, чем требует их значимость. В этом отношении у его произведения есть сходство с мемуаристикой. Материал также обуславливает необходимость структурных метаморфоз по сравнению с традицией: анналистский композиционный принцип мало подходит для действия, которое разворачивается во многих местах. Массы материала — как во многих случаях уже у Тацита — обрабатываются и komponуются с учетом содержательной и драматической точки зрения.

В принципе экскурсы также входят в число признаков историографического жанра. Критичны, иногда блистательно сатиричны экскурсы о Риме (14, 6; 28, 4). Большое число географических отступлений напоминает *Историю* Саллюстия. Но — уже за рамками жанровой традиции — Аммиан вставляет рассуждения и технического, и естественнонаучного содержания. Его экскурсы следуют собственной композиционной схеме².

1. G. SABBAN 1978, 241—372.

2. Th. MOMMSEN, *Ammians Geographica*, *Hermes* 16, 1881, 635 сл. (= *Ges. Schr.* 7, 424).

Особенно увлекательные рассказы от имени *нас* также противоречат историографической традиции. Их корни ищут в фольклорном повествовательном искусстве грекоязычного Востока. Но при личном свидетельстве эта форма возникает вполне естественно, практически неизбежно. Эти сообщения, в которых Аммиан избегает аффектации ксенофоновского рассказа от третьего лица, сообщают его произведению личную ноту.

Аммиан хочет писать историю Империи. Поскольку ему трудно отделить ее в каждый конкретный момент от личности царствующего государя, кроме исторической традиции он прибегает и к биографической. Однако Аммиан менее склонен к подробностям в описании незначительных деталей частного быта, чем биографы. Личные характеристики императоров, представленные в момент их смерти¹, построены систематически, как и в жизнеописаниях: например, *genus, forma, mores*. Для Юлиана автор исходит из *virtutes* и *vitia*² (к этому примыкает и описание внешности). Упоминание ошибок — даже и у высоко ценимого Юлиана (25, 4, 16) — отличает Аммиана от традиции энкомия³, с которой, однако, есть значимые формальные точки соприкосновения. По сравнению со Светонием, который также сначала хвалит, затем порицает, Аммиан заостряет и систематизирует форму: при этом он выказывает вкус к психологическим и стилистическим нюансам.

Историческое повествование сочетает хронологический принцип с географическим. Правда, Аммиан по большей части датирует события по консулам. Однако обширность Империи делает строго хронологическую композицию сообщений практически невозможной и вынуждает автора исходить из места действия, как иногда поступал и Тацит.

Описания битв выстроены тщательно: подготовка, борьба, бегство и преследование, последствия сражения. При этом автор не избегает риторических и даже эпических изобразительных средств⁴. В этом отношении он действует в рамках традиции римской историографии. Крупное батальное полотно — описание битвы под Страсбургом 357 г. (16, 12).

1. Таковы некрологи Констанция, Юлиана, Валентиниана. Кассий Дион ставил аналогичные пассажи вначале; ср. ЛЕО, *Biogr.* 236—240.

2. В характеристике Валентиниана *vitia* стоят вначале.

3. Ср. *Агесилая* Ксенофонта, *Амтика* Непота.

4. Как в изображении осады Амиды.

Наряду с этим обнаруживаются небольшие анекдотические вставки¹.

В соответствии с историографической традицией — и в согласии с неоплатоническими концепциями² — Аммиан использует как литературные средства предзнаменования, сны и пророчества; особенно силен драматический эффект у предзнаменований смерти.

Искусно — и, как обычно в античности, достаточно свободно — Аммиан пишет речи своих героев: так, выступая в последний раз (25, 3, 15–20), Юлиан дает квинтэссенцию своих достижений непосредственно перед общей авторской оценкой этого государя, выстроенной по разделам. Начиная с 28-й книги речи отсутствуют. Может быть, Аммиан торопится закончить свой труд?

Красноречивый автор увеличивает масштаб своих персонажей с помощью греческих (25, 3, 8) и римских (25, 3, 13) примеров. Однако риторические средства он употребляет лишь в той мере, насколько они не создают серьезных помех исторической достоверности³.

Язык и стиль

Аммиан пользуется отточенным языком историографии, созданным Саллюстием и Тацитом. Он исчерпал до конца возможности, которые дает этот в высшей степени искусственный язык, и не поскупился на новшества. Его словарь богат и красочен. Практически само собой разумеется, что при таких условиях политическая терминология будет интересной, но неточной⁴. Военную лексику профессиональный солдат остроумно использует для описания невоенных ситуаций (14, 6, 17). Автор прошел греческую синтаксическую и стилистическую школу: характерно активное использование всех причастий — в том числе и презентных, и футуральных — языковых средств, которые ранее применялись только в умеренной дозировке.

Конечно, очевидна польза от обратного перевода на грече-

1. Например, 16, 5, 11; 12; 16, 10, 16; 22, 4, 9; 29, 3, 3; 29, 3, 4.

2. И с верованиями, например, Юлиана.

3. G. CALVOLI 1976; список *exempla* дает R. C. BLOCKLEY 1975, Appendix F 191–194.

4. W. SUERBAUM ³1977.

ский в трудных местах, однако столь благородный и утонченный стиль противится механическому сведению к «латыни иностранца». Аммиан скорее, как и другие великие писатели, пробуждает дремлющие в языке возможности, масштаб которых нужно точнее установить дальнейшими исследованиями древнейшей и поздней латыни. Богаты и разнообразны метафоры¹. Ярлык «барочного писателя» не столь плодотворен, поскольку он отвлекает внимание от строгого соответствия языка предмету. Нужно раз и навсегда признать, что мы имеем дело с исключительно оригинальным прозаиком².

В отличие от Тацита — но в духе обычных приемов Светония — Аммиан вставляет в свой латинский текст греческие цитаты — глубокомысленные слова Менандра о демоне-покровителе человека (21, 14, 1), пророчество (31, 1), фольклорный насмешливый стих (25, 4, 17) и даже греческий перевод надписи на обелиске (17, 4, 17—23).

Прозаический ритм³ основан исключительно на ударениях слов, а не на качестве долгих или кратких слогов. Предпочтение отдается следующим схемам, основанным на «тоническом» осмыслении старых квантитативных моделей: «ровной», *cursus planus* 'xx 'x (*clausulas esse*), «медленной», *tardus* 'xx 'xx (*clausulas fecimus*), «быстрой», *velox* 'xx xx 'x (*clausulas feceramus*). Употребляется и схема 'x xx 'x (*esse videatur*). Переход к средневековой изящной прозе осуществлен.

Образ мыслей I

Литературные размышления

Путеводная звезда историка — *veritas*, которой требует традиция (31, 16, 9). Автор видит, что подстановки могут таиться и в умолчаниях (*ibid.*). Достохвальный принцип так же не освобождает его от ошибок и односторонности⁴, как это было с его

1. Ср. F. W. JENKINS, *Theatrical Metaphors in Ammianus Marcellinus*, *Eranos* 85, 1987, 55—63; I. ULMANN, *Metaphern in den Res gestae des Ammianus Marcellinus*, диссертация, Berlin 1975; R. C. BLOCKLEY 1975, Appendix B (метафоры из животного мира).

2. Ценный стилистический анализ: E. AUERBACH, *Mimesis*, Bern 1946, 56—81 (к Амм. 15, 7).

3. A. M. HARMON, *The Clausula in Ammianus Marcellinus*, New Haven, Conn. 1910.

4. Моральный контраст между Юлианом и такими цезарями, как Галл и Констанций, усилен ради четкости, однако Аммиан (видящий ошибки Юли-

предшественниками, однако его знанию военного дела нужно дать самую высокую оценку¹. И в иных случаях он в своих высказываниях о сущности исторического труда сознательно придерживается традиции великих предшественников. Он открыто дистанцируется от приверженцев мелочей, которые жалуются, если он умалчивает, что государь сказал за обедом. Перечислять всех должностных лиц или опорные пункты — все равно что «считать атомы». Его цель — *discurrere per negotiorum celsitudines*, «охватить самые важные дела» (26, 1, 1; ср. 27, 2, 11). Сосредоточение на существенном — принцип римской историографии со времен Катона — в его время — явление неслыханное. В этом отношении наш автор дистанцируется от биографии и хроники и заявляет себя продолжателем дела серьезной историографии.

Свою технику написания эпилогов он сам обрисовывает с большой точностью (30, 7, 1): *actus eius discurrere per epilogos breves nec vitiorum praetermisso discrimine vel bonorum, quae potestatis amplitudo monstravit, nudare solita semper animorum interna*, «охватить его деяния в кратких эпилогах, не упуская ни пороков, ни хороших черт, проявившихся на вершине власти, которая всегда обнажает то, что таится в глубине души». Здесь он сознательно примыкает к биографической технике; однако речь идет о внутренних качествах. Эта цель скорее в духе Тацита: психология государя раскрывается потому, что у нее есть политические последствия.

Аммиан не чужд интереса к языковым проблемам²: он предъявляет высокие стилистические требования себе и другим. Своих преемников он призывает: *procludere linguas ad maiores mo-
neo stilos* («я даю совет отточить язык для большого стиля», 31, 16, 9). Косвенно он этим подчеркивает свое особое положение в позднеантичной историографии.

Образ мыслей II

Особый угол зрения, свойственный труду Аммиана, обусловлен позицией автора, который — *miles quondam et Graecus*, «бывший военный и грек» (31, 16, 9) — то есть не сенатор и не римлянин — скромно прощается с читателями. Можно расслышать в

ана) и сам дает материал для корректур (положительные действия Констанция II: 17, 12 сл.).

1. N. J. E. AUSTIN 1979.

2. G. VIANSINO 1977.

этой реплике и положительный момент: как солдат, он много раз был свидетелем описываемого и вообще одним из немногих античных историков, чьи сообщения о стратегии и тактике по-настоящему компетентны. Но о полевых сражениях он, кажется, знает меньше, чем об осаде и военной разведке; он ясно показывает, как недостаток солдат и подрыв дисциплины восстаниями приводят к тому, что римская армия не может решить проблемы организации и управления. Его военный взгляд объясняет и географический интерес. Наконец, как подобает воину, его связь с государственным языком, с императором и Империей — более тесная. Будучи греком, он понимает последовательного эллинофила императора Юлиана, о котором еще нет ни одного произведения на латинском языке; будучи греком, он ценит тот факт, что Юлиан высоко ставит образованность и заботится о том, чтобы передать хоть в каком-либо отношении эту традицию дальше и сохранить духовный уровень. В особенности близка его сердцу идея единства греческой и римской культуры¹; это выражается среди прочего и в его уважении к Цицерону.

Он нейтрален по отношению к христианству. Терпимый в религиозных вопросах, он представляет абстрактный монотеизм, не будучи философом. Античных богов он толкует рационалистически; гении — духи-покровители людей — обладают для него религиозным смыслом. Он уважает и теологию кесаря. Сын своего времени — и в согласии с традицией римской историографии — он верит в предзнаменования (напр. 23, 1, 7) и чудеса (28, 1, 42). Лояльность к Риму² и государю для него — бесспорный принцип. Вероятно, это сказалось и на его выборе в пользу латыни. Для *miles et Graecus* язык войска, администрации и Империи обладает особым обаянием.

Свобода личности — центральная тема для Аммиана. Человек сам управляет своей судьбой; божественная справедливость наказывает злодеяние. Причины упадка Рима кроются в поведении частных людей; их природа — нравственного характера³. Отсюда и подробная разработка морального контраста

1. С. J. CLASSEN 1972.

2. Его римский патриотизм проявляется ярче, когда сравниваешь его с параллельными текстами (например, 16, 12, 65 — Либаний, *or.* 18, 62).

3. Мораль и политика, как и у Тацита, тесно взаимосвязаны: отношения Констанция II и Юлиана напоминают отношения Домициана и Агриколы. Здесь разрабатывается проблема общественной структуры принципата.

между Галлом и Юлианом. Добродетель государя — лекарство для ран Империи; отсюда исключительная важность Юлиана как *exemplum* для нашего автора — здесь не следует искать исключительно личную привязанность — и поэтому он создает для этой фигуры особенно богатый греко-римский фон. Настойчивость Аммиана в анализе *virtutes* и *vitia* — не только литературный прием, а также не только литературный заменитель недоступного придворного опыта — последний нашему автору как раз и нежелателен.

Соответственно воспитание в глазах Аммиана — великая ценность. Сюда относятся *exempla*. Каталог доблестей Юлиана напоминает воспитание Сципиона по Полибию. Это, безусловно, одна из сторон римской идеологии Аммиана. Юлиан — как то показывает наш автор — сознательно подражает богам и придерживается традиции прежних хороших государей; кто¹ именно в этом усматривает причины краха этого императора, тот ничего не понял в намерениях Аммиана. Без воспитания и образования наш автор не стал бы историком. Поскольку он изучает этическую позицию цезаря, чтобы понять причины политических событий, характеризовать его как «моралиста» было бы слишком узко. Это историк, который не упускает из виду тот факт, что историю делают люди и что человека делает человеком мысль и нравственное поведение.

Как говорили и другие — в том числе Плутарх и Флор — Рим обязан своим величием сочетанию *fortuna* и *virtus* (14, 6, 3). В аммиановской критике римского общества невольно проявляется его вера в Империю; однако он хорошо знает, что Вечный город — в соответствии с историософским образом Флора — прожил все стадии своей жизни от детства до старости². Он метко оборачивает этот образ: седая столица передала управление своим сыновьям, цезарям (14, 6, 4–5). Так преодолевается и заменяется антропоцентрической биологическая схема.

1. Н. DREXLER 1974, 124–136.

2. Сенека (вероятно, по Варрону) у Lact. *inst.* 7, 15, 14–17 a; Flor. *epit. praef.* 4–8; Symm. *rel.* 3, 9; R. HÄUSSLER, в: Actes du VII^e Congrès de la FIEC, т. 2, Budapest 1983, 183–191; A. DEMANDT, *Der Fall Roms. Die Auflösung des Reiches im Urteil der Nachwelt*, München 1984; P. ARCHAMBAULT, *The Ages of Man and the Ages of the World. A Study of Two Traditions*, REAug 12, 1966, 193–228.

Традиция

Произведение Аммиана попадает из Рима в Галлию, где высшая сенатская аристократия обладает обширными поместьями. Там книги, посвященные Юлиану, вызывают особый интерес, поскольку этот государь имел заслуги перед провинцией; поэтому до нас дошло то, что дошло. Из Галлии список этой части корпуса — книг 14—31-й — попадает в Герсфельдский монастырь. Здесь, вероятно, в IX в., делается копия для монастыря Фульды, единственный наш ранний источник (*Fuldensis*, *Vaticanus Latinus* 1873, V; IX в.). Гелений, автор базельского издания (у Фробена в 1533 г.), употребляет ныне утраченную герсфельдскую рукопись, которая охватывала текст до 30, 9. Это издание заменяет для нас Герсфельдский кодекс; для мест, которые отсутствуют в *Fuldensis*, это вообще единственное свидетельство, прежде всего для полного греческого текста надписи на обелиске. От *Hersfeldensis* в 1875 г. были обнаружены шесть листов, служивших в деревне Фридевальд недалеко от Герсфельда обложкой для документов (*Fragmenta Marburgensia*, M). Все остальные рукописи моложе и не обладают самостоятельной ценностью.

Текст, таким образом, основывается на *Fuldensis*, для дополнений служит издание Геления.

Влияние на позднейшие эпохи

Влияние Аммиана Марцеллина можно обнаружить уже в *Historia Augusta*¹ — что, правда, предполагает позднюю датировку (ок. 395 г.) этого продукта литературной деятельности.

Влиятельность Аммиана двояким образом связана с влиятельностью Юлиана Отступника: прежде всего произведение обязано своей сохранностью читателям, которые ценят деяния Юлиана. Но затем убедительно набросанный Аммианом портрет оплодотворяет фантазию европейских авторов.

Уже в эпоху поздней античности христианин Пруденций (*apoth.* 449—454), который должен был чувствовать к Отступнику отвращение как к новому Иуде, находит для него паразитично проникновенные слова, в которых чувствуется отзвук Аммианова восхищения перед полководцем, законодателем и патриотом. Доблести государя в изображении нашего историографа оказывают влияние и на ранний период Нового времени²; драма о Юлиане иезуита Г. Дрекслея (1608 г.)

1. R. SYME 1968; против него A. MOMICLIANO, *Ammiano Marcellino e la Historia Augusta*, AAT 103, 1968—1969, 423—436.

2. H.-G. NESSELRATH, *Zur Wiederentdeckung von Julian Apostata in der Re-*

хочет оправдать героя. Глубоко религиозный, но на редкость беспристрастный историк ересей Готтфрид Арнольд († 1714 г.) и холодный просветитель Вольтер († 1778 г.) с редким единодушием снимают с Юлиана клеймо отступника.

В XIX в. романтический блеск отступничества, кажется, только увеличивает обаяние героя. Фуке посвящает ему стихи (1816 г.) и новеллу (1818 г.), Эйхендорф — эпос (1853 г.), Феликс Дан — роман (1893 г.). Конрад Фердинанд Мейер († 1898 г.) состязается с прощальной речью (Amm. 25, 3, 15—20) императора (*Der sterbende Julian*)¹, сохраняя при этом свободу от обычного для эпохи вкуса к демоническому; он даже подчеркивает черты нравственно чистого, одухотворенного человека. Это один из немногих читателей, кто понял этос Аммиана. Драма Генрика Ибсена († 1906 г.) *Цезарь и Галлилеянин* (1873) иногда буквально следует тексту Аммиана, вплоть до того, что историк даже появляется в числе действующих лиц. Ибсен пытается сочетать языческий и христианский образ Юлиана, с одной стороны, сравнивая Отступника с Каином и Иудой, а с другой — возобновляя историософскую идею синтеза античности и христианства в «третьей» Империи. Из этого же источника черпает Д. Мережковский († 1941 г.) в своем романе *Юлиан Отступник* (1895 г., нем. 1903 г.) в трилогии *Христос и Антихрист*. Интерес к этому образу в XX в. не падает — об этом свидетельствует роман о Юлиане американца Гора Видала (1962/1964).

Независимо от своего императора Аммиан оказывает влияние и как моралист. Его психологическая проницательность и этический интерес не замедлили произвести впечатление на Мишеля Монтеня († 1592 г.). Анекдоты Аммиана живут собственной жизнью и удивительным образом всплывают все вновь и вновь².

Аммиан вновь пишет историю, после того как долгое время занимались только биографиями императоров. Его литературное влияние тройко: он моралист, создатель образа государя и драматичный рассказчик. Тот факт, что не только язычники и

naissance. Lorenzo de' Medici und Ammianus Marcellinus, A&A 38, 1992, 133—144.

1. Leuchtende Saat, изд. F. КЕМПТЕР, Engelberg 1951, 68 сл.; F. КЕМПТЕР, C. F. Meyers Ringen..., Engelberg 1954, 28 сл.; кажется, до того на зависимость от Аммиана Марцеллина не было обращено внимания.

2. G. JAVOR, Lincoln, Grant, and Whiskey, American Notes and Queries 10, 1971, 42—43 (к Amm. 16, 5, 8).

поэты, но и убежденные христиане и — что самое удивительное — исторические критики не могли избежать обаяния его образа Юлиана, независимо от вопроса о достоверности, не плохо свидетельствует о творческой силе нашего автора.

Издания: Angelus SABINUS, Romae 1474 (неполное). * Первые полные издания: Mariangelus ACCORSIUS (ACCORSO), Augustae Vindelicorum 1533; Sigismundus GELENIUS, Basileae: Froben 1533. * J. C. ROLFE (ТП), 3 тт., London 1935—1939, перепечатка 1950—1952. * W. SEYFARTH, L. JACOB-KARAU, I. ULMANN, 2 тт., Lipsiae 1978. * W. SEYFARTH (ТПК), 4 тт., Berlin 1968—1971, и. др. * O. VEH (П), G. WIRTH (Пр), Zürich 1974. * Изд. Бюде: 1 (кн. 14—16) E. GALLETIER (ТП), J. FONTAINE (К), Paris 1968; 2 (кн. 17—19) G. SABBAN (ТПК), 1970, ²1989; 3 (кн. 20—22) еще не вышли; 4 (кн. 23—25), 2 тт., J. FONTAINE (ТПК), 1977; 5 (кн. 26—28) M.-A. MARIÉ 1984; 6 (кн. 29—31) еще не вышли. * A. RESTA BARRILE (ТППр), 4 тт., Bologna 1973—1974. * Кн. 14—19: P. DE JONGE (К, сначала в полугомах, затем отд. книгой), Groningen 1935 (перепечатка 1972)—1982. * Кн. 20—21: J. SZIDAT (К), 2 тт., Wiesbaden 1977; 1981. * J. DEN BOEFT, D. DEN HENGST, H. C. TEITLER (К), 2 тт., Groningen 1987—1991. ** *Index:* M. CHIAVAT, Index verborum Ammiani Marcellini, 2 тт., Hildesheim 1983. ** *Конкорданс:* G. J. D. E. ARCHBOLD, A Concordance to the History of Ammianus Marcellinus, Univ. of Toronto Press 1980, микроф. ** *Библ.:* J. M. ALONSO-NÚÑEZ, ААНГ 36, 1983, 1—18.

J. M. ALONSO-NÚÑEZ, La visión historiográfica de Ammiano Marcelino, Valladolid 1975. * N. J. E. AUSTIN, In Support of Ammianus' Veracity, Historia 22, 1973, 331—335. * N. J. E. AUSTIN, Ammianus on Warfare. An Investigation into Ammianus' Military Knowledge, Bruxelles 1979. * T. D. BARNES, Ammianus Marcellinus and His World, CPh 88, 1993, 55—70. * J. BÉRANGER, La terminologie impériale. Une application a Ammien Marcellin, в: Mélanges d'histoire ancienne et d'archéologie offerts à P. COLLART, Lausanne 1976, 47—60. * N. BITTER, Kampfschilderungen bei Ammianus Marcellinus, Bonn 1976. * R. C. BLOCKLEY, Ammianus Marcellinus. A Study of his Historiography and Political Thought, Bruxelles 1975. * K. BRINGMANN, Ammianus Marcellinus als spätantiker römischer Historiker, A&A 19, 1973, 44—60. * W. K. BULLA, Untersuchungen zu Ammianus Marcellinus, München 1983. * G. CALBOLI, Ammian und die Geschichtsschreibung seiner Zeit, в: FS R. MUTH, Innsbruck 1983, 33—53 (лит.). * P. M. CAMUS, Ammien Marcellin, témoin des courants culturels et religieux à la fin du IV^e siècle, Paris 1967. * R. CAPPELLETTO, Ricuperi ammiane da Biondo Flavio, Roma 1983. * R. CAPPELLETTO, Passi «nuovi» di Ammiano Marcellino in Biondo Flavio, A&R NS 30, 1985, 66—71. * H. CИХОСКА, Die Konzeption des Exkurses im Geschichtswerk des Ammianus Marcellinus, Eos 63, 1975, 329—340. * C. J. CLASSEN, Greek and Roman in Ammianus Marcellinus' History, MusAfr 1, 1972, 39—47. * G. A. CRUMP, Ammianus Marcellinus as a Military Historian, Wiesbaden 1975. * A. DEMANDT, Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians, Bonn 1965. * A. M. DEMICHELI, I pro-

cessi di lesa maestà in Ammiano Marcellino, Ann. della Fac. giur. di Genova 20, 1984, 95–126. * U.-B. DITTRICH, Die Beziehungen Roms zu den Sarmaten und Quaden im 4. Jh. n. Chr. (nach der Darstellung des Ammianus Marcellinus), Bonn 1984. * H. DREXLER, Ammianstudien, Hildesheim 1974. * T. G. ELLIOTT, Ammianus Marcellinus and Fourth Century History, Sarasota, Florida 1983. * D. FLACH, Von Tacitus zu Ammian, Historia 21, 1972, 333–350. * J. FONTAINE, Ammien Marcellin, historien romantique, BAGB 1969, 417–435. * R. M. FRAKES, Ammianus Marcellinus 21, 16, 7: a Re-examination. Hermes 122, 1994, 253–256. * H. GÄRTNER, Einige Überlegungen zur kaiserzeitlichen Panegyrik und zu Ammians Charakteristik des Kaisers Julian, AAWM 1968. * H. HAGENDAHL, Studia Ammianea, диссертация, Uppsala 1921. * A. HELTTULA, *Post depositum militiae munus*. Official Phraseology in Ammianus Marcellinus, Arctos Suppl. 2, 1985, 41–56. * E. D. HUNT, Christians and Christianity in Ammianus Marcellinus, CQ 35, 1985, 186–200. * M. KAUTT-BENDER, Vielfalt und Funktion der Darstellungselemente in den *Res gestae* des Ammianus Marcellinus, Heidelberg 1991. * W. LIEBESCHÜTZ, Ammianus, Julian and Divination, В: *Roma renascens*. FS I. OPELT, Frankfurt 1988, 198–213. * J. F. MATTHEWS, Ammianus and the Eastern Frontier in the Fourth Century. A Participant's View, В: P. FREEMAN, D. KENNEDY, изд., The Defence of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium... (Sheffield 1986), Oxford 1986, 549–564. * J. MATTHEWS, The Roman Empire of Ammianus, London 1989. * J. MATTHEWS, The Origin of Ammianus, CQ NS 44, 1994, 252–269. * A. MOMIGLIANO, The Lonely Historian Ammianus Marcellinus, ASNP 4, 1974, 1393–1407. * V. NERI, Costanzo, Giuliano e l'ideale del *civilis princeps* nelle *Storie* di Ammiano Marcellino, Roma 1984. * V. NERI, Ammiano e il cristianesimo. Religione e politica nelle *Res gestae* di Ammiano Marcellino, Bologna 1985. * K.-G. NEUMANN, Taciteisches im Werk des Ammianus Marcellinus, München 1987. * S. M. OBERHELMAN, The Provenance of the Style of Ammianus Marcellinus, QUCC NS 27, 3, 1987, 79–89. * R. P. ROBINSON, The Hersfeldensis and the Fuldensis of Ammianus Marcellinus, Univ. of Missouri Studies 11, 1936, 118–140. * W. RICHTER, Die Darstellung der Hunnen bei Ammianus Marcellinus (31, 2, 1–11), Historia 23, 1974, 343–377. * K. ROSEN, Ammianus Marcellinus, Darmstadt 1982. * G. SABBAH, La méthode d'Ammien Marcellin. Recherches sur la construction du discours historique dans les *Res gestae*, Paris 1978. * C. SAMBERGER, Die «Kaiserbiographie» in den *Res gestae* des Ammianus Marcellinus. Eine Untersuchung zur Komposition der ammianischen Geschichtsschreibung, Berlin 1968. * R. SEAGER, Ammianus Marcellinus. Seven Studies in his Language and Thought. Columbia, Missouri UP 1986. * W. SEYFARTH, Der codex Fuldensis und der codex E des Ammianus Marcellinus, ADAW 1962, 2. * W. SUERBAUM, Ammianus Marcellinus, В: Vom antiken zum mittelalterlichen Staatsbegriff, Münster 1977 (пасш.), 159–169. * R. SYME, Ammianus and the *Historia Augusta*, Oxford 1968. * E. A. THOMPSON, The Historical Work of Ammianus Marcellinus, Groningen (1947) 1969. * H. TRÄNKLE,

Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber, A&A 11, 1962, 21–33. * G. VIANSINO, Studi sulle *Res gestae* di Ammiano Marcellino, Salerno 1977. * J. VOGT, Ammianus Marcellinus als erzählender Geschichtsschreiber der Spätzeit, AAWM 1963, 8. * T. E. J. WIEDEMANN, Between Men and Beasts. Barbarians in Ammianus Marcellinus, в: J. G. MOXON, J. D. STUART, A. J. WOODMAN, изд., Past Perspectives in Greek and Roman Historical Writing. Papers Presented at a Conference in Leeds (1983), Cambridge 1986, 189–201. * L. E. WILSHIRE, Did Ammianus Write a Continuation of Tacitus?, CJ 68, 1972–1973, 221–227.

В. ОРАТОРСКАЯ И ЭПИСТОЛЯРНАЯ ПРОЗА

ФРОНТОН

Жизнь, датировка

М. Корнелий Фронтон из Цирты в Африке стяжал себе блистательную репутацию как адвокат, оратор и писатель. Будучи уже при Адриане призван в сенат, при Антонине Пие он становится консулом (143 г.) и воспитателем наследников престола Марка и Вера, которые потом докажут свою привязанность к нему. Из-за слабого здоровья он не мог вступить в проконсульскую должность, на которую его прочили. Фронтон переживает свою жену, пять дочерей и внука.

Обзор творчества

Корпус писем состоит из различных групп текстов и приложений. В центре — переписка с цезарями Марком, Вером и Антонином. К этому примыкают несколько писем к друзьям. Трогательна самохарактеристика при описании смерти внука (235). Тщательно отделанные письма посвящены риторическим вопросам (135 V. D. Н.) и истории (*De bello Parthico* 220 V. D. Н.). Побочный продукт литературной деятельности — например, *Principia historiae* (202 V. D. Н.) и забавы вроде *Laudes fumi et pulveris* (215 V. D. Н.), *Laudes neglegentiae* (218 V. D. Н.), обработки сказания об Арионе (241 V. D. Н.), басни о сотворении сна (231 V. D. Н.). Некоторые послания написаны по-гречески.

Из утраченных речей важнейшая была направлена против христиан.

Источники, образцы, жанры

В то время и учителя, и ученики шли в библиотеки, чтобы разыскивать и читать произведения Катона Старшего; также идет работа с тетрадами, куда заносятся фразы из древнелатинских авторов (34; 253). Пересказы могут опираться на греческие источники (так, Геродот дал материал об Арионе).

Литературная техника

Культура слова становится стилем жизни и мысли. Школьные понятия вроде *prooemium* и *narratio* для увлеченного и увлека-

тельного учителя обретают собственную ценность, личное содержание (какое разочарование, когда ученики позднее вырастают из детской обуви риторики!). Различные стилистические регистры и литературные формы культивируются играя, со вкусом и с удовольствием. Фронтон пишет образно, задушевно и наглядно. Каждый технический прием нужно рассматривать на фоне соответствующих теоретических положений, которые Фронтон усвоил себе вплоть до кончиков ногтей. Его творчество — живое воплощение его учения.

Язык и стиль

Архаизм Фронтона — явление, параллельное тогдашнему греческому аттицизму¹. И на самом деле наш автор, когда он пишет по-гречески, делает это как аттицист.

Многообразие стилистических регистров, которыми владеет Фронтон, определяется принципом уместности: в судебных речах манера отличается простотой, в эпидейктических — помпезностью; для историографии образцом служит Саллюстий (207—210 V. D. Н.).

Образ мыслей I Литературные размышления

«Враждебность философии» и «архаизм» — лозунги, которые скорее скрывают, нежели обнаруживают жизненный нерв педагогики Фронтона.

Его римский вкус к изысканной форме объясняет непонимание философского обращения его царственного ученика². Здесь чувствуется не только старый спор между философией и риторикой, но и, по-видимому, тихий протест латинского менталитета с его сознательной культурой поверхностности против наступающего века абстракций.

Фронтон рекомендует *colorem vetusculum appingere* («использовать в своей живописи краски под старину», 150 V. D. Н.), замечает у Цицерона недостаток древнеримских слов (57 V. D. Н.) и считает, что от модерниста Сенеки толку мало (153 V. D. Н.).

1. NORDEN, *Kunstprosa* 1, 361 сл. с прим. 2.

2. Fronto 141—149; 151 сл. V. D. Н. Необходимые сведения о древнем споре между риторикой и философией у NORDEN, *Kunstprosa* 1, 250, 2; впрочем, Марк Аврелий достаточно намучился с оригинальными речами Катона.

Эти стороны мышления нашего автора признаны более чем достаточно. Иногда их гротескно утрируют.

Менее известно следующее: Фронтон хвалит своего питомца за то, что тот в политической речи не употребил *ни одного* древнелатинского слова. Этим он доказывает свой вкус и должное понимание людей. Архаизация — не причина, а следствие: важнее общий принцип *delectus verborum*¹. Он владеет тончайшими семантическими нюансами (например, 260—261 V. D. Н.). Фронтон особенно высоко ценит Цицероновы *письма к Аттику* за чистоту их языка. В конечном счете для него важно слово, наиболее точное в данном случае (*verba propria* 159 V. D. Н.). Это почтенный представитель умеренного аттицизма.

Образ мыслей II

Несмотря на частые насмешки в своих писаниях, он серьезен в оценке риторики как образовательного пути и считает именно ораторское искусство (171 V. D. Н.) достойной человека формой пайдеи; философии же охотно предоставляется право быть и оставаться «божественной». Ему непонятна бескомпромиссная серьезность, с которой его питомец Марк Аврелий обращается к философии; можно вспомнить переписку Авзония с ревностным монахом Паулином.

Здесь сталкиваются два мира: Фронтон стремится к действительности в недогматической форме литературно отделанного языка, а не философского понятийного аппарата, как Марк. Мастер красивых слов все еще безраздельно стоит на античной почве. Цезарь Марк — предвестник новой эпохи, которая с большей решимостью поставит истину выше красоты.

Традиция

Остатки трактатов и писем Фронтона были открыты в 1815 г. кардиналом А. Май. Речь идет о том же самом палимпсесте VI в., который содержит и фрагменты *De re publica* Цицерона (см. выше). Листы его находятся в Милане и Ватикане.

1. 57 сл., 88; 104, 8 сл.; 136, 1 сл.; 146, 18 сл.; 144, 18, 150, 10; 151, 25; 159; 228, 3; 42, 18 V. D. Н.

Влияние на позднейшие эпохи

Фронтона необычайно высоко ценили современники и потомки. Это не в последнюю очередь объясняется свойственным ему педагогическим порывом. В их мнении он оказывается вторым после Цицерона, причем равен ему как *alter, non secundus*, «второй по времени, а не по достоинству» (*paneg.* 8 (= V) 14, 2). Правда, имя Фронтона в стихотворном примере у Диомеда не обязательно указывает на прямое использование¹.

В первой части *Octavius* Минуция Феликса, вероятно, таится немало сведений из речи Фронтона против христиан — единственного произведения такого рода на латинском языке, о котором нам известно.

Издания: A. MAI, Mediolani 1815 (ed. princ.), Romae 21823 (расш.). * B. G. NIEBUHR, Berolini 1816. * S. A. NABER, Lipsiae 1857. * C. R. HAINES (ТППр), 2 тт., London 1919—1920. * M. P. J. VAN DEN HOUT, Lugduni Batavorum 1954. * Его же, Lipsiae 1988. * R. B. RUTHERFORD (избр. ППр, в переводе Марка Аврелия, A. S. L. FARQUHARSON), Oxford 1989. ** *Indices:* F. GARONE, M. MATTEA, F. RUSSO, Index verborum mit statistischen Aufstellungen zu *De eloquentia* und *De orationibus* von M. C. Fronto, Hildesheim 1976. * R. FONTANELLA, M. OLIVETTI, M. R. VOTTA, Index verborum mit statistischen Aufstellungen zu *De nepote amisso*, *De feriis Alsiansibus*, *Arion*, *Laudes fumi et pulveris*, *Laudes neglegentiae* von M. C. Fronto, Hildesheim 1981.

G. W. BOWERSOCK, Greek Sophists in the Roman Empire, Oxford 1969, 124—126. * D. BROCK, Studies in Fronto and his Age, Cambridge 1911. * E. CHAMPLIN, The Chronology of Fronto, JRS 64, 1974, 136—159. * E. CHAMPLIN, Fronto and Antonine Rome, Cambridge, Mass. 1980. * P. V. COVA, I *principia historiae* e le idee storiografiche di Frontone, Napoli 1970. * P. V. COVA, Marco Cornelio Frontone, ANRW 2, 34, 2, 1994, 873—918. * P. FRASSINETTI, L'orazione di Frontone contro i cristiani, GIF 3, 1949, 238—254. * R. HANSLIK, Die Anordnung der Briefsammlung Frontos, CV 1, 1935, 21—47. * R. MARACHE, La critique littéraire de langue latine et le développement du goût archaisant au II^e siècle de notre ère, Rennes 1952. * R. MARACHE, Mots nouveaux et mots archaïques chez Fronto et Aulugelle, Paris 1957. * M. MATTEA, Statistical Researches in the Verbum Lexical Field on the Frontonian Rhetorical Works *De orationibus* and *De eloquentia*, Revue d'organisation intern. pour l'étude des langues anciennes par ordinateur 1975. 3, 35—48. * Th. MOMMSEN, Die Chronologie der Briefe Frontos, Hermes 8, 1874, 199—216, повторно в: Ges. Schr. 4, Berlin 1906, 469—486. * NORDEN, Kunstprosa 1, 362—367. * PETER, Brief 124—135. * L. POLVERINI, Sull'epistolario di Frontone come fonte storica, в: Secon-

1. NORDEN, Kunstprosa 1, дополнение к стр. 367.

da miscellanea greca e romana, Roma 1968, 437–459. * A. RAMÍREZ DE VERGER, Frontón y la segunda sofística, *Habis* 4, 1973, 115–126. * G. P. SELVATICO, Lo scambio epistolare tra Frontone e M. Aurelio: Esercitazioni retoriche e cultura letteraria, *MAT* 5, 5, 4, 1981, 225–301. * P. SOVERINI, Aspetti e problemi delle teorie retoriche frontoniane, *ANRW* 2, 34, 2, 1994, 919–1004. * S. TIMPANARO, Il «ius osculi» e Frontone, *Maia NS* 39, 1987, 201–211. * J. J. WESTERMAN, Archaïsche en archaïstische Woordkunst, диссертация, Amsterdam 1939. * J. E. G. WHITEHORNE, *Ad amicos* 1, 5 and 6 and the Date of Fronto's Death, в: C. DEROUX, изд., *Studies in Latin Literature and Roman History*, т. 1, Bruxelles 1979, 475–482. * J. E. G. ZETZEL, The Subscriptions in the Manuscripts of Livy and Fronto and the Meaning of *emendatio*, *CPh* 75, 1980, 3–59.

PANEGYRICI LATINI

Датировка

Для столетнего промежутка 289–389 гг., но прежде всего для 289–321 гг. мы располагаем в виде *Panegyrici Latini* значимым историческим свидетельством, которое, не обладая преимуществом достоверности, по крайней мере верно духу времени, хотя сборник как таковой и был составлен позднее (см. ниже). Авторы — высокопоставленные чиновники и риторически образованные литераторы; риторы близки ко двору и имеют доступ к таким должностям, как *magister memoriae*. Однако (мы часто можем наблюдать подобное, например, в Галлии) они сохраняют верность своим школам, не забывают о них и одаривают их.

Обзор творчества

Как самый ранний представитель, роль протагониста исполняет знатный сенатор Плиний (со своей знаменитой речью к Траяну). За ним следуют (в обратной хронологической последовательности) Пакат (Феодосию: 389 г.), Мамертин (Юлиану: 362 г.), Назарий (Константину: 321 г.).

Затем (со своей нумерацией) идут более короткие панегирики без указаний на авторство; этот второй сборник, должно быть, был добавлен в эпоху поздней античности. Порядок также обратный хронологический (31–289 гг.); географически цикл относится в основном к Галлии (Отен и Трир).

Источники, образцы, жанры

Авторы опираются — кроме Плиния Младшего, классика панегирического жанра — на Цицерона, а также на Фронтон. Жанр определяется принципами λόγος βασιλικός.

Литературная техника

Inventio в панегириках основывается на категориях, содержащихся в античной «царской речи». Родина, образование, деяния в молодости, добродетели государя — такая рубрикация напоминает жизнеописание, которое, правда, как жанр моложе и наряду с добродетелями упоминает и пороки. Некоторые из этих программных пунктов могут быть обойдены в форме *praeteritio*. Исторические и мифологические примеры составляют весомую часть литературного декора.

Эстетическая ценность панегириков сегодня оценивается сравнительно высоко; без этих предшественников не могли бы возникнуть гениальные поэтические панегирики Клавдиана, однако разница уровня остается значительной. Тем не менее мы в лице *Panegyrici Latini* имеем дело с важным литературно-историческим явлением в точке пересечения поэзии и прозы.

Язык и стиль

Латинский язык панегириков изящен. Характерны повышения и понижения тона в характеристиках лиц: *maiestas tua*, *mediocritas mea* («твое величество», «моя посредственность», например, *paneg.* 6 (VII) 1, 1): свидетельство того, что наша витиеватая титулатура восходит к формам придворной жизни. Поэтические элементы под знаком аффектированной риторики все больше и больше проникают в прозу; следующий шаг приведет к панегирику в стихах. Техника клаузул отработана до совершенства.

Образ мыслей I

Литературные размышления

Намерение создать сборник образцовых речей сквозит во всем корпусе, особенно в начальном положении речи Плиния к Траяну. Декларируемая цель опубликованного панегирика — не только похвала государю, но и внушение государственным

ского умонастроения на риторических занятиях. Что касается пропагандистского характера текстов, то и без этого указания они никого не введут в заблуждение.

Речь Евмения (9, V; 298 г. по Р. Х.) свидетельствует о самовосприятии оратора и осознании его культурной задачи: сделав успешную карьеру при дворе и будучи призван в свою риторическую школу в Отене в качестве руководителя, он просит о том, чтобы его теперь удвоенное жалованье могло быть потрачено на восстановление школы. В заключительной части речи возрождение школы связывается с возрождением государства. Значение образовательных учреждений Галлии можно оценить по их влиянию на латинскую литературу этой эпохи. Косвенно школы эксплуатируют стремление императора окружить себя литераторами.

Образ мыслей II

Моральное и эстетическое осуждение придворной лести и лживости словесных украшений многих панегириков напрашивается само собой. Однако необходимо справедливо относиться к этим текстам как историческим источникам и произведениям риторического искусства. Речь может признать и идеализировать сложившуюся ситуацию; она, однако, может и намекнуть на ожидания подданных будучи зеркалом государей. Тщательное исследование, почему именно та или иная добродетель властителя оценивается именно здесь выше всего, будет вознаграждено. Языковые штампы могут отражать намерения цезаря, религиозную легитимацию его власти, демонизацию его соперника, идею Рима, образ варварского мира, великую тему *conservatio rei publicae*, «сохранения государства», и вообще все, к чему стремится конкретная эпоха; речи также позволяют взглянуть на ситуацию в Галлии. Тем не менее более чем понятно отсутствие у потомков интереса к этим эфемерным и не всегда привлекательным продуктам литературной деятельности, относящихся к сфере политических интриг.

Традиция

Три независимых друг от друга класса восходят к одному архетипу¹.

1. R. A. B. MYNORS, изд. 1964, Praefatio.

Влияние на позднейшие эпохи

Панегирики мало копируют в эпоху средневековья. Когда начинается Возрождение, их оттесняет на второй план блистательный Клавдиан.

Издания: AE. BAEHRENS, Lipsiae 1874. * W. A. BAEHRENS, Lipsiae 1911. * E. GALLETIER (ТППР), 3 тт., Paris 1949—1955. * R. A. B. MYNORS, Oxford 1964. * V. PALADINI, P. FEDELI, Roma 1976. * Ср. также W. J. G. LUBBE, *Incerti Panegyricus Constantino Augusto dictus, Lugduni Batavorum* 1955. * A. CHAUVOT (ТПК), Procopé de Gaza, Priscien de Césarée. *Panégyriques de l'empereur Anastase I^{er}*, Bonn 1986. ** *Конкорданс:* T. JANSON, *A Concordance to the Latin Panegyrics*, Hildesheim 1979. ** *Библ.:* P. L. SCHMIDT 1989 (см. ниже).

U. ASCHE, *Roms Weltherrschaftsidee und Außenpolitik in der Spätantike im Spiegel der Panegyrici Latini*, диссертация, Bonn 1983. * W. A. BAEHRENS, *Panegyricorum Latinorum editionis novae praefatio maior*, диссертация, Groningen 1910. * G. G. BELLONI, *La bellezza divinizzante nei Panegirici e nei ritratti monetali di Costantino*, CISA 7, 1981, 213—222. * C. CASTELLO, *Il pensiero politico-religioso di Costantino alla luce dei panegirici*, в: *Accademia romanistica Costantiniana*, Perugia 1975, 49—117. * F. DEL CHICCA, *La struttura retorica del panegirico latino tardo imperiale in prosa. Teoria e prassi*, AFLC 6, 1985 (1987), 79—113. * T. JANSON, *Notes on the Text of the Panegyrici Latini*, CPh 79, 1984, 15—27. * D. LASSANDRO, *La demonizzazione del nemico politico nei Panegirici Latini*, CISA 7, 1981, 237—249. * D. LASSANDRO, *Inventario dei manoscritti dei Panegyrici Latini*, InvLuc 10, 1988, 107—200. * M. C. L'HUILLIER, *La figure de l'empereur et les vertus impériales. Crise et modèle d'identité dans les Panégyriques latins*, в: *Les grandes figures religieuses. Fonctionnement pratique et symbolique dans l'Antiquité* (Besançon 1984), Paris 1986, 529—582. * V. LOI, *Struttura e topoi del panegirico classico nei Sermones de sanctis di S. Agostino*, Augustinianum 14, 1974, 591—604. * S. MAC CORMACK, *Latin Prose Panegyrics. Tradition and Discontinuity in the Later Roman Empire*, REAug 22, 1976, 29—77. * W. PORTMANN, *Geschichte in der spätantiken Panegyrik*, Bern 1988. * B. S. RODGERS, *The Panegyrici Latini. Emperors, Colleagues, Usurpers and the History of the Western Provinces*, диссертация, Berkeley 1978. * B. S. RODGERS, *Divine Insinuation in the Panegyrici Latini*, Historia 35, 1986, 69—104. * G. SABBAN, *De la rhétorique à la communication politique. Les panégyristes latins*, BAGB 1984, 363—388. * P. L. SCHMIDT, HLL 5, 1989, § 528 (ОСНОВОПОЛ.). * R. SEAGER, *Some Imperial Virtues in the Latin Prose Panegyrics. The Demands of Propaganda and the Dynamics of Literary Composition*, PLLS 4, 1984, 129—165.

СИММАХ

Жизнь, датировка

Кв. Аврелий Симмах (ок. 345—402) происходит из зажиточного и знатного рода и получает в Галлии блестящее риторическое образование. Он занимает высокие должности¹ и как самый значительный оратор своего времени становится поборником по большей части языческого римского сената против христианских императоров. В 382 г. цезарь Грациан изгоняет его из Рима, поскольку он выражал протест против удаления алтаря Победы из Юлиевой курии². Внезапная смерть этого ханжеского и жестокого государя во время неурожая и вызванного им голода (383 г.) ободряет еще сильную языческую оппозицию. Так, в 384 г. Симмах (*rel.* 3) просит императора Валентиниана II вернуть алтарь и восстановить привилегии языческих жрецов. Но он недооценивает влияние епископа Амвросия. Симмах выступает на стороне узурпатора Максима; после его смерти (388 г.) он спасает свою жизнь панегириком императору Феодосию и в 391 г. получает консульство.

Он обменивается мыслями с Авзонием, который посвящает ему стихотворение *Griphus ternarii numeri*.

Обзор творчества

Речи: у нас есть отрывки восьми речей, из которых две — к цезарю Валентиниану I и одна — к молодому Грациану.

Epistulae: 9 книг.

Relationes: донесения городского префекта императору; их можно с полным правом считать десятой книгой писем (ср. корпус Плиния).

Источники³, образцы, жанры

Симмах лишь в ограниченном объеме знаком с греческой литературой; что касается римлян, он опирается прежде всего на школьных авторов — Теренция, Вергилия, Саллюстия, Ци-

1. *Pontifex maior* (старший понтифик), проконсул Африки, городской префект (384—385), консул (391).

2. Алтарь, на котором сенаторы возжигали ароматы и возливали вино, был освящен Августом в 29 г. до Р. Х., удален Констанцием II, восстановлен Юлианом и вновь удален Грацианом.

3. W. KROLL, *De Q. Aurelii Symmachi studiis Graecis et Latinis*, Breslau 1891.

церона; меньше — на Горация и Лукана. Исторические сведения наш автор черпает по большей части из Валерия Максима, реже — из Цицерона, Ливия¹ и Плиния Старшего. Кроме того, он знаком с творчеством Овидия, Силия, Ювенала, а также Тацита, Фронтон и, вероятно, Геллия. Не следует недооценивать влияние Плиния Младшего, который задает тон не только для панегирического жанра, но и для сборника писем — вплоть до числа книг (9 + 1).

Литературная техника

В письмах Симмах придерживается принципа краткости; рассуждения и длинные рассказы отсутствуют. Стилистическая отделка очень тщательна. Автор упражняется в ненавязчивых и элегантных вариациях топосов поздравления, утешения и благодарности. Таким образом его письма менее красочны и индивидуальны, чем, скажем, у Цицерона или Плиния. Благополучие дочери и карьера сына — темы, которые сравнительно с другими более интересуют нашего автора в его переписке. Тем не менее вполне осмысленно угадывать за изысканной вежливостью его писем и более чем осторожным отношением к фактам тонкую сеть человеческих и политических взаимоотношений.

Письма сгруппированы не по хронологическому принципу, их композиция в книгах 1—7 осуществляется по большей части по адресатам.

В *Relatio* литературная отделка достигает высокой торжественности. Просьба олицетворенного Рима о терпимости дышит вневременным величием: «То, что почитают все, должно быть одним. Мы смотрим на одни и те же звезды, у нас одно небо, один и тот же мир окружает нас. Что до того, на каком пути каждый ищет истину? Тайна слишком велика, чтобы к ней мог вести лишь один путь»².

Язык и стиль

Словарь писем строго ограничен; несмотря на архаические и современные элементы, чувствуется забота о классичности.

1. Литературному интересу Симмаха мы обязаны и сверкой текста Ливия.
2. Нем. перевод E. NORDEN, LG 110.

Хотя иногда автор показывается в более удобной домашней одежде, письма отделаны очень тщательно.

Стиль оратора Симмаха больше стремится к яркости. Макробий характеризует его манеру как *pingue et floridum*, «пышную и цветистую», и сравнивает его с Плинием Младшим (*Sat.* 5, 1, 7).

Образ мыслей I Литературные размышления

Симмах признается, что слова в письмах служат общению даже тогда, когда нечего сообщать¹: о «словах без содержания» не следовало бы говорить. В своих теоретических высказываниях он открыт и модной риторике, и архаизмам. Он дает своему сыну точное наставление — отличать домашнюю одежду писем от риторического облачения речей на публику: там царит *maturum aliquid et comicum*, «нечто зрелое и комическое», и некоторая *neglegentia*, «небрежность», а здесь — *aculei orationis*, «ораторские жала», и *arma facundiae*, «оружие красноречия», (*epist.* 7, 9). Нужно признать, что стилистическое различие между письмами и речами основано на сознательном выборе².

Образ мыслей II

Поле зрения Симмаха показывает и величие, и ограниченность сенатора: в центре для него — проблемы города и своего сословия; он переоценивает роль Рима и сената в мировой политике. Сословным интересам соответствует и недоверие к новой чиновной и придворной знати и мужественное сопротивление проведению новой цензуры. Нельзя исключить, что в защите старой религии имелись в виду и материальные интересы жречества, однако финансовое значение языческих культов в те времена было столь невысоким, что с этой стороны не удастся бросить тень на характер Симмаха. В противоположность ясной и единой позиции христиан в сенате языческая группа, по-видимому, не отличалась внутренней сплоченностью, даже и с учетом того, что между приверженцами

1. *Epist.* 1, 15; 2, 35, 2; 2, 69; 3, 10; 6, 37.

2. *Epist.* 3, 11; 3, 44.

древнеримской религии и сторонниками восточных культов в то время невозможно было провести четкую границу. Тактические соображения заставляют городского префекта — в соответствии со сложившейся ситуацией — искать лишь самую незначительную общую платформу для многообразия существующих мнений. Не стоит удивляться, что принципиальный характер спора за алтарь Победы Симмах скорее ступшевывает. Поскольку дело для него не в конфронтации как таковой, он меньше подчеркивает конфликт между старой и новой религией.

Наряду с древнеримскими традициями — такими как идеал свободы и убежденность в ценности римской истории — роль возможной основы согласия могут сыграть и неоплатонические идеи. Константин первым успешно актуализировал присущую этому учению толерантность, проявив терпимость по отношению к христианству. Теперь Симмах со своей стороны призывает о защите древнего культа, тщетно ссылаясь на неоплатоническое представление о многообразии духовных путей: *Uno itinere non potest perveniri ad tam grande secretum* («одним путем невозможно дойти до постижения столь великого таинства», *rel.* 3, 10). Правда, это еще не делает Симмаха философом: он обрывает мысль по-древнеримски: *sed haec otiosorum disputatio est*, «это досужие рассуждения» (10).

Традиция

Orationes: остатки речей содержатся в том самом *Vobiensis rescriptus* (VI в.), которому мы обязаны *De re publica* Цицерона и Фронтоном. 27 листов, отведенных Симмаху, находятся в Милане (*Ambrosianus E 147 inf.*) и Риме (*Vaticanus Lat. 5750*).

Epistulae: только *Parisinus 8623* (IX в.) сохраняет полные заголовки и подразделение на книги. Среди других рукописей выделяется *Vaticanus Palatinus 1576* (XI в.). Кроме того, есть флорилегии.

Relationes: основа традиции — три свидетельства: *Tegurinus Monacensis 18787* (XI в.), *Mettensis 500* (XI в.) и — замена одной из утраченных рукописей — издание С. Геления, *Basileae 1549*. Третья *Relatio*, кроме того, дошла до нас в рукописях Амвросия.

Влияние на позднейшие эпохи¹

Известность третьей *Relatio* обусловлена прежде всего подробным возражением Амвросия, к которому была приложена речь Симмаха.

Прославленный оратор, чьи письма при жизни читатели вырывали друг у друга из рук, встречает признание и со стороны христианских писателей — например, у своего позднейшего поэтического противника Пруденция и у Сидония, который подражает письмам Симмаха².

Издания: orat.: A. MAI, Mediolani 1815 (миланские фрагменты) и (вместе с ватиканскими фрагментами) в: *Scriptorum nova collectio, Romae* 1825 (edd. princ.). * B. G. NIEBUHR, Berolini 1816. * O. SEECK, MGH, AA 6, 1, Berolini 1883. * A. PABST (ТПК), Darmstadt 1989. * F. DEL CHICCA (ТПК), *Laudatio in Valentinianum Seniore Augustum prior*, Roma 1984. * *epist.* и *rel.*: J. SCHOTT, Argentorati 1510. * S. GELENIUS, Basileae 1549. * O. SEECK (см. выше.). * *epist.*: J. P. CALLU (ТПК), т. 1 (*Кн. 1 и 2*), Paris 1972; т. 2 (*кн. 3–5*), 1982. * *Кн. 4*: A. MARCONE (ТПК), Pisa 1987. * *Кн. 5*: P. RIVOLTA TIBERGA (ТПК), Pisa 1992. * *Кн. 6*: A. MARCONE (ТПК), Pisa 1983. * *Кн. 9*: S. RODA (ТПК), Pisa 1981. * *rel.*: R. H. BARROW (ТППp), Oxford 1973. * D. VERA (ТПК ист., Indices, Appendix о 10, 1–2), Pisa 1981. * *rel. 3*. R. KLEIN (ТПК), *Der Streit um den Victoriaaltar. Die dritte Relatio des Symmachus und die Briefe 17, 18 und 57 des Mailänder Bischofs Ambrosius*, Darmstadt 1972. ** *Конкорданс*: V. LOMANTO, *Concordantiae in Q. Aurelii Symmachi opera*, Hildesheim 1983.

A. H. ARMSTRONG, *The Way and the Ways. Religious Tolerance and Intolerance in the Fourth Century A. D.*, *VChr* 38, 1984, 1–17. * R. BADALM, *Premessa ad uno studio sulla natura delle clausole simmachiane*, *RCCM* 8, 1966, 38–52. * M. BERTOLINI, *Sull' atteggiamento religioso di Q. Aurelio Simmaco*, *SCO* 36, 1986, 189–208. * G. W. BOWERSOCK, *Symmachus and Ausonius*, Paris 1986. * F. CANFORA, *Sinimaco e Ambrogio o di una antica controversia sulla tolleranza e sull' intolleranza*, Bari 1970. * A. CHASTAGNOL, *Le sénat dans l'œuvre de Symmaque*, в: *Colloque genevois sur Symmaque*, Paris 1986, 73–96. * F. DEL CHICCA, *Sull' abundantia sermonis nelle orazioni di Simmaco*, *BStudLat* 8, 1978, 63–75. * S. CHRISTO, *Q. Aurelius Symmachus. A Political and Social Biography*, диссертация, New York 1974. * A. DIHLE, *Zum Streit um den Altar der Viktoria*, в: *Romanitas et Christianitas*, *Studia J. H. WASZINK*, Amsterdam 1973, 81–97. * G. HAVERLING, *Stu-*

1. G. POLARA, *La fortuna di Simmaco dalla tarda antichità al secolo XVII*, *Vichiana NS* 1, 1972, 250–263.

2. Prud. c. *Сутт.* 1, 632 *o linguam miro verborum fonte fluentem, «о язык, родником словес истекающий дивных»*; Sid. Ap. *epist.* 1, 1 *Q. Symmachi rotundilatam, «закругленность Симмаха»*.

dies on Symmachus' Language and Style, Göteborg 1988. * T. HÖLSCHER, Victoria Romana. Archäologische Untersuchungen zur Geschichte und Wesensart der römischen Siegesgöttin von den Anfängen bis zum Ende des 3. Jh., Mainz 1967. * R. KLEIN, Symmachus. Eine tragische Gestalt des ausgehenden Heidentums, Darmstadt 1971, 2¹⁹⁸⁶. * R. KLEIN, см. также издания. * R. KLEIN, Die Romidee bei Symmachus, Claudian und Prudentius, в: F. PASCHOD, изд., 1986, 119—144. * H. O. KRÖNER, Die politischen Ansichten und Ziele des Q. Aurelius Symmachus, в: Politeia und Res Publica, Gedenkschrift R. STARK, изд. P. STEINMETZ, Wiesbaden 1969, 337—356. * J. F. MATTHEWS, Symmachus and the Oriental Cults, JRS 63, 1973, 175—195. * J. F. MATTHEWS, The Letters of Symmachus, в: J. W. BINNS, изд., Latin Literature of the Fourth Century, London 1974, 58—99. * P. MELONI, Il rapporto fra impegno politico e fede religiosa in Simmaco e Ambrogio, Sandalion 1, 1978, 153—169. * F. PASCHOD, Réflexions sur l'idéal religieux de Symmaque, Historia 14, 1965, 215—235. * F. PASCHOD, изд., Colloque genevois sur Symmaque à l'occasion du mille-six-centième anniversaire du conflit de l'autel de la Victoire, Paris 1986. * S. RODA, Simmaco nel gioco politico del suo tempo, SDHI 39, 1973, 53—114. * D. ROMANO, Simmaco, Palermo 1959. * D. R. SHACKLETON BAILEY, Critical Notes on Symmachus' Private Letters, CPh 78, 1983, 315—323. * K. THRAEDE, Sprachlich-Stilistisches zu Briefen des Symmachus, RhM 111, 1968, 260—289. * J. WYTZES, Der letzte Kampf des Heidentums in Rom, Leiden 1976.

С. РОМАН

«ПРОЗА ВЫМЫСЛА» ЭПОХИ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Здесь достаточно будет сослаться на предварительные замечания о римском романе (выше т. II, стр. 1311—1318). Есть точки соприкосновения с историографией (романы о Трое и об Александре) и с агиографией, особенно в иеронимовской форме. Творчество Апулея даже оказало влияние на серьезный автобиографический жанр.

АПУЛЕЙ

Жизнь, датировка

Апулей из Мадавры в Нумидии горд как своим родным городом, где и его отец, и он сам были видными гражданами (*apol.* 24), так и Карфагеном как культурным центром (*flor.* 20). Уже в этих фактах отражаются новые процессы: наряду с галлами и испанцами теперь носителями культуры будущего выступают уроженцы северной Африки; двумя поколениями позже Плиния и Тацита крупному писателю не приходится делать карьеру в Риме; возникают самостоятельные, не столь зависимые от столицы культурные ландшафты.

Студенческие годы в Карфагене (*flor.* 18, 86; 20, 97) венчает учебная поездка в Афины (*apol.* 27). В Греции Апулея посвящают в различные мистерии (*apol.* 55, 8). Дальнейшие поездки на Восток поглощают отцовское состояние (*apol.* 23; *met.* 11, 27 сл.). Только временно Апулей становится адвокатом в Риме¹.

Затем он снова трудится в Африке. Примерно в 158 г. в Сабрате он предстает перед судом: в Эе Апулей женился на богатой вдове, и теперь его обвиняют в том, что он привлек ее с помощью магии. Блестящая *Апология*, которая дошла до нас, приводит к оправданию. Затем Апулей перебирается из Эи в Карфаген. Он никогда не занимал никакой государственной должности, но был жрецом культа императора (*sacerdos provinciae*, *Aug. epist.* 138, 19) и жрецом Изиды. Он прославился как

1. *Apul. met.* 11, 26; 28; 30; *flor.* 17, 77.

странствующий оратор. При жизни ему воздвигали статуи; позднее он считался волшебником и чародеем. Апулей писал на двух языках; но сохранились только латинские произведения.

De magia была произнесена при императоре Антонине Пие (апол. 85) и проконсуле Клавдии Максиме (вероятно, в 158 г.). В это время Апулей был уже автором речей, *ludicra carmina*, «стихотворных забав», и естественнонаучных произведений.

Поддающиеся датировке отрывки из *Florida* приходится на шестидесятые годы — при Марке Аврелии и Вере.

За позднюю датировку *Метаморфоз* — между 180 и 190 гг.¹ — говорит среди прочего тот факт, что один из важных мотивов рассказа о Психее (6, 2, 6; 6, 4, 5; 6, 7, 4) стимулирован рескриптом Марка Аврелия и Коммода (*dig.* 11, 4, 1 сл.; 177 г. по Р. X.)².

Философские работы практически не дают точек хронологической привязки; возможно, они относятся к раннему периоду.

Обзор творчества

*Метаморфозы*³

1: На пути из Коринфа в страну ведьм Фессалию любопытный Луций слушает различные истории о колдовстве.

2: В Гипате он заезжает к Милону. После пирушки, где рассказываются страшные истории, он закалывает трех подозрительных людей.

3: После заседания уголовного суда оказывается, что убитые были виновными бурдюками. Луций наблюдает превращение жены своего гостеприимца в филина и просит ее служанку Фотиду превратить в птицу и его. Та берет не ту мазь и превращает его в осла. Разбойники уводят его и используют как вьючное животное.

4: От старухи-служанки разбойников он слышит среди прочего и сказку об Амуре и Психее (4, 28—6, 24).

5: Психеею, которой не было позволено видеть своего божественного супруга — мнимое чудовище — завистливые сестры подстрекают понаблюдать за ним во время сна и, если тот действительно чудови-

1. P. G. WALSH 1970, Appendix II.

2. G. W. BOWERSOCK, Zur Geschichte des römischen Thessalien, RhM 108, 1965, 277—289, особенно 282, прим. 31.

3. *Золотой осел* (Aug. civ. 18, 18, 1) — вероятно, данный читателями одобренный заголовок, который Августин принял за подлинный.

ше, убить его. Масло, капающее с лампы, пробуждает его, и они должны расстаться.

6: Только после тяжелых испытаний на службе у свекрови Венеры Психея может вернуться к нему. — Осел тщетно пытается убежать с Харитой, одной из уведенных разбойниками девушек.

7: Жених Хариты Тлеполем освобождает и ее, и осла хитростью. Последнему, правда, вскоре приходится молотить зерно на мельнице. В повествование вплетены шванки.

8: После ужасной гибели своего благодетеля осел попадает в руки нескольких жестоких хозяев; немного лучше ему приходится у опустившихся жрецов Кибелы, для которых он возит изображение богини.

9: Осел подвергается многим опасностям. Эпизод с женщиной, обманувшей своего мужа с «покупателем» бочки. От мельника он попадает к садовнику, который проигрывает его солдату.

10: Эпизод безответной любчи мачехи к добродетельному пасынку. Осел ведет праздную жизнь у двух братьев — повара и кондитера. Их хозяин выкупает осла и велит обучить его правилам поведения за столом. Одна дама даже влюбляется в него. От публичного содомистско-го аттракциона осел спасается бегством.

11: В полночь он просыпается на берегу моря у Коринфа, молится владычице неба и наконец обретает избавление: спасительные розы (см. стр. 1586) он получает из рук жреца Изиды и посвящает свою жизнь службе богине.

В первых трех книгах Луция многократно предупреждают о возможных последствиях его любопытства (*curiositas*); книги 4—10 показывают его наказание, а одиннадцатая — освобождение. Значительнейшая из многочисленных новеллистических вставок — сказка об Амуре и Психее.

Apologia или *De magia* — защитительная речь против обвинения в магии. Завершив вводную часть, Апулей показывает, что он не исполнял никаких магических действий (29—65) и что у него не было никаких мотивов прибегать к колдовству (66 — до конца). Речь — один из источников, дающих сведения о жизни Апулея и античной колдовской практике.

Florida — 23 блистательных отрывка из софистических речей Апулея; эпитоматор сделал эти извлечения предположительно из четырех книг.

De Platone et eius dogmate раскрывает связь платоновского и позднейших учений, возможно, по Альбину или его учителю Гаю. После биографического очерка идут физика (кн. 1) и этика (кн. 2). Для отсутствующей логики сомнительное в своей подлинности сочинение *Peri hermeneias* (Περὶ ἑρμηνείας), дошедшее до нас отдельно, вряд ли может служить заменой. По содержанию это аристотелевско-стоический трактат.

De deo Socratis стилизовано под речь. Здесь рассматривается учение о добрых демонах — существах, стоящих между богами и людьми¹.

De mundo — космологическо-космографический трактат, который также затрагивает вопрос о кормчем миров. Не свободен от ошибок перевод псевдоаристотелевской книги *Περὶ κόσμου*. Августин (*civ.* 4, 2) считает Апулея автором².

Под вопросом подлинность *Peri hermeniae* (см. *De Platone*), учебника по формальной логике, посвященного теории утвердительного силлогизма.

Утрачены стихотворения, среди которых — гимн Эскулапу на латинском и греческом языке, роман *Hermagoras*, исторические произведения, речи, естественнонаучные трактаты, произведения о рыбах, о деревьях, о сельском хозяйстве, медицине, астрономии, арифметике, музыке, а также перевод платоновского *Федона*. Неизвестно, создал ли Апулей энциклопедию³, но энциклопедический характер его творчества говорит сам за себя.

Неподлинные произведения

Asclepius, перевод герметического откровения, сочетает греческие и египетские представления и пророчествует о гибели языческой религии. Августин считает *Асклепия* произведением Апулея, Лактанций использует греческий оригинал⁴.

Источники, образцы, жанры

Что касается жанра комического романа значительного объема, мы до сих пор знаем практически только латинские его образцы⁵. *Метаморфозы* — древнейший и полностью сохранившийся длинный латинский роман. Параллельный греческий текст *Луций, или Осел*, сохраненный в числе произведений Лукиана, намного короче и по всей вероятности восходит к утра-

1. О материале: Плутарх, *De genio Socratis*; Aug. *civ.* 8, 14—22; о способе изображения: Max. Tug. *or.* 8 сл. НОВЕИН.

2. За подлинность: F. REGEN 1971; колеблется J. REDFORS 1960.

3. О. ЈАНН, *Über gömische Encyclopädien*, BSG, 1850, phil.-hist. Kl. 2, 263—287, особенно 282.

4. Неподлинны также *De herbarum medicaminibus (virtutibus)*, *De remediis salutariibus*, *Physiognomonica*. Однако Апулей знаком с физиогномикой (*flor.* 3; 15).

5. Новые перспективы открывает фрагмент романа об Иолае, см. N. HOLZBERG 1986, 75—77; 126; теперь см. S. STEPHENS, J. WINKLER, *Ancient Greek Novels. The Fragments*, Princeton 1995 (*Iolaus*: стр. 358—374); P. G. WALSH 1970, который считает *Луция* образцом для Апулея, делает из этого слишком далеко идущие выводы о римской оригинальности.

ченной более длинной греческой версии¹, также использованной и преобразованной Апулеем². У этой последней не было религиозной концовки.

Этот основной капитал дополняется из копилки *Милетских рассказов*. Соответствующее произведение Аристидида Милетского³ (ок. 100 г. до Р. Х.) в свое время перевел на латинский язык Корнелий Сизенна — именно эту литературу для легкого чтения в 53 г. до Р. Х. обнаружили в походном багаже павших при Каррах (Plut. *Crassus* 32). Речь идет о комических новеллах, со стилем которых мы знакомы по *Декамерону* Бокаччо и *Facetiae* Поджо. Важнейший эпизод, сказка об Амуре и Психее, возможно, восходит к фольклорной традиции.

Вообще античный роман — как и комедия — основывается на вымышленном материале, есть «плод воображения» (πλάσμα), в отличие от остальной, преимущественно мифологической, античной литературы. Важные жанровые компоненты — с внешней точки зрения — чудесное в основной повествовательной линии (здесь — роман об осле) и вставные эпизоды в виде коротких новелл типа «милетских рассказов» (ср. *met.* 1, 1). К числу предков античного романа (что касается повествовательного оформления большого по объему материала) относятся также эпос и историография, прежде всего *Одиссея* (*met.* 9, 13) и Геродот. Сатирический элемент есть в кинической традиции, но он и без того типичен для Рима.

При поверхностном рассмотрении *Метаморфозы* можно воспринять как развлекательный роман с добавлением религиозного финала, однако, если принять во внимание литературную технику, возникнет более дифференцированный образ. Контраст между магическим превращением в осла и религиозным избавлением наводит на мысль, что роман нужно

1. «Луций из Патр» (у Фотия, *cod.* 129); Н. VAN THIEL (1971, 40–42) принимает версию об авторе — представителе Второй софистики середины II в. по Р. Х. (возможно, Феникс или Филакс из Гипаты); о Лукиане думает (в духе В. Е. PERRY) N. HOLZBERG, *Apuleius und der Verfasser des griechischen Eselromans*, WJA 10, 1984, 161–177.

2. То, что роману «Луций из Патр» был дан заголовок *Метаморфозы*, с чисто теоретической точки зрения ничего не значит для характера зависимости. В *Луции* есть неясности, которые делает понятными только Апулей. Необщепринятая точка зрения (Апулей как автор и длинного греческого романа) W. DILTNEY, *Festrede Univ. Göttingen* 1879, 12.

3. О романе: Phot. *cod.* 166. 111 b; Масл. *sozn.* 1, 2, 8; из Аристидида, вероятно, четыре рассказа о супружеской неверности в кн. 9.

воспринимать как аллегорическое чудесное повествование с религиозно-пропагандистской тенденцией и одновременно как аллегорическую автобиографию; правда, это только одна сторона произведения. В любом случае, несмотря на автобиографическую оболочку, его нельзя истолковать как роман о становлении личности героя, поскольку ослу вовсе не свойствен нравственный прогресс¹.

Апулей обыгрывает и юридические² источники, ведь теперь — эпоха расцвета римской юриспруденции.

Из Платона Апулей перевел *Федона*; в традицию *Апологии* его речь встраивается уже по заглавию; *Тимей* в конечном счете стоит за космологической частью трактата *De Platone*, правда, последний непосредственно примыкает к среднеплатонической школьной традиции. Аналогично обстоит дело с *De deo Socratis*.

De mundo — вольный перевод из псевдо-Аристотеля. Уже у оригинала есть стоически-поучительный налет, напоминающий Посидония. Главы 13—14 о ветрах взяты из Геллия (2, 22). Автор укрощает свой перевод цитатами из Вергилия.

Спорный в своей подлинности трактат *Peri hermeniae* основывается в конечном счете на Аристотеле, но свидетельствует и о знании позднейшей перипатетической и стоической логики.

Литературная техника

Прием «повествования от первого лица» создает впечатление присутствия и повышает тем самым убедительность рассказа. Более того, роману, автор которого симпатизирует рассказчику, он придает «автобиографическую» ноту, подготавливающую серьезный финал. Образ Луция написан с участием; он не служит только предметом насмешки; его простодушие — в отличие от облагороженного отражения Психеи, — не проявляется эксплицитно, оно только имплицитно.

Убедительность рассказа, кроме того, подкрепляют: обстоятельное самопредставление рассказчика, показания независимых свидетелей и вообще наглядность изображения (*ἐνάγρεια*), включая временную и пространственную привязку рассказа.

1. Ошибочно E. PARATORE, *La novella in Apuleo*, Palermo 1928, как и W. WITTMANN 1938 и H. RIEFSTAHL 1938, особенно 33—36 и 95—125.

2. О шуточном характере таких элементов: H. MAENLER 1981.

Элемент *evidentia*, «очевидности», а одновременно и полновесная опора действия — вставные описания: по поводу группы Актеона (*met.* 2, 4 сл.) Апулей подчеркивает (в отличие от Овидия, *met.* 3, 138—252) лейтмотив *curiositas*¹. Есть и еще описания: дворец Амура (*met.* 5, 1) и пещера разбойников (*met.* 4, 6): мрачное место заточения и божественная резиденция контрастируют друг с другом, что соответствует функции вставной новеллы об Амуре и Психее, которая должна утешить похищенную Хариту.

Апулей дал в своем романе около двадцати более кратких вставных новелл. Все они связаны с основной сюжетной линией. Самая длинная, сказка об Амуре и Психее, построена так, что она в деталях отражает ошибку², страдание и избавление Луция.

Лейтмотив, объединяющий различные сцены романа, — неудача самоизбавления: старание осла самостоятельно овладеть спасительными розами имеет столь же дурные последствия, как и для Психеи вынужденное созерцание ее божественного супруга (*met.* 5, 22—23). Контраст между безуспешными попытками (как *met.* 3, 27) и подлинным избавлением (*met.* 11, 12—13) литературно просчитан.

Весь роман пронизывает мотив роз³. У него два аспекта: эротический и мистический. Розы — атрибут празднества любви (*met.* 2, 16, 2) и Венеры (*met.* 6, 11, 2), *roseus* — эпитет физической привлекательности (*met.* 2, 8, 13; 2, 17, 5; 4, 31, 2). Под знаком розоперстой Авроры начинается третья книга, где сообщается о превращении⁴. С другой стороны, Луцию приходится поедать розы, чтобы спастись. Между провалившейся попыткой самостоятельно сорвать розы (3, 27) и настоящим избавлением с помощью жреца Изиды (11, 12 сл.) есть случаи, когда осел добровольно отказывается от роз, чтоб спасти собственную жизнь (3, 29, 16; 4, 2). Тонко вплетенный в повествование мотив отражается и в сказочной вставке: достаточно вспомнить о розовой крови Психеи и о цветах небесной свадьбы (6, 24, 7).

В некоторых аспектах повествовательная техника сопоставима с эпической и историографической. Изящна пародия на традиционное эпическое сравнение коня (7, 16, ср. особен-

1. А. Włosok 1969, 73 сл.

2. А также *curiositas*: *met.* 5, 6, 6; 5, 19, 3; 6, 20, 5; 6, 21, 4.

3. VON ALBRECHT, Prosa 203, прим. 18.

4. О символике таких вступлений: HEINZE, V. e. T. 366—370.

но Verg. *Aen.* II, 492–497). Когда осел изображает более благородных мифических животных — быка Дирки, овна Фрикса, Арионова дельфина и даже Пегаса (6, 27–30), это граничит с травестией.

Характерна для латинского романа второстепенная роль сентиментального — это отличительный признак греческого жанра — и тонкое, слегка ироничное обращение с традиционными мотивами. Такая ирония не предполагает противоположность прямому смыслу, она лишь слегка ставит его под вопрос. Пародия как таковая тоже иногда воспринимается слишком прямолинейно: ведь роман Апулея среди прочего — диалог с литературной традицией, но он не исчерпывается пародией.

Искусно выстроенную последовательность в рассказе, служащую одновременно и косвенным средством характеристики, можно рассмотреть на примере Фотиды. Сначала воспроизводится благоприятное впечатление, которое девушка произвела на Луция; темные предчувствия даны только слабым намеком (2, 6). Затем речь — пока косвенно, но все более отчетливо — идет о физической привлекательности; Фотида в шутливой форме предостерегает Луция (2, 7). Следующая фаза — описание лица и волос и поцелуй в лоб (также не без предостережения со стороны Фотиды); наконец — объятия с пророческим словом *perii* и согласие на встречу вечером (2, 8–10).

Примесь развлекательных, захватывающих и даже пикантных эпизодов относится к числу особенностей религиозной позднеантичной литературы — развлекательной и пропагандистской; есть даже христианские примеры¹. Апулей делает из этого тривиального жанра высокую литературу.

В *Апологии* и *Флоридах* автор демонстрирует суверенное владение риторикой. Она вовсе не отсутствует в *De deo Socratis*, произведении, которое было метко названо «риторическим образчиком»². *Флориды* — независимо от того, сам ли Апулей сделал отбор, — важный шаг на пути к становлению эссеистики как литературного жанра.

1. Ср. *Деяния Павла и Феклы*.

2. J. Tatum 1979, 130.

Язык и стиль

Латынь — родной язык Апулея; не следует воспринимать буквально реплику рассказчика (*met.* 1, 1) о том, что он с трудом пишет на чужом языке. Апулей, которому свойствен плавтовский вкус к слову, создает в высшей степени дифференцированный искусственный язык с особенно богатым словарем — у него насчитывается более 250 однократных новообразований. Наряду с архаизмами и поэтическими оборотами он употребляет и слова повседневного обихода. Так, просторечны, например, *manduco* (*met.* 6, 31 «обжора») или *corium crassum* (*met.* 6, 26 «толстая кожа»). Насыщена смыслом метафора *examurcare* (*met.* 4, 14): чтобы получить хорошее масло, нужно удалить подонки. Метафоры из военной сферы (бросается в глаза применительно к матроне *met.* 7, 6 *decimo partus stipendio*, «десятью кампаниями деторождения») и области права живут полнокровной жизнью: при выборе пути для бегства осел с девушкой осуществляет процесс *viae herciscundae* («тяжбы о дороге», *met.* 6, 29). Из области эпитетов отметим *morsicantes oculi* («пожирающие глаза», *met.* 2, 10). Все это служит определенным литературным целям на различных уровнях — с намерением украсить текст, придать ему серьезное либо комическое звучание. Например, сообщение о встрече Психеи с Паном (*met.* 5, 25) благодаря архаической лексике приобретает «деревенский» характер¹.

Употребление лексики многопланово; ирония присутствует повсюду. Ее не всегда так просто уловить, как, скажем, при обозначении разбойников *mitissimi homines* («в высшей степени кроткие люди», *met.* 6, 26). Часто приходится учитывать платоновское значение слова; так, *permulcere* (1, 1) прежде всего означает развлечение (ср. Масг. *somn.* 1, 2, 8); возможно, оно восходит также к успокоительному заклинанию (*ἐπαφειν*) в смысле платоновского *Федона* 77 е². Луций и Фотида — связанные друг с другом говорящие имена, намекающие с легкой иронией

1. L. CALLEBAT, L'archaïsme dans les *Métamorphoses* d'Apulée, REL 42, 1964, 346–361; C. RONCAIOLI, L'arcaismo nelle opere filosofiche di Apuleio, GIF 19, 1966, 322–356; о языке и стиле см. также P. NEUENSCHWANDER, Der bildliche Ausdruck des Apuleius von Madaura, диссертация, Zürich 1913; P. MÉDAN, La latinité d'Apulée dans les *Métamorphoses*, Paris 1925; M. BERNHARD 1927; L. CALLEBAT, *Sermo cotidianus* dans les *Métamorphoses* d'Apulée, Caen 1968; VON ALBRECHT, Prosa 197–206; K. KRAUTTER 1971, 115–122; L. CALLEBAT, La prose d'Apulée dans le *De magia*. Eléments d'interprétation, WS NF 18, 1984, 143–167; C. STRUB 1985.

2. C. SCHLAM 1970.

на инициационную символику света (напротив, псевдо-Лукиан дает девушке прямолинейное имя Палестра). В последней книге учащается употребление мистериальных выражений (особенно плотно *met.* 11, 23). Традиционные понятия получают религиозное перетолкование: служение как истинная свобода (*met.* 11, 15), внешний и внутренний свет и тьма (*met.* 11, 22 *noctis obscurae non obscuris imperiis*, «не темными темной ночи повелениями»).

Стиль *Метаморфоз* отличается цельностью; его признаки — образное богатство и благозвучие¹. Вторая софистика², эта своеобразная смесь риторики и философии, способствует победе красочного, «азианийского» стиля: это новая фаза развития после домициановского классицизма. Апулей — «самый большой любитель рифмы среди античных писателей»³. Нередки у него антитезы; они могут служить целям религиозного увещевания: *neque vocatus morari nec non iussus festinare deberem* («ни приглашенный медлить, ни без повеления спешить я не был должен», *met.* 11, 21, 5). Четко проявляется ритмика клаузул⁴. Многие существенные черты Апулеева стиля концентрируются в самопредставлении Изиды (*met.* 11, 5)⁵. По сравнению с гимнами Изиде⁶ можно оценить значимость формальных принципов изящной прозы для апулеевской переработки.

От произведения к произведению стиль меняется⁷: ясная манера *Апологии* иногда напоминает Цицерона; возвышенная предметная проза философских трактатов нередко достигает риторических высот, но в целом отличается гораздо более «деловым» характером, чем в романе или даже во *Флоридах*. Стилистические различия осложняют установление подлинности.

Признаки стилистического развития от «неклассической» акцентуированной клаузулы в философских трактатах — если предположить раннее время их написания — к более строгому обращению с клаузулами в безусловно позднем романе уже от-

1. M. BERNHARD 1927, 255—258.

2. NORDEN, *Kunstprosa* 600—605.

3. K. POLHEIM, *Lateinische Reimprosa*, Berlin 1925, 206.

4. M. BERNHARD 1927, 249—255.

5. J. TATUM 1979, 156 сл.

6. W. PEEK, *Der Isishymnus von Andros und verwandte Texte*, Berlin 1930; V. F. VANDERLIP, *The Four Greek Hymns of Isidorus and the Cult of Isis*, Toronto 1972.

7. LÖFSTEDT, *Syntactica* 303—305.

мечали¹. Выделение хронологических и жанровых стилистических различий только начинается.

Образ мыслей I Литературные размышления

Писатель Апулей — перфекционист по убеждению. В девятом отрывке *Флорид* он пишет о тщательности и добросовестности, необходимых для духовной продукции, и он, Апулей, в этой сфере добился большего, чем Гиппий — в ремеслах. Поэтому можно воспринимать только как грандиозное самоуничижение то, что во введении к *Метаморфозам* он встраивается в традицию «Милетских рассказов» — тривиальной литературы². Он думает при этом о переносе греческого жанра в латинскую языковую среду. Его цель, правда, не только поразить (*ἐκπληξίς*), но и доставить удовольствие (*laetebaris: met. 1, 1; ἡδονή*). То, что развлечение не единственная цель, становится совершенно понятно только в последней книге.

Образ мыслей II

Внутренняя цельность — насколько свойственна она мышлению нашего автора? В *Апологии* Апулей различает два вида любви, земную и небесную: первая связывает, вторая — освобождает. Эта мысль открывает и подступ к *Метаморфозам*.

Апулей, конечно, не философ в прямом смысле слова. Его философские произведения, не являющиеся строго научными, свидетельствуют о проникновении в философскую мысль религиозной струи. Автор представляет Вторую софистику, он — нечто среднее между «*homo religiosus*», «африканским Сократом»³ и «шоуменом». По сравнению с академиком Цицероном видно изменение платонизма: скепсис уходит на задний план, а приоритет отдается вере. Религия — также и венец философского поиска.

Поэтому Апулей самоопределяется как *philosophus Platonicus*

1. F. REGEN, GGA 229, 1977, особенно 188 с прим. 9 сл.; об «акцентуирующих» аспектах прозаического ритма: В. AXELSON, Akzentuierender Klauselrhythmus bei Apuleius, *De Platone und De mundo*, Lund 1952 (см. там же лит.).

2. C. S. WRIGHT, «No Art at All». A Note on the Prooemium of Apuleius' *Metamorphoses*, CPh 68, 1973, 217—219.

3. J. TATUM 1979, 105—134.

(*apol.* 10; 64; *flor.* 15, 26). Рассказчик в его романе происходит с материнской стороны от «знаменитого философа» Плутарха (*met.* 1, 2). *Curiositas* Луция вовлекает его в «слишком земное»; он пытается проникнуть в те области, которые закрыты для человека. В сохранившемся греческом тексте *Луций, или Осел curiositas* (περιεργία) — лишь одно из средств характеристики¹, у Апулея это качество становится лейтмотивом всего произведения. При этом Фотида играет роль магического мистагога в отрицательном смысле; превращение в осла — перверсия инициации. Жажда знаний героя сначала распространяется на магию, якобы ключ к познанию иного мира. Но описанные в романе события — суд над его взглядами².

Религия Изиды оказывается *sobria* и *purissima religio*, «трезвой» и «чистейшей»; по Плутарху (*De Is. et Osir.* 352 a–c) она свободна от предрассудков (δεισιδαιμονία) и самонадеянного любопытства (περιεργία, *curiositas*). Изида — всевидящая и озаряющая богиня (*met.* 11, 15). В мистериальном посвящении после времени созерцания философия достигает своего венца³; для Плутарха (*ibid.* 382 cd), как и для Апулея (*met.* 11, 23 *nocte media vidi solem candido coruscantem lumine*, «среди ночи я увидел солнце, блистающее ясным светом»), посвящение сходно с внезапным просветлением в духе *седьмого письма* Платона (344 b); Апулей изображает божественный опыт Платона как внезапную вспышку в густой темноте (Socr. 3). Не известно, полемизировал ли он с христианством.

До сих пор мы мало говорили о боге, который для Апулея относится к числу важнейших: *deus Risus*, «бог Смех». У Апулея хорошее чувство юмора. Его произведение предназначено для того, чтобы опровергнуть предрассудок северных стран, будто философия и религия несовместимы с наслаждением.

Традиция

Бокаччо завладевает рукописью из Монте Кассино, ныне *Mediceus Laurentianus plut.* 68, 2 (F), XI в., содержащий кроме Тацита (*ann.* 11–16; *hist.* 1–5) три основных произведения Апулея. Этот кодекс, который, как доказывают подписи, восходит к утраченной позднеантич-

1. По крайней мере 15; 45; 56, то есть в самые важные моменты.

2. P. G. WALSH 1970, 180.

3. A. WLOSOK 1969, 72 сл. (*curiositas*); 81–84 (философия).

ной рукописи конца IV в. — архетип нашей традиции для *Метаморфоз*, *Апологии* и *Флорид*.

Другую группу образуют *Socr.*, *Ascl.*, *Plat.* и *mund.* Для этих произведений архетип утрачен. Ценен и происходящий из Cues Bruxellensis 10054/6 (B), XI в., и Nederlandensis Leidensis Vossianus 4° 10 (N), XI в.; в основном рукописи распадаются на три класса, среди которых первый не обладает полным преимуществом¹.

Влияние на позднейшие эпохи

Двойственность традиции соответствует и истории воздействия. Более широкая сохранность философских трактатов — в том числе и апокрифов — соответствует их значению в эпоху средневековья; роман, более привлекательный для Нового времени, повис буквально на волоске².

Позднеантичные и средневековые авторы серьезно воспринимают Апулея как философа-платоника³, так что, скажем, Макробий (*somn.* 1, 1) удивляется тому, что тот же самый автор написал еще и роман. Без сомнения, Апулей проделал предварительную работу для восприятия платонизма на Западе, и не только своими удобочитаемыми латинизациями; в его исполнении платоническое содержание в оболочке религии

1. Теперь см. BEAUJEU, изд., Apulée, opuscules philosophiques... et fragments, Paris 1973, xxxv—xlv; кроме того, G. AUGELLO, Studi apuleiani. Problemi di testo e loci vexati delle *Metamorfosi*, Palermo 1977; F. REGEN, Der codex Laurentianus, pluteus 51, 9. Ein bisher vernachlässigter Textzeuge der Apuleischen Schrift *De deo Socratis*, Göttingen 1985; ср. также L. PERE, Un nuovo codice di Apuleio del sec. XI (Bibl. Comun. Assisi n. 706), GIF 4, 1951, 214—225.

2. С *Золотым ослом* погибли бы и крупные произведения Тацита; параллельные случаи хрупкой традиции — любимцы Нового времени Лукреций и Катулл; о влиянии на позднейшие эпохи: E. H. HAIGHT, Apuleius and his Influence, New York 1927; Ph. BRUNEAU, Illustrations antiques... de Lucien (и Апулей), BCH 89, 1965, 349—357; C. DEMPSEY, The Textual Sources of Poussin's *Marine Venus* in Philadelphia (Apuleius), JWI 29, 1966, 438—442; K. KRAUTER 1971 (о Бероальде); C. MORESCHINI, Sulla fama di Apuleio nella tarda antichità, в: Romanitas et Christianitas. Studia J. H. WASZINK, Amsterdam 1973, 243—248; A. SCOBIE, The Influence of Apuleius' *Metamorphoses* on Some French Authors 1518—1843, Arcadia 12, 1977, 156—165; V. C. LÓPEZ, Apuleyo y Cervantes. Unidad y pluralidad en el mundo antiguo, Actas dei VI congreso español de estudios clásicos (Sevilla 1981), Madrid 1983, т. 2, 199—204; J. F. D' AMICO, The Progress of Renaissance Latin Prose: The Case of Apuleianism, Renaissance Quarterly 37, 1984, 351—392; L. BOCCIOLINI PALAGI, Suggestioni apuleiane nella *Mandragola* di Niccolò Machiavelli, A&R NS 31, 159—170.

3. Например, Aug. *civ.* 4, 2 (о *mund.* как произведении Апулея); 8, 14—18 (о *Socr.*); 8, 23—26 (об *Ascl.* как произведении Апулея); 18, 18 (о *met.*); ср. также главы, посвященные Отцам Церкви.

избавления без труда воспринимается христианами и пересаживается на новую почву. В литературном отношении сочетание автобиографической формы и религиозного обращения в *Метаморфозах* — важный стимул написания христианских *Исповедей*.

Демонология *De deo Socratis* обладает определенной прелестью для христиан эпохи поздней античности и средневековья; превращения (например, Апулея в осла) для серьезного Августина объясняются не физически, а психологически — как демоническое наваждение (*civ.* 18, 18)¹.

Приписанный Апулею трактат *Peri hermeniae* — звено в цепочке формально-логической традиции от школы Аристотеля и стоиков до латинского Запада.

Иоанн из Солсбери († 1180 г.) начинает свой обзор античной философии с Пифагора и заканчивает его Апулеем (*Policratus* 7). В XII в., когда с новой энергией пытаются понять природу, Бернард Сильвестр черпает свои философские познания во многом и из Апулея².

Боккаччо († 1375 г.) знаком с литературными произведениями Апулея и заимствует пикантные новеллы для *Декамерона*³. С наступлением Нового времени на первый план, оттеснив Апулея-философа, выходит Апулей-рассказчик.

Даже его стиль на какой-то момент становится предметом подражания: в противоположность Цицеронианству или Квинтилиановской эклектике начиная с Беральда Старшего († 1505 г.) появляется архаизирующее «апулеянское» течение.

Боярдо († 1494 г.) переводит *Метаморфозы* на итальянский язык; за ним следуют переложения на французский Гийома Мишеля (1517; напечатано в 1522 г.), на немецкий Иоганна Зидера (1538 г.) и на английский Т. Эдлингтона (1566 г.). Творчество Апулея не замедлило оплодотворить плутовской роман Нового времени: *Дон Кихот* Сервантеса († 1616 г.) воскрешает Апулеевы приключения с бурдюками, *Simplicissimus* Гриммельсхаузена († 1676 г.) подчеркивает простодушие Психеи даже и в заглавии, *Жиль Блаз* Лесажа († 1747 г.), как и Луций, попадает в плен к разбойникам, а Лафонтен († 1695 г.) поэтизирует

1. *Phantasticum* (способная к представлению душа, которая во время глубокого сна покидает тело) другим видна как бы в телесной оболочке.

2. *De mundi universitate*; см. В. Сток, *Myth and Science in the Twelfth Century*, Princeton 1972, 20.

3. *Dec.* 7, 2 (*met.* 9, 5—7); 5, 10 (*met.* 9, 22—28).

фарсовую новеллу в *Contes et nouvelles en vers* (ср. особенно *met.* 9, 5–7); написанный им в форме диалога (частично в стихах) роман *Les amours de Psyché et Cupidon* мило высмеивает женские слабости. Английская стихотворная версия сказки (1637 г.) принадлежит перу Шекерлея Мэрмиона († 1639 г.). Новолатинский писатель, приверженец Лютера Иоганн Людвиг Праш († 1690 г.) в традиции раннего аллегоризирования рассказа о Психее создает в Регенсбурге одноименный образ как иллюстрацию души, которая, преодолев искушения мира, восходит на небеса¹. В эпоху Гёте был создан еще и сегодня популярный немецкий перевод *Метаморфоз* Августа (фон) Роде († 1837 г.).

Александр Пушкин († 1837 г.) оценивает нашего автора великолепным афоризмом: «Читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал». В средней и северной Европе, обнаружившей в Амуре и Психее своеобразное внутреннее напряжение между аскетически-христианской и чувственно-языческой культурой, часто скрещиваются пути литературы и изобразительного искусства (Канова, Торвальдсен). Для Генриха Гейне († 1856 г.) и Конрада Фердинанда Майера († 1898 г.) Психея становится предметом лирического воплощения, для датчанина Фредерика Палудана-Мюллера († 1876 г.) — драматического, а для Роберта Хамерлинга († 1889 г.) — эпического. Спасение пловчихи в новелле Теодора Шторма († 1888 г.) *Психея* обусловлено *met.* 5, 25. В Англии эта сказка привлекает блистательные умы: Элизабет Баррет Браунинг († 1861 г.), Уильяма Морриса († 1896 г.)² и Уолтера Пэтера († 1894 г.)³. Гюстав Флобер († 1880 г.) улавливает у Апулея «запах ладана и мочи, зверство в сочетании с мистицизмом»⁴. *Шагреновая кожа* Оноре де Бальзака († 1850 г.) дальше от Апулея, чем короткие романы (*De verliefde ezels* и *Psyche*) короля нидерландских поэтов Луи Куперуса († 1923 г.), чей утонченнейший музыкальный язык близок Апулею⁵.

Влияние нашего автора охватывает весь творческий диапазон от эстетических вершин и до фольклора. С распространением текстов умножается его воздействие на народную сказку, приводящее в отчаяние исследователей ее источников.

1. *Psyche cretica*; нем. перевод Leipzig 1705.

2. *The Earthly Paradise*.

3. *Marius the Epicurean*.

4. CONTE, LG 569.

5. Отметим также Карла Микеля с его обработкой апулеевского материала «Das Halsgesicht».

Издания: Io. Andreas DE BUXIS, епископ Алерии, напеч. у С. SWEYNHEIM и А. PANNARTZ, Roma 1469. * F. OUDENDORP (ТК), 3 тт., Lugduni Batavorum 1786–1823. * G. F. HILDEBRAND (ТК, Ind.), 2 тт., Lipsiae 1842, перепечатка 1968. * R. HELM, С. MORESCHINI (Т), 3 тт. (см. отдельные изд.). * *apol.*, *flor.*: P. VALLETTE (ТП), Paris ²1960. * R. HELM, перераб. G. C. HANSEN (ТППр), Berlin 1977. * *apol.*: R. HELM, Lipsiae 1905, ²1912, перепечатка (с Addenda) 1959, ⁶1994. * H. E. BUTLER, A. S. OWEN (ТК), Oxford 1914, перепечатка 1967. * С. MARCHESI (ТК), Città di Cast. 1914. * *flor.*: R. HELM, Lipsiae 1910, перепечатка (с Addenda) 1959, перепечатка 1993. * *met.*: Ph. BEROALDUS (ТК), Bononiae 1500. * R. HELM, Lipsiae 1907, ³1931, ⁷1968 (с Add.), перепечатка 1992. * H. E. BUTLER (ТППр), 2 тт., Oxford 1910. * С. GIARRATANO, Torino 1929, перераб. P. FRASSINETTI, Torino 1960, ²1961. * D. S. ROBERTSON (Т), P. VALLETTE (П), 3 тт., Paris 1940–1945, I ²1956, II ³1958, III ²1956. * R. HELM, W. KRENKEL (ТППр), Berlin ⁶1970. * E. BRANDT, W. EHLERS (ТППр), München ³1980 (улучш.), ⁴1989. * J. A. HANSON (ТП), 2 тт., Cambridge, Mass. 1989. * С. FISCHER, В. KYTZLER (ТППр), München 1990. * A. RODE, R. HELM, W. HAUPT (ТП), Leipzig ⁵1991. * P. G. WALSH (ПК), Oxford 1994. * *met.* 1: M. MOLT (К), диссертация, Groningen 1938. * A. SCOBIE (К), Meisenheim 1975. * *met.* 2: B. J. DE JONGE, диссертация, Groningen 1941. * *met.* 3: R. T. VAN DER PAARDT (ТК), Amsterdam 1971. * *met.* 4–6: L. CALLEBAT (ТП), Paris ⁷1992. * *met.* 4, 1–27: B. L. HIJMANS, jr., R. Th. VAN DER PAARDT, E. R. SMITS, R. E. H. WESTENDORP BOERMA, A. G. WESTERBRINK (ТК), Groningen 1977. * *met.* 4, 28–6, 24: F. NORDEN (ТК), Leipzig 1903. * L. C. PURSER (ТК), London 1910. * P. GRIMAL (ТК), Paris 1963. * E. J. KENNEY (ТПК), Cambridge 1990. * *met.* 5: J. M. H. FERNHOUT (К), диссертация, Groningen, Middelburg 1949. * *met.* 6, 25–32 и *met.* 7: B. L. HIJMANS, jr., R. Th. VAN DER PAARDT, V. SCHMIDT, R. E. H. WESTENDORP BOERMA, A. G. WESTERBRINK (ТК), Groningen 1981. * *met.* 8: B. L. HIJMANS, jr., R. Th. VAN DER PAARDT, V. SCHMIDT, C. B. J. SETTELS, B. WESSELING, R. E. H. WESTENDORP BOERMA (ТК), Groningen 1985. * *met.* n: J.-C. FREDOUILLE (ТК), Paris 1975. * J. G. GRIFFITHS (ТПК), Leiden 1975. * *Философские произведения:* С. MORESCHINI, Stutgardiae 1991. * *Socr.*, *Plat.*, *mund.*, *frgt.*: J. BEAUJEU (ТПК), Paris 1973. * *Socr.*: G. BARRA, U. PANNUTI (ТПК), AFLN 10, 1962–1963, 81–141. * R. DEL RÉ (ТППр), Roma 1966. * *Plat.*: P. SINISCALCO (ТК), K. ALBERT (П), St. Augustin 1981. * *herm.*: M. BALDASSARRI (ТПК), Como 1986. * *Ps.-Apul. Ascl.*: A. D. NOCK, *Hermetica* 2, 257–401; греческий оригинал (с гл. 41) K. PREISENDANZ, *Pap. Gr. mag.* 3, 591–609. * *herb.* (V в.): E. HOWALD, H. E. SIGERIST, *CML* 4, 1927, 13–225. * *physiognom.*: R. FÖRSTER, *Scr. physiogn. Gr. et Lat.* 2, 1893, 3–145. * *rem. sal.*: S. M. HAUPT, *Opusc.* 3, 466 сл. ** *Index:* W. A. OLDFATHER, H. V. CANTER, B. E. PERRY, *Index Apuleianus*, Middletown, Conn. 1934. * Ph. FLEURY, M. ZUINGHEAU, *Concordantia in Apuleii Apologiam et Florida*, Hildesheim (в проекте). ** *Библ.*: С. С. SCHLAM, *The Scholarship on Apuleius since 1938*, *CW* 64, 1971, 285–309. * G. N. SANDY, *Recent Scholarship on the Prose Fiction of Classical Antiquity*, *CW* 67, 1974, 321–360. * См. также ежегодные *Groningen Colloquia on the Novel*.

A. АВТ, Die *Apologie* des Apuleius von Madaura und die antike Zaubererei, Gießen 1908, 75–345. * K. ALPERS, Innere Beziehungen und Kontraste als «hermeneutische Zeichen» in den *Metamorphosen* des Apuleius von Madaura, WJA NF 6a, 1980, 197–207. * B. BALDWIN, Apuleius, Tacitus, and Christians, *Emerita* 52, 1984, 1–3. * M. BANDINI, Il modello della metamorfosi ovidiana nel romanzo di Apuleio, *Maia* NS 38, 1986, 33–39. * J. BEAUJEU, Sérieux et frivolité au II^e siècle de notre ère: Apulée, BAGB 4, 1, 1975, 83–97. G. BECHTLE, The Adultery-Tales in the Ninth Book of Apuleius' *Metamorphoses*, *Hermes* 123, 1995, 106–116. * M. BERNHARD, Der Stil des Apuleius von Madaura, Stuttgart 1927. * G. BIANCO, La fonte greca delle *Metamorfosi* di Apuleio, Brescia 1971. * G. BINDER и R. MERKELBACH, изд., Amor und Psyche (Sammelband), Darmstadt 1968 (= WdF 126). * L. CALLEBAT, Formes et modes d'expression dans les œuvres d'Apulée, ANRW 2, 34, 2, 1994, 1600–1664. * U. CARRATELLO, Apuleio morì nel 163–164?, GIF 16, 1963, 97–110. * G. COOPER, Sexual and Ethical Reversal in Apuleius. The *Metamorphoses* as Anti-Epic, в: *Studies in Latin Literature and Roman History* 2, Bruxelles, Latomus 1980, 436–466. * H. DAHLMANN, Ein Gedicht des Apuleius? (Gell. 19, 11), AAWM 1979, 8, 3–18. * R. DE SMET, Lucius and Photis in Apuleius' *Metamorphoses*, Latomus 46, 1987, 613–623. * M. DIBELIUS, Die Isisweihe bei Apuleius und verwandte Initiations-Riten, SHAW 1917, 4, 1–54. * F. DORNSEIFF, Lukios' und Apuleius' *Metamorphosen*, *Hermes* 73, 1938, 222–233. * K. DOWDEN, Apuleius and the Art of Narration, CQ NS 32, 1982, 419–435. * G. C. DRAKE, *Candidus*. A Unifying Theme in Apuleius' *Metamorphoses*, CJ 64, 1968, 102–109. * M. J. EDWARDS, The Proem to Apuleius' *Metamorphoses*, *Hermes* 121, 1993, 375–377. * D. FEHLING, Amor und Psyche. Die Schöpfung des Apuleius und ihre Einwirkung auf das Märchen. Eine Kritik der romantischen Märchentheorie, Wiesbaden 1977. * M. G. FERRARI, Aspetti di letterarietà nei *Florida* di Apuleio, SIFC 40, 1968, 85–147; 41, 1969, 139–187. * G. FRY, Philosophie et mystique de la destinée. Etude du thème de la Fortune dans les *Métamorphoses* d'Apulée, QUCC NS 18, 3, 1984, 137–170. * G. F. GIANOTTI, «Romanzo» e ideologia. Studi sulle *Metamorfosi* di Apuleio. Napoli 1986. * T. HÄGG, The Novel in Antiquity, Oxford 1983 (dt. 1987). * J. HANI, *L'Âne d'or* d'Apulée et l'Égypte, RPh 47, 1973, 274–280. * C. HARRAUER, *Lector, intende, laetaberis*, WS NF 17, 1983, 126–136. * S. L. HARRISON, Apuleius' *Metamorphoses*, в: G. SCHMELING, изд., The Novel in the Ancient World, Leiden 1996, 491–516. * J. R. HEATH, Narration and Nutrition in Apuleius' *Metamorphoses*, *Ramus* 11, 1982, 57–77. * R. HEINE, Untersuchungen zur Romanform des Apuleius von Madaura, диссертация, Göttingen 1962. * S. HELLER, Apuleius, Platonic Dualism, and Eleven, *AJPh* 104, 1983, 321–339. * R. HELM, Der antike Roman, Göttingen 1956. * B. L. HIJMANS, jr., and R. T. VAN DER PAARDT, изд., *Aspects of Apuleius' Golden Ass*. A Collection of Original Papers, Groningen 1978. * B. L. HIJMANS, jr., V. SCHMIDT, изд., *Symposium Apuleianum Groningianum* (1980), Groningen 1981. * B. L. HIJMANS, jr., Apuleius, Philosophus Platonicus, ANRW 2, 36, 1, 1987, 395–475. * B. L. HIJMANS, jr., Apuleius orator: *pro se de magia*

and *Florida*, ANRW 2, 34, 2, 1994, 1708–1784. * F. E. HOEVELS, Märchen und Magie in den *Metamorphosen* des Apuleius von Madaura, Amsterdam 1979. * N. HOLZBERG, Apuleius und der Verfasser des griechischen Eselsromans, WJA NF 10, 1984, 161–177. * N. HOLZBERG, Der antike Roman, München 1986. * R. W. HOOPER, Structural Unity in the *Golden Ass*, Latomus 44, 1985, 398–401. * P. M. HUBY, Apuleius and Theophrastus' Fifth «Indemonstrable» Mood, LCM 2, 7, 1977, 147–148. * W. HÜBNER, Autobiographie und Metamorphose, Jahrbuch der Universität Augsburg 1985, 161–170. * P. JAMES, Unity in Diversity. A Study of Apuleius' *Metamorphoses* with Particular Reference to the Narrator's Art of Transformation and the Metamorphosis Motif in the Tale of Cupid and Psyche, Hildesheim 1987. * C. P. JONES, Apuleius' *Metamorphoses* and Lollianus' *Phoinikika*, Phoenix 34, 1980, 243–254. * P. JUNGHANS, Die Erzähltechnik von Apuleius' *Metamorphosen* und ihrer Vorlage, Leipzig 1932. * P. KRAFFT, Apuleius' Darstellung der *providentia tripartita*, MH 36, 1979, 153–163. * G. KRANZ, Amor und Psyche. Metamorphose eines Mythos bei C. S. Lewis, Arcadia 4, 1969, 285–299. * K. KRAUTTER, Philologische Methode und humanistische Existenz. Filippo Beroaldo und sein Kommentar zum *Goldenen Esel* des Apuleius, München 1971. * H. KUCH, изд., Der antike Roman, Berlin 1989, особенно (H. JOHNE) 212–215. * A. LABHARDT, *Curiositas*. Notes sur l'histoire d'un mot et d'une notion, MH 17, 1960, 206–224. * A. LA PENNA, Una novella di Apuleio e l'*Iniipersis* virgiliana, Maia NS 37, 1985, 145–147. * A. LESKY, Apuleius von Madaura und Lukios von Patrai, Hermes 76, 1949, 43–74 (= Ges. Schr., Bern 1966, 549–578). * D. LONDEY, C. JOHANSON, The Logic of Apuleius, Leiden 1987. * A. LUMPE, Die Logik des Pseudo-Apuleius. Ein Beitrag zur Geschichte der Philosophie, Augsburg 1982. * H. MAEHLER, Lucius the Donkey and Roman Law, MPHL 4, 1981, 161–177. * R. MARTIN, De Plutarque à Apulée. Le sens de l'expression *Asinus aureus* et la signification du roman apuléien, REL 48, 1970, 332–354. * H. J. MASON, The Distinction of Lucius in Apuleius's *Metamorphoses*, Phoenix 37, 1983, 135–143. * H. J. MASON, Physiognomy in Apuleius' *Metamorphoses* 2, 2, CPh 79, 1984, 307–309. * G. A. MEGAS, Das Märchen von Amor und Psyche in der griechischen Volksüberlieferung, Athen 1971. * R. MERKELBACH, Roman und Mysterium in der Antike, München 1962. * H. J. METTE, *Curiositas*, B: FS B. SNELL, München 1956, 227–235. * F. MILLAR, The World of the Golden Ass, JRS 71, 1981, 63–75. * C. MORESCHINI, Studi sul *De dogmate Platonis* di Apuleio, Pisa 1966. * C. MORESCHINI, Apuleio e il platonismo, Firenze 1978. * R. MORTLEY, Apuleius and Platonic Theology, AJPh 93, 1972, 584–590. * K. MRAS, Apuleius' *Florida* im Rahmen ähnlicher Literatur, AAWW 86, 1949, 205–223. * S. MÜLLER, Das Verhältnis von Apuleius' *De mundo* zu seiner Vorlage, Leipzig 1939. * R. F. NEWBOLD, Nonverbal Communication in the *Satyricon* and in Apuleius' *Metamorphoses*, QUCC NS 41, 2, 1992, 127–136. * F. NORDEN, Apulejus von Madaura und das römische Privatrecht, Leipzig 1912. * A. PENNACINI, P. L. DONINI, T. ALIMONTI, A. MONTEDURO ROCCAVINI, Apuleio letterato, filosofo, mago, Bologna 1979. * L. PEPE (изд.), Semiotica della

novella latina. Atti del seminario interdisciplinare «La novella latina» Perugia 1985, Roma 1986 (с многочисленными материалами об Апулее). * B. E. PERRY, An Interpretation of Apuleius' *Metamorphoses*, TAPhA 57, 1926, 238—260. * B. E. PERRY, The Ancient Romances. A Literary-Historical Account of their Origins, Berkeley 1967. * B. M. PORTOGALLI, Sulle fonti della concezione teologica e demonologica di Apuleio, SCO 12, 1963, 227—241. * J. REDFORS, Echtheitskritische Untersuchung der apuleischen Schriften *De Platone* und *De mundo*, Lund 1960. * F. REGEN, Apuleius philosophus Platonius. Untersuchungen zur *Apologia (De magia)* und zu *De mundo*, Berlin 1971. * R. REITZENSTEIN, Das Märchen von Amor und Psyche bei Apuleius, Leipzig, Berlin 1912. * H. RIEFSTAHL, Der Roman des Apuleius, Frankfurt 1938. * E. RONDE, Der griechische Roman und seine Vorläufer, Darmstadt 1960 (предисловие К. KERÉNYI). * G. N. SANDY, Apuleius' *Metamorphoses* and the Ancient Novel, ANRW 2, 34, 2, 1994, 1511—1574. * C. SCHLAM, Platonica in the *Metamorphoses* of Apuleius, TAPhA 101, 1970, 477—487. * C. SCHLAM, Cupid and Psyche. Apuleius and the Monuments, University Park, Pennsylvania, 1976. * C. C. SCHLAM, The *Metamorphoses* of Apuleius on Making an Ass of Oneself, London 1992. * E. SCHWARTZ, Fünf Vorträge über den griechischen Roman. Mit einer Einführung von A. REHM, Berlin 1943. * A. SCOBIE, Aspects of the Ancient Romance and its Heritage. Essays on Apuleius, Petronius, and the Greek Romances, Meisenheim 1969. * A. SCOBIE, More Essays on the Ancient Romance and its Heritage, Meisenheim 1973. * A. SCOBIE, Apuleius and Folklore, London 1983. * R. A. SEELINGER, Spatial Control: A Reflection of Lucius' Progress in the *Metamorphoses*, TAPhA 116, 1986, 361—367. * Semiotica della novella latina. Atti del Seminario interdisciplinare «La novella latina» (Perugia), Roma 1986. * N. SHUMATE, Crisis and Conversion in Apuleius' *Metamorphoses*, Ann Arbor 1995. * M. SIMON, Apulée et le christianisme, Mélanges d'histoire des religions offerts à H.-Ch. Puech, Paris 1974, 299—305. * W. S. SMITH, jr., The Narrative Voice in Apuleius' *Métamorphoses*, TAPhA 103, 1972, 513—534. * W. S. SMITH, Style and Character in the *Golden Ass*: «Suddenly an Opponent Appearance», ANRW 2, 34, 2, 1994, 1575—1599. * S. STABRYLA, The Functions of the Tale of Cupid and Psyche in the Structure of the *Metamorphoses* of Apuleius, Eos 61, 1973, 261—272. * C. STRUB, Die *Metamorphosen* des Apuleius als Tiergeschichte. Sprache, Sexualität, Essen und Lucius' «Prozeß der Zivilisation», WJA NF 11, 1985, 169—188. * M. W. SULLIVAN, Apuleian Logic. The Nature, Sources, and Influence of Apuleius' *Peri Hermeneias*, Amsterdam 1967. * R. G. SUMMERS, Roman Justice and Apuleius' *Metamorphoses*, TAPhA 101, 1970, 511—531. * R. G. SUMMERS, Apuleius juridicus, Historia 21, 1972, 120—126. * R. G. SUMMERS, A Note on the Date of the *Golden Ass*, AJPh 94, 1973, 375—383. * J. TATUM, Apuleius and the *Golden Ass*, Ithaca, London 1979. * H. VAN THIEL, Der Eselsroman, 2 ТТ. (1: Untersuchungen, 2: Synoptische Ausgabe), München 1971 и 1972. * P. VALLETTE, L'*Apologie* d'Apulée, Paris 1908. * P. G. WALSH, The Roman Novel. The *Satyricon* of Petronius and the *Metamorphoses* of Apuleius, London, Cambridge U. P. 1970. * P. G.

WALSH, Apuleius and Plutarch, в: Neoplatonism and Early Christian Thought. Essays in Honour of A. H. ARMSTRONG, London 1981, 20—32. * F. WEHRLI, Einheit und Vorgeschichte der griechisch-römischen Romanliteratur, MH 22, 1965, 133—154. * O. WEINREICH, Das Märchen von Amor und Psyche und andere Volksmärchen im Altertum, в: L. FRIEDLÄNDER, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms, т. 4, Leipzig⁹⁻¹⁰1921, 89—132. * J. J. WINKLER, Auctor et actor. A Narratological Reading of Apuleius's *The Golden Ass*, Berkeley, Los Angeles 1985. * T. N. WINTER, The Publication of Apuleius' *Apology*, TAPhA 100, 1969, 607—612. * W. WITTMANN, Das Isisbuch des Apuleius. Untersuchungen zur Geistesgeschichte des 2. Jh., Stuttgart 1938. * A. WLOSOK, Zur Einheit der *Metamorphosen* des Apuleius, Philologus 113, 1969, 68—84. * J. R. G. WRIGHT, Folk-tale and Literary Technique in *Cupid and Psyche*, CQ 21, 1971, 273—284.

Д. СПЕЦИАЛЬНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. АВТОРИТЕТЫ РИМСКОЙ ШКОЛЫ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Грамматики и метрики

Велики заслуги грамматиков в сохранении непрерывности в античном и средневековом образовании. Потому на их занятия следует обратить внимание и историку литературы. Известные ученые IV—VI вв., ставшие столпами школьной традиции, стоят на плечах многочисленных предшественников, в свою очередь продолжающих дело ученых эпохи ранней Империи и поздней республики.

Л. Цезеллий Виндекс — вероятно, в правление Адриана — занимается древней латынью; из его *Antiquae lectiones* (произведения, композиционно выстроенного по буквам) до нас дошли выдержки у Кассиодора.

Кв. Теренций Скавр — самый авторитетный грамматик в правление Адриана. Среди прочего он комментирует Горация. К сожалению, сохранились только два малых трактата *De orthographia*. Скавр испытал варроновское влияние. Утрачена его полемика с Цезеллием.

От Велия Лонга до нас дошла работа об орфографии.

Г. Сульпиций Аполлинарий из Карфагена — наставник Геллия; его ученые труды в эпистолярной форме погибли; сохранились *Periochae* к Теренцию.

К концу II в. нужно приурочить творчество грамматиков, которых не упоминает Геллий, но позднее их цитируют с уважением:

Эмилий Аспр (возможно, ок. конца II в.) написал комментарии (утраченные) к Теренцию, Саллюстию и Вергилию. Приписываемые ему *Artes* неподлинны. Его высоко ценили Донат, Авзоний и Августин.

К той же эпохе относится творчество Флавия Капра; произведения, известные под его именем, в этой форме, по-видимому, не были им написаны. Это мост между Пробом и ис-

пользовавшим его Юлием Романом. Еще Присциан ценит его высоко.

В конце II в. жил, вероятно, и Статилий Максим, который исправил речи Цицерона и отметил для него (и для Катона) лишь один раз встречающиеся слова (*singularia*).

Геления Акрона (возможно, ок. 200 г.) используют Юлий Роман и Порфирион. Утрачены его комментарии к Теренцию (*Ad.; Eun.*) и Горацию. Сохранившиеся псевдоакроновские схолии к Горацию Порфирион дополняет по Светонию и другим источникам, в том числе и по Акрону.

Помпоний Порфирион (вероятно, начало III в.) — автор дошедшего для нас в сокращенном виде школьного комментария к Горацию. Для комментатора важны не столько реалии, сколько манера, грамматические конструкции и поэтическая красота; комментарий дает представление и об античном школьном литературоведении.

Г. Юлий Роман (примерно III в.) — источник Харисия; утраченные Ἀφορμαί были посвящены частям речи, падежам и орфографии. В каждом конкретном случае изложение общего правила сопровождалось алфавитными списками слов с подтверждающими толкование цитатами. Харисий, который во многом обязан ему своей ученостью, был единственным, надо полагать, кто его использовал.

Сацердот (конец III в.) в сохранившихся текстах рассматривает вопросы грамматики и метрики, он, похоже, внес свой вклад в краткую форму изложения этих предметов в поздней античности¹; произведение Юбы о метрике (самое раннее конца II в.) до нас не дошло.

Ученик Сацердота — Коминиан², который обогащает схему школьной грамматики (что-то вроде извлечений из Скавра) элементами, заимствованными у Реммия Палемона, чтобы дать нечто новое и начинающим, и уже сделавшим определенный прогресс. Произведение Коминиана растворяется в труде Харисия, оказавшего влияние на средневековую науку под именем Коминиана.

1. P. L. SCHMIDT, HLL 5, § 522, 3.

2. P. L. SCHMIDT, HLL 5, § 523, 1.

Ноний Марцелл

Африканец Ноний Марцелл живет после II и до V в.: он использует Апулея и Геллия; Присциан упоминает Нония.

Его (очевидно, незаконченный, и, наверное, изданный по-смертно) суммарный труд *De compendiosa doctrina* в 20 книгах¹ или «главах», не одинаковых по объему, подразделяется на более длинную языковую (кн. 1—12) и более короткую предметную часть (13—20). 16-я книга (об обуви) утрачена.

В первой части особенно велика *четвертая книга* (она одна занимает средний том тойбнеровского трехтомника). Ее тема — многозначность слов, которые расположены в алфавитном порядке (*per litteras*). Тот же самый композиционный принцип господствует в книгах 2 и 3.

Во второй части автор отдал предпочтение композиции по тематическим областям: корабли (кн. 13), одежда (14) и ее цвета (17), посуда (15), пища и питье (18), оружие (19), обозначения родства (20); эта книга — самая короткая — занимает полстраницы.

Предмет словарной статьи, как правило, определяется или объясняется синонимом; затем идут (кроме 20-й книги) подтверждающие цитаты из древнелатинских авторов (их список внушает уважение)²; также привлекается склонный к архаизации Вергилий, но не «новомодный» Катулл. Даже если иногда Ноний работает неряшливо, мы обязаны ему бесценными цитатами, прежде всего из Луцилия, Варрона и драматических поэтов; к сожалению, отрывки из произведений — в соответствии с лексическим характером труда — по большей части очень коротки. Как промежуточный источник свою роль сыграл Геллий.

У пресловутой глупости Нония³ есть своя хорошая сторона: в последовательности цитирования авторов проявляется уди-

1. Труды в 20 книгах, кроме того, мы обнаруживаем у Феста, Геллия и Исидора.

2. Плавт, Лукреций, Невий, Акций, Помпоний, Новий, Луцилий, Энний, Турпилий, Пакувий, Цицерон, Варрон, Саллюстий, Афраний, Вергилий, Теренций, Сизенна, некоторые грамматики.

3. *Fatuus ille*, «этот дурак» (R. BENTLEY к Ног. *sat.* 1, 2, 129); книгу 9 SCHANZ, LG 4, 1, 143, 2 называет «особенно поучительным примером глупости Нония», вероятно потому, что уже в начале род. п. мн. ч. на — *um* описывается как «винительный падеж единственного числа вместо родительного множественного». Впрочем, Ноний ни в коей мере не является специалистом по индоевропейскому языкознанию.

вительная закономерность. Точное исследование достаточно последовательно соблюдаемой методики извлечений у Нония¹ даст точки привязки приведенных отрывков в оригинальном контексте. Сначала в каждой главе Ноний следует специальным грамматическим сочинениям и заимствует оттуда леммы и отдельные примеры. Затем он дополняет леммы по 41 изданию римских авторов, среди которых есть и грамматики.

Произведение предназначалось для сына писателя в качестве руководства и таким образом вписывается в древнеримскую традицию. Уже сам выбор примеров показывает, что Ноний относится к числу архаистов.

Атилий Фортунациан

Метрика Атилия Фортунациана² — компендиум для некоего образованного молодого человека, который хочет стать оратором. Автор черпает свой материал из Цезия Басса.

Марий Викторин

Г. Марию Викторину в силу большой значимости его творчества (в том числе для богословия и философии) будет посвящена отдельная глава (стр. 1755–1766).

Элий Донат

Элий Донат³ (Рим, середина IV в.) — вероятно, самый знаменитый римский грамматик. Он стал наставником Европы и благодаря своему ученику Иерониму, которому он успешно привил бациллу классического образования.

1. *Издание*: W. M. LINDSAY, 3 тт., Lipsiae 1903; *лит.*: W. M. LINDSAY, *praef.* XV–XIX; W. M. LINDSAY, De fragmentis scriptorum apud Nonium servatis, RhM 57, 1902, 196–204; W. M. LINDSAY, De citationibus apud Nonium Marcellum, Philologus 64, 1905, 438–464; W. STRZELECKI, Zur Entstehung der *Compendiosa doctrina* des Nonius, Eos 34, 1932–1933, 113–129; W. STRZELECKI, RE 17, 1936, 882–897; A. COUKKE, Nonius Marcellus en zijn *Compendiosa doctrina*, диссертация, Louvain 1936–1937; L. RYCHLEWSKA, Tragicca II, Wrocław 1954, 124–141; W. STRZELECKI, Ein Beitrag zur Quellenbenutzung des Nonius, ADAW 13, 1959, 81–90; M. FOLKERTS, KIP 4, 1972, 153–154 (лит.); P. L. SCHMIDT, в скором времени HLL 6, § 615.

2. GL 6, 278–304 KEIL.

3. Донат: *издания* — Artes: GL 4, 353; 367–402 KEIL; *Comm.*: P. WESSNER, Lipsiae 1902–1905; *лит.*: P. WESSNER, RE 5, 2, 1905, 1545–1547; K. BARWICK (см. сл. прим.).

Первая книга *Ars Donati* (так называемая *Ars minor*) — элементарный курс о восьми частях речи (разновидностях слов) в форме вопросов и ответов. Остальные три книги (кн. 2–4: *Ars maior*) подробнее: в них рассматривается учение о звуках, частях речи (здесь есть отличия от *Ars minor*), а также неправильностях и красотах речи.

Совпадения с Диомедом и Харисием указывают на общие источники.

Ars, латинский учебник для поздней античности и средневековья, обязана своим успехом прежде всего формальному совершенству¹. Здесь нет ни одного случайного слова. Язык свободен от свойственной эпохе напыщенности. Краткость сочетается с пониманием главного. Присциан, Кассиодор и Исидор входят в благодарную аудиторию Доната. Комментарии пишут Сервий, Кледоний, Помпей, Юлиан Толедский (VII в.) и автор *Commenta Einsidlensia* (IX или X в.).

Другое образцовое произведение Доната (сохранившееся в рамках двух различных корпусов неодинаковой ценности) — *комментарий к Теренцию* (отсутствует только *Haut.*). Он опирается на лучшие источники (Проб, Аспр), дает нужные сведения об исполнении и постановке и сопоставляет текст с оригиналами.

От *комментария к Вергилию* мы располагаем посвящением, жизнеописанием Вергилия и введением к *Эклогам*²; материал из него, кажется, вошел в *Scholia Danielina*³. Иероним сообщает остроумную реплику великого грамматика: *Pereant, qui ante nos nostra dixerunt* («пусть пропадают пропадом те, кто сказал наше раньше, чем мы», Hier. *in eccles.* 1, 9).

Харисий

Флавий Сосипатр Харисий⁴ пишет, вероятно, во второй половине IV в. в Константинополе. Он посвящает обильный сведе-

1. Справедливо L. HOLTZ 1981, 95 против K. BARWICK, Remmius Palaemon und die römische *ars grammatica*, *Philologus suppl.* т. 15, 2, Leipzig 1922, 11, который полагает это случайностью.

2. Этот комментарий не следует путать с менее влиятельным, принадлежащим перу Ти. Клавдия Доната (конец IV в.); издание последнего: Н. GEORGIJ, 2 тт., Lipsiae 1905–1906.

3. Развитие темы: U. SCHINDEL, *Die lateinischen Figurenlehren des 5.–7. Jh. und Donats Vergilkommentar* (mit zwei Editionen), Göttingen 1975.

4. P. L. SCHMIDT, HLL 5, § 523, 2.

ниями труд своему сыну, чтобы привить ему хорошую латынь, несмотря на очевидно неримское происхождение.

Из пяти книг его грамматики полностью сохранились вторая и третья, первая и четвертая — в испорченном виде. Традиционный дидактический материал (как мы видели уже у Коминиана) обогащается за счет дополнительных источников. Харисий включает стилистику и метрику в грамматику; книга 5 (*Idiomata*) в зачаточном виде содержит сравнение латинского и греческого синтаксиса.

Харисий открыто называет свои источники, из которых он заимствует очень широко: Юлий Роман и в особенности Коминиан; есть среди них и Палемон. Своим обращением с источниками Харисий до некоторой степени дает «геологический срез» латинской грамматической традиции. В эпоху средневековья его цитируют по большей части под именем «Коминиан».

Диомед

Диомед живет позже Харисия и также пишет для читателей римского Востока. Его влиятельная грамматика (вероятно, ок. 370—380 г.) включает три книги: 1-я — восемь частей речи (разновидностей слов), 2-я — основные понятия, грамматику и стилистику¹, 3-я — метрику и поэтику. В отличие от Харисия, Диомед стремится к внутренней цельности, что затрудняет исследование источников.

Диомед цитирует Скавра, Проба и Светония; он использует также Харисия и Доната. Капр дает ему, вероятно, ученые цитаты в первой книге.

Абзац *De poetatibus* — по наметкам Харисия с его метрическим приложением — представляет собой самую обширную жанровую систематизацию со времен Квинтилиана (*inst.* кн. 10). В качестве источников предполагают Светония и Варрона².

Наряду с полным вариантом на позднейшие поколения оказывает воздействие краткая редакция (кн. 1) под именем Валерия Проба.

1. Ритмика клаузул (напоследок рассмотренная Сацердотом) образует переход к метрике.

2. P. L. SCHMIDT, HLL 5, § 524.

Сервий

Сервий¹ — видный римский грамматик; Макробий выводит его в ученом диалоге, действие которого разыгрывается в 385 г.

Его *комментарий к Вергилию*, использующий мощную и долговременную традицию, на первом плане рассматривает грамматические и риторические вопросы, что иногда сужает перспективу; однако голос Сервия заслуживает внимание в вопросах интерпретации чаще, чем мы ожидали бы. Убежденность в том, что Вергилиево знание мира и вещей всеобъемлюще, Сервий разделяет с Макробием. Ученый материал из других источников (среди которых и Донат) добавляется в так называемые *Scholia Danielis*.

Сервий комментирует также *Ars minor* и *maior* Доната.

Подлинность метрических произведений и собрания глосс под вопросом.

Фульгенций

Фабий Планциад Фульгенций², чей родной язык — ливийский, живет позднее Макробия. Тождество с епископом Руспийским

1. *Издания*: G. THILO, H. HAGEN, 3 тт., Lipsiae 1881–1887; кроме того, 3, 2: Appendix Serviana, ed. H. HAGEN, Lipsiae 1902; т. 2: E. K. RAND и др., Lancaster, Pennsylvania 1946; т. 3: A. F. STOCKER и др., Oxford 1965; GL 4, 405–565 KEIL; *индекс*: J. F. MOUNTFORD, J. T. SCHULTZ, Ithaca 1930; J. W. JONES, An Analysis of the Allegorical Interpretations in the Servian Commentaries, диссертация, Univ. of North Carolina 1959; M. MUEHMELT, Griechische Grammatik in der Vergilerklärung, München 1965; R. B. LLOYD, Republican Authors in Servius and the *Scholia Danielis*, HSPH 65, 1961, 291–341; C. LAZZARINI, Elementi di una poetica serviana. Osservazioni sulla costruzione del racconto nel commentario all' *Eneide*. II., SIFC 82, 1989, 241–260; далее HLL 5, 1990, Register s. v. Servius и в scope P. L. SCHMIDT, HLL 6, § 612; A. SETAIOLI, La vicenda dell'anima nel commento di Servio a Virgilio, Frankfurt 1995.

2. *Издания*: R. HELM, Lipsiae 1898; G. GÖTZ, CGIL 1, 73 сл.; L. G. WHITEBREAD (ППр), Columbus 1971. За идентичность с епископом Фульгенцием: P. LANCLOIS, Les oeuvres de Fulgence le mytographe et le problème des deux Fulgence, JbAC 7, 1964, 94–105; его же, RLAC 8, 1972, 632–661; противоположного мнения R. HAUSSLER, в: W. KILLY, изд., Mythographie der frühen Neuzeit, Wiesbaden 1984, 1–23, особенно 19 сл.; J. C. RELIHAN, Fulgentius, *Mitologiae* 1, 20–21, AJPh 109, 1988, 229–230; о епископе Фульгенции: G. G. LAPEYRE, S. Fulgence de Ruspe, Paris 1929; E. CAU, Fulgenzio e la cultura scritta in Sardegna agli inizi del VI secolo, Sandalion 2, 1979, 221–229; M. G. BIANCO, Abecedarium Fulgentii episcopiae ecclesiae Ruspen-sis, Orpheus NS 1, 1980, 152–171; G. FOLLINET, Fulgence de Ruspe. Témoignage privilégié de l'influence d'Augustin en Sardaigne, в: A. MASTINO, изд., L'Africa romana. Atti del VI convegno (Sassari 1988), Sassari 1989, 561–569.

(† 532 г.), уважаемым богословом, оспаривается на основании того, что для последнего нигде не засвидетельствовано имя Планциад, а также потому, что мифограф располагал лишь весьма скромными интеллектуальными ресурсами.

В нашем распоряжении четыре произведения: аллегорические толкования мифов в трех книгах *Mythologiae* и *Expositio Vergilianae continentiae secundum philosophos moralis*. Фульгенций оказывает влияние на ватиканских мифографов; в особенности актуальным в эпоху средневековья и Ренессанса окажется сравнение *Энеиды* с человеческой жизнью. Древние слова объясняет *Expositio sermonum antiquorum*¹. Произведение *De aetatibus mundi et hominis* подразделяет всеобщую историю по 23 буквам на 23 эпохи, причем каждый раз автор избегает соответствующей буквы в посвященном этой эпохе тексте². Аллегореза *Фиваиды* Стация неподлинна.

Присциан

Присциан³ из Кесарии в Мавретании преподает латинский язык в Византии при цезаре Анастасии (491—518). Он поддерживает связи с римской аристократией, в том числе и Аврелием Симмахом. Свой главный труд, *Institutiones grammaticae* в 18 книгах, он посвящает консулу Юлиану.

Эта самая крупная и значимая латинская грамматика включает (редкость и в Новое время) также и синтаксис⁴. Здесь можно обнаружить (поскольку круг читателей — греки) и сравнительное языкознание в зачаточном виде. Обильны ценные примеры из латинской литературы до Ювенала. Присциан сам говорит, что он пользуется учением Геродиана и Аполлония, и дополняет его из специальной латинской литературы. Незаменимый материал восходит среди прочего и к Капру. Присциан обладает силой суждения и относительной незави-

1. К цитатам Фульгенция исследователи относятся недоверчиво.

2. Так же поступают Нестор в своей *Илиаде* и Трифиодор в своей *Одиссее*.

3. *Издание*: GL KELL, т. 2—3, 1855—1860; об исследованиях: R. HELM, RE 22, 2, 1954, 2327—2346; P. L. SCHMIDT, KIP 4, 1972, 1141—1142; его же, вскоре в HLL 7, § 703; пока ср. HLL 5, 1989, Register s. v. Грамматическими вопросами занимаются также Агреций, Кледоний, Помпей и превзошедший его галл Консенций, затем — Руфин, Аудакс, Фока, Валериан, Папириан и Феоктист.

4. M. BARATIN, La naissance de la syntaxe à Rome, Paris 1989.

симостью мысли¹. Его произведение с полным правом стало основополагающим².

Риторы

Аквила Роман³ (вторая половина III в.) пишет сухой компендиум учения о фигурах. Определениями он обязан греческим теоретикам (Аквила называет Аристотеля, но использует Александра Нумения). Примеры по большей части он черпает из Цицерона. Позднее Аквила послужит источником для Марциана Капеллы.

Арузиан Мессий⁴, аристократ, к концу IV в. готовит для риторических занятий сборник грамматических конструкций из великих авторов. Избранные цитаты обогащают наши знания об утраченных произведениях, например, *Истории* Саллюстия.

Хирий Фортунатиан (вероятно, IV в.) сочиняет риторический катехизис⁵, который позднее использует Кассиодор. Сульпиций Виктор⁶ и Юлий Виктор⁷ пишут компендиумы.

Гриллий, которого цитирует Присциан, — автор комментария к *De inventione* Цицерона. Фавоний Евлогий (в 385 г. мы застаем его в Африке) комментирует *Сон Сципиона*, уделяя внимание теории чисел и музыки. О риторике пишут также Юлий Севериан и Эмпорий.

Писатели-антиквары

Геллию в силу его значимости будет посвящена отдельная глава (стр. 1612—1619).

О дне рождения (*De die natali*) пишет Цензорин (238 г. по

1. Малые произведения Присциана: *De figuris numerorum*; *De metris fabularum Terentii*; *Praeexercitamina*; *Institutio de nomine et pronomine et verbo*; *Partitiones duodecim versuum Aeneidos principalium*; под вопросом принадлежность ему труда *Liber de accentibus*; стихотворения: панегирик Анастасию и латинская версия *Периегетики* Дионисия Периегета.

2. После Присциана творят его ученик Евтих, комментатор Теренция Евграфий, глоссографы.

3. *Издание*: С. HALM, *Rhet. lat. min.*, Lipsiae 1863, 22; к Авиле примыкают Руфиниан (*О фигурах в предложении*) и анонимный писатель.

4. *Издание*: GL 7, 449 KEIL.

5. *Издание*: С. HALM, *Rhet. lat. min.*, Lipsiae 1863, 81.

6. *Издание*: С. HALM, *ibid.* 313.

7. *Издание*: С. HALM, *ibid.* 373.

Р. Х.). Ученый трактат содержит ценный материал, по большей части из вторых рук.

Музыка

Вместе с текстом Цензорина до нас дошел так называемый *Fragmentum Censorini*, вероятно, относящийся ко II в. Здесь в сжатой энциклопедической форме речь идет о космологии, геометрии, ритмике и метрике (старейший сохранившийся документ). Он поучителен и для истории музыки. См. также ниже: Августин, стр. 1834; Боэций, стр. 1869.

Сельское хозяйство и медицина

Из произведения Кв. Гаргилия Марциала (вторая половина III в.) о сельском хозяйстве сохранились извлечения в *Medicina Plinii* (см. ниже).

По всей видимости, к IV в. относится книга о хозяйстве *vir industrius Palladius*¹ Рутилия Тавра Эмилиана. В противоположность Колумелле автор отказывается от риторических украшений. За введением (книга об основных элементах сельского хозяйства — воздухе, воде, земле и усердии²) идут еще двенадцать: предписания и рецепты распределены по месяцам. Не только риторика, но и теоретическая систематичность предшественников отданы в жертву практичности и привязке к месту и времени³. Как и у Колумеллы, есть и дополнительная книга в стихах. Палладий рассуждает об облагораживании деревьев в элегических дистихах — не слишком подходящей для предмета форме. Он часто цитирует Колумеллу, возможно, из вторых рук; основной источник, — вероятно, Гаргилий Марциал и — для сельскохозяйственных построек — извлечение из Витрувия, сделанное М. Цетием Фавентином. Это близкое к реальной практике произведение часто читают и копируют в эпоху средневековья.

Точно так же к IV в. относится творчество ветеринарного писателя Пелагония⁴, источника Вегеция.

1. Издание: J. C. SCHMIDT, Lipsiae 1898.

2. Усердие здесь соответствует четвертой стихии — огню.

3. Связь с годовым циклом, конечно, входит в сельскохозяйственную сферу и у ранних авторов (напр., *Георгики* Вергилия).

4. Издание: М. Инм, Lipsiae 1892 (с индексами).

*Medicina Plinii*¹ — фармацевтическое извлечение из Плиния (вероятно, IV в.); от произведений врача Виндициана², которого упоминает Августин, мы располагаем только фрагментами.

Флавий Вереций Ренат, *vir illustris* (примерно 383–450 гг.) — автор *Digestorum artis mulomedicinae libri*³. Из источников он ценит Колумеллу и Пелагония; у Хирона и Апсирта он не обнаружил ни ума, ни стиля, что никак нельзя поставить ему в вину.

Теодор Присциан (видимо, африканец, ок. 400 г.) пишет *Euporista*; галл Марцелл, *magister officiorum*, начальник императорских канцелярий при Феодосии, — автор *De medicamentis*, С. Плацит *De medicamentis ex animalibus*, врач Кассий Феликс (447 г.) — *De medicina*.

Важнейший латинский медицинский писатель позднеантичной эпохи Целий Аврелиан⁴ живет до Кассиодора, предположительно, в V в. Сохранились три книги *De passionibus celeribus vel acutis* и пять книг *De passionibus tardis sive chronicis*. Источник — значительный автор Соран, которого Целий называет *methodicorum princeps*, «первым из знатоков метода». Латинский писатель в основном переводит и иногда вставляет цитаты из Цицерона и Вергилия. Композиция отличается ясностью; описания симптомов и диагнозов точны. Автор говорит о лекарствах, но не называет дозировку. Он подвергает критике методы и учения ранних врачей. Целий уделяет внимание латинскому воспроизведению терминологии; его словарь и за пределами профессионального языка богат новообразованиями. В эпоху средневековья его труд имел практическое применение.

Остальные позднеантичные переводчики медицинской литературы иногда известны по имени (Мустион), иногда анонимны (переводы из Гиппократ, Галена, Диоскорида, Орибасия).

1. Издание: V. ROSE, Lipsiae 1875.

2. Издания: G. HELMREICH, в своем издании Марцелла, Lipsiae 1889, 21; V. ROSE, издание Теодора Присциана, Lipsiae 1894, 484.

3. Издание: E. LOMMATZSCH, Lipsiae 1903.

4. Издания: E. DRABKIN (ТП), Chicago 1950; G. BENDZ, I. PAPE (ТП), 2 тт., Berlin 1990 и 1993; индекс у: J. C. АММАН, изд. Amsterdam 1709; лит.: G. BENDZ, Emendationes zu Caelius Aurelianus, Lund 1954.

Землемерное и военное искусство

Позднеантичные грамотики — Агенний Урбик, Иннокентий и Эпафродит.

От Вегеция (см. выше) дошло также 4 книги о *военном искусстве*¹. Он сам не специалист в предмете и черпает свои сведения из Катона Старшего, Цельса, Фронтинина и военного юриста Патерна. Его личный вклад ограничивается сопоставлением и формулировкой. Евтропий (консул, 450 г.) осуществляет сверку его произведения; оно было весьма распространено в эпоху средневековья.

Относится к поздней античности и анонимный трактат *De rebus bellicis*². Автор, вовсе не обладающий военным опытом, владеет зато прозаическим ритмом и применяет свою устрашающе современную фантазию к изобретению жутких военных машин.

География

Collectanea rerum memorabilium Г. Юлия Солина (середина III в.) начинаются с Рима и его древней истории. За трактатом о человеке идет описание Земли (Европа с Востока на Запад, затем Африка и Азия). Источники — Плиний, Мела и, вероятно, Светоний. Солин стремится, чтобы его описания доставляли удовольствие. В эпоху поздней античности и средневековья его много читали.

Кулинарное искусство

Кулинарное искусство представлено так называемым Апицием (IV—V в. до Р. X.).

Библ.: см. выше разд. *Римская специальная литература*, т. I, стр. 624—635.

1. Издание: С. LANG, Lipsiae 1869.

2. Издание: E. A. THOMPSON (ТК), *A Roman Reformer and Inventor*, Oxford 1952.

ГЕЛЛИЙ

Жизнь, датировка

Авл Геллий¹, родившийся ок. 130 г., получает хорошее грамматическое и риторическое образование в Риме. Его учителя — Сульпиций Аполлинарий, Антоний Юлиан и Т. Кастриций. Он также слушает знаменитого софиста Фаворина Арльского. В Риме его избирают судьей. По крайней мере 165–167 гг. он проводит в Афинах², встречается с Кальвизием Тавром, главой платоновской Академии, и приобретает дружбу великого мецената Ирода Аттика. Там он принимает решение написать свой труд. К числу его друзей относится Фронтон³; установленны точки пересечения с Лукианом и Апулеем.

Около 170 г. выходит в свет сборник *Noctes Atticae*⁴. Название дали длинные зимние ночи в сельской мастерской недалеко от Афин, где он был начат. Эта научно-популярная, поучительная и развлекательная книга отражает атмосферу литературного салона II в., — времени, когда культура стала последовательно двуязычной.

Источники, образцы, жанры

Геллий приводит выдержки из почти 275 авторов. Больше всего он цитирует Катона, Варрона и Цицерона. Часто Цицерон дает цитаты из древнеримских авторов или побуждает нашего автора искать дополнительные справки. Многие сведения — при всей оживленной инсценировке — восходят к промежуточным источникам (например, 9, 4 из *Plin. nat.* 7, 9–12). Однако следует поверить Геллию, что кроме вторичных текстов он штудировал и оригинальные. При всем при том ему мы обязаны самыми красноречивыми фрагментами из Катона, Цецилия Стация, Клавдия Квадригария и многих других.

К числу оригиналов относятся в исторической области анналисты, Варрон, Непот, Гигин, Светоний. Юридический

1. В эпоху средневековья имя заменяется на Агеллий.

2. W. AMELING 1984.

3. Авл Геллий сравнительно далек от императорского двора; на это, а также на признаки африканского происхождения обращает внимание М. Т. СЧЕТТНО, *Questioni di biografia gelliana*, GFF 8, 1985, 75–87.

4. Из 20 книг утрачена только восьмая. Из запланированного продолжения (*praef.* 23 сл.) предположительно ничего не вышло.

материал он черпает из Лабеоны, Капитона, Масурия, Целия Сабина. Естественнонаучные сведения ему дают Аристотель, Плиний, Плутарх, лингвистические и литературные — Варрон, Нигидий, Веррий, Проб, Корнута, Гигин. Современным писателям он охотнее предоставляет слово, чем цитирует их книги.

Noctes Atticae можно причислить к популярному тогда жанру пестрой смеси. Геллий состязается среди прочего и с утраченной *Разнообразной историей* (Παντοδαπή ἱστορία) Фаворина Арльского¹. Как чтение для собственных детей *Noctes Atticae* принадлежат к жанру *ad filium*. Однако это не систематический учебник, а одновременно и развлекательная, и поучительная книга, чья открытая форма в некоторых отношениях напоминает стойко-киническую диатрибу². Это делает *Noctes Atticae* предтечей современной эссеистики, а также таких произведений, как *Schatzkästlein* И. П. Гебеля. Прежде всего речь идет о «литературе, которая хочет быть литературным вождем»³, то есть рассчитана на публику, жаждущую, при наличии библиотек, образования.

Литературная техника

Мы имеем дело не с энциклопедией⁴, а с *miscellanea*, собранием кратких эссе. Пестрота и беспорядочность — программа. Однако дидактические намерения следует воспринимать серьезно. Ориентиры для читателя — как названия глав и содержание — становятся общепринятыми благодаря Геллию⁵. Характерно и относящееся к способу рецепции предисловие. Автор каждый раз кратко представляет своего персонажа читателю. Литературные портреты — прежде всего учителя Геллия, Фаворина — написаны сколь искусно, столь же захватывающе. Колесание между прямой и косвенной речью оживляет реферат. Геллий — в отличие от большинства античных авторов — стре-

¹ 1. Истолкование точек соприкосновения с Элианом (вторая половина II в.), Афинеом (ок. 200 г.), Диогеном Лаэртием (вероятно, нач. III в.) в деталях представляет сложности.

² 2. HIRZEL, *Dialog*, 2, 259.

³ 3. H. BERTHOLD 1980, 48.

⁴ 4. Во всяком случае с «самой свободной разновидностью энциклопедии»: L. MERCKLIN, *Die Citiermethode und Quellenbenützung des A. Gellius in den Noctes Atticae*, JKPh, Suppl. 3, Leipzig 1857—1860, 633—710, особенно 694.

⁵ 5. Ср. уже Plin. *nat.* 1, выше, т. II, стр. 1250.

мится к точному цитированию, причем он не чуждается труда искать в библиотеках старые рукописи для проверки. В соответствии с духом современной двуязычной культуры он приводит длинные греческие тексты в оригинале.

Геллий в состоянии сочинять краткие занимательные новеллы¹ и обрамлять их лаконичным прологом и заключительной «моралью». Его литературная техника в некоторых отношениях предвосхищает эмблематику (см. разд. *Влияние на позднейшие эпохи*)².

Сообщаемые сведения он искусно привязывает к определенным четко описанным ситуациям и лицам, чрезмерной же основательности сознательно избегает. Приемы инсценировки превращают учебу в «опыт» и дают нам одновременно представление о жизни тогдашней литературной элиты.

Язык и стиль³

Геллий заботится о точности своей речи. При этом архаизмы он использует как ориентиры. Двуязычность культуры его времени отражается в многочисленности греческих цитат. Если более пристально читать его на первый взгляд простые тексты, можно ясно увидеть стремление к филигранной стилистике, создавая которую автор тщательно учитывает звучание и значение каждого слова и достигает общего яркого впечатления.

1. О правде и вымысле взвешенно L. A. HOLFORD-STREVENS 1982.

2. Эмблематика: о сочетании загадочного изображения и его истолкования с помощью *motto* или эпиграммы см. Andreas Alciatus, *Emblemata* (Augsburg 1531), важно и для культуры барокко.

3. R. MARACHE 1957; L. GAMBERALE 1969; W. SCHIEBEL 1971, 91–119 (там старая лит.); ср. G. MASELLI 1979; R. MARACHE, *La recherche du rythme dans la préface des Nuits Attiques*, в: Varron, *grammaire antique et stylistique latine. Recueil offert à J. COLLART*, Paris 1978, 397–403; R. MARACHE, *La préface d'Aulu-Gelle. Couples et séries de synonymes ou de mots analogues*, в: *Studi in onore di E. PARATORE. Letterature comparate. Problemi e metodo*, т. 2, Bologna 1981, 785–791; B. LÖFSTEDT, *Sprachliche Bemerkungen zu Gellius*, MH 46, 1989, 125–127; P. STEINMETZ, *Gellius als Übersetzer*, в: C. W. MÜLLER и др., изд., *Zum Umgang mit fremden Sprachen in der griechisch-römischen Antike*, Stuttgart 1992, 201–211.

Образ мыслей I

Литературные размышления¹

Геллий хочет дать своим детям подобающее его рангу общее образование. Основная черта его книги — дидактическая. Образованному человеку, как его себе представляет Геллий, подобает знать римские обычаи, установления, право, но прежде всего — латинский язык. Обращение с языком должно быть основано на моральной и интеллектуальной добросовестности. Поиск источников хорошей латыни объясняет (и ограничивает) архаические предпочтения автора². Эти последние в свою очередь служат критерием его литературных суждений.

Однако двуязычность культуры той эпохи предохраняет Геллия от слепого преклонения перед Римом: при всей симпатии — скажем — к Цецилию Стацию наш автор открыто признает превосходство Менандра.

Образ мыслей II

Noctes Atticae — зеркало тогдашнего знания и любознательности. Правда, автор разделяет мнение Гераклита, что многознание уму не научает (*praef.* 12); поэтому он особенно стремится подчеркнуть важное. При этом он не отказывается и черпать в отдаленных источниках.

Обсуждаемые темы³ включают общество, конфликты долга, проблему поколений, диалектику игры и действительности, право, язык, литературу, технику. Все вновь и вновь поднимается вопрос о сопоставлении греческой и римской культуры. В этом отношении Геллий занимает промежуточное положение между Плутархом (другом его учителя Фаворина) и Макробием.

1. Ср. R. MARACHE 1952; G. MASELLI 1979; P. KUKLICA, *Literarisch-ästhetische Bemerkungen des A. Gellius*, GLO 13–14, 1981–1982 (недооценка филолого-риторического подхода).

2. Поэтому Геллий отклоняет все слишком необычное и устаревшее: *Vive igitur moribus praeteritis, loquere verbis praesentibus*, «*итай, живи нравами, которые были прежде, но говори словами, которыми говорят сейчас*»; ср. также L. GAMBERALE, *Alcune tendenze dell'arcaismo lessicale. A proposito di Gell.* 1, 10 e altro, AION (ling.) 8, 1986, 71–94.

3. Ср. S. WHITELEY 1978.

Традиция¹

Традиция книг 1–7 основывается на превосходном, но сегодня с трудом читаемом палимпсесте (A) Palatinus Vaticanus 24 (A; V–VI в.: для отрывков из книг 1–4), с другой стороны — на Vaticanus 3452 (V; XIII в.), Parisinus 5765 (P; XII–XIII в.) и Leidensis Gronovianus 21, olim Rottendorffianus (R; XII в.).

Восьмая книга утрачена. Традиция книг 9–20 распадается на три класса. Первый (F) представляет недавно открытый очень хороший Franequerganus Leouardensis, Prov. Bibl. van Friesland 55 (F; начала IX в.).

Второй класс (γ) представлен Vaticanus Reginensis (Danielinus) 597, (O; IX в.) и независимыми от O рукописями: Leidensis Vossianus («minor») F. 112 (X; X в.; начинается с 10 кн.), Vaticanus Reginensis 1646 (Petavianus; Π; XII в.), Florentinus Bibl. Nat. J. 4. 26, olim Magliabechianus 329 (N; XV в.).

Третий класс (δ) образуют: Parisinus 8664 (Q; XIII в.), Leidensis Vossianus («maior») F. 7 (Z; XIV в.) и Fragmentum Bernense 404 (B; XII в.) с продолжением в Leidensis B. P. L. 1925.

Издатели Геллия считают F, γ и δ равноправными и в сомнительных случаях всегда придерживаются чтения большинства.

Более молодые рукописи, которые содержат все книги, кроме утраченной восьмой, интерполированы. В первых семи книгах они идут рука об руку с VPR, в позднейших с γ, только Gottingensis Cod. Ms. Philol. 161, XV в. относится к δ. Тем не менее этим поздним спискам мы обязаны заголовками глав к 8-й книге и последними сохранившимися параграфами 20-й книги. Начало предисловия и конец последней книги утрачены. Лакуна в начале 7-й книги восстанавливается по Лактанцию (*epit.* 24). Полезны для восстановления текста и ранние читатели — Макробий, Ноний и Иоанн из Солсбери³.

Влияние на позднейшие эпохи

Лактанций заимствует у Геллия мысли о сущности providentia, Августин — целую главу о стоическом учении об аффектах (*civ.* 9, 4; Gell. 19, 1) и хвалит Геллия как *vir elegantissimi eloquii et multae ac facundae scientiae*, «мужа с изящнейшей манерой письма, даром слова и обильными сведениями». В *Historia Augusta* (жизне-

1. Основополагающая работа: P. K. MARSHALL, изд. 1968, Praef.; ср. также B. MUNK OLSEN (см. *библиограф.*).

2. За 1135 вместо 1173: L. A. HOLFORD-STREVS, A Misdated Ms. of Gellius, CQ 29, 1979, 226–227.

3. См., однако, J. MARTIN, Uses of Tradition: Gellius, Petronius, and John of Salisbury, Viator 10, 1979, 57–76 (Иоанн черпал только из антологии).

описание Проба) реплика Катона о греческом и римском почитании героев сообщена Геллием. Аммиан Марцеллин (IV в.) основательно изучил нашего автора и заимствовал не только отдельные выражения, но и целые главы и структурные модели. Макробий сочиняет родственный Геллию труд, но в систематическом порядке. средневековые любят Геллия. Иоанн из Солсбери († 1180 г.) знаком с его творчеством. Геллий уголяет свойственное XV—XVII столетиям стремление к фактам так же, как и их моральный интерес. Полициано († 1494 г.) со своими *Miscellanea* (1489 г.), пролагающими путь филологии, явно пишет в традиции литературной смеси. Бальдассарре Кастильоне († 1529 г.) начинает третий раздел своего *Cortegiano* — как Геллий *Noctes Atticae* — вычислением размеров тела Геркулеса (Gell. 1, 1). Гартманн Шедель прославляет нашего автора в своей *Weltchronik* (1494 г.). Эразм († 1536 г.) выписывает в *Epistola nuncupatoria* к *Apophthegmata* (1531 г.) главу из Геллия (13, 19), не называя источник, — распространенное отношение использовавших текст, что осложняет исследование рецепции. В другом месте Эразм дает недвусмысленно высокую оценку нашему автору (*Adagiorum Chilias* 1, 4, 37). Геллий есть и в списке прочитанных книг Мишеля де Монтеня († 1592 г.), мастера эссе. То, как Геллий излагает энниеву басню о хохлатом жаворонке (Gell. 2, 29), предвосхищает эмблематическую литературу: крылатое слово — образный рассказ — мораль. Фрэнсис Бэкон († 1626 г.) развивает мысль, что авторитет мешает человеку самостоятельно знакомиться с вещами, приняв ее из рук Геллия (12, 11, 7), который один только и сохранил изречение *Veritas Temporis filia*, «Истина, дочь Времени» (*Novum Organum* 1, 84). В первый адвент 1641 г. в Лейпциге был основан Collegium Gellianum (ср. 18, 2), где каждое воскресенье после службы в церкви обсуждались филологические вопросы¹.

Геллий сохранил ценные остатки древнелатинской литературы и изысканные подробности из литературоведения и языкознания, философии, истории и правоведения. К радости часто примешивается изумление геллиевым *что* и *как*. Поэтому потомки с неблагодарностью, свойственной молодым, называли его *pecus aurei vellaris*, «бараном с золотым руном». Однако его влияние не ограничивается деталями: ему, например, мы обязаны понятием «классического» (19, 8, 15; ср. 6, 13) и объ-

1. H. BERTHOLD 1985, 13.

яснением таких плодотворных в будущем слов, как *proletarius*¹ (16, 10) и *humanitas* (13, 17). «Геллиево в Геллии»² — возможно, та ловкость, с которой он подводит читателя к ключевым местам оригинала и в конечном итоге заставляет забыть посредника, человека второго ряда (*mea mediocritas* 14, 2, 25)³, который, как хороший педагог, делает себя ненужным.

Издания: С. SWEYNHEIM, A. PANNARTZ, Romae 1469. * F. WEISS (II), Leipzig 1875–1876, перепечатка 1975 и 1981. * M. HERTZ, 2 тт., Berolini 1883–1885. * С. NOSIUS, 2 тт., Lipsiae 1903, перепечатка 1959, 1991–1993. * J. C. ROLFE (ТП), 3 тт., London 1927, rev. 1946–1952, перепечатка 1961–1967. * P. K. MARSHALL, 2 тт., Oxford 1968, corr. 1990. * H. BERTHOLD (избр. ППp), Leipzig 1987. * H. BERTHOLD (Т), Leipzig (готовится к печати). * *Кн. 1, praef.:* P. FAIDER (ТПК), МВ 31, 1927, 189–216. * *Кн. 1:* Н. М. HORNSBY (К), Dublin 1936. * *Кн. 1–3:* F. GAVAZZA (ТППp), Bologna 1985. * *Кн. 1–10:* R. MARACHE, Paris 1967–1978. ** *Index:* J. GRONOVIVS, изд., London 1824, т. 4 (практически полный). ** *Библ.:* R. MARACHE, Fronton et A. Gellius (1938–1964), Lustrum 10, 1965, 213–246. * B. MUNK OLSEN, в: L'étude des auteurs latins aux XI^e et XII^e siècles, т. 1, Paris 1982, chapitre 18, 397–402.

W. AMELING, Aulus Gellius in Athen, Hermes 112, 1984, 484–490. * G. ANDERSON, Aulus Gellius: A Miscellanist and His World, ANRW 2, 34, 2, 1994, 1834–1862. * M. L. ASTARITA, Note di cronologia gelliana, Orpheus NS 5, 1984, 422–432. * B. BALDWIN, Studies in Aulus Gellius, Lawrence, Kansas 1975. * H. BERTHOLD, Aulus Gellius. Auswahl und Aufgliederung seiner Themen, диссертация, Leipzig 1959. * H. BERTHOLD, Aulus Gellius. Seine Bedeutung als Vermittler antiker Bildungs- und Kulturtraditionen, WZHalle 29, 3, 1980, 45–50. * H. BERTHOLD, Interpretationsprobleme im Miszellenwerk des Aulus Gellius, WZRostock 34, 1, 1985, 12–16. * L. DI GREGORIO, Gellio e il teatro, Aevum antiquum 1, 1988, 95–147. * E. FANTHAM, The Synchronistic Chapter of Gellius (17, 21) and some Aspects of Roman Chronology and Cultural History between 60 and 50 B. C., LCM 6, 1981, 7–17. * L. GAMBERALE, La traduzione in Gellio, Roma 1969. * M. M. HENRY, On the Aims and Purposes of Aulus Gellius' *Noctes atticae*, ANRW 2, 34, 2, 1994, 1918–1941. * L. A. HOLFORD-STREVS, Fact and Fiction in Aulus Gellius, LCM 7, 1982, 65–68. * L. A. HOLFORD-STREVS, Aulus Gellius, London 1988. * L. A. HOLFORD-STREVS, Analecta Gelliana, CQ NS 43, 1993, 292–297. * R. MARACHE, La critique littéraire de langue latine et le développement du goût archaïsant au II^e siècle de notre ère, Rennes 1952. * R. MARACHE, Mots nouveaux et mots archaïques chez Fronton et Aulu-Gelle, Paris 1957. * P. R. MARSHALL, The Date of Birth of A. Gellius, CPh 58,

1. Cp. D. J. GARGOLA, A. Gellius and the Property Qualifications of the *proletarii* and the *capite censi*, CPh 84, 1989, 231–234.

2. H. BERTHOLD 1980, 48.

3. Cp. Vell. 2, 104, 3; Val. Max. 1 *praef.*; Stat. *silv.* 5 *praef.*

1963, 143—149. * M. McDONNELL, The Speech of Numidicus at Gellius 1, 6, *AJPh* 108, 1987, 81—94. * G. MASELLI, *Lingua e scuola in Gellio grammatico*, Lecce 1979. * R. MAZZACANE, Nonio e Gellio. Ipotesi sulla genesi del II libro del *De compendiosa dottrina* di Nonio, *Sandalion* 8—9, 1985—1986, 181—202. * W. SCHIBEL, Sprachbehandlung und Darstellungsweise in römischer Prosa. Claudius Quadrigarius, Livius, A. Gellius, Amsterdam 1971. * E. TÜRK, Macrobe et les *Nuits Attiques*, *Latomus* 24, 1965, 381—406. * A. D. VARDI, Why Attic Nights? or What's in a Name?, *CQ NS* 43, 1993, 298—301. * D. W. T. VESSEY, Aulus Gellius and the Cult of the Past, 2, 34, 2, 1994, 1863—1917. * S. WHITELEY, Fossicking through A. Gellius' *Noctes Atticae*, *AClass* 21, 1978, 99—114.

МАКРОБИЙ

Жизнь, датировка

Амвросий Макробий Феодосий живет в начале V в. Тождество с Макробиями, известными из других источников, остается под вопросом; вероятно, он был *praefectus Italiae* 430 г. (cod. Theod. 12, 6, 33). Авиан посвящает ему свои басни. Сам он адресует свой грамматический трактат некоему Симмаху, может быть, сыну оратора.

Обзор творчества

Нужно назвать три произведения: на первом месте — *Saturnalia* в 7 книгах, литературный симпозиум; затем комментарий к цицероновскому *Somnium Scipionis*, трактат, вместе с которым до нас дошел текст Цицерона; наконец, грамматический трактат, известный только по извлечениям: *De differentiis et societatibus Graeci Latiniq[ue] verbi*. Он отвечает потребностям культуры, чья двуязычность ведет не к усреднению, но к усложнению.

Источники, образцы, жанры

Источники *Saturnalia*, где переработано немало ученых сведений, наряду с антикварами и толкователями Вергилия — прежде всего Геллий и Плутарх, которых он, однако, не упоминает. Иногда он поправляет Геллия; проблема источников сложна. Не следует ни переоценивать, ни недооценивать начитанность Макробия. По содержанию произведение относится к жанру литературной смеси. Эстетический образец сре-

ди прочего — *Пир* Платона; эта форма уже, правда, давно служит оболочкой для ученого содержания¹. *Комментарий на Сон Сципиона* пропитан неоплатонической философией. Макробий ссылается на Порфирия и Плотина, которого он — наряду с Платоном — относит к числу корифеев философии. *De differentiis* наводит на мысль о 'Ρηματικόν Аполлония, а также о Геллии, о каком-либо труде, родственном Капру, и о глоссариях.

Литературная техника

Литературная техника *Сатурналий* выдержана в духе философского диалога. Оболочка напоминает платоновскую: разговор пересказывает человек, который слышал его от свидетеля. Действие начинается накануне Сатурналий и продолжается вплоть до третьего дня праздника, причем каждый день разговор ведется в доме одного из его участников. В главной части, где речь идет о Вергилии, как и в диалогах Цицерона, темы распределяются по собеседникам и обсуждаются в длинных связных речах. Что касается вступления и его технических приемов, то посвящение сыну со времен Катона и *De officiis* Цицерона стало прочной римской традицией. Как и в риторических трактатах последнего, участие в диалоге видных римлян лишает обсуждение специфически школьного характера и придает ему общечеловеческую значимость; наряду со знаменитым Симмахом здесь фигурирует, напр., и представитель Никомахов. Сервий — единственный специалист, и его присутствие делает уместным рассмотрение подробностей.

Язык и стиль

Макробий намеревается по возможности переносить в свой текст оригиналы в неискаженном виде². Многочисленны гре-

1. В духе действительно существовавшего обычая: Платон, Ксенофонт, остальные платоники, Аристотель (впервые обилие учености), Геродиан, Гераклид, Афинея, Плутарх, Лукиан (пародия), Юлиан (идеал государя), Мефодий (христианское содержание); к этой традиции (и к Геллию) Макробий ближе, чем к латинской сатирической литературе о *cena*; ср. HIRZEL, *Dialog* и J. MARTIN, *Symposion*, Paderborn 1931, перепечатка 1968.

2. *Nec mihi vitio vertas, si res quas ex lectione varia mutuabor ipsis saepe verbis quibus ab ipsis auctoribus enarratae sint explicabo* («не ставь мне в вину, если сведения, которые я позаимствовал, читая самые разные вещи, я часто буду излагать теми же словами, какими о них рассказано у самих авторов», *Sat. praef.* 4).

ческие цитаты, Автор относится к числу того незначительно меньшинства образованного класса на Западе, которое еще знает греческий язык.

Образ мыслей I Литературные размышления

Литературные размышления затрагивают прежде всего собственное творчество: по сравнению с другими источниками Макробий хочет не блистать красноречием, а давать знания (*praesens opus non eloquentiae ostentationem sed noscendorum congeriem pollicetur, praef. 4*). Таким образом, он следует традиции, знакомой нам по римской специальной литературе¹. При этом сведения должны сообщаться не в беспорядке, а как органическое целое (*in ordinem instar membrorum cohaerentia, ibid. 3*). Это касается как формы, так и содержания его произведения.

Второй — и более весомый аспект — понимание Вергилия. Поэт предстает знатоком всех областей науки², он сравнивается с творящей природой и обладает свойствами, присущими, в иных случаях, только богам. В таких репликах важны, с одной стороны, шаги к пониманию человеческого творчества, превосходящие концепции Нового времени, с другой — высокая оценка дидактической ценности литературных произведений. Во всех деталях слову поэта приписывается способность открывать сущность вещей. Таким образом Макробий доводит до логического конца подход, лежащий в основе *De lingua Latina* Варрона. Если последний представил латинский язык как инструмент энциклопедического познания действительности, то у Макробия изучение Вергилия — введение не только в греческую и римскую литературу, но и во все области знания. При этом мы имеем дело не со смехотворным культом Вергилия, но с тем, что лежит в основе всякого воспитания. Латинский язык должен изучаться не в произвольном виде, но в той благороднейшей форме, которую ему придал великий поэт. Его произведения обеспечивают питомцу и доступ ко всем областям знания. Энциклопедическое образование

1. См. выше разд. *Римская специальная литература*, т. I, стр. 620—623.

2. Риторика, права понтификов, авгуральной практики, греческой литературы, философии, астрологии, древнелатинской поэзии.

обретает таким способом и ранг, и человечески-творческую сердцевину¹.

Образ мыслей II

Макробий комментирует *Сон Циципона*, чтобы ввести своего читателя в философию. Интерес перемещается из политической сферы в философскую. Неоплатонизм в это время — основа человеческой мысли; многие из его посылок признают как христиане, так и язычники. Макробий сочетает интерпретацию текста с философскими и энциклопедическими элементами. Таким образом, он использует классический Цицероновский текст в целях открытия мира и научной пропедевтики.

Прежде всего Макробия интересует отношение Цицерона к Платону, затем он рассматривает сущность сна и допустимость мифологической оболочки в обсуждении философских проблем. Текст Цицерона дает повод к рассуждениям о числах (к *rep.* 6, 12), о добродетели души (к 13), об астрономии и музыке, а также к изображению земли и ее поясов и годового цикла². В заключительном отрывке о самостоятельном движении души и ее бессмертии на первый план выступает силлогистика. Таким образом, комментарий затрагивает в тексте Цицерона все три философские области: физику, этику и логику.

Самостоятельное движение и бессмертие души формулируется как стержневая тема, очень близкая римскому мироощущению. Уже Цицерон, который придавал таким представлениям политическую окраску, заканчивает платоновскими словами об этом свой диалог. Дальнейшая философская работа с проблемой человеческой личности осуществляется только в эпоху поздней античности, причем под знаком неоплатонизма. В творчестве Макробия пересекается литературно оформленный римский опыт и греческая мысль в этой области.

1. Место Вергилия в образовательной программе соответствует гомеровскому у греков; очень сомнительно, чтобы Макробий решил здесь противопоставить Вергилия христианству, сделав из него «Священное Писание». Средневековые — когда Макробия читали весьма ревностно — не отличалось в этом отношении такой узостью, как наш век, который торопится загнать человека или произведения в идеологическую и жанровую ячейку, вместо того чтобы узнать то, что они нам могут сказать.

2. Такие центральные темы, как «год» и «солнце», объединяют *Sat.* и *somn.*

Традиция

Sat.: Традиция состоит из трех групп рукописей. Лучшая, которая содержит все греческие цитаты, в основном представлена следующими кодексами: Neapolitanus VB 10 (N; начало IX в.: содержит *Sat.* 1, 1–7, 5, 2); Bodleianus Auct. T II 27 (D; конца IX в.; содержит *Sat.* 1, 1–3, 4, 9, комментарий на *Сон Циципона* и текст Цицерона); Parisinus 6371 (P; XI в.; содержит и *Сатурналии*, и комментарий полностью). N был написан невежественным, но точным переписчиком, поэтому он ценен. Совпадения ND дают хороший текст. P – выдающаяся рукопись; ее недостаток в том, что переписчик знал латынь и применял иногда синонимы.

Ко второй группе, которая сегодня считается менее ценной, относятся переоцененные ЭЙССЕНГАРДОМ Bambergenses B (к *Sat.* 1, 1–3, 19, 5; M. L. V. 5 n. 9, IX в.; к комментарий – M. IV 15. F n. 4, XI в.).

Есть еще и третий класс; и на самом деле он является третьестепенным по своему значению; сегодня вторую и третью группы считают подгруппами одного и того же семейства.

Somn.: необычайно богатая традиция делает рецензию практически невозможной. Наряду с P, B и D (см. выше) предпочтение отдается еще трем рукописям: Parisinus 6370 (S; IX в.) содержит комментарий без Цицероновского оригинала; Parisinus n. a. 16 677 (E; начала IX в.) – комментарий и часть текста Цицерона; Gottonianus Faustin. C. I Mus. Brit. (C) охватывает комментарий и весь *Somnium*.

Влияние на позднейшие эпохи

Макробия (как Марциана, Боэция, Халкидия и Исидора) в эпоху средневековья основательно штудируют и ревностно используют. Часто из него делают дословные выписки, как он сам поступал со своими оригиналами. *Комментарий на сон Циципона* служит источником античной науки, в первую очередь астрономии и учения о числах¹. *Сатурналии* дают научный материал² и этимологии, иногда – анекдоты и остроты³.

1. Некоторые примеры: с Макробием частично пересекается традиция истолкования *Тимея*, сделанного Халкидием; Дунгал (VIII в.) дословно выписывает показания Макробия для вычисления солнечных затмений (MANITIUS, LG 1, 371); его основательно изучает Биртферт (вторая половина X в.; MANITIUS, LG 2, 701 сл.); Гуго из Сен-Виктора (XII в.) вычисляет объем и диаметр Солнца, исходя из Макробия (MANITIUS, LG 3, 116); Онульф (XI в.) перенимает у Макробия классификацию снов на пять видов (ibid. 2, 362).

2. Рассуждения Макробия о названиях месяцев оказывают влияние на Беду и Гельперика (ibid. 448 сл.).

3. MANITIUS, LG 3, 556; 634.

Макробий вносит свой вклад в средневековое понимание Вергилия¹.

Годфрид из Бретеля (XII в.) в своем *Fons philosophiae* наряду с другими великими умами выводит и Макробия² и заставляет его присутствовать при споре номиналистов и реалистов. Это может быть отзвук той мысли, что его комментарий способствовал распространению платоновской философии. Когда победил Аристотель, звезда Макробия начинает закатываться.

Издания: L. IANUS, 2 тт., Lipsiae 1848—1852 (там более старые издания). * F. EYSENHARDT, Lipsiae 21893. * I. WILLIS, 2 тт., Leipzig 21994 (с улучшениями). * *exc. gramm.*: P. DE PAOLIS, Urbino 1990. * *Sat.*: N. MARINONE (ТППр), Torino 1967. * P. V. DAVIES (ППр), New York 1969. * *Sat.* 2: A. B. SHAW (К, ист.), диссертация, Univ. Pennsylvania 1952. * *somn.*: W. H. STAHL (ППр), New York 1952. * L. SCARPA (ТППр), Padova 1981. * *somn.* 1: M. REGALI (ТПК), Pisa 1983. * *somn.* 2: M. REGALI (ТПК), Pisa 1990. ** *Indices* (избр.) в изданиях. ** *Библ.*: в изд. I. WILLIS 21970. * B. DE PAOLIS, Macrobio 1934—1984, *Lustrum* 28—29, 1986—1987, 107—249; и 30, 1988, 7—9.

A. CAMERON, The Date and Identity of Macrobius, *JRS* 56, 1966, 25—38. * H. DE LEY, Macrobius and Numenius, Bruxelles 1972. * S. DÖPP, Zur Datierung von Macrobius' *Saturnalia*, *Hermes* 106, 1978, 619—632. * M. A. ELFERINK, La descente de l'âme d'après Macrobe, Leiden 1968. * J. FLAMANT, La technique du banquet dans les *Saturnales* de Macrobe, *REL* 46, 1968 (1969), 303—319. * J. FLAMANT, Macrobe et le Néo-Platonisme latin à la fin du IV^e siècle, Leiden 1977. * H. GÖRGEMANN, Die Bedeutung der Traumeinkleidung im *Somnium Scipionis*, *WS NF* 2, 1968, 46—69. * C. GUITTARD, Une tentative de conciliation des valeurs chrétiennes et païennes à travers l'œuvre de Macrobe: syncrétisme et philosophie de l'histoire à la fin du IV^e siècle, в: Actes du IX^e congrès de l'Association G. Budé (Rome, 1973), Paris 1975, 1019—1030. * A. LA PENNA, Studi sulla tradizione dei *Saturnali* di Macrobio, *ASNP* 22, 1953, 225—252. * N. MARINONE, Il banchetto dei pontefici in Macrobio, *Maia* 22, 1970, 271—278. * A. PIERI, Lucrezio in Macrobio. Adattamenti al testo virgiliano, Messina 1977. * M. REGALI, La quadripartizione delle virtù nei *Commentarii* di Macrobio, *A&R* 25, 1980, 166—172. * M. REGALI, Importanza e limiti dell'aritmologia nei *Commentarii in Somnium Scipionis* di Macrobio, в: A. GARZYA, изд., Metodologie della ricerca sulla tarda antichità. Atti del primo convegno dell'Associazione di studi tardoantichi, Napoli Napoli 1989, 483—491. * A. SANTORO, Esegesi virgiliani antichi (Donato, Macrobio, Servio), Bari 1964. * A. SETAIOLI, L'esegesi omerica

1. Предисловие комментария к *Энеиде*, приписываемого Бернарду Сильвестру (XII в.), исходит не из *Sat.*, но из *somn.* 1, 9, 8: поэзия сообщает философскую истину в скрытой форме (*ibid.* 3, 208 сл.); об этом A. WLOSOK, *Der Held als Ärgernis: Vergils Aeneis*, *WJA NF* 8, 1982, 9—21, особенно 13, прим. 11.

2. MANITIUS, *LG* 3, 778.

nel commento di Macrobio al *Somnium Scipionis*, SIFC 38, 1966, 154—198. * B. W. SINCLAIR, *Vergil's sacrum poeta* in *Macrobius' Saturnalia*, *Maia* NS 34, 1982, 261—263. * E. SYSKA, *Studien zur Theologie im ersten Buch der Saturnalien des Ambrosius Theodosius Macrobius*, Leipzig 1993. * E. TÜRK, *Macrobius und die Quellen seiner Saturnalien*, диссертация, Freiburg 1961; критическая реплика в свой собственный адрес *Gnomon* 42, 1970, 576, прим. 4. * D. VAN BERCHEM, *Poètes et grammairiens*, *MH* 9, 1952, 79—87. * T. WHITTAKER, *Macrobius or Philosophy, Science, and Letters in the Year 400*, Cambridge 1923. * C. ZINTZEN, *Römisches und Neuplatonisches bei Macrobius*, в: P. STEINMETZ, изд., *Politeia und Res publica*, Gedenkschrift R. STARK, Wiesbaden 1969, 357—376.

МАРЦИАН КАПЕЛЛА

Жизнь, датировка

Марциан Капелла¹ (автор, вероятно, V в.²) — родом из Карфагена³.

Обзор творчества

Он посвящает своему сыну энциклопедию под заглавием *De nuptiis Philologiae et Mercurii*. Первые две книги рассказывают аллегорическую историю брака Меркурия и ученой Филологии. В качестве свадебного подарка она получает семь служанок Меркурия: свободные искусства⁴. В следующих книгах (3—9) каждая из них излагает перед собранием богов свои учения.

Источники, образцы, жанры

В качестве источника предполагают Варрона (кн. 4 — диалектика; 7 — арифметика; 8 — астрономия), Аквилу и Фортунаци-

1. *Subscriptiones* некоторых рукописей дают в качестве полного имени *Martianus Min(n)e(i)us Felix Capella*. Он сам называет себя в § 576 *Felix* и в § 806, как и в § 999, *Felix Capella*: подтверждение дает Кассиодор *inst.* 2, 2, 17; 2, 3, 20.

2. За 284—330 гг.: F. EYSENHARDT, *Commentationis criticae de Marciano Capella particula*, диссертация, Berlin 1861, 14 сл.; *communis opinio* — за датировку произведения 410—439 гг. За примерно 470 г.: D. SCHANZER, изд. 1986, введение.

3. Дискуссию о его возможной профессии см. у СТАНЛ, JONSON, BURGE, 1, 16—19.

4. Грамматику, диалектику, риторику, геометрию (включая географию), арифметику, астрологию, музыку. Дополнительные предметы, которые разрабатывал Варрон, — медицина и архитектура — сознательно исключаются, поскольку они, в противоположность *septem artes liberales*, «семи свободным искусствам», имеют дело с земными предметами (9, 891).

ана (кн. 5 — риторика), Плиния и Солина (кн. 6 — геометрия), Аристида Квинтилиана (кн. 9 — музыка). Что касается намеков на мистериальные религии в рамочном рассказе, то здесь нет единого источника: мы имеем дело с попурри¹.

Литературная техника

Автор прибегает к техническим приемам менипповой сатиры. В особенности в первых двух книгах сказывается вкус эпохи: аллегорический рассказ весьма подробен. Книги с 3 по 9 обрамлены аллегорическими сценами². Разговоры между Сатирой и Марцианом, как и действия, подготавливающие свадьбу Меркурия и Филологии, — постоянные вкрапления в ход изложения. В отличие от того, как потом будет писать Фульгенций, рамочная инсценировка распространяется на весь труд. Сказочная тональность иногда напоминает великого земляка Марциана, Апулея; правда, наш автор не умеет быть столь обаятельным. Композиция строго научных пассажей отличается ясностью; резюме и указания следующей темы облегчают ориентацию.

Язык и стиль

Изоощренный характер прозы, часто патетически-насыщенный, сочетается со стихотворными вставками в самых различных размерах — часто это гекзаметр, элегический дистих или ямбический сенарий.

Образ мыслей I Литературные размышления

Самоидентификация автора сознательно и последовательно связана с сатирой³. Поскольку *artes* у него выступают не только во всей красоте, но и в богатом уборе (*ornatissima* 2, 218),

1. Скептически L. LENAZ, изд. 1975, введение; там см. прежние положения.

2. Только в 8 книге, сохранившейся не полностью, отсутствует финальная сцена.

3. *Fabellam tibi, quam Satira comminiscens hiemali pervigilio marcescentes tecum lucernas edocuit, ni prolixitas perculerit, explicabo* («Я поведаю тебе историю, которой научила меня Сатира, придуманную мною во время зимнего ночного бдения, когда слабел огонь в светильниках, если мне не мешает ее пространный», 1, 2).

нам становятся ясны его высокие литературные притязания. Типична для жанра самоирония (напр., вроде реплики о старческой болтливости); не следует воспринимать ее слишком дословно. Достоин внимания то, что апофеоз Филологии служит обоснованием энциклопедической образованности.

Образ мыслей II

Мировоззрение автора коренится не только в характерной для римской литературы энциклопедичности (ср. выше наши замечания о римской специальной литературе, т. I, стр. 623 сл.), но и в позднеантичной космологии, лежащей в основе пространного аллегорического рассказа первых двух книг. Здесь под тонким мифическим покрывалом Марциан намекает, что за науки выступают у него под конец (арифметика, астрономия, музыка). Композиция отдаленно напоминает архитектонику *Метаморфоз* Овидия, где в завершении также наука превосходит мифологию.

Традиция

Все многочисленные рукописи восходят к одному архетипу. Важнейшие — в Бамберге (M. L V 16. 8.; X в.), Карлсруэ (73; X—XI в.), Дармштадте (193; X—XI в.); эти три имеют в конце первой книги подпись — 534 г. Корректор Феликс известен нам и по Горацию («рецензия Мавортия»).

Влияние на позднейшие эпохи

Наряду с Кассиодором, который во второй книге *Institutiones* дает в высшей степени лаконичный очерк свободных искусств, Марциан — единственный автор, рассматривающий все *septem artes liberales* и чье произведение дошло до нас. Аналогичные замыслы Августина и Боэция осуществились лишь частично¹. Для римской геометрии Марциан — наш единственный источник, из римской литературы по арифметике сохранился только выполненный Боэцием перевод Никомаха Герасского, и астрономический трактат сообщает данные, бо-

1. Мы располагаем сочинениями только по арифметике и музыке.

лее не сохранившиеся нигде в античной традиции¹. Произведение используется в качестве учебника; по нему средневековые знакомятся со свободными искусствами. Комментарии к нему пишут Иоганн Скотт (IX в.), ирландец Дунхад (IX в.) и Ремигий из Оксерры († ок. 908 г.). Ноткер († 1022 г.) переводит первые две книги на древневерхненемецкий язык. Коперник хвалит Марциана, поскольку тот пишет об обращении Меркурия и Венеры вокруг Солнца и таким образом подхватывает начатки гелиоцентрической теории, выдвинутые в IV в. до Р. Х. Гераклидом Понтийским. Уже в шестнадцатилетнем возрасте Гуго Гроций († 1645 г.) издает нашего автора.

Издания: F. VITALIS BODIANUS, Vincentiae 1499. * H. GROTIUS, Lugduni Batavorum 1599. * U. F. KOPP (TK, Indices), Francoforti 1836. * A. DICK, Lipsiae 1925, корп. с дополн. J. PRÉAUX, Stutgardiae 1978. * J. WILLIS, Leipzig 1983. * *Кн. 1:* D. SHANZER (К, фил., лит.), Berkeley 1986. * *Кн. 2:* L. LENAZ (ТПК), Padova 1975. * W. H. STAHL, R. JOHNSON, E. L. BURGE (П), New York 1977. * *Кн. 9:* L. CRISTANTE (ТПК), Padova 1987. * C. J. McDONOUGH, *The Verse of Martianus Capella* (ТПК к стихотворным частям в кн. 1–5), Toronto 1968. ** *Indices:* в изд. U. F. KOPP (не полные).

S. I. B. BARNISH, *Martianus Capella and Rome in the Late Fifth Century*, Hermes 114, 1986, 98–111. * A. CAMERON, *Martianus and his First Editor*, CPh 81, 1986, 320–328. * P. COURCELLE, *Late Latin Writers and their Greek Sources*, Cambridge, Mass. 1969, 211–219. * H. W. FISCHER, *Untersuchung über die Quellen der Rhetorik des Martianus Capella*, Breslau 1936. * S. GREBE, *Martianus Capella: De nuptiis Philologiae et Mercurii. Die Sieben Freien Künste in der Spätantike*, Habilitationsschrift Heidelberg 1996, Frankfurt 1997. * W. HÜBNER, *Der Titel zum achten Buch des Martianus Capella*, в: K. DÖRING, G. WÖHRLE, изд., *Vorträge des ersten Symposions des Bamberger Arbeitskreises «Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption»*, Wiesbaden 1990, 65–86. * F. LEMOINE, *Martianus Capella. A Literary Re-Evaluation*, München 1972. * G. LEONARDI, *I codici di Marziano Capella*, Milano 1960. * G. MORETTI, *Marziano Capella dall' enciclopedia alla scena: le nozze di Mercurio e Filologia nel teatro del '500*, в: L. DE FINIS, изд., *Scena e spettacolo nell' antichità. Atti del convegno internazionale di studio* (Trento 1988), Firenze 1989, 285–303. * J. PRÉAUX, *Martianus Capella, orator emeritus*, в: Varron, *grammaire antique et stylistique latine. Recueil offert à J. COLLART*, Paris 1978, 172–179. * W. H. STAHL, *Martianus Capella and the Liberal Arts*, New York 1971. * J. WILLIS, *De Martiano Capella emendando*, Leiden 1971.

1. Имеются в виду приведенные для всех зодиакальных созвездий временные показатели восхода и перехода (8, 844 сл.).

КАССИОДОР

Жизнь, датировка

Флавий Магн Аврелий Кассиодор Сенатор родился в знатной семье. С 507 г. он был квестором при остготском дворе и в 514 г. стал ординарным консулом, в 523 г. — *magister officiorum* и в 533-м — префектом претория. Совместный с папой Агапетом план основать в Риме университет проваливается (536—537 гг.). Во второй половине своей жизни он все больше посвящает себя монастырю Виварий, который он основывает в своих владениях в нижней Италии с тем, чтобы им руководили аббаты. Туда он удаляется на покой после поездки в Константинополь (вероятно, не ранее 554 г.). Кассиодор умирает в глубокой старости (ок. 583 г.).

Обзор творчества

Активно занимаясь политической деятельностью (в период примерно до 540 г.), Кассиодор написал следующие произведения:

Chronica (519 г.), хронологическая таблица от Адама до Евтариха с особым вниманием к готам.

12 книг *Historia Gothica* (утрачены): 526—533 или 519 г.; сохранилось извлечение Иордана *De origine actibusque Getarum* (551 г.).

12 книг *Variae*, собрание написанных Кассиодором рескриптов, задуманное как стилистический образец (537 г.).

De anima.

Ordo generis Cassiodorum (фрагментарно сохранились: о Симмахе, Боэции, Кассиодоре).

Речи (частично сохранились без имени автора).

В монастыре были написаны:

Экзегетические произведения

Expositiones in Psalmos.

Complexiones in epistolas et acta apostolorum et apocalypsin (лишь это стоящее особняком произведение не оказало влияния).

Энциклопедические произведения

Institutiones, состоящие из *De institutione divinarum litterarum* (в 33 главах) и *De artibus ac disciplinis liberalium litterarum*.

De orthographia: поздний труд Кассиодора, где во введении автор делает обзор всего своего творчества (GL 7, р. 144).

Historia ecclesiastica tripartita: подборка отрывков из Теодорета, Созо-

мена и Сократа (посредственный перевод Епифания, который Кассиодор инициировал, но не относил к числу своих сочинений.

Источники, образцы, жанры

Кассиодор называет свои источники и часто просто делает подборку из заимствованных отрывков в неизменном виде. *Chronica* следуют за Евсевием, Иеронимом, пасхальными таблицами Виктория; они черпают сведения и из Авфидия Басса и содержат ценный Ливиев материал. В *Historia Gothica* были переработаны генеалогические предания готов и собственный опыт. Трактат *De anima* опирался прежде всего на Августина и Клавдиана Мамерта. *Комментарий к псалмам* исходит среди прочего и из Августина, который, как и Кассиан, определяет и воспитательные цели *Institutiones*. *De orthographia* содержит эксцерпты из Корнута, Велия Лонга, Курция Валериана, Папириана, Адаманция, Евтиха, Цезеллия Виндекса и Присциана. О *Historia ecclesiastica* уже шла речь.

Литературная техника

Удивительно количество литературного декора в прикладных работах. Даты и многие имена опущены — публикация не преследует исторических целей, автор хочет создать стилистический образец. Однако в расположении документов обращает внимание на ранг адресата — мы уже знакомы с подобным подходом в римской литературе.

Общие соображения, даже ученые экскурсы вмонтированы в документы. Аналогичным образом Кассиодор иногда украшает *Institutiones* изящными описаниями своего монастыря (*inst.* 29).

Язык и стиль

В *Variae* пересекаются (западноримский) канцелярский язык и эпистолярная литературная традиция. Фразеология искусственна вплоть до непонятности, даже в рескриптах. Однако Кассиодор никоим образом не пытается создать единую манеру; он в большей степени стремится овладеть, как и некоторые латинские стилисты до него, большим регистром промежуточных тонов.

Образ мыслей I Литературные размышления

В *Variae* Кассиодор рассуждает о многообразии выразительных средств; пишущему надлежит учитывать особенности тех лиц, для которых он творит, чтобы выбрать правильные.

Кассиодор рассматривает светскую науку как необходимое дополнение духовной. Чтобы построить библиотеку, он собирает рукописи и устанавливает задание для монахов: делать копии. Он называет это *contra diaboli subreptiones illicitas calamo atramentoque signare* («сражаться против гнусных попользований диавольских тростинкой и чернилами», *inst.* 1, 30). Точно так же он побуждает к переводу греческих книг. Его *Institutiones* иногда напоминают хороший путеводитель по библиотеке. Прежде всего он дает руководство для изучения Библии, а также характеристики христианским писателям Иларию, Киприану, Амвросию, Иерониму и Августину¹. Но затем, во второй части своих *Institutiones*, он рассматривает в семи главах *artes liberales*. Его интересы и в самом деле энциклопедичны, они включают и литературу по уходу за больными и естествознанию. Братьям, которые не могут проникнуть в научные глубины, он рекомендует заняться разведением садов.

Кассиодор систематически прибегает к герменевтике. Для *Истолкования псалмов* действует такая схема: объяснение заглавия, членение, краткое содержание. Собственно экзегеза, примыкающая к ней, исходит из личности говорящего как исторического центра и из Христа как духовного центра. Религиозный, исторический и мистический смысл не тождественны друг другу, моральный затрагивается только иногда. В конце всегда — краткое обобщение. Мало того, что основная модель текстовой медитации имеет риторический отпечаток: риторические элементы псалмов выделяются и детально²: псалмы — красноречие в полном смысле слова. Таким образом комментарий к ним способствует одновременно знакомству с вероучением и науками. Последние развивают то, что изначально заложено в библейском тексте.

1. Другой историко-литературный опыт был осуществлен в *Ordo generis Cassiodorum*.

2. Если бы Августин не христианизировал риторику, такой подход был бы немислим, свободные искусства выведены из Писания (*Aug. doct. chr.* 2, 28, 43; *civ.* 8, 11); см далее: E. GOFFINET, *L'utilisation d'Origène dans le Commentaire des Psaumes de saint Hilaire de Poitiers*, Louvain 1965.

Образ мыслей II

Мысли Кассиодора в начале его карьеры обращены к *persona* его владык; его собственный духовный облик остается в тени. Милостивая судьба дарит ему целую половину жизни, когда его собственные идеи могут выйти на свет Божий.

Его историческая концепция обусловлена положением при готском дворе. Он объединяет готов с гетами и скифами, чтобы вывести отсюда их роль в мировой истории; особенно тщательно он должен отнестись к генеалогии правящей династии Амалов. Зато он отыгрывается на собственной генеалогии, которой он посвящает отдельное произведение, особенно выделяя своих *духовных* предков. Сочинив похвальную речь Теодориху, сын римского сенатора приобрел сомнительную честь стать литературным слугою варварских князей и разделять в качестве высокого должностного лица их добрые и злые поступки. Борьбу против варварства он может вести только при закрытых дверях и лишь духовным оружием; здесь он выказывает недюжинную силу сопротивления, от которой приходится отрекаться при дневном свете. Публикацией *Variarum* он дает будущим магистратам образец хорошей латыни в служебных документах (и заодно — пищу для образования). Упадок державы становится для Кассиодора шансом получить свободу, и он им воспользовался. Он основывает вертоград духовный. Издревле укоренившаяся в Риме страсть к педагогике и энциклопедизму находит новую опору в христианстве, обретает более глубокие основания и наполняется практическим смыслом.

Влияние на позднейшие эпохи

Заведения Кассиодора — монастырь и библиотека — просуществовали недолго, но это ничего не меняет в их символическом значении для позднейших поколений. Благодаря своей практической жилке произведения нашего автора ревностно изучались в эпоху средневековья. *Variarum* выполняют свою задачу и служат школьным образцом канцелярского стиля. *Institutiones* вносят существенный вклад в настроение западного монашества, которое не удовлетворяется религиозным созерцанием, но переписывает и изучает классические тексты, превращаясь таким образом в ту среду, где сохраняется гума-

нистическое и энциклопедическое образование. Кассиодор — один из великих воспитателей Европы.

Издания: PL 69 и 70. * CSEL 71. * CC 96 и 97. * *anim.*: J. W. HALPORN, Turnholti 1973 (в: CC 96). * *chron.*: Th. MOMMSEN, MGH AA 11, 2, 120—161. * *gramm.* (*De orthographia* и *De arte grammatica* excerpta): GL 7, 143—216 KEIL. * *hist.*: W. JACOB, R. HANSLIK, Vindobonae 1952 (= CSEL 71). * *in psalm.*: M. ADRIAEN, Turnholti 1958 (= CC 97). * *inst.*: R. A. B. MYNORS, Oxonii 21961. * L. W. JONES (ППр), New York (1946) 1969. * *or. (frag.)*: L. TRAUBE, в: MGH AA 12, Berolini 1894, 465—484. * *rhet.*: C. HALM, Rhet. Lat. min. 495—500. * *var.*: Th. MOMMSEN, MGH AA 12, Berolini 1894, 3—385. * Å. FRIDH, Turnholti 1973 (в: CC 96). ** *Indices*: в изданиях, см. MOMMSEN, JACOB, FRIDH. ** *Библ.*: см. издания и монографии.

B. CROKE, Cassiodorus and the *Getica* of Jordanes, CPh 82, 1987, 117—134. * Å. FRIDH, Terminologie et formules dans les *Variae* de Cassiodore, Göteborg 1956. * Å. FRIDH, Contributions à la critique et à l'interprétation des *Variae* de Cassiodore, Stockholm 1968. * Å. FRIDH, Cassiodorus' Digression on Music, *var.* 2, 40, Eranos 86, 1988, 43—51. * J.-Y. GUILLAUMIN, La christianisation du thème de «l'œil de l'âme» chez Cassiodore (*inst.* 2, 3, 22), RPh 59, 1985, 247—254. * J. J. O'DONNELL, Cassiodorus, Berkeley 1979. * U. HAHNER, Cassiodors Psalmenkommentar. Sprachliche Untersuchungen, München 1973. * S. KRAUTSCHICK, Cassiodor und die Politik seiner Zeit, Bonn 1983. * S. LEANZA, изд., Atti della settimana di studi su Flavio Magno Aurelio Cassiodoro (Cosenza-Squillace 1983), Soveria 1986. * G. LUDWIG, Cassiodor. Über den Ursprung der abendländischen Schule, Frankfurt 1967. * R. MACPHERSON, Rome in Involution. Cassiodorus' *Variae* in their Literary and Historical Setting, Poznań 1989. * R. SCHLIEBEN, Christliche Theologie und Philologie in der Spätantike. Die schulwissenschaftlichen Methoden der Psalmenexegese Cassiodors, Berlin 1974. * R. SCHLIEBEN, Cassiodors Psalmenexegese. Eine Analyse ihrer Methoden als Beitrag zur Untersuchung der Geschichte der Bibelauslegung der Kirchenväter und der Verbindung christlicher Theologie mit antiker Schulwissenschaft, Göttingen 1979. * J. SVENNUNG, Zu Cassiodor und Jordanes, Eranos 67, 1969, 71—80. * G. VIDÉN, The Roman Chancery Tradition. Studies in the Language of *Codex Theodosianus* and Cassiodorus' *Variae*, Göteborg 1984. * L. VISCIDO, Sull'uso del termine *barbarus* nelle *Variae* di Cassiodoro, Orpheus NS 7, 1986, 338—344.

2. ОСНОВАТЕЛИ РИМСКОГО ПРАВА

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Высокая классика: юристы на государственной службе

Уже в эпоху ранней классики юриспруденцию связывают с государственной администрацией тесные узы¹. Юристы принимают все более активное участие в управлении Империей и провинциями; они часто попадают в сенат, даже тогда, когда они по происхождению не римляне: Л. Нераций Приск² из самнитского городка Сепин еще принадлежит к сенаторской фамилии, но Яволен начинает свою службу как офицер в ранге всадника, попадает благодаря Веспасиану в сенат и делает блистательную карьеру.

Практическая деятельность юристов оплодотворяет их научное творчество: на первом плане оказывается казуистика; характерны такие заглавия, как *Responsa*, *Epistulae*, *Quaestiones*, *Digesta*.

Отмеченный нами в предыдущих главах³ спор двух школ затухает к середине II в. Глава прокулианцев — П. Ювенций Цельс (сын)⁴, советник Адриана. То, что мы знаем о 29 книгах его *Digesta*, производит впечатление значительного своеобразия, самостоятельности и большой силы суждения. Языковое мастерство проявляется в сентенциях, которые стали крылатыми словами⁵.

1. KUNKEL, Herkunft 290—304.

2. R. GREINER, Opera Neratii, диссертация, Freiburg: Karlsruhe 1973; в скором времени D. LIEBS, HLL § 396, 3.

3. См. выше т. II, стр. 970—973 и 1388—1390.

4. Претор в 106 или 107 г., в 129 г. — консул во второй раз, ок. 110 г. — фракийский наместник, позднее — наместник Азии; F. WIEACKER, *Amoenitates Iuventianae*. Zur Charakteristik des Juristen Celsus, Iura 13, 1962, 1—21; M. BRETONE, Note minime su Celsus filius, Labeo 9, 1963, 331—345; KUNKEL, Herkunft 146 сл.; H. HAUSMANNINGER, P. Iuventius Celsus. Persönlichkeit und juristische Argumentation, ANRW 2, 15, 1976, 382—407.

5. Таково, например, определение *ius* как *ars boni et aequi*, «науки о благом и справедливом» (Dig. 1, 1, 1 *pr.*) и юриспруденции следующим образом: *scire leges non hoc est verba earum tenere, sed vim ac potestatem* («знать законы — значит помнить не их слова, но смысл и значение», Dig. 1, 3, 17); *incivile est nisi tota lege perspecta una aliqua particula eius proposita iudicare vel respondere* («негражданственно выносить сужде-

Ведущий сабинианец, Сальвий Юлиан¹, ученик Яволена, вероятно, самый влиятельный юрист классической эпохи. Его главный научный труд — *Digesta* в 90 книгах — дает последовательный разбор проблем правоповедения в сочетании с вопросами слушателей и ответами учителя². По заданию Адриана он приводит в окончательный вид юрисдикционные эдикты: его текст утверждается постановлением сената, и теперь только сам принцепс имеет право его изменять³.

Юлиан (Dig. 40, 5, 20) обладает даром ясно анализировать даже самые сложные ситуации: он исходит из оценки интересов, а не из застывшей понятийной схемы. Его латинский язык является образцовым в своей простоте и благородстве⁴. Он окончательно решил много спорных вопросов⁵. Вскоре после него противостоянию школ суждено было утратить свое прежнее значение.

Казуистически работают и Ульпий Марцелл (при Антонине Пие и Марке Аврелии) со своими обширными *Digesta*, а также член совета Марка Аврелия Кв. Цервидий Сцевола (*praefectus vigillum*, «начальник стражи» ок. 175 г.); его деятельность юрисконсульта в восточной половине державы помогла ему написать *Quaestiones, Digesta* и опубликованные посмертно *Responsa*.

Сильная сторона Помпония⁶, которому, как представляется,

ние либо давать ответ, не принимая во внимание весь закон и выставляя одну какую-либо его часть», Dig. 1, 3, 24); *impossibile nulla obligatio* («где нет возможности, нет и обязанности», Dig. 50, 17, 185; ср. § 306 Bürgerliches Gesetzbuch).

1. Родом из италийской семьи, обосновавшейся в Гадруме (Африка), наместник *Germania inferior* с резиденцией в Кельне, консул 148 г., получил от Адриана двойное квесторское жалование *propter insignem doctrinam*, «за выдающиеся научные заслуги»; D. NÖRR, Drei Miszellen zur Lebensgeschichte des Juristen Salvius Iulianus, в: Daube noster. Essays in Legal History for D. DAUBE, Edinburgh 1974, 233—252; E. BUND, Salvius Iulianus, Leben und Werk, ANRW 2, 15, 1976, 408—454; в скором времени D. LIEBS, HLL § 414.

2. Th. MOMMSEN, Ueber Iulians Digesten, ZGR 9, 1870, 82—96 (= Ges. Schr. 2, 7—20).

3. В юлиановской редакции эдиктов сомневается A. GUARINÒ, Storia del diritto romano, Napoli, 41969, 460—462.

4. *Latina Iuliani dictio non modo pura est, sed et tersa aliquando, ubique vero castigata, nusquam abrupta aut turgida* («Латынь Юлиана отличается не только чистотой, но подчас и тщательностью отделки, она везде безукоризненна, никогда не впадает в бессвязность или напыщенность», HEINECCIUS у W. KALB, Roms Juristen nach ihrer Sprache dargestellt, Leipzig 1890, 57).

5. О юридическом методе: E. BUND, Untersuchungen zur Methode Iulians, Köln 1965.

6. Он пишет в промежутке от Адриана до Марка Аврелия: LENEL, Palingene-

было отказано в официальных должностях и *ius respondendi*, заключается в обработке сведений и в превосходной их подаче. Его тонкому учебнику для начинающих, который он — вероятно по примеру Эпиктета — называет *Enchiridium*, мы среди прочего обязаны обзором ранней истории римского права (Dig. 1, 2, 2). Кроме того, Помпоний сочиняет три произведения о *ius civile* в виде объемистого комментария к Сабину, Кв. Муцию и Плавцию, *комментарий к эдиктам*, три монографии (о *fideicommissum*¹, *stipulatio*² и *senatusconsulta*), затем *Epistulae* и *Lectiones*, в сумме около 300 книг. Помпоний — эрудированный и умный учитель и пишет ясным латинским языком. Его юридическая мысль не всегда свободна от догматизма.

Поздняя классика: юристы из провинции

Юристы императорской эпохи обычно занимают те должности, которые положены сенаторам и традиционно связаны с городским управлением Рима, а затем получают высокие посты в имперской администрации. Однако, как видно уже на примере Юлиана, юристы эпохи высокой классики — далеко не всегда выходцы из высшего городского сословия. В позднеклассическую эпоху продолжается этот неблагоприятный для Рима процесс: практически все юристы в правление Севера родом из провинций (насколько мы вообще можем судить об их происхождении). Поскольку они обязаны своим влиянием цезарю, а не сенату, их продвижение по службе возможно по большей части благодаря карьере всадника³.

Таким образом и Гай (ок. 120—180 гг.)⁴, один из самых значи-

sia 2, 15—160; G. WESENBERG, RE 21, 2, 1952, 2416; M. BRETONE, Motivi ideologici dell'*Enchiridion* di Pomponio, Labeo 11, 1965, 7—35; D. NÖRR, Pomponius oder «Zum Geschichtsverständnis der römischen Juristen», ANRW 2, 15, 1976, 497—604; в скором времени D. LIEBS, HLL § 422.

1. Досл. «*вверенное честности другого*» — изначально неформальная просьба наследователя к наследнику выполнить какое-либо его пожелание; со времен Августа принимает юридический характер (прим. перев.).

2. Формальный устный контракт (прим. перев.).

3. J. BLEICKEN, *In provinciali solo dominium populi Romani est vel Caesaris* — Zur Kolonisierungspolitik der ausgehenden Republik und frühen Kaiserzeit, Chiron 4, 1974, 359—415; D. LIEBS, Römische Provinzialjurisprudenz, ANRW 2, 15, 1976, 288—362; J. BLEICKEN, *Verfassungs- und Sozialgeschichte des römischen Kaiserreichs*, 2 т., München (1978), 21981.

4. Издания: J. F. L. GÖSCHEN, Berolini 1820 (первое издание по палимпсесту); P. KRÜGER, W. STUEDEMUND, Berolini 1923; E. SECKEL, B. KÜBLER, Lipsiae 1935; F. DE

мых и плодотворных для будущего писателей-юристов, родом из провинции; его точное происхождение под вопросом; его полное имя и обстоятельства жизни неизвестны. Об одном событии в правление Адриана он сообщает по личным впечатлениям (Dig. 34, 5, 7 *pr.*); *Institutiones* вышли в свет около 161 г.

Произведения Гая включали в целом около 100 книг, среди них — *Ad edictum principale libri XXX*¹ и комментарий к Законам двенадцати таблиц, но он не писал казуистических произведений. Сохранился только его учебник для начинающих — *Institutiones* в четырех книгах². Тому же самому предмету были посвящены *Digesta* и цитируемые в *Institutiones* Юстиниана *Res cottidianae*³ (или *Aurea*) с той же структурой (и лишь в некоторых аспектах подробнее); аутентичность этого произведения, его отношение к *Institutiones* и размер эвентуальных интерполяций остаются под вопросом.

В первой книге *Institutiones* Гай излагает индивидуальное и семейное право, во второй и третьей — вещное, долговое и право наследования, в четвертой — процессуальное. Это подразделение гражданского права сохраняется еще в современных кодексах законов⁴.

В соответствии с жанром *Institutiones* — систематически построенный учебник; параллелью могло бы послужить такое

ZULUETA (ТПК); 2 тт., Oxford 1946—1953; книги 1 и 2 — H. L. W. NELSON, M. DAVID (TK), Leiden 1954—1968. О происхождении Гая: MOMMSEN, Ges. Schr. 2, 1905, 26—38; W. KALB, Roms Juristen nach ihrer Sprache dargestellt, Leipzig 1890, 73—88 (проблематично); F. КНИЕР, Der Rechtsgelehrte Gaius und die Ediktskommentare, Jena 1910, 1—29; 57—77; H. KROLL, Zur Gaius-Frage, диссертация, Münster 1917; WIEACKER, Textstufen 186—199; SCHULZ, Geschichte 191—201; KUNKEL, Herkunft 186—213; D. LIEBS, Gaius und Pomponius, в: Gaio nel suo tempo. Atti del simposio romanistico, Napoli 1966, 61—75; его же, Römisches Recht 66—68; его же, Römische Provinzialjurisprudenz, ANRW 2, 15, 1976, 288—362, о Гае особенно 294—310; G. DIÓSDI, Gaius, der Rechtsgelehrte (с библи. R. WITTMANN'a), ANRW 2, 15, 1976, 605—631; основополагающая работа H. L. W. NELSON 1981, особенно 413—424 (критика предшественников); в скором времени D. LIEBS, HLL § 426.

1. Подступ к комментарию эдиктов — обе книги *Ad edictum aedilium curulium*.

2. Единственную рукопись на палимпсесте открыл НИБУР в 1816 г. в *Biblioteca Capitolare* в Вероне; к ней добавляются два папирусных фрагмента; кроме того, известны позднейшие пересказы и истолкования.

3. За версию об интерполяциях и сложном взаимодействии текстов M. FUHRMANN, Zur Entstehung des Veroneser Gaius-Textes, ZRG 73, 1956, 341—356; против выступает H. L. W. NELSON 1981, 326—328.

4. Система пяти разделов — например, немецкого Гражданского кодекса — в конечном счете восходит к Гаю.

произведение, как *Institutio oratoria* Квинтилиана¹. Юридическая систематика, чьи грамматически-философские корни объясняли по-разному², явно старше времен Гая. Членение материала у Гая с уверенностью можно уподобить тому, что нам известно об аналогичном труде Нерация; этот последний, правда, не сабинианец, в отличие от Гая, который мог воспользоваться посредничеством одного из наставников школы³. Однако его личный вклад — не только дидактический, он заключается также и в строгости, с которой эта классификация проводится в деталях.

Стиль отличается простотой и ясностью. Элементы повседневного языка ненавязчивы, грецизмы практически отсутствуют. Признаки профессионального и служебного языка в пределах общепринятой нормы.

Гай создает учебник для подготовки профессионалов имперской администрации; однако государи начиная с Адриана благоприятствуют и чисто гражданской карьере, предполагающей юридическую подготовку. Предположительно наш автор не получил от императора никакой авторизации; современники и потомки его игнорируют. Зато тем сильнее оказывается его влияние с V века: цитационный закон Валентиниана III (*cod. Theod.* 1, 4, 3) 426 г. включает его в число авторитетных источников, на которые можно ссылаться в суде.

Великие представители поздней классики

Сначала на первом плане оказывается право юристов, основанное на практике ответов, которые дают ученые специалисты. Период его расцвета заканчивается с военной монархией Северов. Новый слой римского права образуют императорские конституции (включая судопроизводство государя). Их

1. Об этом FUHRMANN, *Lehrbuch* 104–121 и особенно 183–188; ср. также W. VON KOTZ-DOBŹ, *Institutiones*, RE 9, 2, 1916, 1566–1587; за стоическое влияние: A. SCHMEKEL, *Die Philosophie der mittleren Stoa*, Berlin 1892, 439–465, особенно 456; M. POHLLENZ, *Die Stoa* 1, Göttingen 1984, 191–276, особенно 263 сл.; 2, 1972, особенно 135 (комм. к стр. 263).

2. Скептически H. L. W. NELSON 1981, 335 сл. с прим. 2 и 3 (с критикой в адрес H.-J. METTE, *Ius civile in artem redactum*, Göttingen 1954 и F. WIEACKER, *Griechische Wurzeln des Institutionensystems*, ZRG 70, 1953, особенно 93–113).

3. За использование Нерация в качестве образца: D. LIEBS 1976 (правовые школы), особенно 217 и 225–227; за Сабина: H. L. W. NELSON 1981, 374 сл. с прим. 61 и 62; критически D. LIEBS, *Gnomon* 55, 1983, 122 сл.

пора настает во II в. по Р. Х., когда Империя сбрасывает республиканские одежды; практике ответов свободных юристов приходит конец. Таким образом, римское право развивается поэтапно. Оба важнейших правовых источника впервые оказываются рядом друг с другом в равном положении в кодификациях поздней античности.

Позднюю классику, приходящуюся примерно на период правления Северов (193—235 гг.), характеризует более активное привлечение юристов к делам управления: ученые специалисты занимают высокие всаднические должности (например, *praefectus praetorio*¹) и дают советы государю. Часто они родом из восточной половины Империи (*νομιχοὶ Ῥωμαῖοι*). В начале V века Рим теряет ведущее положение и в правовой области. Уже с III столетия все чаще ограничиваются переработкой уже имеющегося в наличии материала.

Самый ранний и крупнейший представитель поздней классики, Эмилий Папиниан², ученик Цервудия Сцеволы, родился ок. 150 г., возможно, в Африке. Мы не знаем его происхождения и не можем подтвердить предположение о том, что он мог быть свояком императора Септимия Севера³. Типичная всадническая карьера⁴ приводит его к посту *praefectus praetorio* (203—212 гг.; CIL 6, 228); после смерти Септимия Севера (211 г.) его отрешают от власти. Непопулярный среди столичного гарнизона, после государственного переворота Каракаллы и убийства его брата и соправителя он был приговорен к смерти на показательном процессе преторианцев и казнен без вмешательства Каракаллы (Dio Cass. 78, 1, 1, и 78, 4; преобразяя события *Hist. Aug.* 13, 8; 13, 4; критически *Aug. Vict. Caes.* 20, 30 слл.).

1. Два *praefecti praetorio* (со 2 г. до Р. Х.) назначаются из всадников; они — члены *consilium*, совета императора, который дает им поручения по гражданской части, прежде всего по вопросам юрисдикции. При Константине эта должность становится чисто гражданской и сенаторской.

2. WIEACKER, *Textstufen* 332—338; KUNKEL, *Herkunft* 224—229; V. GIUFFRÈ, *Papinian: fra tradizione ed innovazione*, ANRW 2, 15, 1976, 632—666; в скором времени D. LIEBS, HLL § 416.

3. D. LIEBS, *Römische Provinzialjurisprudenz*, ANRW 2, 5, 1975, прим. 31; D. NÖRR, *Ethik von Jurisprudenz in Sachen Schatzfund*, BIDR 75, 1972, 29—30, прим. 100 (с лит.).

4. Около 170 г. он был *assessor*, «заседаемый», при *praefecti praetorio*, в 194—202 гг. ведущим сотрудником и потом — руководителем императорской канцелярии *a libellis*, «по прошениям частных лиц» (Dig. 20, 5, 12).

Папиниан пишет казуистические сборники: 37 книг *Quaestiones* (в порядке предшествующих *Digest*), 19 книг *Responsa*; к последним Павел и Ульпиан позднее сочинили критические *Notae*. *Responsa* Папиниана не ограничиваются протоколированием вопроса и последующего решения; они дают важные аргументы в его пользу, по крайней мере приводятся параллельные случаи и контрпримеры. Манера Папиниана отличается лаконичностью и интеллектуальной насыщенностью, и поэтому его не всегда просто понять. Автор тонко подходит к обсуждаемому случаю и находит недогматические решения. Чаще, чем другие юристы, он аргументирует их этическими соображениями (например, *Dig.* 28, 7, 15); он своей смертью доказал, что для него это были не слова. Поздняя античность в лице Папиниана чтит величайшего юриста всех веков (*Hist. Aug.* 10, 21, 8; *Iust.* 6, 42, 30 *acutissimi ingenii vir et merito ante alios excellens*, «муж с пронзительнейшим умом и по заслугам выделяющийся среди остальных»); студенты-юристы V–VI столетий в начале третьего года своих занятий отмечали праздник в честь Папиниана и назывались на этом курсе *Papinianistae*, поскольку основным предметом их штудий были тексты, вышедшие из-под его пера. В юридическом хоре его гуманный голос особенно весом (*cod. Theod.* 1, 4, 1, 3). Ему пишет памятник Андрей Грифий († 1664 г.) в своей последней драме *Grossmüthiger Rechts-Gelehrter oder Sterbender Aemilius Paulus Papinianus* (Breslau 1659)¹.

Юлий Павел², потомок человека, которому Цезарь или Август даровал гражданские права, родился ок. 160 г. и учился также у Сцеволы. Занимаясь адвокатской практикой, он становится *assessor* при префекте претория Папиниане и советником по вопросам права при императоре Септимии Севере, по видимому, в 218/219 г. — префектом претория при Элагабале, что заканчивается для него ссылкой. Александр Север реабилитирует его и снова привлекает в качестве советника.

Его труды — более 300 томов — частично посвящены казуистике: 26 книг *Quaestiones*, 23 книги *Responsa*, 6 книг *Imperiales sententiae in cognitionibus prolatae*. Однако преобладают комментарии и изложения: комментарий к эдиктам включает 78 книг, к эдильским эдиктам — только две, к Сабину — 16 книг. В моно-

1. D. NÖRR, Papinian und Gryphius, ZRG 83, 1966, 308–333.

2. A. BERGER, RE 10, 1, Iulius 382, 1918, 690–752; C. A. MASCHI, La conclusione della giurisprudenza classica all'età dei Severi. Iulius Paulus, ANRW 2, 15, 1976, 667–707; в скором времени D. LIEBS, HLL § 424.

графиях Павел разрабатывает дотоле незатронутые темы¹. *Pauli sententiae receptae*, раннепостклассическая компиляция юридических трудов и императорских актов, *constitutiones principum*, задумывались как справочник для практических нужд в провинции.

Павел цитирует практически всю прежнюю литературу, в особенности Лабеоны, Сабина, Юлиана, Африкана, Помпония, Марцелла, Сцевола. Использует он и Гая. Павел отважно и иногда резко критикует предшественников. Использование классического понятийного аппарата отличается строгостью.

Домиций Ульпиан², родившийся в 170 г., называет своим родным городом, *origo*, Тир (Dig. 50, 15, 1 *pr.*), который воздвигает в его честь четырехметровую мраморную статую³; он занимает должность *assessor* городского претора или *praetor urbanus*, проходит много ступенек⁴, достигает ранга *praefectus praetorio* (222 г.; *cod. Iust.* 4, 65, 4) и становится членом императорского совета (*Hist. Aug. Alex. Sev.* 26, 6; 68, 1) и в этом качестве — самым влиятельным человеком в государстве. Он сам не был вполне разборчив в политических средствах, и в 223 г. его убивают собственные преторианцы (Pap. Оху. 31, 2565; Cass. Dio 80, 2).

Почти все его произведения написаны при Каракалле. Лишь тонкая монография об основаниях для отклонения опеки относится к раннему периоду его творчества (а также две книги *Responsa* и многие — *Disputationes publicae*). Его комментарии еще подробнее, чем аналогичные труды Павла: 81 книга о преторских эдиктах, 2 — об эдильских, 51 — к Сабину (не полностью, опубликованы посмертно). Наш автор комментировал и законы Августа⁵. К практике правовых занятий восходят 7 книг *Regulae* и две *Institutiones* со знаменитыми местами о *ius, ius naturale* и *iustitia* (Dig. 1, 1, 1 *pr.*; 1, 1, 10).

Основополагающей остается его разработка экстраорди-

1. *De portionibus quae liberis damnatorum ceduntur, De iure singulari, De iuris et facti ignorantia.*

2. KUNDEL, Herkunft 245—254; Th. MAYER-MALY, RE 9 A 1, 1961, 567—569; SCHULZ, Geschichte passim; R. ORESTANO, Novissimo Digesto italiano 19, 1973, 1106 (с лит.); G. GRIFO, Ulpiano. Esperienze e responsabilità del giurista, ANRW 2, 15, 1976, 709—789.

3. Année Épigraphique 1988, Nr. 1051.

4. *Magister a libellis, magister scrinii*, «начальник отделения императорской канцелярии», *praefectus annonae*, «начальник провинциального ведомства».

5. *Leges Iulia et Papia, Lex Iulia de adulteriis, Lex Aelia Sentia.*

нарной юрисдикции¹; 10 книг *De officio proconsulis* позднее используются особенно активно. Таким образом при Ульпиане юриспруденция окончательно прекращает концентрироваться на столичном материале.

Ульпиан как энциклопедист охватывает в своем творчестве всю сферу правовой науки. Он подводит итоги всей ранней и классической юридической литературы, упорядочивает и проверяет решения по конкретным случаям для будущего использования. Не будучи чужд миссионерского сознания², он сочетает теорию с практикой и приближается к своей цели — сделать практически ненужной всю прежнюю правовую литературу: извлечения из его трудов занимают добрых две пятых *Дигест*³, так что с его творчеством мы знакомы лучше, чем с наследием любого из его коллег.

Ученик Ульпиана Геренний Модестин (*praefectus vigilum*, «начальник городской стражи», ок. 228 г.) пишет *Pandectae, Responsa, Regulae, Differentiae* и некоторые монографии. Элий Марциан сочиняет после 217 г. 16 книг *Institutiones* и 5 книг *Regulae*. Оба автора цитируют *Дигесты*; Модестин в силу цитационного закона 426 г. входит со своими произведениями в круг пяти наиболее авторитетных юристов, на высказывания которых можно ссылаться в суде.

Упадок юридической литературы

Паралич литературного творчества в середине III в. сказывается и в правовой области. В эпоху хаоса после смерти Александра Севера (235 г.) и до прихода к власти Диоклетиана (с 284—285 г.) насчитывается 69 императоров; по крайней мере на 60 больше, чем нужно. Лишь немногие заставляют признать всю Империю свою власть на сколько-нибудь продолжительный срок. Кроме того, возрастают внешнеполитические

1. О юрисдикции специальных преторов по опеке и доверенности, консулов, городских префектов и провинциальных наместников; *De omnibus tribunalibus libri* Х рассматривают экстраординарную юрисдикционную компетенцию римских магистратов — это сборник не публиковавшихся произведений.

2. D. NÖRR, *Iurisperitus sacerdos*, в: Xenion. FS P. J. ZEPOS, Athen, Freiburg 1973, 1, 555—572; D. NÖRR, *Ethik von Jurisprudenz in Sachen Schatzfund*, BIDR 75, 1972, 11—40, особенно 38—40; M. FUHRMANN, D. LIEBS, *Fälle aus dem römischen Recht*. Kommentar, Bamberg 1974, 13—15.

3. Дальнейшие свидетельства: *Fragmenta Vaticana, Collatio legum Mosaicarum et Romanarum, Scholia Sinaitica*, папирусные находки, цитаты у иных авторов.

трудности: нет условий для культивирования права и регулярного законодательного творчества — некоторым цезарям так и не приходится увидеть столицу. Императорские рескрипты¹ (то есть ответы на письменные представления) с помощью *magister libellorum* в годы бедствия становятся редкими; только при Карине и Диоклетиане эта служба вновь оживает. Одновременно дух времени изменяется под влиянием неоплатонизма и мистериальных религий: северная Африка, прежде колыбель адвокатов, скоро станет родиной богословов².

Императорские установления (*Constitutiones principum*)

Источники права теперь изменяются окончательно. Столетиями право развивалось из экспертных отзывов, а право юристов *iuris* воспринималось как таковое. На смену этому «прежнему праву», *iuris vetus*, с начала III в. все последовательнее приходит императорское право. *Constitutiones principum*³ — своды, составляемые под этим обозначением со времен Адриана — теперь в любой форме, даже в виде простой справки в ответ на заявление частных лиц (письменно — *subscriptiones* или *rescripta*, устно — *interlocutiones de plano*) — становятся все более авторитетными и начиная с военной монархии Севера опережают в этом отношении *responsa* юристов; последние с конца III в. играют более чем скромную роль. С начала императорской эпохи республиканские традиции постепенно отмирают — после Нервы народное участие в законодательстве, а при Адриане и юрисдикция магистратов (она принадлежит только ученым специалистам); некогда свободные эксперты теперь будут работать по указаниям государей. Сенатские постановления по понятным причинам все чаще совпадают с зачитываемыми в курии императорскими посланиями (*oratio principis*).

1. D. V. SIMON, Konstantinisches Kaiserrecht, Frankfurt 1977, 5–49.

2. Тертуллиан, по-видимому, первоначально был юристом, во всяком случае он занимался адвокатской деятельностью; за идентичность с юристом: D. LIEBS 1976 (Provinzialjurisprudenz), прим. 37 а; в скором времени D. LIEBS, HLL § 417.2; A. BECK, Römisches Recht bei Tertullian und Cyprian (1930), расш. перепечатка Aalen 1967, 13–17 и предисловие к перепечатке; напротив, см. зд. стр. 1670, ср. 1663; о характеристике эпохи D. LIEBS, HLL 5, 1989, 55–56 (с лит.); F. WIEACKER, Recht und Gesellschaft in der Spätantike, Stuttgart 1964.

3. LIEBS, Recht 69–73; цезарь по *Lex de imperio* действует по поручению народа, но как законодатель (Gaius *Inst.* 1, 5).

Со времен Константина законодательные инициативы цезаря открыто называются *leges*; формулировка издавна вменяется в обязанность императорскому квестору (*quaestor sacri palatii*), но теперь его должность и официально занимает более высокое положение в табели о рангах.

В эпоху поздней античности нередким явлением становятся официальные сообщения от имени императора или высших должностных лиц. К этому прибавляются кодексы законов. По большей части в этих сборниках до нас дошли главные разделы, устанавливающие законы, или их части. Зачастую эти тексты удовлетворяют и эстетическим требованиям: стиль здесь пышный, даже помпезный.

Общеобязательные законы¹ (*lex, lex generalis, lex edictalis*) существуют в трех формах: сплошь и рядом в основе такого рода акта лежит письмо цезаря (*epistula*) высокому должностному лицу — городскому префекту или префекту претория, который помещает текст закона в свой эдикт или сообщает нижестоящим начальникам. Часто император обращается в форме эдикта² непосредственно к народу (*ad populum, ad universos provinciales*, «ко всем провинциалам» и т. п.). Более редкое явление — письмо цезаря, адресованное римскому сенату (*oratio ad senatum, senatusconsultum*), еще реже он обращается в Константинополь. Разумеется, понятия *constitutio* и *lex* могут использоваться и без претензии на общеобязательность и силу закона: для выражения благосклонности, предоставления налоговых льгот, императорских даров и привилегий.

Послеклассическая эпоха

Мощный административный аппарат позднеримской мировой державы, который должен обладать юридическим образованием, испытывал настоятельную потребность во всеобъемлющем и обозримом кодексе законов³. Обстоятельства же позволяли появляться на свет лишь скудным схолиям к импе-

1. Сведения о сохранившихся текстах и их истолкование у D. LIEBS, HLL 5, 1989, 58–60.

2. LIEBS, Recht 70.

3. D. NÖRR, Zu den geistigen und sozialen Grundlagen der spätantiken Kodifikationsbewegung, ZRG 80, 1963, 109–140; о позднеантичных правообразующих факторах: J. GAUDEMET, La formation du droit séculier et du droit de l'Eglise aux IV^e et V^e siècles, Paris 1957.

раторским конституциям, а также эпитомам позднеклассических произведений.

С середины III вплоть до второй половины V в. у нас есть только обрывочные сведения об именах, жизни и деятельности юристов: их труды анонимны или украшаются именами классических авторов. Только в последнее пятидесятилетие исследователям удалось раскрыть подлинное происхождение послеклассических трактатов; еще тяжелее хронологические привязки.

Время от завершения классического периода и до конца античности можно разделить на четыре периода: юриспруденция исхода третьего столетия вплоть до Диоклетиана, эпоха утверждения христианства (от Константина до 410 г.), эпоха переселения народов и начало обычного права на Западе вплоть до средневековья (в то время как на Востоке классическое право переживает в школах V в. свое возрождение) и, наконец, эпоха Юстиниана. Вероятно, с конца третьего столетия обучение праву основывается на вполне определенных произведениях: на Востоке студенты первого года («*dupondii*») читали *Institutiones* Гая, второго года («*edictales*») — в основном большой Ульпианов комментарий к эдиктам, третьего («*Papinianistae*») — *Responsa* Папиниана, четвертого — *Responsa* Павла, пятого — императорские конституции; на Востоке оба эти курса назывались *λύται*. Кроме того, появляются (часто под именами классических авторов) короткие компендиумы для практиков (примерно в 5–6 книгах) — *Iuris epitomae, Regulae, Sententiae, Opiniones*. Сюда же относится и дошедший до нас в одной из ватиканских рукописей *Regularum liber singularis Ulpiani*¹, напоминающий Гая. Прежде всего именно через вестготское законодательство (*Lex Romana Visigothorum*) доходят до нас *Pauli sententiae*², элементарный учебник по позднеклассическим

1. F. SCHULZ, *Die Epitome Ulpiani des Codex Vaticanus Reginae* 1128. Juristische Texte für Vorlesungen und Übungen 3, Bonn 1926 (ТПр); D. LIEBS, *Ulpiani Regulae — Zwei Pseudepigrapha*, в: Romanitas — Christianitas. FS J. STRAUB, Berlin 1982, 282–292; его же HLL 5, München 1989, 67 (лит.).

2. E. LEVY, *Pauli sententiae. A Palingenesia of the Opening Titles as a Specimen of Research in West Roman Vulgar Law*, Ithaca, N. Y. 1945; *Pauli sententiarum fragmentum Leidense* = *Studia Gaiana* 4, Leiden 1956; H. SCHELLENBERG, *Die Interpretationen zu den Paulus-Sentenzen*, Göttingen 1965; LIEBS, *Recht 88* с прим.; его же, HLL 5, 1989, 65–67; D. LIEBS, *Römische Jurisprudenz in Africa. Mit Studien zu den pseudopaulinischen Sentenzen*, Berlin 1993, 28–108; D. LIEBS, *Die pseudopaulinischen Sentenzen. Versuch einer neuen Palingenesie*, ZRG 112, 1995, 151–171.

юридическим текстам. Самый удачный компендиум римского права в эпоху поздней античности, сборник коротких реплик без обсуждения проблемы, он заглавием выдает себя за призанные сентенции Павла, которые тот якобы написал для своего сына (ср. *Dicta Catonis ad filium suum*, также выходящие в свет в III в.).

Циркулирующие под именем Гая произведения *Regularum liber singularis* и *Regularum libri*, как представляется, также относятся к постклассической эпохе. В это время появляются глоссемы и резюме, инкорпорируемые в классические тексты; остальное опускается¹. Входят в моду краткие редакции — например, *Институций* Гая, юридические словари и собрания эскерптов из поздних классиков.

Вообще часто остающиеся для нас анонимными эпигоны постклассической эпохи вместо сложной казуистики дают сообразный с нормой взгляд на право. Сентенции лаконичны, обоснования, истолкования и обсуждение отсутствуют.

Первые сборники *constitutiones*

Около 300 г. появляются сборники цитат из классиков и прежде всего из императорских *constitutiones*. Их можно охарактеризовать как предвестников *Дигест* и *Кодекса Юстиниана*. Не сохранившийся *Codex Gregorianus*², частное собрание *constitutiones* от Адриана до Диоклетиана некоего Григория из императорской канцелярии *a libellis*, выходит в свет в 291 г., через четыре года после *Codex Hermogenianus*³, также частного сборника диоклетиановских указов. Оба переиздаются в расширенном виде⁴. Фрагменты из *Iuris epitomae*⁵ юриста Гермогениана⁶, позднее префекта преторианцев при Максимиане, вошли в юстиниановские *Дигесты*, как и *Codices Gregorianus* и *Hermogenianus* стали частью Кодекса Юстиниана⁷: заимствуется каркас из за-

1. Ср. KUNKEL, *Rechtsgeschichte* 133 с прим. 4; от преувеличений предостерегает M. KASER, цит. ниже прим. 1 к стр. 1658.

2. Извлечение из *Lex Romana Visigothorum*, известен по цитатам и ссылкам; ср. D. LIEBS, HLL 5, 1989, 60–62.

3. D. LIEBS, HLL 5, 1989, 62–64.

4. D. LIEBS, HLL 5, §§ 504–505.

5. D. LIEBS, *Hermogenians Iuris epitomae*, AAG 3, 57, 1964.

6. С эллинистического Востока, вероятно, преподаватель права в Бейруте.

7. G. ROTONDI, *Scritti giuridici* 1, Pavia 1922, 110–265 (*Studi sulle fonti del Codice Giustiniano*).

головков и все опубликованные от Адриана и до 312 г. *constitutiones*. Цитаты из поздних классиков (с указанием источников), а кроме того, императорские указы не только обоих названных частных кодексов составляют вышедший в свет ок. 320 г. труд, по охвату приблизительно равный *Digesta*, как можно понять по *Fragmenta iuris Vaticana*¹. Вероятно, его целью было заменить классические тексты на занятиях по праву, но использовался он и на практике. Вышедший в свет примерно в 400 г. (не доведенный до конца и сохранившийся без имени автора) труд *Collatio legum Mosaicarum et Romanarum*², содержащий извлечения из пяти признанных авторитетными источниками для ссылок в суде юристов³ — Папиниана, Павла, Ульпиана, Гая, Модестина и императорских конституций по *Codices*, имеет целью доказать, что *ius Mosaicum*, «закон Моисея», и *ius Romanum* совпадают; его тенденция — открыто христианская, а по G. BARDONE-ADESI (*L'età della lex Dei*, Napoli 1992) — иудейская.

Обычное право

В IV в. знакомство с классическими текстами становится все более редким явлением. Теперь довольствуются основными трудами четырех важнейших авторов позднеклассической эпохи и *Institutiones* Гая, в западных провинциях — Гаем и раннепостклассическими практическими компендиумами, прежде всего *Pauli sententiae*, и сборниками императорских конституций. Многие юристы поддерживают правовую практику, как, например, чередующиеся с соответствующими магистратами (прежде всего губернаторами провинций) *assessores*. Кроме того, в большинстве провинций есть постоянно проживающие там «опытные юристы» — *iuris studiosi* (*iuris periti*, *νομικοί*); они получают скудное жалованье и по своему общественному престижу, самосознанию и рангу среди интеллектуальной элиты стоят гораздо ниже юристов классической эпохи. От V века до нас дошли прикладные тексты и разнообразные латинские *Epitomae* и схолии⁴, где юридический понятийный аппарат ак-

1. D. LIEBS, HLL 5, 1989, 64–65; F. RABER, *Fragmenta iuris Vaticana*, RE Suppl. 10, 1965, 231–241.

2. SCHULZ, *Geschichte* 394, прим. 1.

3. *Cod. Theod.* 1, 4, 3; об этом WIEACKER, *Textstufen* 156; 171; KRÜGER, *Quellen* 299–300.

4. Издания сохранившихся текстов (кроме кодекса Юстиниана): P. KRÜGER,

туализируется и часто вульгаризируется¹; на законодательство германских держав римское право оказывает влияние именно в такой форме.

Новое оживление классики на Востоке

Законодательство, а также правовая практика восточной половины Империи в IV и V в. изначально лишь незначительно отличаются от порядка, господствующего на Западе. Напротив, школьная наука Востока снова обращается к классическому наследию; прежде всего тон задавала правовая школа в Берите², колонии граждан, восходящей еще к Августу. Вторая правовая школа, основанная между 414 и 425 г. в Константинополе, следует тем же курсом. От текстов доюстиниановской эпохи сохранились только отрывки; к беритской школе восходят *Scholia Sinaitica*³ (фрагмент греческого комментария к *Libri ad Sabinum* Ульпиана); от сирийско-римской книги по праву⁴ на

Th. MOMMSEN, G. STUEDEMUND, *Collectio librorum iuris anteiustiniani*, 3 тт., т. 1, Berolini 1899; Gaius, *Inst.*; т. 2, 1878: *Regulae Ulpiani, Pauli sententiae*; т. 3, 1890: все остальные; E. SECKEL, B. KÜBLER, *Iurisprudentiae anteiustinianae reliquiae*, 3 тт., Lipsiae 1908—1927; P. F. GIRARD, F. SENN, *Textes du droit romain*, 2 тт., Paris 1937; S. RICCOBONO, J. BAVIERA, C. FERRINI, J. FURLANI, V. ARANGIO-RUIZ, *Fontes iuris anteiustiniani*, 3 тт., Firenze 1940—43. *Лит.*: E. LEVY, *West Roman Vulgar Law. The Law of Property*, Philadelphia 1951; *Das Weströmische Vulgarrecht. Das Obligationenrecht*, Weimar 1956; F. WIEACKER, *Vulgarismus und Klassizismus im Recht der Spätantike*, SHAW 1955, 3; повторно в: *Vom römischen Recht*, Stuttgart 1961, 222—241; M. KASER, *Vulgarrecht*, RE 9 A 2, 1967, 1283—1304; об этом H. SCHELLENBERG, *Die Interpretationen zu den Paulussentenzen*, Göttingen 1965; в проекте: D. LIEBS. С конца 1970-х гг. стали отказываться от этой упрощающей точки зрения, см. W. E. VOSS, *Recht und Rhetorik in den Kaisergesetzen der Spätantike. Eine Untersuchung zum nachklassischen Kauf- und Übereignungsrecht*, Frankfurt 1982; N. KREUTER, *Römisches Privatrecht im 5. Jh. n. Chr. Die Interpretatio zum westgotischen Gregorianus und Hermogenianus*, Berlin 1993.

1. Ср. объяснения к *Pauli sententiae* и постклассическим сборникам постановлений, которые вошли в *Lex Romana Visigothorum = Breviarium Alarici* 506 г. по P. X.

2. О правовой школе в Берите: F. PRINGSHEIM, *Beryt und Bologna*, FS O. LENEL (Univ. Freiburg), Leipzig 1921, 204—285; B. KÜBLER, *Geschichte des Römischen Rechts*, Leipzig 1925, 424—433 (его суждения часто нуждаются в пересмотре); P. COLLINET, *Histoire de l'école de droit de Beyrouth (Etudes historiques sur le droit de Justinien II)*, Paris 1925; KUNKEL, *Rechtsgeschichte* 136—138; LIEBS, *Recht* 90—91; LAW s. v. *Rechtsschulen*.

3. *Издание*: SECKEL-KÜBLER, 2, 2, Lipsiae 1927, 461—484.

4. *Издание*: C. G. BRUNS, E. SACHAU, Leipzig 1880, перепечатка 1961; ср. также E. SACHAU, *Syrische Rechtsbücher*, 1, Berlin 1907; по C. A. NALLINO, *Sul libro siro-romano e sul presunto diritto siriano*, в: *Studi in onore di P. BONFANTE*, 1, Milano

греческом языке, вышедшей в свет в V в., суммария по крайней мере позднеримских сборников императорских конституций, и от *Sententiae Syriacae*, суммария в основном сентенций Павла и конституций из *Codex Hermogenianus*, а, кроме того, и от нескольких позднейших трудов сохранились только переработки на сирийском, армянском и арабском языках. Наряду с этим выводы о схолиях к классикам и лаконичных обзорах содержания (*indices*), а возможно, и о собраниях источников и монографиях можно сделать по юридическим трудам юстиниановской и послеюстиниановской эпохи. Восточноримские работы в общем и целом носят ученый характер, практически не принимают во внимание проблемы реальной жизни и связаны авторитетами прошлого. Их заслуга заключается в том, что таким образом был проложен путь к изучению и пониманию классиков. Благодаря их трудам классическая юриспруденция смогла войти в законодательство Юстиниана.

Важный фактор постклассического правового развития — императорское законодательство: законы, адресованные сенату (*orationes*), непосредственно обращенные к народу (*leges edictales*); устанавливающие общеобязательные нормы (*leges generales*), рассчитанные на единичные случаи (*rescripta*), которым в V и VI вв. более не приписывается сила закона.

В то время как при Диоклетиане (среди законов, сохраненных в сборниках императорских конституций) преобладают *rescripta* в соответствии с основными положениями классического права, Константиновы *leges generales*, в особенности в сфере семейного права, привносят радикальные новшества под знаком эллинистических обычаев, а также христианских представлений¹.

Константин — первый император, который открыто задает правила для юридического творчества: он смахивает со стола решения великих авторитетов и объявляет подлинными простенькие псевдопавловы сентенции, не знающие ни сомнений, ни колебаний. Надоевших юристов-буквоедов он

1930, 201—261, речь идет об изложении римского права; ср. W. SELB, Zur Bedeutung des syrisch-römischen Rechtsbuches, München 1964 (допущение греческих и восточных норм основано на языковых и юридических недоразумениях).

1. См. приложения о лит. к JÖRS-KUNKEL-WENGER, Römisches Recht 397 к § 31, прим. 11; B. BIONDI, Il diritto romano cristiano, 3 части, Milano 1952—54; J. GAUDEMET, L'Eglise dans l'Empire romain (IV^e—V^e siècles), Paris 1958, особенно 507—513; новое изд. с Addenda 1989.

меняет на сговорчивых ритором. Соответственно в конституциях понятийный аппарат перекрывается императорской пропагандой, манера становится многословной, помпезной и бессодержательной, полностью противоположной лаконичной точности классиков. В области правовой политики царит нерешительность, и преступникам иногда угрожают несоразмерно строгие наказания¹.

Основы позднеантичных кодификаций

Хотя право юристов (*ius*), содержание классических юридических произведений, сохраняет такую же силу, как и императорское законодательство (*leges*), однако судьи и адвокаты все менее способны проникнуть в запутанную казуистику; при этом изыскание относящихся к конкретному случаю законов относится к функциям последних! К сожалению, комментарии позднеклассических юристов, суммирующие *ius*, и сборники императорских конституций, накопленные в государственных архивах, доступны не на всей территории Империи; кроме того, в позднюю эпоху ощущается недостаток интеллектуальной проницательности по отношению к правовому материалу. Навстречу этой потребности идут цитационные законы IV и V вв. Они предписывают, какие из юридических трактатов играют роль при вынесении решения и как должно оценивать соотношение голосов привлеченных авторитетных источников.

Оба древнейших закона сначала рассматривают отдельные случаи. Первый константиновский закон от 14 или 28 сентября 321 г. (*cod. Theod.* 1, 4, 1; ср. 9, 43, 1) лишает юридической силы критические замечания Павла и Ульпиана к *Quaestiones* и *Responsa* Папиниана в пользу единоличных мнений последнего². Второй закон (от 27.9.327 или 328 г.; *cod. Theod.* 1, 4, 2) признает имеющими силу труды Павла и все произведения, циркулирующие под его именем, в том числе и постклассические *Sententiae*.

Самый обширный цитационный закон, включающий оба вышеназванные, издан на Западе Валентинианом III, на Вос-

1. D. LIEBS, Unverhohlene Brutalität in den Gesetzen der ersten christlichen Kaiser, в: O. BEHRENDIS и др., изд., *Römisches Recht in der europäischen Tradition. Symposium F. WIEACKER, Ebelsbach 1985*, 89–116.

2. D. LIEBS, HLL 5, 1989, 73.

токе его перенимает Феодосий II: подтверждается юридическая сила всех произведений Папиниана, Павла, Гая, Ульпиана и Модестина, а также авторитетных источников, которые они цитировали¹. Если их мнения противоречат друг другу, решает большинство, если голоса разделились поровну, имеет силу точка зрения, представленная Папинианом (*cod. Theod.* 1, 4, 3).

Кодекс Феодосия

Хотя нет никакой функциональной разницы между *ius vetus* и императорскими законами, и правовой материал в основном остается единым, однако чувствуется недостаток цельного, проработанного свода. Поэтому восточноримский государь Феодосий II (правил в 408—450 гг.) создает в 429 г. план ширококомасштабного кодекса законов. После того как первая комиссия затратила шесть лет только на регистрацию новейшего законодательства, довольствуются тем, что еще через два года выходит сборник императорских конституций от Константина (правил в 306—337 гг.) и до Феодосия — *Codex Theodosianus*² как продолжение двух частных сборников (*Codex Gregorianus* и *Codex Hermogenianus*). Так начинается серия позднеантичных кодификаций. Западный император Валентиниан III (правил в 425—455 гг.) признает этот свод. Таким образом 1.1.439 г. он получает юридическую силу на территории всей Империи.

Структура представляется нам подчас произвольной: книга 1 — источники права, высшие императорские должностные лица, книги 2—5 — частное право, 6—8 — снова должностные лица, среди них — республиканские и сенаторы, военное право, низшие должностные лица, дополнения к частному праву,

1. Таких, как Сцевола, Сабин, Юлиан, Марцелл; взвешенное толкование дает P. JÖRS, *Citiergezetz*, RE 6, 1899, 2608—2612.

2. Наши знания об этом произведении основаны на рукописной традиции (не свободной от лакун), а также на опытах позднейшего использования (среди которых *Lex Romana Visigothorum* 506 г.); издания: P. AEGIDIUS, Antverpiae 1517; J. GOTHOFREDUS (TK), 6 тт., Lugduni 1665—1668 (ценное издание); Th. MOMMSEN, *Theodosiani Libri XVI*, т. 1, Berolini 1905, ¹1970—1971; P. M. MEYER, *Leges novellae ad Theodosianum pertinentes*, Berolini ²1954, ⁴1971 (= *Theodosiani Libri XVI*, т. 2); P. KRÜGER (только книги 1—8), 2 тт., Berlin 1923—1926; С. PHARR (англ. перевод), Princeton, N. J. 1952, перепечатка 1969. *Лит.*: Th. MOMMSEN, *Das theodosische Gesetzbuch*, ZRG 21, 1900, 149—190; P. JÖRS, *Codex Theodosianus*, RE 4, 1, 1900, 170—173; WENGER, *Quellen* 536—541 (с библиографией); SCHULZ, *Geschichte* 398—400 (с библиографией); J. HARRIES, I. WOOD, изд., *The Theodosian Code. Studies in the Imperial Law of Late Antiquity*, London 1993; в проекте: D. LIEBS, HLL § 716.1.

книга 9 — уголовное право и уголовный процесс, 10—11 — финансовое и налоговое право, апелляция, доказательная сила свидетелей и документов, книги 12 — общинное право, книга 13 — профессиональные корпорации, книги 14—15 — попечение о стариках, 16 — церковное право. Внутри каждой предметной части («система Дигест») указы приводятся дословно в хронологическом порядке.

Опубликованные после *Кодекса Феодосия* императорские законы собирают на Западе и на Востоке; в последнем случае они растворяются в *Кодексе Юстиниана*, в западной же половине Империи включаются в *Кодекс Феодосия* как *Novellae Posttheodosianae* (постановления 438—468 гг.).

На *Кодекс Феодосия* опираются все следующие своды. Однако его применимость безусловна, поскольку — в отличие от запланированного — при его составлении не были привлечены интерпретации ученых юристов классической эпохи. Эта задача была выполнена только при Юстиниане (правил в 527—565 гг.).

Вестготские кодификации

Вторжение германских племен наносит в 476 г. Западноримской Империи смертельный удар. На исходе V в. de iure многие германские короли-полководцы признают верховенство восточноримского императора, de facto же правят своею властью над смешанным населением, которое ориентируется частью на германские традиции, частью — на римское право или же его отрасли¹. При этом принцип индивидуальности, из которого первоначально исходило римское право, становится все более значимым.

Трудности в применении права юристов и законодательства вызывают потребность в наглядном и практичном своде римского права. Таким образом, на Западе и после конца римского господства наличествуют официальные кодификации на этот предмет. Сохранившиеся произведения относятся к остготской державе — *Edictum Theoderici*² (по имени вестготского

1. Об этом E. LEVY, см. выше прим. 4 к стр. 1647; см. также E. LEVY, рецензию на: A. D'ORS (см. следующее прим.), ZRG 79, 1962, 479—488.

2. Издания *Edictum Theoderici* — F. BLUMME, MGH, Leges, т. 5, Hannoverae 1875—1889, 145—179 и RISSOVONO 2, 681—710. Начиная с эпохи гуманистов господствует мнение, что *Edictum Theoderici* восходит к остготскому королю Теодориху Ве-

государя Теодориха Великого, правившего в 453—466 гг., опубликован ок. 500 г.), к державе вестготов (в особенности *Lex Romana Visigothorum*, 506 г.) и к бургундскому праву.

Edictum Theoderici состоит из императорских законов по *Codex Gregorianus*, *Hermogenianus* и *Theodosianus*, а также сентенций Павла. Часто используется не сам текст, а упрощающий пересказ, в духе *interpretatio*, как она появляется в *Lex Romana Visigothorum*¹.

Фрагментарно сохранился *Codex Euricianus*, составленный около 475 г. при вестготском короле Эйрихе² и предназначенный для готов, а не для римского населения. Это произведение римских юристов основано на переработке римских правовых представлений, в меньшей степени — на «германских правовых традициях». Своды законов вестготских королей строятся на этом фундаменте; кодекс Эйриха оказывает влияние на право франкских, бургундских, алеманнских и баварских племен и передает германцам римское право.

Свод законов короля Алариха II (506 г.), *Lex Romana Visigothorum (Breviarium Alarici)*, должен служить одновременно целям самоидентификации по отношению к Восточной Римской империи и внутреннему миру: он предназначен для того, чтобы установить согласие с римским населением и церковью³, что-

ликому. Проблематичность этой точки зрения доказали P. RASI, AG 145, 1953, 105—162 и G. VISMARA, Cuadernos del Instituto Juridico Español, Roma 5, 1956, 49—51; A. D'ORS предполагает, что эдикт принадлежит Магну, бывшему на службе вестготского монарха Теодориха II (*Estudios Visigóticos II. El Código de Eurico*, Edición, Palingenesia, Indices, Roma 1960, 8, см. также E. LEVY, ZRG 79, 1962, 479—488; G. VISMARA, *Edictum Theoderici*, в: его же, *Scritti di storia giuridica* 1, Milano 1987, 1—338, рец. H. NEHLSSEN, ZRG Germ. Abt. 86, 1969, 246—260 (все же остготский); см. P. PARADISI, BIDR 68, 1965, 1—47; далее G. ASTUTI, *Tradizione romanistica e civiltà giuridica europea*, 1, Napoli 1984, 41—81 (сначала 1971); D. LIEBS, *Die Jurisprudenz im spätantiken Italien*, Berlin 1987, 191—194; H. WOLFRAM, *Die Goten*, München 3/1990, 199, 288 сл., 445; H. SIEMS, *Handel und Wucher im Spiegel frühmittelalterlicher Rechtsquellen*, Hannover 1992, 277—288; в проекте D. LIEBS, HLL § 716.5.

1. Текст: G. HAENEL, *Lex Romana Visigothorum*, Lipsiae 1849 (перепечатка 1962), KRÜGER-MOMMSEN-STUEMUND 3, 247—288 (*Appendices legis Romanae Visigothorum duae*); в проекте D. LIEBS, HLL § 718.2.

2. Издание: K. ZEUMER, MGH, *Leges* 1, 1, 1902; основополагающее новое издание: A. D'ORS (см. прим. 2 к стр. 1652).

3. Об историческом фоне: E. F. BRUCK, *Über römisches Recht im Rahmen der Kulturgeschichte*, Berlin 1954, 146—163; K. SCHÄFERDIEK, *Die Kirche in den Reichen der Westgoten und Suewen*, Berlin 1967, 52—55; H. NEHLSSEN, *Alarich II. als Gesetzgeber*, в: *Studien zu den germanischen Volksrechten. Gedächtnisschrift für W. EBEL*, Frankfurt 1982, 143—202.

бы обеспечить державе вестготов формальную независимость от Восточной Римской Империи, а также от политического центра Запада. Свод содержит последовательно сгруппированные императорские законы по *Кодексу Феодосия* и послефеодосиевым новеллам, некоторые конституции из *Codex Gregorianus* и *Hermogenianus*, сокращенную переработку *Institutiones* Гая, извлечение из сентенций Павла и в конце — один *responsum* Папиниана. *Interpretatio*, сопровождающая все тексты кроме Гая и, вероятно, восходящая к западноримским (прежнего периода) ученым юристам, резюмирует текст или описывает его и заодно указывает на не включенные источники права. *Lex Romana Visigothorum* наряду с *Codex Euricianus* становится в вестготской Испании одной из основ общего для римлян и готов свода законов, созданного в VII в. королем Рецесвиндом; в южной Франции этот свод переживает готскую эпоху примерно на полтысячелетия и оказывает влияние на Бургундию и Прованс. Только в XIII в. его место занимают установления Юстиниана. Незадолго до франкского завоевания (532 г.) в Бургундии также издается свод законов для римского населения: *Lex Romana Burgundionum*¹, предположительно при короле Гундобаде († 516 г.). Здесь используются те же источники, что и для *Lex Romana Visigothorum*, но из них создается единый текст, который, вероятно, основывается на той же самой *interpretatio* западноримских юристов. Бургундский свод короче и не выказывает притязаний на всеохватность, в отличие от *Lex Romana Visigothorum*.

Законодательство Юстиниана²

Одержав стремительную победу в борьбе за константинопольский престол, за долгое время своего правления Юстиниан

1. Издание: F. BLUHME, *Lex Romana Burgundionum*, MGH, Leges 3, Hannoverae 1863; RICCIBONO 2, 711—750 (*Lex Romana Burgundionum*) L. R. von Salis, MGH Legum sectio 1, 2, 1, Hannoverae 1892, 123—163; F. BAUER-GERLAND, *Das Erbrecht der Lex Romana Burgundionum*, Berlin 1995, особенно 172—196.

2. Издания: *Institutiones*: P. SCHOYFFER DE GERNESHEIM, Moguntiaci 1468; *Pandectae*: Basileae ок. 1470; V. PUECHER, Romae 1475; H. CLAYN, Perusiae 1476; Moguntiaci 1475; *Codex 1—9*: P. SCHOYFFER, Moguntiaci 1475; *Codex с новеллами*: V. PUECHER (предположительно), Romae 1476; *первое общее издание*: J. RUBEUS, 6 тт., Venetii 1476—78; Th. MOMMSEN, *Digesta Iustiniani Augusti*, 2 тт., Berolini 1870, перепечатка 1962/3; P. BONFANTE, C. FADDA, C. FERRINI, S. RICCIBONO, V. SCIALOIA, *Digesta Iustiniani Augusti*, Mediolani 1931, перепечатка 1960 (основано на тексте MOMMЗЕНА);

не только обеспечил единство государства с внешней стороны (у вандалов, остготов и даже вестготов были отняты захваченные ими области), но и попытался утвердить его изнутри на новых основаниях: уже в начале своего царствования (527—565 гг.) он планирует подкрепить политическую и религиозную цельность государства всеобъемлющим сводом законов.

Одна из комиссий, учрежденная им вскоре после прихода к власти, 13.2.528 г., из десяти мужей — высоких должностных лиц, в том числе Трибониана, ученого юриста Феофила и двух адвокатов при высшей судебной инстанции, получает задачу вновь собрать императорские конституции как проявление императорской законодательной воли. На основе *Codex Theodosianus* снова резюмируются *Codices Gregorianus*, *Hermogenianus* и *Theodosianus* вместе с появившимися впоследствии новеллами; в течение одного года создается новый, обозримый кодекс в 12 книгах, откуда было удалено все лишнее.

16.4.534 г. *Codex Iustinianus*¹ получает силу закона. 29.1.534 г.

Corpus Iuris Civilis: т. 1, *Inst.* изд. P. KRÜGER, *Dig.* изд. Th. MOMMSEN, P. KRÜGER, Berolini¹⁶1954, перепечатка²⁴1988; изд. O. BEHRENS, R. KNÜTTTEL, B. KUPISCH, H. H. SEILER, Heidelberg 1990; т. 2: *cod. Iust.* изд. P. KRÜGER, 1888, перепечатка¹⁵1970; т. 3: *novellae*, изд. R. SCHÖLL, W. KROLL, 1895, перепечатка¹¹1988; C. E. OTTO, B. SCHILLING, C. F. F. SINTENIS (II), 7 тт., Leipzig 1830—33; R. DÜLL (ТII, избр.), München 1939, ²1960; E. SCHARR (ТIПр, избр.), Zürich 1960; *Inst.*: Th. MURNER (II), Basel 1519; *индексы*: L. MITTEIS, *Index interpolationum quae in Iustiniani digestis inesse dicuntur*, изд. E. LEVY, E. RABEL, 3 части с прил. и дополн., Weimar 1929—35; E. VOLTERRA, *Indice delle glosse, delle interpolazioni e delle principali ricostruzioni segnalate dalla critica nelle fonti pregiustineane occidentali I—III*, RSDI 8, 1935, 107—145; 389—405; 9, 1936, 365—380; *Vocabularium Iurisprudentiae Romanae (VIR)*, begründet von O. GRADENWITZ, 5 тт., Berolini 1894—1987; R. VON MAYR, M. SAN NICOLO, *Vocabularium codicis Iustiniani*, 2 тт., Praegae 1923 и 1925, перепечатка 1965; E. LEVY, *Ergänzungsindex zu ius und leges*, Weimar 1930; A. M. BARTOLETTI COLOMBO, *Lessico delle Novellae di Giustiniano nella versione dell'Authenticum*, 2 тт. (A—M), Roma 1983—1986; A. BERGER, *Encyclopaedic Dictionary of Roman Law*, TAPhS NS 43, 2, 1953, 335—808; *литература*: G. ROTONDI, *Scritti giuridici*, т. 1, Pavia 1922, перепечатка 1966, 410—432; C. FERRINI, *Opere giuridiche II*, Milano 1929, 307—419; P. NOAILLES, *Les collections de nouvelles de l'Empereur Justinien*, 1 т., Paris 1912, 2 т., Bordeaux 1914; N. VAN DER WAL, *Manuale Novellarum Iustiniani*, Groningen 1964 (о предметном содержании); F. SCHULZ, *Einführung in das Studium der Digesten*, Tübingen 1916 (проблема традиции; методы критики интерполяций); SCHULZ, *Law*; в общем виде: C. DIEHL, *Justinien et la civilisation byzantine au VI^e siècle*, Paris 1901; B. BIONDI, *Giustiniano I., principe e legislatore cattolico*, Milano 1936; B. RUBIN, *Das Zeitalter Justinians I.: Persönlichkeit, Ideenwelt, Ostpolitik*, Berlin 1960; G. OSTROGORSKY, *Geschichte des byzantinischen Staates*, München ³1963.

1. P. JÖRS, *Codex Iustinianus*, RE 4, 1, 1900, 167—170; P. JÖRS, *Digesta*, RE 5, 1, 1903, 484—543; KRÜGER, *Quellen* 365—405; W. VON KOTZ-DOBŘŽ, *Institutiones*, RE 9, 2, 1916, 1566—1587; H. KRÜGER, *Die Herstellung der Digesten Iustinians und der Gang der Ex-*

следует пересмотренный вариант, *Codex repetitae praelectionis*; стоящий на первом плане раздел, посвященный церковному праву, сильно прибавил в объеме. Эта вторая редакция дошла до нас¹.

12 книг разделены заголовками на разделы (от 40 до 80 в каждой); в книгах приводятся в хронологическом порядке конституции, принятые от Адриана (правил в 117—138 гг.) до Юстиниана, с указанием инициатора, адресата и — обычно — даты. За церковным правом и рассмотрением правовых источников и государственного устройства (книга 1) следуют частное право и частный процесс (2—8), уголовное право и уголовный процесс (9), административное и налоговое право (10—12).

Несмотря на многослойную редакцию, кодекс по большей части сохраняет оригинальные тексты. Язык по преимуществу латинский, только позднее внедряется греческий. Стилль также свидетельствует о первоначальных вариантах: до Константина (правил в 306—337 гг.) он точен, потом напыщен. Юстиниановы конституции не сокращены. Несмотря на переработку и сжатие — переработчики постоянно уверяют, что устраняется все излишнее, что они избегают повторений — многие отдельные решения пересекаются, так что и здесь мы не имеем дела со строгой кодификацией в современном смысле слова.

Уже Феодосий II планировал издать, кроме того, все труды юристов как единый законодательный корпус; при работе над кодексом это так и не осуществилось. Трибониан, в то время *magister sacri palatii* (министр юстиции), склоняет Юстиниана к осуществлению этого намерения. 15.12.530 г. император создает

zerption, Münster 1922; SCHULZ, Prinzipien; W. SCHUBART, *Iustinians Corpus Iuris*, Antike 11, 1935, 255—273; A. STEINWENTER, *Novellae*, RE 17, 1, 1936, 1162—1171; F. WIEACKER, *Das Corpus Iuris Iustinians*, Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft 102, 1942, 444—479; в обновленном виде под заглавием: *Corpus Iuris*, в: F. WIEACKER, *Vom römischen Recht*, 1961, 242—287; L. WENGER, *Die Quellen des römischen Rechts*, Wien 1953, 564—734; SCHULZ, *Geschichte* 384 сл.; 401—408 (с библи.); F. ERBARD, *Die Entstehung des Corpus Iuris nach den acht Einführungsgesetzen des Kaisers Iustinian*, в: *Schweizer Beiträge zur Allgemeinen Geschichte* 5, 1947, 28—76; H. PETERS, *Die oströmischen Digestenkommentare und die Entstehung der Digesten*, SSAL 65, 1, 1913; R. DANNENBRING, *Arma et leges. Über die justinianische Gesetzgebung im Rahmen ihrer eigenen Zeit*, AClass 15, 1972, 113—137; A. M. HONORÉ, *Some Constitutions Composed by Justinian*, JRS 65, 1975, 107—123; O. BEHREND, R. KNÜTTEL и др., *Corpus Iuris Civilis* (ТИ), т. 1: *Institutionen*, Heidelberg 1990; т. 2, 1 (*Dig.* кн. 1—10), 1995, т. 3 1 (*Dig.* кн. 11—20) запланирован на 1996 г.

1. От первой мы располагаем лишь отрывком содержания на египетском папирусе (Pap. Oxy. 15, 1922, Nr. 1814).

вторую полномочную комиссию под руководством Трибониана, которая была составлена в основном из ученых специалистов (штатных преподавателей, *antecessores* юридических школ Бейрута и Константинополя, одиннадцати адвокатов при высшей судебной инстанции — только сам Трибониан, Константин и Феофил относились к числу членов комиссии). Семнадцать мужей, разделенных на три группы, должны были сжать все *ius vetus* начиная с *Законов двенадцати таблиц* — «примерно 2000» (в лучшем случае ок. 1500) свитков круглым счетом сорока авторов — в произведение самое большое в 50 книг. При этом список привлекаемых юристов не ограничивается ни пятью названными цитационным законом, ни теми, которых он признал таковыми косвенно, ни даже авторизованными императором. Прежде всего Юстиниан оставил за собой право авторитарно разрешать все юридические контroversы, но после восстания Ники и при постройке Св. Софии (см. Прокопия Кесарийского, 1, 1, 20—64) он удаляется от этих работ, так что после отставки Трибониана со всех постов комиссия работает самостоятельно: она разрешает контroversы по собственному усмотрению и предпринимает интерполяции. После трех лет работы 16.12.533 г. опубликованы *Digesta*¹ или *Pandectae Iustiniani*; 30.12 они стали единственной официальной сокровищницей юридического опыта. Одновременно выходит закон, что все аутентичные юридические произведения больше не могут быть использованы; частные правовые школы запрещаются.

Сообразно учебному правовому курсу, которому в основном должны были служить *Дигесты*, материал разделен на семь частей (1—4; 5—11; 12—19; 20—27; 28—36; 37—44; 45—50); лишь иногда он снабжен заголовками. Группы произведений отдельных юристов предопределяют порядок эксцерптов: массив Сабина (прежде всего *Libri ad Sabinum* Павла и Ульпиана), массив эдиктов (*Libri ad edictum*), Папиниана (по его *Responsa*) и дополнительные произведения образуют отдельный массив — приложение².

1. V. ARANGIO-RUIZ, *Memorie dell'Accademia di scienze morali e politiche*, Napoli 1931; *Precedenti scolastici del Digesto*, в: *Conferenze per il XIV centenario delle Pandette*, Milano 1931, 287—319; *Di alcune fonti postclassiche del Digesto*, Atti Nap. 1954 ('31), 10—32.

2. «Теория массивов Блюме»: F. BLUHME, *Die Ordnung der Fragmente in den Pandekten titeln*, *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft* 4, 1820, 257—472; перепечатка в: *Labeo* 6, 1960, 50—96; 235—277; 368—404 (сохраняет значение вплоть до настоящего времени); KUNKEL, *Rechtsgeschichte* 151—153.

Нужно считаться с изменениями, в основном интерполяционного характера¹, для классических авторов, поскольку при сокращении оставшееся должно было служить насущным потребностям. То, что потеряло актуальность, выпадает; перемены вносятся и для упрощения. Жизненность накопленного юридического опыта при этом сохраняется.

Сначала авторы пытаются сделать из эксцерптов связный текст в духе монтажа (ср. богословские *catenae* — «комментарии-цепочки»). Однако в рамках *Дигест* как целого очень скоро эта тенденция (не считая отдельных цепочек фрагментов) постепенно угасает. Как и в *Кодексе*, в *Дигестах* указываются правовые источники.

Последние сохранили для нас немалую часть классической юридической литературы Рима. Для юридической практики на Востоке они, однако, играют не столь важную роль, как *Кодекс*, поскольку актуальны лишь фрагментарно и в совсем незначительной мере учитывают многочисленные позднеантичные элементы византийского права. В основном *Дигесты* включают частное право, там хорошо разработано важное для римлян право наследственное. Остальное место отводится процессуальному, административному и уголовному праву; церковное сюда не вошло.

Еще во время работы над *Дигестами* Юстиниан распорядился написать новый юридический учебник для начинающих, *Institutiones* в четырех книгах, основанные прежде всего на все еще употребительных *Institutiones* Гая и дополненные с помощью более подробной редакции, *Res cottidianae*. Но были привлечены и не столь старые произведения в жанре *Institutiones*, принадлежащие перу Ульпиана, Марциана и Флорентина. В новом произведении также обнаруживаются цепочки фрагментов из *Дигест* и более новые императорские конституции, прежде всего Юстиниановы.

Исполнителями были Трибониан и два профессора, Феofil и Дорофей, которые 21.11.533 г. представили свой труд. Поскольку стиль первых двух книг отличается от стиля последних, Дорофею приписывают первую, а Феофилу — вторую

1. Об исследовании интерполяций: KUNDEL, *ibid.* 153–155; M. KASER, Ein Jahrhundert Interpolationenforschung an den römischen Rechtsquellen, в: М. К., Römische Rechtsquellen und angewandte Juristenmethode, Wien 1986, 112–154.

часть работы. Разделы образуют связный текст; в отличие от *Кодекса* и *Дигест*, здесь нет никаких *inscriptiones*.

Реформаторские законы, которые прежде всего были предназначены для разрешения контроверз в работе над сводом, были официально опубликованы как *L decisiones* в 531 или 532 г., однако новая редакция *Кодекса* (534 г.) лишает их юридической силы. Обновленческое движение не прекращается в течение следующих тридцати лет и способствует прорыву в юридической практике на Востоке; при этом некоторые части *Кодекса*, *Дигест* и *Institutiones* устаревают. При выборе языка учитывается адресат: законы публикуются по большей части на греческом, иногда — на двух языках.

Следующие законы уже не Юстиниан, но иные лица в различных редакциях — в греческом оригинале, в латинском переводе — присоединяют к трехчастному своду как четвертую часть под названием *Novellae constitutiones*¹.

Юстиниан пытается сохранить свой свод в неискаженном виде — меткое название *Corpus Iuris Civilis* восходит к средневековью, и его подхватывает издатель Дионисий Годофред (1583 г.). Поэтому император запрещает — под угрозой наказания, положенного за подлог — смертной казни, — сопоставление текстов своих законов с оригиналами, исследование оригиналов, употребление сокращений и прежде всего комментирование *Дигест*². Однако дидактическая тяга оказывается сильнее: уже во времена Юстиниана под видом записей лекционных курсов возникают многочисленные греческие комментарии: Феофила — к *Institutiones*, Дорофея и Стефана — к *Дигестам*, Фалелея — к *Кодексу*³.

Юстиниан сделал римское право в форме, близкой к классической, и способным к рецепции; правовая наука на заре Нового времени может отталкиваться от достижений его юри-

1. R. SCHÖLL, W. KROLL (греч. текст, древний и современный лат. перевод), т. 3, ¹¹1988 в editio stereotypa *Corpus Iuris Civilis* (MOMMSEN, KRÜGER); P. NOAILLES, Les collections de nouvelles de l'Empereur Justinien, 1 т., Paris 1912, 2 т., Bordeaux 1914; о предметном содержании: N. VAN DER WAL, Manuale Novellarum Iustiniani, Groningen 1964; A. M. BARTOLETTI COLOMBO, Lessico delle *Novellae* di Giustiniano nella versione dell' *Authenticum*, 2 тт. (A—M), Roma 1983—1986.

2. *Constitutio Tanta*, вводный закон к *Дигестам* § 21 от 16.12.533 г.

3. K. W. E. HEIMBACH, Prolegomena, в: G. E. HEIMBACH и др., *Basilicorum libri LX*, т. 6, Leipzig 1870, 1—215; D. SIMON, Aus dem Kodexunterricht des Thalelaios, ZRG 86, 1969, 334—383 и ZRG 87, 1970, 315—394; RIDA 16, 1969, 283—308; 17, 1970, 273—311.

стов. Но для нашего государя представить всю полноту своей власти и указать ряд своих предков по духу не менее важно, чем создать обозримый законодательный свод. В одном отношении инициированные Юстинианом юридические труды могут сравниться только с одновременно написанными философскими произведениями Боэция: они создают мост между античностью, средневековьем и Новым временем.

G. G. ARCHI, L' «*Epitome Gai*». Studio sul tardo diritto romano in occidente. Con una nota di lettura di C. A. CANNATA, Napoli 1991. * FUHRMANN, Lehrbuch, особенно 104—121; 183—188. * M. FUHRMANN, Interpretatio. Notizen zur Wortgeschichte, в: Sympotica F. WIEACKER, Göttingen 1970, 80—110. * KASER, Privatrecht. * M. KASER, Das römische Zivilprozeßrecht, München 1966. * KRÜGER, Quellen. * W. KUNKEL, Das Wesen des *ius respondendi*, ZRG 66, 1948, 423—457. * KUNKEL, Herkunft. * KUNKEL, Rechtsgeschichte. * R. MARCIC, Geschichte der Rechtsphilosophie. Schwerpunkte — Kontrapunkte, Freiburg 1971. * E. LEVY, West Roman Vulgar Law. The Law of Property, Philadelphia 1951. * E. LEVY, Weströmisches Vulgarrecht. Das Obligationenrecht, Weimar 1956. * D. LIEBS, Die juristische Literatur, в: FUHRMANN, LG 195—208. * LIEBS, Recht. * D. LIEBS, Römische Provinzialjurisprudenz, ANRW 2, 15, 1976, 288—362. * D. LIEBS, Rechtsschulen und Rechtsunterricht im Prinzipat, ANRW 2, 15, 1976, 197—286. * D. LIEBS, Die Jurisprudenz im spätantiken Italien (260—640 N. Chr.), Berlin 1987. * D. LIEBS, Rechtsregeln und Rechtssprichwörter, Darmstadt 51991. * D. LIEBS, Recht und Rechtsliteratur, в: HLL 5, 1989, 55—73. * Th. MAYER-MALY, Römisches Privatrecht, Wien 1992. * L. MITTEIS, Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreiches, Leipzig 1891. * E. NARDI, Le istituzioni giuridiche romane. Gaio e Giustiniano, Milano 1991. * H. L. W. NELSON, Überlieferung, Aufbau und Stil von Gai *Institutiones* (в сотрудничестве с: M. DAVID), Leiden 1981. * R. RILINGER, *Humiliores — Honestiores*. Zu einer sozialen Dichotomie im Strafrecht der römischen Kaiserzeit. München 1988. * E. J. H. SCHRAGE, изд., Das römische Recht im Mittelalter (= WdF 635), Darmstadt 1987. * E. J. H. SCHRAGE, *Utrumque Ius*, Eine Einführung in das Studium des mittelalterlichen gelehrten Rechts, Berlin 1992. * SCHULZ, Einführung. * SCHULZ, Prinzipien. * SCHULZ, Geschichte. * WIEACKER, Textstufen. * F. WIEACKER, Recht und Gesellschaft in der Spätantike, Stuttgart 1964. * F. WIEACKER, Privatrechtsgeschichte der Neuzeit unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung, Göttingen 21967. * WIEACKER, Rechtsgeschichte.

3. ОТЦЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЕВРОПЫ

ПЕРВЫЕ ШАГИ ХРИСТИАНСКОЙ ЛАТИНСКОЙ ПРОЗЫ

Ранние переводы Библии¹

Старейшие латинские переводы Библии можно реконструировать из цитат у Отцов Церкви и палимпсестов. В данном случае мы имеем дело не с определенной редакцией, но с многочисленными вариантами. У авторов, сведущих в греческом языке, кроме того, следует считаться с возможностью переводов *ad hoc*. Материал позволяет сделать классификацию на различные группы текстов, например, карфагенский текст примерно середины III в., африканский конца IV в. и итальянский IV и V вв. Очень трудоемкое издание *Vetus Latina*, курируемое бенедиктинцами в Бойроне, никоим образом не может иметь целью восстановление единого текста.

Ощутима польза для истории языка и стиля: по сравнению с Вульгатой — созданной в IV в. Иеронимом Библии католической церкви — в старых переводах много следов народного языка: например, *manducare* «есть», *quia* или *quoniam* вместо *Accusativus cum Infinitivo*. Иероним, напротив, зачастую отдает предпочтение классическому словарю и конструкциям.

Собрание латинских библейских цитат у ранних Отцов Церкви, кроме определения дословного звучания различных старых переводов, имеет еще и большое значение для истории интерпретации: если обратить внимание на контекст у приводящих ту или иную цитату Отцов Церкви, можно установить, как они понимали соответствующее место в Библии и с какими иными отрывками Св. Писания они выстраивали связи. *Vetus Latina*, таким образом, позволяет исследовать образование цитатных гнезд и экзегетической традиции.

1. Хорошее современное введение с примерами текстов и литературой: GÄRTNER, LG 7—43 (здесь эта работа положена в основу разделов о переводах Библии и деяниях мучеников); 567; 575—577 (лит.); затем у ALTANER § 26.

Деяния мучеников

Со времен Нерона исповедание *Christianus sum*, «я христианин», ведет к смертной казни. Конечно, римский наместник вмешивается лишь тогда, когда какой-нибудь город просит его о помощи. Закон, направленный именно против христиан, появился, кажется, только при Деции¹.

Жанр «деяний мучеников» возник еще до христианства: *Acta Alexandrinorum* повествуют о бедствиях египетских патриотов под властью римлян. Истории страстей христианских мучеников появляются сначала на греческом языке (например, мученичество Поликарпа Смирнейского, середина II в.). В то время как *passiones*, «страсти», оформлены как рассказ и иногда обладают эпистолярной оболочкой, *acta* имеют характер протокола. Но последний тип, правда, также становится литературным жанром.

Passio Sanctorum Scillitanorum, первый христианский документ на латинском языке, придерживается формы протокола. Этим создается ощущение объективности. Отсутствует нивелировка различий между корректной латынью образованногословия и простонародной речью; как и у Петрония, обращается внимание на контраст. Текст должен служить наставлению других христиан (на них как на читателей он рассчитан) и оформляется в соответствии с этой задачей². Подобная форма делает из свидетельства христиан перед Богом и язычниками свидетельство перед братьями и сестрами по вере.

Passio Perpetuae et Felicitatis (202—203 г. по Р. X.), возможно, было отредактировано Тертуллианом. Записи видений, подобные документальным вставкам, усиливают впечатление подлинности; повествование от первого лица приглашает читателя почувствовать себя героем рассказа.

Из реального подражания Христу в мученичестве повесть о страстях — несмотря на сознание огромности расстояния, отделяющего от Христа, — может превратиться в литературное подражание Евангелию. Таким образом *imitatio*, эстетическое, основывается на экзистенциальном.

Здесь мы сталкиваемся с истоками европейской биографической литературы³. Жизнь одиночки в силу этого подра-

1. Против этой гипотезы говорит Tert. *apol.* 4 («риторическая фикция»?).

2. Об элементах литературного оформления: GÄRTNER *ibid.*

3. О секуляризованных формах: D. SÖLLE, *Realisation. Studien zum Verhält-*

жания Христу приобретает особую, единственную ценность, независимо от политических, социальных и культурных барьеров. Ни «секуляризация», ни «сакрализация» не отражают сути дела в полной мере. Достоинство принятого Богом человека проявляется в его спасении через *imitatio Christi*. Деяния мучеников и биографии в этом отношении — связанное с конкретным опытом продолжение Писания. Этот посыл придает римскому интересу к биографическим подробностям более глубокое основание и иную ориентацию.

Автобиография (см. Августин, *Confessiones*) и агиография в эпоху поздней античности соответственно становятся перспективными жанрами. И ценности разработанного на этой почве идеально-типического ядра не наносит никакого ущерба тот факт, что на практике их начинают пышно обвивать уски новеллистической фантастики (см. также разд. *Биография в Риме*, т. I, стр. 512—525).

ТЕРТУЛЛИАН

Жизнь, датировка

Кв. Септимий Флорент Тертуллиан родился в Карфагене между 150 и 170 г. и в детстве был язычником (*paenit.* 1, 1). Нужно поверить Иерониму, что его отец был офицером из окружения африканского проконсула¹; центурионам и их сыновьям в этот момент принадлежит будущее. Тертуллиан основательно изучил ораторское искусство; он сочинял даже произведения на греческом языке, которые, правда, ныне утрачены. Кроме юридических, он овладевает и философскими знаниями, однако его мышление остается мышлением адвоката; правда, это еще не повод отождествлять его с автором юридических трудов, цитируемых в *Digestis* и в *Institutiones* Юстиниана. Он живет в Риме (*cult. fem.* 1, 7), может быть, занимаясь адвокатской практикой; о том, относится ли неопределенное исповедание грехов (*resurr.* 59, 3) именно к этому периоду, нам известно столь же мало, как и о месте и времени его кре-

nis von Theologie und Dichtung nach der Aufklärung, Darmstadt 1973 (с обильной библиографией).

1. *Vir. ill.* 53; ср. 24 и 40; сведения о Тертуллиане есть и в *Praedestinatus* (PL 53, 616 сл.) — V в.

щения. После этого он женится на христианке. Около 195 г. Тертуллиан окончательно возвращается на родину. Несмотря на его изумительное объяснение, что и «мы, миряне» — священники¹, Иероним (*ibid.*) называет его *sacerdos*; на самом деле многие из его трудов свидетельствуют о деятельности катехизатора и проповедника, и *anim.* 9, 4 предполагает, что он не относится к *plebs*. Он, должно быть, был по крайней мере «учителем» (*διδάσκαλος*). Недовольный «теплотой» клира и по натуре склонный к ригоризму, он примерно между 202 и 208 гг. обращается к монтанизму, особенно нравственно строгой форме духовного христианства. Наконец, вечно нетерпеливый ревнитель (*pat.* 1, 1) основывает собственную секту, — это, конечно, не вымысел Августина (*haer.* 86). Наш автор умирает в глубокой старости (Hier. *chron.* а. 2224, р. 212, 23 Н.), по-видимому, между 220 и 240 г.

*Датировка произведений*² во многом отличается ненадежностью и спорностью. Монтанистские произведения можно узнать по упоминанию новых пророчеств Монтана, Приски (Присциллы) или Максимииллы, по (библейскому) обозначению Св. Духа как параклита и (небиблейскому) наименованию воцерковленных христиан как *psychici*, по употреблению *nos*, «мы», для монтанистов и *vos*, «вы», для католиков. С содержательной точки зрения в монтанистских произведениях усиливаются ригористские тенденции. Поскольку все эти критерии не относятся к *Scorpiace*, теперь она датируется не 213, а 203/4 г.³ Сегодня склоняются к тому, чтобы отнести произведения с полемикой против язычников (*De spectaculis*, *De idololatria*, а также *De pallio*) к раннему периоду (около 197 г. или прежде), но выводы, исходящие из содержания произведений, не обладают принудительным характером. Наконец, возникла тенденция отказаться от датировок позднее 211 года; однако промежуток 196—212 гг. кажется слишком незначительным для столь объемного корпуса; кроме того, нельзя забывать и о множестве утраченных трудов.

Произведения католического периода отчасти полемизируют с язычниками (*Ad nationes* 197 г. по Р. X. и *Apologeticum*, 197 г.

1. *castit.* 7, 3; *monog.* 12, 2; P. MATTEI, *Habere ius sacerdotis. Sacerdoce et laïcat au témoignage de Tertullien...*, RSR 59, 1985, 200—221; Тертуллиан мирянин: Н. STEINER 1989, 7 сл.

2. Не бесспорно T. D. BARNES² 1985, гл. 5 *Chronology* (30—56).

3. T. D. BARNES 1969, 105—132.

или позднее; *De testimonio animae*, вскоре после него); отчасти поучают христиан о жизни в миру (*Ad martyras*, вероятно, 197 г., *De spectaculis*, 196 сл. или 202, *De idololatria*, 196 сл. или 212 сл., *De cultu feminarum*, книга 2, 196 сл.; книга 1, 205 сл.) и в церкви (*De baptismo*, *De oratione*, *De paenitentia*, *De patientia*, *Ad uxorem I. II.*, все в промежутке 198—203 гг.), отчасти затрагивают проблему ереси и иудаизма (*De praescriptione haereticorum*, ок. 203 г.; *adversus Iudaeos*, вероятно, 197 г., но во всяком случае до 202-го).

Трактаты монтанистского периода можно разделить на аналогичные категории: о язычестве и преследовании христиан идет речь в *De corona* (скорее 211, чем 208 г., ср. нападки на клир и реплику о *De fuga*), *Ad Scapulam* (датируется по упоминанию солнечного затмения в главе 3 212 годом), *De fuga in persecutione* (после 202 или в 212/13 гг.) и *Scorpiace* (203/4 г.). О христианском образе жизни идет речь в *De pallio* (направленном против язычников, 208—211 гг., а может быть, уже 193), *De virginibus velandis*, *De exhortatione castitatis*, *De monogamia*¹, *De ieiunio adversus psychicos*, *De pudicitia* (все 208—211 гг.). Против еретиков идет борьба в произведениях *Adversus Hermogenem* (между 202 и 205 гг.), *Adversus Valentinianos* (206/207), *Adversus Marcionem I—V* (207—211), *Adversus Praxean* (213), *De anima*, *De carne Christi* и *De carnis resurrectione* (все после 206 г. или около — возможно, после — 211-го).

Утрачены: *De spe fidelium*, *De paradiso*, *Adversus Apelleiacos*, *De censu* (происхождении) *animae*, *De fato* (возможно, этот труд следует усматривать в псевдоавгустиновских *Quaestiones Veteris et Novi Testamenti*), *De ecstasi* (как представляется, написан по-гречески), *De Aaron vestibus*, *Ad amicum philosophum* (возможно, еще языческого периода), *De carne et anima*, *De animae submissione*, *De superstitione saeculi*, *De spectaculis* (греческая версия), *De baptismo* (по-гречески, по содержанию отклоняется от одноименного латинского произведения), *De virginibus velandis* (по-гречески, но написан раньше, чем латинская версия).

Остаются под вопросом: *De circumcissione* и *De mundis atque im-mundis animalibus in Levitico* (ср. Hier. *epist.* 6, 1, 3; 4).

Неподлинны: *De execrandis gentium dis* (IV в. ?), *Adversus omnes haereses* (1-я половина III в.).

1. H. STEINER 1989, 80 относит *De monogamia* к периоду около 220 г.

Обзор творчества

Апологетические произведения

Ad nationes и *Apologeticum* защищают христианство от язычников; первое произведение напоминает подборку материала, однако оно содержит ценные сведения по древнеримской религии; последнее, адресованное наместнику римской провинции, — самый знаменитый труд Тертуллиана и обладает собственной традицией.

De testimonio animae: Человеческая душа, которая «от природы христианка», свидетельствует о существовании Бога (см. разд. *Образ мысли*).

Ad Scapulam: Это увещательное произведение, предназначенное для африканского проконсула, который преследует христиан, развивает основной тезис о добровольности в области религии (*nec religionis est cogere religionem*, «не дело религии — понуждать к религии», 2, 2), подчеркивает политическую лояльность христиан и затрагивает впоследствии разработанную Лактанцием тему гибели тех, кто презирает Бога.

Антигностические и антииудейские произведения

Scorpiace: О ценности мученичества в этом мире, против «скорпионьего укола» гностиков, которые относят исповедание веры к духовному миру. Однако бегство не отрицается безусловно (в отличие от *fug.*).

Adversus Iudaeos: Язычники тоже имеют свою долю в божественной милости. Христианство погасило закон воздаяния законом любви. Во Христе исполнились все ветхозаветные обетования. Таким образом, Ветхий Завет необходимо истолковать духовно. Главы 9–14 — эксерцпты из книги *Adversus Marcionem* или набросок для нее.

Практические и аскетические произведения

Ad martyras: Утешение к христианам в узилище¹.

De spectaculis: Посещение театральных представлений запрещено, поскольку они безнравственны и связаны с языческой религией.

De baptismo: Это единственное доникейское произведение о таинстве образует вместе с двумя следующими своего рода трилогию, адресованную оглашенным. Ранее Тертуллиан опубликовал на греческом языке труд о крещении.

De oratione: Древнейшее истолкование «Отче наш».

De paenitentia: О раскаянии до крещения и после него.

De patientia: Похвала добродетели, которой автор, как признается сам, не обладает.

1. Мы не знаем, относятся ли Перпетуя и Фелицитас к этой группе и был ли Тертуллиан издателем их *Passio*.

De cultu feminarum (две книги): Христианки не должны подчиняться языческой моде.

Ad uxorem (две книги): Тертуллиан просит свою жену остаться вдовой после его смерти или выйти замуж за христианина.

Более резким становится тон в следующих монтанистских произведениях:

De exhortatione castitatis и *De monogamia* отвергают браки овдовевших. *De virginibus velandis* требует, чтобы все молодые девушки скрывали свое лицо под покрывалом.

De corona: Награждение солдат венками и вообще военная служба несовместимы с христианством.

De idololatria: Профессии, обслуживающие почитание идолов, христианам противопоказаны — художества, преподавание, военные и гражданские должности.

De fuga in persecutione: Бегство во время гонений противно воле Божией.

De ieiunio: Защита монтанистского поста от недуховных — лишь «душевных» — христиан (*psychici*) большой церкви.

De pudicitia: Против высокопоставленного епископа, который давал отпущение грехов и тем, кто поддался вожделению плоти.

De pallio: В этом кабинетном произведении Тертуллиан объясняет, почему он сменил тогу на плащ философа (*pallium*). Эта перемена одежды совпадает с его обращением к христианству или переходом к монтанистам.

Догматические и полемические произведения

De praescriptione haereticorum: *Praescriptio* — ссылка ответчика на законодательное предписание, согласно которому истец получает отвод *a limine*, «с порога», так что процесс не может состояться. Поскольку церковь в силу своей древности — законная обладательница веры и Святого Писания, притязания еретиков должны изначально отвергаться уже в силу того, что они моложе.

Adversus Marcionem (5 книг): творец мира не кто иной, как благой Бог (книги 1 и 2). Иисус Христос — тот «Мессия», обетования прихода которого содержатся в Ветхом Завете (книга 3). «Очищенная» Маркионова версия Нового Завета (Евангелие от Луки и послания Павла, и то и другое не полностью) ошибочна. Ветхий и Новый Завет не противоречат друг другу (книги 4 и 5). До нас дошла третья редакция книги, которая является нашим основным источником по учению Маркиона.

Adversus Hermogenem: Материя не предсуществовала, но была сотворена Богом.

Adversus Valentinianos: Против гностической школы Валентина, работа в традиции Ирины.

De carne Christi: Против гностического докетизма; Тертуллиан под-

черкивает, что у Христа было не кажущееся, а человеческое тело, даже некрасивое (9, 6).

De resurrectione carnis: В противоположность язычникам, саддукеям и еретикам Тертуллиан верит в воскресение плоти.

Adversus Praxean: Самое значимое изложение учения о Троице до Никейского собора (здесь впервые появляется слово *trinitas* 3, 1).

De anima: Тертуллиан разрабатывал эту тему уже в утраченном трактате против Гермогена *De sensu animae*. Необходимость опровергать еретические мнения вынуждает его полемизировать с языческой философией: особенно важное произведение (см. разд. *Образ мыслей*).

Источники, образцы, жанры

Источники: В основном Тертуллиан исходит из греческого интеллектуального наследия, прежде всего — греческих христианских авторов его века. Решающее обстоятельство — двуязычность тогдашней культуры. За несколько десятилетий до выступлений Тертуллиана гностики разработали свою фантастическую, полумифическую систему, а не столь изошренные умы пишут Деяния апостолов в духе романа. С другой стороны, между 180 и 200 г. Секст Эмпирик сочиняет основополагающий трактат скептицизма. Атмосфера полна контрастов: здесь религиозность, склонная верить в чудеса, там — противоположные позиции с научным обоснованием. Церковь заимствует свое оружие и оттуда, и отсюда. Так, против язычества можно использовать аргументы, уже прозвучавшие в языческом мире: насмешки Татиана над философами напоминают Лукиана; Ипполит уважает языческих философов — хотя и признает за ними только частные истины — гораздо больше, чем их гностических подражателей; Ириней в полемике с гностицизмом выдвигает глубокие богословские идеи. Тертуллиан не только шутит, когда говорит о том, что меняет тогу на плащ философа (*De pallio*): христиане считают себя истинными наследниками греческой мудрости¹.

Знакомство Тертуллиана с античной литературой во многом из вторых рук, но следует считаться с возможностью чтения Платона. Однако стоические источники намного важнее. У мыслей Тертуллиана о естественности познания Бога — сто-

1. W. KRAUSE, Die Stellung der frühchristlichen Autoren zur heidnischen Literatur, Wien 1958, 69; 75; 78.

ический фон¹. Материалистические представления о телесности Бога будет кроме стойков разделять и Мелитон, епископ Сардский († до 190 г.). Стоя задает тон и для учения о душе, и для этики. Главный источник *De anima* — врач-язычник Соран Эфесский, который около 100 г. практиковал в Риме. На учение о снах (*anim.* 46) оказал влияние Гермипп из Берита.

В то время как в иных случаях поле остается за греками, естественное доказательство существования Бога (*De test. an.*) восходит к Цицерону (*nat. deor.* 1, 46, 43 сл.; 2, 2, 4 сл.); тот же самый трактат используют Арнобий и Лактанций. Напротив, в *De anima* следы влияния Цицерона отсутствуют полностью. Ценные сведения о древнеримской религии (в особенности во второй книге *Ad nationes*) Тертуллиан передает нам из второй части *Antiquitates* Варрона (*Rerum divinarum libri XVI*). Является ли некая *satura* Варрона² источником для *De pallio*, остается под вопросом. Цитаты из Лаберия (*pall.* 1, 3), вероятно, заимствованы у грамматиков. Антикварными сведениями о венках в *De corona* Тертуллиан обязан юристу императорской эпохи Клавдию Сатурнину (*De coronis*), евгемеровская критика мифологии восходит к Леону из Пеллы. Наш автор точно так же знаком с Лукрецием, Вергилием, Тацитом и Светонием, но прежде всего — с Сенекой, которого он называет *saepe noster*, «часто нашим» (*anim.* 20, 1). Этот автор является и образцом насыщенного афористического стиля.

Хотя тогда уже была Библия на латинском языке, Тертуллиан предпочитает читать ее по-гречески и текст переводит сам. Больше всего он любит цитировать законы, например, *Второзаконие*. Из иудейских апокрифов он знает *Еноха* и *Езру 4*, из христианских — *Pastor Hermae*, последнего — уже в латинском переводе. В отличие от иудео-христианских тенденций в ранней латинской христианской литературе он придерживается традиции грекоязычных апологетов. Он использует *Апологию* и *Разговор с Трифоном Иудеем* Иустина (последний в третьей книге *Против Маркиона* и *Против Иудеев*), Татиана, а возможно, и Афинагора. Важный источник, прежде всего для *De praescriptione* и *Adversus Valentinianos* — Иринея, которого Тертуллиан читает в оригинале. В трактате *Против Гермогена* он, вероятно,

1. С. TIVILETTI, Tertulliano e la dottrina dell' *anima naturaliter christiana*, AAT 88, 1953—54, 84—117; о значении стоических источников Н. STEINER 1989, 200.

2. Ср. также А. CORTESI, Varrone e Tertulliano. Punti di continuità, Augustinianum 24, 1984, 349—365.

использует одноименное произведение Феофила Антиохийского. Он знакомится также с творчеством противника монотанистов Мелитона Сардского, высмеивая его *elegans et declamatorium ingenium*, «талант изящный и склонный к декламации» (Hier. *vir. ill.* 24). Произведения еретиков Маркиона, Апеллеса и Гермогена он знает из первых рук, так что в этом вопросе он сам сохраняет для нас ценность источника.

Образцы: Функциональное превращение защитительной речи в требование осудить обвиняемого напоминает платоновскую *Апологию*. *De pallio* с литературной точки зрения написан в традициях Диона из Прусы. Для трактатов важным образцом является Сенека. У «азианийского» стиля Тертуллиана есть греческий предшественник — пасхальная гомилия Мелитона Сардского¹. Образцом латинского стиля мог быть Апулей.

Жанры: Тертуллиан своим *Apologeticum* создает до некоторой степени новый жанр. У греков защитительная речь и призыв к обращению в свою веру существовали лишь по отдельности². Различными формами трактатов Тертуллиан создает для латинской литературы новые жанровые дифференциации, обусловленные целеустановкой его творчества: работы, посвященные повседневной жизни христиан (*idol.*), катехитические, догматико-полемиические; в зародыше представлена и форма экзегетического трактата (*orat.*).

Литературная техника

Юридическая компетентность Тертуллиана остается под вопросом³, но его мышление и аргументация бесспорно такие, какие свойственны адвокату. Вместо того чтобы приводить доводы по существу дела и опровергать еретиков содержательно, Тертуллиан спрашивает как юрист: кто может претендовать на то, что его учение истинно? Кто располагает Писани-

1. F. KENYON, Chester Beatty Biblical Papyri 8, 1941; M. TESTUZ, Papyrus Bodmer 13, 1960; O. PERLER, SC 1966, 123; O. PERLER, Typologie der Leiden des Herrn in Melitons *Peri Pascha*, в: Куриакон, FS J. QUASTEN, т. 1, Münster 1970, 256–265.

2. Об *Apologeticum* как судебной речи: H. STEINER 1989, 48–80.

3. Положительно P. de LABRIOLLE, Tertullien juriconsulte, NRD 30, 1906, 5–27; A. ВЕСК, Römisches Recht bei Tertullian und Cyprian, Halle 1930, дополненная перепечатка Aalen 1967, 13–17 и предисловие к перепечатке; D. LIEBS, HLL § 417; отрицательно S. SCHLOSSMANN, Tertullian im Lichte der Jurisprudenz, ZKG 27, 1906, 251–275; 407–430; основательно против идентификации с юристом: T. D. BARNES ²1985, 22–29; см., однако, D. LIEBS, цит. выше, стр. 1643.

ем? Ответ звучит так: только церковь. Он использует против еретиков юридическое возражение (*praescriptio*): «Ваше учение возникло позже, следовательно, оно ошибочно» (*adv. Marc.* 1, 1, 6)¹. Тот же метод — «пресечь в корне» мнение противника — он применяет и тогда, когда вместо еретиков опровергает их источник, Платона (*anim.* 23, 6).

В *Apologeticum* Тертуллиан сочетает защитительную речь и призыв к обращению в свою веру; у греков то и другое существовало порознь. Он инсценирует произнесение речи в официальной обстановке перед наместником; ведь он хочет проинформировать правителей об истинном положении дел, что не может произойти во время процесса. Конечно, он хотел бы пробудить у цезаря сочувствие к христианам, своим лояльнейшим подданным, но прежде всего разоблачить позицию язычников во всей ее нелепости: он порицает несправедливое отношение к христианам, которых преследуют из-за их названия (*apol.* 2, 18), и внутренне противоречивый рескрипт Траяна, согласно которому христиан не следовало разыскивать, но нужно было наказывать (*apol.* 2, 8). Однако недостаточно сказать, что — например, по сравнению с Иустином — защитительная речь из делиберативного переместилась в эпидейктический жанр. Скорее мы имеем дело с последовательным применением технических приемов форума в *Apologeticum*: с тактической точки зрения речь идет о том, чтобы «предъявить обвинение обвинителю» (*retorsio criminis*). Подходящее для этого средство — непрерывное сравнение (*comparatio*). Если смотреть в общих чертах, то ἀπολογία (7–15), ἐπίδειξις (17–27) и σύγκρισις (28–45) сменяют друг друга². Обращение привычного порядка свидетельствует о том, что мы имеем дело с судебной речью со знаком минус: достаточно вспомнить о платоновской *Апологии Сократа*. Цель — не оправдание, а осуждение: «Кровь христиан — семя» (*apol.* 50, 13). И в этом произведении также применяется аргументация юридического толка. Художественное достижение — последовательное символическое обыгрывание ситуации «перед судом». Божественный суд — который знаком и язычникам — примет решение, противоположное суду земному.

Адвокатская привычка обнаруживать у соперника внутрен-

1. Ср. *Iren. adv. haer.* 3, 4, 3.

2. O. SCHÖNBERGER 1957.

ние противоречия торжествует, когда он цитирует Платона против Платона (*anim.* 24, 10), когда он сардонически применяет против оппонентов их же сравнения (*anim.* 15, 6) или острым пером разоблачает непоследовательность язычников: в театре позволено все, что запрещено в иных случаях; спортсмены относятся к низам общества, и тем не менее знатные зрительницы обожествляют их (*spect.* 21 сл.). Правда, сам Тертуллиан лишь в минимальной степени заботится о том, чтобы у него самого не было противоречий. В своей войне на несколько фронтов против иудеев, гностиков и философов он приводит различные аргументы, в зависимости от адресата: против гностиков он прославляет плоть (*resurr.* 7–10) и вместе с Новым Заветом называет ее храмом (*anim.* 53, 5); он ценит достоверность органов чувств (*anim.* 17) и видит в продолжении рода *status benedictus*, «благословенное состояние» (*anim.* 27, 4): ранние христиане, в отличие от некоторых платоников, не закрывали глаза на мир. С другой стороны, в аскетически-моральном контексте он по-платоновски называет плоть и мир темницей души¹.

Перед христианами он с наслаждением подчеркивает неразумность, даже абсурдность предмета веры; пресловутое *credo quia absurdum* он, правда, не произнес дословно, но мог бы и сказать (см. разд. *Язык и стиль*). Однако когда он обращается к язычникам, он высоко ценит естественный путь разумного познания души (*testimonium animae naturaliter Christianae*, «свидетельство души — христианки от природы»: *apol.* 17, 6)², и в этом смысле для него авторитетны Клеанф, Зенон, Сократ и Платон (*apol.* 21, 10; 22, 1–2). Но вот он борется против гностиков, и тут Платон — торговец всеми ересями в своей мелочной лавочке (*anim.* 1), и Тертуллиан отрицает какую бы то ни было связь между Академией и церковью (*praescr.* 7, 9)³.

В зависимости от адресата и цели аргументации колеблется и оценка иудеев, которые тогда жили в Карфагене крепкой, влиятельной и не слишком дружественной к христианам общиной. В борьбе против политеизма и театра (*idol.* и *spect.*) они — естественные союзники христиан. В укор «теплым» христианам он прославляет верность иудеев традициям (*ieiun.* 13,

1. *anim.* 53, 5; *apol.* 17, 5; *mart.* 2, 1.

2. Необходимое ограничение: *test. anim.* 1, 7.

3. Уже Павел перед ареопагом приводит другие доводы, нежели для христиан.

6). Напротив, в апологетических произведениях (*nat.* и *apol.*)¹, в которых должны быть названы и неримские источники клеветы и преследований, он не может умолчать о соответствующей деятельности иудеев. Смещение акцентов в каждом конкретном случае обусловлено тактически.

Примеры из римской истории приводятся как образец для христианских мучеников: Лукреция, Регул, даже Дидона (*mart.* 3–4). Поздний Тертуллиан ставит в упрек христианам превосходство в благочестии и готовности к жертвам у почитателей Изиды, Кибелы и Митры² (*ieiun.* 16, 7–8; *coron.* 15, 3).

Полемика с культом римских богов во второй книге *Ad nationes* имеет столь же односторонний характер, то есть задумана с расчетом на риторический эффект и выстроена по принципам адвокатской практики:

Варрон во второй части своих *Древностей*, где идет речь о божественных предметах, разделял божества на физические, мифические и национальные (*theologia tripertita*, «трехчастная теология»). Первые основываются на спекуляции, вторые на мифах, третьи на установлениях. Тертуллиан, который мастерски владеет техникой критического разбора, легко расправляется с этой теорией: спекуляции ненадежны, мифы недостоверны, а положения — произвольны и не общеобязательны. Он использует при этом доводы, которые высказывали уже античные философы в различных контекстах по поводу отдельных пунктов.

Против физической теологии выдвигается аргумент, что стихии — только инструменты в руках Бога. Правда, это выглядит как *petitio principii*. Против мифологической теологии он обращает старую теорию язычника Евгемера, согласно которой боги первоначально были людьми. Конечно, при этом ошибочно определяется сущность мифа, но сиюминутная цель достигнута. То, что племенные боги всегда партикулярны и не могут претендовать на общее значение, следует из самой их сущности.

За свое подразделение богов на *certi*, *incerti* и *selecti* — «достоверных, недостоверных и избранных» — Варрон не стяжал ничего, кроме насмешек. Тертуллиан предпочитает другую классифи-

1. Отрицательно также *scorp.* 10, 10.

2. Ср. S. Rossi, Minucio, Giustino e Tertulliano nei loro rapporti col culto di Mitra, GIF 16, 1963, 17–29.

кацию: специфически римские боги и общие у римлян с другими народами. Ему без труда удастся превратить в посмешище обожествленную блудницу Ларенцию и древнеримских «абстрактных» богов. Против межнационального Сатурна опять идет в ход евгемеровская теория: Сатурн был только человеком, и его апофеоз противоречит действительности.

Римляне были великими не потому, что они придерживались своей стародавней религии — они и этого не делали, — а потому, что Бог дал им власть; и это снова *petitio principii*.

В зависимости от цели Тертуллиан толкует языческих богов как идолов, людей или демонов. При всей его технической ловкости и многообразии тактических приемов опровержения ясно видно, что он не исходит из сущности вещей, как философ, а применяет формально-юридические доводы и суггестивно-риторические средства.

Однако в лучших трактатах ему удается поднять более узкую тему на высокий уровень и придать ей тем самым новую значимость. Эту харизму по-настоящему великого оратора он разделяет с Цицероном. Сюжет *De corona* приобретает широту охвата и глубину благодаря той мысли, что Христос — истинный человеческий венец. В *De pallio* перемена одежды отражает перемену мировоззрения. В *Apologeticum* Божественный суд противостоит людскому: в потере заключается истинное обретение; кто сохранит свою жизнь, тот ее потеряет. С литературной точки зрения Тертуллиан конкретизирует эту переоценку всех ценностей в одухотворяющей метаморфозе образных лейтмотивов: как Цицерон проводит различие между земной славой и истинной честью (*ref.* 6, 23, 25), так и Тертуллиан отделяет человеческий суд от Божественного, одежду честолюбия от платья мудрости, земной венок и истинный венец.

Язык и стиль¹

Тертуллиан, конечно, не создатель христианской латыни, но весьма недалек от того, чтобы стать создателем христианского латинского литературного языка. У него много не встре-

1. Н. HOPPE, *Syntax und Stil des Tertullian*, Leipzig 1903; E. LÖFSTEDT, *Zur Sprache Tertullians*, Lund 1920; Н. HOPPE, *Beiträge zur Sprache und Kritik Tertullians*, Lund 1932; F. SCIUTO, *La gradatio in Tertulliano*. Studio stilistico, Catania 1966; C. J. CLASSEN, *Der Stil Tertullians*. Beobachtungen zum *Apologeticum*, в: *Voces* (Univ. Caen/Univ. Salamanca), 3, 1992, 93–107.

чавшихся ранее слов. Сопротивление абстракциям греческого философского языка прекращается безоговорочно: μάθησις и ἀνάμνησις, «учеба» и «воспоминание», без лишних хлопот превращаются в *discentia* и *reminiscentia* (*anim.* 23, 6); платоновские части души можно, не краснея, называть *indignativum* и *concupiscentivum* («негодующая» и «вождедеющая», *anim.* 16, 3). Для богословско-философских понятий Тертуллиан употребляет подходящие латинские термины, у которых есть юридический оттенок, как, например, для плодотворной мысли о свободе воли: *libera arbitrii potestas* («свободная власть суждения», *anim.* 21, 6). Для обозначений действующего лица он использует латинские образования на — *tor* и — *trix*, среди которых есть и курьезные, вроде *baptizator*, «креститель», и *evangelizator*, «евангелист», вместо частых в более позднюю эпоху греческих заимствований на — *ista*. Греческие слова с особым христианским значением, заимствованные церковной латынью, получают у Тертуллиана права гражданства в литературном языке: *episcopus*, *baptisma*, *clerus*, *ecclesia*, *elemosyna*, *evangelium*. Для обычного позднее *confessio*, «исповедание», у него употребляется еще греческое слово ἐξομολόγησις. Священника он называет латинским словом *sacerdos*, вероятно потому, что в греческом христианстве, когда оно распространялось на Запад, еще отсутствовал соответствующий термин. Божественная οἰκονομία — план действий в истории — часто передается риторическим *dispositio*, и на самом деле это подходящая метафора для замысла такого процесса, который предполагает творение и спасение словом. Римское понятие *persona* он вводит в учение о Троице (*adv. Prax.* 12). В соответствии с узусом африканских общин Тертуллиан относит слово *sacramentum*, «таинство», к христианской, а *mysterium* к языческой вере. Ассоциация с римской военной присягой близка сыну офицера; тема *militia Christi*, «воинствование о Христе», которая встречается уже у Павла, важна для Тертуллиана и обогащает его метафоры (*mart.* 3; *orat.* 29, 3)¹, к числу которых уже, впрочем, относится и *mater ecclesia* («церковь-мать», *orat.* 2, 6)².

Иногда он отваживается на дерзкие сравнения: Бог уподобляется врачу-гомеопату, поскольку он излечивает подобное

1. А. HARNACK, *Militia Christi*, Tübingen 1905; перепечатка Darmstadt 1963; новая литература — А. WLOSOK, *Laktanz und die philosophische Gnosis*, ANAW 1960, 2, 185, прим. 12.

2. По *Gal.* 4, 26.

подобным: смерть смертью, муки муками (*scorp.* 5, 9). Жизнь единой души в состоящем из членов теле он наглядно изображает как воздух, движущийся в органе (*anim.* 14, 4); в другом месте он представляет Бога органистом, который пользуется человеческим телом как своим инструментом (*bapt.* 8, 1)¹.

Как «стилист»² Тертуллиан может быть понят только в связи со Второй софистикой и такими писателями, как Апулей. Азианийская манера, ставшая модной в его эпоху, предпочитает короткие, афористичные фразы и украшает их аллитерациями, гомеотелевтами, игрой слов. Благодаря этим особенностям он «без всяких вопросов труднейший автор из писавших на латинском языке»³. У его стиля есть ярко выраженная личная нота, он выразителен и густ, даже темен, всегда отличается силой и страстью.

*Quot paene verba, tot sententiae, «сентенций почти столько же, сколько слов»*⁴. Афоризмы иногда напоминают сатирика Ювенала: у язычников богом стать достоин только пользующийся самой дурной репутацией⁵.

Его яркая фантазия, которая даже такие отвлеченные понятия, как душа и дух, воображает лишь телесно и чувственно, оказывается для него очень кстати как для оратора. Невидимое получает жизнь: *idololatria*, «идолопоклонство», — сестра разврата (*scorp.* 3, 5). Он обращается к душе, как будто это Психея из Апулеевой сказки, и призывает ее в свидетели (*test. anim.* 1, 5). Даже философическому плащу автор приписывает чувства: «Радуйся, плащ, и ликуй; ты сподобился лучшей философии с тех пор, как в тебя облекся христианин» (*fall.* 6, 2). Библейские образы приводятся в риторической спецификации; так, Тертуллиан обращается к «теплому» воцерковленному христианину: «Твой Бог — чрево (ср. *Phil.* 3, 19), твой храм — легкие, твой алтарь — желудок, твой священник — повар; твой Дух Святой — кухонный чад, твоя жертва — приправы, и отрывка — твое пророчество». В таких полемических пассажах Тертуллиан нередко пренебрегает требованиями хорошего вкуса,

1. Ср. также Hier. *tract. in psalm.* I, p. 263, 21 — p. 264, 5; B. LÖSCHHORN, Die Bedeutungsentwicklung von lat. *organum* bis Isidor von Sevilla, MH 28, 1971, 193—226.

2. Ср. также J. FONTAINE, Aspects et problèmes de la prose d'art latine au III^e siècle, Torino 1968.

3. NORDEN, Kunstprosa 606.

4. Vincent. Ler. 18 (24).

5. Tert. *nat.* 2, 13, 21; ср. Iuv. 1, 73 сл.

и радостно воскресает к новой жизни языческая жестокость, осужденная в гладиаторских играх, как например, когда праведники наслаждаются зрелищем адских мук осужденных в *De spectaculis* (30, 5): они слушают, как грешные артисты наконец голосят о собственном горе, видят, как они доказывают свою ловкость в вечном пламени, и так далее. Лучшая пародия на стиль Тертуллиана — стиль Тертуллиана. Однако *abusus*, «злоупотребление» — еще не аргумент против *usus*: насколько чужды для нас подробности таких описаний, настолько, с другой стороны, значим тот факт, что Тертуллиан — римлянин и оратор — в первый раз открывает возможности христианской литературы и искусства. Мало того, что он упоминает в положительном ключе о первых шагах христианской гимнической поэзии и вокальной музыки (*spect.* 29, 4). набросанная Тертуллианом картина аллегорической борьбы между добродетелями и пороками (*spect.* 29, 5) будет развернута в *Психомехии* Пруденцием — автором, христианизировавшим в своем сборнике практически все литературные жанры. Тертуллианово созерцание искупления Христова как грандиозного зрелища (*spect.* 29 сл.) будет эстетически плодотворным для литургики восточной церкви, а также в западной для сценических представлений Страстей и Пасхи. Наконец, наглядное изображение адских мук и Страшного суда (*spect.* 30) предвосхищает средневековые пляски смерти и новый вид космической поэзии в той форме, как его воплотит Данте. С вдохновением прирожденного оратора Тертуллиан очерчивает программу, которую наполняют жизнью литература и искусство средневековья.

Для римского писателя неудивительно, что слова юридического происхождения — например, *damnare*, «осудить», и *absolvere*, «оправдывать», — становятся основополагающими понятиями; их контраст венчает *Apologeticum* (50, 16): «В то время как вы нас осуждаете, Бог оправдывает». Эта же противоположность становится парадоксом в *Scap.* 1, 2: «Мы больше рады своему осуждению, нежели оправданию». В таких оборотах риск верующего непосредственно выходит на языковой уровень; риторическую выучку и стиль мышления в духе апостола Павла¹ пронизывает собственный огонь: «Распят Сын Божий; я не стыжусь, ибо это позорно. Умер Сын Божий: я потому верю,

1. Например, 2 *Cor.* 6, 9—10; 12, 10; примерно 40 процентов цитат Тертуллиана из Нового Завета — ап. Павел.

что это невероятно. И восстал из могилы: и это верно, так как невозможно» (*сart.* 5, 4). Тертуллиану нравится постоянный напряженный контраст между его жизнью в римской державе и ожиданием конца времен. Что-то от этого с внутренней необходимостью выходит на поверхность в его стиле — одновременно блестящем и темном. Его вкус к парадоксам — не только риторическая поза; здесь отражается та крайность, которая все более становится ему по душе.

Вообще наблюдения над развитием невидимых на первый взгляд признаков языка и стиля могли бы помочь датировке; так, обнаружили, что в ранних произведениях он предпочитает бессюзные связи, *ἀσύνδετα*, а *et* относительно редко появляется в смысле *etiam* и после других союзов¹.

Короче говоря, Тертуллиан черпает материал из традиционной античной философии, риторики и юриспруденции; он преобразует их понятия. Таким образом возникает латинский язык богословия; он же в свою очередь становится отцом языка новейшей философии. Стиль Тертуллиана — внутренне неизбежная производная его напряженного и парадоксального мышления — сочетает влияние библейских образцов, в частности, посланий апостола Павла, с традицией Второй софистики, присущей Апулею. Свою освобождающую роль мог сыграть и стиль Сенеки — автора, который в своем «мужестве к индивидуальности» сыграл роль предшественника Тертуллиана.

Образ мыслей I Литературные размышления

Христианская позиция стала для Тертуллиана той архимедовой точкой опоры, с помощью которой он сдвинул со своего места прежний мир. Он убежден, что восстание против всех римских традиций — его обязанность. Соответствующие реплики прямо-таки устрашают своим современным звучанием; они явственно дают почувствовать, как распадается связь времен². Это новая тональность в рамках латинской литера-

1. T. D. BARNES 1969.

2. *Adversus haec igitur nobis negotium est, adversus institutiones maiorum, auctoritates receptorum, leges dominantium, argumentationes prudentium, adversus vetustatem consuetudinem necessitatem, adversus exempla prodigia miracula, quae omnia adulterinam istam divinitatem corroboraverant* («наше дело — [бороться] против следующего: против предков

туры. Однако следует вспомнить и о таких фигурах, как Лукреций и Катулл, которые также отрекаются от наследия — но иначе.

Приведет ли это восстание к культурной революции? По Тертуллиану, христианин может, правда, читать языческую литературу, но не учиться по ней¹. Философы — патриархи еретиков (*anim.* 3, 1). Поэты и ораторы — предатели истины и нравственности². Тот факт, что он сам прибегает к риторике и философии, он оправдывает необходимостью опровергать или убеждать других людей: *Ita nos rhetoricari quoque provocant haeretici sicut philosophari philosophi* («таким вот образом еретики подстрекают нас риторствовать, точно так же как философы — философствовать», *resurr.* 5, 1). В своем отношении к литературе и искусству ему приходится уподобляться двуликому Янусу. С одной стороны, он осуждает языческую культуру; с перво-христианской строгостью предлагает занимать обратившихся художников исправлением кровель, покраской стен и счетных досок или столярными работами (*idol.* 3, 2; 4, 1; 8, 2). С другой стороны, своими убедительными, окрыленными риторической фантазией аллегориями и описаниями — например, Страшного суда — он пролагает новые пути зарождающейся средневековой христианской культуре.

В своем учении о «свидетельстве души, которая от природы христианка» (*test. anim. passim; apol.* 17, 6), он, наконец, делает даже первый шаг к новой переработке языческой традиции, к истолкованию прежних поэтов и философов как тех, кто расчищал дорогу для христианства (*test. anim.* 1, 1). Примеры и свидетельства из античной литературы, которые Тертуллиан приводит на каждом шагу, могут послужить подтверждением этой точки зрения. Таким образом первый латинский христианский писатель закладывает основу для первого возрождения римской стихии и культуры уже под знаком Христа.

и их установлений, общепринятых внушений, законов мужей правительственных, доводов людей рассудительных, против древнего, привычного и необходимого, против образов, предзнаменований и чудес, которые все укрепили эти распутные божества», nat. 2, 1, 7).

1. С. М. М. BAYER, *Tertullian zur Schulbildung für Christen...*, RQA 78, 1983, 186—191; R. BRAUN, *Tertullien et la philosophie païenne. Essai de mise au point*, BAGB 1971, 231—251; H. STEINER 1989.

2. Ср. *anim.* 33, 8; G. L. ELLSPERMANN, O. S. B., *The Attitude of the Early Christian Latin Writers Toward Pagan Literature and Learning*, диссертация, Washington 1949.

В полемике с различными традициями его герменевтика не-систематична и каждый раз обусловлена конкретной задачей: в борьбе с язычниками он отвергает аллегорезу мифа (в частности, излюбленный прием стоиков) и утверждает, что она основана на неточном мышлении: был ли Сатурн человеком или временем. Если он был человеком, то аллегория бессмысленна (*nat.* 2, 12, 20). Но в своих собственных интерпретациях он не всегда принимает это поучение близко к сердцу; он дает Ветхому Завету духовное истолкование, хотя там также идет речь об исторических фигурах¹; в борьбе же против иудео-христиан и гностиков он, наоборот, настаивает на буквальном понимании (например, *scorp.* 10). Критерий допустимости аллегорезы — его собственное волевое решение принять или не принять традицию.

Для богословия, которое только начинает потихоньку зарождаться, Тертуллиан формулирует принцип оборонительного, консервативного метода образования догматов: учение развивается, защищаясь от заблуждений (*praescr.* 13, 6). Одновременно это и оправдание его собственного подхода; как писатель он берется за перо всегда по конкретному поводу. Отсюда он разрабатывает вопрос скорее пунктуально и тактически, нежели систематически. При определениях и работе с текстами он часто ведет себя как юрист.

Образ мыслей II

Вообще для философской мысли Тертуллиана² решающим стало влияние стоицизма: понятие природы, человек как душа и тело (дух не обретает самостоятельной значимости), материалистическое представление о телесности Бога и души, приоритет практических и этических соображений.

Таким образом Тертуллиан защищает единство Бога, с одной стороны, от Маркиона, который принимает версию

1. *Voluit enim deus et alias nihil sine exemplaribus in sua dispositione molitus paradi-gmate Platonico plenius humani vel maxime iniliti ac finis lineas cotidie agere nobiscum, tantum porrigens fidei facilius adiuvandae per imagines et parabolas sicut sermonum ita et re-git* («ведь Бог, и в иных случаях ничего в своем домостроительстве не создающий без образов, захотел — полнее, чем парадигма у Платона — ежедневно и всемерно раскрывать нам планы человеческих начал и концов, протягивая руку нашей вере, которой легче помочь образами и притчами — как в речах, так и в делах», *apit.* 43, 11).

2. Христианство для Тертуллиана — «лучшая философия»: Н. STEINER 1989, 194–207, особенно 205.

о высшем божестве — благом, и низшем — справедливым, с другой стороны — от Гермогена, который предполагает наличие, наряду с Богом, еще одной первоосновы: вечной материи.

Учение Тертуллиана о триединстве (в том виде, в каком оно было сформулировано в позднем трактате против Праксея) обращается против полного стирания различий между тремя лицами Троицы: Праксей «изгнал Дух и распял Отца» (*adv. Prax.* 1, 5). Христология Тертуллиана авторитетна, хотя не свободна от субординационизма, и позднее оказала влияние на закрепление христианской догматики (Никейский собор 325 г. и Халкедонский 451 г.). При этом отчетливо видны римские черты мышления Тертуллиана: единство Бога он иллюстрирует представлением о монархии (хотя сын — соправитель, монархия как таковая пребывает неизменной); автор, таким образом, больше думает о категориях власти, нежели сущности. Затем он рассматривает божество в его историческом проявлении (*οἰκονομία, dispensatio, dispositio*), то есть в связи с человеком и его опытом. Наконец, он предпочитает определять сущность вещи по ее происхождению. При этом он употребляет характерное слово *status*. Но и эта мысль имеет не философский, а юридический характер. *Status* (или *census*) сущности задается ее происхождением. Категория *status* свойственна Тертуллиану в самых различных областях: как в учении о Троице, так и в учении о душе (человеческая душа по происхождению — Божественное дыхание), при свержении с престола языческих богов (древнейший бог, Сатурн, был человеком), при отказе от всяческих театральных зрелищ, поскольку их исток — языческий культ, и при отражении еретиков указанием на большую древность церкви.

Тертуллиан настойчиво подчеркивает¹ — что окажет впоследствии большое влияние — историческую реальность воплощения Слова и полноту человеческой природы Искупителя; внутренняя связь между вочеловечиванием Христа и спасением и воскресением христиан — даже во плоти — становится таким образом совершенно отчетливой. Для него речь идет не о спасении от материи, а о спасении также и материи: коренное отличие от враждебности к плоти, которую питали многие античные философы. У Тертуллиана аскеза — на что часто обращают внимания — вытекает из установки, принципи-

1. Напр., *De carne Christi; De resurrectione carnis*.

ально не отвергающей тело, она стремится не к отрицанию, а к преобразению.

Учение Тертуллиана о Духе Святом и церкви соответствует евангельскому¹: решающим для человека является дух Божий в нем, а не число епископов (*pid.* 21, 17). Сто лет тому назад это бы не звучало вызывающе. Иначе обстоит дело в эпоху, когда церковь-учреждение готовится превратить весь мир в поприще своей деятельности: эсхатологически-профетическое понятие духа у Тертуллиана, без оглядки на сан, его ригористическая этика, его представление о священничестве мирян фактически неизбежно ведут его к противостоянию авторитетам. Чрезмерная нравственная требовательность Тертуллиана и его вера в конкретные проявления пророческого духа, поразительная у интеллектуала, — отчаянная и судорожная попытка сохранить что-то от времен первоначального христианства и дать ему доступ в следующую эпоху.

Значимыми в будущем окажутся его психологические достижения; не случайно наиболее плодотворный вклад в познание человеческой души принадлежит двум римским писателям — Тертуллиану и Августину. В согласии со стоиками Тертуллиан учит о телесности души. Она едина и неделима; способность роста, чувство и понимание не являются ее различными частями. Дух — только функция души (*anim.* 12, 6). Антиплатоновский характер имеет и его убежденность в достоверности чувственных восприятий. Здесь стоически-эпикурейская мысль образует единый поток с римским реализмом; обоснование — библейское и юридическое: чувства — важные свидетели; иначе свидетельство апостолов не имело бы ценности (*anim.* 17, 13 сл.). Тертуллиан представляет доктрину традуцианизма, то есть учит о передаче души при зачатии (*anim.* 36, 37). По Эпикуру душа рождается и умирает вместе с телом, по Платону она вечная, то есть не имеет и начала. Тертуллиан постулирует для души начало во времени, но она бессмертна; с философской точки зрения это, безусловно, самое трудное из всех трех решений. Именно оно, однако, и было принято, и, вероятно, не в последнюю очередь потому, что соответствует римскому жизнеощущению с его стремлением к индивидуальной вечности, которое нетрудно христианизировать.

Ранг души тоже определяется происхождением: это божье-

1. *Math.* 18, 20; *castit.* 7, 3; *fug.* 14, 1.

ственное дыхание. Ее *auctoritas* основывается на *maiestas naturae*, «величестве ее природы» (*test. anim.* 5, 1). Стоит обратить внимание на римскую правовую терминологию! Каждая душа виновна в заблуждениях, но она и свидетельница истины. Таким образом Тертуллиан думает даже о возможности доказать истину христианства и заблуждение язычества из самих языческих философов и поэтов (*test. anim.* 1, 1). В ясном определении души (*anim.* 22, 2) также видна адвокатская выучка автора¹. Способность четко излагать словами положение дел превратила Тертуллиана в одного из первопроходцев средневековой теологии.

Взаимоотношения Бога и человека он также описывает юридически; при этом господствуют такие представления, как вина, удовлетворение, компенсация. Римлянин усиливает те аспекты, которые уже наличествуют в иудейской традиции.

Юридически аргументирует Тертуллиан и проблему отношения христиан к государству. В *Apologeticum* он подчеркивает неслыханность того факта, чтобы кого-либо преследовали за его имя. Он заявляет и о лояльности христиан, которые даже молятся за императора (39, 2) и таким образом заботятся о непрерывном существовании римской державы. Он умаляет значение преследований христиан — горестной реальности его эпохи (*apol.* 5), и дает в общем и целом положительный образ цезарей. *Apologeticum* слишком идиллично представляет взаимоотношения церкви и государства. Атмосферу преследований мы можем лучше уловить в таких трактатах, как *Scorpiace*. Там Тертуллиан настаивает на приоритете заповедей Божиих по сравнению с человеческими узаконениями: следует слушаться начальства, но лишь соблюдая справедливость и мораль. Больше, чем Бога, нельзя любить ни своих родителей, ни императора, ни самого себя (*scorpf.* 14). Христианские мученики — современные представители древнеримской *virtus* (*nat.* 1, 18); современные римляне преследуют в их лице те добродетели, которые сами они утратили. Государственнический

1. *Definimus animam dei flatu natam, immortalem, corporalem, effigiatam, substantia simplicem, de suo sapientem, varie procedentem, liberam arbitrii, accidentis obnoxiam, per ingenia mutabilem, rationalem, dominatricem, divinatricem, ex una redundantem, «мы определяем душу как рожденную от дыхания Божия, бессмертную, телесную, имеющую натуральность, простую по своему составу, мудрую за свой собственный счет, идущую вперед различными способами, подлежащую случайности, переменчивую в отношении дарований, разумную, господствующую, предвещающую, обильную из единого».*

характер христианской церкви в *Apologeticum* пролагает путь в будущее; однако это далеко еще не делает Тертуллиана представителем «имперской теологии». Он подразделяет историю как постепенное воспитание человеческого рода¹ (*disciplina*) на этапы в зависимости от того, что человеческому роду открывает Господь, всегда в соответствии с нашей ограниченной способностью восприятия. Таким образом он сочетает представления апостола Павла о возрастах мира (например, *Gal.* 4, 1–9) с цицероновским образом природы (*Cato* 51 и 33): как растение развивается от семени к плоду, так и в истории сначала — естественное состояние человечества, потом делается шаг к детству (закон и пророки), молодость человечеству дает Евангелие, а зрелым оно становится с помощью Св. Духа, Параклита (*virg. vel.* 1, 4–7). Эту возрастную схему в латинской литературе до Тертуллиана применил к истории Флор.

Будучи адвокатом, а не систематичным философом, Тертуллиан не избегает противоречий; они существуют не только между произведениями — достаточно вспомнить о монтанистских работах с их заостренной точкой зрения на этику — но и в рамках одной и той же книги². Однако не следует их переоценивать. Прежде всего его борьба за церковную традицию не противоречит, как иногда утверждают, обращению к монтанизму; ведь именно самая склонность этого направления к этическому ригоризму и его культивирование пневматологии являют в особой степени черты первоначальной церкви. Ретроспективно можно понять, что провал Тертуллиана обусловлен как раз его верностью первоначальным структурам, поскольку, с одной стороны, процесс превращения церкви во вселенскую, казалось, невозможно было остановить и, с другой — тогда еще не существовало сформировавшейся альтернативы в виде монашества.

Традиция

Традиция не вполне качественна. Сохранилось 31 произведение, причем для *judic.* и *ieiun.* рукописи утрачены, поэтому приходится обращаться к ранним печатным изданиям.

1. P. ARCHAMBAULT, *The Ages of Man and the Ages of the World. A Study of Two Traditions*, REAug 12, 1966, 193–228; о пайдее Н. STEINER 1989, 38–45.

2. Следует сравнить, например, *paenit.* 9 с *judic.* 13; *uxor.* 2, 8 с *castit.* и *monog. passim*; но особенно *adv. Marc.* 4, 1, 9 с 4, 11, 11.

Только для *Apologeticum* сохранилось достаточное число рукописей. От их «вульгаты»¹ сильно отклоняются только ныне утраченный Codex Fuldensis (F) и вместе с ним — Fragmentum Rhenaugiense (в Codex Turicensis XCV, X в.). Было ли уже у Тертуллиана две редакции текста или обе традиции восходят к одному архетипу? Поскольку есть общие ошибки, последнее более вероятно. Кроме того, Fuldensis часто заслуживает первостепенного внимания, тем более что его текст поддерживается вторичной традицией (Euseb. *hist. eccl.* и Псевдо-Киприан, *Quod idola dii non sint*); нередко, однако, истина заключается посередине между F и «вульгатой».

В остальном нам известны пять корпусов, в которых дошли тексты Тертуллиана:

1. *Corpus Trecense*, возможно, составленный в V в. Винценцием Леринским, сохранился в Codex Trecensis 523, XII в., в Труа, из библиотеки Клерво. Он включает *adv. Iud.*, *carn.*, *resurr.*, *bapt.*, *paenit.*

2. *Corpus Ottobonianum*, который можно реконструировать по ватиканским фрагментам, дающим ценный текст (Vaticanus Ottobonianus Latinus 25, XIV в.). Он затрагивает *pucl.*, *paenit.*, *patient.* и *spect.*

3. *Corpus Corbeicense*, был составлен в V в. неким новацианцем. Рукописи — ранее в Корвее и Кельне — утрачены², так что нам приходится довольствоваться ранними колляциями. Кроме произведений Новациана, корпус содержит *resurr.*, *spect.*, *praescr.*, *pucl.*, *ieiun.*

4. *Corpus Agobardinum*, также составленный в V в.; единственная рукопись была написана по поручению архиепископа Агобарда Лионского († 840 г.) — Parisinus Latinus 1622, IX в. Из первоначальных 21 трактата сохранилось 13: *nat.*, *praescr.*, *scorp.*, *test. anim.*, *coron.*, *spect.*, *idol.*, *anim.*, *orat.*, *cult. fem.*, *uxor.*, *castit.*, *carn.*

5. *Corpus Cluniacense* был сохранен в двух утраченных Codices Cluniacenses, X/XI в. Нам приходится иметь дело с более молодыми рукописями и старейшими печатными изданиями. Он содержит 21 трактат: *patient.*, *carn.*, *resurr.*, *adv. Prax.*, *adv. Val.*, *adv. Marc.*, *fug.*, *Scap.*, *coron.*, *mart.*, *paenit.*, *virg. vel.*, *cult. fem.*, *castit.*, *uxor.*, *monog.*, *pall.*, *adv. Iud.*, (псевдо-Тертуллиана *haer.*), *praescr.*, *adv. Hermog.*

Влияние на позднейшие эпохи

Тертуллиан — создатель христианской латинской литературы. Свой отпечаток он оставил на ее языке раз и навсегда. Но он

1. К важнейшим рукописям «вульгаты» относятся Petropolitanus lat. I Q v. 40, IX в., и Parisinus lat. 1623, X в.; см. также Н. SCHRÖRS, *Zur Textgeschichte und Erklärung von Tertullians Apologeticum*, Leipzig 1914; W. BÜHLER, *Gibt es einen gemeinsamen Archetypus der beiden Überlieferungsstränge von Tertullians Apologeticum?*, *Philologus* 109, 1965, 121—133.

2. Ср., однако, G. LIEFTINCK, *Un fragment du De spectaculis de Tertullien*, *VChr* 5, 1951, 193—203.

завещал западной церкви и иное наследство: с одной стороны, золотое слово о *testimonium animae naturaliter Christianae* (апол. 17, 6), с другой стороны — гордую верность парадоксальности, даже абсурдности веры, усиленную римским вкусом к «нуминозному», «совершенно иному» в Откровении, римско-стоическую дихотомию души и тела, деградацию духа и превращение его в функцию души, философски затруднительное представление о душе, у которой во времени есть начало, но нет конца, но прежде всего — общий юридический стиль мышления, вкус к практическому и моральному поучению и в результате — господствующую роль риторики. Его настойчивое подчеркивание достоверности исторической и телесной природы Искупителя — римская черта в лучшем смысле слова.

Выдающееся значение Тертуллиана проявляется уже в том, что его произведения сохранялись несмотря на то, что, строго говоря, он был «еретиком». Однако от них просто невозможно было отказаться. Его отклонения от учения Церкви касаются не столько богословия в узком смысле слова, сколько практической этики и церковной дисциплины. Киприан каждый день читает его, называет его «учителем» (Hier. *vir. ill.* 53) и в своих письмах следует по его стопам, но в любезной и церковно безупречной форме. У Минуция Феликса есть совпадения с Тертуллианом, которые, вероятно, говорят о зависимости¹.

Его имя впервые упоминают Лактанций и Евсевий, причем они молчат о его инакомыслии. Позднейшие исследователи выражают по этому поводу свое сожаление, но все-таки читают его. Иероним, такая же полемическая натура, как и сам Тертуллиан, особенно охотно его цитирует. Фульгенций, враг языческой распущенности, использует его в своих *Mythologiae*². Правда, Августин включает его в свой каталог еретиков (*haer.* 86), и *Decretum Gelasianum* отвергает его труды; однако вряд ли удастся найти кого-либо из латинских Отцов Церкви, кто смог бы его игнорировать. *Apologeticum* уже в начале III в. переводится на греческий язык. Позднейшие истолкователи «Отче наш» не проходят мимо Тертуллиана (*De oratione*) и его подголоска Киприана. Тертуллиан оказывает влияние не только на тринитарное учение Ипполита и Новациана; догматические

1. О приоритете см. главу о Минуции Феликсе (стр. 1691).

2. L. G. WHITBREAD, Fulgentius and Dangerous Doctrine, *Latomus* 30, 1971, 1157—1161.

формулировки, которые мы находим у него, включаются в труды папы Льва I (*Epistola dogmatica ad Flavianum, epist. 28*) и Символ веры Никейского (325 г.) и Халкедонского (451 г.) соборов, определивших будущую церковную доктрину.

Тертуллианова концепция церкви и истории (конец времен и пневматология) оживают на рассвете Нового времени: Иоахим из Флорис († 1202 г.) заявляет о конце официальной церкви Сына и наступлении «третьего» века под знаменем Св. Духа в образе неиерархической, живущей в бедности и чистоте общины; связанное с этим представление об *Erziehung des Menschengeschlechts, Воспитании человеческого рода* (это заглавие одного из трудов Лессинга) обладает своей собственной историей. Мысль Тертуллиана о священстве мирян находит куда более живой отклик, чем тесно связанные с ней аскетические требования.

Самоощущение Тертуллиана — самоощущение пневматика. С точки зрения духа рассуждения добра и зла он критикует язычество, а также христианство, приспособившееся к миру. Он исполняет тем самым библейски легитимированную, но церковно неудобную функцию «учителя» или «пророка». Это то ядро, которое объединяет все его многочисленные высказывания. Он также — важное связующее звено между римским миром и христианством, по склонности — церковный реформатор, по своему влиянию — инициатор первого ренессанса латинской литературы и культуры под знаком Христа.

Интересно, что к его крылатым словам относятся две противоречащие друг другу реплики: *anima naturaliter Christiana* и — мысль, но не точная цитата — *credo quia absurdum*. Некоторые формулировки «еретика» Тертуллиана вошли в церковное исповедание («Верую во единого Бога...») и оказались — у всех на устах. Влияние его барочного стиля на проповедников всех эпох необозримо велико. Когда Боссюэ говорит о *chair angélicisée, «плоти, ставшей ангельской»*, он использует выражение Тертуллиана (*resurr. 26, 7*)¹. Сравнительно недавно стали наслаждаться его мощным языком, как, например, показывает поэтический перевод описания зверей из *fall. 3, 3²* Дугласа Паркера.

Издания: *apol.*: Venetiis, apud Bernardinum BENALIIUM 1483. * Первое полное изд.: Beatus RHENANUS, Basileae 1521. * F. OEHLEK, т. 1—3, 1851—

1. НИСНЕТ, Class. Trad. 330.

2. Arion 9, 1970, 1, 48—51.

1854 (ТПр, статья). * A. REIFFERSCHIED, G. WISSOWA, H. HOPPE, A. KROY-MANN, V. BULHART, CSEL 20; 47; 69; 70; 76, Wien 1890—1957. * Edd. var., CC 1 и 2, Turnholti 1954. * K. KELLNER, G. ESSER (П), 2 тт., München 1912—1916 (BKV). * *adv. Hermog.*: J. H. WASZINK (ПК), London 1956. * *adv. lud.*: H. TRÄNKLE (Т, крит. К), Wiesbaden 1964. * *adv. Marc.*: C. MORESCHINI, Milano 1971. * E. EVANS (ТП), 2 тт., Oxford 1972. * *adv. Marc. 1—3*: R. BRAUN (ТППр), 3 тт., Paris 1990; 1991. * *apol., spect.*: T. R. GLOVER (ТП), London 1931. * *adv. Prax.*: E. EVANS (ТПК), London 1948. * G. SCARPAT (ТП, Ind.), Torino 1985. * *adv. Val.*: A. MARASTONI (ТК), Roma 1971. * J.-C. FREDOUILLE (ТПК, Ind.), SC 280—281, Paris 1980—1981. * *anim.*: J. H. WASZINK (ТПК), Amsterdam, Paris 1933. * *anim., test. anim., cens, anim.*: J. H. WASZINK (ППр), Zürich 1980. * *apol.*: J. P. WALTZING (Т), Liège 1914, (сильно изм.) 1919. * J. P. WALTZING (К), Liège, Paris 1919. * J. P. WALTZING с A. SEVERYNS (ТП), Paris 1929. * C. BECKER (ТП), München 1952, 1961. * P. FRASSINETTI, Torino 1965. * E. PARATORE (К), E. BUONAIUTI (П), Bari 1972. * A. RESTA BARRILE (ТП), Bologna 1980. * *apol. 1*: A. SCHNEIDER (ТПК), Neuchâtel 1968. * *bapt.*: B. LUISELLI (Т, крит. К), Torino 1960; 1968. * E. EVANS (ТПК), London 1964. * *carn.*: E. EVANS (ТПК), London 1956. * J.-P. MAHÉ (ТПК, Ind.), 2 тт., SC 216—217, Paris 1975. * *castit.*: C. MORESCHINI (ТК), J.-C. FREDOUILLE (П), Paris 1985. * *coron.*: J. FONTAINE (ТК), Paris 1966. * H. QUELLET (Index), Hildesheim 1975. * F. RUGGIERO (ТППр), Milano 1992. * *cult. fem.*: W. КОК (ТПК), диссертация, Amsterdam 1934. * M. TURCAN (ТПК), Paris 1971. * S. ISETTA (ТПК), Firenze 1986. * *fug.*: J. J. THIERRY (ТПК), диссертация, Amsterdam 1941. * *idol.*: P. G. VAN DER NAT (ТПК), Leiden 1960. * J. H. WASZINK и J. C. M. VAN WINDEN (ТПК), Leiden 1987. * *mart.*: A. QUACQUARELLI (ТПК), Roma 1963. * *monog.*: P. MATTEI (ТПК), Paris 1988. * *nat. 1*: A. SCHNEIDER (ТПК), Roma 1968. * *nat. 2*: M. HAIDENTHALER (ТПК), Paderborn 1942. * *orat.*: F. DIERCKS (ТК), диссертация, Amsterdam, Bussum 1947; с *virg. vel.*, London 1956. * *pall.*: A. GERLO, Wettegen 1940. * S. COSTANZA (ТПр), Napoli 1968. * *paenit.* и *puhic.*: W. P. LE SAINT (ППр), London 1959. * Ch. MUNIER (ТПК), SC 316, Paris 1984. * *patient.*: J.-C. FREDOUILLE (ТПК), Paris 1984. * *praescr.*: R. F. RÉFOULE (ТК), P. DE LABRIOLLE (П), Paris 1957. * *puhic.*: C. MICAELLI, C. MUNIER (ТПК), 2 тт., Paris 1993. * *resurr.*: E. EVANS (ТПК), London 1960. * *Scap.*: A. QUACQUARELLI (ТК), Roma 1957. * *spect.*: J. BÜCHNER (К), диссертация, Würzburg 1935. * E. CASTORINA (ТПК), Firenze 1961. * M. TURCAN (ТПК), Paris 1987. * *test. anim.*: C. TIBILETTI (ТК), Torino 1959. * *uxor.*: A. STEPHAN, Amsterdam 1954. * *virg. vel.*: C. STÜCKLIN (ТПК), Bern 1974. * P. A. GRAMAGLIA (ТК), Roma 1984. ** *Index*: G. CLAESSON, Index Tertullianus, 3 тт., Paris 1974—1975. * *Конкорданс (patient.)*: H. QUELLET, Hildesheim 1988. * (*cult. fem.*): H. QUELLET, Hildesheim 1993. ** *Библи.*: см. монографии, особенно T. D. BARNES 1985 и H. STEINER 1989. * С 1975 ежегодно в REAug: R. BRAUN, J.-C. FREDOUILLE, P. PETITMENGIN, Chronica Tertulliana et Cyprianea: посл. REAug 33, 1987, 302—321. * R. D. SIDER, Approaches to Tertullian. A Survey of Recent Scholarship, Second Century 2, 1982, 228—260.

- R. H. AYERS, *Language, Logic and Reason in the Church Fathers. A Study of Tertullian, Augustine, and Aquinas*, Hildesheim 1979. * C. AZIZA, *Tertullien et le Judaïsme*, Paris 1977. * T. D. BARNES, *Tertullian. A Historical and Literary Study*, Oxford 1971, допoлн. ²1985 (лит.). * T. D. BARNES, *Tertullian's Scorpiace*, JThS 20, 1969, 105–132. * K. BAUS, *Der Kranz in Antike und Christentum... mit besonderer Berücksichtigung Tertullians*, Bonn 1940, перепечатка 1965. * A. БЕСК, *Römisches Recht bei Tertullian und Cyprian*, Halle 1930. * C. BECKER, *Tertullians Apologeticum. Werden und Leistung*, München 1954. * R. BÉLANGER, *Le plaidoyer de Tertullien pour la liberté religieuse*, SR 14, 1985, 281–291. * W. BENDER, *Die Lehre über den Heiligen Geist bei Tertullian*, München 1961. * R. BRAUN, *Le problème des deux livres du De cultu feminarum de Tertullien – un ouvrage homogène ou deux écrits distincts?*, Studia Patristica 7, Berlin 1966, 133–142. * R. BRAUN, *Deus Christianorum. Recherches sur le vocabulaire doctrinal de Tertullien*, Paris 1962; допoлн. ³1977. * R. BRAUN, *Tertullien et la philosophie païenne. Essai de mise au point*, BAGB 1971, 231–251. * A. J. BREKELMANS, *Martyrerkrantz. Eine symbolgeschichtliche Untersuchung im frühchristlichen Schrifttum*, Rom 1965. * N. BROX, *Anima naturaliter non Christiana*, ZKTh 91, 1969, 70–75 (лит.). * G. ECKERT, *Orator Christianus. Untersuchungen zur Argumentationskunst in Tertullians Apologeticum*, Stuttgart 1993. * P. FRASSINETTI, *Gli scritti matrimoniali di Seneca e Tertulliano*, RIL 88, ser. 3, 19, 1–2, 1965, 151–188. * J.-C. FREDOUILLE, *Tertullien et la conversion de la culture antique*, Paris 1972. * J.-C. FREDOUILLE, *Argumentation rhétorique dans le De corona de Tertullien*, RSR 58, 1984, 77–90. * W. H. C. FRENД, *Tertulliano e gli Ebrei*, RSLR 4, 1968, 3–10. * R. FREUDENBERGER, *Der Anlaß zu Tertullians Schrift De corona militis*, Historia 19, 1970, 579–592. * G. HALLONSTEN, *Satisfactio bei Tertullian. Überprüfung einer Forschungstradition*, Lund 1984. * G. HALLONSTEN, *Meritum bei Tertullian. Überprüfung einer Forschungstradition II*, Lund, Malmö 1985. * A. HARNACK, *Die Chronologie der altchristlichen Literatur* 2, Berlin 1904, 256–305. * A. HARNACK, *Tertullian in der Litteratur der alten Kirche*, v: SPAW 29, 1895, 2, 545–579. * J. HERRMANN, *Tertullians Verfahrensrügen und die frühen Märtyrerakten*, JJP 15, 1965, 151–156. * R. KLEIN, *Tertullian und das römische Reich*, Heidelberg 1968. * H. KOCH, *Tertullianus*, RE 2, 9, 1934, 822–844. * E. J. KOURI, *Tertullian und die römische Antike*, Helsinki 1982. * J. LORTZ, *Tertullian als Apologet*, 2 тт., Münster 1927–1928. * J.-P. MAHÉ, *Le traité perdu de Tertullien adversus Apelleiacos et la chronologie de sa triade anti-gnostique*, REAug 16, 1970, 3–24. * A. D. MAISTRE, *Traditio. Aspects théologiques d'un terme de droit chez Tertullien*, RSPH 51, 1967, 617–643. * E. P. MEIJERING, *Tertullian contra Marcion. Gotteslehre in der Polemik. Adversus Marcionem 1–2*, Leiden 1977. * C. MICHAELI, *Ricerche sulla fortuna di Tertulliano*, Orpheus NS 6, 1985, 118–135. * D. MICHAÉLIDÈS, *Foi, écritures et tradition ou les praescriptiones chez Tertullien*, Paris 1969. * D. MICHAÉLIDÈS, *Sacramentum chez Tertullien*, Paris 1970. * J. MOINGT, *Théologie trinitaire de Tertullien*, 3 тт., Paris 1966. * C. MO-

RESCHINI, Reminiscenze apuleiane nel *De anima* di Tertulliano?, *Maia* N. S. 20, 1968, 19—20. * Ch. MUNIER, Analyse du traité de Tertullien *De praescriptione haereticorum*, *RSR* 59, 1985, 12—33. * R. A. NORRIS, *God and World in Early Christian Theology: Tertullian*, London 1966. * T. P. O'MALLEY, *Tertullian and the Bible. Language, Imagery, Exegesis*, Nijmegen 1967. * S. OSWIECIMSKI, *De scriptorum romanorum vestigiis apud Tertullianum obviis quaestiones selectae*, Kraków 1951. * S. OTTO, *Natura und dispositio. Untersuchungen zum Naturbegriff und zur Denkform Tertullians*, München 1960. * P. PETITMENGIN, *Tertullien et la religion romaine*, Résumé в: *REL* 45, 1967, 47—49. * L. RADITSA, *The Appearance of Women and Contact. Tertullian's De habitu feminarum*, *Athenaeum* 63, 1985, 297—326. * C. RAMBAUX, *Tertullien face aux morales des trois premiers siècles*, Paris 1979. * Th. G. RING, *Auctoritas bei Tertullian, Cyprian und Ambrosius*, Würzburg 1975. * G. SCHÖLLGEN, *Ecclesia sordida? Zur Frage der sozialen Schichtung frühchristlicher Gemeinden am Beispiel Karthagos zur Zeit Tertullians*, Münster 1984. * O. SCHÖNBERGER, *Über die symmetrische Komposition in Tertullians Apologeticum*, *Gymnasium* 64, 1957, 335—340. * P. SINISCALCO, *Ricerca sul De resurrectione di Tertulliano*, Roma 1966. * R. D. SIDER, *Ancient Rhetoric and the Art of Tertullian*, Oxford 1972. * M. SPANNEUT, *Tertullien et les premiers moralistes africains*, Gembloux 1969. * L. STÄGER, *Das Leben im römischen Afrika im Spiegel der Schriften Tertullians*, Zürich 1973. * H. STEINER, *Das Verhältnis Tertullians zur antiken Paideia*, St. Ottilien 1989. * J. STEINMANN, *Tertullien*, Lyon 1967. * J. STIRNIMANN, *Die Praescriptio Tertullians im Lichte des römischen Rechtes und der Theologie*, Freiburg 1949. * A. STÖTZEL, *Christlicher Glaube und römische Religiosität bei Tertullian*, München 1972. * L. J. SWIFT, *Forensic Rhetoric in Tertullian's Apologeticum*, *Latomus* 27, 1968, 864—877. * S. W. J. TEUWEN, *Sprachlicher Bedeutungswechsel bei Tertullian*, Paderborn 1926. * J. E. L. VAN DER GEEST, *Le Christ et l'Ancien Testament chez Tertullien. Recherche terminologique*, Nijmegen 1972. * I. VECCHIOTTI, *La filosofia di Tertulliano. Un colpo di sonda nella storia del cristianesimo primitivo*, Urbino 1970. * J.-M. VERMANDER, *De quelques répliques à Celse dans l'Apologeticum de Tertullien*, *REA*ug 16, 1970, 205—225.

МИНУЦИЙ ФЕЛИКС

Жизнь, датировка

М. Минуций Феликс был адвокатом в Риме. По происхождению он — с большой долей вероятности — африканец: его труд¹ сохранился вместе с работами африканца Арнобия, име-

1. Иероним (*vir. ill.* 58) считает приписываемое Минуцию произведение *De fato vel contra mathematicos* неподлинным в силу стилистических соображе-

на участников диалога *Octavius* засвидетельствованы в африканских надписях¹, в тексте произведения Цецилий цитирует своего земляка Фронтона из Цирты (9, 6; 31, 2). В критике Рима также, возможно, есть отголосок африканского самосознания (25, 1–7).

Поскольку наш автор знает Геллия и Фронтона, он пишет после 160 г.; с другой стороны, его цитирует Лактанций, то есть он должен был жить до 310 г. Спорный вопрос, кто старше — Минуций или Тертуллиан, обычно решается в пользу последнего²: мысли, которые Минуций выстраивает по большей части по риторическим ассоциациям, у Тертуллиана развиты в более строгой логической последовательности. Точки соприкосновения с Минуцием в раннем произведении *Ad nationes* не столь часты, как в *Apologeticum*; если бы подражателем был именно Тертуллиан, удивительным казалось бы то, что в позднем произведении он ближе к оригиналу, чем в раннем. Данные Тертуллиана часто точнее и подробнее; следовательно, Минуций их сократил; он поступает с тертуллиановским материалом точно так же, как и с цицероновскими, и с платоновскими элементами³. Соответственно *Октавия* следует датировать позже *Apologeticum* (197 г.).

Псевдокиприановское произведение *Quod idola dii non sint* — почти дословное воспроизведение Min. Fel. 18–23 и Tert. *apol.* 21–23; поскольку оно предположительно было написано в IV в., оно не дает привязки для датировки *Октавия*. Точки соприкосновения с *Ad Donatum* Киприана (самое позднее 248 г.) указывают на приоритет Минуция⁴. Таким образом, *Октавий* относится, по-видимому, к первой половине III в.

ний: J. G. PRÉAUX, A propos du *De fato* (?) de Minucius Felix, *Latomus* 9, 1950, 395–413.

1. J. BEAUJEU, изд. S. xxvi.

2. J. BEAUJEU, изд., S. xliv–lxxix; точно так же большинство исследователей, во главе которых — В. AXELON и С. ВЕСКЕР. За приоритет Минуция Феликса, напр., NORDEN, *Kunstprosa* 605; S. ROSSI, *GIF* 12, 1959, 289–304; 15, 1962, 193–224; 16, 1963, 17–29; 293–313. Тем не менее Лактанций (*inst.* 5, 1, 22) и Иероним (*epist.* 70, 5) называют Минуция перед Тертуллианом. (Однако последовательность не должна быть непременно хронологической; в других местах у Иеронима она обратная). У Минуция отсутствуют все элементы, которые Тертуллиан заимствовал в *Apologeticum* из *апологии* Аполлония (M. SORDI 1964).

3. С. ВЕСКЕР 1967.

4. J. BEAUJEU lxvii–lxxiv; за датировку после Киприана теперь G. L. CARVER 1978 (аргументация не обладает принудительным характером).

О той же самой эпохе¹ говорят и другие признаки: подчеркнутая роль философии, значимость цитат из Вергилия и Цицерона напоминают о том, что христианство все активнее проникает в правящие слои римского общества; наряду со Стойей чувствительно влияние платонизма; так что творчество Минуция превосходно соответствует переходному периоду от «стоического» к «платоническому» этапу латинской патристики.

Обзор творчества

Прелюдия (1–4): Во время прогулки по берегу в Остии разгорается спор о вере между христианином Октавием Януарием и язычником Цецилием Наталием. Минуций Феликс исполняет обязанности третейского судьи.

Первая главная часть (5–13). Цецилий оспаривает возможность достоверного познания (тем более для столь невежественных христиан) — в особенности в связи с божественным провидением — и выводит отсюда необходимость придерживаться традиционного культа богов, которым Рим обязан своим величием (5–7). Затем он критикует христианство (8–12) и завершает свою речь в скептическом духе (13).

Антракт (14–15): Минуций отмечает, что истина значит больше, нежели красноречие, и дает слово Октавию.

Вторая главная часть (16–38): Во введении Октавий объясняет, что бедность открывает лучший доступ к истине, нежели богатство (16). Затем следуют три главных пункта: 1. доказательство существования единого Бога и его провидения (17–20, 1); 2. критика язычества (20, 2–27); 3. опровержение выпадов Цецилия против христианства (28–38, 4). В конце он объясняет, что истина христианского откровения преодолела учение скептицизма (38, 5–7).

Заключение: Эта речь вызывает восторг, и Цецилий заявляет о своем обращении (39–40).

Источники, образцы, жанры

Иероним (*epist.* 70, 5) хвалит начитанность нашего автора, однако многое тот, очевидно, получил из вторых рук. Следует по-

1. Официальное признание культа Изиды в Риме (основание Серапеума в Риме при Каракалле) образует *terminus post quem* (2, 4; 21, 3); еще одно хронологическое указание — сбор винограда (2, 3) — могло содержать выпад против культа Изиды, чьи инициационные празднества часто отмечались именно в это время года: P. COURCELLE, *Les Confessions de saint Augustin dans la tradition littéraire. Antécédents et postérité*, Paris 1963, 122.

лагать, что греческие труды он читал в оригинале; он цитирует Гомера и ссылается на платоновские диалоги — *Федона*, *Государство*, *Пиф* и *Тимей*, частично, по-видимому, по флорилегиям. У Минуция Платон чаще выходит на первый план, чем у Тертуллиана; здесь уже подготавливается «платонизирующий» этап патристики. Предмет борьбы Минуция — скепсис, чьим выдающимся представителем был в последнее время Секст Эмпирик.

Из числа латинских предшественников почетное место принадлежит Цицерону и Сенеке. Кроме своего главного образца — *De natura deorum* — Минуций знаком со многими произведениями Цицерона¹, даже с утраченным *Гортензием*, который — как и *Октавий* — был назван именем умершего человека, а в жанровом отношении представлял собой протрептик. Однако Минуций, следуя Цицерону, никогда не делает из его текстов дословных выписок.

Среди работ Сенеки предпочтение отдается трактату *De providentia* (например, Min. Fel. 20, 1; 36—37) — произведению, которому будут многим обязаны также Лактанций и Киприан. Критика римской религии (25, 8) через *De superstitione*² Сенеки, по всей вероятности, восходит к Варрону.

Вергилий — единственный латинский поэт, которому воздаются божеские почести — как и Гомер, служит авторитетом для подкрепления религиозной традиции; такой подход вовсе не был чем-то само собой разумеющимся для тогдашнего христианина.

Доводы из римской истории наш автор черпает частью из Цицерона, частью из историков; таким образом он пытается — возможно, по примеру Тертуллиана, — побить язычество его собственным оружием.

Ссылки на Библию³ не делаются напрямую; имя Христа он не называет, видимо, учитывая языческую аудиторию.

Полемический материал — по 9, 6 и 31, 2 — он, вероятно, черпает из произведения Фронтонна против христиан⁴. Думают

1. *Academia*, *Laelius*, *De finibus*, *De re publica*, *De legibus* (важен для технических приемов рамочного повествования), *Tusculanae disputationes*, риторические произведения, речи, одно из писем к *Атттику*.

2. Sen. *fig.* 33 HAASE = Aug. *civ.* 6, 10.

3. D. S. WIESEN 1971.

4. Об этом произведении: P. FRASSINETTI, L'orazione di Frontone contro i Cristiani, GIF 2, 1949, 238—254.

также об *Истинной речи* Кельса¹ (178 г. по Р. Х.) и христианской апологетике; правда, кроме Тертуллиана, дословные совпадения отсутствуют, но смысловые пересечения весьма многочисленны.

Есть две (иногда пересекающихся) разновидности апологий: юридически-защитительная — как *Presbeia* Афинагора, *Apologeticum* Тертуллиана² — и протрептическая. Минуций выбирает последнюю форму, адресованную более широкой публике. Предшественники — кроме *Протрептика* Аристотеля и *Гортензия* Цицерона — *Речь к эллинам* Татиана и *Протрептик* Климента Александрийского.

Форму диалога использовали Аристон из Пеллы и Иустин. Минуций делает выбор не в пользу платоновского типа, хотя антракт между двумя речами напоминает *Федона* (88 b—90 b); мы имеем дело скорее со спором перед лицом третьей стороны, как в *Moralia* Плутарха³, в *Диалоге* Тацита (4, 2—5, 2) и у Геллия (18, 1). Однако более всего могла привлекать Минуция мысль прибегнуть к важнейшей литературной форме академического скепсиса — достаточно вспомнить *De natura deorum* Цицерона — чтобы сразить скептиков.

Связи с жанром утешения не следует переоценивать⁴.

Литературная техника

Способность написать диалог может служить показателем литературной компетентности. В лице Минуция Феликса перед языческим миром предстает писатель, который способен исполнить это требование. Стремление к литературному совершенству в сознательном состязании с Платоном и Цицероном — новшество в рамках патристики, и в данном случае первым делает свой шаг латинский писатель.

Вступление с исполненными пиетета воспоминаниями о покойном друге⁵, прелюдия и заключение выдержаны в духе

1. О реконструкции Кельса по цитатам из Оригена: M. BORRET, (ed.), *Origène, Contre Celse*, Paris 1967—1969 (= SC 132; 136; 147; 150); J. M. VERMANDER 1971.

2. А также Аристид Афинский.

3. 615 e; 747 b; 750 a; 1096 f.

4. A. ELTER, *Prolegomena zu Minucius Felix*, Programm Bonn 1909.

5. Цицерон пишет «памятник» Гортензию в начале *Brutus*; соответственно он поступает с Крассом в третьей книге *De oratore*; с языковой точки зрения Минуций в начале своего диалога ближе к вступлению в первую книгу *De oratore*.

традиционного философского диалога и в некоторых отношениях весьма близки к Цицерону. Используется обычный платоновско-цицероновский прием — пересказ диалога от первого лица. Роль третейского судьи, которую исполняет третий участник, и место действия — Остия — напоминают Геллия 18, 1; город у моря — место разлук и свиданий — будет вплоть до Августина создавать сценарий значительнейших диалогов¹.

Тонко подмеченные подробности, кажется, подготавливают ход диалога², например, воздушный поцелуй, который Цецилий посылает статуе Сераписа, — жест, делающий наглядной тему — *religio* — и одновременно исходную точку для разговора.

Искусно употребление основных понятий, таких как *religio* (см. разд. *Образ мыслей*). Обращение Цецилия — внезапность которого подготовлена постоянным подчеркиванием того факта, что у него живой характер, — придает диалогу драматическое *crescendo*: с художественной точки зрения это, несомненно, достоинство.

Композиция обеих речей взаимосвязана³, однако педантичный параллелизм отсутствует. Речь христианина длиннее; у нескольких ее пунктов нет соответствия в реплике Цецилия, как, например, у критики языческой религии (20, 2—24) и рассуждения о демонах (26, 8—28, 6). Почему? Наш автор — в достаточной степени адвокат, чтобы не дать своему сопернику повода произнести апологию язычества. Зеркальным отражением демонизации языческих богов был бы обычный довод атеизма в адрес христиан; когда Минуций только намекает на него (8, 1—3), он следует риторическому принципу — не разбирать подробно то, что может серьезно повредить собственному делу. Пристрастность автора сказывается, таким образом, и на композиции обеих речей.

Напротив, непоследовательность в характере Цецилия, в теории исповедующего скептицизм, но на практике берущего под защиту традиционное язычество, — не злокозненный вымысел в целях облегчить опровержение, а меткое описание менталитета многих образованных римлян⁴: так, скептик академического толка Котта (в *De natura deorum* Цицерона) раз-

1. Уже история обращения Иустина разыгрывается у моря (*dial.* 3—7).

2. В этом пункте думают о влиянии двух солнц в трактате Цицерона о государстве.

3. Сопоставление у J. ВЕАУЖЕУ, изд. S. viii—xiii.

4. Иначе (ошибочно) W. SPEYER 1964, 50 сл.

бывает стоические доказательства существования богов и тем не менее, как верховный понтифик, защищает римскую религию. Многие язычники считали религию политически целесообразной; *ignotus* философского скептицизма дает им вдобавок научно обоснованный повод оставить без боя традиционным религиям и без того не поддающуюся исследованию область божественного¹.

Когда Октавий исходит из противоречий, которые он обнаруживает у Цецилия, мы имеем дело с добротным риторическим приемом². Но его собственные доводы в этом отношении также небезупречны. Если в главе 21 боги — только люди, это плохо сочетается с их отождествлением с демонами в другом месте (26, 8—28, 6). Здесь платонизм, там — евгемеризм. Адвокат не обращает внимания на консистенцию. Такие черты, как «предъявление обвинения обвинителю» (*retorsio criminis* — напр., 30 сл.), напоминает «юридические» апологии: *Октавий* — нечто большее, чем *θέσις*, школьное сочинение на заданную тему. Лаконичность, чувство формы и — за редкими исключениями — хороший вкус не дают нам возможности плохо думать о технической компетентности нашего автора.

Язык и стиль

С точки зрения языка и стиля чтение *Октавия* доставляет удовольствие. Минуций занимает антифронтонскую позицию не только в религиозном, но и в литературном отношении. Он отвергает архаизацию и поэтому старается работать в духе Цицерона, как и подобает в жанре философского диалога — этому правилу покорился и Тацит в своем *Dialogus*. Но цicerоновская поверхность кроет под собой целое множество выразительных средств, и достаточно короткий текст содержит множество *ἄπλαξ λεγόμενα*, более нигде не встречающихся слов. Минуций никоим образом не отрицает, что он сын своего времени: при более пристальном исследовании обнаруживаются элементы поздней латыни, хотя и в не слишком большом количестве³.

1. Основополагающая работа об этом — А. Wlosok 1960 (цит. к главе о Лактанции, см. ниже, стр. 1749).

2. Аналогичные формы аргументации: Orig. *c. Cels.* 6, 80; также 3, 1—3; 3, 19; 3, 31—33.

3. К. АВЕЛ 1967; С. MOHRMANN, *Les éléments vulgaires du latin des chrétiens*,

Интересно звучит, например, *reformare*, «преобразовать»¹, в религиозном смысле (1, 1, 5). У Овидия это слово означает омоложение (*met.* 9, 399), у Апулея — обратное превращение осла в человека, что тесно связано с его религиозным обращением и культом Изиды (*met.* 11, 16, 6); соответственно и у Минуция Феликса *reformatus* — близкий синоним *conversus*, «обращенный».

Минуций избирает метафоры и сравнения, общие для христиан и язычников: например, уподобление Бога солнцу (32, 5–8)², превращение понятия храма в сущностное, а не внешнее (32, 1, 3), по стоическому и библейскому образцу³, древнюю мистериальную символику (человек, выходящий из тьмы к свету — 1, 4), напоминающую христианам о крещении, и превращение слепоты в прозрение — Цецилий тоже не хочет остаться слепым, *caecus* (ср. 3, 1).

Наряду с Цицероном на стиль Минуция оказал влияние и Сенека; эпоха Второй софистики усугубляет некоторые стилистические особенности: в диатрибических пассажах, как, например, 37, 8 сл., доминируют колонны с коротким дыханием, параллелизм членения и гомеотелевты⁴, но автор в основном умеет украшать текст в такой степени, чтобы это не бросалось в глаза и не создавало помех, а также не противоречило характеру (этосу) каждого из участников разговора⁵. *Октавий* ритмизирован весьма плотно и регулярно⁶.

Образ мыслей

Литературная концепция нашего автора следует из образовательной; разделение областей (I и II) здесь невозможно. Тема «образования» играет свою роль во всем диалоге. Ответ Мину-

VChr 2, 1948, 89–101; 163–184; особенно 164 сл.: *carnalis* «плотский», *vivificare* «оживлять», *resurrectio* «воскресение»; существенно по этому поводу J. FONTAINE 1968, 98–100.

1. W. FAUSCH, комм. 31.

2. Xenophon. *mem.* 4, 3, 13 сл., использовалось Климентом (*protrept.* 6, 71; *strom.* 6, 75) и другими Отцами Церкви.

3. Sen. *fig.* 123 HAASE; 1 Cor. 3, 16; 6, 19; 2 Cor. 6, 16; ср. также Lucr. 5, 1198–1203 (эпикурейский контекст).

4. E. NORDEN 1897.

5. Контраст между скорее классическим стилем Цецилия и не столь строго периодизированным у Октавия отмечает J. F. O'CONNOR 1976; об этом же J. FONTAINE 1968, 119.

6. Konr. MÜLLER, *Rhythmische Bemerkungen zu Minucius Felix*, MH 49, 1992, 57–73.

ция на высокомерие Цецилия¹ заключается в том, что он показывает: христиане вовсе не являются невеждами, βάνηυοι. Сократовская ирония заключается в том, что христианин оказывается не менее эрудированным, чем язычник, и побеждает тем, что продумывает последовательно и до конца все послышки своих противников. Тождество христианина и философа², отстаиваемое Октавием (20, 1), — вариация известного изречения Платона, — подкрепляется всем ходом диалога.

Тема «религия и суеверие» подчеркивается уже в конце вводной части (1, 5). Оба оратора против суеверий и за религию — только понимают они под этим разные вещи (13, 5 и 38, 7); такая «омонимия» подготавливает достигнутое в конце единство. Для язычника значение обоих слов меняется по ходу диалога. Он может оставить за собой свой прежний тезис, только в процессе разговора он понял, что значит религия в собственном смысле слова (*vera religio*).

Суждение о философии также, как видно, меняется. Вначале Минуций идет навстречу язычеству, и заходит достаточно далеко; это напоминает речь Павла перед Ареопагом (*act.* 17, 22—31). Тертуллиан приписывает неиспорченной душе чувство божественного; Минуций соглашается с ним в этом пункте (16, 5), но оставляет сначала более значительное пространство и для философии³; только в конце диалога становится ясно, что он не приемлет ее безоговорочно (34, 6; 38, 5). Здесь следует раз и навсегда научиться отличать философию от философии. Монотеистически-догматические философы имеют преимущество перед скептиками — с Сократом включительно (38, 5). Но и по отношению к одной и той же школе ее взгляды не разделяются безоговорочно: стоические доводы в пользу провидения приемлемы, а стоический детерминизм — нет. Согласие с Платоном релятивируется словом *ferè*, «почти» (19, 15). Минуций дает косвенный намек на свой принципиально осторожный подход к философии: он ведет бои лишь у *переднего края* христианства и молчаливо уходит от обсуждения догматических вопросов. Он разделяет убеждение Платона, что последнюю истину очень трудно сообщить публично: «И мы, христиане, выступаем публично лишь тогда, когда нас до-

1. 5, 3 сл.; 8, 3 сл.; 14, 1; 16, 5.

2. В этом он придерживается традиции Иустина и Афинагора.

3. Например, в 19, 4 Фалеса он вплотную приближает к *gen.* 1, 2.

прашивают» (ibid.). Из нужды делается добродетель, может быть, даже литературная программа. Еще одна защита частной религиозной сферы от внешних вторжений для нашего автора — романский художественный принцип благородной поверхностной культуры.

Следующая тема, общая для христиан и язычников, — мудрость. Это обозначение появляется во введении (1, 4) и при постановке темы в рамочном повествовании (4, 4). Соответственно в начале (3, 1) и в конце (40, 1) идет речь о преодолении заблуждений (*error*). Тема мудрости тесно связана с основным вопросом о возможности познания и постижения истины. Отождествление христианства с истиной — сердцевина диалога. *Veritas* в латинском языке означает и действительность. Октавий хочет убеждать с помощью фактов.

Однако почему он оставляет в стороне христологию? Не делая пока скоропалительного вывода, что Минуций сам не слишком глубоко проник в христианство или что он представляет еретический, полуязыческий гуманизм, посмотрим на то, что происходило в тогдашнем христианстве. Наряду с иудаизмом оно было в тот момент единственной строго монотеистической религией. В этом отношении оно совпадает с большинством философских школ, которые потому могли считаться его естественными союзниками. На какую аудиторию был рассчитан *Октавий*, можно понять из самого жанра протрептика: его цель — образованная публика. Экзотерическому характеру подобных произведений соответствует нежелание отягощать занимательное изложение излишней проблематикой, чье обсуждение осуществляется в более узком кругу. Так объясняется богословская сдержанность автора.

Почему борьба ведется не против мистериальных религий, а против скепсиса? Эта позиция соответствует интеллектуальному уровню искомой публики. Минуций действует решительно: в союзе с философией он обеспечивает монотеизм рациональными доводами и имплицитно заставляет покинуть поле все политеистические религии — включая и мистерии, не имея необходимости сражаться против них в открытую. Он обращается против скептицизма не только потому, что Секст Эмпирик придал ему новое дыхание, но и потому, что его наукообразная осторожность по отношению к богам древних религий косвенно сослужила им хорошую службу: она создала вакуум, где они смогли удержаться и даже утвердиться. У Цеции-

лия ясно обнаруживаются внутренние противоречия язычества, прежде всего контраст между философским скепсисом и традиционным суеверием. В отличие от рассуждений Цецилия — и от платоновского диалога — истина для христианина задана изначально.

С самого начала Минуций стремится к тому, чтобы придать своей полемике научный характер, и он уже в 4, 4 вкладывает в уста язычника Цецилия такого рода предложение. При этом интеллектуальный подход Минуция не свободен от определенного сходства с методами языческого пропагандиста Кельса: как тот хлопочет об объединении всех отзывчивых к духовной проблематике людей на почве язычества, так и наш автор хочет добиться того же самого для христианства, которое, по его мнению, и является истинной мудростью.

Для этого Минуций ссылается не только на трансцендентальное откровение, но и на свидетельство мыслителей и поэтов. Вершина его философского каталога — Платон, чьи реплики о Творце (*Tim.* 28 C) Минуций ценит очень высоко: *eadem fere... quae nostra* («они почти те же самые... что и у нас», 19, 15); речь Платона была бы «целиком и полностью небесной», если бы ее иногда не омрачала политика (19, 15; вероятно, имея в виду государственную религию). Когда Минуций говорит о том, что Бог живет в мире и в человеке, он стоические представления иллюстрирует словами Вергилия: *Iovis omnia plena* («все наполнено Юпитером», *eccl.* 3, 60; ср. *georg.* 4, 220—221; *Aen.* 6, 724—727)¹, без оглядки на то, что подобный пантеизм не вполне подходит личному и трансцендентному Богу христиан. Места вроде 17, 2 (взаимосвязь познания самого себя, мира и Бога) напоминают мнения среднего платонизма (*Ascl.* 10 псевдо-Апулея).

Минуций знает традиционные доказательства существования Бога: космологическое² (18, 4) — из миропорядка, которое — по Аристотелю — предполагает существование неподвижного перводвигателя, и телеологическое³ (из целесообразности творения — 17 сл.). Он больше внимания уделяет естественной теологии, чем остальные Отцы Церкви. К этому

1. *Sen. frg.* 123 HAASE; *epist.* 41, 4 сл.; 83, 1; P. COURCELLE 1964; Лактанций будет дифференцировать (*inst.* 7, 3, 1; ср. *Aug. conf.* 7, 1, 1—2).

2. Аристот. *Περὶ φιλοσοφίας*; Клеанф у *Cic. nat. deor.* 2, 15; *sap.* 13; *Rom.* 1, 20.

3. Клеанф у *Cic. nat. deor.* 2, 13; см. также 2, 97; *Tusc.* 1, 68; целесообразность человеческого облика (18, 1; *Cic. nat. deor.* 1, 47), головы (17, 11; *Cic. nat. deor.* 2, 140—146).

прибавляется третье, «доказательство от традиции». Здесь Минуций серьезно воспринимает поэтов и философов как свидетелей религиозной истины: указание на «отца людей и богов» у Гомера¹, вероятно, подсказано Цицероном, который (*nat. deor.* 2, 4) в соответствующем контексте ссылается на аналогичное выражение у Энния. Историко-философская ретроспектива, которая должна подкрепить довод о *consensus omnium*, «всеобщем согласии» на предмет монотеизма, восходит к реферативному изложению эпикурейца Веллея², правда, преследующего этим иную цель (*nat. deor.* 1, 25–37); Цецилий на каждом шагу приводит политические аргументы; Минуций, напротив, — в духе апологии — стремится доказать политическую благонадежность христиан.

Доводы против язычества выдержаны в традиции апологии, которая, со своей стороны, черпает их из языческой же критики Рима. В отличие от обычного почитания предков, Октавий полагает, что древние римляне не были воплощенной мудростью; величием своим Рим вовсе не обязан их благочестию; их победы достигнуты не благодаря помощи богов, а вопреки ей, как показывает ритуал *evocatio* («заклинания», 25, 7). Минуций в своей критической позиции по отношению к римскому государству еще последовательнее, чем Тертуллиан³. К нашей радости о той внутренней свободе⁴, которой до христианской эпохи располагали лишь особо независимые умы, примешивается капля полынной горечи; к сожалению, Октавий подозревает весталок в нарушении целомудрия, то есть в этом отношении опускается до полемического уровня своих оппонентов (25, 10 сл.).

Критику языческой религии подпитывают четыре греческих традиции: морализирующая критика мифологии, которую мы наблюдаем начиная с Ксенофана и еще у Платона, натурфилософская аллегореза мифа, культивируемая с VI в. до Р. X. и впоследствии особо любимая стойками⁵, рационалисти-

1. 19, 1; *Л.* 1, 544 и др.

2. Примеры божественного вмешательства из римской истории дает стоик Бальб (*Cic. nat. deor.* 2, 5–11): Минуций придает своему материалу иную интеллектуальную ориентацию.

3. Е. Неск 1984.

4. В этом сказывается и стремление африканского провинциала к самостоятельности.

5. Здесь он лучший источник по теологии Хрисиппа и натурфилософского истолкования мифа (19, 11).

ческая и историзирующая интерпретация богов как увековеченной памяти великих людей — в духе Евгемера¹, и, наконец, среднеплатоническое включение богов в иерархию демонов. Минуций то и дело прибегает к аргументам из многих областей, не заботясь об их совместимости.

Традиция

Текст основывается на Parisinus Latinus 1661 (P; IX в.). Там *Octavius* считается *liber VIII (octavus)* Арнобия. Корректуры в P отчасти восходят к IX в., отчасти — к некоему гуманисту XVI в., который использовал уже издания Сабея (1543) и Геления (1546).

Bruxellensis Latinus 10847 (B; XI в.) зависит от P. Для восстановления текста полезно и псевдокиприановское произведение *Quod idola dii non sint* (18, 8 *tactu purior est*).

В необходимость текстуальных перестановок (в 21—24) сегодня уже не верят.

Влияние на позднейшие эпохи

Лактанций, «христианский Цицерон», особо многим обязан нашему автору; Иероним включает его в число классиков христианской литературы² и высказывается о его стиле. Весьма вероятно то, что Минуция использует Арнобий³. Позднейшие рассказы об обращении⁴ не могут пройти мимо него: *Ad Donatum* Киприана, *Confessiones* Августина, *Eucharisticum de vita sua* или *Confessiones* Эннодия. Его предпочтение Цицероновых *О природе богов*⁵ и *Гортензия*⁶ также создаст школу. Еще у Исидора Севильского (*nat.* 33) текст Минуция перед глазами (5, 9; примечателен натурфилософский контекст); Минуций и в самом деле обращал достаточное внимание на природу, которая служила для него доказательством бытия Божия (17). В новейшие времена Ренан называет *Октавия* «перлом» апологети-

1. Минуций — единственное свидетельство об учениях Персея Китионского (21, 2).

2. Свидетельства у J. BEAUJEU, изд. сх—схii; о влиянии см. также Y.-M. DUVAL, *La lecture de l'Octavius de Minucius Felix à la fin du IV^e siècle. La fin des protreptiques*, REAug 19, 1973, 56—68.

3. H. LE BONNIEC, изд., Arnobe *Contre les Gentils, livre I*, Paris 1982, 56.

4. P. COURCELLE, *Les Confessions de saint Augustin dans la tradition littéraire. Antécédents et postérité*, Paris 1963, 121 сл.

5. Arnob. *nat.* 3, 7.

6. Aug. *conf.* 3, 4, 7.

ческой литературы¹; однако Минуций от этого не становится «дейстом», скорее это античный François de Sales, который делает христианство приемлемым для общества и двора.

Минуций начинает новый этап латинской апологетики. Содержательно он ближе к Арнобию и Лактанцию, чем к Тертуллиану. Светский человек среди христианских авторов, он подчеркивает конвергенцию философского и христианского монотеизма и пытается в «небогословской» форме доказать, что это единственная религия, совместимая с наукой. И на самом деле, в III в. приятие философии и культуры — основа успеха христианства в образованных слоях общества. Тех же самых читателей должен привлечь отточенный стиль. Минуций одновременно доказывает своим современникам литературную конкурентоспособность христиан, а нам — возможность ренессанса цицероновского диалога.

Издания: Faustus SABAEUS BRIXIANUS, *Arnobii Disputationum adversus gentes libri octo*, Romae 1543; *Octavius* оказывается здесь «восьмой книгой» Арнобия (*Adversus nationes*). * Franciscus BALDUINUS, Heidelberg 1560: здесь впервые *Octavius* опубликован под именем Минуция Феликса. * C. HALM, Wien 1867 (= CSEL 2). * J. P. WALTZING (ТПК), Leipzig 1909. * J. VAN WAGENINGEN (ТК), Utrecht 1923. * М. PELLEGRINO (ТК), Torino 1947, перепечатка 1955. * М. PELLEGRINO (Т), Torino 1950, ²1963, перепечатка 1972. * G. QUISPEL (ТК), Leiden 1949. * J. BEAUJEU (ТПК), Paris 1974. * G. W. CLARKE (ПК), New York 1974. * B. KYTZLER (ТП), München 1965; Stuttgart 1977. * Е. НЕСК и др. (П), Privatdruck Tübingen 1981. * B. KYTZLER (Т), Leipzig 1982, перепечатка 1992. * W. FAUSCH, *Die Einleitungskapitel zum Octavius des Minucius Felix* (К), диссертация, Zürich 1966. ** *Лексикон:* J. P. WALTZING, *Lexicon Minucianum*, Liège—Paris 1909. ** *Библ.:* у Н. V. GEISAU (см. ниже) и в монографиях.

К. ABEL, *Minucius Felix, Octavius. Das Textproblem*, RhM 110, 1967, 248—283. * В. ALAND, *Christentum, Bildung und römische Oberschicht. Zum Octavius des Minucius Felix*, в: *Platonismus und Christentum*, FS H. DÖRRIE, Münster 1983, 11—30. * М. VON ALBRECHT, *Minucius Felix as a Christian Humanist*, ICS 12, 1987, 157—168. * В. AXELSON, *Das Prioritätsproblem Tertullian—Minucius Felix*, Lund 1941. * J. BEAUJEU, *Remarques sur la datation de l'Octavius. Vacances de la moisson et vacances de la vendange*, RPh 41, 1967, 121—134. * С. BECKER, *Der Octavius des Minucius Felix. Heidnische Philosophie und frühchristliche Apologetik*, SBAW 1967, 2. * R. BERGE, *Exegetische Bemerkungen zur Dämonenauffassung des M. Minucius Felix*, диссертация, Freiburg 1928, Kevelaer 1929. * R. BEUTLER,

1. E. RENAN, *Marc-Aurèle et la fin du monde antique*, Paris ²³1925, 389; дальнейшие свидетельства у М. PELLEGRINO, комм. 1947, 49 сл.

Philosophie und Apologie bei Minucius Felix, диссертация, Königsberg, Weida 1936. * W. DEN BOER, Clément d'Alexandrie et Minuce Félix, *Mnemosyne* 11, 1943, 161–190. * V. BUCHHEIT, Die Wahrheit im Heilsplan Gottes bei Minucius Felix (38, 1), *VChr* 39, 1985, 105–109. * F. X. BURGER, Über das Verhältnis des Minucius Felix zu dem Philosophen Seneca, München 1904. * A. J. CAPPELLETTI, Minucio Félix y su filosofía de la religión, *RVF* 19, 1985, 7–62. * G. L. CARVER, Minucius Felix' *Octavius* and the Serapis Cult, *CB* 49, 1972, 25–27. * G. L. CARVER, Tacitus' *Dialogus* as a Source of Minucius Felix' *Octavius*, *CPh* 69, 1974, 100–106. * G. L. CARVER, Minucius Felix and Cyprian. The Question of Priority, *TAPhA* 108, 1978, 21–34. * Q. CATAUDELLA, Minucio Felice e Clemente Alessandrino, *SIFC* 17, 1940, 271–281. * G. W. CLARKE, The Literary Setting of the *Octavius* of Minucius Felix, *JRH* 3, 1965, 195–211. * G. W. CLARKE, The Historical Setting of the *Octavius* of Minucius Felix, *JRH* 4, 1967, 267–286. * P. COURCELLE, Virgile et l'immanence divine chez Minucius Felix, в: Mullus, *FS Th. KLAUSER*, Münster 1964, 34–42. * P. FERRARINO, Il problema artistico e cronologico dell'*Octavius*, в: P. F., *Scritti scelti*, Firenze 1986, 222–273. * J. FONTAINE, Aspects et problèmes de la prose d'art latine au III^e siècle. La genèse des styles latins chrétiens, Torino 1968. * P. FRASSINETO, Finzione e realtà nell'*Octavius*, *Athenaeum* 46, 1968, 327–344. * E. GALLICET, Intorno a qualche passo dell'*Octavius* di Minucio Felice, в: *Filologia e forme letterarie. Studi offerti a F. DELLA CORTE*, т. 4, Urbino 1987, 123–133. * H. von GEISAU, M. Minucius Felix, *RE Suppl.* 11, 1968, 952–1002; 1365–1378. * E. HECK, Minucius Felix und der römische Staat, *VChr* 38, 1984, 154–164. * M. HOFFMANN, Der Dialog bei den christlichen Schriftstellern der ersten vier Jahrhunderte, Berlin 1966. * G. LIEBERG, Die römische Religion bei Minucius Felix, *RhM* 106, 1963, 62–79. * M. MÜHL, Zum Problem der Christologie im *Octavius* des Minucius Felix, *RhM NF* in, 1968, 69–78. * E. NORDEN, De Minucii Felicis aetate et genere dicendi. *Wiss. Beilage zum Vorlesungsverzeichnis der Universität Greifswald*, Ostern 1897. * J. F. O'CONNOR, The Conflict of Rhetoric in the *Octavius* of Minucius Felix, *CF* 30, 1976, 165–173. * S. PEZZELLA, Cristianesimo e paganesimo romano. Minucio Felice, Bari 1972. * H. G. RÖTZER, Der *Octavius* des Minucius Felix. Christliche Apologetik und heidnische Bildungstradition, в: *Europäische Lehrdichtung*. *FS W. NAUMANN*, Darmstadt 1981, 33–48. * P. L. SCHMIDT, Zur Typologie und Literarisierung des frühchristlichen lateinischen Dialogs, *Entretiens (Fondation Hardt)* 23, 1977, 101–190. * M. SORDI, L'apologia del martire romano Apollonio come fonte dell'*Apologeticum* di Tertulliano e i rapporti fra Tertulliano e Minucio, *RSCI* 18, 1964, 169–188. * W. SPEYER, Zu den Vorwürfen der Heiden gegen die Christen, *JbAC* 6, 1963, 129–135. * W. SPEYER, *Octavius*, der Dialog des Minucius Felix, Fiktion oder historische Wirklichkeit? *JbAC* 7, 1964, 45–51. * I. TOMASELLI NICOLOSI, Pagine Lucreziane nell'*Octavius* di Minucio Felice, *MSLC* 1, 1947, 67–78. * P. G. VAN DER NAT, Zu den Voraussetzungen der christlichen lateinischen Literatur. Die Zeugnisse von Minucius Felix und Laktanz, *Entretiens (Fondati-*

on Hardt) 23, 1976, 191—225. * I. VECCHIOTTI, La filosofia politica di Minucio Felice. Un altro colpo di sonda nella storia del cristianesimo primitivo, Univ. di Urbino, Argalia 1973. * J.-M. VERMANDER, L'Octavius de Minucius Félix, le règne de Caracalla et le pontificat du pape Calixte, REAug 20, 1974, 225—233. * J.-M. VERMANDER, Celse, source et adversaire de Minucius Felix, REAug 17, 1971, 13—25. * D. S. WIESEN, Virgil, Minucius Felix and the Bible, Hermes 99, 1971, 70—91. * F. WOTKE, Der Octavius des Minucius Felix als christlicher λόγος προτροπτικός, CV 1, 1935, 110—128.

КИПРИАН

Жизнь, датировка

Цецилий Киприан родился между 200 и 210 г. в богатой языческой семье, вероятно, в Карфагене. Первое имя Тасций (Thascius) — насмешливое пунийское прозвище. Ритор по профессии, он становится христианином в более зрелом возрасте, вскоре затем — пресвитером и уже в 248 или 249 г. по требованию народа и вопреки желанию некоторых представителей клира — карфагенским епископом. Он спасается бегством от преследований (наступивших уже вскоре, при императоре Деции), но поддерживает переписку со своей общиной. В споре о возвращении в лоно церкви христиан, отступившихся во времена гонений, церковь оказывается перед угрозой раскола: в Карфагене Фелициссим намерен позволить его без всяких оговорок, а Новациан в Риме — полностью воспретить. Энергичный Киприан добивается приемлемого и для тех, и для других компромисса. Одновременно он укрепляет таким образом авторитет епископов в ущерб исповедникам (*confessores*), которые требовали для себя право оказывать милость оступившимся (*lapsi*) за счет своих религиозных заслуг. В начале и середине пятидесятих годов, во время тяжелой эпидемии, он с полной самоотверженностью занимался организацией медицинской помощи; впоследствии он был канонизирован и считался защитником от чумы. Под его руководством в течение двух лет (255 и 256) три африканских собора отвергают законность осуществленного еретиками крещения — в согласии с азиатскими епископами и вопреки мнению римского, Стефана (254—257). Когда цезарь Валериан снова устроил гонения на христиан, Киприану в сентябрь 258 г. отсекают голову¹.

1. *Acta proconsularia Cypriani*.

Обзор творчества

Ad Donatum: Сочиненный вскоре после крещения, этот критикующий современность труд о собственном обращении — скромный предвестник *Confessiones* Августина.

Ad Demetrianum: В полемике с язычниками автор пытается доказать, что христиане не виновны в случившихся несчастьях — чуме, голоде и войне. Поскольку аргументация библейскими цитатами не может быть убедительной для читателей-язычников, предполагается, что книга написана для слабых в вере христиан (что, напротив, требует от читателя изрядной доли слепой веры).

Testimoniorum libri III (249/50 г.) и *Ad Fortunatum de exhortatione martyrii* (253 или 257 г.) — сгруппированные по тематическому принципу сборники библейских цитат, являющиеся для нас свидетельством об употреблявшихся в то время переводах.

De ecclesiae catholicae unitate: В 251 году¹ Киприан борется против раскола Новациана в Риме и одновременно против партии Фелициссима в Карфагене. Церковь там, где законный епископ: *Habere iam non potest Deum patrem qui ecclesiam non habet matrem* («кому не мать Церковь, тому и Бог не отец», 6). Римский епископ — только *primus inter pares*.

De lapsis (251 г.): Христиане, отступившие от веры во время гонений, могут вернуться в лоно церкви только после серьезного покаяния.

Наставления или проповеди, которые отчасти очень близки к творчеству Тертуллиана: *De habitu virginum* (249 г.), *De dominica oratione*, *De bono patientiae* (256 г.), *De zelo et livore* (251/2 или 256/7 г.).

De mortalitate и *De opere et eleemosynis* восходят ко времени чумной эпидемии (252 г. или позднее).

Исторически важный сборник писем включает 81 послание; большая часть создана им, 16 адресованы ему или карфагенскому клиру. К корпусу писем приложены официальное сообщение о мученичестве Киприана и его житие, написанное его диаконом Понтием (см. ниже стр. 1717).

Под именем Киприана дошли и произведения, сочиненные другими, в общей традиции раннеафриканской церкви; здесь мы не можем назвать их целиком. Труды *De montibus Sina et Sion* мы обязаны среди прочего следующими словами Иисуса, не попавшими в Библию: «Узрите Меня в себе так, как любой из вас зрит себя в воде или в зеркале» (*mont. 13*). *Quod idola dñi non sint* может служить свидетельством для текста Тертуллиана. *De aleatoribus* — народная проповедь против игроков в кости².

Cena Cypriani, литературная игра, была создана, по-видимому, око-

1. Вскоре после собора: М. BÉVENOT, изд. 1972, 245.

2. Ed. A. Miodoński, Erlangen 1889.

ло 400 г.; библейские персонажи собираются на пир; при этом юмористически обыгрываются их типические особенности.

Источники, образцы, жанры

Киприан никогда не называет языческих авторов, однако дает понять, что знаком с ними. Ревностно цитируемую Библию он читает в распространенном тогда в Африке латинском переводе¹; некоторые ошибки показывают, что он не считал необходимым сверять ее с греческим оригиналом. В качестве вспомогательного средства для «типологического» понимания Ветхого Завета и поиска подходящих мест из Библии он вводит в обращение опубликованный сборник свидетельств — столь же практичный, сколь и сомнительный жанр. Эта идея не является совершенно новой: в Кумране знали сборники библейских цитат для внутреннего пользования (катехизис и литургия); Мелитон Сардский (ок. 170 г.) опубликовал *ἐκλόγαί* из Ветхого Завета. Основываются ли цитатные гнезда в раннехристианских произведениях (например, в *Послании Варнавы*) на сборниках свидетельств, остается под вопросом²; по крайней мере в форме личных записей должны были существовать подобные вещи. После Киприана жанр распространяется.

По сравнению с Тертуллианом новшество — корпус писем, подхватывающий традицию пасторского послания, существующую в христианстве с самого начала. Сохранение этого сборника напрямую связано с выдающейся ролью Киприана в установлении церковной дисциплины и послушания. Это не простые письма, но в высшей степени официальные послания, с четкой риторической стилизацией, часто переходящие в трактаты.

Тертуллиан для Киприана — «учитель» (*Hier. vir. ill.* 73); наш автор верно следует ему, но сглаживает углы и создает не вызывающий сомнений с церковной точки зрения и удобочита-

1. В своих позднейших произведениях Киприан часто приближается к тексту европейской версии; ср. в общем виде J. SCHILDENBERGER, *Die altlateinischen Texte des Proverbien-Buches*. I. Die alte afrikanische Textgestalt, Beuron 1941, 6–8 и passim; H. J. FREDE, *Die Zitate des Neuen Testaments bei den lateinischen Kirchenvätern. Der gegenwärtige Stand ihrer Erforschung und ihre Bedeutung für die griechische Textgeschichte*, в: K. ALAND, изд., *Die alten Übersetzungen des Neuen Testaments, die Kirchenväterzitate und Lektionare*, Berlin 1972, 455–478, особенно 463 сл.

2. J.-P. AUDET 1963.

емый заменитель для сложных произведений опасного мастера¹. Как и тот, он прибегает к стоическим топосам, прославляя стойкость при истязаниях; однако, с другой стороны, он критикует стоическую непреклонность Новациана по отношению к оступившимся.

Римское правовое и государственное мышление переносится в новый контекст: когда Киприан говорит о *iudicium dei*, «суде Господнем», в связи с выбором епископа, он не прибегает к библейским цитатам: кажется, здесь отсутствует специфика христианского подхода. Само собой разумеется, Киприан использует понятийный аппарат, используемый при вступлении в должность римских магистратов².

Литературная техника

Рассмотрим литературную технику Киприана подробнее на примере его трактата о церковном единстве. Характерно, что контрастирующие библейские мотивы он вводит намеками, давая им постепенно проникнуть в сознание аудитории. Искусство подготовки проявляется в начале, где неясное предостережение об опасности из представления о чем-то подползающем и подкрадывающемся превращается в образ змеи — ветхозаветный мотив, который готовит позднейшее отождествление соперника с антихристом. Это предостережение против инсинуаций само по себе — мастерская инсинуация.

С другой стороны, переходу к теме церкви служит образ дома, построенного на скале (2–4); его венчают слова Иисуса Петру: «На сем камне Я создам церковь Мою». Три древних и почтенных образа иллюстрируют ту мысль, что единство церкви воплощается в каждом отдельном епископе, поскольку оно основано на общем происхождении: лучи одного солнца, ветви одного дерева, ручьи, текущие из одного истока (5). Идею *mater ecclesia*, «Церкви матери» (ср. *Gal.* 4, 26), он также развивает в три этапа: мы обязаны ей рождением, питанием и духовными дарами. Кроме того, она невеста Христова, в противо-

1. Например, *De oratione dominica, De habitu virginum, De dono patientiae*.

2. J. SPEICL, Cyprian über das *iudicium dei* bei der Bischofseinssetzung, RQA 69, 1974, 30–45; K. OEHLE, Der *consensus omnium* als Kriterium der Wahrheit in der antiken Philosophie und der Patristik, A&A 10, 1961, 103–129; в дополненном виде: K. OEHLE, Antike Philosophie und byzantinisches Mittelalter, München 1969, 234–271.

положность апокалиптической блуднице (6), и его неразделимый хитон (7). Метафора одежды продолжается: в духе Павла Киприан говорит об «облечении» во Христа и о единодушии. Тем самым автор возвращается к началу трактата (4), где — как в *Eph.* 4, 4–6 — говорилось о телесном и духовном единстве. Стержневое понятие *sacramentum unitatis*, «таинство единства», появляется снова. Мотив «единого» дома, возникший в гл. 2, возвращается в 8-й. Хищных животных следует держать подальше от овец и голубок. Таким образом создается pendant образу змеи в начале трактата. Симметричная структура образного мира проста и эффектна, тем более что черно-белое письмо последовательно стремится к сильным контрастам.

По-римски звучат и основные представления *De mortalitate*¹: здесь *militia Christi* — как в *Eph.* 6, 10–20 и у Тертуллиана — становится ведущей темой. Римско-стоическим является и мотив испытания и проверки (*mort.* 12): *Gubernator in tempestate dinoscitur; in acie miles probatur*, «Правитель познается в невзгодах, воина же испытываешь в строю». Достаточно вспомнить, например, 108-е письмо Сенеки. Образ дерева (*mort.* 12) также напоминает Сенеку (*prov.* 4, 16). Похожее на словоупотребление Лукреция *vehari*, «быть обуреваемым», преодолевается стоически-христианским *emendari* («исправление», *mort.* 13). Глазами римлянина смотрит Киприан и на Новый Завет: божественную δύναμις (2 Cor. 12, 9) латинский перевод (которым он пользовался) отображает как *virtus*; как римлянин, он тут же относит *virtus* к людям и для вящей ясности добавляет: *nostra*, «наша». Человеческая заслуга вместо божественной милости! Этот на первый взгляд столь сведущий экзегет благодаря своей римскости совершает богословские и языковые ошибки. Но заблуждение способствует внутренней цельности трактата *De mortalitate*. Киприан эффектно использует технические приемы языческой риторики — особенно *insinuatio* и *evidentia* — для раскрытия христианской тематики; при этом он учитывает менталитет своей аудитории, проникнутой римскими представлениями.

1. G. STRAMONDO, La personalità di Cipriano nel *De mortalitate*, в: *Mélanges N. HERESCU = Societas Academica Dacoromana, Acta philologica* 3, Roma 1964, 373–381; ср. далее: L. BAYARD, *Le latin de saint Cyprien*, Paris 1902; H. KOCH, *Zum Ablativgebrauch bei Cyprian von Karthago...*, *RhM* 78, 1929, 427–432; J. SCHRIJNEN, Chr. MOHRMANN, *Studien zur Syntax der Briefe des hl. Cyprian, 2 Teile*, Nijmegen 1936–1937; J. MOLAGER, *La prose métrique de Cyprien...*, *REAug* 27, 1981, 226–244; L. D. STEPHENS, *Syllable Quantity in Late Latin Clausulae*, *Phoenix* 40, 1986, 72–91.

Язык и стиль

Язык и стиль Киприана сочетают изящество и достоинство. С одной стороны, в них отражается строгость и бескомпромиссность его мышления. Он охотно цитирует Библию в тех местах, где есть сильные отрицания, например, *Qui non renuntiat omnibus quae sunt eius, non potest meus discipulus esse* (*domin. orat. 19; Luc. 14, 33*). Или: *Nisi ederitis carnem filii hominis et biberitis sanguinem eius, non habebitis vitam in vobis* (*Ioh. 6, 53; domin. orat. 18*). При истолковании четвертого члена молитвы «Отче наш» Тертуллиан (*orat. 6*) высказывается положительно: *petendo panem quotidianum perpetuitatem postulamus in Christo et individuitatem a corpore eius*, «прося хлеб насыщенный, мы просим постоянства во Христе и неотделимости от тела Его». Киприан (*domin. orat. 18*) формулирует ту же самую мысль отрицательно и угрожающе: *Hunc autem panem dari nobis cotidie postulamus, ne qui in Christo sumus et eucharistiam eius cotidie ad cibum salutis accipimus, intercedente aliquo graviore delicto, dum abstenti et non communicantes a caelesti pane prohibemur, a Christi corpore separemur*, «Мы просим дать нам хлеб насыщенный, чтобы нам, пребывающим во Христе и принимающим ежедневно Его причастие пищею спасения, если будет препятствовать какой-либо тягчайший грех, при воздержании и недопущении в приобщению к небесной пище, не пришлось отделиться от тела Христова». Характерно, что Киприан выдумывает «стены» для Рая (*epist. 73, 10, 3*). Гиперхарактеристика нередко дается ради выразительности: *totam semel et solidam firmitatem inseparabiliter obtinebat* («в нераздельном обладании всей и совокупной прочности», *unit. eccl. 7*). Результат — ясный и убедительный стиль, доказывающий, что автор — добросовестный дидактик, не чуждый иногда черно-белого письма.

С другой стороны, его манера не лишена приятности; Киприан избегает Тертуллиановой темноты, пронизанной вспышками молнии. Поэтический эффект создает символика цвета и цветов (*epist. 10, 5*): *Erat (Ecclesia) ante in operibus fratrum candida, nunc facta est in martyrum cruore purpurea, floribus eius nec lilia nec rosae desunt*, «(Церковь) была белоснежной деяниями братьев, теперь украсилась багрянцем крови мучеников; среди ее цветов нет недостатка ни в лилиях, ни в розах». Характерны нагромождения синонимов и гомеотелевтов: *Docet non tantum contemnendas sed et periculosas esse divitias, illic esse radicem malorum blandientium, caecitatem mentis humanae occulta deceptione fallentium*, «он учит, что богат-

ства не только презренны, но и опасны; здесь — корень зла лстящего, тайными обманами на человеческий ум слепоту наводящего» (*domin. orat.* 20). Или сочетание параллелизма и градации: *Ferae rascunt, aves rascunt, homines insidiantur et saeviunt*, «дикие звери не погубляют, птицы даже питают, а люди строют козни и свирепствуют» (*ibid.* 21). Наконец, обратная антитеза: *Nam cum dei sint omnia, habenti deum nihil deerit, si deo ipse non desit*, «ведь поскольку все принадлежит Богу, тот, кто имеет Бога, не будет нуждаться ни в чем, лишь бы только сам принадлежал Богу» (*ibid.* 21).

Более точное представление о «нежном» прозаическом ритме у Киприана, который можно обнаружить практически везде, дает, например, описание голубя, символизирующего Св. Дух (*univ. eccl.* 9); перед каждым знаком препинания здесь обнаруживаются ритмические клаузулы, прежде всего кретик (или пеон) с трохеем, а также двойной кретик¹.

Образ мыслей I Литературные размышления

Киприану чуждо сосредоточенное размышление о литературе. Однако его отношение к текстам столь же планомерно, сколь и характерно: в *Testimonia* он объясняет ветхозаветные свидетельства как пророчества о Христе. Наш автор не занимается исторической экзегезой — ему скорее подобает быть пастырем своей общины, и его внимание сконцентрировано на том, чтобы прочесть Ветхий Завет в свете Нового; последний же, с его стороны, уже прибегает к «пневматическому» и «типологическому» истолкованию.

Герменевтика идет рука об руку с риторикой: наш автор ставит параллельные тексты из Ветхого и Нового Заветов рядом, чтобы каждый мог их развернуть по законам $\alpha\upsilon\tilde{\zeta}\eta\sigma\iota\varsigma$. Киприан говорит, что он дает «шерсть» и «пурпур»: читатель по желанию сам может соткать себе небесные одеяния (*Fort.* 3).

1. *Simplex animal et laetum est/, non felle amarum, non morsibus saevum/, non unguinum laceratione violentum/; hospitia humana diligere, unius domus consortium nosse/, cum generant simul filios edere/, cum commeant volatibus invicem cohaerere/, communi conversatione vitam suam degere/, oris osculo concordiam pacis agnoscere/, legem circa omnia unanimitalis implere*, «Животное простодушно и веселое, / без горечи желчной, без укуса свирепого, / ниже злыми когтями не терзающее: / любит кровлю человеческую, знает одного только товарища, / вместе они птенцы при рождении, / и в полете они не различаются, во всю жизнь без расставания, / признают по лобзанью клюва согласие сердечное, во всем для них единодушие — закон ненарушаемый».

Вместе с тем видно, как он тренирует память — свою и своих учеников — и на каком пути он в кратчайший срок обретает знание Святого Писания и призвание экзегета. Риторика¹ — крестная мать его дидактических методов и даже некоторых тематических заглавий; такие названия, как *Adulationem perniciosam esse* («О том, что лесть опасна», 3, 115) или *De bono martyrii* («О благе мученичества», 3, 16) звучат как диатриба.

Образ мыслей II

Киприан — учитель по призванию и друг дисциплины и послушания; достаточно прочесть его гимн *disciplina* (*hab. virg.* 1)². Как для римлянина государство, так для него церковь — священное учреждение и основа всякого авторитета. Он епископ; соответственно он имеет дело с церковной практикой: покаянием, крещением, причастием, любовью к ближнему. Современное «или-или» «папской» и «епископальной» церковной концепции Киприану нельзя приписывать никоим образом: он признает римского епископа как *primus inter pares*; однако это еще не значит, что он во всех случаях будет разделять его мнение.

Юридический стереотип мышления, с которым мы сталкивались еще у Тертуллиана, распространяется и на религиозную жизнь. Типично для римлянина подчеркнутое у Киприана понятие обладания: в «Отче наш» Киприан понимает «хлеб наш» эксклюзивно: Христос, хлеб жизни, принадлежит не всем, но только нам, общине (*domin. orat.* 18). Тертуллиан, в соответствии с этиологическим складом своего мышления, подчеркивает происхождение живого хлеба от Слова (*sermo dei vivi*, «слово Бога живого»: *orat.* 6), Киприан, настроенный экклезиологически, — церковные права владения и их исключительность. Тертуллиан в ежедневном небесном хлебе прославляет *liberalitas* Бога по отношению к его «сыновьям» (*filiis*), Киприан ограничивает это представление рамками учреждения и его порядка. Тертуллиан больше ориентируется на Слово, Киприан мыслит и чувствует прежде всего таинство. Конечно, у него таинство воспринимается весьма широко: латинское слово

1. A. QUACQUARELLI, Note retoriche sui *Testimonia* di Cipriano, *VetChr* 8, 1971, 181–209.

2. O. MAUCH, *Der lateinische Begriff disciplina. Eine Wortuntersuchung*, диссертация, Basel 1941.

для обозначения *sacramentum* тесно связано для Киприана с деяниями Христа в мировой истории и вовлечением человека в Его деяние, это познание полноты Божественного присутствия в конкретном мире, реальное исполнение *figurae* Ветхого Завета (*epist.* 64, 4), которые он поэтому называет *sacramentum Christi (testim, praef.)*, но прежде всего это таинство (*Eph.* 5, 32) единства (*unitatis sacramentum*¹) в церкви (*unit. eccl.* 7). Нюанс «общности» — латинский. Таким образом Киприан склоняется к тому, чтобы идентифицировать видимую церковь с эсхатологическим Царствием², и подчеркивает ее роль матери. Ощущение, что подобное возможно, также имеет римские корни: *pietas erga rem publicam*. Как мать своих сыновей (*epist.* 74, 6) церковь напоминает Италию из Вергилиевых *Георгиек* (2, 173 сл.). Социальные ценности древнеримского патриотизма теперь обретают новый достойный контекст. Как римлянин мало заботится о варварах за границей, так и Киприан, как представляется, не видит ничего достойного внимания за пределами церковной ограды; его не занимает «первое», но только «второе» творение; точно так же его биограф не будет сообщать о том, что происходило до крещения. Переход церкви к более строгим организационным формам и более отчетливому самосознанию исторически необходим в эту эпоху. Римское государственное чувство — основа и того и другого; утрата государственного авторитета при солдатских императорах облегчает переход, для которого труды Киприана симптоматичны; стареющий мир выходит из колеи, и за это даже следует быть благодарным (*mort.* 25). Несколькими десятилетиями позже для Тертуллиана этот переворот — уже совершившийся факт.

Узкое понятие о церкви, свойственное Киприану, также должно рассматривать на историческом фоне споров и разногласий о возвращении в церковное лоно отступивших от веры во время гонений и о признании крещения, совершенного еретиками. То, что теоретически нам кажется сужением, на практике есть углубление. Киприан в каждом случае выбирает аргументы, которые способствуют церковной дисциплине: против еретиков он подчеркивает полновластие церкви, против слишком великодушных клириков — границы их полномочий; только Господь может отпускать грехи (*laps.* 17).

1. U. WICKERT 1971.

2. G. KLEIN, Die hermeneutische Struktur des Kirchengedankens bei Cyprian, ZKG 68, 1957, 48–68.

Традиция

W. von Hartel (изд. 1868—1871) выделил два класса рукописей: с одной стороны, *Seguierianus* (S), nunc *Parisiensis* 10592, Suppl. lat. 712, VI—VII в., с другой — *recentiores* (IX—XI вв.). К нему же относился (ныне утраченный) *Veronensis* (V; вероятно, VI—VII в.). Этот последний использовался учеными — сторонниками контрреформации, которые издали произведения Киприана в Риме в 1563 г. Многие чтения и последовательность произведений в V можно реконструировать на основании этого труда. Возможно, текст V восходит к изданию, принятому в северной Африке вскоре после смерти Киприана¹.

М. Bévenot (1961 и 1970)² отбирает из более 200 рукописей примерно 15 и разделяет их на три класса. Он относит S ко второму классу; таким образом, von Hartel переоценил его независимость. S, конечно, старая, но не единственная ценная рукопись. Однако отнести S ко второму классу по этой версии тоже нельзя безоговорочно. Текст Киприана сильно интерполирован.

Влияние на позднейшие эпохи

Дела Киприана оказались сильнее слов: в этом отношении он придерживается хорошей римской традиции. В отличие от профетического пневматика Тертуллиана, его следует, если такое выражение допустимо, обозначить «пневматиком институции». Его заслуги в сохранении церковного единства были велики, и потому первоначально на латинском Западе его произведения почитались; но и на самом деле, несмотря на их невысокую богословскую и писательскую оригинальность, они заполняли лауну, поскольку Тертуллиан был еретиком, а Августин еще не родился. Под именем Киприана спаслись от гибели и другие литературные свидетельства раннеафриканской церкви. Некоторые работы из его корпуса были переведены на греческий и сирийский языки, однако не вызвали живого отклика; очевидно, восточному христианству уже тогда нечего было делать с его подчинением Св. Духа официальной церкви Сына; догматическая фиксация этой иерархии через *filioque* в третьем члене Символа веры позднее — в 1054 г. — приведет к церковному разделению.

Наш автор сообщает потомству мысли Тертуллиана. Распространенный на Западе и важный для истории герменевтики

1. P. PETTMENGIN, *Le codex Veronensis de saint Cyprien*, REL 46, 1968, 330—378.

2. За ним следует М. SIMONETTI 1971 и изд. 1976.

тип текста — его тематически выстроенные сборники свидетельств, которые будут ревностно использоваться впоследствии — напр., Лактанцием. Киприан наложил свой отпечаток на стиль латинского пастырского послания; его творчество оказало влияние и на африканскую агиографию¹.

Лактанций знаком с творчеством Киприана (*inst.* 5, 1, 24; 5, 4, 3); Иероним сопоставляет его манеру с чистым и прозрачным, нежно текущим ручьем и прощает ему преимущество, отданное этическому элементу по сравнению с экзегезой Писания, поскольку тогда христиане подвергались гонениям (*epist.* 58, 10; ср. *in Is. lib. 8 praef.*). Августин, профессиональный ритор, как и Киприан, критикует его первое письмо к Донату из-за слишком изящного стиля (*doctr. christ.* 4, 14, 31), от которого Киприан, правда, впоследствии избавился. Как герменевтик тот его хвалит за обильное золото и серебро языческой науки, которую *doctor suavissimus*, «сладкоречивый учитель», взял с собой на пути из «Египта» (старого Рима) — *doctr. christ.* 2, 40, 61, чтобы использовать для проповеди Евангелия. Таким образом, острый взор Августина распознал посредническое значение ранних Отцов. *Martyr beatissimus* («блаженнейшего мученика», *ibid.*) Августин прославляет в проповедях (*serm.* 309—313), Пруденций хвалит в стихах. Перенесение его мощей епископ Агобард Лионский († 840 г.) отмечает в особом стихотворении². Уже число рукописей свидетельствует о влиянии Киприана в эпоху средневековья.

Еще Эразм († 1536 г.) пишет под именем Киприана трактат *De duplici martyrio ad Fortunatum*. Позднее, в зависимости от взглядов, восхищаются либо его епископализмом, либо фразой *salus extra ecclesiam non est* («вне Церкви нет спасения», *epist.* 73, 21). Гугенот, мистик и критик своего времени Теодор Агриппа д'Обинье († 1630 г.) обращает внимание скорее на его литературные качества и вдохновляется его изящной символикой роз и лилий, у которой, впрочем, есть и вергилиевские корни (*epist.* 10, 5; *Aen.* 12, 64—69)³.

Неподлинное произведение *Cena Cypriani*, написанное око-

1. F. DOLBEAU, A propos du texte de la *Passio Marcelli centurionis*, AB 90, 1972, 329—335.

2. Тексты собраны, например, в аннотации издания Киприана, Paris 1616 (I. PAMELIUS).

3. S. POQUE, Des roses du printemps a la rose d'automne. La culture patristique d'Agrippa d'Aubigné, REAug 17, 1971, 155—169.

до 400 г., пользовалось популярностью в эпоху средневековья и недавно стало известно широким кругам благодаря производству Умберто Эко *Имя Розы*¹.

Издания: Io. ANDREAS, Romae 1471. * W. VON HARTEL, CSEL 3, 1—3, 1868—71. * R. WEBER, M. BÉVENOT, M. SIMONETTI, C. MORESCHINI, CC 3, 1, 1972; 3, 2, 1976; 3, 3 в проекте. * J. BAER (П), BKV 34, München 1918; 60, München 1928. ** *domin. orat.*: M. RÉVEILLAUD (ТППР), Paris 1964. * *ad Donat.; patient.*: J. MOLAGER (ТППР), SC 291, Paris 1982. * *elem.*: E. V. REBENACK (ТПК), Washington 1962. * *epist.*: Chan. BAYARD (ТППР), 2 тт., Paris 2^{1961—1962}. * *epist. 1—66*: G. W. CLARKE (ППР), 3 тт., New York 1984—1986. * *laps. и unit. eccl.*: M. BÉVENOT (ТП), Oxford 1971. * *mort.*: G. STRAMONDO, Studi sul *De mortalitate* di Cipriano (иссл., ТП, полный индекс), Catania 1964. * *Ps.-Cyp. Adv. lud.*: D. VAN DAMME, Freiburg (Schweiz) 1969. ** *Конкорданс*: P. BOUET, Ph. FLEURY, A. GOULON, M. ZUINGHEAU, Cyprien, Traités. Concordance. Documentation lexicale et grammaticale, Hildesheim 1986. ** *Библ.* ежегодно в REAug: R. BRAUN и др., Chronica Tertulliana et Cyprianea, посл. REAug 33, 1987, 302—321; см. также монографии, особенно J. W. JACOBS 1981.

J.-P. AUDET, L'hypothèse des *testimonia*, RBi 70, 1963, 381—405. * M. T. BALL, Nature and the Vocabulary of Nature in the Works of Saint Cyprian, Washington 1946. * E. W. BENSON, Cyprian. His Life, his Time, his Work, London 1897. * M. BÉVENOT, The Tradition of Manuscripts: A Study in the Transmission of St. Cyprian's Treatises, Oxford 1961. * M. BÉVENOT, The Preparation of a Critical Edition, Illustrated by the Manuscripts of St. Cyprian, StudPatr 10, 1970, 3—8. * V. BUCHHEIT, *Non agnitione sed gratia* (*Cyp. Don. 2*), Hermes 115, 1987, 318—334. * H. VON CAMPENHAUSEN, Kirchliches Amt und geistliche Vollmacht in den ersten drei Jahrhunderten, Tübingen 1953. * G. W. CLARKE, The Secular Profession of St. Cyprian of Carthage, Latomus 24, 1965, 633—638. * M. A. FAHEY, Cyprian and the Bible. A Study in Third Century Exegesis, Tübingen 1971. * J. FONTAINE, Aspects et problèmes de la prose d'art latine au III^e siècle, Torino 1968. * H. GÜLZOW, Cyprian und Novatian. Der Briefwechsel zwischen den Gemeinden in Rom und Karthago..., Tübingen 1975. * P. HINCHLIFF, Cyprian of Carthage and the Unity of the Christian Church, London 1974. * J. W. JACOBS, Saint Cyprian of Carthage as Minister, Ann Arbor, London 1981 (лит.). * H. KIRCHNER, Der Ketzertaufstreit zwischen Karthago und Rom und seine Konsequenzen für die Frage nach den Grenzen der Kirche, ZKG 81, 1970, 290—307. * H. KOCH, Cyprianische Untersuchungen, Bonn 1926. * H. KOCH, Cathedra Petri, Gießen 1930. * G. LOMIENTO, Cipriano per la preparazione al martirio dei Tibaritani (*epist. 58 HARTEL*), Annali della Facoltà di Magistero dell'Università di Bari 3, 1962. * H. MONTGOMERY, Saint Cyprian's Postponed Martyrdom. A Study of Motives, SO

1. C. MODESTO, Studien zur *Cena Cypriani* und deren Rezeption, Tübingen 1992.

63, 1988, 123–132. * C. MORESCHINI, Contributo allo studio della tradizione manoscritta degli *opuscula* di Cipriano, SCO 21, 1972, 244–253. * Th. G. RING, *Auctoritas* bei Tertullian, Cyprian und Ambrosius, Würzburg 1975. * H. ROOZENBEEK, *Pluvia deficit, causa Christiani sunt*, Lampas 22, 1, 1989, 36–48. * M. M. SAGE, Cyprian, Cambridge, Mass. 1975. * C. SAUMAGE, Saint Cyprien, évêque de Carthage, pape d'Afrique, Paris 1975. * V. SAXER, Vie liturgique et quotidienne à Carthage vers le milieu du III^e siècle. Le témoignage de saint Cyprien et de ses contemporains d'Afrique, Città del Vaticano 1969. * M. SIMONETTI, Note sulla tradizione manoscritta di alcuni trattati di Cipriano, StudMed 3. Ser. 12, 1971, 865–897. * W. SIMONIS, *Ecclesia visibilis et invisibilis*. Untersuchungen zur Ekklesiologie und Sakramentenlehre in der afrikanischen Tradition von Cyprian bis Augustinus, Frankfurt 1970. * U. WICKERT, *Sacramentum Unitatis*. Ein Beitrag zum Verständnis der Kirche bei Cyprian, Berlin 1971. * U. WICKERT, Cyprian, в: M. GRESCHAT, изд., Gestalten der Kirchengeschichte 1, 1, Stuttgart 1984, 158–175. * W. WISCHMEYER, Der Bischof im Prozeß. Cyprian als *episcopus, patronus, advocatus* und *martyr* vor dem Prokonsul, в: A. A. R. BASTIAENSEN и др., изд., FS BARTELINK, Frankfurt 1989, 363–371.

Приложение: «Житие Киприана» Понтия

Житие Киприана, написанное Понтием через несколько месяцев после смерти епископа, предположительно, первое литературно оформленное христианское жизнеописание на латинском языке.

Христианский словарь и христианская образность — заданные уже в *Passio Perpetuae* — сочетаются с риторическим оформлением и обработкой: нет недостатка ни в топике ораторских и историографических вступлений, ни в клише из панегириков и «зеркала государей». Естественно, есть присутствующее и в *Энеиде* оправдание бегства божественным повелением (*vit. Supr.* 7, 14). По своему подходу агиография — и история, и энциклопедия одновременно, правда, первоначально похвала Богу, но — судя уже по этому раннему свидетельству — и человеку, в духе неискоренимых римских интеллектуальных стереотипов. Диспозиция определяется, как и следует по традиции, исходя из развития ценностных представлений.

Автор с полным правом подчеркивает связь Киприана с общиной: церковь занимает место римской *res publica*. Понтий изображает жизнь Киприана как подражание Христу (*imitatio*). Святой даже превосходит ветхозаветные примеры. Светские события остаются в тени, даже и церковная политика практически полностью уходит на второй план. Центр тяжести — на

ставление, попечение, дисциплина. История жизни начинается — как Евангелие от Марка — с крещением; кульминация — мученичество. Несмотря на присутствие некоторых элементов историзма, речь идет только о пути верующего, о преображении индивидуума с помощью Св. Духа. В этом свете реальное и индивидуальное обретает, однако, собственную ценность, хотя и в отраженном виде — через восприятие общины. Римская привязанность к реальности и общественности здесь также присутствует и одухотворяется, — это исходный пункт для позднейших биографий и автобиографий.

С трудом Понтия сопоставимы (мы, впрочем, не будем здесь на этом останавливаться) *Житие Амвросия* Паулина Медиоланского и *Житие Августина* Поссидия¹. Там тоже можно обнаружить римский стереотип *exemplum* и структуру светского панегирика (см. т. I, стр. 512—525 *Биография в Риме*). О Руфине см. стр. 1511 и 1803 сл.; о Сульпиции Севере стр. 521; 1411; 1511.

Издания: W. VON HARTEL, CSEL 3, 3, Vindobonae 1871, XC—CXIV. * J. BAER (II), BKV 34, München 1918. * M. PELLEGRINO (ТПК), Alba 1955. * A. A. R. BASTIAENSEN, L. CANALI, C. CARENA, C. MORESCHINI, Vita di Cipriano, Vita di Ambrogio, Vita di Agostino (ТПК), Milano 1975. * M. SIMONETTI (те же самые тексты, только II), Roma 1977. ** *Index:* включен (неполн.) у W. VON HARTEL CSEL 3, 3, Vindobonae 1871. ** *Библ.:* в СС 3, 1, Turnholti 1972, XLIV—XLVI.

A. D'ALÈS, Le diacre Pontius, RecSR 8, 1918, 319—378. * J. ARONEN, Indebtedness to *Passio Perpetuae* in Pontius' *Vita Cypriani*, VChr 38, 1984, 67—76. * BERSCHIN, Biographie 1, 58—65. * H. DESSAU, Pontius, der Biograph Cyprians, Hermes 51, 1916, 65—72. * A. VON HARNACK, Das Leben Cyprians von Pontius. Die erste christliche Biographie, Leipzig 1913. * G. LOMIENTO, La Bibbia nella *compositio* della *Vita Cypriani* di Ponzio, VetChr 5, 1968, 23—60. * M. PELLEGRINO, Reminiscenze agostiniane della *Vita et passio Cypriani*, в: Augustinus Magister, Congrès international augustinien, 1, Paris 1954, 205—210.

НОВАЦИАН

Жизнь, датировка

В середине III в. Новациан — видный пресвитер римской общины и ее первый латинский автор. Трагедия его жизни за-

1. *Издания:* Паулин — M. PELLEGRINO, Roma 1961; Поссидий — M. PELLEGRINO, Roma 1955; Паулин и Поссидий также в приведенных изданиях Понтия (BASTIAENSEN и Т. Д. и SIMONETTI).

ключается не в слабости веры, но в том, что он слишком серьезно воспринимал ее дела. Ему претит мягкость папы Сильвестра (251 г.) по отношению к христианам, отпавшим во время гонений императора Деция и желавшим вернуться в церковное лоно; он был хиротонисан в епископы по инициативе ригористических кругов, сначала весьма влиятельных. Затем римский собор из 60 епископов отлучает его от церкви. Позднее он претерпел мученическую смерть, вероятно, при Валериане. Общины «чистых» (*καθαροί*, откуда «Ketzer», нем. «еретик»), ссылающихся на Новациана, встречаются на Западе, как и на Востоке, еще в VI в. Судьба Новациана и Тертуллиана симптоматична для развития официальной церкви, которая все менее может руководствоваться прежней бескомпромиссностью и в сомнительных случаях скорее отрекается от одухотворенных одиночек, чем от масс.

Обзор творчества

Его главное произведение *De trinitate* написано, вероятно, ок. 240 г.; подлинность его, в которой ранее сомневались, ныне признана¹. В тексте идет речь об Отце (1–8), Сыне (9–28), Св. Духе (29) и единстве Бога (30–31).

Кроме того, сохранились письма к Киприану и трактат *De cibis Iudaicis*; Новациану приписывают и произведения из корпуса Киприана (особенно *De spectaculis* и *De bono pudicitiae*).

Источники, образцы, жанры

Многочисленные латинские цитаты из Библии отклоняются от иных переводов той эпохи, известных нам. К числу богословских источников Новациана относится Ипполит, близкий ему своим ригоризмом. Предполагают также влияние Иринея, Феофила Антиохийского, Тертуллиана, Оригена. Неоплатонические мотивы, правда, еще отсутствуют. В произведениях Новациана, несмотря на разницу в убеждениях, обнаруживаются следы Стои², чья силлогистика оказывается для него подходящей и с помощью которой он рассматривает мир как органическое целое. В этом контексте можно распознать и вергилиевские тона (8, 44 и др.; *Aen.* 6, 726–730). Из Сенеки

1. Дискуссия у Н. WEYER, изд. 1962, 11–14 (лит.).

2. Н. WEYER, изд. 1962, вкл. 10, прим. 28 (лит.).

он заимствует, напр., такую подробность, как предостережения от питья натошак (*epist.* 122, 6) в *De cibis Iudaicis*, 6. Юридический словарь и стиль мышления, впрочем, не доказывают, чтобы Новациан был профессиональным адвокатом.

Литературная техника

Свои мысли Новациан развивает последовательно: различные заблуждения опровергаются в порядке строгой очередности. Бросается в глаза лишь то, как мало места отведено для темы Св. Духа, а также гимническая форма ее разработки (29, 163—172); эта глава прерывает в остальном сжатую и целеустремленную аргументацию. Если не предполагать здесь позднейшей вставки, с риторической точки зрения можно объяснить ее как экскурс, которому и без того положено оказаться на предпоследнем месте и который дает читателю возможность отдохнуть; его аффективная форма сообразна сущности Св. Духа. Гимнический характер темы также отсылает к началу произведения, которое можно назвать гимнической космологией или гимном творению в духе псалмов¹; грандиозное видение охватывает также небесные силы с их иерархией, так что наш мир — риторически эффектный шаг — предстает лишь самой незначительной частью творения (1, 8).

Язык и стиль

Новациан владеет латынью так, что, безусловно, она является для него родным языком. Слово *trinitas* в тексте нигде не встречается, хотя оно есть уже у Тертуллиана. Новациан больше, чем последний, заботится о чистоте языка. Постоянно исполненный достоинства и часто возвышенный стиль элегантен и изыскан, но чужд манерности.

Образ мыслей I Литературные размышления

Сдержанная манера Новациана сказывается в отсутствии вступления. Однако писательские его намерения можно понять из первых слов. Он говорит о *regula veritatis*, «*правилах истинных*», а

1. Ср. также *Книгу Даниила* (3, 51—90) в Септуагинте и Вульгате.

не *regula fidei*, «правила веры». Таким образом становится ясно, что он ощущает себя защитником истинного вероучения от заблуждений. Изложение соответствует этому намерению.

Образ мыслей II

Есть только один Бог; он — творец (вопреки многочисленным гностикам). Христос — Сын этого Бога-творца (вопреки Маркиону), он — истинный человек (вопреки докетам) и истинный Бог (вопреки адоптианам). Он — второе лицо наряду с Отцом (против савеллиан), однако это не два Бога, а один Бог. Теология Новациана — доникейская; иногда, как представляется, он подчиняет Сына Отцу, поскольку он еще не полемизирует с арианами и не использует неоплатонические доводы.

Его мысль об одиночестве человеческой совести перед лицом Бога звучит очень современно. Он ведь говорит, что тому, кто во всем слушается Евангелия, ничего не нужно, кроме Божественного суда (*epist.* 30, 1).

Традиция

Трактат *De trinitate* сохранился среди произведений Тертуллиана; великое имя спасло его от гибели. Утраченные ныне рукописи заменяют для нас ранние издания (см. ниже).

Влияние на позднейшие эпохи

Даже Киприан признает *facundia* и *eloquentia* Новациана (*epist.* 55, 24; 60, 3); Иероним ценит элегантность его латыни и ставит его рядом с Тертуллианом (*epist.* 10, 3; 36, 1; ср. *1 Cor.* 13, 2). *De trinitate* использует Григорий Эльвирский (*Tractatus de libris SS. Scripturarum*).

Издания: М. MESNART в издании Тертуллиана, Lutetiae 1545 (ed. princ.) * S. GHELEN, Basileae 1550. * J. DE PAMÈLE, Antverpiae 1575. * PL 3, Paris 1844. * R. J. DE SIMONE (II), Washington 1974. * *cib. Iud.*: G. LANDGRAF, C. WEYMAN, ALL 11, 1900, 221—249. * *epist.*: W. VON HARTEL, CSEL 3, 2, Vindobonae 1871. * *spect., bon. pud.*: W. VON HARTEL, CSEL 3, 3, Vindobonae 1871. * *trin.*: W. Y. FAUSSET (ТПр), Cambridge 1909. * H. WEYER (ТПК), Darmstadt 1962. * G. F. DIERCKS, Turnholti 1972 (= CC 4). ** *Indices:* у G. F. DIERCKS, ibid. (неполн.). ** *Библ.*: G. F. DIERCKS, ibid.

A. D'ALÈS, Novatien, Paris 1924. * J. BARBEL, Christos Angelos, Bonn 1941. * Н. КОСН, La lingua e lo stile di Novaziano, Religio 13, 1937, 278—294. * М. KRIEBEL, Studien zur älteren Entwicklung der abendländischen Trinitätslehre bei Tertullian und Novatian, диссертация, Marburg 1932. * В. MELIN, Studia in Corpus Cyprianeum, Uppsala 1946. * Н. WEYER, введение к изданию, Darmstadt 1962, 5—32 (лит.).

АРНОБИЙ

Жизнь, датировка

Арнобий был при Диоклетиане (284—305 гг.) учителем риторики в Сикке в проконсульской Африке (Hier. *vir. ill.* 79); к числу его учеников относится Лактанций, который, однако, покидает Африку до написания *Adversus nationes*. Будучи первоначально противником христианства, Арнобий обратился, увидев сон¹, и, чтобы рассеять сомнения епископа, он написал свои семь книг *Adversus nationes* (Hier. *chron.* a. Abr. 2340)². Хроника датирует пору его расцвета слишком поздним периодом, 327 годом; это противоречит данным самого Иеронима в *De viris illustribus* и, вероятно, основывается на путанице *Vicennalia*, празднеств двадцатилетнего пребывания на престоле Диоклетиана (304 г.) с таковыми же Константина (325/6 гг.).

Первая книга написана ок. 300 г. (1, 13, 2), вторая создана, безусловно, в 297 г. или немного раньше (2, 71); обе они тесно связаны друг с другом. Четвертая упоминает о сожжении книг и разрушении церквей (4, 36), то есть предполагает, что первый эдикт о преследовании (303 г.) уже был издан³.

Нигде у Арнобия нет сведений о конце гонений; эдикт о веротерпимости Галерия (311 г.), предположительно, — *terminus ante quem* для всего произведения. Поскольку седьмая книга очевидным образом нуждается в литературной отделке, Арнобий, должно быть, умер, не успев ее закончить. Структурный анализ наводит на мысль, что его труд не был опубликован весь одновременно. Нашего автора не следует путать с Арнобием Младшим, который в V в. написал комментарий к псалмам.

1. О ниспосланных Богом снах Tert, *anim.* 47, 2; комментарий J. H. WASZINK к 47, 3; Orig. *Cels.* 1, 46.

2. Вероятно, у Иеронима речь идет о приложении: A. WLOSOK, HLL 5, 366.

3. Лит. у Н. LE BONNIEC, изд. 31.

Обзор творчества

Первые две книги — апология христианства; первая — внутренне цельный текст, как и важная вторая; в общем и целом эта книга — двойной «экскурс» об акте веры и учении о душе. Следующий этап — пентада 3–7 — полемика с язычеством; прежде всего с антропоморфизмом, включая мифологию (3–4), затем с мистериями и культом (5–7).

1: Неужели с приходом «безбожного» христианства разгневанные боги обрушились с наказаниями на мир, предоставив людей самим себе? Нет, зло существовало и до того, а христианская эпоха принесла много хорошего; так называемых бедствий — что бы нам ни казалось — часто нет и в помине. Вообще гнев несовместим с сущностью Бога. Христиане служат вышнему Богу и — в отличие от представителей языческих культов — не подают повода для гнева. Но разве не скандально молиться распятому человеку? Нет: язычники молятся обожествленным людям; но Христос — Бог, как доказывают его чудеса и распространение его учения.

2: Христос открыл миру истинную религию. Конечно, никогда невозможно строго доказать, что обетование будет исполнено, но решение в пользу надежды лучше, чем безнадежность. И практические действия, и философская мысль предполагают какую-либо веру. Некоторые учения философов, в особенности Платона, имеют точки соприкосновения с христианством. Конечно, платонизирующие «новаторы» не правы. По природе душа не обладает ни мудростью, ни бессмертием. Ее происхождение — нам неизвестное — никоим образом не связано с высшим Богом, скорее с подчиненным последнему демиургом. Поскольку она — существо промежуточное, то может погибнуть, если не знает Бога, или жить вечно, если она обратится к Его милосердию. Исток зла также неизвестен. Гонения освобождают христианина от уз плоти.

3: Христиане не участвуют в языческом богослужении; вышний Бог, которого они почитают, заключал бы в себе все остальные божества — если бы они были богами. Однако язычники не знают своих собственных богов и приписывают им человеческие черты, противоречащие сущности божества.

4: Нелепы олицетворения отвлеченных понятий, бесчисленные функциональные боги, многообразные проявления одного и того же божества и безнравственные мифы, которые не следует извинять как нечто несерьезное, на уровне поэтического вымысла.

5: Вера в миф утверждается постыдными обрядами мистерий. Аллегорическое их истолкование — софистика.

6: Бога нельзя заключить в статую или храм.

7 (не окончена): Жертвы¹ и игры бессмысленны. Христианское представление о божестве возвышеннее языческого.

1. Против жертвоприношений выступал еще Варрон (Arnob. *nat.* 7, 1).

Источники, образцы, жанры

На первый взгляд Арнобий производит впечатление хорошо образованного человека. К сожалению, данные об источниках часто чересчур расплывчаты. Если он называет имена, то нередко они восходят к справочникам (например, 2, 9) или промежуточным источникам. Греческих авторов он привлекает прежде всего для критики мифологии. Ссылки на Платона концентрируются во второй книге¹; следует признать, что Арнобий в основном заимствует платоновские цитаты у противников², с которыми он здесь борется. Трудно сказать, были ли эти «новаторы», *viri novi*, герметиками, неопифагорейцами, неоплатониками или гностиками³.

Арнобий практически не цитирует Библию⁴ и обладает весьма запутанными представлениями о христианской вере. Однако не стоит забывать, что он жил до Никейского собора.

Из христианских греческих авторов на него оказали влияние некий маркионит (прежде всего во второй книге) и *Протрептик* Климента Александрийского. К Клименту восходят целые ряды звучных греческих имен⁵.

Следует прояснить его отношение к труду Оригена *Против Кельса*.

Из римских писателей почетное место отводится Цицерону — предшественнику христианства (3, 6—7); произведение *О природе богов* дает аргументы против политеизма (прежде всего для третьей и четвертой книги). Римскую религию Арнобий знает по Варрону, и вовсе не обязательно везде предполагать промежуточный источник⁶ (опять пресловутый Корнелий Лабен?).

Арнобий знаком с творчеством Лукреция и испытал его философское влияние. Нередко он намекает и на Вергилия, не называя его по имени. К числу тех отборных авторов, имена

1. Ссылки 1, 5; 1, 8 и 4, 16 относятся к *Тимею*; только последняя цитата не вполне тривиальна.

2. Или из справочника, которым пользовался и Тертуллиан (*anim.*).

3. Корнелий Лабен, предполагаемый промежуточный источник, — для нас едва ли нечто большее, нежели просто имя.

4. Намеки 1, 6, 2; 2, 6.

5. Например, 4, 25; Clem. *protr.* 2, 36 сл. H. LE BONNIEC, изд. 38 сл.

6. B. CARDAUNS, *Varro und die römische Religion*, ANRW 2, 16, 1, 1978, 92; J. H. WASZINK, *Varrone nella letteratura cristiana dei primi secoli*, в: *Atti del Congresso internazionale di Studi varroniani*, Rieti 1974, публ. Rieti 1976, 1, 219—220.

ми которых он украшает свое произведение, относятся Луций Помпоний (о чьем *Марсии* мы знаем только через него), Энний, Кальпурний Пизон, Цинций Алимпент, Валерий Антиат, Элий Стилон, Требаций Теста и другие.

Параллели с Минуцием Феликсом, Киприаном и особенно Тертуллианом нужно исследовать заново. *De anima* не используется.

Литературная техника

Как прирожденный адвокат Арнобий зачастую полагает, что лучшая защита — нападение. Таким образом он возвращает язычникам обвинение в атеизме. Если бы последние действительно заботились о сохранении религии, они уничтожили бы не христианские церкви, но собственные безнравственные театры и порочащие богов книги (4, 36)¹. Противоположным образом он формулирует свой протест против радикальных представителей язычества, которые якобы должны сжечь труды Цицерона (в особенности *De natura deorum*), поскольку там доказывается истина христианства (3, 6—7); пассаж предвосхищает основные мысли *Confessiones* Августина (3, 4, 7).

Вообще автор разоблачает внутренние противоречия язычества (3, 29—44); его собственная позиция по отношению к языческим богам в свою очередь также не свободна от последних, поскольку аргументация меняется в зависимости от потребностей минуты².

Один из риторических приемов Арнобия — подавить читателя своей колоссальной эрудицией. Он знает секрет обаяния подробных и разветвленных перечней (4, 6—12). То он нагромождает странные *termini technici* из словаря языческого культа (7, 24), то — античный Рабле — он потрясает читателя гротескными образами: мы приносим богам в жертву собственное пропитание; если бы животные поклонялись нам как богам, то ослы жертвовали бы сено, собаки — кости, ласточки — мух (7, 17). В Арнобии погиб сатирик. Его иронический подход напоминает знаменитого гравера Жака Калло (1592—1635), которого уважал Э. Т. А. Гофман. Представление о божественном

1. «Кто шепотом скажет нечто дурное о ваших властях, тот виновен в оскорблении величества; напротив, ваши боги для вас презрительны и продажны» (*ibid.*).

2. H. LE BONNIEC, изд. 1, 73 сл.

гневе он доводит до абсурда, подробно перечисляя телесные симптомы гнева (1, 17—18).

Его критика мифологии радикальнее, чем у Лактанция, который лучше умеет ценить поэтические красоты; зато веселостью своей ехидной иронии он далеко превосходит последнего. Если бы звери воздвигали бы нам статуи по своему образу и подобию, что сказали бы мы Ромулу в ослином виде, Нуме с собачьей мордой, Порцию Катону в свином обличии? (3, 16). Антропоморфизм язычников он продумывает до логического конца и доводит до абсурда. С такой же последовательностью он расправляется с «человеческими, слишком человеческими» грешками Юпитера¹.

Драматический талант автора проявляется в квазидialogическом оформлении его речи; как в перекрестном допросе, вопросы и ответы «гоняются друг за другом». Мы слышим, как Нума торгуется с Юпитером (5, 1) и спорят друг с другом пять Минерв (4, 16). Арнобий лицемерно жалеет своего воображаемого партнера, собираясь сообщить ему некоторые пикантные подробности из мифологической сокровищницы (5, 20 и 28); это самый надежный путь преподнести их «как на блюдечке».

С другой стороны, темпераментный автор иногда поднимается до гимна, как, например, в прямо-таки лирическом обращении к Творцу (1, 31). С Лукрециевой похвалой Эпикуру соотязается восхваление Христа (1, 38).

Язык и стиль

Что касается употребления падежей, времен, наклонений, предлогов, союзов, наречий, степеней сравнения, язык Арнобия иногда отступает от классической нормы; ранние издатели многое сгладили — не имея на то никакого права. Однако мы никоим образом не можем определить его язык как народную латынь; Арнобий хочет доказать, что и среди христиан есть образованные авторы; даже уменьшительное *commodulum* подобрано так, что оно лишь умножает грандиозность мысли в ее разворачивании (1, 9, 4). Об «африканской латыни», естественно, больше не следует рассуждать. Словарь необычайно велик; можно обнаружить архаизмы, поэтические слова, мно-

1. 4, 22 сл.; 34; 5, 20—23.

го отвлеченных понятий, но прежде всего — целые каталоги предметов из самых различных областей, особенно из религиозной сферы. Все точно обозначается с помощью *termini technici*. С помощью громадного множества примеров Арнобий хочет облечь свои тезисы в плоть и кровь. Полнота¹, один из важнейших его стилистических принципов, придает его манере определенную возвышенность. Одновременно он с таким вниманием относится к метрическим клаузулам, что аргументы прозаической ритмики можно учитывать при установлении текста.

Образ мыслей I Литературные размышления

Арнобий не переоценивает литературу: он точно подмечает, что читатели, которые восхищаются стилем Цицерона, часто упускают из вида его мудрость (3, 7; ср. *Aug. conf.* 3, 4, 7). Он отстаивает простоту Евангелия красноречивыми словами и прекрасноречивыми ритмами; как часто бывает у Отцов Церкви, в этом отношении теория и практика противоречат друг другу. Но это делается добросовестно: речь идет о том, чтобы опровергнуть предрассудок публики (эксплицитно 1, 58 сл.), будто христиане невежественны и вовсе не знают грамматики. Сегодня ставший снова интересным экскурс об иррелевантности грамматического рода встраивается в дискуссию, которую вели еще с эпохи софистики².

Образ мыслей II

Арнобий обязан философам многими аргументами против политеизма. Он также признает, что некоторые из их учений расчистили путь христианству. От Стои, которую первоначально вспоминаешь, когда речь идет о «благом» вышнем Боге, нашего автора отделяют его скептицизм, его решительное признание свободы воли (2, 65) и упорная борьба против на-

1. Например, 7, 13 *neque ut abigant averruncentque... adseri et causis caerimonialibus adplicari*, «не чтобы отвести и отворотить...включить и присоединить к числу при-чин для обрядов».

2. G. E. McCracken, *Arnobius adversus genera* (!), CJ 42, 1947, 474–476; Варрон рассматривал эту проблему в 11 книге *De lingua Latina*, от которой мы располагаем только фрагментами.

родной религии и аллегорезы (5, 32–45). Он искренне высказывает свое уважение к Платону, однако же использует платоновские аргументы против самого мастера (2, 36) и даже спорит с ним с помощью его же образа пещеры, опровергая учение об ἀνάμνησις (2, 20–23).

В то время как иные христианские философы охотно опираются на «священный союз» Стои и догматического платонизма, наш нонконформист заимствует свое оружие у «врагов»: эпикурейцев и скептиков.

Первый из эпикурейских догматов, совершенно небиблейское (!) учение о свободе божества от страстей (Lucr. 2, 646–651), вовсе не мимолетное утверждение, но — как у Эпикура и Лукреция — основная тема. Следующие таковы: естественная смертность души (2, 30 с открытой ссылкой на Эпикура и в противоположность Платону и многим Отцам Церкви¹), убожество человека, который — лишь одно из природных существ в ряду многих других (в противоположность Стое и Книге Бытия), ничтожность адских наказаний (в противоположность Платону и Библии), бессмысленность религиозных обрядов (гораздо острее, чем у стоиков и Отцов Церкви), борьба против народной религии (в противоположность Стое и платонизму), требование чистой совести (правда, в согласии со Стоей и Новым Заветом, но с эпикурейской формулировкой), подчеркивание свободы воли (в противоположность Стое и апостолу Павлу), хвала Искупителю как учителю научного естествознания (совершенно по-эпикурейски 1, 38; Lucr. 5, 1–54)² — впечатляющий список примеров! В эпоху, когда все догматические философские школы обслуживали языческую религию, вероятно, напрашивалась мысль вновь обратиться к эпикурейству как к средству духовного освобождения, поскольку эта школа острее всего нападает на народные религии. Был ли Арнобий в молодости эпикурейцем? Как бы то ни было, благодаря ему его ученик Лактанций познакомился с творчеством Лукреция. Что он до своего обращения был идолопоклонником, мыслимо в том числе и как раз для эпикурейца, который хочет жить в мире с государством. Возражение, что Арнобий в силу страстности своей натуры не мог быть эпику-

1. Как Иустин и Феофил Антиохийский, Арнобий верит, что человеческая душа может сподобиться бессмертия лишь по милости Божией.

2. Последовательность — как у φυσικῆ δόξαι эллинистической эпохи.

рейцем, не выдерживает критики; неужели Лукреций и Филодем были менее темпераментны? По этой «методе» можно доказать, что ни один из Отцов Церкви не был христианином, поскольку им всем недостает кротости и любви к ближнему. Обстоятельство, которое мешало Арнобию — по крайней мере непосредственно перед обращением — быть эпикурейцем, другого порядка; оно коренится в гносеологической сфере.

Далеко идущий скептицизм ставит барьер между взглядами Арнобия и эпикурейством, которое непоколебимо настаивает на возможности достоверного чувственного восприятия и познания. Человеческий образ у нашего автора пессимистичен. Он далек от того, чтобы ощущать посюсторонний мир как просветленную субстанцию; даже по отношению к римской державе этот христианский скептик — и африканский патриот — относится с осторожностью¹. Решение в пользу надежды в безнадежной ситуации, кажется, предвосхищает опыт Паскаля и христианских экзистенциалистов; таким образом Арнобий мог склонить на свою сторону критически настроенных читателей. По существу, правда, он усматривает в христианстве философию, вовсе не религию.

Можем ли мы точнее описать его христианство? Представление, что вышний Бог не может гневаться, соприкасается с учением Маркиона. В том же направлении указывает определенная дуалистическая враждебность плоти (2, 77), докетически окрашенная доктрина о воплощении Сына Человеческого (1, 61 *homine simulato*, «притворившийся человеком»), а также мысль, что человеческая душа создана не вышним Богом, но, возможно, неким подчиненным Ему демиургом (2, 36). За отказом раскрывать хоть как-то происхождение зла также может крыться дуализм, возможно, маркионистская конструкция злого демиурга. Некоторые из этих вещей, не исключено, нужно отнести на счет африканского платонизма².

Традиция

См. аналогичный раздел о Минуции Феликсе (стр. 1702).

1. Arnob. *nat.* 1, 5, 6; 2, 1; 7, 51; иначе 1, 14, 1; критически о скептицизме Арнобия: A. Wlosok 1989, 144; однако он знает, что скепсис и христианство во многие эпохи вовсе не исключают друг друга.

2. Ср. A. Wlosok, *Laktanz und die philosophische Gnosis*, ANAW 1960, 2, 225.

Влияние на позднейшие эпохи

Лактанций, который считается учеником Арнобия¹, никогда не цитирует своего учителя. Он уехал из Африки, вероятно, еще до обращения Арнобия; таким образом, оба автора пишут практически одновременно и независимо друг от друга.

Иероним свидетельствует о широком распространении его произведений в IV в. (*vir. ill.* 79). Фирмик Матерн и Августин (*civ.*) имеют с ним точки соприкосновения, но не упоминают его имени. Вопрос о зависимости еще нуждается в прояснении. Псевдотертуллиановский трактат *De execrandis gentium diis*, должно быть, был написан на основе Арнобия². Возможно, наш автор поспособствовал возрождению античного жанра *Quaestiones* под знаком христианства³. Учитывая иногда нешкольные точки зрения Арнобия, ничего удивительного, что его книги как апокрифические попали в список запрещенных⁴.

Новому времени⁵ Арнобий дает ценные сведения о языческой религии. После Реформации из него черпают аргументы и против католического исповедания. Юст Липсий († 1606 г.), антиквар и (благодаря своей высокой оценке Стои) первопроходец современной мысли одновременно, называет его в 1577 г. *Varro christianus*, «христианским Варроном»⁶. Характерное для Арнобия сочетание пессимизма и веры «об заклад» обрело позднейшую параллель в позиции Паскаля († 1662 г.)⁷. Со времен Бейля († 1706 г.) и Ламетри († 1751 г.) под знаком Просвещения начинают интересоваться «скептицизмом» или же «материализмом» Арнобия.

Издания: Faustus SABAEUS, Romae 1543. * J. C. ORELLIUS (ТК), 3 тт., Leipzig 1816–1817, перепечатка PL 5. * J. ALLERER (П), Trier 1858. * A. REIFERSCHIED, WIEN 1875, перепечатка 1890 (= CSEL 4). * C. MARCHESI, Tori-

1. Hier. *vir. ill.* 80; *epist.* 70, 5.

2. E. BICKEL, Ps.-Tertullian *De execrandis gentium diis*, RhM 76, 1927, 394–417.

3. Ср. *nat.* 2, 64 и 65; *Quaestiones* обнаруживаются в числе трудов Евсевия и *Ambrosiaster*; E. RAPISSA 1946, 29–30.

4. Псевдо-Геласий, PL 59, 163; *Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis*, изд. E. VON DOBSCHÜTZ, Leipzig 1912.

5. Не имеет ценности упоминание у J. TRITHEMIUS, *De scriptoribus ecclesiasticis*, Basileae 1494, 53.

6. После своего обращения Юст Липсий получает от иезуитов совет по примеру Арнобия написать семь книг против протестантизма: J. L. SAUNDERS, *Justus Lipsius. The Philosophy of Renaissance Stoicism*, New York 1955, 45.

7. Лит. у: H. LE BONNIER, изд. 68, прим. 1.

по 1934, испр. 1953. * G. E. McCracken (ППр), 2 тт., Westminster, Mass., 1949. * *Adv. nat. 1*: H. LE BONNIEC (ТПК), Paris 1982. * *Adv. nat. 1-2*: G. GIERLICH (К), диссертация, Mainz 1985. * *Adv. nat. 3, 1-19*: J. M. P. V. VAN DER PUTTEN (ТК), диссертация, Leiden 1970. ** *Index*: L. BERKOWITZ, Index Arnobianus, Hildesheim 1967. ** *Библ.*: A. WLOSOK, HLL 5, 365-375.

B. AMATA, Problemi di antropologia Arnobiana, Roma 1984. * H. BLUMENBERG, Das dritte Höhlengleichnis, Filosofia 11, 1960, 705-722; повторно в: Studi e ricerche di storia della filosofia 39, 1961, 3-20. * P. COURCELLE, Les sages de Porphyre et les *virii novi* d'Arnobé, REL 31, 1953, 257-271. * P. COURCELLE, La polémique antichrétienne au début du IV^e siècle. Qui sont les adversaires païens d'Arnobé? Résumé: RHR 147, 1955, 122-123. * F. GABARROU, Le latin d'Arnobé, Paris 1921. * E. GAREAU, Le fondement de la vraie religion d'après Arnobe, CEA 11, 1980, 13-23. * O. GIGON, Arnobio. Cristianesimo e mondo romano. Mondo classico e cristianesimo, Bibl. internaz. di cultura (Roma) 7, 1982, 87-100. * H. HAGENDAHL, La prose métrique d'Arnobé. Contributions à la connaissance de la prose littéraire de l'Empire, Göteborg 1937. * H. HAGENDAHL, En Ovidiusreminiscens hos Arnobius, Eranos 35, 1937, 36-40. * K. J. HIDÉN, De casuum syntaxi Arnobii, в: De Arnobii *Adversus nationes* libris VII commentationes, 3, Helsingfors 1921. * E. KLUSMANN, Arnobius und Lucrez, oder ein Durchgang durch den Epikureismus zum Christenthum, Philologus 26, 1867, 362-366. * P. KRAFFT, Beiträge zur Wirkungsgeschichte des älteren Arnobius, Wiesbaden 1966. * R. LAURENTI, Il platonismo di Arnobio, StudFilos 4, 1981, 3-54. * R. LAURENTI, Spunti di teologia arnobiana, Orpheus NS 6, 1985, 270-303. * H. LE BONNIEC, Tradition de la culture classique. Arnobe témoin et juge des cultes païens, BAGB 4, 2, 1974, 201-222. * H. LE BONNIEC, Echos ovidiens dans l'*Adversus nationes* d'Arnobé, в: R. CHEVALLIER, изд., Colloque présence d'Ovide, Paris 1982, 139-151, повторно в: H. LE B., Etudes ovidiennes, Frankfurt 1989, 145-157. * E. LÖFSTEDT, Arnobiana, Lund 1916. * M. MAZZA, Studi arnobiani 1: La dottrina dei *virii novi* nel secondo libro dell'*Adversus Nationes* di Arnobio, Helikon 3, 1963, 111-169. * E. F. МИСКА, The Problem of Divine Anger in Arnobius and Lactantius, Washington 1943. * F. MORA, Arnobio e i culti di mistero. Analisi storico-religiosa del V libro dell'*Adversus Nationes*, Roma 1994. * I. OPELT, Schimpfwörter bei Arnobius dem Älteren, WS 88, NF 9, 1975, 161-173. * I. OPELT, Ciceros Schrift *De natura deorum* bei den lateinischen Kirchenvätern, A&A 12, 1966, 141-155. * E. RAPISARDA, Clemente fonte di Arnobio, Torino 1939. * E. RAPISARDA, Arnobio, Catania 1946. * F. SCHEIDWEILER, Arnobius und der Marcionitismus, ZNTW 45, 1954, 42-67. * D. R. SHACKLETON BAILEY, Arnobiana, RFIC 116, 1988, 198-202. * F. G. SIRNA, Arnobio e l'eresia Marcionita di Patrizio, VChr 18, 1964, 37-50. * L. J. SWIFT, Arnobius and Lactantius. Two Views of the Pagan Poets, TAPhA 96, 1965, 439-448. * E. TULLIUS, Die Quellen des Arnobius im 4., 5. und 6. Buch seiner Schrift *Adversus nationes*, диссертация, Berlin 1934. * A.-M. TUPET, Une anecdote éleusinienne chez Ovide et chez Arnobe, в: R. CHEVALLIER (изд.), Colloque présence

d'Ovide, Paris 1982, 153—163. * A. VICIANO, Retórica, filosofía y gramática en el *Adversus nationes* de Arnobio de Sica, Frankfurt 1993. * A. WŁOSOK, Zur lateinischen Apologetik der constantinischen Zeit (Arnobius, Lactantius, Firmicus Maternus), Gymnasium 96, 1989, 133—148.

ЛАКТАНЦИЙ

Жизнь, датировка

Л. Целий¹ Фирмиан, он же Лактанций², начинает свою карьеру в Африке, которая, предположительно, и была его родиной. Иероним (*vir. ill.* 80; ср. *epist.* 70, 5, 2) называет его учеником Арнобия, с чьим трактатом *Institutiones* общее только число книг³. Диоклетиан призывает его преподавать латинскую риторику в новоотстроенную столицу Никомедию; к не слишком большому числу его учеников, вероятно, относится и Константин. Обращение в христианство происходит уже в зрелом возрасте. Когда начались диоклетиановы гонения на христиан (февраль 303 г.), он оставил службу; в это время он работает над *Divinae institutiones*. Уже под конец жизни император Константин выписал его в Галлию и назначил воспитателем своего сына Криспа. Среди открытых в Трире плафонных росписей парадного зала, возможно, есть и изображение «философа» Лактанция.

От светских произведений нашего автора (*Пур*, поэтический *Itinerarium* путешествия из Африки в Никомедию, а также *Grammaticus*) не сохранилось ничего; тем не менее видно, что Лактанций широтой охвата своего творчества довел до абсурда обычную противоположность между христианской и языческой литературой. О письмах *К Пробу* (в четырех книгах), *К Северу* и *К Деметриану* (по две книги), где шла речь о самых различных предметах — метрике, географии, философии — мы знаем только то, что они были написаны уже после обращения и были весьма скучными⁴.

1. Возможно, иначе: Цецилий; основополагающая работа о его жизни А. Włosok 1989.

2. Предположительно прозвище.

3. Дуалистические подходы есть и у Арнобия, и у Лактанция, хотя и не вполне сопоставимые.

4. Дамаз у Hier. *epist.* 35, 2.

Из сохранившихся произведений *De officio Dei*, безусловно, старше, чем *Institutiones* (*inst.* 2, 10, 15). О *De ira Dei* заявлено в *inst.* 2, 17, 5. *Epitome* также, безусловно, появилась после *Institutiones*, возможно, она была написана сразу после *De ira Dei* и *De mortibus*.

Труднее абсолютная датировка; она взаимосвязана с вопросом о различных «редакциях». *Institutiones* создаются в основном между 304 и 311 гг., во время гонений: об этом свидетельствует спор с нападками двух философов; после победы христианства он потерял бы смысл. Сохранившиеся в некоторых рукописях посвящения Константину и намек на Лициния в этом случае Лактанций должен был вставить в более позднее издание. Впоследствии, в новом выпуске — вероятно, при Констанции — он мог бы вычеркнуть похвалы Константину вместе с дуалистическими пассажами, где пробовал решить проблему зла почти по-манихейски.

Произведение *De mortibus persecutorum*, которое сегодня практически единодушно приписывают Лактанцию¹, было написано после так называемого Медиоланского эдикта о веротерпимости (313 г.) и до начала открытой борьбы между Лицинием и Константином (314 г.)². Автора, который сам пережил гонения в Никомедии, зовут — как и Лактанция в одной части традиции — Луций Цецилий, адресат Донат — то же лицо, что и в *De ira Dei*. Есть и содержательные точки соприкосновения с трудами Лактанция.

Кроме того, до нас дошло стихотворение *De ave Phoenice*. Это первое произведение христианского поэта в рамках античной традиции.

Обзор творчества

De officio Dei: Озабоченный тем, что его бывший ученик Деметриан со своими богатствами пренебрегает духовными благами (1), автор собирается напомнить ему, что человек — душой и телом — творение Бога. Разум дан нам для того, чтобы мы могли защитить себя; по сравнению с животными, у которых есть защитное оружие от природы, мы не обделены. Болезнь и ранняя смерть угрожают нам не более, чем другим живым существам (2–4). Власть Божественного провидения Лактанций объясняет на примере человеческого тела (5–13) и ду-

1. Сомнения в подлинности высказывают S. ROSSI 1961 и D. DE DECKER 1970.

2. Ср. I. OPELT 1973; J. L. CREED, изд. 1984, датирует произведение 314–315 г.

ши (14—19). В заключительной главе (20) Лактанций сообщает о намерении написать более крупное произведение, *Institutiones*.

Divinae institutiones: Книга 1, *De falsa religione*: в пользу монотеизма говорят логические и исторические аргументы, сивиллы и пророки, поэты и мыслители. Языческие боги, как считает уже Энний в *Euhermerus*, — умершие люди.

Книга 2, *De origine erroris*: прямая осанка и созерцание неба — отличительные черты человека. Зачем почитать статуи и светила? Знаменья и оракулы — дело рук демонов, сыновей ангелов и смертных женщин. Короче: язычники молятся покойникам, почитают мертвые изображения и одержимы нечистыми духами.

Книга 3, *De falsa sapientia*: философия ничтожна; только Бог один обладает совершенным знанием, человек же по своим познавательным способностям занимает промежуточное положение между Богом и животными. Мыслители никогда не единомысленны друг с другом. Что есть высшее благо? Оно нематериально, и только человек, но не животное может его стяжать, а именно — мудростью и добродетелью: это бессмертие. Глупость светских мудрецов проявляется в подробностях их учений.

Книга 4, *De vera sapientia et religione*: религию и мудрость нельзя отделить друг от друга; спасение заключается в познании Бога. Пророки и сивиллы предсказали искупление Христово. Языческие возражения против воплощения Сына Человеческого и распятия, а также еретические нападки на единство Бога ошибочны.

Книга 5, *De iustitia*: образованные люди презирают христианские тексты из-за литературных недостатков. Нападки современных авторов следует формально отвести. Воспетый поэтами золотой век был эпохой прамоотеизма. Многобожие началось с Юпитера, который сам занял место бога. Христос снова установил монотеизм. Стойкость христиан перед лицом гонений доказывает справедливость их учения. Философам неизвестно, что такое справедливость: истинное познание Бога ведет к мысли, что все люди равны; это основа справедливости. Если Карнеад¹ считает справедливость величайшей глупостью, это соответствует суждению язычников о христианах; на небесах каждому воздастся по заслугам.

Книга 6, *De vero cultu*: истинное почитание Бога — чистая совесть². Есть выбор между узкой тропой и широкой дорогой³. Здесь видны очень тесные связи с классической античностью; но христианская

1. Cic. *rep.* 3, 21, — текст, сохраненный благодаря Лактанцию.

2. Lucr. 5, 1198—1203; Sen. *fig.* 123 НААЕ у Lact. *inst.* 6, 25, 3; ср. также Lact. *ira* 24, 8.

3. W. RORDORF, Un chapitre d'éthique judéo-chrétienne. Les deux voies, RecSR 60, 1972, 109—128; A. HARNACK, Die Apostellehre und die jüdischen beiden Wege, Leipzig 1886, 2189б; что касается языческой античности, следует вспомнить Продика и пифагорейцев.

добродетель (ср. *Matth.* 22, 37–40) требует прежде всего признавать Бога и почитать его одного. На втором месте — отношение к человеку; *humanitas*, в которой сочетаются *iustitia* и *misericordia*, проявляется, например, в выкупе узников, в заботе о вдовах, сиротах и больных, в погребении бедняков и чужеземцев. В остальном аффекты не следует отвергать как таковые; театральные же представления недопустимы как чувственное наслаждение.

Книга 7, *De vita beata*: Бог создал мир ради человека, а человека — ради почитания Бога; его награда — бессмертие. Только человек знает о Боге и добродетели. Мировая история включает шесть «дней» (т. е. 6000 лет): на седьмой «день» — который придет примерно через двести лет — наступит тысячелетнее царствие, которое закончится Страшным судом. Праведных ждет вечная награда, проклятых — вечная мука.

Эпитома *Institutiones*, написанная по желанию некоего Пентадия, сильно сокращена, исправлена в подробностях и отчасти пересекается с позднейшими произведениями Лактанция. Греческие цитаты даны в переводе. Мысль о гибели Рима (*inst.* 7, 15, 11–19) опущена, может быть, учитывая успех Константина. В тексте обнаруживаются новые цитаты из Платона (прежде всего *Тимей*), дальнейшие ссылки на Гермеса Трисмегиста, свежие цитаты из Теренция, Вергилия, Горация и Овидия.

De ira Dei: Эпикурейцы не приписывают богам ни гнева, ни благодати, стойки — благодать, но не гнев. Первая посылка практически равносильна атеизму, вторая внутренне противоречива и, кроме того, устраняет страх перед богами. Христианское богопознание основано на отвержении идолопоклонничества, вере в единого Бога и Его откровение в Иисусе Христе. Человек создан для религии. Его добрые дела пробуждают милость Божию, злые — Его гнев. Этот последний — побуждение души, чтобы она отвратилась от грехов. Предосудительно не гневаться, но только коснуться в своем гневе. Сивиллы также свидетельствуют о гневе Божиим. Мы должны жить так, чтобы его не заслушивать.

De mortibus persecutorum: Печальный конец государей, преследовавших христиан, должен быть предостережением для нынешнего властителя Лициния, а назиданием для братьев по вере.

Источники, образцы, жанры

Для *De opificio* вопрос об источниках труден; с уверенностью можно указать Цицерона (чью четвертую книгу *О государстве* Лактанций собирает дополнить), Варрона (он дает, например, этимологии), медицинскую и герметическую литературу.

Жанровый характер *Divinae institutiones* сложен. Произведение сочетает апологию и учебник в единое целое. В качестве образца для этого первого — хотя и несовершенного — общего изложения христианской веры на латинском языке следует прежде всего назвать систематические учебники по римскому праву и ораторскому искусству. С точки зрения языка главным, конечно, будет Цицерон; Лактанций даже заслужил почетное прозвище «христианского Цицерона». Он непосредственно полемизирует с двумя анонимными противниками: философом, выступающим в защиту язычества, и судьей, который гонит христиан, обнаруживает противоречия в Библии и использует в качестве довода против деяний Христовых чудеса Аполлония Тианского. Чтобы ответить на это, Лактанцию приходится приводить философские доводы; он не может, в первую очередь как Киприан, — ссылаться на библейские цитаты. Но если он это делает, — как в книге 4, — то черпает их из свидетельств Киприана.

Многочисленные цитаты из языческих авторов взяты предположительно из флорилегиев. В отличие от Минуция Феликса, он не боится вставок на греческом языке — прежде всего из сивиллиных оракулов¹. Все-таки он достаточно долго жил в грекоязычной среде. На Платона, чей способ мышления у Лактанция проявляется гораздо ярче, чем у Тертуллиана, он смотрит сквозь призму Климента Александрийского и окрашенного в герметические тона африканского платонизма, о котором мы можем составить себе представление по псевдо-апулеевскому *Асклепию*. Он знает и *К Автолику* Феофила. Посидония в *ita* 4, 7 и 17, 3 он цитирует из вторых рук (по Цицерону или Сенеке). Лактанций знаком с языческой латинской литературой. Мы обязаны ему ценными фрагментами из энциклопедического *Евгемера* и *De re publica* Цицерона. Больше всего он, конечно, любит приводить в свидетели Вергилия, которого цитирует 83 раза; Лукрецию и Овидию приходится довольствоваться более скромным местом. Он знает даже *Phaenomena*² последнего; Овидий также служит свидетелем против язычества и в пользу христианской истины. Три вышеназванных поэта используются и в *Фениксе*. Из христианских авторов предпо-

1. В *Эпитоме* греческие цитаты из *Institutiones* переводятся на латинский язык (возможно, с учетом иной аудитории).

2. H. LE BONNIEC 1986 (1989).

чтение отдается Минуцию Феликсу, не в последнюю очередь по стилистическим причинам. Неизбежен Тертуллиан, но его чопорная манера подвергается критике; Киприана наш автор читает, но смеется над ним, поскольку тот может убедить только тех, кто и без того уже убежден.

De mortibus persecutorum — речь; жанр и предмет предопределяют страстную стилизацию. У произведения есть предшественник — *Ad Scapulam* Тертуллиана. Языческие и христианские рассказы о θεομάχοι, «богоборцах», образуют фон. Основная тенденция напоминает *Книги Маккавеев*. Для большей части вопрос об источниках неактуален, поскольку речь идет о современных событиях.

Литературная техника

Литературную форму *Institutio*, развившуюся в рамках риторики и юриспруденции, Лактанций переносит на христианскую почву. *Institutiones* должны доказать, что и с точки зрения языческого развития христианство было необходимостью. Этой цели соответствуют избранные литературные средства. Для авторского подхода характерно изолированное рассмотрение различных проблем. Каждая книга *Institutiones* посвящена отдельной теме, разработка подробна, так что в конце книги, кажется, уже и не остается возможности усомниться. Решение поставленных вопросов по отдельности может привести к тому, что, например, против стоических мыслей борьба будет вестись эпикурейскими аргументами, а против эпикурейства автор прибегнет к оружию стоицизма. Последовательность в конечном счете оказывается недостижимой.

Важны вступления к книгам; литературно-критическую главу мы рассмотрим в своем месте.

Лактанций намеренно часто рассматривает христианскую этику в римских образах: христианский исповедник справляет триумф над триумфаторами (*mort. pers.* 16, 6). Религиозный долг человека формулируется в военных терминах — точно так же Сенека уже одухотворил присягу¹. Христианская теология подтверждается языческой (например, пророчествами сивилл и Вергилия). Ветхий Рим становится параллелью Ветхому Завету. Но прежде всего Лактанций пытается доказать,

1. *Sen. epist.* 65, 18; *vit. beat.* 15, 7; лит. у А. Włosok 1960, 185, прим. 12.

опираясь на нехристианские авторитеты, что христианское учение — всеобщая и обязательная для всех истина.

Язык и стиль

Язык и стиль в своем неброском изяществе напоминают Цицерона — вплоть до прозаического ритма¹; со времен Минуция Феликса Лактанций — первый латинский христианский автор, которого притязательный язычник может читать с удовольствием. Цицеронианец-христианин Иероним хвалит манеру Лактанция: *quasi quidam fluvius eloquentiae Tullianae*, «как некий поток цицероновского красноречия» (*epist.* 58, 10); он говорит, что трактат о гневе Божиим написан *docto pariter et eloquenti sermone*, «сколь учено, столь же и красноречиво» (*in Eph.* 2, 4). Христианизация словаря² характерным образом проявляется в изменении значения слова *humanitas*: Варрон понимает под ним образованность, Цицерон — по преимуществу основанную на последней манере поведения, Лактанций — религиозно обоснованную позицию: вера есть причина любви к людям³, поскольку братство возникает из Богосыновства (*inst.* 5, 6)⁴. Соответственно Лактанций производит *religio* от *religare* (*inst.* 4, 28; против Цицерона, *nat. deor.* 2, 72, который подчеркивал добросовестность — *religere*). Представление о «связи» реставрирует опровергнутое Лукрецием (1, 932 *religionum animum nodis exsolvere*, «извлечь душу из уз религии») понимание религии. И напротив, Лактанций не столь щепетилен в заимствовании терминов, способных пробудить языческие ассоциации (например, *Deus summus*, «вышний Бог»).

Тональность *De mortibus persecutorum* более страстная, чем в дидактических произведениях, но причина в предмете и жанре; у Цицерона тоже в речах больше пламени, чем в философских трактатах. Некоторые окказиональные оскорбительные реплики также восходят к Цицерону⁵. Критика властителей имеет по преимуществу политический характер — скорее язы-

1. Об этом см., например, Е. НЕСК 1969 с лит.

2. В общем виде С. MOHRMANN, *Les éléments vulgaires du latin des chrétiens*, VChr 2, 1948, 89—101; 163—184, о Лактанции особенно 165—176.

3. О стойческом фоне любви к людям KLINGNER, *Geisteswelt* 51979, 707—746, особенно прим. 48.

4. R. LACANDIA 1967.

5. I. OPELT 1973.

ческий, нежели христианский; достаточно вспомнить о *Historia Augusta* или о панегириках — дурных государей там называют *tyrannus, bestia, animal, populator Italiae*, «тиран, скот, животное, опустошитель Италии» (последнее напоминает Ганнибала). Многие бранные слова — цicerоновские, многие — те же самые, что Лактанций употреблял в *Institutiones*: аргумент за подлинность *De mortibus*. Правда, христианские критерии не всегда убедительны для читателя-язычника, но специфически христианским бранным словам вроде *persecutor*, «мучитель» (в первый раз здесь 1, 6) или *praecursor diaboli ac praeuius*, «предтеча и предшественник дьявола» (2, 9) не откажешь ни в сочности, ни в силе. Цезарь Максимиан-Галерий становится двойным источником черного юмора: римляне высмеивают его как варвара; два медведя, которых он держит у себя, похожи на него как две капли воды по свирепости и величине (21, 5). Он заслуживает и христианский атрибут «милосердный», поскольку приказывает топить нищих и тем самым заботится, чтобы в его государстве не было бедняков (23, 8).

Антитезы доминируют в сопоставлении двух «дурных» государей — Диоклетиана и Максимиана; причем видимая похвала («единодушные») иронически заостряет порицание (*mort. pers.* 8, 1 сл.): *quid frater eius Maximianus, qui est dictus Hercules? Non dissimilis ab eo: nec enim possent in amicitiam tam fidelem cohaerere, nisi esset in utroque mens una, eadem cogitatio, par voluntas, aequa sententia. Hoc solum differebant, quod avaritia maior in altero fuit, sed plus timiditatis, in altero vero minor avaritia, sed plus animi, non ad bene faciendum, sed ad male*, «что же его брат Максимиан, называемый Геркулесовым? И тот таков же; ведь они не могли бы сохранить столь верную и прочную дружбу, если бы мысль у них не была одна, суждение — то же самое, воля неотличимая и одинаковые решения. Одно только и было различие: в первом сильнее скупость, но более робости, в другом же — менее скупости, но более одушевления — не в благо, а в злоторении».

Прозаический ритм во всех произведениях Лактанция — гармоничный, цicerоновский. При этом видно предпочтение к «распущенному» кретику (четвертому пеону), т. е. клаузулам типа *esse videatur* или *corde sapientia*¹.

1. R. LACANDIA 1967.

Образ мыслей I

Литературные размышления

Критика Лактанция в адрес Тертуллиана и Киприана (*inst.* 5, 1) доказывает, что он приспособливал христианское учение к менталитету своей аудитории, насколько это вообще было возможно. В безыскусном стиле Библии и в несовершенстве христианской литературы он усматривает (*inst.* 5, 1) причину настороженного отношения образованных язычников к христианству, которое нуждается в энергичных «распространителях». Как и Лукреций (1, 936–950), он собирается намазать медом края чаши с лекарствами, но медом не риторики, а небесной мудрости. Таким образом, для него проблема заключается не в хорошем стиле, но — как и для Цицерона — в сочетании мудрости и красоты. Лактанций признает Цицероново стремление к истине (*ira* 11, 10). Цицерон служит также свидетельством предрасположенности человеческого рода к справедливости, которая включает также и почитание Бога (*ira* 14, 4). И как Цицерон когда-то рецензировал римских историков, так и Лактанций делает то же самое с латинскими Отцами Церкви: они не исполнили своей задачи. Минуций Феликс мог бы стать искусным защитником христианства, если бы он все свои силы посвятил этому. Тертуллиан сведущ во всех областях, но не жалеет читателя, чересчур груб и темен и сам застит себе путь. Киприан, самый значительный из всех, обладает стилистическим навыком, хорошим воображением и привлекательностью; но, поскольку он обращается к обратившимся, он не в состоянии убедить стоящих вне церковной ограды и превращается в посмешище. Симпатией Лактанция явно пользуется Минуций Феликс; это может быть связано с цicerонианством обоих авторов. При всех щедрых комплиментах отдающая кислоткой оценка Киприана напоминает суждение цicerонианца Квинтилиана о Сенеке. Видно, что творчество Лактанция знаменует начало классицистического этапа для латинской христианской литературы. Классицизм опять шествует рука об руку с укреплением центральной власти.

Значимо и плодотворно обращение Лактанция к поэтам как свидетелям истины; его уверенное «да» поэзии (*inst.* 1, 11, 23–25) скажется в эпоху средневековья и Ренессанса: *Non ergo res ipsas finxerunt poetae — quod si facerent, essent vanissimi — sed rebus gestis addiderunt quendam colorem... Totum autem, quod referas, fingere, id est*

ineptum esse et mendacem potius quam poetam. Nesciunt enim qui sit poeticae licentiae modus, quousque progredi fingendo liceat, cum officium poetae in eo sit, ut ea, quae vere gesta sunt, in alias species obliquis figurationibus cum decore aliquo conversa traducat, «поэты, стало быть, придумали не то, о чем они пишут, — если бы это было так, не было бы людей более пустых, нежели они, — тому, что произошло, они придадут некие краски... Ведь сочинять из головы все, о чем ты пишешь, — нелепость и дело скорее лжеца, чем поэта. Они же не знают, каковы пределы того, что дозволено поэтам, до каких пор сохраняет свои права вымысел, в то время как задача поэта — в том, чтобы описать воистину произошедшее с некоторым изяществом в иных картинах, не напярмик, а с помощью фигур». По-евгемеровски десакрализованный миф воспринимается как история, заключенная в образную речь; таким образом языческая поэзия — при всем ее притязании на истину — становится приемлемой и для христиан почти что как исторический документ. *Quamvis igitur veritatis arcana in parte corruerint, tamen ipsa res eo verior invenitur, quod cum prophetis in parte consentiunt, quod nobis ad probationem satis est, «хотя отчасти таинство истины и было здесь разрушено, но самая суть оказывается тем более истинной, что частями согласуется с пророками, а для доказательства нам этого достаточно»* (*inst.* 7, 22, 4). Лактанций также первый, кто дал христианское истолкование четвертой эклоге (*inst.* 7, 24, 11)¹. Он знает: окончание христианской истории (*millennium*) дословно воспроизведет золотой век поэтов.

Лактанций намекает на то, что возможна и христианская поэзия. Прекрасная песнь должна восхвалять Бога (*inst.* 6, 21, 4 сл.). Христианская поэзия кажется неслышанным новшеством, как в свое время эпикурейское творчество Лукреция. У автора *Феникса* есть в зачаточном виде христианское оправдание эстетики².

Образ мыслей II

В *De ofificio Dei* Лактанций освещает психологическую проблематику с позиций скептицизма. Собственно христианская интеллектуальная сфера здесь неактуальна — возможно, с огляд-

1. J. L. SWIFT, Lactantius and the Golden Age, *AJPh* 79, 2, 1968, 153—155; P. COURCELLE, Les exégèses chrétiennes de la quatrième Églogue, *RET* 59, 1957, 294—319; подлинность приписываемого императору Константину истолкования четвертой эклоги вызывает сомнения.

2. A. WLOSOK 1990.

кой на антихристианские меры Диоклетиана (1, 7; 20, 1). Отождествление философов с врагами истины созвучно критике Платона у Тертуллиана, выдержанной в традиции апостола Павла. Однако это произведение Лактанция обладает откровенно философским характером, оно даже представлено как дополнение к четвертой книге Цицеронова трактата о государстве.

Sapientia и познание Бога для Лактанция нераздельно связаны друг с другом, как и *religio* и богопочитание. Божественная награда за *labores hominum*, «человеческие труды» — бессмертие. В *Institutiones* и *De ira Dei* проблема милости не продумана как таковая; Лактанций отчасти остается при римских представлениях *do ut des*. Однако его богословская заслуга — сочетание христианского представления о Боге с римской идеей *pater familias*, чья сущность проявляется в наказаниях и наградах, в суде и милости¹.

Как Иустин и Климент Александрийский, Лактанций через платоновскую философию приходит к христианству. Он смотрит на Платона сквозь призму африканского платонизма, отмеченного — в традиции Апулея — религиозными и герметическими чертами. Бог непознаваем, поэтому нужно Откровение (ср. *inst.* 1, 8, 1). Лактанций в некоторых местах (впоследствии — им ли самим? — вычеркнутых) выдвинул дуалистическую, почти манихейскую концепцию зла. Конечно, устранению подверглись лишь наиболее бросающиеся в глаза пассажи на эту тему. Антропология выдержана в рамках гностических традиций², возможно, с учетом аудитории. При этом римскому, мистериальному благочестию Лактанция свойственны законнические, юридические черты. Между Богом и человеком — правовые отношения; человек послушен и получает спасение как справедливую плату за это. По-римски звучит и моральный активизм. Противоборство души и тела напоминает также о дуалистической этике стоиков. *Virtus* и *patientia*³ христианских мучеников описываются в духе римских стоиков (Сенека). Отсюда же мысль, что наказание не есть несчастье. Далее, Лактанций разделяет со стоиками и антиэпи-

1. A. WLOSOK 1956.

2. A. WLOSOK 1960.

3. *Inst.* 5, 13, 10—15; 3, 27, 12 сл.; *mort. pers.* 13, 3; P. J. COUVÉE, *Vita beata en vita aeterna... bij Lactantius, Ambrosius en Augustinus, onder invloed van de romeinsche Stoa*, диссертация, Utrecht 1947.

курейский пафос, что проявляется в его полемике с Лукрецием. Его особый вклад в христианскую литературу — разговор о людях и о природе человека на человеческом языке — например, на языке Цицерона или Сенеки. Несмотря на стоические влияния при доказательстве бытия Божия, в учении о провидении и о преходящем характере мира¹ образ божества резко отличается от стоического, поскольку Лактанций признает за Богом гневные импульсы. В этом спиритуализируется² представление о римском *pater familias*, который волен поступать со своими рабами как хозяин и с детьми как отец — со строгостью или же добротой. Античная философия — включая Цицерона и Сенеку — подчеркивает в образе божества черты благодати и с трудом представляет себе карающего или судящего Бога³, хотя, конечно, в мифах речь о нем идет часто. Тертуллиан (*adv. Marc.* 2, 13, 5) прибегает — как и в Библии — к полноценному понятию Отца. Лактанций для объяснения обращается к римскому миру⁴. *Pater, dominus, filius* и *servus*, «отец, господин, сын и раб», связаны правовыми взаимоотношениями. В этом случае типичная римская идея отца выходит на первый план уже через христианство, во всей своей исконности.

Мысль Лактанция вращается вокруг человека и космоса: *Nostrium hoc officium est, sacramentum mundi et hominis exponere*, «наша задача заключается в том, чтобы изложить таинство мира и человека» (7, 3, 14). Взаимоотношения между человеком и божеством не могут осуществляться беспрепятственно; без Откровения человек не в состоянии познать Бога; однако естественная осанка человека (и предпочтительная для Лактанция этимология ἄνωρτος, «глядящий вверх», *epit.* 20, 9 сл.) указывает на его предназначенность к спасению: сообразные природе человека воздвижение и просветление обретаются, по Лактанцию, в купели. В таинстве крещения свет мудрости озаряет человека, сообщает ему силу познания (*inst.* 3, 26, 10 сл.) и открывает глаза у его сердца⁵. Познание Бога должно послужить основой для бессмертия души (*inst.* 7, 9, 10; *Cic. leg.* 1, 24).

1. H. A. WOLFSON, *Patristic Arguments against the Eternity of the World*, HThR 59, 1966, 351–367.

2. A. WLOSOK 1960, 232–246.

3. Александрийцы — Филон, Климент, Ориген — с философской точки зрения усматривают в «гневе Божиим» описательный, педагогический оборот.

4. *Epit.* 54, 4; *inst.* 4, 3, 17; *ira* 24, 5.

5. *Eph.* 1, 18; A. WLOSOK 1960, 128 сл. с прим. 41.

В духе известной «отсталости» окраин Империи на попроще христологии в доникейскую эпоху Лактанций не развивает учение о Логосе и Св. Духе, иногда он даже не отличает их друг от друга. Он отождествляет Св. Дух с мудростью (3, 26, 10) и не усматривает его самостоятельного значения (*ad Demetr. fr.* 3 и 4 BRANDT), что Иероним, которому мы обязаны этой цитатой, называет *error Iudaicus*, «иудейским заблуждением». В отличие от тертуллиановского традуцианизма, душа по Лактанцию не дается родителями, она происходит непосредственно от Бога (*orif.* 19, 4); мысль о тварной зависимости заменяет платоновскую, о родстве с Богом (ср. *Aug. conf.* 7, 10, 16).

Произведение *De mortibus persecutorum* рассматривает исторические события с «неримской» точки зрения; это вовсе не правило; со времен Константина распространяется государственная теология, стирающая различия между христианством и Империей. Эта работа особенно ценна как последний рефлекс эпохи гонений. Полемика с римскими понятиями становится особенно отчетливой там, где идет речь о триумфе христианского исповедника над триумфаторами (16, 6). В таких формулировках одновременно заключается и исходный пункт романизации церкви; историософия выполняет также функции теодицеи: Бог защищает свою церковь.

Лактанций определяет христианство как (истинную) философию (ср. *orif.* 1, 2; 20, 1). В этом отношении он — в одном ряду с Минуцием Феликсом. Основная его мысль заключается в том, что христианство — единospасающая истина, данная в Откровении, то есть больше, чем религия. Однако Лактанция нельзя назвать глубоким мыслителем. В его учении о зле, например, сочетаются совершенно разные концепции: является ли оно только недостатком добра, врагом его или понятийной противоположностью? Поскольку он сознательно пишет для стоящих вне церковной ограды, у него не следует искать рассмотрения вопросов, интересовавших тогдашнее богословие. В его теологии ярко проявляются ранние черты: бинитаризм, теология усыновления, хилиазм. Зато он пытается обогатить христианство опытом римской жизни. Христианизируя мнения поэтов и философов о человеке, он закладывает основу христианской антропологии.

Традиция

opif.: Основа текста¹ легче обозрима, чем для *inst.*, и шире, чем для остальных произведений: Bononiensis 701, V в. (B), несмотря на древность, сильно интерполирован, Valentianensis 148 (ранее 141), IX в. (V), свободный от вмешательств, но с многочисленными ошибками переписчика, Parisinus Puteani 1662, IX в. (P), с искаженными чтениями и лакунами². Текст приходится восстанавливать эклектически.

inst.: Рукописи подразделяются на две группы: содержащие дуалистические и панегирические пассажи (Parisinus 1663, IX в., и 1664, XII в.) и те, где таковые отсутствуют: Bononiensis 701, V в., и Rescriptus Sangallensis 213, VI—VII в.

epit. Taurinensis (olim Bobiensis) I b VI 28, VII в.; для 51—68, 5 Bononiensis 701, V в.; для 51—61, 6 Parisinus 1662, IX в.

ira. Bononiensis 701, V в., и Parisinus 1662, IX в.

mort. pers.: Единственная рукопись — Parisinus lat. 2627, olim Colbertinus, IX в.

Влияние на позднейшие эпохи

Письма Константина, принявшего участие в споре с донатистами, и его законы испытали влияние Лактанция³. Уже в IV в. дуалистические места в *De officio* и *Institutiones*, а также обращения к Константину были вычеркнуты.

Иероним (*epist.* 58, 10) хвалит Цицероновский язык, но признает при этом, что заслуга Лактанция — борьба с язычеством, а не обоснование христианства. Ко временам Иеронима Дамаз⁴ — хотя и не в силах преодолеть зевоту — читает ныне утраченные произведения Лактанция. К числу читателей христианского Цицерона относится и Августин. Аполлинарий Сидоний знаком с его творчеством. Клавдиан подражает его *De Phoenice*. Исидор Севильский передает мысли нашего автора о поэзии и правде Средним векам.

В VI в. труды Лактанция — поскольку в них отсутствует учение о Троице — попадают в запретный список апокрифов.

Ок. 800 г. *Феникс* — первое античное произведение, которое переводится стихами на один из национальных языков: мы полагаем англосаксонским переложением эпохи Киневульфа.

1. Е. НЕСК 1969, особенно 274.

2. Th. STANGL, *Lactaniana*, RhM 70, 1915, 224—252; 441—471 ценит его выше.

3. Н. КРАФТ, А. WЛОСОК, изд. 1983, S. XVI; ср. также V. C. De CLERCQ, *Ossius of Cordova*, Washington 1954, 69—75.

4. У Hier. *epist.* 35, 2.

Неудивительно, что Лактанция высоко ценит Возрождение; примеры — Петрарка, Аретино и Пико делла Мирандола, который и называет его христианским Цицероном. Еще Мильтон, сам иногда склоняющийся к дуализму, знает его творчество. Для мыслителей Ренессанса, как и для Лактанция, антропологическая проблема оказывается центральной, они — в платоновском духе — подчеркивают сближение мудрости и религии. Как и Лактанций, поэзию в ее предметности и притязании на истину воспринимают серьезно. Петрарка, получив поэтический венец, ссылается на нашего автора¹. Как и во времена Лактанция, происходит открытие римской человечности под новым знаком — на этот раз Цицерона, в чьей личности — и творчестве — эллинистическая философия обрела связь с римской жизнью и превзошла отведенный Вечному городу срок долголетия. Человек как «венец творения» (*divini opificii summum*) — стержневая христиански-стоическая мысль Лактанция (*ira* 13, 13). Пресловутое слово о «лучшем из возможных миров» (Лейбниц)² и связанное с ним естественное доказательство бытия Божия в конечном счете основаны на стоической мысли, которую резюмирует Лактанций (*ira* 10, 14).

Актуальное произведение *De mortibus persecutorum* было открыто сравнительно поздно; Балюз издает его в 1679 г. Долго сомневаются в его ценности как свидетельства; сейчас о нем придерживаются более высокого мнения. Смешанная форма риторического памфлета и исторического сообщения, как представляется, была типична для времен гонений; у Солженицына она становится снова достоянием высокой литературы.

Если судить о Лактанции с чисто богословских позиций, это будет несправедливо по отношению к нему. С другой стороны, ограничивать его значение ролью беллетриста или моралиста тоже недостаточно. Его вопрос — о человеческой сущности. Таким образом появляется первая всеохватывающая христианская антропология на латинском языке. С этой точки зрения литература его родины обретает для него новое значение. Она становится кладзем мнений о человеке, получаю-

1. A. BUCK, *Italienische Dichtungslehren vom Mittelalter bis zum Ausgang der Renaissance*, Tübingen 1952, 73.

2. *Théodicée* (1710) 1, 8: S'il n'y avait pas le meilleur (*optimum*) parmi tous les mondes possibles, Dieu n'en aurait produit aucun, «если бы не было лучшего среди всех возможных миров, Бог вообще бы не создал никакого мира» (против Пьера Бейля).

щих новый смысл в христианском контексте. Многие черты его мышления свойственны римлянам; таким образом он становится глашатаем Возрождения, Цицероном своего времени. Как христианское учение тогда начинает охватывать всю Империю, так и послание Лактанция касается всего человека, не только его души. Как представитель позднеантичного образованного сословия, он чувствует, что мысль и *ratio* имеют право на то, чтобы получить свою долю в искуплении Христовом. Это справедливо и для человеческого тела, храма Св. Духа: в прямой осанке крещеного и искупленного человека воплощается его достоинство (ср. *inst.* 7, 9, 11; 7, 5, 22).

Издания: С. SWEYNHEIM, A. PANNARTZ, Subiaco 1465 (*inst.*, *ira*, *opif.*). * *epit.* 51-68: VENDELINUS DE SPIRA, Venetiis 1472. * *epit.* (первое полн. изд.): M. PFAFF, Paris 1712. * Полные собрания сочинений: Chr. CELLARIUS, Lipsiae 1698. * J. L. BÜNEMANN (TK), Lipsiae 1739. * S. BRANDT, G. LAUBMANN, CSEL 19, 1890; 27, 1, 1893; 27, 2, 1897; перепечатка 1965. * *mort.*, *ira*, *opif.*, *epit.*: A. HARTL, A. KNAPPITSCH (П), BKV 36, Kempten ²1919. * *epit.*: M. PERRIN (ТППр, Ind.) = SC 335, Paris 1987. * *inst.*, *opif.*, *ira*: U. BOELLA, Firenze 1973. * *inst.*: M. F. McDONALD (П), Washington 1964. * *inst.* 1: P. MONAT (ТППр) = SC 326, Paris 1986. * *inst.* 2: P. MONAT (ТППр) = SC 337, Paris 1987. * E. HECK, A. WLOSOK, Stuttgart 1994. * *inst.* 4: P. MONAT (ТППр) = SC 377, Paris 1992. * *inst.* 5: P. MONAT (ТППр) = SC 204; 205, Paris 1973. * H. HROSA (TK), München 1963. * *ira*: H. KRAFT, A. WLOSOK (ТППр), Darmstadt 1957, ⁴1983. * Chr. INGREMEAU (ТППр) = SC 289, Paris 1982. * *mort. pers.*: F. CORSARO (П), Catania 1970. * J. MOREAU (ТПК), 2 тт., Paris 1954, перепечатка 1965 * J. L. CREED (ТПК), Oxford 1984. * J. ROUGE (П, готовится к изданию). * *opif.*: M. PERRIN (ТППр) = SC 213; 214, Paris 1974. * *Phoen.*: A. ANGLADA ANFRUNS (ТПК), Barcelona 1984. * H. KRAFT (П), в: H. K., Die Kirchenväter bis zum Konzil von Nicäa, Bremen 1966, 462-467. * *Scripta minora*: M. F. McDONALD (П), Washington 1965. ** *Index*: в CSEL (см. выше; неполн.); в отд. изд. P. MONAT и M. PERRIN (см. выше; полн.). ** *Библ.*: E. HECK, вскоре в: ANRW 3 (Spätantike). * E. HECK 1972, 203-207. * Chr. INGREMEAU, изд. *ira* 373-380. * T. P. HALTON, R. D. SIDER, в: A Decade of Patristic Scholarship 1970-1979, I: CW 75, 1982-1983, 65-127; особенно 125-127.

L. ALFONSI, Cultura classica e cristianesimo. L'impostazione del problema nel proemio delle *Divinae institutiones* di Lattanzio e nell'*epist.* 16 di Paolino da Nola, P&I 8, 1966, 163-176. * F. AMARELLI, Il *De mortibus persecutorum* nei suoi rapporti con l'ideologia coeva, SDHI 36, 1970, 207-264. * F. AMARELLI, Venustas - Innovatio, Napoli 1978. * A. BENDER, Die natürliche Gotteserkenntnis bei Laktanz und seinen apologetischen Vorgängern, Bern 1983. * H. VON CAMPENHAUSEN, Lateinische Kirchenväter, Stuttgart 1960, ³1973, 57-76. * F. CORSARO, Lactantiana. Sul *De mortibus persecu-*

- torum, Catania 1970. * G. CRESCENTI, Rilievi al *De mortibus persecutorum* di Cecilio Firmiano Lattanzio. Studio critico, Messina 1964. * A. S. CHRISTENSEN, Lactantius the Historian. An Analysis of the *De mortibus persecutorum*, Copenhagen 1980. * J. FONTAINE, Permanencia y mutaciones de los géneros literarios clásicos de Tertuliano a Lactancio, Actos 3 Congreso Español de Estudios Clásicos, Madrid 1968, 2, 126—136. * J. FONTAINE, M. PERRIN, изд., Lactance et son temps, Paris 1978. * O. GIGON, Lactantius und die Philosophie, в: Kerygma und Logos. Beiträge zu den geistesgeschichtlichen Beziehungen zwischen Antike und Christentum, FS C. ANDRESEN, Göttingen 1979, 196—213. * R. GLEI, *Et invidus et inbecillus*. Das angebliche Epikurfragment bei Laktanz, *De ira dei* 13, 20—21, VChr 42, 1, 1988, 47—58. * E. HECK, MH ΘΕΟΜΑΧΕΙΝ oder: Die Bestrafung des Gottesverächters, Frankfurt 1987. * E. HECK, Bemerkungen zum Text von Laktanz, *De officio dei*, VChr 23, 1969, 273—292. * E. HECK, Die dualistischen Zusätze und die Kaiseranreden bei Lactantius, AHAW 1972, 2. * E. HECK, Lactanz und die Klassiker. Zu Theorie und Praxis der Verwendung heidnischer Literatur in christlicher Apologetik bei Lactanz, Philologus 132, 1988, 160—179. * J. HUBAUX, M. LEROY, Le mythe du Phénix dans les littératures grecque et latine, Paris, Liège 1939. * W. KIRSCH, Triebkräfte der historischen Entwicklung bei Laktanz, Klio 66, 1984, 624—630. * W. KIRSCH, Textimmanenz und Texttranszendenz bei Interpretation literarischer Kunstwerke, am Beispiel des *Phoenix*-Gedichts des Laktanz, WZRostock 34, 1, 1985, 26—28. * I. KÖNIG, Lactanz und das «System» der Tetrarchie, Labeo 32, 1986, 180—193. * R. LACANDIA, Forme sentenziose in Lattanzio, VetChr 4, 1967, 73—83. * H. LE BONNIEC, Une interprétation chrétienne de la mythologie gréco-latine. L'exploitation apologétique d'Ovide par Lactance, в: La mythologie, clef de lecture du monde classique, hommage à R. CHEVALLIER, Tours 1986, 75—87, повторено в: H. LE BONNIEC, Etudes ovidiennes, Frankfurt 1989, 159—172. * V. LOI, Lattanzio nella storia del linguaggio e del pensiero teologico pre-niceno, Zürich 1970 (там же см. ранние публикации того же автора). * P. MONAT, Lactance et la Bible. Une propédeutique latine à la lecture de la Bible dans l'Occident constantinien, Paris 1982. * C. OKKER, *Unius arbitrio mundum regi necesse est*. Lactantius' Concern for the Preservation of Roman Society, VChr 40, 1986, 348—364. * R. M. OGILVIE, The Library of Lactantius, Oxford 1978. * I. OPELT, Formen der Polemik im Pamphlet *De mortibus persecutorum*, JbAC 16, 1973, 98—105. * J.-R. PALANQUE, Sur la date du *De mortibus persecutorum*, Mélanges J. CARCOPINO, Paris 1966, 711—716. * M. PERRIN, Quelques observations sur la conception de la mort et de l'eschatologie de Lactance, BAGB 1987, 1, 12—24. * R. PICHON, Lactance. Étude sur le mouvement philosophique et religieux sous le règne de Constantin, Thèse Paris 1901. * D. PIETRUSIŃSKY, Quid Lactantius de ethnicorum philosophia, litteris, eloquentia iudicaverit..., Latinitas 12, 1964, 274—279. * S. ROSSI, Il concetto di Storia e la prassi storiografica di Lattanzio e del *De mortibus persecutorum*, GIF 14, 1961, 193—213. * J. SPEIGL, Zum Kirchenbegriff des Laktanz, RQA 65, 1970, 15—28. * J. STEVENSON, The *Epitome*

of Lactantius, *Divinae Institutiones*, StudPatr 7, 1963, опубл. 1966, 291–298. * В. СТОК, *Cosmology and Rhetoric in the Phoenix of Lactantius*, C&M 26, 1965, 246–257. * L. J. SWIFT, *Arnobius and Lactantius: Two Views of the Pagan Poets*, TAPhA 96, 1965, 439–448. * L. J. SWIFT, *Lactantius and the Golden Age*, AJPh 89, 1968, 144–156. * H. W. A. VAN ROOIJEN DIJKMAN, *De vita beata*. Het zevende boek van de *Divinae institutiones* van Lactantius. Analyse en bronnenonderzoek, диссертация, Leiden, Assen 1967. * M. WALLA, *Der Vogel Phoenix in der antiken Literatur und der Dichtung des Laktanz*, диссертация, Wien 1965, напечатана 1969. * F. WEHRLI, *L. Caelius Firmianus Lactantius über die Geschichte des wahren Gottesglaubens*, в: *Studies Ph. MERLAN*, The Hague 1971, 251–263. * A. WLOSOK, *Zur Gottesvorstellung bei Laktanz*, в: *Hermeneia*. FS O. REGENBOGEN, Heidelberg 1956, 129–147. * A. WLOSOK, *Die Rechtsgrundlagen der Christenverfolgungen der ersten zwei Jh.*, *Gymnasium* 66, 1959, 14–32. * A. WLOSOK, *Laktanz und die philosophische Gnosis. Untersuchungen zu Geschichte und Terminologie der gnostischen Erlösungsvorstellung*, AHAW 1960, 2. * A. WLOSOK, *Die Anfnäge christlicher Poesie lateinischer Sprache. Laktanzens Gedicht über den Vogel Phoenix*, в: P. NEUKAM, изд., *Information aus der Vergangenheit. Dialog Schule-Wissenschaft, Klassische Sprachen und Lit.*, т. 16, München 1982, 129–167. * A. WLOSOK, *Laktanz*, в: *Gestalten der Kirchengeschichte*, изд. M. GRESCHAT, Stuttgart 1984, 176–188. * A. WLOSOK, *Lactantius*, в: HLL 5, 1989, 375–404. * A. WLOSOK, *Wie der Phoenix singt*, в: *Musik und Dichtung*, FS V. PÖSCHL, Frankfurt 1990, 209–222. * J. WOJTCZAK, *De Lactantio Ciceronis aemulo et sectatore*, Warszawa 1969.

ФИРМИК МАТЕРН

Жизнь, датировка

Юлий Фирмик Матерн, который, вероятно, был родом из Сиракуз и принадлежал к сенаторскому сословию, прекращает свою неутешительную адвокатскую практику (4 *pr.* 1 сл.); таким образом, он может посвятить свой досуг литературным занятиям. Между 334 и 337 г. выходит в свет его астрологический труд *Matheseos libri VIII*, который он адресует африканскому проконсулу Лоллиану Маворцию. Десятилетием позже — ок. 346–349 гг. появляется его апологетический труд *De errore profanarum religionum*. Тожество авторов обоих произведений, долго оспариваемое, сегодня общепризнанно.

Обзор творчества

Matheseos libri VIII

Первая книга во введении доказывает правомерность астрологических занятий и их совместимость с моралью, поскольку человеческая душа божественна по природе и может подняться над властью звезд (1, 6, 1 сл.). Остальные книги — их семь по числу планет — рассматривают технические вопросы астрологии с подробностями, не свойственными латинской литературе.

De errore profanarum religionum

Памфлет требует от императоров Констанция и Константа искоренить силой языческую религию, принудительным образом обратить в христианство ее сторонников и конфисковать посвященные дары (28, 6). Первая главная часть порицает почитание стихий и молитвенное обращение к солнцу и луне, в особенности солярную теологию, затем — распространение на богов человеческих страстей, а в конце — искусственность языческих божеств. Вторая (с 18 гл.) — особенно интересная с религиозно-исторической точки зрения — главная часть посвящена полемике с ключевыми словами (*σύμβολα*) и культовыми действиями мистериальных религий как с демоническими «подражаниями» христианским обрядам.

Источники, образцы, жанры

Первая книга *Mathesis* направлена против скептиков из Новой академии, выдвинувшей аргументы — в духе Карнеада — против астрологии. При этом используется и Цицерон (*nat. deor.* 1, 2–4)¹. Представление о божественности человеческой природы напоминает Посидония. В четвертой книге автор прибегает и к Манилию, и к общему утраченному источнику. Манилий и Анубион, поэты, у которых он очевидным образом черпает материал, нигде не упоминаются по имени. Еще один поэт, Дорфей (I в. по Р. Х.), становится главным источником для шестой книги; есть переработки его данных и в других местах.

Во многих случаях Фирмик весьма близок к Манефону, Птолемею и Валенту. Его астрологические познания обширны, но глубокого понимания нет.

В *De errore* цитируются Гомер и Порфирий; Цицерон (*De natura deorum*) также используется, как и псевдо-Квинтилиан (см. разд. *Влияние на позднейшие эпохи*). Есть точки соприкоснове-

1. Ср. также *math.* 1, 10, 4 с *Cic. rep.* 6, 17.

ния с Климентом Александрийским. Знакомство с Библией — в рамках сборника свидетельств (Киприан).

Литературная техника

В обоих произведениях Фирмик Матерн заявляет о себе как о квалифицированном ораторе. Риторические средства применяются с некоторым избытком. Характерна речь олицетворенного солнца, которое требует, чтобы его почитатели обращались отныне с молитвою не к нему, а к Богу Христу (*err.* 8, 1—3).

Страстный ритор следует общему плану (см. выше), но в деталях его изложение спонтанно и беспорядочно. Читателя утомляет постоянное использование одних и тех же приемов¹. Если эти черты сочетаются, то появляется мысль о поспешном написании. Но автор все-таки более позаботился о словах, нежели о смысле.

Язык и стиль

В отношении языка и стиля сходство между обоими произведениями чрезвычайно велико. Любимое слово и там, и там — *constituere*, «устанавливать»; в обоих, напр., есть одна и та же изысканная фраза: *in mortem stringere venam*².

Представители того мнения, что уже ко времени написания *math.* Фирмик Матерн находился под влиянием христианства, обращают внимание на языковое воздействие Библии и литургики³.

Образ мыслей I Литературные размышления

Писательская робость, которую Фирмик демонстрирует в начале своего астрологического труда, в дальнейшем изобличается: в пятой книге он без зазрения совести дает понять, что его произведение — первое в этой области на латинском языке (*math.* 5 *pr.* 4). Как автор *err.* он чувствует призвание разо-

1. Условные периоды, напрашивающиеся из-за материала.

2. См. *math.* 1, 9, 1; *err.* 18, 2; из Ps.-Quint. *decl.* 10, 4; F. BOLL 1909, 2375.

3. Библейские моменты: у F. BOLL 1909; литургические: F. SKUTSCH 1910.

благить языческую религию как козни дьявола и позаботиться об ее искоренении. Это самоощущение здесь превалирует над литературной рефлексией по поводу собственного труда. Он, очевидно, даже и не задумывался над тем, что слова могут убивать, но — печальное первенство! — никто из латинских писателей до него не делал насильственное подавление инакомыслящих своей открытой литературной целью.

Образ мыслей II

Идентичность астролога и апологета была обнаружена только на рубеже веков¹. Хронологические соображения наводят на мысль об обращении в христианство после окончания астрологического труда. Поскольку, как полагают, христианские мотивы есть уже в последнем, напрашивается вывод, что астрология и христианство для Фирмика не исключают друг друга. Однако это произведение нельзя считать христианским: скорее для него характерно неоплатоническое единобожие. Конечно, и апологии прежде всего недостает богословской глубины.

Если речь идет об одном и том же авторе, а датировка и языковые соображения не оставляют в этом никакого сомнения, непоколебимые христианские убеждения зрелых лет не придали нашему автору ни кротости, ни мудрости.

Нравственное и философское падение, с которыми мы сталкиваемся в *De errore* по сравнению с первой и с концом второй книги *Mathesis*, вряд ли может быть глубже. С таким видным соперником, как Порфирий, в раннем произведении Фирмик обходится уважительно (7, 1, 1), во втором — осыпает его грубыми ругательствами (*err.* 13, 4 сл.). Но мало того: открытый призыв к окончательному насильственному решению вопроса о язычниках обосновывается цитатами из Ветхого Завета (*err.* 29, 1 сл.); одновременно идет речь о Божественном милосердии.

Оба произведения объединяет лезть по отношению к власти имущим; в первой книге *Mathesis* автор высказывает в конце свое благоговение перед Константином, а в *De errore* — его преемниками. Фирмик не спровоцировал декреты о преследовании язычников; он высказывает свою реакцию, чтобы

1. W. KROLL и F. SKUTSCH, In Firmicum Sittelianum emendationum centuriae duae primae, Hermes 29, 1894, 517—529, особенно 519; а также F. SKUTSCH 1910.

доказать верность генеральной линии. Из Аммиана мы знаем о другом астрологе, который также попытается бежать впереди поезда¹.

Одиозный памфлет *De errore* делает понятным, почему некоторое время спустя такая благородная натура, как император Юлиан, чтобы спасти цивилизацию, прибегнет к такому отчаянному и заранее обреченному на провал средству, как реставрация языческой религии.

Однако книга не вовсе лишена ценности; Фирмик — единственный латинский апологет, который открыто нападает на настоящих конкурентов христианства: солярную теологию и мистериальные религии. Он дает нам возможность проникнуть в глубинную сущность конфликта, которая по большей части оставалась в тени.

Образ человека той эпохи и его жизнеощущение, о которых мы можем составить себе представление по *Mathesis*, не лишен культурно-исторического интереса, хотя многое из этого уже было в его эллинистических источниках. Он соответствует духу времени в том, что для него астрология становится общераспространенным учением, некоторого рода религией (2, 30, 2; 4, *pr.* 3; *pr.* 4).

Традиция

Традиция *err.* основывается на испорченном Vaticanus Palatinus Lat. 165 (X в.).

Произведение *Mathesis* не дошло как единое целое. Для первой части (до 4, 22, 15) в разной степени релевантны Montepessulanus H 180, XI в., Parisinus Lat. 7311, XI в., Vaticanus Reginae 1244, XI в., Vaticanus Lat. 3425, XIII в., Parisinus Lat. 17867, XIII в.

Для книг 5–8 мы располагаем сравнительно поздними рукописями XV и XVI вв., распадающимися на два класса.

Editio princeps (Venetiis 1497) обладает критической ценностью. Альдина (*Astronomici veteres* 1497–99) восходит к утраченной поздней рукописи, во многом ошибочной.

Влияние на позднейшие эпохи

Самое подробное античное астрологическое произведение штурдуют в эпоху средневековья; оно вызывает оживленный

1. Амт. 29, 1, 5; 2, 6 сл.

интерес людей Возрождения. Пико делла Мирандола обнаруживает у Фирмика грубые астрологические ошибки. Понтано излагает отрывки из него стихами в своей *Urania*; Н. Прукнер дополняет его¹.

Поэт Г. Э. Лессинг († 1781 г.) занимался *Mathesis* Фирмика Матерна как филолог².

В 1559 г. церковный историк Флаций Иллирик находит рукопись *err.* в Миндене и в 1562 г. осуществляет первое издание. Только К. Бурсиан открыл эту рукопись вновь и отважился на новое издание — с большим количеством недостатков.

Издания: math.: Venetiis 1497; книги III—V уже Augsburg 1488. * *err.:* Flacius Illyricus, Argentinae 1562. * *math.:* W. KROLL, F. SKUTSCH, K. ZIEGLER, 2 тт., Leipzig 1897 и 1913; перепечатка (с Addenda) 1968. * Н. THORSONN (II), Königsberg 1927. * P. MONAT (ТППР), 2 тт., Paris 1992 и 1994. * J. R. BRAM (II), Park Ridge, N. J. 1975. * *math. 1* и *2:* J. R. BRAM (ПК), диссертация, New York Univ. 1972. * *err.:* K. ZIEGLER, Leipzig 1907. * G. HEUTEN (ТПК), Brüssel 1938. * K. ZIEGLER (ТПК), München 1953. * C. A. FORBES (II), New York 1970. * R. TURCAN (ТПК), Paris 1982. ** *Indices:* в изданиях: W. KROLL etc. (практически полн.) и K. ZIEGLER (полн.). * Chr. KELBER, Anfang eines Wörterbuches zu den *Libri matheseos* des Iulius Firmicus Maternus, Programm Erlangen 1881 (охватывает объем от начала до 2, 10). ** *Библ.:* см. монографии.

B. AXELSON, Ein drittes Werk des Firmicus Maternus? Zur Kritik der philologischen Identifizierungsmethode, Lund 1937. * A. BARTALUCCI, Considerazioni sul lessico del *De errore profanarum religionum* di Firmico Materno, SIFC 39, 1967, 165—185. * F. BOLL, Firmicus, RE 12. Halbbd., 1909, 2365—2379. * F. J. DÖLGER, Nilwasser und Taufwasser. Eine religionsgeschichtliche Auseinandersetzung zwischen einem Isisverehrer und einem Christen des vierten Jahrhunderts nach Firmicus Maternus, Antike und Christentum 5, Münster 1936, 153—187. * F. J. DÖLGER, Die Bedeutung des neuentdeckten Mithrasheiligtums von Dura für die Überlieferung der heidnischen Mysteriensprache bei Firmicus Maternus, Antike und Christentum 5, Münster 1936, 286—288. * C. A. FORBES, Firmicus Maternus and the Secular Arm, CJ 55, 1960, 146—150. * F. GRÖHL, De syntaxi Firmiana, диссертация, Breslau 1918. * P. HENRY, Plotin et l'Occident: Firmicus Maternus, Marius Victorinus, saint Augustin et Macrobe, Louvain 1934. * K. HONEISEL, Das Urteil über die nichtchristlichen Religionen im Traktat *De errore profanarum religionum* des Iulius Firmicus Maternus, диссертация

1. О влиянии: F. BOLL 1909, 2374; W. HÜBNER 1979; 1982 (цит. выше т. II, стр. 1075) 430—439.

2. Zur Geschichte und Litteratur. Dritter Beitrag, Braunschweig 1774, XIX. Ergänzungen des Iulius Firmicus = G. E. Lessings sämtliche Schriften, изд. K. LACHMANN 12, Leipzig 1897, 271—274.

ция, Bonn 1972. * W. HÜBNER, Perseus, Eridanus und Cola Piscis in Pontanos *Urania*, HumLov 28, 1979, 139–166; hier 139–144. * W. HÜBNER 1982, см. Манилий. * W. HÜBNER, A. WLOSOK, Firmicus Maternus, HLL 5, 1989, 84–93. * I. OPELT, Schimpfwörter in der Apologie *De errore profanarum religionum* des Firmicus Maternus, Glotta 52, 1964, 114–126. * A. QUACQUARELLI, La parentesi negli apologeti retori latini da Tertulliano a Firmico Materno, Orpheus 4, 1957, 63–75. * F. SKUTSCH, Ein neuer Zeuge der altchristlichen Liturgie, ARW 13, 1910, 291–305. * V. STEGEMANN, Dorotheos von Sidon und Firmicus Maternus, Hermes 78, 1943, 113–131. * L. THORNDIKE, A Roman Astrologer as a Historical Source: Julius Firmicus Maternus, CPh 8, 1913, 415–435. * J. VOGT, Toleranz und Intoleranz im constantinischen Zeitalter. Der Weg der lateinischen Apologetik, Saeculum 19, 1968, 344–361. * T. WIKSTRÖM, In Firmicum Maternum studia critica, Upsaliae 1935. * T. WIKSTRÖM, Zum Texte der sog. Apologie des Firmicus Maternus, Eranos 53, 1955, 172–192. * A. WLOSOK, Zur lateinischen Apologetik der constantinischen Zeit (Arnobius, Lactantius, Firmicus Maternus), Gymnasium 96, 1989, 133–148. * K. ZIEGLER, Firmicus Maternus, RLAC 7, 1968, 946–959.

МАРИЙ ВИКТОРИН

Жизнь, датировка

Примерные даты жизни Г. Мария Викторина — 280–363 г.¹; в рукописях его называют *vir clarissimus*, следовательно, он принадлежит к сенаторскому сословию. Получив образование у себя на родине, в Африке, он стал видным оратором в Риме, где ему в 354 г. воздвигается статуя на форуме Траяна (Hier. *chron. a. Abr.* 2370). Только в зрелом возрасте — вероятно, до 357 г. — Викторин открыто стал исповедовать христианство; внутреннее самоотжествление произошло намного раньше. Обращение души к умопостигаемому для него — таинство Христова², философия же — как позднее для Августина — путь к христианству. В 362 г. по закону императора Юлиана он теряет право преподавания (Aug. *conf.* 8, 3–5). Сохранилась эпитафия его внучки³.

Труд его жизни, значительный как по объему, так и содержательно, включает (часто переводные и комментаторские)

1. А. Н. TRAVIS 1943.

2. Сравнение с блудным сыном отражает разрушение и восстановление духовной субстанции (*adv. Arium* 1, 59, 25; 2, 6).

3. CIL 6, 31934; A. SILVAGNI, ICUR, NS Romae 1922, 3268.

работы по грамматике, риторике и философии, а также по учению о Троице и экзегезе.

Обзор творчества

Грамматические работы

В четвертой книге *Ars grammatica* Мария Викторина до нас дошла метрика Элия Феста Афтония.

Еще два произведения о грамматике и метрике (GL 6, 187 слл.; 206 слл.) приписаны Марию Викторину. *De ratione metrorum* и *De finalibus metrorum* не принадлежат нашему автору.

Риторические работы

Сохранившиеся объяснения к юношескому произведению Цицерона *De inventione* имеют не филологически-антикварный, а риторический и философский характер. Главный их интерес заключается в экскурсах, в особенности о силлогизме, об определении, о понятиях времени и субстанции.

Работы о логике

До нас дошла оригинальная работа *De definitionibus*. Перевод *Isagoge* Порфирия частично сохранился в первой редакции комментария Боэция¹.

От *De syllogismis hypotheticis* мы располагаем резюме Кассиодора, от комментария к *Топике* Цицерона — резюме Марциана Капеллы, Боэция и Кассиодора.

Не сохранились — и слабо засвидетельствованы² — перевод *Kategorий* Аристотеля и комментариев к ним, как и латинское переложение трактата Аристотеля *Περὶ ἐπιτηδεύσεως*.

Предполагают существование комментария к *Вергилию*, особенно об изображении потустороннего мира³.

Остальные переводы

Марий Викторин перевел *libri Platoniorum* (Aug. *conf.* 8, 3)⁴: безусловно, платиновский трактат *О прекрасном* (*enp.* 1, 6), вероятно, *О трех первоначальных ипостасях* (5, 1), а возможно, некоторые трактаты *О душе* (из кн. 4), как и *enp.* 3, 2; 6, 6 и 6, 9⁵. Содержал ли этот перевод извлечения из *Ἀφορμαί* Порфирия?

1. Boeth. *in isag. ed. prima*, CSEL 48, 1906.

2. P. HADOT 1971, 111—113.

3. P. SOURCELLE, *Les Pères de l'Église devant les Enfers virgiliens*, ANMA 30, 1955, 5—74; взвешенно P. HADOT 1971, 215—231.

4. Они идентичны с *Plotini paucissimi libri* (Aug. *beat. vit.* 1, 4, ср. *conf.* 7, 13).

5. Роль Плотина (P. SOURCELLE) или же Порфирия (W. THEILER, *Porphyrius und Augustin*, Halle 1933; P. HADOT) в формировании мировоззрения Викторина остается под вопросом; о постановке проблемы W. ERDT 1980, 262, 10.

Богословские произведения

После своего обращения Марий Викторин пишет *Ad Candidum Ariatum* (= *De generatione Verbi*), *Adversus Arium libri quattuor*, *De homousio recipiendo*, три гимна о Троице, а также комментарии к апостолу Павлу, из которых сохранились объяснения *Посланий к филиппийцам, галатам и ефессянам*.

Спорные произведения

Вызывают вопросы относительно своей подлинности адресованный Иустину трактат *Ad Iustinum Manichaeum contra duo principia Manichaeorum, et de vera carne Christi*, а также *De verbis scripturae: Factum est vespere et mane dies unus* и *De physicis* (о неверующих философах).

Источники, образцы, жанры

Во введении к *Ars grammatica* основные понятия разрабатываются отчасти в соответствии с мнениями стоика Аристона Хиосского (ок. 250 г. до Р. Х.). Описание метрики сделано Элием Фестом Афтонием, дополнение же о горацианской метрике, в свою очередь, возможно, написано самим Викторином. Источники метрической теории — с одной стороны, Юба (вероятно, конец II в.), с другой — Варрон (116—27 гг. до Р. Х.) и Цезий Басс (современник Нерона). В банальностях есть точки соприкосновения с Харисием (сер. IV в.), Диомедом (видимо, II пол. IV в.), Досифеем (вероятно, конец IV в.); высокого уровня рассуждения об орфографии отчасти заимствованы у Веррия Флакка, жившего при Августе и Тиберию; многое в конечном счете восходит к Варрону¹. Вообще Марий Викторин использует лучшие источники и сохраняет для нас ценные замечания. У Марии Викторина школьная риторическая традиция сочетается с перипатетической логикой. Он, должно быть, — что весьма естественно для африканца — опирался на корпус Апулея².

В богословских трактатах прямо используется Плотин³ († ок. 270 г.), некоторые произведения которого Викторин перевел. Порфирий († после 300 г.) и Цицерон также относятся к числу его источников. Ветхий Завет Викторин знает плохо и придерживается не слишком высокого мнения о типологии и

1. H. DAHLMANN 1970.

2. G. PFLIGERSDORFFER, Zu Boethius... nebst Beobachtungen zur Geschichte der Dialektik bei den Römern, WS 66, 1953, 131—154.

3. P. HENRY 1934.

аллегорезе¹; он сосредоточивается на *Посланиях* апостола Павла, которые и комментирует близко к тексту, и на *Евангелии от Иоанна*, чей пролог он объясняет в платоновском духе².

Гимны написаны не по метрическим канонам, но соблюдают правило параллелизма. Для их формы определяющими были псалмы и изящная проза — что неудивительно для ратора. Они образуют новый тип христианской поэзии, вырастающий из медитации и приглашающий к ней аудиторию.

Литературная техника

Изложение материала в *Ars grammatica* иногда несистематично; чувствуется близость к устному изложению и безыскусной манере, свойственной грамматикам.

Ни интеллектуальных, ни стилистических компромиссов Викторин не допускает в изложении своей тринитарной доктрины. Переводя Плотина, он в значительной степени проникся его духом и его манерой повествования. Поэтому Иероним считает его темным. Читатели латинских книг до сих пор не слишком привыкли к научной манере изложения.

Технический прием — выбор (возможно, вымышленного)³ корреспондента, арианина Кандида. Этот последний использует тот же язык и ту же литературную технику, что и Викторин. Таким образом каждый вопрос освещается с двух сторон.

Со времен гностиков Викторин — первый христианский богослов, который описывает внутреннюю жизнь триединого Бога с помощью психологических сравнений: отображение Троицы — неоплатоническое триединство бытия, жизни и познания в душе⁴.

В комментариях экзегеза — на фоне тогдашней практики — особенно близка к тексту, однако свое философское образование автор здесь не скрывает. Можно обозначить его подход в этом отношении как научный, даже при том что платонизирующий стиль мышления иногда становится самостоятельным

1. Однако он высказывается — вместе с апостолом Павлом — против *corporalis intellectus*, «плотского толкования» Ветхого Завета.

2. P. HADOT 1971, 239 сл.

3. M. SIMONETTI, Nota sull'ariano Candido, *Orpheus* 10, 1963, 151–157; P. NAUTIN, Candidus l'arien, в: *L'homme devant Dieu. Mélanges offerts au P. H. DE LUBAC*, 1, Paris 1964, 309–320.

4. Здесь Викторин ближе к Порфирию; мышление Плотина не допускает существования триединства, чьи ипостаси — одного иерархического уровня.

фактором (в комментарии к *Посланию к Галатам* вообще меньше, чем в других случаях, и везде намного меньше, чем у Оригена). В соответствии со своим образованием Викторин говорит на научном языке своего времени — вероятно, в том числе и для того, чтобы привлечь образованных людей на сторону христианства¹. Поскольку рассуждение искусно балансирует между жизнью и познанием, оно с литературной точки зрения может быть близко к жанру гомилии.

Язык и стиль

Язык и стиль этого ратора нериторичны; он, например, близок к повседневной речи в том отношении, что вместо *Accusativus cum Infinitivo* употребляет обычное придаточное предложение с *quod*. Он относится к весьма небольшому числу тех авторов, которые — как Светоний — прежде всего хотят предоставить слово фактам, и к еще меньшему — серьезно относящихся к задаче вникнуть мыслью в свой предмет.

Как переводчик Викторин усвоил и латинизировал словарь и стиль Плотина. Это решительный шаг для расширения возможностей философского выражения на латинском языке. Его переводы столь точны, что обладают ценностью античной рукописи Плотина; во многих случаях они защищают чтения средневековой традиции от так называемых улучшений. Марий Викторин поднимает технику светского перевода на новую ступень. Латинский язык в его творчестве обретает ту философскую точность, которой ему раньше столь долго не хватало.

Современная греческая философия побуждает Викторина к языковому творчеству, но прежде всего оно обусловлено новым осознанием возможностей латинского языка. К многочисленным грецизмам — напр., распространенному употреблению субстантивированного инфинитива² — добавляются такие приемы, как расширение значения латинского слова по греческому образцу. Скажем, прилагательное *risibilis*³ — а не

1. W. K. WISCHMEYER 1972.

2. M. D. METZER, Marius Victorinus and the Substantive Infinitive, *Eranos* 72, 1974, 65–77.

3. CSEL 48, 50, 5; 131, 3; G. PFLIGERSDORFFER, Zu Boëthius, *De interpr...* nebst Beobachtungen zur Geschichte der Dialektik bei den Römern, *WS* 66, 1953, 131–154, особенно 134.

апудеевское *cachinnabilis* — благодаря ему становится устойчивым выражением в логической литературе для обозначения смеха как отличительной черты человека. Человек Слова, а не слов, Викторин особенно глубоко проникает в созвучия между словарем Библии и неоплатонизма¹. Он — один из немногих античных писателей, кто воплотил в собственной практике принцип библейской простоты; здесь ему пошла на пользу грамматическая традиция. Синтез истины и красоты в языке перевода останется на долю Иеронима.

В неметрических гимнах, создающих новый поэтический стиль, параллелизм изящной прозы и музыкальный рефрен дают весьма эффектный результат.

Образ мыслей I

Литературные размышления

Рефлексии о собственной мысли и собственном писательстве приходится подождать. Для грамматика не составляет труда вывести метрику одновременно из целого ряда основных ритмов (*мётра протότυπα* или *φυσικά* — по Юбе) и из гекзаметра и ямбического триметра — по Варрону и Цезию Бассу. Однако уже в риторических комментариях сказывается философский интерес автора. Полемика с арианами окончательно выводит на первый план собственное интеллектуальное усилие и программное утверждение «современной», небиблейской терминологии в попытке духовного проникновения в традицию: *liceat ergo de lectis non lecta componere* («итак, да будет позволено сочинять о прочитанном то, что еще не прочитано», *adv. Arium* 2, 7)². Таким образом расчищается путь для христианской философии на латинском языке.

Образ мыслей II

В *Adversus Arium* Марий Викторин в первый раз излагает в высшей степени последовательное и систематическое учение о Троице. Его можно понять только с точки зрения неоплатонизма, в то время как монархиане используют стоический словарь³, как следует и из писем «Кандида» и к нему. Став более

1. P. HADOT 1957.

2. P. HADOT 1957.

3. P. HADOT 1951.

личным с помощью мысли о воле, неоплатоническое понятие Бога образует единый сплав с христианским. Августин испытал влияние Викторина, но есть и различия¹: Марий Викторин воспринимает Сына как *voluntas Dei*, «волю Божию», Августин Св. Духа как *voluntas* между Отцом и Сыном.

К Марию Викторину восходит первый латинский комментарий к апостолу Павлу, за которым вскоре последуют так называемый *Ambrosiaster* (при папе Дамазе, 366—384 гг.), Иероним и Августин. По сравнению с Оригеном, на Западе мистическое познание и аллегореза скорее уходят на второй план; у Мария Викторина комментарий к *Посланию к галатам* выделяется своей трезвостью и близостью к тексту. Закон, грех, милость, вера (даже *sola fides*), этика — на первом плане. В Риме и Медиолане вновь открывают «антииудаистского» апостола Павла.

Викторин проявил при этом свои филологические и философские способности. С одной стороны, комментарий разрабатывает те мысли апостола Павла, которые приобретут особую значимость для Августина и благодаря Августину. Тем самым он начинает третий и до сих пор важнейший этап в чтении Павла: Иринеи и Тертуллиан читают его антимаркионистски, Ориген — антигностически, а Викторин истолковывает его антиариански. Но дело не ограничивается потребностями минуты: и за ее пределами речь вновь идет о христоцентризме, вере, милости, даже об освобождении.

С другой стороны, комментарий к Павлу важен для сближения неоплатонизма и христианства. Таким образом он истолковывает (к *Phil.* 2, 6) *forma dei*, «образ Божий», в смысле неоплатонического тринитарного учения (*esse, vivere, intelligere*, «бытия, жизни, понимания»). Объяснение первой главы *Послания к Ефессянам* также звучит по-платоновски: Викторин отважно открывает в Писании полное бессмертие (то есть предсуществование) души². Без сомнения, неоплатоническая философия служит ему для того, чтобы полностью понять текст и истолковать его для образованных и самостоятельно думающих читателей. Внутреннее оправдание такого подхода Викторин усматривает в конвергенции слова и дела: Откровение есть одновременно прафилософия; все дальше идет он по

1. Сейчас — D. N. BELL 1985.

2. Позднее Викторин не будет повторять эти мысли; его путь развития — от философа к теологу Писания.

пути от философии к теологии Писания, однако постепенно и не делая резких шагов. Некоторые вещи (без имени соперников) производят впечатление борьбы с манихеями (к *Gal.* 2, 19; к *Phil.* 2, 6—8) и арианами (к *Gal.* 1, 1). С последними Марий Викторин полемизировал отдельно в трактатах пятидесятых и шестидесятых годов.

Связующие звенья между Павлом и Платоном — ярко выраженное внутреннее понимание христианства и римский вкус к значимости субъективного, личного. Чтобы стать чистой и совершенной, душа должна сама познать Бога: эту основную августиновскую тему также предвосхищает Викторин. Здесь в платоновских терминах раскрывается латинская, западная проблематика. В своем противопоставлении вечности — как вечного существования — и переживаемого момента как от тиска вечности он сближается с августиновской философией времени. Правда, когда Викторин объясняет предопределение как предсуществование души, Августин — поздний — откажет ему в своем преемстве.

Традиция

Для *первого послания Кандида* и *ответа Викторина* лучшие свидетельства — *Bambergensis* Patr. 46, IX вв., и *Sangallensis* 831, X—XI в. Для *второго послания Кандида*, *Adv. Arīum, homous.* и гимнов у нас есть только *Berolinensis Phillipps* 1684, X в., и ценное для критики текста *Editio princeps* (см. ниже).

Старейшее свидетельство *комментариев* к апостолу Павлу — *Vaticanus Ottobonianus* Lat. 3288 A, XV в., а для комментария к *Посланию к Ефессянам* — вообще единственное. Написанный Иаковом Сирмондом († 1651 г.) *Parisinus, Nouvelles acquisitions lat. et franç.* 469, XVII в., вместе с *Ottobonianus* восходит к общему источнику, утраченному *Herivallensis*.

Ars grammatica мы обязаны *Vaticanus Palatinus* 1753, IX в. (его нужно дополнить копией, *Valentianus* 395, IX в.) и *Parisinus* Lat. 7539, IX в. У обоих был общий позднеантичный оригинал.

Для комментария к Цицерону, *De inventione*, основополагающие рукописи — *Coloniensis* 166 (olim *Darmstadtensis*), VII в., *Monacensis* 6400 (olim *Frisingensis* 200), X в., *Bambergensis* M. IV, 4, XI в.

De definitionibus есть в *Monacensis* 14272, X—XI в., в *Monacensis* 14819, X—XII в., и в *Bernensis* 300, XI—XII в.¹

1. О *Parisinus* nouv. acq. 1611, XI в.: G. SCHEPSS, Zu Marius Victorinus *De definitionibus*, *Philologus* 56, NF 10, 1897, 382—383.

Влияние на позднейшие эпохи

Марий Викторин — одна из крупнейших неизвестных величин латинской литературы. Он сообщает искусству светского перевода неслыханную доселе точность, он совершенствует латинский язык, делая его адекватным инструментом философской мысли. Он — основатель школьной философии в латинском ареале; он готовит языковой каркас для Средних веков. Его влияние сказывается на грамматике и риторике; но мало того: Августин обязан ему знанием неоплатонических трактатов, и в учении о Троице, предопределении и милости он испытывает воздействие Мария Викторина. Как мыслитель, разрабатывающий тринитарную доктрину, Викторин расчищает путь для средневековья, как близкий к тексту комментатор апостола Павла — для Нового времени.

Хотя Викторин и говорит, что не церковные стены делают христианина (*Aug. conf.* 8, 4), но через гимны Алкуина некоторые тринитарные формулы проникают в литургию¹.

Иероним холодно относится к творчеству Мария Викторина. С одной стороны, его отталкивает недостаточное его знакомство с предметом в экзегетике, с другой — слишком большая для догматика доля научности (*valde obscuros*, «весьма темные»)². В другом месте он как раз заимствует у него определение темноты³. Викторин во многих отношениях — противоположность Иерониму: он обращен вовнутрь, склонен к философии и — несмотря на свою профессию — не риторичен.

В особенности Викторин был влиятелен как ритор и логик. Его перевод *Isagoge* Порфирия Боэций сначала комментирует, а потом заменяет собственным переложением и вторым комментарием. У Боэция и Викторина общая посмертная жизнь, в частности, в творчестве Герберта Реймсского (X в.). Боэций вступает в соревнование и с комментарием к *Топике* Цицерона. Высокоценимым комментарием к *De inventione* пользуются среди прочих Кассиодор, Эйнгарт, Луп Феррьерский (IX в.), Иоганн Скотт Эриугена (IX в.: он владеет неким *Vambergen-*

1. P. HADOT, Marius Victorinus et Alcuin, АНМА 29, 1954, 5—19; P. HADOT, Les hymnes de Victorinus et les hymnes *Adesto* et *Miserere* d'Alcuin, АНМА 35, 1960, 7—16.

2. *In Gal. praef.*, *vir. ill.* 101.

3. *In Ezech.* 13.

sis, содержащим теологические труды¹, и исправляет его), Аббо де Флери (X в.), Ансельм Бесатский (XI в.), Бернард Сильвестр (XII в.). Ноткер Немец (X в.) свидетельствует о широкой популярности. Флодоард Реймский (X в.) упоминает в своих *Анналах* деятельность Викторина (10, 2. 24 сл.). Папиас (XI в.) пишет *De divisione diffinitionum ex Marii Victorini libro abbreviata*.

В творчестве Викторина латинская философия достигла наконец своей зрелости. Это похоже на арсенал, где собрано в готовности оружие для будущих времен. Расцвет римской духовной жизни и латинской литературы ок. 400 г. был бы немислим без школы четвертого века. В следующем столетии отцы средневековой Европы снова обратятся к нашему автору. Богослов Марий Викторин оказал неопенимое влияние на будущее через Августина; логик Марий Викторин сделает то же самое через Боэция; в блеске великих последователей его звезда закатится — он станет забытым *praeseptor* Еуропае, «наставником Запада».

Издания: *Adv. Arium, homous., hymn.* в: *Antidotum contra diversas omnium fere seculorum haereses*, ed. Io. SICHARDUS, Basileae 1528. * *In Gal., in Phil., in Eph.*: A. MAI, в: *Scriptorum veterum nova collectio*, 3, 2, 1, Roma 1828, 1—146 (= PL 8, 1145—1294). * *rhet.*: A. ZAROTTUS, Mediolani 1474. * B. DE TORTIS (с Cic. *inv.*), Venetiis 1481. * R. STEPHANUS, Paris 1537. * *gramm.* (только гл. 4: *De orthographia*): Io. SICHARDUS, Basileae 1527. * *gramm.*: J. CAMERARIUS (первое полное изд. *ars*), Tubingae 1537. * Все теологические произведения (включая *hymn.* и *phys.*): PL 8. * M. T. CLARK (П), *Theological Treatises on the Trinity*, Washington 1981. * Все грамматические произведения: GL 6, p. 3—215. * *rhet.*: C. HALM, *RhetLatMin*, Lipsiae 1863, p. 158—304; к этому Th. STANGL, *Tulliana et Mario-Victoriniana*, Programm München 1888. * *adv. Arium, homous., hymn.*: P. HENRY (Т), P. HADOT (ПК), SC 68—69, Paris 1960. * A. LOCHER, Leipzig 1976. * P. HENRY, P. HADOT, *Vindobonae* 1971 (= CSEL 83, 1). * P. HADOT, U. BRENKE (ППр), Zürich 1967. * *in Gal., in Phil., in Eph.*: A. LOCHER, Leipzig 1972. * *in Eph., in Gal., in Phil.*: F. GORI, *Vindobonae* 1986 (= CSEL 83, 2). * *gramm.*: I. MARIOTTI (ТК), Firenze 1967. * M. DE NONNO (см. вторичную литературу). * *Consentii Ars de barbarismi et metaplasmis. Victorini fragmentum De soloecismo et barbarismo*: M. NIEDERMANN, Neuchâtel 1937. * *isag.*: S. BRANDT, CSEL 48, *Vindobonae* 1906. * *Porphyrii Isagoges fragmenta M. Victorino interprete*, edd. L. MINIO-PALUELLO, adiuv. B. G. DOD, Bruges 1966 (= *Aristoteles Latinus* 1, 6—7). * *defn.*: Th. STANGL, *Tulliana et Mario-Victoriniana*, Progr. München 1888, p. 12—48. * A. PRONAY (ТПК), Frankfurt 1997.

1. A. LOCHER, ed., *Marii Victorini opera theologica*, Lipsiae 1976, S. viii слл. и S. xxxiv.

L. ABRAMOWSKI, Marius Victorinus, Porphyrius und die römischen Gnostiker, ZNTW 74, 1983, 108—128. * L. ADAMO, Boezio e Mario Vittorino traduttori e interpreti dell' *Isagoge* di Porfirio, RSF 22, 1967, 141—164. * D. N. BELL, *Esse, vivere, intelligere*, RecTh 52, 1985, 1—43. * E. BENZ, Marius Victorinus und die Entwicklung der abendländischen Willensmetaphysik, Stuttgart 1932. * K. BERGNER, Der *Sapientia*-Begriff im Kommentar des Marius Victorinus zu Ciceros Jugendwerk *De inventione*, Frankfurt 1994. * F. BÖMER, Der lateinische Neuplatonismus und Neupythagoreismus und Claudianus Mamertus in Sprache und Philosophie, Leipzig 1936, особенно 74—96. * M. T. CLARK, The Earliest Philosophy of the Living God. Marius Victorinus, PACPhA 41, 1967, 87—94. * M. T. CLARK, The Neoplatonism of Marius Victorinus, StudPatr 11, 1972, 13—19. * M. T. CLARK, The Psychology of Marius Victorinus, AugStud 5, 1974, 149—166. * M. T. CLARK, The Neoplatonism of Marius Victorinus the Christian, в: H. J. BLUMENTHAL, R. A. MARKUS, изд., Neoplatonism and Early Christian Thought. Essays in Honour of A. H. ARMSTRONG, London 1981, 153—159. * P. COURCELLE, Du nouveau sur la vie et les œuvres de Marius Victorinus, REA 64, 1962, 127—135. * P. COURCELLE, *Parietes faciunt christianos?*, в: Mélanges d'archéologie, d'épigraphie et d'histoire offerts à J. CARCOPINO, Paris 1966, 241—248. * H. DAHLMANN, Zur *Ars grammatica* des Marius Victorinus, AAWM 1970, 2, 33—192. * A. DEMPF, Der Platonismus des Eusebius, Victorinus und Pseudo-Dionysius, SBAW 1962, 3, 1—18. * M. DE NONNO, Tradizione e diffusione di Mario Vittorino grammatico, con edizione degli *Excerpta de orthographia*, RFIC 116, 1988, 5—59. * W. ERDT, Marius Victorinus Afer, der erste lateinische Pauluskommentator..., Frankfurt 1980. * F. GORI, Per il testo dei *Commentarii in Apostolum* di Mario Vittorino, RFIC 104, 1976, 149—162. * P. HADOT, Typus. Stoïcisme et monarchianisme au IV^e siècle d'après Candide l'Arien et Marius Victorinus, RecTh 18, 1951, 177—187. * P. HADOT, *De lectis non lecta componere*. Raisonement théologique et raisonement juridique, StudPatr 1, 1957, 209—220. * P. HADOT, Un vocabulaire raisonné de Marius Victorinus Afer, StudPatr 1, 1957, 194—208. * P. HADOT, L'image de la Trinité dans l'âme chez Victorinus et chez saint Augustin, StudPatr 6, 1962, 409—442. * P. HADOT, Porphyre et Victorinus, 2 тт., Paris 1968. * P. HADOT, Marius Victorinus. Recherches sur sa vie et ses œuvres, Paris 1971. * P. HENRY, Plotin et l'Occident: Firmicus Maternus, Marius Victorinus, saint Augustin et Macrobe, Louvain 1934. * P. HENRY, The *Adversus Arium* of Marius Victorinus, the First Systematic Exposition of the Doctrine of the Trinity, JThS NS 1, 1950, 42—55. * W. KARIG, Des C. Marius Victorinus Kommentare zu den paulinischen Briefen, теол. диссертация, Marburg 1924. * A. LABHARDT, Le problème de l'*ictus*, Euphrosyne 2, 1959, 65—75. * H. DE LEUSSE, Le problème de la préexistence des âmes chez Marius Victorinus Afer, RecSR 29, 1939, 197—239. * A. LOCHER, Formen der Textbehandlung im *Kommentar* des Marius Victorinus zum *Galaterbrief*, в: Silvae, FS E. ZINN, Tübingen 1970, 137—143. * B. LOHSE, Beobachtungen zum *Paulus-Kommentar* des Marius Victorinus und zur Wiederentdeckung

des Paulus in der lateinischen Theologie des 4. Jh., в: Kerygma und Logos. Beiträge zu den geistesgeschichtlichen Beziehungen zwischen Antike und Christentum, FS C. ANDRESEN, Göttingen 1979, 351–366. * R. A. MARKUS, Marius Victorinus and Augustine, в: A. H. ARMSTRONG, изд., The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy, Cambridge 21970, особенно 331–340. * E. PÖHLMANN, Marius Victorinus zum Odengesang des Horaz, Philologus 109, 1965, 134–140; повторно в: E. PÖHLMANN, Beiträge zur antiken und neueren Musikgeschichte, Frankfurt 1988, 135–143. * M. J. ROBERTS, The First Sighting Theme in the Old Testament Poetry of Late Antiquity, ICS 10, 1, 1985, 133–155. * M. SIMONETTI, All'origine della formula teologica una essenza — tre ipostasi, Augustinianum 14, 1974, 173–175. * A. SOLIGNAC, Réminiscences plotiniennes et porphyriennes dans le début du *De ordine* de saint Augustin, ArchPhilos 20, 1957, 446–465 (о выполненных Викторинном переводах Плотина). * A. H. TRAVIS, Marius Victorinus, A Biographical Note, HThR 36, 1943, 83–90. * A. VACCARI, Le citazioni del Vecchio Testamento presso Mario Victorino, Biblica 42, 1961, 459–464. * P. WESSNER, Marius Victorinus, RE 14, 2, 1930, 1840–1848. * W. K. WISCHMEYER, Bemerkungen zu den Paulusbriefkommentaren des C. Marius Victorinus, ZNTW 63, 1972, 108–120. * A. ZIEGENAUS, Die trinitarische Ausprägung der göttlichen Seinsfülle nach Marius Victorinus, München 1972.

ИЛАРИЙ ПИКТАВИЙСКИЙ

Жизнь, датировка

Иларий Пиктавийский, житель цивилизованной Галлии, получает основательное риторическое образование. Как позднее в случае с Августином, естественное (философское) познание Бога приводит его к христианству. Избранный в 340 г. епископом Пуатье, он пишет комментарий к *Евангелию от Матфея*. Ревностного поборника никейского исповедания арианские епископы требуют к суду за ересь, и император Констанций II ссылает его во Фригию. Не покорившись, он вновь берется за перо и на соборах в Селевкии и Константинополе (359 и 360 гг.) снова высказывается в защиту поборников Никейского Символа веры. Он пишет своим единомышленникам из числа галльских епископов (*De synodis*), а также императору (*Liber ad Constantium*). Двенадцать книг *De trinitate* имеют целью поразить основные положения ариан. Он собирает документы для обвинения тех, кто отстаивал их взгляды (*Liber adversus Valentem et Ursacium*). В 360 г. он возвращается в Галлию и везет с собой памфлет против Констанция (*Liber in Constantium imperatorem*),

который выходит в свет после смерти государя. Истолкование Ветхого Завета, выросшее из его преподавательской деятельности в Пуатье (комментарий к *Псалмам* и *Книге Иова*), и *Tractatus mysteriorum* используют мысли Оригена. Иларий вводит исполнение гимнов на латинском языке и основывает монашеское братство под руководством своего ученика Мартина. Он умирает в 367 или 368 г.

Обзор творчества

Экзегетические произведения: *In Matthaeum*; *In psalmos*; *Tractatus mysteriorum* (христологическое истолкование некоторых мест из Ветхого Завета).

Догматические произведения: *De trinitate*; *De synodis* (среди прочего вопрос о единсуции).

Пolemические произведения: *Collectanea antiariana* (сохранились фрагментарно); *Liber ad Constantium imperatorem* (просьба о позволении изложить на Константинопольском соборе истинное вероучение); *Liber in Constantium imperatorem* (страстный памфлет); *Contra Arianos vel Auxentium*.

Гимны: *Ante saecula qui manes*; *Fefellit saevam verbum factum te caro*; *Adae carnis gloriosa et caduci corporis*.

Источники, образцы, жанры

Источником *De trinitate* называют Евсевия Эмесского. На комментарии как с точки зрения материала, так и методически повлиял Ориген.

Цицерон не только источник образованности; он дает и категории — тема небесного *ornatus* (*in ps.* 134, 11), полярность *otium* и *negotium* (*in ps.* 64, 12). У Вергилия заимствуются понятия о Боге, который живет во всем, и о человеке как Его роде¹; что касается космологии, можно допустить мысль о воздействии Лукреция².

Написание гимнов, возможно, стимулировалось практикой Восточной церкви, с которой Иларий знакомится в изгнании. Новые песнопения утомительны для его галльских общин³.

1. J. DOIGNON 1989, 460 (лит.).

2. E. COFFINET, *Lucrèce et les conceptions cosmologiques de saint Hilaire de Poitiers*, в: *Antidorum* W. PEREMANS, Louvain 1968, 61–67.

3. Ср. W. BULST 1956, 8.

Христианская гимнография засвидетельствована рано. Гностики используют еще до Илария эту форму для догматического содержания.

Литературная техника

В отношении технических приемов у *De trinitate* есть точки соприкосновения с типом *Institutiones*: Иероним (*epist.* 70, 5) полагает, что Иларий в композиции этого трактата исходил из схемы квинтилиановой *Institutio oratoria*, также состоявшей из двенадцати книг. В 1, 20—36 есть резюме, напоминающее предпосланные изложению *capita rerum* у Плиния и Геллия. Вступления отдельных книг похожи на предисловия знаменитых риторических трактатов¹.

Свои полемические брошюры автор оживляет рассказами: в *Contra Arianos*, например, о произволе арианского епископа Авксентия.

Пафос памфлета против Констанция вызывает в памяти апокалиптическое настроение эпохи больших гонений: власть императора предстает как дело антихриста.

Сочетание стихотворений разной метрики в единый сборник (*liber hymnorum*: так Hier. *vir. ill.* 100) — горацанский принцип. С другой стороны, в гимнах отчасти используется неримская, восходящая к псалму 119 (118) алфавитная форма; доктринальный налет и в иных местах ослабляет поэтическое впечатление.

Язык и стиль

Иларий — умелый стилист среди латинских Отцов Церкви; он — мастер афористической остроты и иронии. Не только эффектная заключительная молитва в *De trinitate* отличается тщательностью риторической отделки².

Гимны связаны с римской традицией уже в силу своей метрики: два асклепиадовых дистиха образуют засвидетельствованную у Горация строфу (*hymn.* 1); есть и ямбический сенарий

1. Hil. *trin.* 6 *praef.*: Cic. *de orat.* 1, 1; Hil. *trin.* 12 *praef.*; Quint. *inst.* 10, 7, 23; J. DOIGNON 1989, 466.

2. J. DOIGNON, «L'esprit souffle où il veut» (Ioh. 3, 8) dans la plus ancienne tradition patristique latine, RSPH 62, 1978, 345—359.

(2), и *versus quadratus* (3); однако строфика 2 и 3 не имеет примеров в римской поэзии¹: двустигия, написанные ямбическим сенарием (2), и трехстигия — трохеическим септенарием (3). Нет недостатка в метрических вольностях (особенно в первом гимне). Начиная со второго, по-видимому, складывается новый стиль.

Образ мыслей I Литературные размышления

Иларий, как и Ориген, убежден в необходимости духовного истолкования Ветхого Завета. Тексты вроде *altius intellegere*, «понимания более глубокого смысла», связываются с Христом, церковью и «человеком духовным». Пророческое чувство (например, в псалмах) не исчерпывается историей. Скорее в них типологически предвосхищается «будущий мир»².

В *Гимнах* можно усмотреть истоки христианской поэтики³.

Образ мыслей II

С философской точки зрения в трудах Илария Пиктавийского центральное место занимают учение о Троице и христология. Он, конечно, страстный антиарианец, но достаточно осторожен, чтобы в вопросе о единосутии искать формулу, приемлемую для большинства.

Характерен перенос понятий римского права в богословие, например, при *distinctio personarum*, «различении лиц» в *De trinitate*⁴.

Традиция

De mysteriis и гимны сохранились только в Aretinus (Arezzo, Bibl. com. VI 3, XI в.); они были впервые напечатаны в 1887 г.

В остальном мы укажем только важнейшие рукописи, которые содержат *De trinitate*: четыре кодекса восходят ко времени ок. 500 г.: Vaticanus, Arch. S. Pietro D 182 (= B); Paris. lat. 8907 (= C); Paris. lat. 2630

1. W. BULST 1956, 8.

2. Примеры у J. DOIGNON 1989, 456 сл.

3. J. FONTAINE, L'apport de la tradition poétique romaine à la formation de l'hymnodie latine chrétienne, REL 52, 1974, 318—355.

4. J. DOIGNON 1989, 464.

(= D); Veronensis, Bibl. capit. XIX (= V). Кодексы VCD содержат корпуса: В — *trin.*, *in Const.*, *ad Const. I-II*, с. *Aux.*; в С находятся *trin.*, с. *Aux.*, *syn.*; D включает *trin.*, *syn.* К этому добавляются фрагменты значительной древности. Проблемы традиции не отличаются простотой¹.

Влияние на позднейшие эпохи

Руфин считает Илария *lenis et placidus* («мягким и спокойным», *hist.* 1, 31), что звучит прямо-таки иронично, учитывая страстные сочинения нашего автора. Августин и Иероним хвалят его мужество исповедника. Из *confessor* нашего автора производят в *doctor* (*Aug. c. Iul.* 2, 8, 28) и, наконец, в *sanctus* (*Cassiod. inst.* 18); Венанций Фортунат прославляет его в *Vita S. Hilarii* и *De virtutibus S. Hilarii*. На *De trinitate* ссылаются многие крупные богословы средневековья и еще Лютер и Кальвин².

Издания: G. CRIBELLUS, Mediolani 1482 (не полностью; позднейшие editiones principes см. соотв. труды). * PL, 9, 1844, и 10, 1844. * *ad Const.*: A. FEDER, CSEL 65, 1916. * *c. Const.*: A. ROCHER (ТППР), Paris 1987 (= SC 334). * *hymn.*: J. F. GAMURRINI, Roma 1887 (см. *myst.*). * A. FEDER, CSEL 65, 1916. * W. BULST (TK), Hymni Latini antiquissimi, Heidelberg 1956. * *in Matth.*: BADIUS ASCENSUS, Paris 1510 (ed. princ.) * J. DOIGNON (ТППР), Paris 1978 и 1979 (= SC 254 и 258). * *myst.*: J. F. GAMURRINI, Roma 1887 (ed. princ.). * A. FEDER, CSEL 65, 1916. * A. HAMMAN, PLS 1, 1958. * J. P. BRISSON (ТППР), Paris 1965 (= SC 19^{bis}). * *op. hist. frag.*: N. LE FÈVRE, Paris 1598 (ed. princ.). * A. FEDER, CSEL 65, 1916. * *in psalm.*: BADIUS ASCENSUS, Paris 1510. * A. ZINGERLE, CSEL 22, 1891. * *trin.*: P. SMULDERS, CC 62–62 A, Turnholt 1979; 1980. * S. MCKENNA (П), Washington 1968. ** *Indices* (не полн.): см. издания, особенно A. FEDER и BRISSON. ** *Библ.*: основопол. DOIGNON 1989 (см. ниже).

G. BARDY, Un humaniste chrétien, saint Hilaire de Poitiers, RHE 27, 1941, 5–25. * C. F. A. BORCHART, Hilary of Poitiers' Role in the Arian Struggle, Den Haag 1960. * H. C. BRENNECKE, Hilarius von Poitiers und die Bischofsopposition gegen Konstantius II., Berlin 1984. * W. BULST, Hymni Latini antiquissimi LXXV, Psalmi III, Heidelberg 1956. * M. F. BUTRELL, The Rhetoric of Saint Hilary of Poitiers, Washington 1933. * J. DOIGNON, HLL 5, 1989, § 582. * J. FONTAINE, La nascita dell'umanesimo cristiano nella Gallia romana, RSLR 6, 1970, 18–39. * P. GALTIER, Saint Hilaire de Poitiers, le premier docteur de l'Eglise latine, Paris 1960. * E. GOFFINET, L'utilisation d'Origène dans le *Commentaire des Psaumes* de saint Hilaire de Poitiers, Louvain 1965. * E. R. LABANDE, изд., Hilaire de Poitiers, évêque

1. Лит. *ibid.* 462 сл.

2. Примеры *ibid.* 467 сл.

et docteur (368—1968). Cinq conférences données à Poitiers à l'occasion du XVI^e centenaire de sa mort, Paris 1968. * E. R. LABANDE, изд., Hilaire et son temps. XVI^e centenaire de la mort de saint Hilaire. Actes du Colloque de Poitiers (1968), Paris 1969. * G. M. NEWLANDS, Hilary of Poitiers. A Study in Theological Methods, New York 1978. * E. WATSON, The Life and Writings of Saint Hilary of Poitiers, Oxford 1899.

АМВРОСИЙ

Жизнь, датировка

Амвросий — историческая личность, а не только персонаж из истории литературы. Он родился в 339/40 (или 333/34 г.¹) в Трире, в знатной семье; его отец был *praefectus praetorio Galliarum*; однако древнеримское родовое имя *Авфелий* не может служить абсолютным доказательством древности его фамилии. Он — первый латинский церковный писатель, чьими родителями были христиане. Рано потеряв отца, Амвросий сопровождает свою мать в Рим; там он учится, успешно занимается красноречием и начинает свою политическую карьеру. Уже в молодости он становится наместником (*consularis*) Эмлии и Лигурии с резиденцией в Медиолане. Когда в 374 г. ариане и католики не смогли договориться о едином епископе, он устремляется в церковь, чтобы на правах своей должности водворить порядок. Обе партии спонтанно избрали его епископом, хотя он еще не был крещен. Сначала он колеблется, принимать ли предложение — в частности и потому, что он предпочел бы вести философическую жизнь (Paulin. *Med., vita Ambr.* 7—9). Знакомый с неоплатонизмом ученик Мария Викторина Симплициан вводит его в круг церковных обязанностей. Как епископ Амвросий с твердостью придерживается никейского исповедания; однако он достаточно умен, чтобы привлечь на свою сторону весь клир своего предшественника-арианина, так что медиоланские священники дружно поддерживают его. Он был самостоятельным и часто неудобным советником императоров Грациана, Валентиниана II и Феодосия I.

Амвросий победоносно сражается на три фронта: он преодолевает арианский церковный раскол, он указывает язы-

1. Об этом M. ZELZER 1987, 203, прим. 4.

честву строгие границы и представляет идею независимости церкви даже от государя. Аквилейский собор, на решения которого он повлиял самым непосредственным образом, дистанцируется от ариан. Речь при этом идет не только о божественности Христовой, но и о свободе церкви от государственного вмешательства. Он противится желанию императрицы Юстины отвести арианам в Медиолане церковное здание. По его инициативе помещение занимает народ, который он мобилизует новыми церковными песнопениями и эксгумацией мощей мучеников¹.

В борьбе против древнеримской религии Амвросий устраивает планы консерваторов восстановить в курии алтарь Победы и оказать государственную финансовую поддержку языческим культам. В связи с этим *relatio* Симмаха — волнующий документ погибающего язычества. Чтобы понять позицию Амвросия (*epist.* 17 сл.)², нужно не забывать, что тогда государство не выделяло церкви финансовых субвенций. Нужно знать также и его богословские взгляды. Традиционные божества в его глазах — создания демонических сил, в чьей реальности он убежден, а вовсе не простые литературные образы. Приверженцы сенатской партии проигрывают свою игру в 394 г. вместе с узурпатором Евгением.

Мужество епископа не оставляет его и перед лицом православного государя: «Император не над церковью, а в церкви»³. Дважды Амросий заставлял Феодосия Великого преклонить колена. Один раз цезарь должен был отозвать декрет, согласно которому христиане в Каллинике на Евфрате обязывались восстановить разрушенную ими синагогу (388 г.). Более интересен следующий случай: при волнениях в Фессалонике государь покарал народ за убийство римских должностных лиц, устроив в цирке кровавую резню. Амвросий потребовал официального покаяния, и император смирился⁴. Таким образом Амвросий следил за тем, чтобы церковь сохраняла относи-

1. G. GOTTLIEB, *Der Mailänder Kirchenstreit von 385—386. Datierung, Verlauf, Deutung*, MH 42, 1985, 37—55; античные свидетельства у G. NAUROY, *Le jouet et le miel. Le combat d'Ambroise en 386 contre l'arianisme milanais*, RecAug 23, 1988, 3—86.

2. О споре об алтаре Победы (с текстами) R. KLEIN 1972; H. A. POHLSANDER, *Victory, The Story of a Statue*, Historia 18, 1969, 588—597.

3. *C. Aux.* 36; ср. также *epist.* 21; 51.

4. *Obit. Theod.* 34; ср. *epist.* 51.

тельную независимость от государства. Почувствовав приближение смерти, он сложил свой епископский сан и передал его своему ментору Симплициану (397 г.).

Обзор творчества

Амвросий — многосторонний писатель. Его произведения по большей части выросли из проповедей. *Экзегетические* труды преимущественно относятся к Ветхому Завету. В более зрелом возрасте (после 386 г.) он обращается к *Евангелию от Луки*.

Из его *морально-аскетических* работ наиболее известна *De officiis ministrorum*. Аскетическому интересу Амвросия способствовала его сестра, ставшая монахиней: *De virginibus ad Marcellinam sororem; Exhortatio virginitatis; De institutione virginis et S. Mariae virginitate perpetua; De viduis; De virginitate*. С точки зрения истории права интересны *De Nabuthe Iezraelita* (против алчности) и *De Tobia* (против ростовщичества).

В догматических произведениях проявляется строгая приверженность никейскому исповеданию: *De fide; De spiritu sancto; Explanatio symboli ad initiandos* (3 редакции); *De incarnationis dominicae sacramento*. Таинства посвящены *De mysteriis*.

Надгробные речи продолжают традицию *laudatio funebris*, например, две книги на смерть брата Сатира (379 г.) и некрологи Валентиниану II (392 г.) и Феодосию Великому (395 г.).

Contra Auxentium de basilicis tradendis — политический памфлет.

91 *письмо* — переписка епископа в полном смысле слова. Однако первые девять книг не затрагивают сферу высокой политики; они были изданы ок. 394 г.; десятая книга вышла в свет после смерти Феодосия (весной 395 г.). Не включенная переписка с императором, указывающая на разногласия с ним, была позднее издана отдельно — по-видимому, Паулином Медиоланским, секретарем и биографом Амвросия¹.

Из *гимнов* некоторые вызывают сомнения в своей подлинности.

Утраченные произведения

De philosophia была, возможно, юношеской работой.

Неподлинны произведения

Большое значение имеет сочиненный не Амвросием комментарий к 13 посланиям апостола Павла, автора которого обычно называют *Ambrosiaster*. Он относится ко времени папы Дамаза (IV в.) и ориентируется на дословный смысл — важный документ!

Неподлинное *Mosaicarum et Romanarum legum collatio* сыграт свою роль для средневекового церковного права.

1. R. KLEIN 1970.

Под вопросом подлинность, например, *De sacramentis*¹, *De moribus brahmanorum*² и *Explanatio symboli ad initiandos*³.

Источники, образцы, жанры

Амвросий получил солидное классическое образование и свободно читает по-гречески; он удивительно сведущ в философии. Как показывают достаточно большие дословные совпадения, он, должно быть, читал Плотина, Порфирия, пифагорейца Секста⁴ и частично Платона. Занятия своей молодости — вероятно, когда он написал *De philosophia* — он продолжает и после крещения: пользуясь помощью Симплициана, он прорабатывает греческие богословско-экзегетические источники и усваивает их основные положения: наряду с Филоном и Оригеном сюда входит и св. Василий со своим *Hexaemeron*, истолкованием сотворения мира. Как и переводчик Оригена Руфин, он обладает талантом освобождать свои оригиналы от иудейских и греческих особенностей и приспособлять их для использования в церковной жизни.

Из латинских авторов он предпочитает Цицерона и Вергилия. Как оратор он черпает материал из речей⁵: определяющее значение для него имеет *De officiis* (см. разд. *Литературная техника*); *Сон Сципиона* он, может быть, читает уже с комментарием Макробия⁶. К этому добавляется трактат Апулея *De Platone*.

Амвросий занимается обычными в его время жанрами церковной прозы. Для композиции сборника писем (не для языка!) он выбирает в качестве образца Плиния⁷.

Он оказывает решающее влияние на жанр гимна — основной тип средневековой лирики (здесь наложило отпечаток и сирийское церковное пение).

1. Против подлинности: K. GAMBER, Die Autorschaft von *De sacramentis*, Regensburg 1967; за авторство Амвросия J. SCHMITZ, Zum Autor der Schrift *De sacramentis*, ZKTh 91, 1969, 59—69 и 589; против вновь K. GAMBER, ZKTh 91, 1969, 587—589.

2. За подлинность F. F. SCHWARZ, Alexanders Gespräch mit den Brahmanen (*Vita brahmanorum sancti Ambrosii*), eingel. und erkl., Litterae Latinae 31, 1975—1976, 1—16.

3. K. GAMBER, Geht die sog. *Explanatio symboli ad initiandos* tatsächlich auf Ambrosius zurück?, ByzF 2, 1967, 184—203 (= FS F. DÖLGER, 2).

4. G. MADEC 1974, 316 сл.

5. M. TESTARD 1985.

6. Иначе M. FUHRMANN 1963.

7. M. ZELZER 1987, 226.

Литературная техника

Как писатель Амвросий — мастер «техники коллажа»: помещение оригеновского аллегорического толкования в отрывок из трактата Платона (с устранением всего «еретического» или языческого) свидетельствует о незаурядной ловкости (см. разд. *Образ мыслей*). Сознательное использование целых пассажей из других авторов напоминает римские базилики, где «колонны и перекрытия различного вида и происхождения производят единое и яркое впечатление»¹.

В истолкование *Книги Бытия* по Василию Амвросий вставляет описания природы и образы из животного мира как моральные примеры; при этом вергилиевские реминисценции особенно обильны². Литературно-поэтическую наглядность усиливают также ссылки на Теренция, например, состояние души Федрии в *Евнухе* (*paenit.* 2, 96, 47)³. Рассказы как *exempla* оживляют аскетические произведения.

В *De officiis ministrorum* трехтомное произведение Цицерона христианизируется в полном объеме; это литературная программа, которую следует воспринимать серьезно. Уже число книг — то же самое; посвящению сыну соответствует дедикация «сыновьям», то есть священникам. Словарь сохраняется прежний, но вместо стоического наполнения он получает христианское; например, слово *fides* вместо «верности договору» (*Cic. off.* 1, 23) означает «веру» (*Ambros. off.* 1, 29, 142) и остается основой справедливости⁴. Только в предисловии место языческого *oratio* занимает его христианская противоположность — *silentium*, «молчание». Римские примеры повсюду заменены библейскими. В отличие от Цицерона, который — как позднее Пелагий — делает акцент на собственных нравственных усилиях человека, Амвросий везде предполагает «предупредительную благодать», действующую раньше наших усилий и которые без нее невозможны.

Как и следовало ожидать, в некрологах обнаруживается весь аппарат *laudatio funebris* и античной литературы *consola-*

1. H. EIBL, *Augustin und die Patristik*, München 1923, 280.

2. L. ALFONSI, *L'ecphrasis ambrosiana del «libro delle api» virgiliano*, *VetChr* 2, 1965, 129—138.

3. P. COURCELLE, *Ambroise de Milan face aux comiques latins*, *REL* 50, 1972, 223—231.

4. Cp. R. SAUER, *Studien zur Pflichtenlehre des Ambrosius von Mailand*, диссертация, Würzburg 1981, 113—118.

ти¹. Однако автор умеет тонко нюансировать текст: место цитероновско-стоического *secundum naturam vivere*, «жить в согласии с природой», занимает *gratiam referre* («принести благодарность», *exc. Sat.* 1, 45–48). Стоическая мудрость как «знание божественных и человеческих вещей»² заменяется способностью различать божественное и человеческое (*exc. Sat.* 1, 48); весьма характерное для епископа смещение акцентов!

Следует быть осторожным, предполагая у Амвросия механический способ работы и произвольные расширения. Исследование речи в честь покойного Феодосия доказало, что наш автор обладает в полной мере «античным чувством формы»³.

Это можно увидеть и в сборнике писем, чья композиция ориентируется на плиниевскую. Как и у предшественника, схема — 10 (= 9 + 1) книг, из коих последняя содержит письма к императорам и предназначена для освещения публичной деятельности автора⁴. Здесь мы также имеем дело с собранием первоначально независимых друг от друга текстов.

Язык и стиль

Для стиля⁵ Амвросия (как и остальных Отцов Церкви) характерна риторическая отделка; по сравнению с *elegantia* язычни-

1. F. ROZYNSKI, Die Leichenreden des hl. Ambrosius, insbesondere auf ihr Verhältnis zur antiken Rhetorik und den antiken Trostschriften untersucht, диссертация, Breslau 1910; Ch. FAVEZ, La consolation latine chrétienne, Paris 1937; S. RUIZ, Investigationes historicae et litterariae in Sancti Ambrosii *De obitu Valentiniiani* et *De obitu Theodosii* imperatorum orationes funebres, диссертация, München (1969) 1971; о влиянии утраченного *Consolatio* Цицерона в *exc. Sat.* M. ZELZER 1987, 210–213.

2. Cic. *Tusc.* 4, 57; *off.* 1, 153; 2, 5, SVF 2, 35; 36; 1017.

3. W. STEIDLE, Die Leichenrede des Ambrosius für Kaiser Theodosius und die Helena-Legende, VChr 32, 1978, 94–112, особенно 112.

4. Более пристально занимается подробностями (в том числе нумерологическими) J. P. MAZIÈRES, Un principe d'organisation pour le recueil des *Lettres* d'Ambroise de Milan, в: Y. M. DUVAL, изд., 1974, 199–218 и *Les lettres* d'Ambroise de Milan à Irénée, Pallas 26, 1979, 103–114.

5. О языке и стиле: M. F. BARRY, The Vocabulary of the Moral-Ascetical Works of St. Ambrose. A Study in Latin Lexicography, диссертация, Washington 1926; M. A. ADAMS, The Latinity of the Letters of St. Ambrose, диссертация, Washington 1927; M. T. SPRINGER, Nature Imagery in the Works of St. Ambrose, диссертация, Washington 1931; M. R. DELANEY, A Study of the Clausulae in the Works of St. Ambrose, диссертация, Washington 1934; L. T. PHILLIPS, The Subordinate Temporal, Causal, and Adversative Clauses in the Works of St. Ambrose, диссертация, Washington 1937; J. H. GILLIS, The Coordinating Particles in Saints Hilary, Jerome, Am-

ка Симмаха, он больше претендует на простоту (*epist.* 18, 2), но эта претензия остается неисполненной. На Августина, который слушал Амвросия, его ораторская манера произвела глубокое впечатление; Иероним, который больше считается с письменными текстами, не слишком высоко ценит Амвросия как стилиста¹. Искусственное одушевление языка удается, по видимому, менее всего в догматических работах, желающих быть корректными, хотя и можно усмотреть определенное обаяние в их почти юридической формальной строгости.

Если судить о стиле по часто многоречивым экзегетическим трактатам, то частично мы имеем дело с записями² действительно произнесенных проповедей; при этом исполнение и личность оратора во многом определяют впечатление. С другой стороны, мы знаем (*epist.* 47, 3), что Амвросий часто писал собственноручно. Кроме того, утонченное искусство сочетания различных источников и словарь с двойным дном не дают возможности говорить о чистой импровизации: экзегет вполне сознательно отдает предпочтение метафорам, общим для платоников и христиан (см. разд. *Образ мыслей*). В отличие от догматических произведений, здесь иногда можно обнаружить «нежный» стиль, подчас затрагивающий поэтическую сферу. Но этот необычный человек находит и иные возможности для совмещения прозы и поэзии.

Что касается писем, то о них известно, что Амвросий, прежде чем издавать, отправил их для стилистического — и богословского — просмотра своему другу, опытному литератору Сабину, епископу Плаценции (*epist.* 48, 1), и что сборник должен был удовлетворить высоким литературным требованиям также и своей композицией. Исследование языковых *minutiae*, «мелочей», кажется, позволяет отличить письма для собора, написанные под влиянием Амвросия, но не лично им, от подлинных³.

brose, and Augustine, диссертация, Washington 1938; B. RİPOSATI, *Lingua e stile nelle opere oratorie di Sant'Ambrogio*, в: *Sant'Ambrogio nel XVI centenario della nascita*, Milano 1940, 239—305; G. BARTELINK, *Sprachliche und stilistische Bemerkungen in Ambrosius' Schriften*, WS 92, NF 13, 1979, 175—202.

1. Он говорит, что будет хранить о нем молчание (*vir. ill.* 124), *ne in alterutram partem aut adulatio in te reprehendatur aut veritas*, «чтобы не заслужить упрека ни в ты, ни в другую сторону — ни за лесть, ни за правду».

2. Ср. Н. HAGENDAHL, *Die Bedeutung der Stenographie für die spätlateinische christliche Literatur*, JbAC 14, 1971, 24—38.

3. G. C. MENIS, *La lettera XII attributa a Sant'Ambrogio e la questione marcia-*

Особенно сильное впечатление производят гимны. Они написаны акаталектическими ямбическими диметрами; до Амвросия этот размер не засвидетельствован в строфах по четыре стиха, что, правда, не доказывает принадлежность ему этой строфы. Каждый гимн включает восемь строф. Будучи преобразователем христианской лирики, начало которой положил Иларий Пиктавийский¹, Амвросий находит одновременно простое и благородное, доступное народу и исполненное достоинства сочетание слова и музыки — шедевр, который не всегда удается авторам популярных религиозных распевов.

Образ мыслей I Литературные размышления

В традиции александрийцев — Филона и Оригена² — Амвросий обращается к аллегорическому истолкованию Ветхого Завета, более того — он считает типологически-сотериологическую аллегорезу — и соответственное историко-философское толкование — высшей и единственной подлинно богословской формой истолкования Св. Писания; единственное, на что он обращает внимание при чтении Ветхого Завета — Христос³. Таким образом Отец Церкви устраняет то, что могло бы показаться слушателям морально предосудительным, и делает возможным обращение — скажем, Августина. С другой стороны, он следует за Василием, который заботится о буквальном понимании в духе антиохийской школы и продумывает даже разночтения. Моральное истолкование, занимающее среднее положение между этими методами, теоретически пользуется меньшим уважением, но на практике им не пренебрегают.

na aquileiese, RSCI 18, 1964, 243–253 (o *nam/enim, igitur/ergo, licet, ideoque*; период, прозаический ритм).

1. J. FONTAINE, Les origines de l'hymnodie chrétienne latine d'Hilaire de Poitiers à Ambroise de Milan, Revue de l'Institut catholique de Paris 14, 1985, 15–51; W. FAUTH, Der Morgenhymnus Aeternae rerum conditor des Ambrosius und Prudentius cath. 1, JbAC 27/28, 1984–1985, 97–115.

2. Конечно, Ориген не ограничивается аллегорезой; напротив, именно он тщательно работает и над буквальным истолкованием.

3. Вспомним *Testimonia* Киприана, которые преследовали аналогичную цель.

Образ мыслей II

Амвросий решительным образом делает философию служанкой религии. Философское истолкование дельфийской надписи «Познай себя» он воспринимает через неоплатонизм и применяет к христианскому искуплению¹. За «логическим» восприятием неоплатонизма у Мариа Викторина следует, таким образом, сотериологическое. Философское содержание преобразуется в духе церковной догматики: если Плотин говорит о предсуществовании души, ее сущностном родстве с Богом и ее духовной родине (ср. *enp.* 1, 6, 5; 1, 6, 8), то Амвросий подчеркивает мысль о творении (*Isaac* 8, 79): *solem nisi sanus* «солнце только здоровый» (вместо платоновского «солнечный») *et vigenz oculus non aspicit*, «и сильный глаз видит» (аналогично *Aug. solil.* 1, 14, 25); *illic patria nobis et illic pater, a quo creati sumus*, «там наше отечество и наш отец, кем мы созданы» (*Ambr. ibid.* 8, 78; ср. *Aug. quant. an.* 1, 2). В *De Isaac vel anima* представление о «внутреннем человеке»² из платоновского Государства (9, 589 А–В) сплавляется с таковым же *Послания к римлянам* (7, 22). Епископ использует также метафору полета, которая относится к общему достоянию Платона и Библии³. Как и у Плотина (*enp.* 3, 5, 9, 15), с умопостигаемым сочетается представление о богатстве⁴. К Платону восходит и нематериальное представление о Боге, мистерия просветления, а также объяснение зла как «недостатка блага»; эта плодотворная мысль (из *De Isaac vel anima*) падает на плодородную почву у Августина⁵.

В *Hexaemeron* Амвросий ставит Св. Писание выше природы. Мудрость какого-нибудь Платона и других философов он — в духе доброй традиции Отцов Церкви — объясняет влиянием Библии⁶. Однако и в медицинской области он обладает солидными знаниями (вероятно, в конечном счете почерпнутыми из Галена и Григория Нисского); формирование образа врача

1. Н. DÖRRIE 1964 подчеркивает, что образцом был Порфирий. Напротив, P. COURCELLE во многих работах указывал на прямую зависимость от Плотина.

2. О тематике несколько иначе G. MADEC, *L'homme intérieur selon saint Ambroise*, в: Y. M. Duval, изд., *Ambroise de Milan. XVI^e centenaire de son élection épiscopale. Dix études*, Paris 1974, 283–308.

3. R. T. OTTEN 1966.

4. *Isaac* 5, 19; кроме того, *Math.* 6, 20; ср. также *Aug. epist.* 3, 2.

5. *Aug. c. Iul.* 1, 9, 44; *c. Iul. op. imperf.* 4, 109.

6. *Ambr. off.* 1, 12, 44; 1, 21, 94; 1, 28, 133 сл.; 1, 36, 180; 2, 2, 6; P. COURCELLE 1976, 189.

по Христу делает для него возможным создание новой врачебной этики (*Nab.* 8, 40; *Hel.* 20, 75); ведь языческая медицина была доступна почти исключительно богатым¹.

Его письма и трактаты тесно связаны с жизнью; ценными историческими источниками являются, например, траурные речи в честь его брата Сатира и императоров Валентиниана и Феодосия. Цель публикации переписки с императором (книга 10) и речи в память Феодосия заключается в том, чтобы у сыновей императора и регента Стилихона перед глазами был образ гармонических взаимоотношений между епископской и императорской властью — об этом свидетельствует и невключение тех писем (сохранившихся в иной традиции), где речь шла о разногласиях во мнениях.

В духовном облике Амвросия древнеримские представления о ценностях в некоторых аспектах проявляются еще ярче, чем у ранних Отцов. По отношению к войне он — один из первых христиан — полностью стоит на почве римской традиции, что исторически неизбежно после обращения Константина. Как и Цицерон, он признает *ius belli*, «право войны»: должно вести оборонительные войны, однако же не приобретая преимуществ несправедливым путем; договоры следует соблюдать, побежденных — щадить. Пацифизм², свойственный ранней христианской литературе, он ограничивает рамками частной жизни, где запрещает даже необходимую оборону (*off.* 3, 4, 27). Он осуждает гражданские войны, но по отношению к «естественным врагам» — нехристианам и неримлянам — позволительны война и ростовщичество (*Tob.* 15, 51). Амвросий хвалит отвагу на войне (*off.* 1, 41, 201). Кажется, он иногда молчаливо одобряет насильственные меры против иноверцев, однако открыто дистанцируется от казни еретика Присциллиана (*epist.* 26, 20 объясняет «подкладку» его мягкости). Поскольку всемирная и церковная история к его времени совпали, Амвросий может себе позволить быть римским патриотом, но никоим образом не слугой государя. На практике он придерживается пассивного сопротивления: *tradere basilicam non possum, sed pugnare non debeo* («я не могу передать базилику, но не должен сражаться», *epist.* 20, 22).

1. G. MÜLLER, *Arzt, Kranker und Krankheit bei Ambrosius von Mailand*, *Sudhoffs Archiv (AGM)* 51, 1967, 193—216.

2. Ср. Tert. *apol.* 37, 5; *idol.* 19, 3; *coron.* 11, 2; Orig. *c. Cels.* 2, 30; 3, 8; 8, 73; Lact. *inst.* 6, 20, 15 сл.

В его поведении есть еще одна римская черта — он не дает казуистических предписаний на все случаи жизни. В духе языка землемеров он создает понятие «кардинальных добродетелей» (*exc. Sat.* 1, 57): они задают тон, поскольку от *cardo maximus* («главная ось») отсчитывали поперечные и продольные оси (*cardines* и *decumani*) по точкам пересечения. Этика для него — истолкование воли Божией; это почти юридический подход, к тому же с поиском прецедентов. В своей собственной теории и жизни он применил мировоззрение древнеримского магистрата к своему христианскому и пастырскому долгу — метаморфоза исторического значения.

Традиция

Поскольку Амвросий написал много, в обзоре традиции мы вынуждены будем ограничиться лишь самыми общими указаниями¹. Впечатляет не только обилие кодексов (только для *in XII psalm.* мы располагаем более чем 100 рукописями), но и древность некоторых из них:

exc. Sat., patr. (Boulogne-sur Mer 32, VII в.).

hex.: мы располагаем фрагментами Aurelianensis; остальные рукописи распадаются на два класса; старейшая из лучших — Cantabrigiensis, Corp. Chr. 193, VIII в.

Iac., Isaac, obit. Valent., parad.: Audomaropolitanus (= St. Omer) 72, VIII–IX вв.; Paris. lat. 1913, olim Colbertinus, IX в., и др.

in Luc.: Bobiensis, VII в.

Iob.: Paris. lat. 1732, VIII в.

myst.: Remensis 376, IX в.

obit. Theod.: Berol. theol. lat. 20, 908, IX в., и др.

off.: Herbipolitanus (Würzburg), Ms. theol. 7, IX в.; Monacensis lat. 14641, VIII–IX в.

ymb., sacr.: Sangallensis 188, VII/VIII вв., и др.

Влияние на позднейшие эпохи²

Амвросий передал Западу греческое наследие в большом объеме. Благодаря его способности подавать сомнительные источники в догматически безупречном виде он весьма способство-

1. Для писем: M. ZELZER, Mittelalterliche «Editionen» der Korrespondenz des Ambrosius als Schlüssel zur Überlieferung der Briefbücher, WS 96, NF 17, 1983, 160–180.

2. О влиянии: P. CHERUBELLI, Sant'Ambrogio e la Rinascita. Fonti manoscritte, edizioni a stampa e iconografia del Santo nei secoli XIV, XV e XVI, в: Sant' Ambrogio nel XVI centenario della nascita, Milano 1940, 571–592.

вал распространению интеллектуальных достижений Плотина и Филона. Он производит глубокое впечатление на Августина, которому облегчает обращение своей компетентностью в платонизме и аллегорическим объяснением Ветхого Завета; проповеди об *Исааке* Августин, вероятно, слышал сам; от Амвросия, одного из тех, кто снова открыл апостола Павла, Августин зависит в своем учении о первородном грехе и милости.

Вскоре после смерти Амвросия — по желанию Августина — Паулин Медиоланский создает *Жизнеописание*. Еще одно сохранилось от каролингской эпохи в *Codex Sangallensis* 569, IX в.¹ Иконографический атрибут святого — бич, поскольку его мужественное выступление против ариан сопоставляли с изгнанием торгующих из храма (*Ioh.* 2, 14—15). С именем Амвросия связано утверждение церкви как исповеднической; благодаря его стремлению к догматической корректности его труды смогли стать общим фундаментом для Западной и Восточной церкви. Успешная защита самостоятельности церкви и ее морального авторитета перед лицом государственной власти — также его заслуга. На изображениях эпохи Контрреформации мы видим епископа, который с крестом в руке запрещает императору войти в церковь. Мозаичный портрет², созданный вскоре после его смерти, в посвященном ему храме в Милане запечатлел Амвросия — в печали по умершему брату — с более человеческой стороны. История его жизни представлена там же на золотом алтаре Вольвина (создан до 859 г.)³.

Произведение *De officiis ministrorum* Исидор не использует в своем *De ecclesiasticis officiis*, зато Фома Аквинский (*Summa theologica, pars 2*) штудировал его, а один из видных преемников Амвросия, миланский архиепископ Карло Борromeо (XVI в.), рекомендует этот трактат для чтения.

Необозримо велико влияние этой трезвой личности на поприще муз: Амвросий стоит у истоков средневековой гимнической поэзии — расцвета латинской и народной лирики, а также у истоков истории западной музыки⁴.

1. A. PADERI, изд., *Vita e meriti di Sant'Ambrogio. Testo inedito del secolo nono* (ТП), illustrato con le miniature del Salterio di Arnolfo, Milano 1964.

2. P. COURCELLE 1973, I (изображение), 155 сл. (истолкование); там же (I—XCI) богатый, простирающийся вплоть до XVIII в. изобразительный материал.

3. P. COURCELLE 1973, XVII—XXX (изображения); 169—179 (истолкование).

4. Теперь см.: T. BAILEY, *Ambrosianischer Gesang*, в: *Die Musik in Geschichte und Gegenwart* Bd. 1, ²1994, 521—546 (лит.).

Издания: Basileae 1492 (первое полное издание). * J. DU FRISCHE, N. LE NOURRY (Congrégation de Saint-Maur, Saint-Germain-des-Prés), 2 тт., Paris 1686—1690; перепечатка PL 14—17; ср. PLS 1, 569—620; 672. * K. SCHENKL, M. PETSCHENIG, O. FALLER, M. ZELZER, CSEL 32, 62, 64, 73, 78, 79, 82, Vindobonae 1897—1982. * C. SCHENKL, F. GORI, F. LUCIDI, C. MORESCHINI, G. BANTERLE, R. PALLA, E. BELLINI, M. ADRIAEN, G. COPPA, L. PIZZOLATO, M. ZELZER (ТППр, Indices), Milano 1976—1988. * *Избранные произведения:* F. X. SCHULTE (П), BVK 10—11, Kempten 1871—1877; J. E. NIEDERHUBER (П), BVK 2¹⁷, 2²¹, 2³², Kempten 1914—1917. * *Seven Exegetical Works:* M. P. McHUGH (П), Washington 1972. * *Избранные речи:* Th. KÖHLER (П), Leipzig 1892. * *apol. Dav.:* P. HADOT, M. CORDIER (ТППр), SC 239, Paris 1977. * *bon. mort.:* F. PORTALUPI (ППр), Torino 1961. * W. T. WIESNER (ТПК), диссертация, Washington 1970. * J. HUHNS (ПК), Fulda 1949. * J. HUHNS (К), Münster 1923. * *epist.:* M. M. BEYENKA (П), Washington (1954), испр. 1967. Ср. R. KLEIN (см. вторичную литературу). * *exc. Sat.:* P. B. ALBERS (ТПр), Bonn 1921. * *fug. saec.:* F. PORTALUPI (ПК), Torino 1959. * *hex.:* E. PASTERIS (ТПК), Torino 1937. * *hymn.:* A. S. WALPOLE (ТК), Early Latin Hymns, New York 1924, 16—114. * W. BULST, *Hymni latini antiquissimi LXXV, psalmi III*, Heidelberg 1956, 37—52. * M. SIMONETTI (ТП), Innologia ambrosiana, Roma 1956. * J. FONTAINE и др. (ТПК), Paris 1992. * *in Luc.:* G. TISSOT (ТППр), 2 тт., SC 45 и 52, Paris 1956—1958, 2¹, 1971. * *in Luc., frg. in Esaiam:* M. ADRIAEN, P. A. BALLERINI, CC, Turnholti 1957. * *myst. (с sac. и symb.):* B. BOTTE (ТППр), SC 25, 2(просм. и дополн.) Paris 1961. * *myst. (с sac.):* J. SCHMITZ (ТП), Freiburg 1990. * *Nab.:* M. R. P. McGUIRE (ПК), диссертация, Washington, D. C. 1927. * J. HUHNS (ТП), Freiburg 1950. * L. MOLLE (ТП), Brescia 1952. * *NT.:* R. W. MUNCEY (Т, Indices), Cambridge 1959. * *obit. Theod.:* M. D. MANNIX (ТПК), диссертация, Washington 1925. * *obit. Valent.:* T. A. KELLY (ТПК), диссертация, Washington 1940. * *off.:* F. WITTMER (П, с Cic. *off.:*) Braunsberg 1849. * A. CAVASIN (ТПК), Torino 1938. * M. TESTARD (ТППр), 2 тт., Paris 1984; 1992. * *paenit.:* R. GRAYSON (ТППр), SC 179, Paris 1971. * *spir.:* G. CONE (ТПК), Münster 1978. * *symb.:* R. H. CONNOLLY (ТППр), Cambridge 1952. * *Tob.:* L. M. ZUCKER (ПК), диссертация, Washington, D. C. 1933. * M. GIACCHERO (ТП), Genova 1965. * *virg.:* O. FALLER, Bonn 1935. * E. (= I.) CAZZANIGA, Torino 1948. * *virginit.:* M. SALVATI (ТПр), Torino 1939. * E. (= I.) CAZZANIGA, Torino 1954. * *Ambrosiast.:* H. J. VOGELS, CSEL 81, 1—3, Vindobonae 1966—1969. * *Corpus Ambrosiano-liturgicum 1: Das Sacramentarium triplex: Die Handschrift C 43 der Zentralbibliothek Zürich*, ed. O. HEIMING; 2. Teil: Wortschatz und Ausdrucksformen. Ein Wortverzeichnis... von J. FREI, Münster 1983. * *Paulinus, Vita Ambr.:* M. S. KANIEKA (ТПр), диссертация, Washington, D. C. 1928. * M. PELLEGRINO, Roma 1961. * A. A. R. BASTIAENSEN, L. CANALI, C. CARENA, C. MORESCHINI, Vita di Ciriaco, Vita di Ambrogio, Vita di Agostino (ТПК), Milano 1975. * M. SIMONETTI (те же тексты), Roma 1977. * I. OPELT, E. DASSMANN (П с приложениями), Düsseldorf 1967. ** *Index:* L. KRESTAN, Wortindex zu den Schriften des hl. Ambrosius. Nach der Sammlung von O. FALLER bearb., Wien

1979 (= CSEL Beih. 4: Vorarbeiten zu einem Lexicon Ambrosianum). **
Библ.: ALTANER⁹, 378–389. * P. F. BEATRICE и др., *Cento anni di bibliografia ambrosiana*, Milano 1981.

L. ALFONSI, *L'ecphrasis ambrosiana del «libro delle api» virgiliano*, *Vet-Chr* 2, 1965, 129–138. * L. ALFONSI, *Ambrogio «Ciceronianus»*, *VChr* 20, 1966, 83–85. * L. BEATO, *Teologia della malattia in S. Ambrogio*, Torino 1968. * M. BIERMANN, *Die Leichenreden des Ambrosius von Mailand. Rhetorik, Predigt, Politik*, Stuttgart 1995. * H. VON CAMPENHAUSEN, *Ambrosius von Mailand als Kirchenpolitiker*, Berlin 1929. * C. CORBELLINI, *Il problema della militia in sant' Ambrogio*, *Historia* 27, 1978, 630–636. * P. COURCELLE, *Plotin et saint Ambroise*, *RPh* 76, 1950, 29–56. * P. COURCELLE, *Nouveaux aspects du platonisme chez saint Ambroise*, *REL* 34, 1956, 220–239. * P. COURCELLE, *De Platon à saint Ambroise par Apulée. Parallèles textuels entre le De excessu fratris et le De Platane*, *RPh* 87, 1961, 15–28. * P. COURCELLE, *Ambroise de Milan, «professeur de philosophie»*, *RHR* 181, 1972, 147–155. * P. COURCELLE, *Recherches sur saint Ambroise. «Vies» anciennes, culture, iconographie*, Paris 1973. * P. COURCELLE, *Des sources antiques à l'iconographie médiévale de saint Ambroise*, в: G. LAZZATI, изд., 1, 1976, 171–199 (с лит.). * E. DASSMANN, *Die Frömmigkeit des Kirchenvaters Ambrosius von Mailand. Quellen und Entfaltung*, Münster 1965. * M. D. DIEDERICH, *Vergil in the Works of St. Ambrose*, диссертация, Washington 1931. * J. DOIGNON, *La tradition latine (Cicéron, Sénèque) et l'épisode des Sirènes entre les mains d'Ambroise de Milan*, в: *Hommages à J. Cousin. Rencontres avec l'antiquité classique*, Paris 1983, 271–278. * H. DÖRRIE, *Das fünffach gestufte Mysterium. Der Aufstieg der Seele bei Porphyrios und Ambrosius*, в: Mullus, *FS Th. KLAUSER, JbAC, Ergänzungsband 1*, Münster 1964, 79–92. * G. M. DREVES, *Aurelius Ambrosius, «der Vater des Kirchengesanges»*. Eine hymnologische Studie, Freiburg 1893, перепечатка 1968. * Y. M. DUVAL, изд., *Ambroise de Milan. XVI^e centenaire de son élection épiscopale. Dix études*, Paris 1974. * J. FONTAINE, *Prose et poésie. L'interférence des genres et styles dans la création littéraire d'Ambroise de Milan*, в: *Ambrosius Episcopus 1*, Milano 1976, 124–170. * A. FRANZ, *Tageslauf und Heilsgeschichte. Untersuchungen zum literarischen Text und liturgischen Kontext der Tageszeitenhymnen des Ambrosius von Mailand*, St. Ottilien 1994. * M. FUHRMANN, *Macrobius und Ambrosius*, *Philologus* 107, 1963, 301–308. * T. GRAUMANN, *Christus interpret. Die Einheit von Auslegung und Verkündigung in der Lukaserklärung des Ambrosius von Mailand*, Berlin 1994. * R. GRAYSON, *Le prêtre selon saint Ambroise*, диссертация, Louvain 1968. * P. HADOT, *Platon et Plotin dans trois sermons de saint Ambroise*, *REL* 34, 1956, 202–220. * V. HAHN, *Das wahre Gesetz. Eine Untersuchung der Auffassung des Ambrosius von Mailand vom Verhältnis der beiden Testamente*, Münster 1969. * L. HERRMANN, *Ambrosius von Mailand als Trinitätstheologe*, *ZKG* 69, 1958, 197–218. * C. HILL, *Classical and Christian Traditions in Some Writings of Saint Ambrose of Milan*, диссертация, Oxford 1979. * O. HILTBRUNNER,

Die Schrift *De officiis ministrorum* des hl. Ambrosius und ihr ciceronisches Vorbild, *Gymnasium* 71, 1964, 174–189. * F. HOMES-DUDDEN, *The Life and Times of St. Ambrose*, 2 тт., Oxford 1935. * C. JACOB, «Arkandisziplin», *Allegorese, Mystagogie. Ein neuer Zugang zur Theologie des Ambrosius von Mailand*, Frankfurt 1990. * R. JOHANNY, *L'eucharistie. Centre de l'histoire du salut chez saint Ambroise de Milan*, Paris 1968. * R. KLEIN, *Die Kaiserbriefe des Ambrosius. Zur Problematik ihrer Veröffentlichung*, *Athenaeum*, N. S. 48, 1970, 335–371. * R. KLEIN, изд., *Der Streit um den Viktoriaaltar. Die dritte Relatio des Symmachus und die Briefe 17, 18 und 57 des Mailänder Bischofs Ambrosius (ТППр)*, Darmstadt 1972. * R. KLEIN, *Die Sklaverei in der Sicht der Bischöfe Ambrosius und Augustinus*, Stuttgart 1988. * G. H. KRAMER, *Ambrosius van Milaan en de geschiedenis*. Amsterdam 1983. С английским суммарием. * G. LAZZATI, *Il valore letterario della esegesi ambrosiana*, Milano 1960. * G. LAZZATI, изд., *Ambrosius episcopus. Atti del Congresso internazionale di studi ambrosiani nel XVI centenario della elevazione di sant'Ambrogio alla cattedra episcopale (1974)*, 2 тт., Milano 1976. * H. LEEB, *Die Psalmodie bei Ambrosius*, Wien 1967. * P. D. LÖPFE, *Die Tugendlehre des hl. Ambrosius*, диссертация, Freiburg (Schweiz) 1947, Sarnen 1951. * E. LUCCHESI, *L'usage de Philon dans l'œuvre exégétique de saint Ambroise. Une «Quellenforschung» relative aux commentaires d'Ambroise sur la Genèse*, Leiden 1977. * G. MADEC, *Saint Ambroise et la philosophie*, Paris 1974. * B. MAES, *La loi naturelle selon Ambroise de Milan*, Roma 1967. * S. MAZZARINO, *Storia sociale del vescovo Ambrogio*, Roma 1989. * N. B. MCLYNN, *Ambrose of Milan. Church and Court in a Christian Capital*, Berkeley 1994. * C. MORESCHINI, *Ambrosius von Mailand*, в: M. GRESCHAT, изд., *Gestalten der Kirchengeschichte, Alte Kirche* 2, Stuttgart 1984, 101–123. * C. MORINO, *Church and State in the Teaching of St. Ambrose*, transl. by M. J. COSTELLOE, Washington 1969. * G. MÜLLER, *Arzt, Kranker und Krankheit bei Ambrosius von Mailand*, *AGM* 51, 1967, 193–216. * G. NAUROY, *La structure du De Isaac vel anima et la cohérence de l'allégorèse d'Ambroise de Milan*, *REL* 63, 1985, 210–236. * R. T. OTTEN, *Caritas and the Ascent Motif in the Exegetical Works of St. Ambrose*, *StudPatr* 8, 1966, 442–448. * J.-R. PALANQUE, *Saint Ambroise et l'Empire romain*, Paris 1933. * A. PAREDI, *S. Ambrogio e la sua età*, Milano 1960; англ. перевод J. COSTELLOE, *Notre Dame*, Indiana 1963. * L. F. PIZZOLATO, *La Explanatio Psalmorum XII. Studio letterario sulla esegesi di sant'Ambrogio*, Milano 1965. * L. F. PIZZOLATO, *La dottrina esegetica di sant'Ambrogio*, Milano 1978. * M. L. RICCI, *Definizione della prudentia in Sant'Ambrogio, a proposito di De excessu fratris* 44–48, *SIFC* 41, 1969, 247–262. * M. L. RICCI, *Fortuna di una formula ciceroniana presso Sant'Ambrogio. A proposito di iustitia*, *SIFC* 43, 1971, 222–245. * P. ROLLERT, *La expositio evangelii secundum Lucam di Ambrogio come fonte della esegesi agostiniana*, Torino 1958. * S. RUIZ, *Investigationes historicae et litterariae in Sancti Ambrosii De obitu Valentiniiani et De obitu Theodosii imperatorum orationes funebres*, диссертация, München (1969) 1971. * H. SAVON, *Quelques remarques sur*

la chronologie des œuvres de saint Ambroise, StudPatr 10, 1970, 156–160. * H. SAVON, Saint Ambroise devant l'exégèse de Philon le Juif, 2 тт., Paris 1977. * H. SAVON, Saint Ambroise et saint Jérôme, lecteurs de Philon, ANRW 2, 21, 1, 1984, 731–759. * K.-P. SCHNEIDER, Christliches Liebesgebot und weltliche Ordnungen. Historische Untersuchungen zu Ambrosius von Mailand, диссертация, Köln 1975. * W. SEIBEL, Fleisch und Geist beim hl. Ambrosius, диссертация, München 1958. * A. SOLIGNAC, Nouveaux parallèles entre saint Ambroise et Plotin. Le *De Jacob et vita beata* et le *Περὶ εὐδαιμονίας* (Enn. 1, 4), ArchPhilos 20, 1956, 148–156. * W. STEIDLE, Beobachtungen zu des Ambrosius Schrift *De officiis*, VChr 38, 1984, 18–66. * W. STEIDLE, Beobachtungen zum Gedankengang im zweiten Buch von Ambrosius, *De officiis*, VChr 39, 1985, 280–298. * W. STEIDLE, Die Leichenrede des Ambrosius für Kaiser Theodosius und die Helena-Legende, VChr 32, 1978, 94–112. * L. J. SWIFT, St. Ambrose on Violence and War, TAPhA 101, 1970, 533–543. * L. TAORMINA, Sant'Ambrogio e Plotino, MSLC 4, 1953, 41–85. * M. TESTARD, Observations sur le thème de la *conscientia* dans le *De officiis ministrorum* de saint Ambroise, REL 51, 1973, 219–261. * M. TESTARD, Observations sur la rhétorique d'une harangue au peuple dans le *Sermo contra Auxentium* de saint Ambroise, REL 63, 1985, 193–209. * M. ZELZER, Ambrosius von Mailand und das Erbe der klassischen Tradition, WS 100, 1987, 201–226.

ИЕРОНИМ

Жизнь, датировка

Евсевий Софроний Иероним¹ родился ок. 345–348 г. в Стридоне (Далмация) в состоятельной христианской семье. Еще ребенком он приезжает в Рим; великий грамматик Элий Донат приобщает его к латинской литературе из первых рук; уже в старости он будет с удовольствием цитировать любимых авторов своего учителя — особенно Вергилия и Теренция. В Риме над ним совершают таинство крещения, но прежде он успева-

1. В обычном возрасте (около семи лет), в 354 г. Иероним начал посещать грамматическую школу в Риме (*in Ruf.* 1, 30; *epist.* 128, 4); P. JAY, Sur la date de la naissance de saint Jérôme, REL 51, 1973, 262–280 (дата рождения в промежутке между 345 и 347 г.); A. D. BOOTH, The Date of Jerome's Birth, Phoenix 33, 1979, 346–353 (в конце 347 г. или в начале 348-го). Менее убедительна ранняя датировка: до 30.9.330: P. NAMBLENE, La longévité de Jérôme: Prosper avait-il raison?, Latomus 28, 1966, 1081–1119; за 331 г.: J. N. D. KELLY 1975, 337–339. О расположении Стридона (= Стригова): I. FODOR, Le lieu d'origine de saint Jérôme. Reconsidération d'une vieille controverse, RHE 81, 1986, 498–500; в этом пункте также есть иные мнения.

ет выпить до дна чашу земных наслаждений. Только в Галлии (а именно в императорской резиденции Трире) он принимает решение стать аскетом; повторное удаление от должности и изгнание св. Афанасия знакомит Запад с идеалами египетского монашества. В Аквилее, родном городе его одноклассника Руфина († 410 г.), переводчика Оригена, его внезапно охватывает желание совершить паломничество в Иерусалим¹. Болезнь заставляет его остановиться в Антиохии; затем примерно три года он живет отшельником в восточносирийской пустыни Халкиде: он совершенствует свои познания в греческом языке, которым стал заниматься лишь имея в виду поездку на Восток, и изучает еврейский, взяв в наставники монаха иудейского происхождения (*epist.* 125, 12)².

В Антиохии, где он слушает экзегетические лекции Аполлинария Лаодикейского³, епископ Паулин (между 377 и 379 г.) рукополагает его в священники (*c. Ioh.* 41). На Константинопольском соборе 381 г. он внимательно слушает Григория Назианзина и восхищается Оригеном, часть работ которого он перевел и без издательских и экзегетических трудов которого дело жизни Иеронима не могло быть осуществлено. Он знакомится и с Григорием Нисским.

Вместе с Паулином и Епифанием Саламинским он отправляется в Рим, где проводит три года (382—385). Как секретарь папы Дамаза он получает задание, определившее всю его последующую жизнь, — пересмотреть латинский текст Библии. Он заразил своими аскетическими идеалами целый круг мирян, среди которых были знатные вдовы Марцелла и Паула. Когда умерла дочь Паулы Блесилла — как говорили, от слишком строгого соблюдения поста — народный гнев обрушился на *genus detestabile monachorum*, «презренное монашеское племя» (*epist.* 39, 6). Через несколько недель папа Дамаз скончался (384 г.), и Иерониму приходится поплатиться за свою критику римского клира (*epist.* 22): его обошли при выборе папы и со своей стороны

1. A. D. Вootn, *The Chronology of Jerome's Early Years*, Phoenix 35, 1981, 237—259 считает, что паломничество началось в 368 г.; J. H. D. Scourfield, *Jerome, Antioch and the Desert. A Note on Chronology*, JThS NS 37, 1986, 117—121, особенно 117, высказывается за 372 г.

2. Уже Ориген и учитель Иеронима Аполлинарий учились еврейскому языку; *epist.* 29 сл.; 32 относится к 384 г. (Рим).

3. P. JAY, *Jérôme auditeur d'Apollinaire de Laodicée à Antioche*, REAug 20, 1974, 36—41 считает, что учеба у Аполлинария приходится на период *после* пребывания в пустыни.

заподозрили в безнравственности. В сопровождении Паулы и другой ее дочери, Евстохии, разочарованный клирик отправляется сначала в Антиохию, потом в Александрию; там он слушает Дидима Слепого, приверженца Оригена. В Вифлееме, где он останется с 386 г. до самой смерти, на средства Паулы он основывает три женских монастыря и один мужской. В монастырской школе, чью обширную библиотеку он создал сам, Иероним знакомит юношей из знатных семейств с римскими классиками. Но и здесь его жизнь не обходится без неприятностей: во время спора с пелагианами еретики поджигают его монастыри; потом приходится пережить нападения гуннов, изавров и сарацин. Спор с приверженцами Оригена, посмертное поношение величайшего грекоязычного церковного писателя вынуждают Иеронима публично дистанцироваться от столь почитаемого прежде учителя и с ненавистью обрушиться на своего друга юности Руфина, у которого оказывается более стойкий характер. Он принимает участие и в травле Иоанна Златоуста — одной из самых чистых фигур в истории церкви. Иероним умирает ок. 420 г.

Обзор творчества

Главное произведение Иеронима — латинская Библия, с IX в. названная Вульгатой. Новый Завет (вышедший в свет между 382—384 гг.) — переработка старых латинских переводов с учетом греческого оригинала. Ветхий Завет переведен полностью самостоятельно с соответствующих языков — еврейского, арамейского¹ и греческого² (391—405 гг.). Не входят в окончательный вариант следующие апокрифы: *Мудрость, Сирах, Барух, Езра 3–4, Маккавеи*. Для *Псалмов* Иероним оставил три редакции — очень консервативный пересмотр так называемого *Psalterium Romanum*, несколько более основательно переработанный вариант по *Hexapla* Оригена (*Psalterium Gallicanum, Vulgata*) и верный оригиналу *Psalterium iuxta Hebraeos*, не использовавшийся в литургической практике. Для *Иова* и *Песни Песней* также есть две редакции.

Иероним переводит *экзегетические проповеди* Оригена, трактат Дидима Слепого *О Святом Духе*, монашеский устав Пахомия Египетского, а также хронику, материал для которой он черпал из Евсевия — и Светония — и которую он довел до 378 г. Он перерабатывает комментарий к Апокалипсису Викторина из Петтау.

1. *Товий* и *Юдифь*.

2. Поздние части *Даниила* и *Эсфири*.

Он пишет комментарии к целому ряду библейских текстов: ко всем *Профокам*, *Псалтырѣ*, *Екклесиасту*, *Матфею* и к четырем посланиям апостола Павла. С его библейскими штудиями связаны следующие книги — *De situ et nominibus locorum Hebraicorum* (по *Ономастикону* Евсевия), *De nominibus Hebraicis* (по псевдо-Филону). Заслуживают внимания и *Quaestiones Hebraicae in Genesim*.

Полемические произведения по большей части защищают аскетическую жизнь: так, Иероним полемизирует с Иовинианом, отстаивая в двух книгах безбрачие и пост, а с Гельвидием — вечную девственность Марии, с Вигилиянцем — почитание мощей, монашество и целибат; одновременно он опровергает обвинение в приверженности учению Оригена. В других полемических сочинениях он сражается с оригенистами (*Contra Ioannem Hierosolymitanum* и *Adversus Rufinum*, в трех книгах) и пелагианами (*Contra Pelagianos*, в трех книгах).

Проповеди Иеронима в основном посвящены экзегетическим проблемам, что и соответствует его основным интересам.

Сборник из 150 писем содержит 26 посланий, сочиненных другими, из них 10 — Августином. Со своей стороны Иероним представлен (№ *27) в новооткрытой переписке Августина (CSEL 88, 1981), как и в известной прежде¹. Наряду с экзегетическими, антиеретическими, аскетически-протрепетическими письмами есть и личные послания, рекомендательные и утешительные, некрологи и жизнеописания.

Из-под пера неутомимого автора вышла и первая христианская история литературы: *De viris illustribus*. Созданная в 392 г. по желанию друга Декстра, эта работа содержит краткие характеристики 135 христианских писателей.

Плодотворны легендарные жития святых: так Павел, фиванский отшельник, становится латинской параллелью греческого монаха Антония; Грюневальд изобразил их вместе на Исенгеймском алтаре.

Источники, образцы, жанры

То, что писатель систематически изучает еврейский язык, — новшество в латинской литературе. Его обращение к библейскому оригиналу не поняли многие современники — в том числе и Августин. Вспомогательным средством пересмотра старого латинского перевода Библии служит *Hexapla* Оригена. Это справедливо и для комментария: тот, который Иероним написал к *Екклесиасту*, — первый на латинском языке к книге Библии, принимающий в расчет еврейский оригинал.

1. 39; 68; 72; 75; 81; 123; 165; 172; 202.

Многое из сокровищницы греческой мысли западному миру сообщил Иероним¹. Прежде всего он читает и штудировать произведения Оригена, что позднее не мешает заклеить эту гигантскую фигуру среди Отцов Церкви как еретика. По-гречески написаны образцы и для его *всемирной хроники* и *De viris illustribus*.

Но особенно тепло относится он к латинской литературе. Из-за своего пристрастия к Цицерону он чувствует себя виновным перед лицом Судии (*epist.* 22). Кроме классиков он знает также и христианскую латинскую литературу. Влияние родственного ему по духу Тертуллиана проявляется, например, в полемике против брака в *Adversus Iovinianum*.

О влиянии биографий, романов и путевых заметок см. ниже.

Литературная техника

Иероним — блистательный корреспондент, захватывающий рассказчик — достаточно вспомнить о жизни Малха с историей пребывания монаха в плену у бедуинов — и беспощадный полемист.

Он владеет и изощренной формой диалога, как показывает его лучшее полемическое произведение, *Adversus Pelagianos*. Для *Жития Малха* характерна многообразная рамочная техника, придающая целому легендарно-сказочный оттенок. Рассказ от первого лица напоминает Одиссея и *Золотого осла*. Тема целомудрия и приключенческие сюжеты имеют точки соприкосновения с античным романом.

Характерный для Рима интерес к биографии Иероним поднимает до уровня типического и символического. Афанасиево *Житие св. Антония*, чья латинская версия была создана другом нашего автора, Евагрием Антиохийским, остается для Иеронима Magna Charta духовной жизни. Отталкиваясь от него, он вносит значительный вклад в становление формально притязательной агиографической литературы на латинском языке. Его легенды о Павле Фиванском, Малхе и Иларионе отвечают на вызовы, заложенные в сказках, новеллах, ареталогиях языческих чудотворцев — например, филостратовской *Жизни*

1. Ср. также W. C. McDERMOTT, Saint Jerome and Pagan Greek Literature, VChr 36, 1982, 372—382.

Аполлония Тианского¹; параллельное явление — *Житие св. Мартина* Сульпиция Севера. Иероним сочетает ученую и изящную стилизацию исторических либо квазиисторических событий с пропагандистским изображением определенного стиля жизни. Некролог Паулы (*epist.* 108) — синтез римской традиции *laudatio funebris* и традиции путевых записок. Тогда *Peregrinatio Aetherae* или *Egeriae* уже вышла в свет².

Язык и стиль

Иероним воплотил мечту Лактанция стать «христианским Цицероном». Правда, иногда он употребляет инфинитив для выражения намерения или позднелатинское слово вроде *confortare*, «ободрять», но в общем и целом он пишет на ясной и чистой латыни. Относясь к языку в высшей степени сознательно, он протестует даже против употребления *comparare* «приобретать» вместо *etere* «покупать» как варваризм (с. *Ruf.* 3, 6). Наряду с Плавтом и Цицероном Иероним — важнейший наш источник для знакомства с бранными словами.

Как и Цицерон, Иероним употребляет различные регистры латинского языка. Можно принять следующие разновидности: эмоционально-риторический стиль, характерный для *genus grande*, и предметно-поучительную манеру. Иероним уважает *sancta simplicitas*, «святую простоту» в жизни, но не *verbosa rusticitas*, «многословие деревенщины» в творчестве³. Его стиль, на котором сказывается забота о простоте, — какой угодно, но только не примитивный, и обладает трудноописуемой личной теплотой.

В Иерониме погиб сатирик. Святость напоказ он клей-

1. Cp. R. REITZENSTEIN, *Hellenistische Wundererzählungen*, Darmstadt ³1974; A. JOLLES, *Einfache Formen*, Tübingen ⁵1974, 23–61; H. ROSENFELD, *Legende*, Stuttgart ³1972; H. KECH 1977; M. FUHRMANN 1977.

2. Примерно в ту же эпоху Сульпиций Север пишет три книги *Диалогов* с рассказом о паломничестве Постумия к египетским монахам, а Руфин Аквилейский переводит основополагающую *Историю египетских монахов*.

3. *Nec reprehendo in quolibet Christiano imperitiam — atque utinam Socraticum illud haberemus: «scio, quod nescio» et alterius sapientis: «te ipsum intellege» — venerationi mihi semper fuit non verbosa rusticitas, sed sancta simplicitas: qui in sermone imitari se dicit apostolos, prius imitetur in vita* («Я не стану всякого христианина упрекать в неопытности — не будем забывать эти слова Сократа: «знаю, что не знаю» и другого мудреца: «познай самого себя»; — я всегда уважал не многословие деревенщины, а святую простоту: кто говорит, что в своей речи подражает апостолам, пусть прежде подражает им в жизни», *epist.* 57, 12, 4).

мит уменьшительными суффиксами: *quasi religiosulus et sanctulus* («будто бы верненький и святенъкий», с. Ruf. 3, 7); некомпетентность разоблачает уничтожающей антитезой: *tantam habes Graeci Latiniq̄ue sermonis scientiam, ut et Graeci te Latinum et Latini te Graecum putent* («ты настолько хорошо знаешь греческий и латинский язык, что греки принимают тебя за латинянина, а латиняне — за грека», с. Ruf. 3, 6). Стоит посмотреть, как он подает свою критику клира (*epist.* 22, 14): сначала — возмущенное восклицание — *Pudet dicere, pro nefas!* — «стыдно сказать, о позор!» Затем сухая констатация: *Triste, sed verum est*, «печально, но правда». Следом — вопросы, анафорически вводимые *unde*: *Unde in ecclesias agapetarum pestis introiit? Unde sine nuptiis aliud nomen ichorum? Immo unde novum concubinarum genus? Plus inferat: Unde meretrices univirae?* «Откуда в церковь возлюбленных проникла чума? Откуда без брака другое название для жен? И откуда же новый род наложниц? Более того: откуда единомужние распутницы?». Два последних члена этого ряда каждый раз эффектно отделены от предыдущих. Длина фраз сокращается, а выражения по отношению к дамам становятся все более сильными (*agapetarum, ichorum, concubinarum, meretrices*). Острейший парадокс (*meretrices univirae*), как и положено афоризму, стоит в конце. Более невинный юмор проявляется тогда, когда речь идет о дочери Паулы, ставшей монахиней: мать он называет «тещей Бога» (*epist.* 22, 20)¹.

Для его антирез, проясняющих проблематику и иногда напоминающих апостола Павла и Тертуллиана, характерно, напр., заключение пролога к комментарию Книги пророка Ионы: *Illi (sc. Iudaei) habent libros, nos librorum dominum, illi tenent prophetas, nos intellegentiam prophetarum; illos occidit littera, nos vivificat spiritus* (2 Cor. 3, 6), *apud illos Barabbas latro dimittitur, nobis Christus Dei filius solvitur*, «Они (то есть иудеи) имеют писание, а мы — Господина писания, за ними — пророки, за нами — понимание пророков; их мертвит буква, нас же животворит дух (2 Cor. 3, 6), у них отпускается на волю разбойник Варавва, а наше искупление Христос, Сын Божий». Или, когда он дистанцируется от Оригена: *Laudavi interpretem, non dogmatisten, ingenium, non fidem, philosophum, non apostolum* («я хвалил истолкователя, а не догматика, дарование, а не веру, философа, а не апостола», *epist.* 84, 2, 2).

1. Ср. также N. ADKIN, Some Notes on the Style of Jerome's Twenty-Second Letter, RFIC 112, 1984, 287–291.

Прозаический ритм занимает промежуточное положение между квантитативным и тоническим¹. В местах, предназначенных привлечь внимание, Иероним следит за клаузулами, чтобы они сохраняли корректность и с классической точки зрения, например, в конце *Жития Малха* (10): *prudiciam non esse captivam* («целомудрие не оказывается в плену», кретик и трохей) *hominem Christo deditum posse mori, non posse superari* («человек, Христу преданный, может умереть, не может побежден быть», педон первый и трохей).

Образ мыслей I Литературные размышления

Иероним рассматривает перевод Библии как *свое* произведение. Из традиционно римского искусства пересаживать греческие оригиналы на новую почву — он сам вспоминает о Цицероне и комических поэтах — и христианской традиции дословного воспроизведения Иероним создает некий синтез: с одной стороны, его поприщем становится не «бог вдохновенная» *Септуагинта*, а еврейский оригинал (неслыханное новшество на Западе), с другой — он заботится о верности духу латинского языка. Таким образом он хочет заставить заиграть одновременно истину и красоту Библии.

Он верит в безошибочность Писания и считает его реально (не вербально) бог вдохновенным. Переводя, он придает большое значение именно последовательности слов оригинала, и пытается ее сохранять (*epist.* 57, 4); однако он знает также и то, что живую фразу нельзя перенести в другой язык слово за слово. Он цитирует Горация (*ars* 133 сл.): *Nec verbum verbo² curabis reddere fidus / interpres*, «Ты, верный переводчик, не будешь заботиться о том, чтобы каждое слово воспроизвести соответствующим словом», и смеется: *Quam vos veritatem interpretationis, hanc eruditi κακοζήλων μινσκιφανт* («То, что вы называете верностью перевода, то для ученых людей — пересаливание», *epist.* 57, 5, 5 сл.)³. Он

1. Нуждается в пересмотре P. C. KNOOK, *De overgang van metrisch tot rhytmisch prosa bij Cyprianus en Hieronymus*, Purmerend 1932; M. C. HERRON, *A Study of the Clausulae of St. Jerome*, Washington 1937; указывает путь J. H. D. SCOURFIELD, *Notes on the Text of Jerome, Letters 1 and 107*, CQ NS 37, 2, 1987, 487–497.

2. Ср. также Sen. *epist.* 9, 20.

3. Ср. Иеронима *Liber de optimo genere interpretandi* (*epist.* 57). Комментарий — G. J. M. BARTELINK, Leiden 1980, 59 сл.

принимает во внимание языковое чувство латинской аудитории, что напоминает Лютера, *Sendbrief vom Dolmetschen*. Конечно, Иероним ссылается на Горация и Цицерона, но переводит намного точнее, чем они. Вульгата — выдающееся его достижение.

В Библии, поскольку она должна заменить языческую литературу, он обнаруживает воплощение всех жанров (ср. *epist.* 53, 8, 16—9). Авторов одной сферы он различает по стилю: его любимец Исайя красноречив, благороден, остроумен; Иезекииль темен (*In Is. prol.*). Даже и в рамках одного произведения Иероним обнаруживает стилистические перепады, например, между прозаическими и поэтическими пассажами (*interpr. Iob prol.*).

Если серьезно воспринимать Слово как откровение для настоящего, необходимо искусство истолкования. Принцип дословности предопределяет потребность в герменевтике. В экзегезе он также усматривает творческую деятельность, параллель с литературным творчеством (ср. *epist.* 53, 7), и также предпочел бы, чтобы ею занимались специалисты. Как в старом Риме времен Ливия Андроника знакомились одновременно и с Гомером, и с его комментаторами, причем для литературной деятельности плодотворным оказывалось и то, и другое, так и теперь речь идет о том, чтобы открыть для западного мира и Библию, и ее греческих интерпретаторов. Иероним понимает свое писательство как служение Слову: *Non tam disertitudinem ostendet suam quam sensum eius quem exponit edisserat* («пусть он не столько будет высказывать свое красноречие, сколько выразит мысль того, которого излагает», *in Iob. prol.*). Он прежде всего экзегет: *Optoque, si fieri potest, etsi adversarii saevierint, commentarios potius scripturarum quam Demosthenis et Tullii Philippicas scribere* («прежде всего я хотел бы, если это возможно, хотя бы противники и не пощадили меня, скорее написать комментарии к Писанию, нежели демосфеновы и цicerоновы Филиппики», *epist.* 57, 13).

Он питает сильную любовь к античным классикам. В аскезе самое трудное для него — отказ от языческих книг. Отцы со знанием «пользуются» языческой литературой. Этот принцип (χρήσις, «использование») делает античную литературу — как форму — независимой от ее языческого содержания, и в этом качестве ее применимость неограниченна. Таким образом становится возможным использовать возвышенный язык классики для христианского содержания. Античные и христи-

анские авторитеты и примеры становятся «взаимоупотребительными».

Христианскую интерпретацию вырванных из контекста отрывков из языческой литературы и основанную на ней центонную поэзию Иероним, конечно, считает детской забавой (*epist.* 53, 7, 3).

Библейский материал может быть параллелью к языческому: ветхозаветная жажда Божественной справедливости соответствует для Иеронима сократовскому незнанию. И Ветхому Завету, и античности противопоставлены Евангелия: только они могут сообщить настоящую истину (*epist.* 53, 9).

Образ мыслей II

Изначально Иероним склоняется — как, например, при интерпретации *Посланий* апостола Павла — скорее к аллегорическому истолкованию, позднее — скажем, при работе с *Евангелием от Матфея* — он больше подчеркивает буквальный смысл. Его собственная экзегеза страдает несамостоятельностью и поспешностью; эти недостатки создают, впрочем, для историков литературы целый лабиринт и из его хронологических данных.

Самостоятельная мысль и тогда была небезопасной. Иероним ни в каком случае не поддавался на это искушение и всегда, когда жизнь брала мыслителей за горло, умел вовремя оказаться на стороне правильной позиции, будучи готов всегда приспособиться к новейшим директивам и первым бросить камень в прежнего друга. Свою связь с авторитетом Папы, чьим секретарем он был, Иероним подчеркивал откровеннее, чем все его предшественники. Типично римское единство религии и политики проявляется у него в том, что принадлежность к группе значит для него больше, нежели идеи и личная дружба. Называя его великим ученым, Иерониму оказывают, пожалуй, слишком много чести, считая его великим компилятором и посредником — его явно недооценивают. Справедливости ради нужно понять, что «Иероним-полемист все равно остается экзегетом»¹. У этого положения есть и светлая, и тeneвая сторона; на логические улики он охотно отвечает ссылками, цитатами, авторитетами.

1. I. OPELT 1973, 196.

В этих обстоятельствах вряд ли возможно говорить об образе мыслей Иеронима. Воплощенный латинянин относится к вопросам философской истины с риторическим равнодушием; ученик Доната и монах остался филологом и гуманистом, и ему свойственны и положительные, и отрицательные черты его цеха. Его значение в истории духа становится понятным полностью только в отражении судьбы его наследия.

Он набрасывает для нас портрет своей эпохи, значение которого вряд ли можно переоценить. Его печаль по Риму¹ больше по-человечески волнует нас, чем соответствующие реплики Августина, холодно отвращающего взор от земного «*града*», *civitas*, к небесному². Правда, близкий к Дамазу и Пауле Иероним гораздо глубже эмоционально связан с Римом, чем Августин.

Его перо не отличается аскетизмом; его выпады против чтения языческой литературы тем яростнее, чем меньше он сам и его адресаты отказывают себе в этом удовольствии³; свои собственные занятия изящной литературой он считает «блудом с чужой женщиной», увеличивающим число его спутников на службе Христовой. Он владеет и греческо-римским искусством брани. Мастер научной полемики, он посвящает себя противоборству ересям; аналогичным образом уже языческие философы объявляли еретиками эпикурейцев, за что, в свою очередь, им подобающим образом доставалось от таких авторов, как Филодем. Его живое слово воскрешает Горация, Персия, Ювенала, комических поэтов.

С возрастом его способность созерцать человеческую душу возросла; учителями его были такие мастера, как Сенека и Тацит: достаточно оценить игру высказанного и невысказанного в *epist.* 22, 16: *Clerici ipsi, quos et magisterio esse oportuerat et timori, osculantur capita patronarum et extenta manu, ut benedicere eos putes velle, si nescias, pretium accipiunt salutandi. Illae interim, quae sacerdotes suo vident indigere praesidio, eriguntur in superbiam, et quia maritorum expertae dominatum viduitatis praeferunt libertatem, castae vocantur et nonnae, et post cenam dubiam apostolos somniant*, «сами клирики, которые долж-

1. *Epist.* 60, 16–18: *Aen.* 2, 368 сл.; *epist.* 123, 16: *Aen.* 6, 625 сл.; *ibid.* *quid salvum est, si Roma perit* («что же спасется, если Рим погибнет», вариация Лукана, 5, 274); *epist.* 127, 12: *Aen.* 2, 361–365; *epist.* 126, 2; *in Ezech. lib. 1 praef.*; *lib. 3 praef.*; ср. также К. SUCANO 1983, 54–63.

2. *Serm.* 105, 7.

3. *Epist.* 21, 13; 22, 29, 6–30, 6; 53.

ны вызывать страх и быть учителями, целуют головы покровительниц и протянутой рукой — ты мог бы подумать, что это для благословения, — принимают плату за приветствие. Те же, видя, что священники нуждаются в их покровительстве, преисполняются надменности, а поскольку, испытав на опыте власть мужей, они предпочитают свободу вдовства, они называются целомудренными и монашенками и после сомнительного обеда грезят во сне об апостолах». Его нюансированные описания характеров (например, некролог Паулы) заставляют признать ярко выраженное чувство индивидуальности. Похвала и порицание не должны быть односторонними (ср. *epist.* 84)¹.

Римская черта Иеронима — его настойчивая связь с практикой. В своем попечении о душах и пропаганде он многому научился у Сенеки. Риторическое искусство он поставил на службу аскетическому идеалу. Подчеркивание роли аскезы, сегодня производящее скорее отчуждающее впечатление, — тогда это было смелым новшеством на Западе — должно было переживаться в ту пресыщенную эпоху не как порабощение, а как освобождение. Иероним, как и Августин, испытал влияние личности Афанасия и его *Жития св. Антония*. Он признает очищающую силу слова и научных занятий. Таким образом он одухотворяет римский практицизм. Он стремится к преобразению всех областей жизни с помощью Слова, постоянного обращения к Св. Писанию и длительных научных штудий. В этом отношении ему подобает титул великого реформатора своей эпохи.

Так он превращает типично римскую ревность учителя и ученика, *summum vel dicendi studium vel docendi* (Cic. *rep.* 2, 1 о Катоне Старшем). Он владеет множеством литературных жанров, читает со своими учениками Вергилия, комических поэтов, лириков и историков. Он обладает и римским историческим сознанием, и вкусом к энциклопедизму, свойственным его народу. После цицероновского *Брута* и десятой книги Квинтилиана он делает третью крупную попытку написать историю литературы на латинском языке, естественно, под знаком христианства. Как некоторые другие римляне, он ищет своих предков в прошлом — его сочувствие заслуживает Тертуллиан, которого он рассматривает — как и себя — как жертву римского духовенства. С античной нескромностью он говорит о себе:

1. Ср. биографическую традицию со времен Светония.

«Я философ», — здесь мы должны несколько ограничить его притязания, — «ритор, грамматик и диалектик, еврей, грек и латинянин». Не столь эйфорично его подсознание: ему снится, что на Страшном суде Господь скажет ему: *Ciceronianus es, non Christianus* («ты цицеронианец, а не христианин», *epist.* 22, 30)¹. Он создает синтез из христианства и римскости, как Климент, Ориген и Василий — на греческой почве, и поддерживает непрерывность европейской культуры. Христианский гуманизм Иеронима — не пошлый компромисс, а одухотворяющая метаморфоза римскости.

Традиция

В эпоху средневековья Иероним — один из самых читаемых авторов. Традиция его особенно богата; здесь мы должны будем ограничиться указаниями о немногих произведениях.

Восстановление текста *Вульгаты* необычайно сложно, поскольку рукописи многочисленны и по большей части дают смешанный текст (см. ниже *Издания*). Полная рукопись, содержащая всю Библию, — *codex Amiatinus* во Флоренции (VIII в.); Новый Завет содержит *Fuldensis* (645 г.); очень древен и *Foroiulienensis* (VI—VII вв.).

Произведение *De viris illustribus* — наряду с целым рядом новых — сохранено в многочисленных старейших рукописях: *Vaticanus Reginensis* 2077 (VI—VII вв.), *Parisinus* 12161, из французского монастыря Корби (VII—VIII вв.), *Veronensis* XXII (XX) (VII—VIII вв.), *Vercellensis* 183 (VIII в.), *Montepessulanus* 406 (VIII—IX вв.). Следует считаться и с греческим переводом.

Для *Хроники* следует назвать: *Oxonienensis Bodleianus* Auct. T. II. 26, olim *Claramontanus*, postea *Meermannianus* (O; V/VI вв.); *Amandinus* B. 229 (A; VII—VIII вв.); *Middlehillensis* 1872, ныне *Berolinensis* 127 (M; VIII—IX вв.); *Bernensis* 219, olim *Bongarsianus* (B; конец VII—IX в.); *Leidensis Freherianus* Scalig. 14 (F; начала IX в.); *Oxonienensis Mertonensis* H. 3. 15. (IX в.); *Petavianus Leidensis Vossianus* lat. Q 110 (P; IX в.); P дополнительно содержит 6 листов, *fragmenta Petaviana* Voss. lat. Q 110 A (S; IV в.); его нужно дополнить двумя листами из *Vaticanus Reginensis* lat. 1709 (IX в.) и 14 листами из *Parisinus* lat. 6400 B (VI в.); *Londinensis* Mus. Brit. 16974 (L; X в.); *Leidensis* B. P. L. 30 (c; XII в.); *Vaticanus Reginensis* 560 (R; XIII—XIV вв.). Для установления текста важнее всего OML.

Еще при жизни Иероним издал два сборника писем; вскоре после его смерти в распоряжении читателей оказывается тот корпус, кото-

1. N. ADKIN, Some Notes on the Dream of Saint Jerome, *Philologus* 128, 1984, 1, 119—126.

рый дошел до нас (150 писем, из них 124 — самого Иеронима). Из особенно широкой традиции сегодня выбирают следующие главные рукописи¹: Lugdunensis 600 (VI—VIII в.); Parisinus nouv. acq. lat. 446 (VI—VIII вв.); Neapolitanus VI. D. 59 (VI—VII вв.); Spinaliensis 68 (VIII в.); Monacensis lat. 6299 (VIII—IX вв.); Turicensis Augiensis 41 (IX в.); Parisinus lat. 1868 (IX в.); Coloniensis 35 (VIII—IX вв.); Berolinensis lat. 17 (IX в.); Vaticanus lat. 355 и 356 (IX—X в.); Vaticanus lat. 5762 (X в.); Berolinensis lat. 18 (XII в.).

Из житийных сочинений *Vita Pauli* в Veronensis XXXVIII (36) восходит к 517 г.; лучше Cotton Caligula A XV (VIII в.), Parisinus lat. 11748 (X в.) и Carnotensis 507 (193; X в.). *Vita Hilarionis* лучше всего засвидетельствована в том же самом Parisinus, а *Vita Malchi* — в Neapolitanus lat. VI. D. 59 (VI—VII в.)².

Влияние на позднейшие эпохи

Иеронима наряду с Амвросием, Августином и Григорием Великим относят к четырем крупнейшим учителям церкви на Западе. Без сомнения, он ученейший среди них, но не самый проницательный. *Legenda aurea* метко называет его «судьею слов у себя и у других»³. Его языковое творчество — одно из самых плодотворных для мировой литературы.

Как знаток еврейского языка он — единичное явление. После него лингвистические знания на Западе скорее теряют свое качество. Его крупнейшее достижение, перевод Библии, не сразу обрело признание; даже Августин не смог его оценить и сожалел, что Иероним не в должной мере ориентировался на *Септуагинту* (*Aug. epist.* 71, 4; 82, 35); как раз самая точная версия *Псалтыри* осталась вовсе незамеченной. Языковое и содержательное влияние *Вульгаты* на европейскую культуру, однако же, больше, чем любого другого произведения на латинском языке; для римской церкви в течение тысячелетия — от эпохи Каролингского возрождения и до второй половины XX века — она была основополагающим текстом.

Нисколько не менее живой отклик встретил учитель аскетики, блестящий автор поучительных произведений. Легенда и

1. В. LAMBERT 1969, Bd. 1 A и B.

2. W. A. OLDFATHER, изд., *Studies in the Text Tradition of St. Jerome's Vitae Patrum*, Urbana 1943; В. LAMBERT 1969, 2, 261—263.

3. *Legenda aurea* Иакова Воррагинского, перевод на нем. яз. R. BENZ, Heidelberg 1975, 75б; лат. текст: J. a Voragine, *Legenda aurea*, изд. Th. GRAESSE (1890), перепечатка Osnabrück 1965, 653.

его — никогда не бывшего далеким от мира святым — превратила в святого; если она говорит о его справедливости и внутреннем покое, то прославляет то, чем он хотел быть, но не был — подобно тому как классическая филология поддавалась искушению и всерьез воспринимала обманчивый образ мудрого, бесстрастного Горация. Художники пишут *Иеронима, переводящего в келье*¹; у ног его лежит ручной лев, символ — никогда не достигнутого на деле — укрощенного темперамента? Иероним создал раз и навсегда тип западного монаха, сочетающего в себе аскезу и ученость². Единство аскетикеи и науки пережило средневековье и сейчас воплотилось, например, в образе такой исследовательницы, как г-жа Кюри.

В то время, когда начинался распад государственного порядка и экономического уклада, основание монастырей — решительный шаг к сохранению духовной культуры. Сложная, основанная на последовательном разделении труда римская хозяйственная система, превратившаяся при Диоклетиане в плановое хозяйство и общую государственную эксплуатацию, в высшей степени уязвима. При внешних потрясениях она закономерно принимает вид натурального хозяйства, образуя малые независимые единицы. Такие экономически свободные и стабильные объединения, как монастыри, в смутные времена дают ученым и книгам более высокий шанс на выживание. Иероним, которого нужно в этой области оценить как великого реформатора, оставляет монахам Запада в наследство бациллу гуманистического образования и создает тем самым предпосылки всех позднейших возрождений. Он и сам является образцом творческого восприятия античности. И то и другое делает его *praeseptor Europae*.

Поэтому не случайно, что Иероним — любимый автор Эразма. Но Лютер — который мог поспорить с этим учителем церкви и как переводчик, и как мастер брани³ — в его лице ненави-

1. Живописные изображения с каталогом: R. JUNGBLUT, Hieronymus. Darstellung und Verehrung eines Kirchenvaters, диссертация, Tübingen 1967.

2. Ср. образ «Иероним в пустыне».

3. «S. Augustinus... ist nit so zornig. S. Hieronymus wie wir all, ich, Doctor Jonas, Pommer, sind all zorniger» («Св. Августин не столь гневлив. Св. Иероним как мы все, я, доктор Ионас, Поммер, мы все более гневливы»; Tischreden 347; = W. A. 2, 1, 1912 (перепечатка 1967), 140). Как переводчик он испытывает по отношению к Иерониму чувство товарищества: «Da er die Biblia dolmetscht, da war alle Welt sein meister. Er allein war es, der nichts kunte, und urteilten dem gutem man sein werck, di jhenigen so ym nicht gnug gewest weren, das sie ym die schuch hetten

дит как раз одного из духовных отцов тысячелетия и ощущает своей задачей его преодоление¹. Напротив, Меланхтон судит об Иерониме самостоятельно и мягко; он знает, чем обязан ему уже *in legendis prophetis et in Ebraicae linguae interpretatione*, «в чтении Пророков и в переводах с еврейского языка»². Несмотря на привлечение греческого и еврейского оригинала, а также латинского перевода Нового Завета, осуществленного Эразмом, Библия Лютера во многом идет по пути *Вульгаты*. Аналогичные вещи можно наблюдать и в других странах. Таким образом Иероним оказал косвенное влияние на становление новых языков. Из его комментария к *Посланию к Ефессянам* мы позаимствовали поговорку «дареному коню в зубы не смотрят»³.

Издания: С. SWEYNHEIM, A. PANNARTZ, Romae 1468. * D. VALLARSI, 11 тт., Verona 1734—1742; Venetiis ²1766—1772, новая перепечатка в PL 22—30. * Кроме того, PLS 2, 17—328. * Частичное издание: CC 72—79, Turnholti 1959—1982. * *Письма, агиографические и полемические произведения.*: P. LEPELT (П), BKV 45—46, Kempten 1872—1874. * *Ист., гомил. и догм. произв.*: L. SCHADE (П), 3 тт., BKV 15, Kempten 1914, 16 и 18, München 1936—1937. * *Dogmatic and Polemical Works* (П) J. N. HRITZU, Washington 1965. * Отдельные издания: *Vulgata: Biblia Sacra iuxta Latinam vulgatam versionem*, H. QUENTIN и др., Roma 1926 слл. (еще не полн.); N. T.: J. WORDSWORTH, H. J. WHITE, H. F. D. SPARKS, Oxford 1889—1949; J. WORDSWORTH,

sollen wischen» («Когда он переводил Библию, все брались его поучать. Один он считался невежей, и работу этого доброго молодца обсуждали люди, недостойные чистить ему сапоги»), *Sendbrief vom Dolmetschen*, WA 30, 2, 1909, 634).

1. «*Ego nullum doctorem scio, quem aequae oderim, cum tamen ardentissime eum amarem et legerim... Si tantum urgeret opera fidei et fructus evangelii; tantum dicit de ieiuniis etc. Staupicius meus aliquando dicebat: Ich wolt gern wissen, wie der man wer selig worden! Et antecessor eius Doctor Proles dixit: Ich wolt S. Hieronymum nit gern zum prior haben gehabt!* («Я не знаю никого из церковных учителей, кого бы я в такой степени ненавидел, в то время как прежде был его усердным читателем и любил... Если бы он только неотступно повторял о делах веры и пользе Евангелия; столько говорит о постах и т. д. Мой Стаупиций когда-то говорил: Хотел бы я знать, как такой человек мог стать блаженным! И предшественник его доктор Пролес сказал: Не хотел бы я, чтобы св. Иероним был моим приором!»); Tischreden 445; = W. A. 2, 1, 194); о возникновении этой антипатии: H. JUNGHANNS, *Der junge Luther und die Humanisten*, Göttingen 1985, passim.

2. *Declamatio (oratio) de vita D. Hieronymi*, Corpus Reformatorum, Bd. 11, Halle 1843, Nr. 90 (1546), 734—741, особенно 741 (указал HEINZ SCHEIBLE).

3. *In Eph. 1, praef.: noli...*, *ut vulgare proverbium est, equi dentes inspicere donati*, «не смотри — как утверждает народная поговорка — в зубы дареному коню»; Jan GRUTER, который должен был бы знать об этом лучше, считает эту поговорку германской (*Florilegium ethico-politicum nunquam antehac editum...* Frankfurt 1612, 43); ср. также Chr. LEHMANN, *Florilegium politicum. Politischer Blumen Garten*. 41639, Faksimiledruck, изд. W. MIEDER, Bern 1986, 288, 38.

H. J. WHITE, ed. minor, Oxford 1911; 1920. * *adv. Rufin.*: P. LARDET (ТП, Index), SC 303, Paris 1983. * P. LARDET (К), Leiden 1993. * *epist.*: J. HILBERG, CSEL 54–56, 1910–1918. * J. LABOURT (ТП), 8 тт., Paris 1949–1963. * C. C. MIEROW, T. C. LAWLER (ППр); только т. 1 (*epist.* 1–22), Westminster, Md. 1963. * C. J. M. BARTELINK (ТК), Leiden 1980. * *epist.* 60: J. H. D. SCOURFIELD (ТПК), Oxford 1993. * L. SCHADE, перераб. J. B. BAUER (П, избр.), München 1983. * *hom.*: M. L. EWALD, 2 тт., Washington 1964–1966. * *in Ion.*: Y.-M. DUVAL (ТПК), SC 323, Paris 1985. * *in Is.*: R. GRYSON, P.-A. DEPROOST (Т), Freiburg 1993. * *in Matth.*: E. BONNARD (ТПК), 2 тт., Paris 1977–1979. * *vir. ill.*: E. C. RICHARDSON, Lipsiae 1896. * G. HERDING, Lipsiae 2¹⁹²⁴. * *vita Hilar.* и *epist.* 108: A. A. R. BASTIAENSEN, J. W. SMIT, E. CANALI, C. MORESCHINI, C. MOHRMANN (ТПК), Verona 1975. * *vita Malchi*: C. C. MIEROW (ТП), в: Classical Essays Presented to J. A. KLEIST, St. Louis 1946, 31–60. * *Три легенды*: M. FUHRMANN (ППр), Zürich 1983. ** *Indices*: Неполные Indices verborum, sententiarum et rerum memorabilium в т. 2, 3 и 4 издания Congrégation de Saint-Maur, 5 тт., Paris 1693–1706, замены пока нет. * Index der untersuchten Vokabeln в: H. GOELZER, Etude lexicographique et grammaticale de la latinité de saint Jérôme, Paris 1884, 453–468. ** *Библ.*: ALTANER 1980, 394–404. * Bibliographia Patristica 28 (1983), изд. K. SCHÄFERDIEK, Berlin 1987, 113–114 (и будущие тома).

N. ADKIN, Some Notes on the Content of Jerome's Twenty-Second Letter, GB 15, 1988, 177–186. * N. ADKIN, «Adultery of the tongue». Jerome, *Epist.* 22, 29, 6 f., Hermes 121, 1993, 100–108. * N. ADKIN, Terence's *Eunuchus* and Jerome, RhM 137, 1994, 187–195. * P. ANTIN, Recueil sur saint Jérôme, Bruxelles 1968. * J. B. BAUER, Hieronymus und Ovid, GB 4, 1975, 13–19. * Y. BODIN, Saint Jérôme et l'Eglise, Paris 1966. * H. VON CAMPENHAUSEN, Lateinische Kirchenväter, Stuttgart 1960, перепечатка 1986, 109–150. * F. CAVALLERA, Saint Jérôme. Sa vie et son œuvre, 2 тт., Louvain 1922. * E. A. CLARK, The Place of Jerome's *Commentary on Ephesians* in the Origenist Controversy. The *Apokatastasis* and Ascetic Ideals, VChr 41, 1987, 154–171. * Y.-M. DUVAL, изд., Jérôme entre l'Occident et l'Orient. XVI^e centenaire du départ de saint Jérôme de Rome et de son installation à Bethléem. Actes du Colloque de Chantilly (septembre 1986), Paris 1988. * M. FUHRMANN, Die Mönchsgeschichten des Hieronymus. Formexperimente in erzählender Literatur, Entretiens (Fondation Hardt) 23 (1976) 1977, 41–89. * G. GRÜTZMACHER, Hieronymus, 3 тт., Leipzig 1901; Berlin 1906 и 1908, перепечатка 1969. * G. GUTTILLA, Tematica cristiana e pagana nell'evoluzione finale della consolatio di San Girolamo, ALGP 17–18, 1980–1981, 87–152. * W. HAGEMANN, Wort als Begegnung mit Christus. Die christozentrische Schriftauslegung des Kirchenvaters Hieronymus, Trier 1970. * H. HAGENDAHL, Latin Fathers and the Classics. A Study on the Apologists, Jerome and Other Christian Writers, Göteborg 1958, об Иерониме: 89–328. * H. HAGENDAHL, Jerome and the Latin Classics, VChr 28, 1974, 216–227. * H. HAGENDAHL, Von Tertullian zu Cassiodor. Die profane literarische Tradition in dem lateinischen christlichen Schrifttum, Göteborg 1983. * J. N. HRITZU, The Sty-

le of the Letters of St. Jerome, диссертация, Washington 1939. * P. JAY, Jérôme et la pratique de l'exégèse, в: Le monde latin et la Bible, sous la dir. de J. FONTAINE et Ch. PIETRI, Paris 1985, 523—542. * A. KASEMAR, Jerome, Greek Scholarship, and the Hebrew Bible. A Study of the *Quaestiones Hebraicae in Genesis*, Oxford 1993. * H. KECH, Hagiographie als christliche Unterhaltungsliteratur. Studien zum Phänomen des Erbaulichen anhand der Mönchsviten des hl. Hieronymus, Göppingen 1977. * J. N. D. KELLY, Jerome. His Life, his Writings, and Controversies, London 1975. * A. F. J. KLIJN, Jérôme, Isaïe 6 et l'évangile des Nazoréens, VChr 40, 1986, 245—250. * B. LAMBERT, Bibliotheca Hieronymiana manuscripta. La tradition manuscrite des œuvres de saint Jérôme, т. 1 А и В, 2, 3 А и В, 4 А и В, Steenbrugge и Den Haag 1969—1972. * B. LÖFSTEDT, Hieronymus' Kommentare zu den Kleinen Propheten, AClass 25, 1982, 119—126. * I. OPELT, Hieronymus' Streitschriften, Heidelberg 1973. * I. OPELT, Lukrez bei Hieronymus, Hermes 100, 1972, 76—81. * I. OPELT, Hieronymus' Leistung als Literarhistoriker in der Schrift *De viris illustribus*, Orpheus, NS 1, 1980, 52—75. * S. REBENICH, Hieronymus und sein Kreis. Prosopographische und sozialgeschichtliche Untersuchungen, Stuttgart 1992. * H. SAVON, Saint Ambroise et saint Jérôme, lecteurs de Philon, ANRW 2, 21, 1, 1984, 731—759. * F. W. SCHLATTER, A Mosaic Interpretation of Jerome, *In Hiezechielem*, VChr 49, 1994, 64—81. * J. STEINMANN, Hieronymus, Ausleger der Bibel, перев. А. SCHORN, Köln 1961 (популярн.). * K. SUGANO, Das Rombild des Hieronymus, Frankfurt 1983. * S. VISINTAINER, La dottrina del peccato in San Girolamo, Roma, Univ. Gregoriana 1962. * D. S. WIESEN, St. Jerome as a Satirist. A Study in Christian Latin Thought and Letters, Ithaca, N. Y. 1964. * M. WISSEMAN, Schimpfworte in der Bibelübersetzung des Hieronymus, Heidelberg 1992.

РУФИН И ДРУГИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

По крайней мере в нескольких словах здесь следует обратиться к группе авторов, не бросающейся в глаза и зачастую презираемой, — мы имеем в виду переводчиков. Их слава не соответствует их истинной роли. Как и в момент зарождения римской литературы, так и в пору ее возрождения в позднеантичную эпоху переводы становятся особенно значимыми. В рассматриваемый нами период их влияние сказывается двояко: в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Непосредственно они удовлетворяют потребность Запада в знакомстве с возникшей на Востоке формой монашеской жизни, а также с греческой философией в ее христианском оформлении в библейских комментариях Оригена. Вообще расцвет латинской литературы во второй половине четверто-

го и в начале пятого столетия только и стал возможным благодаря этой деятельности.

В долгосрочном аспекте переводы с греческого сказываются на философии и науке средневековья.

Предтечей комментирования Библии по греческому образцу на Западе был Викторин из Петтау (конец III в.), предположительно, грек. Из большого числа посредников и переводчиков здесь, кроме Мария Викторина, Илария¹, Амвросия, Иеронима, которым мы отдали должное в своем месте, — следует назвать прежде всего два имени: Руфин Аквилейский и Калкидий.

Тиранний (Тураний) Руфин² Аквилейский, друг, а позднее враг Иеронима (см. посвященную последнему гл.), переводит многочисленные труды Оригена, Василия, Григория Назианзина, монашескую литературу и *Хронику* Евсевия. Некоторые важные вещи дошли до нас только благодаря Руфину, который сохранил верность объявленному еретиком Оригену тогда, когда Иероним проклинал учителя, которого тайком переписывал, и пытался стереть друга в порошок.

Влиятельное Афанасиево *Житие св. Антония* дважды в IV в. переводится на латинский язык, первая — сырая — версия анонима³, вторая — более элегантная — принадлежит перу Евгария⁴ (вторая половина IV в.). *Житие св. Антония* оказало сильное влияние на жизненный стиль христиан на Западе, а через него — на биографический и автобиографический жанр.

Калкидий (Халкидий)⁵ — автор довольно тщательного пере-

1. Иларий в своих комментариях, похожих на вольные переводы, передает мысли Оригена.

2. *Издания*: M. SIMONETTI, *Tyrannii Rufini opera*, Turnholti 1961 (= CC 20); *De principijs*: H. GÖRCEMANS, H. KARPP, Darmstadt 1976; *hist. mon.*: E. SCHULZ-FLÜGEL (с библ.), Berlin 1990. *Reg. Bas.*: PL 103, 487—554 MIGNE; *A Commentary on the Apostles' Creed*. Translated and annotated by J. D. N. KELLY, London 1955; дальнейшая лит. у W. BERSCHIN, *Medioevo greco-latino*, Napoli 1989, 61 сл. с прим.; A. SEELE, *Römische Übersetzer. Nöte, Freiheiten, Absichten. Verfahren des literarischen Übersetzens in der griechisch-römische Antike*, Darmstadt 1995; F. X. MURPHY, *Rufinus of Aquileia*, Washington D. C., 1945; M. WAGNER, *Rufinus the Translator*, Washington D. C., 1945.

3. *Издание*: H. HOPPENBROUWERS, диссертация, Nijmegen 1960; кроме того, W. BERSCHIN, *ibid.* 64 сл.

4. *Издание*: *Patr. Graec.* 26, 835—976 MIGNE.

5. *Издания*: Aug. IUSTINIANUS, Paris 1520 (ed. princ.); J.-H. WASZINK, в: *Plato Latinus*, Bd. 4, 1962; J. DEN BOEFT, *Calcidius on Demons* (*comm.* ch. 127—136), Leiden 1977; лит.: W. BERSCHIN, *ibid.* 57; 59; 64 с прим.; 323; 338; E. MENSCHING, *Zur Calcidius*

вода и комментарий к *Тимею* Платона (вплоть до р. 53 с). Раньше это произведение датировали первой половиной IV в., теперь предполагают время создания после 400 г.; образцы, вероятно, восходят ко II в. (Адраст, Нумений); специфически неоплатонического влияния ранее не чувствовалось, но теперь оно становится актуальным (Порфирий). Христианский автор добавляет библейские и римские примеры. Вплоть до конца XII в. Калкидий становится основным источником сведений о Платоне для Средних веков.

АВГУСТИН

Жизнь, датировка

Аврелий Августин родился 13.11.354 г. в Тагасте в Нумидии¹. Его отец патриций, помещик и член городского совета, незадолго до смерти обратился в христианство, мать же нашего автора, Монника, была христианкой в течение всей жизни. В Мадавре Августин изучает грамматику и в Карфагене — риторику. Затем он преподает грамматику в Тагасте и с 376 г. становится городским ритором Карфагена. От раннего любовного союза с женщиной, чьего имени он не назовет никогда, рождается высокоодаренный сын Адеодат, которому суждено было умереть еще отроком; отец создает ему памятник в диалоге *De magistro*. Уже в девятнадцатилетнем возрасте Августин переживает свое первое «обращение» к философскому образу жизни, вызванное чтением цицероновского *Гортензия*. Тогда в латинском переводе он читает и кое-что из Аристотеля. Юного философа шокируют антропоморфные черты ветхозаветного Бога, он отвращается от церкви (в то время он был оглашенным) и полагает, что у манихеев, отвергающих Ветхий Завет, вполне приемлемое понятие о Боге. Но внутренняя проблематика их дуализма могла ускользать от его внимания лишь на короткое время, как и ненаучность их астрономических и космологических представлений; сомнения усиливаются в ре-

us-Überlieferung, VChr 19, 1965, 42—56; J. DEN BOEFT, Calcidius on Fate. His Doctrine and Sources, Leiden 1970; J.-H. WASZINK, Calcidiana, VChr 29, 1975, 96—119.

1. О жизни: P. BROWN 1967; O. PERLER, Les voyages de saint Augustin, Paris 1969; для более широкого круга читателей G. WEHR, Aurelius Augustinus. Größe und Tragik des umstrittenen Kirchenvaters, Gütersloh 1979; C. CREMONA, Augustinus. Eine Biographie (нем. М. НААС), б. м. 1988.

зультате разочаровывающего знакомства с видным манихейским епископом Фавстом (*conf.* 5, 6, 10 сл.). Переселение Августина в Рим, где манихеи обеспечили ему место ритора, психологически похоже на бегство. Умышленная разлука с матерью, а также тяжелая болезнь усиливают кризис, который духовно отражается в обращении к академическому скептицизму¹. Самая преподавательская деятельность, вообще успешная и способствующая возникновению дружеских связей с учениками, интересующимися философией, в Риме не лишена разочарований. Глава нехристианской сенатской партии, Симмах, рекомендует Августина на высокую должность преподавателя риторики в Медиолане. Там он знакомится с неоплатонизмом: это происходит благодаря проповедям епископа Амвросия, а также стараниям консула Маллия Теодора, который дает ему прочесть неоплатонические произведения в переводе Мариа Викторина.

И вот решительный перелом приводит к восприятию нематериального представления о Боге и платоновского определения зла как «не сущего»². Одновременно благодаря Амвросию и его аллегорическим истолкованиям антропоморфизм Ветхого Завета теряет для Августина свой отталкивающий характер (*conf.* 5, 14, 24). Таким образом, путь к церкви для него расчистили научные аргументы частью философского, частью герменевтического характера. Он обращается только после того, как в правоте христианства убедился его разум. Для него неоплатоническая идея Бога не была чисто теоретической; она становится внутренним опытом и религиозным сознанием (*conf.* 7, 10, 16). Но прогресс мистический не сопровождается моральным непосредственно. Августин отдает в монастырь преданную ему мать его сына, поскольку она мешает запланированному браку с девушкой из знатной семьи, и в ожидании свадьбы, которая должна состояться через два года, живет вместе с посторонней женщиной (*conf.* 6, 15, 25). Свое честолюбие, заставившее произнести лживую речь в честь императора, он

1. Скептицизм как путь к Откровению: А.-Ж. ФЕСТИЕР, *La révélation d'Hermès Trismégiste*, 1, Paris 1950, гл. 1.

2. Мысль Августина будет и дальше развиваться в этом направлении; ср. Н. HÄRING, *Das Problem des Bösen in der Theologie*, Darmstadt 1985, 68 сл.; Н. HÄRING, *Die Macht des Bösen. Das Erbe Augustins*, Zürich 1979; G. R. EVANS, *Augustine on Evil*, Cambridge 1982; ср. G. ТНОМЕ, *Vorstellungen vom Bösen in der lateinischen Literatur. Begriffe, Motive, Gestalten*, Stuttgart 1993.

осознает при встрече с пьяным нищим (*conf.* 6, 6, 9). Знакомые рассказывают ему о монашеской жизни, что тогда было новшеством (*conf.* 8, 6, 14 сл.). В ту эпоху — после нескольких веков моральной раскрепощенности — аскеза обладает как раз для молодежи прелестью новизны, приключения. В знаменитой сцене в медиоланском саду (*conf.* 8, 8, 19—12, 30) голос ребенка он воспринимает как призыв Божий; он находит в *Послании к римлянам* требование отречься от мира и следует ему; это произведение апостола Павла и в иных отношениях будет сопровождать его всю жизнь. В эпоху размышлений, когда Августин, окруженный заботами матери, жил вместе с друзьями в имении в Кассициаке, он готовится к крещению; таинство над ним и его сыном совершает Амвросий. После смерти матери в Остии Августин еще год проводит в Риме — Африка, которой владел Гильдон, временно становится враждебной страной — и продолжает жить религиозно-философской жизнью вместе с кружком единомышленников (388 г.). Во время случайной поездки в Царский Гиппон он был против воли рукоположен. Чтобы подготовиться к исполнению своих новых обязанностей, он просит в письме (24) отсрочки для изучения Святого Писания, которое впредь будет оказывать еще более сильное влияние на его стиль. Он становится помощником епископа и, вероятно, в 396 г., но в любом случае до августа 397 г., — его преемником. Августин умирает 28.8.430 г.

В *Retractationes* (завершены в 427 г.) Августин называет 93 своих произведения, в общей сложности 232 книги. К этому следует прибавить вещи, сочиненные впоследствии, а также многочисленные письма и проповеди. Хронологически¹ творчество Августина можно разделить на три группы.

Первый период, вплоть до его хиротонии (386—396), — время создания диалогов, в которых еще можно усмотреть близость к платонизму, а также антимахихейских произведений, где обращенный сводит счеты со своим прежним мировоззрением. С точки зрения экзегезы юного Августина более всего занимают *Псалмы* и *послания* апостола Павла.

Второй этап (396—411 гг.) стоит под знаком новых задач

1. Общая хронология: F. GLORIE 1965; P. BROWN 1967, хронол. табл. A, 16; B, 74; C, 184; D, 282—284; E, 378; C. ANDRESEN, изд., *Bibliographia Augustiniana*, 1973, 254—263; A. SCHINDLER, Augustin, в: TRE 4, Berlin 1979, 690—692; K. FLASCH, Augustin. Einführung in sein Denken, Stuttgart 1980, 466—471; ср. далее: A.-M. LA BONNARDIÈRE, *Recherches de chronologie augustiniennne*, Paris 1965.

епископа; это сказывается на трактате *De doctrina christiana*, а также на великом самоизображении, *Confessiones* (397–401 гг.), первоначально предназначенных для духовных лиц. Психологическая проницательность, отточенная на этом труде, будет плодотворной для анализа внутрибожественных процессов в главном догматическом труде, *De trinitate* (399–420). В многочисленных трактатах Августин полемизирует с донатистами, причем среди прочих его занимают вопросы единства и законности церкви и таинств. Здесь он особенно углубляется в *Книгу Бытия*.

В последний период (412–430 гг.) Августин в споре с пелагианами создает свое учение о милости и предопределении. По поводу разграбления Рима вестготами (410 г.) он пишет монументальное произведение *О граде Божием* с опровержением древнеримской религии и положительным развитием христианской историософии (412/13–426/27 гг.). В 124 трактатах епископ объясняет *Евангелие от Иоанна*. *Enchiridion* о вере, надежде и любви (412–423 гг.) лаконично обобщает учение позднего Августина.

Таким образом, каждое произведение Августина тесно связано с его биографией. Поразительно, сколь «античным» и «светским» остается в этом отношении философ внутреннего мира. Личности и группы, с которыми он чувствует в данный момент свою связь или которые являются адресатами его полемики, в каждом конкретном случае становятся аудиторией его работ. Конечно, было бы слишком большой узостью воспринимать его писательство как «творчество на случай», однако следует держать в поле зрения условия возникновения каждого труда, прежде чем превращать его живую речь в окаменелую отвлеченную систему. Августин остается римлянином: он формулирует свои мысли как выражение пережитого опыта и личного понимания бытия. Именно в этом как раз и заключается особая ценность его работ, придающая, например, в споре с пелагианами сформулированному им учению о благодати Божией, при всех его теоретических недостатках, необычайную религиозную действенность.

Только на первый взгляд вышесказанному противоречит другая тенденция, не менее очевидная для исследующего биографию Августина: безусловное стремление к познанию истины, предопределяющее всю его судьбу. Августин прирожденный философ — как лишь немногие из латинских писателей.

Как обе тенденции переплетаются друг с другом, будет яснее далее.

Обзор творчества

К общему обзору, осуществленному по жанровому принципу, будет примыкать разбор некоторых главных произведений.

Философские работы

De pulchro et apto (380—381 гг., первенец Августина); *Contra Academicos libri tres* (диалог; Кассициак, 386—387 гг.); *De beata vita* (386 г.); *De ordine* (386 г.; о гносеологии и проблеме теодицеи); *Soliloquiorum libri duo* (Кассициак, 386—387 гг.); *De immortalitate animae* (трактат, Медиолан, 387 г.); *De quantitate animae* (диалог о телесности души, Рим, 387—388 гг.); *De magistro* (диалог с сыном о преподавании и учебе; Тагаста, 389—390 гг.); *De musica* (6 книг; Тагаста 387—389 гг.).

Философско-риторические работы

De grammatica (два извлечения; подлинность под вопросом); *Principia dialecticae*; *Principia rhetorices* (подлинность под вопросом). О *De doctrina christiana* см. ниже стр. 1835—1839.

Автобиографические произведения

Confessiones (13 книг, написаны между 396/97 и 400/01 гг.: исповедь Августина, см. ниже стр. 1814 сл.; *Retractationum libri duo* (ретроспективный обзор собственного литературного творчества вплоть до 426/27 гг.).

Апологетические произведения

De divinatione daemonum (вышло в свет между 406 и 411 гг.; дар дивинации, свойственный демонам, уступает дивинации ангелов и пророков); *De civitate Dei* (22 книги, сочиненные и опубликованные отдельными порциями¹ между 412/13 и 426 гг.; главный труд, историко-софского характера, см. ниже стр. 1820—1824); *Tractatus adversus Iudaeos* (неопределенного времени написания, возможно, 429/30 г.; апологетическая проповедь).

Догматические произведения

De diversis quaestionibus octoginta tribus (388—395/96 гг.); *De fide et symbolo* (393 г.); *Sermo de symbolo ad catechumenos* (с 418 г., подлинность ненадежна); *De diversis quaestionibus ad Simplicium libri duo* (ок. 396/397 г.); *De agone Christiano* (ок. 396 г.; противник в агоне — дьявол); *De trinitate libri XV* (в промежутке 399—420 гг.; главное догматическое произведение, см.

1. Публикация: 1—3 до сентября 413 г.; 4 и 5 — 415 г.; 12 — 417/18 г.; 14: ок. 420 г.; 15 и 16 — после 419 г.; 18 — 425 г.

ниже); *De fide rerum, quae non videntur* (после 399 г.; стиль проповеди); *Quaestiones expositae contra paganos*; *De fide et operibus* (412/13 гг.; нельзя отказать от *opera*); *De videndo Deo* (413 г.); *De origine animae et sententia Iacobi* (415 г.); *De adulteriis coniugiis libri duo* (419/20 г.; о нерасторжимости брака); *De fide, spe et caritate = Enchiridium ad Laurentium* (421—423 гг.); *De cura pro mortuis gerenda* (421—422 гг.); *De octo Dulcitii quaestionibus* (421/22 или, скорее, 424/25 гг.).

Догматико-полемиические произведения

Против манихеев

De libero arbitrio (3 книги; произведение начато и в большей части написано в Риме, издано в 395 г. в Гиппоне; диалог между Августином и Еводием. Свободной воле и в праведных поступках, и в грехах принадлежит самостоятельное значение); *De vera religione* (между 389 и 391 гг.; из разговоров в Кассициак; опровержение манихейского дуализма); *De Genesi contra (adversus) Manichaeos* (предположительно 388—389 гг.; обоснование фундаментальной позиции по отношению к Ветхому Завету в подробной экзегезе); *De moribus ecclesiae catholicae et de moribus Manichaeorum* (произведение написано в Риме, переработано в Гиппоне ок. 389 г.; книга 1: кардинальные добродетели в церкви; книга 2: заблуждения и пороки манихеев); *De utilitate credendi* (391 г.; Гонорат, которого Августин причисляет к манихеям, должен отказаться от своих заблуждений; расхождение между верой и знанием); *De duabus animabus* (391 или 392 г.; против представления, будто добро и зло в человеке восходят к доброй или злой душе); *Acta seu disputatio contra Fortunatum Manichaeum* (протокол спора между Августином и Фортунатом 28 и 29 августа 392 г. в Гиппоне); *Contra Adimantum Manichaei discipulum* (394 или 395 г.; перепроверка противоречий между Ветхим и Новым Заветом, обнаруженных Адимантом); *Contra epistulam quam vocant fundamenti* (396/97; полемика против Мани; однако это только начало рассмотрения *основополагающего письма*); *Contra Faustum Manichaeum* (33 книги; между 398 и 400 гг.; Августин берет под защиту оба Завета Св. Писания); *Contra Felicem Manichaeum* или *De actis cum Felice Manichaeo* (протокол диспута 7 и 12 декабря 404 г.); *De natura boni contra Manichaeos* (предположительно 405 г.; по образцу *основополагающего письма* и *Книги сокровищ*); *Contra Secundinum Manichaeum* (405 г.; Секундин хотел вновь обратить Августина в манихейство); *Contra adversarium legis et prophetarum* (2 книги; 420 г.; против манихейской и маркионистской критики Св. Писания)¹.

Против сторонников Присциллиана и Оригена

Ad Orosium contra Priscillianistas et Origenistas (415 г.).

1. Неподлинно *Commonitorium quomodo sit agendum cum Manichaeis qui convertuntur*.

Против донатистов

Psalmus contra partem Donati (394–395 гг.; популярное изложение истории и сущности движения; абecedарий в 20 строфах, по 12 стихов в каждой); *Contra epistulam Donati* (утрачено; того же времени); *Contra epistulam Parmeniani* (3 книги); *De baptismo contra Donatistas* (7 книг; оба произведения ок. 105 г.); *Contra partem Donati* (2 книги; утрачены); *Contra quod adtulit Centurius a Donatistis* (утрачено); *Contra litteras Petilianus Donatistae* (3 книги, 400/01–405 гг.; богатый материал для реконструкции трактатов донатистского епископа); между 2 и 3 кн. *Contra litteras: Epistula ad catholicos de secta Donatistarum* (по большей части называют *De unitate ecclesiae*; подлинность под вопросом).

Contra Cresconium grammaticum et Donatistam (4 книги, между 405 и 408 г.; Кресконий высказался о первой книге против Петилиана; четвертая посвящена преимущественно максимианистскому расколу)¹; *De unico baptismo contra Petilianum ad Constantinum* (410 или 411 г.; против работы Петилиана под тем же названием); *Breviculus collationis cum Donatistis* (акты религиозной дискуссии между католиками и донатистами в Карфагене, опубликованные в конце 411 г.); *Ad Donatistas post conlationem* или *Contra partem Donati post gesta* (412 г.)²; *Sermo ad Caesariensis ecclesiae plebem* (полемическая проповедь от 18 сентября 418 г.); *Gesta cum Emerito Donatistarum episcopo* (запись дискуссии от 20 сентября 418 г.); *Contra Gaudentium Donatistarum episcopum* (2 книги; 419/20 г.; Гауденций, епископ Тамугады, был участником религиозного спора 411 г.); к этой полемике относятся также многочисленные письма, проповеди, а также мысли, высказанные в комментариях к *Евангелию от Иоанна* и *псалмам*³.

Против пелагиан

De peccatorum meritis et remissione et de baptismo parvulorum (3 книги; третья — в форме послания к Марцеллину; время создания — 411/12 г.; против мнения Пелагия о свободе воли, грехе и милости, еще без личной полемики); *De spiritu et littera* (412 г.; об отношении между законом и Евангелием); *De gratia novi testamenti* (412 г.; в форме писем к Гонорату; последний посвятил ему свои книги о свободе воли); *De natura et gratia* (413–415 гг.; для поучения Тимасия и Иакова, которых привлекла аскеза; против *De natura* Пелагия; учение о милости в акте творения противопоставлено таковому же о милости в искуплении); *De perfectione iustitiae hominis* (до 415 г.; опровержение *Definitiones* Целестия); *De*

1. Утрачены: *Probatum et testimoniorum contra Donatistas liber* (ок. 406 г.); *Contra Donatistam nescio quem* (ок. 406 г.); *Admonitio Donatistarum de Maximianistis* (ок. 406 г.); *De Maximianistis contra Donatistas* (не ранее 410 г.).

2. Утрачено: *Ad Emeritum Donatistarum episcopum post conlationem* (предположительно 416 г.).

3. Неподлинны: *Sermo de unico baptismo*; *Sermo de Rusticiano subdiacono*; *Libellus adversus Fulgentium Donatistam*; *Liber testimoniorum fidei contra Donatistas*.

gestis Pelagii (417 г.; адресовано Аврелию, епископу Карфагенскому; полемика с собором в Диосполе); церковно-политическую борьбу против пелагианства проясняют также и письма, среди них: *De praesentia Dei* (417 г.); *De gratia Christi et de peccato originali contra Pelagium et Caelestium* (418 г.); *De nuptiis et concupiscentia* (418/19 или 420/421 г.); *De natura et origine animae* (*De anima et eius origine*; 4 книги, конец 419 г.; традуцианизм); *Contra duas epistulas Pelagianorum* (4 книги, 419/20 г.); *Contra Iulianum* (421/22 г.; 6 книг; в качестве дополнения — произведение о браке); *Contra secundam Iuliani responsionem imperfectum opus* (6 книг, 428–430 гг.); *De gratia et libero arbitrio* (426–27 гг.); *De correptione et gratia* (426–27 гг.; как и предыдущая работа, адресована монахам Гадрумета под началом аббата Валентина; против мнимого отрицания свободы воли и подрыва церковной дисциплины); *De praedestinatione sanctorum* (429 г.); *De dono perseverantiae* (428–29 гг.).

Против ариан

Contra sermonem Arianorum (418/19 г.); *Contra Maximinum haereticum Arianorum episcopum* (2 книги; 427 или 428 г.; запланированные разработки для дискуссии с Максимином, готским епископом); *Adversus haereses* (ок. 429 г.; относится к каталогам ересей: перечисление и опровержение всех ересей с момента возникновения христианства; опровержения Августина написать не успел).

Основная работа по герменевтике

De doctrina christiana (4 книги; первые, вероятно, написаны ок. 397 г.; на середине третьей книги работа была отложена на десятилетия; продолжение и завершение 426–427; основы науки; см. стр. 1835–1838).

Экзегетические произведения о Ветхом Завете

De Genesi contra Manichaeos libri duo (388/89 г.; аллегорическое истолкование праистории); *De Genesi ad litteram imperfectus liber* (393/94 г.; истолкование только до *Gen.* 1, 1–3, 24); *Adnotationum in Iob liber* (после 404 г.); *De Genesi ad litteram libri duodecim* (404–414 гг.; к *Gen.* 1, 1–3, 24); *CLIII Enarrationes in Psalmos* (394–424 гг.)¹; *Quaestionum in Heptateuchum libri septem* (начиная с 419 г.; объяснение вызывающих трудности реалий); *Locutionum in Heptateuchum libri septem* (начиная с 419 г.; объяснение вызывающих трудности языковых вопросов).

Экзегетические произведения о Новом Завете

De sermone domini in monte libri duo (393/94 г.; Нагорная проповедь как квинтэссенция христианской жизни; евангельские блаженства и молитва «Отче наш» дают повод для числовых спекуляций); *Expositio*

1. О датировке: R. LORENZ, *Zwölf Jahre Augustinusforschung* (1959–1970), *ThRdschau* 38, 1974, 327 сл.

quarundam propositionum ex epistula ad Romanos (394/5 г.); *Expositio epistulae ad Galatas* (394 г.); *Epistulae ad Romanos expositio inchoata* (394/5 г. или несколько позже; только о вступлении к посланию); *Quaestionum evangeliorum libri duo* (после 404 г.; к *Matth.* и *Luc.*); *De consensu evangelistarum libri quattuor* (после 404 г.; когда неоплатоники и манихеи упрекают Евангелия в противоречиях друг с другом, они не принимают в расчет, что это четыре члена тела, чья глава — Христос); *In Iohannis epistulam ad Parthos tractatus decem* (407; *caritas*, «любовь», и *ecclesia*, «церковь», неотделимы друг от друга); *In Iohannis evangelium tractatus CXXIV* (406—420 гг.¹; истолкование *Евангелия от Иоанна* с точки зрения спора с пелагианами)².

Морально-богословские и пастырско-богословские произведения *De mendacio* (ок. 395 г.; диалектическое рассмотрение вопроса); *Contra mendacium* (вероятно, конец 419 — начало 420 г., к Консенцию; ложь недопустима даже при самых лучших намерениях); *De continentia* (после 418 г.; видная проповедь; против «манихейского безумия» восхваляется «плодотворное и достохвальное стремление» к истинному воздержанию, даже и в браке); *De bono coniugali* (после 404 г.; против Иовиниана); *De sancta virginitate* (написано примерно в то же время); *De bono viduitatis* (414 г.; письмо к Юлиане); *De opere monachorum* (после 404 г.; против духовного высокомерия).

De patientia (ок. 418 г.; проповедь; ср. трактаты Тертуллиана и Киприана на ту же тему); *Speculum* (вероятно, 427 г.; извлечения из нравственного закона Ветхого и Нового Завета — 51 отрывок о нравственном самопознании); *De catechizandis rudibus* (после 404 г. для карфагенского диакона Деограция); *Ad inquisitiones Ianuarii* (две книги, после 404 г., сохранились вместе с письмами; о вопросах церковной практики — соблюдение поста, омовение ног, церковные песнопения, исчисление времени Пасхи и др.); не сохранился труд, написанный несколькими годами позже — *Contra Hilarum* (об использовании песнопений при служении в алтаре).

Письма

Корпус писем насчитывает, по исчислению издания *Congrégation de saint Maur*, 270 посланий и один фрагмент, среди них 217 (218) писем Августина, включая 7 коллективных; позднее к ним добавились еще пять писем и один отрывок из письма; а недавно — еще некоторое количество иных посланий (CSEL 88, 2, 6). Наряду с частной перепиской есть трактаты в эпистолярной форме пастырско-богословского и догматического содержания, предназначенные для публикации.

1. О датировке: R. LORENZ, *ibid.* 326 сл.

2. Утрачено: *Expositio epistulae Iacobi ad duodecim tribus* (406—412 гг.). Неподлинны: *Quaestiones XVII in evangelium secundum Matthaeum*; *Expositio in Apocalypsim B. Iohannis*.

Проповеди

Сборник *sermões* включает, по исчислению издания Congrégation de saint Maur, 363 безусловно восходящих к Августину проповеди, 32 сомнительной подлинности, несколько отрывков, 317 добавленных чужих текстов. С тематической точки зрения в сборнике различаются *sermões de scripturis* (о Писании), *de tempore* (о современности), *de sanctis* (о святых) и *de diversis* (о различных вещах).

Стихотворения

Psalmus contra partem Donati (абecedарий в 20 строфах по 12 стихов в каждой трохеическими тетраметрами); 53 гекзаметра на тему *De anima*; *эпиграммы*.

Обзор некоторых основных произведений

Confessiones

Confessiones — книга, не знающая равных ни в ранней, ни в позднейшей литературе, самоизображение с психологическим анализом неслыханной в то время глубины, одновременно и исповедь, и полноценное произведение искусства, индивидуальное и типическое, богатое и подкупающее как подлинностью своего психологического опыта, так и высшей степенью литературного дистанцирования. В двойственности риторики и спонтанности произведение производит впечатление загадочного двуликого Януса. Если рассматривать его как чистую автобиографию, то после девятой книги приходится сложить оружие в силу невозможности объяснить общую структуру: Зачем тогда чисто интроспективная десятая книга, зачем — экзегетическое заключение (книги 11—13)? Генетический анализ слоев не оказался бесплодным, но не смог до конца прояснить, что имел в виду автор, сочетая три столь разнородных элемента¹. Какие точки привязки дает само произведение?

1. О *Confessiones* в целом: G. WUNDERLE, Einführung in Augustins *Konfessionen*, Augsburg 1930; A. HOLL, Die Welt der Zeichen bei Augustin. Religionsphänomenologische Analyse des 13. Buches der *Confessiones*, Wien 1963; K. GROTZ, Die Einheit der *Confessiones*. Warum bringt Augustin in den letzten Büchern seiner *Confessiones* eine Auslegung der *Genesis*?, диссертация, Tübingen 1970; L. F. PIZZOLATO, Le fondazioni dello stile delle *Confessioni* di Sant'Agostino, Milano 1972; E. P. MEIJERING, Augustin über Schöpfung, Ewigkeit und Zeit. Das 11. Buch der *Bekennnisse*, Leiden 1979; H. CHADWICK 1986, 66—74; о структуре: G. N. KNAUER 1955, 19 сл. (с лит.); H. KUSCH, Studien über Augustinus. I. Trinitarisches in den Büchern 2—4 und 10—13 der *Confessiones*, в: FS F. DORNSEIFF, Leipzig 1953, 124—183; P. COURCELLE 1968, 13—29; G. PFLIGERSDORFFER, Das Bauprinzip von Augustins *Confessiones*, в: FS K. VRETSKA, Heidelberg 1970, 124—147; E. DÖNT, Zur Frage der Einheit von Augustins *Konfessionen*, Hermes 99, 1971, 350—361; W. STEIDLE, Augustins *Konfessionen* als Buch, в: К.-Н. SCHWARTE, J. HEINRICHS, изд., Romanitas — Christianitas, FS J. STRAUB, Berlin 1982, 436—527; особенно 500—527; W. STEIDLE, Gedanken zur Komposition von Augustins *Confessionen*, в: P. NEUKAM, изд., Struktur und Gehalt, München 1983, 86—

Confessio называется не только исповедание грехов и веры, но и прежде всего — похвала Богу. Многочисленные молитвы и вкрапления цитат из псалмов придают прозе лирический оттенок, и этот ход сохраняется в сознании читателя. В отличие от современных «исповедей» похвала Творцу здесь — центральный пункт, как и прославляющее возвешение о Нем (11, 3): тот, кого Он искупил, воспевал бы псалмы в Его честь перед всем миром (9, 4, 8). Обращение к публике здесь не искусственное расширение или нарушение «исповеди»; исповедь есть исповедь перед людьми, обоснование собственного обращения, поучительный пример для других, которые также должны прийти к Богу.

Эта цель обусловила строгий отбор фактов: сообщается то, что можно понять как проявление Божественного водительства (11, 2, 2). О грехах он рассказывает не ради них самих, но в качестве *exemplum*: подробный рассказ о воровстве груш (2, 4, 9–10, 18) — вовсе не порождение греховно-патологического самосознания — делает совершенно понятной сущность греха при рассмотрении по возможности нейтрального случая, могущего служить школьным примером: грех — то, что происходит не с телом, а с душой. В некоторых промахав Августина, правда, усматривает поверхностное заблуждение стремления, в корне здорового.

К сообщению о некоторых примерах пережитого в собственном опыте Божественного водительства (книги 1–9) примыкает истолкование Слова Божия (книги 11–13). Между ними десятая книга — самоиспытание.

Можно подойти к произведению и иначе: рассмотреть его как состоящее из трех неравных частей, с точки зрения «прошлого — настоящего — будущего»: после описания собственной жизни до крещения и смерти матери (книги 1–9) идет изображение нынешнего состояния (книга 10) и образец будущей деятельности того, кто возвещает о Слове (книги 11–13; ср. в особенности 11, 2, 2). Третья часть превосходит первую в том отношении, что вместо человеческого слова центральный пункт занимает в ней Божие. Одновременно история творения понимается как аллегория церкви; в *conversio*, «обращении» через милость снято самоуничтожение отпавшей от Бога природы и восстанавливается первоначальная интенция творения. Через крещение — кульминационный пункт автобиографии — индивидуум вступает в царствие Божие, которое косвенно отражают последние книги.

Начальная и заключительная часть *Confessiones* параллельны друг другу как две формы познания: земное, основанное на опыте и разуме, подводящее Августина, хотя и окольными путями, к видению не-

коего Бога, и религиозное, основанное на изучении Св. Писания (*meditabor in lege tua*, «я буду размышлять в Твоем законе» 11, 2, 2, по Ps. 1, 2). Промежуточное положение между ними занимает самопознание, проявляющееся во всем произведении, но особенно в десятой книге. *Confessiones* образуют единое целое¹.

Это единство коренится в мышлении Августина, в особенности в его анализе времени в одиннадцатой книге. Выражения, которые он там употребляет, подходят ко всем трем частям *Confessiones* — присутствие прошлого (книги 1—9: собственная биография живет в памяти как обобщение пути к Богу), присутствие настоящего (книга 10: друзья Августина интересуются сегодняшним состоянием его души, и он сам спрашивает себя об этом), присутствие будущего (книги 11—13: истолкование творения как *ecclesia*, как воплощение в настоящем будущего мира).

Следует ли полагать, что Августин сознательно положил в основание своего произведения тринитарную схему? Этот вопрос тем более стоит исследовать, что он по крайней мере одно важное событие своей жизни — «неоплатоническое» видение Бога — объясняет с тринитарных позиций². С этой точки зрения бросим взгляд на его главное догматическое произведение.

De trinitate

Над *De trinitate* автор работал долгие годы (с перерывом после 12-й книги)³. Здесь обнаруживаются, особенно начиная с 8-й книги, интеллектуально-психологические модели, которые отчасти родственны используемым, например, в 11 книге *Confessiones*.

Августин отталкивается от актуальных проблем (что и соответствует его манере), от проблем, которые важны прежде всего для его полемики с арианством: единство и равноправие лиц Троицы, в особенности божественность Сына и Св. Духа, как и две природы Иисуса Христа (книга 1).

Он объясняет творение из воли Божией, откровения в Ветхом Завете (книги 2 и 3), роль Христа как приносящего жизнь, а Люцифе-

1. Ср. об этом Н. SNADWICK 1986, 68.

2. Сначала он сопоставляет понятия, соответствующие трем лицам Божества, параллельно, чтобы затем они пересеклись друг с другом: *qui novit veritatem, novit eam (sc. lucem), et qui novit eam, novit aeternitatem. caritas novit eam. o aeterna veritas et vera caritas et cara aeternitas! tu es Deus meus, «кто знает истину, знает его (т. е. свет), а кто знает его, знает вечность. Любовь знает его. О вечная истина и истинная любовь и возлюбленная вечность! ты Бог мой».*

3. Анализ содержания у: D. PINTARIČ, Sprache und Trinität. Semantische Probleme in der Trinitätslehre des hl. Augustinus, Salzburg 1983, 39—82; о тринитарной теологии юного Августина (до 391 г.): O. DU ROY, L'intelligence de la foi en la trinité selon saint Augustin, Paris 1966; ср. далее F. GERN, Trinität und Amt nach Augustinus, Einsiedeln 1986.

ра — как приносящего смерть, и исхождение Св. Духа (книга 4). Троицизм нетелесно и неизменно; наши «исторические» высказывания о нем не могут ничего в этом изменить (книга 5). Проблема недостаточности того, что мы говорим о Боге, косвенно подготавливает привлечение природных аналогий в рассуждениях о Троице.

В заключительной главе 6 книги, где идет речь о сущностном единстве Бога, автор дает понять, что Троица отражается в творении (*esse, vivere, intellegere*: 6, 10, 11 сл.). Седьмая книга объясняет единство божественной мощи и мудрости и взаимоотношения между тремя ипостасями в одной сущности. Два или три лица Троицы, вместе взятые, не больше, чем любое из них: таким образом восьмая книга продолжает эту мысль. Познание Бога возникает из познания истины, понятия о высшем благе и врожденной любви к справедливости, но прежде всего из любви. В любви — «след» (*vestigium*) Троицизма: любящий, любимый и любовь (10).

Девятая книга показывает, что в человеке — подобии Божиим — также присутствует Троица (9, 4, 6): сознание, самопознание и любовь к себе. Эти три свойства равны друг другу, и у них одна сущность. Так зачинается внутреннее Слово — либо из любви к творению, либо из любви к Творцу. В области духа зачатие и рождение (Слова) — одно и то же, но не для тела. (Этот тезис вообще лежит в основе натурфилософии Августина: творение в единый миг и биологическое учение о развитии для него не исключают друг друга.)

Десятая книга обнаруживает еще одно троеединство в человеке: *memoria, intelligentia, voluntas* («память, постижение, воля», 10, 11, 18; ср. риторические категории *ingenium, doctrina, usus*, «талант, выучка, опыт»). Во внешнем человеке также есть след Троицы (книга 11): воспринимаемое тело, его отображение в оке созерцающего и напряжение воли между тем и другим. Эти три элемента не однородны; однако в душе есть соответствующее троеединство, выведенное из внешнего созерцания: *imaginatio corporis* («воображение тела», в памяти), *informatio* («представление о теле», в актуализации с помощью сознания) и *intentio voluntatis*, «усилие воли», сочетающее оба. Мыслительный процесс Августина похож здесь на гомогенизацию сущностно различных отрезков времени через субъективацию в одиннадцатой книге *Confessiones* (см. выше, стр. 1816).

Двенадцатая книга *De trinitate* проводит различие между мудростью и наукой. Последняя относится к человеческим предметам, первая — к божественным. Притязание на то, чтобы быть «подобием Божиим», имеет только человеческий ум, созерцающий вечное. Эта тема излагается в тринадцатой книге с помощью пролога к *Евангелию от Иоанна*. «Человеческий» исходный пункт — стремление к счастью в духе Цицероновского Гортензия; счастье верующего выше, чем счастье философа, что иллюстрируют слова Теренция: *quoniam non potest id fieri quod vis, id velis quod possit* («поскольку уж не может произойти то, че-

го желаешь, желай того, что может произойти», Andr. 305 сл.). Не может быть блаженства, если нет бессмертия; последнее основано на воплощении Христа; наши так называемые заслуги — дары Божии; дьявола, которому преданы все из-за грехопадения Адама, Христос побеждает не силой, а справедливостью. Воплощенный Логос обладает сокровищами мудрости и науки (Col. 2, 1—3; 1 Cor. 12, 7 сл.). Цель «научных» исследований о низших «следах» Троицы — своего рода тренировка ума и индукция¹. Переход от видимого к невидимому для Августина — и в иных случаях принцип веры; древнеримская *fides* как верность договору уже предполагает в другом человеке веру в нечто невидимое.

Как и Лактанций, Августин отождествляет мудрость и благочестие (книга 14). В памяти, созерцании и любви, свойственных вере, также кроется определенное триединство, но еще не богоподобие. И снова шаг от низшего к высшему: в уме, мыслящем самого себя, также господствует определенная троица. Она вспоминает себя в Боге, познает и любит его. Пока человеческий дух питается подобными мыслями, он проникается мудростью. Обновление подобия Божия в человеке происходит не только в момент обращения, но и в ежедневном продвижении вперед. В вечности будет восстановлена полная аналогия с триединством. Подобно тому как в иных местах он непременно цитирует Вергилия, здесь Августин ссылается на Цицерона *Гортензия*, которому он обязан своим первым обращением (14; 19, 26). При этом он дистанцируется только от скептической заключительной фразы; основная мысль о пронизательности ума, о духовном зрении и возвращении в небеса для него приемлема безоговорочно.

Только в последней (пятнадцатой) книге Августин добирается, наконец, до триединства Бога: путь его ведет от творения к Творцу. Поскольку Бог — постоянная цель поисков, то исследование следов Троицы в творении вполне осмыслено. Не только Св. Писание, но и природа возвещает о Творце; Он должен заключать в себе все в превосходной степени (15, 4, 6). Бог есть все, что Он есть, *secundum substantiam: aeternus, sapiens, beatus*, «по своей сущности: вечный, мудрый, блаженный». Троица — *sapientia, notitia sui, dilectio sui*, «мудрость, познание себя, любовь к себе». Однако не следует из видимых триединств делать поспешные умозаключения о Божественном. Мы видим Бога толь-

1. *Placuit quippe velut gradatim ascendentibus in utraque requirere apud interiorem hominem quandam sui cuiusque generis trinitatem, sicut prius apud exteriorem quaesivimus; ut ad illam trinitatem quae Deus est, pro nostro modulo, si tamen vel hoc possumus, saltem in aenigmatibus et per speculum contuendam exercitatio in his rebus mente veniatibus* («Вот, мы решили, как бы продвигаясь шаг за шагом, и в том и в другом разыскивать у внутреннего человека троицу своего рода, как раньше мы искали у внешнего, — чтобы, натренировав ум в подобных вещах, прийти к созерцанию той Троицы, которая есть Бог, нашим способом, если мы сможем хотя бы это, по крайней мере загадочно и сквозь туманное стекло», 13, 20, 26).

ко «зерцалом в гадании» (1 Cor. 13, 12). Здесь ритор рассматривает аллегории, тропы и загадки (15, 9, 15 сл.). Наши слова — только знаки мыслей. Подобие божественного Слова следует искать только во внутреннем, духовном слове. Наше внутреннее слово становится слышимым *vox*, как божественный Логос — плотью. Еще точнее: оно обретает телесный образ. Слово Божие — больше, чем несказанное, мыслимое слово (*neque prolativum in sono, neque cogitativum in similitudine soni*, «ни произносимое в звуке, ни мыслимое в подобии звука»), оно существует до всех знаков, и его порождает то знание, которое обретается в духе. Любому человеческому действию предшествует внутреннее слово. Против академического скептицизма (ср. *Contra Academicos*) Августин твердо придерживается тезиса: «Я знаю, что я знаю». Чувственное восприятие также достоверно. Многое, правда, мы знаем только из свидетельств людей, которым мы можем доверять. Знание Бога — другого рода: Он знает все изначально, и все есть постольку, поскольку Он это знает. Однако наше слово не будет сопоставимо с божественным даже тогда, когда мы уподобимся Богу. Когда идет речь о триединствах, наблюдаемых у человека, мы имеем дело с различными функциями собственного я; у Бога — о трех единосущных лицах. Отец соответствует нашей памяти, Сын — способности понимания, Дух — нашей воле и нашей любви. Но при этом каждому лицу присуще *proprie* то свойство, которое характерно для целого *universaliter*: в более узком смысле слова Св. Дух есть любовь, в более широком — вся Троица. Здесь вообще уже обнаруживается представление, что Св. Дух исходит и от Сына, которое позднее приведет к великому расколу между восточной и западной церковью¹.

Что касается познаваемости Бога, то здесь Августин подчеркивает, что апостол не сказал «Мы видим зеркало», но «зерцалом», в отражении (15, 23, 44–24, 44; 1 Cor. 13, 12). Зерцало, наше сердце, очищает вера (1 Tim. 1, 5), и оно становится способным (ср. *Matth.* 5, 8) созерцать Бога (24, 44; против радикального гносеологического скептицизма). Мысль, заключенная в нашей памяти, соответствует Отцу. Отображение, которое мы видим перед собой, когда мы направим на предмет свой взгляд, — Сыну. Дух (воля или же любовь) объединяет обоих. Воля исходит из веры (поскольку никто не хочет того, чего он не знает), но воля — не отображение мысли. В этом заключается разница между рождением (Сына) и исхождением (Св. Духа).

Произведение *De trinitate* наводит на мысль о внутренней связи между темами «Бога» и «души» для Августина. Одновременно оно дает гносеологическую модель для других его важных философских открытий: философия времени (ключ к структуре *Confessiones*) и природы (ср. о кн. 9).

1. 15, 17, 29; 15, 26, 46; ср. *Ioh.* 20, 22.

De civitate Dei

С точки зрения истории духовной культуры не менее значимы 22 книги *De civitate Dei*¹. Поводом для их написания послужил захват Рима Аларихом в 410 году. Многие язычники усмотрели в этой катастрофе ниспосланную богами кару, тем более что император Феодосий недавно подкрепил христианизацию страны конфискацией сокровищ языческих храмов. Прежде всего следовало доказать, что в упадке Рима христианство совершенно неповинно. В этом отношении *De civitate Dei* продолжает и завершает апологетическую тему.

Первая, «деструктивная» часть доказывает, что почитание богов ничем не помогло ни земному счастью (книги 1–5), ни достижению вечной жизни (книги 6–10). Так он опровергает сначала римских патриотов вроде Симмаха, а затем поддерживающих язычество философов-платоников. Аргументы в первых десяти книгах в основном сосредоточены в трех областях: история, государственная религия и философия. Историческая философия Августина пессимистична: вспомним *Историю* Саллюстия, седьмой эпод Горация и вступление Лукана. Братоубийца Ромул напоминает Августину Каина. Римская история — цепь несчастий.

Вторая основная сфера — государственная религия: боги не помогали Риму; их праздники были школой непотребства; ни один образованный человек не верил в такого рода богов. Материал для аргументации дает Варрон: Августин здесь сохраняет ценные отрывки из *Antiquitates* и *De gente populi Romani*. Признак времени — то, что один из Отцов Церкви отвергает «тройную теологию» (*theologia tripartita*) Варрона: толерантное язычество признавало для различных областей жизни (философия, театр, политика) и сфер проявления личности (мысль, чувство, воля) различные «теологии» (философский монотеизм, поэтический миф, практический государственный культ). Христианин спрашивает: если вы считаете монотеизм единственно истинным, то зачем вам иные мировоззренческие формы? В этой критике сталкиваются друг с другом две эпохи.

Другой кладезь доводов — представление о разбойничьем государстве и речь Карнеада против справедливости из третьей книги *De re publica* Цицерона (важными фрагментами Саллюстия и Цицерона мы обязаны тому обстоятельству, что Отцы Церкви занимались этим вопросом). Августин ловко обращает обвинение язычников против них

1. J. C. GUY, *Unité et structure de la Cité de Dieu de saint Augustin*, Paris 1961; J. O'MEARA, *Charter of Christendom: The Significance of the City of God*, New York 1961; H. FUCHS, *Augustin und der antike Friedensgedanke. Untersuchungen zum 19. Buch der Civitas Dei*, Berlin 1965; V. HAND, *Augustin und das klassische römische Selbstverständnis. Eine Untersuchung über die Begriffe gloria, virtus, iustitia und res publica in De civitate*, Hamburg 1970; J. LAUFS, *Der Friedensgedanke bei Augustinus. Untersuchungen zum 19. Buch des Werkes De civitate Dei*, Wiesbaden 1973; H. CHADWICK 1986, 96–106.

самих: в гражданских войнах римляне от римлян претерпели много больше, чем ныне от варваров, которых христианство уже направило в сторону цивилизации.

Во второй, конструктивной части произведения делается набросок панорамы мировой истории под знаком божественного и светского государства, «Иерусалима» и «Вавилона». Первое основано на любви к Богу, социально и органично, второе — на себялюбии, ведущем к изоляции. В первом царят единство, единобожие и мир, во втором — война, многобожие и самообожествление. (Библейское) представление о государстве Божиим Августин развивает — в духе школы Плотина и Цицерона — из тех посылок, которыми он обязан Амвросию (то есть среди прочих и Филону)¹.

Августин рассматривает последовательно небесные истоки (книги 11–14), земное развитие (книги 15–18) и цель истории (книги 19–22)².

Уже на заре всемирной истории наряду с божественным государством, которое должно включить в себя всех, предназначенных к блаженству, появляется государство светское — результат отпадения некоторых духов от Бога. Зло этого последнего — не материального, а духовного происхождения — любовь к себе³.

Ход исторического развития можно разделить на шесть эпох, которые — по обычаю римских историографов — автор сопоставляет с человеческими возрастами. В период детства (I) Авель и Сеф воплощают град Божий, а Каин — мирской, отрочества (II) — с одной стороны Ноах, Сем (прародитель иудеев) и Иафет (предок добрых язычников), с другой — Хам и Нимрод. Вавилонское столпотворение приводит к смешению языков и войне. Только семиты сохраняют первоначальный язык. С психологической точки зрения сочетание отрочества и языковой проблематики — счастливая находка. В эпоху юности человечества (III) появляются Авраам и Исаак как земное предвосхищение церкви. Моисей провозглашает ветхозаветный закон. С другой стороны — мировая держава в Месопотамии (Нин) и начало обожествления правителей у греков (Аргос, Кекроп). Возраст мужества (IV) приносит граду Божию переход от прообраза церкви к явному пророчеству (Самуил, Давид), а светскому государству — нача-

1. H. LEISEGANG, *Der Ursprung der Lehre Augustins von der Civitas Dei*, AKG 16, 1926, 127–158; см. также: R. H. BARROW, *Introduction to St. Augustine, The City of God*, London 1949, 267–273.

2. Обращение к предельным вопросам в конце *De civitate Dei* — параллель к мифологическому исходу произведений Платона и Цицерона о государстве, ср. J. L. TRELOAR, *Cicero and Augustine. The Ideal Society*, *Augustinianum* 28, 1988, 565–590.

3. Положительно любовь к себе оценивается только тогда, когда она вытекает из любви к Богу и ведет за собой любовь к ближнему: K. JASPERS, *Augustin*, München 1976, 55 сл.; O. O'DONOVAN, *The Problem of Self-Love in St. Augustine*, New Haven 1980.

ло новой мировой империи (Рим!). Сочетание Рима и возраста возмужалости убедительно и с эстетической точки зрения. Пятый этап — Августин говорит о *senioris aetas*, «более зрелом возрасте» (V) — с одной стороны, дает иных пророков и восстановление Храма, с другой — Израиль глубоко унижен римлянами. Старость — но только возраст «ветхого человека» (Израиль, который теряет свой храм) — одновременно и время милости (VI), подготовленное необычайно ясными пророчествами как у иудеев, так и у язычников. Как на шестой день творения был создан Адам, так в этом шестом периоде истории воплощается Христос, чье тысячелетнее царство не лежит исключительно в будущем; он исполняет не только ветхозаветные чаяния, но и ожидания Платона (на которого, как полагает Августин, оказал влияние Моисей); единый Бог и его Слово исторически осуществились во Христе и стали доступны для всех. Седьмому дню творения соответствует *requies aeterna*, «вечный покой». По сравнению с прежними параллелями между историей и семью днями творения (начиная с книги *Еноха*) или (Matth. 20) работниками в винограднике (Ориген) еще сильнее проявляется самостоятельность Августина. Вдохновленный Амвросиевым истолкованием библейских генеалогий, он создает последовательную периодизацию истории в духе подразделения на шесть этапов. Моисей уступает свое первенство, а Давид, наоборот, выходит на первый план — певец *Псалмов*, восхваляющий Господа. Вообще для Августина характерно, что у него эпохи представляют скорее лица, чем события. По-современному звучит отказ от хилиазма¹. В конце мировой истории оба государства разделяет непреодолимая пропасть, и каждое достигает своей окончательной цели — блаженства или осуждения.

В реальной истории ни один из этих градов не существует в несмешанном виде. Божественное государство охватывает и предопределенных к спасению иудеев и язычников дохристианской эпохи; и напротив, церковь приобретает черты светского государства, которое, в свою очередь, не могло бы состояться, если бы в нем не было примесей божественного происхождения. Таким образом для Августина оказывается возможным сказать «да» «естественному государству» (для которого были предназначены Адам и Ева до грехопадения) как части мирового *ordo*, признать даже положительные черты римской державы. Соответственно он различает три вида закона: естественный, проявляющийся в совести и международном праве, вечный, действующий в церкви (милость), и временный (служащий в реальном государстве для установления справедливости). В то время как Цицерон конкретным образом основывает государство на правовой общности и полезности (*rep.* 1, 25, 39), Августин подчеркивает немате-

1. Rod. SCHMIDT, Aetates mundi. Die Weltalter als Gliederungsprinzip der Geschichte, ZGK 4. Folge 5, т. 67, 1955–1956, 288–317; К.-Н. SCHWARTE, Die Vorgeschichte der Augustinischer Weltalterlehre, Bonn 1966.

риальные факторы: согласие, разум и прежде всего — взаимную любовь к одному и тому же: *populus est coetus multitudinis rationalis, rerum quas diligit communiione sociatus* («народ — собрание разумного множества, объединенный общностью в том, что он любит», *civ.* 19, 24).

Своим величием Рим обязан не языческим демонам, а Божественному провидению. Когда Августин считает Рим второй мировой державой, он выступает против учения Иеронима о четырех империях и следует *комментарию к Апокалипсису* Тикония. Римские доблести, из которых в первую очередь подчеркиваются честолюбие, великодушие и готовность к самопожертвованию, могут быть образцом поведения в рамках полиса и для христиан; это справедливо и для идеальной фигуры римского должностного лица. Августин признает и политические достижения римлян, такие как всеобщее гражданское право и мир. В отличие от прежних апологетов, желавших гибели Рима, Августин считает благом сохранение мира с помощью римского государства. Он рассчитывает не на падение Империи, а на ее разделение на группу малых государств.

Августин далек от имперской теологии, однако он хвалит христианские власти и полагает, что светская забота о правосудии основывается на божественном промысле, так что христианизированная римская держава приближается к состоянию «естественного государства»¹. Противоречия, свойственные этому мировоззрению, очевидны. Мыслимые пути решения (государственная церковь, церковное государство, строгое разделение между церковью и государством) в теоретической и практической ипостаси пронизывают историю средневековья и Нового времени, причем представители самых различных точек зрения имели возможность сослаться на Августина.

Наш автор создает здесь синтез из языческой и христианской критики Рима, историографической и апологетической традиции. Последняя воплощается в строго научной полемике против язычества. Однако Августин заходит сравнительно далеко в признании платонизма и римских успехов и доблестей². Плодотворен его проницательный анализ истории спасения. Если под философией истории понимают телеологическое рассмотрение исторического развития, *De civitate Dei* следует считать трудом по философии истории. Правда, Августин, в отличие от Шеллинга и Гегеля, не думает о прогрессивном внутрибожественном развитии, однако поэтапное Откровение у него присутствует в полной мере. Тем не менее он делает и важный шаг к современному пониманию истории, поскольку ограничивает

1. В общем и целом богословское обоснование государства не заходит у него так далеко, как, например, у Лютера в учении о двух державах (*Комментарий к Нагорной проповеди*).

2. E. VON IVANKA, *Römische Ideologie in der Civitas Dei*, AugMag 3, 1955, 411–417; V. PÖSCHL, *Augustinus und die römische Geschichtsauffassung*, AugMag 2, 1954, 957–963.

ся определенным этапом, так что рассматриваемый процесс обретает серьезность неповторимости.

О содержании *De doctrina christiana* см. ниже, стр. 1835–1838.

Источники, образцы, жанры

Источники. Что касается сведений о традиции, то Варрон пишет о древнеримской религии, Ливий — об истории; пессимистический пролог к *Истории* Саллюстия и *De re publica* Цицерона с разработкой темы справедливости в третьей книге дают исходную точку для критики Рима; прямой его противник в духовной сфере — Вергилий со своей теологией истории. Варрона, Сенеку, Вергилия (см. особенно *serm.* 105) Августин считает пленниками своего времени и общества, он обнаруживает в их словах «двойное» значение. Цицерон был ведущей фигурой его первого «обращения»; он также — представитель академического скептицизма, к которому склонялся Августин в середине своей жизни. Риторические произведения Цицерона расчищают путь для *De doctrina christiana*. Это влияние сказывается не только на форме, но и на философском содержании.

Как и ранние Отцы Церкви, Августин черпает свои сведения о мнениях философов из доксографической литературы; однако он непосредственно знакомился с произведениями Плотина и Порфирия в переводах Мариа Викторина. Из грекоязычных иудейских и христианских авторов он знаком с внушительным списком — в основном в переводах¹ Руфина,

1. Филон (экзегеза *Книги Бытия*), Иосиф Флавий (*Иудейская война*), Иринея (*Adversus haereses*), Ориген (*De principiis*, первая и вторая гомилии на *Книгу Бытия*, пятая гомилия на *Левита*, объяснения *Песни Песней*, 14-я гомилия на *Евангелие от Луки*), Евсевий (*Церковная история; Хроника*), Василий (гомилии *Шестоднева*), Григорий Назианзин (девять *речей*), Дидим Слепой (*De spiritu sancto, Historia monachorum in Aegypto*), Златоуст (*Homilia ad neophytos*, по-гречески), пс.-Епифаний (*Ανακρηφαιώσεις*). Об отношении Августина к греческой патристике: P. COURCELLE, *Les lettres grecques en Occident de Macrobe à Cassiodore*, Paris 1948, 183–194; B. ALTANER, *Augustinus und die griechische Patristik. Eine Einführung und Nachlese zu den quellenkritischen Untersuchungen*, RBen 62, 1952, 201–215; B. ALTANER, *Die Benützung von original griechischen Vätertexten durch Augustinus*, ZRGG 1, 1948, 71–79; о его знакомстве с неоплатонизмом (или с Марием Викториним) см. также: С. BOYER, *Christianisme et Néoplatonisme dans la formation de saint Augustin*, Rome 1953; M. F. SCIACCA, *Saint Augustin et le Néoplatonisme. La possibilité d'une philosophie chrétienne*, Louvain 1956; A. H. ARMSTRONG, *St. Augustine and Christian Platonism*, Villanova 1967; M. T. CLARK, *Victorinus and Augustine: Some Differences*, AugStud 17, 1986, 147–159.

Иеронима, Евстафия. Влиятельный посредник в знакомстве с наследием Филона и Плотина — Амвросий; труды и мысли медиоланского епископа оказали сильное воздействие на Августина — достаточно вспомнить о платонизирующем определении зла как отсутствия блага и аллегорическом методе интерпретации; в *De trinitate* используется¹ произведение Амвросия *De spiritu sancto*, а его комментарий к *Евангелию от Луки* — особенно в *Quaestiones evangeliorum* и в некоторых проповедях. Вряд ли можно оспаривать манихейские² влияния в *Confessiones* и *De civitate Dei*. Дуализм последнего произведения с психологической точки зрения можно объяснить как псевдоморфозу манихейского стиля мышления.

Образцы, жанры. С литературной точки зрения наш автор продолжает самые различные традиции. Он развивает платоновско-цицероновский диалог; разговор с собственным *ratio* в *Soliloquia* — предвосхищение беседы Боэция с Философией. Риторика, светская профессия Августина, не только средство внешнего украшения в его трудах: искусство составлять план, не записывая его, и натренированная память превращаются здесь во внутреннюю дисциплину. Она пронизывает его произведения как формообразующий элемент и создает техническую предпосылку его неслыханной писательской плодовитости и восхищавшей многих способности проповедовать экспромтом.

Другие литературные жанры, которыми занимается Августин, уже подготовлены и сформированы в латинской патристике: проповедь, истолкование, полемика и самые различные эпистолярные формы, частично пересекающиеся с вышеназванными жанрами. Особенно сильно Августин чувствует свою близость к Киприану — ритору и епископу, как и он сам (ср. также *serm.* 309). Своим трудом *De civitate Dei* Августин завершает латинскую апологетику и одновременно преодолевает ее изображением всемирно-исторического процесса.

Что касается *Confessiones*, то тематическая сфера «обращения»³ (ἐπιστροφή, *conversio*) играет свою роль уже в языческой

1. F. GLORIE 1965.

2. См. теперь использование новонайденного манихейского текста: L. KOENEN, Augustine and Manichaeism in the Light of the Cologne Mani Codex, ICS 3, 1978, 154—195; KOENEN рассматривает истолкование *Книги Бытия* в конце *Confessiones* как попытку преодолеть свое манихейское прошлое.

3. P. COURCELLE 1963, 111—117; на эту тему следует вспомнить Илария (*De trini-*

философии — в поучительном жанре диатрибы; Августин включается в эту традицию, причем как в *Confessiones*, так и в проповедях он вызывает в памяти Сенеку и Персия. Греческий термин означает «всматривание в свою истинную сущность», «возвращение из мира видимостей и самоуглубление», наконец, «верность самому себе»; отсюда в *Септуагинте* и у христиан «обращение к живой личности, верность Богу». Слово это у Августина сохраняет свой греко-римский внутренний характер и предметную близость к Плотину (*enp.* 6, 5, 7). Изображение собственной жизни как поиска истины также венчает всю предшествующую традицию. *Peregrinatio vitae*, «жизнь как странствие» — основная модель Апулея романа; Августин перенимает у африканского писателя тему *curiositas*, которая — особенно у Психеи, но также и у Луция — в виде духовного вожделения вновь и вновь ведет к отречению от собственной природы.

Христианская автобиография примыкает к описанию обращения Павла в *Деяниях апостолов*: частично оно дается от первого лица (26, 4–18; ср. 22, 6–16; от лица другого человека 9, 1–19). Теснее связь с началом *Ad Donatum* Киприана (*Aug. serm.* 311; 312; *doctr. christ.* 4, 14, 31). Место (*horti*, «сады») и время (*feriae vindemiales*, «празднество сбора винограда»), кажется, типичны (Киприан сознательно следует здесь за Минуцием Феликсом, также указывающим время); *locus amoenus*, «приятное место» Киприана, несерьезная стилизация на вкус Августина, — явно состязание с Минуцием Феликсом или Цицероном. Терминология (особенно что касается обращения как дара Божия) также напоминает Киприана (*Aug. conf.* 9, 6, 14; *Сург. ad Don.* 4).

Литература, знающая уже в Риме целое множество форм самоизображения, — достаточно назвать Луцилия, Катутла, Горация, Овидия с одной стороны, Суллу, Цезаря, Цицерона — с другой, — обогащается новой разновидностью автобиографии, в которой достигает своей кульминационной точки римская традиция и из которой позднее разовьются и секуляризированные формы. Для заново сформированного Августина в *Confessiones* жанра автобиографии как описания своего духовного развития предварительный этап дает автобиографическая элегия Овидия (*trist.* 4, 10), с похвалой-исповедани-

ем служения Музе как основы всей жизни, а также романное повествование от первого лица у Апулея¹, достигающего своей вершины в обращении в религию Изиды; в важной последней книге слово берет сама богиня. В отличие от предшественника, Августин пишет не волшебный и сказочный роман, а реальную историю своей жизни. Правда, факты он строго отбирает: упоминается только то, что положительно или отрицательно сказывается на пути Августина к Богу — или на пути Бога вместе с Августином, будь это элементы жизни его сознания (отсюда большое место, отведенное для философских вопросов) или бессознательные факторы, проявляющиеся в ощущениях, предчувствиях, снах и реакции на случайные, но рассматриваемые с римской добросовестностью (*religio*) встречи и предостережения. С этой точки зрения многое, чего мы сегодня ожидаем от биографии, становится беспредметным; с другой стороны, на первый взгляд удивительные «лирические» и экзегетические элементы нужно понять как необходимые составные части целого: *Confessio* — не только исповедь своей жизни и признание в грехах, но и прославляющее Бога исповедание (отсюда роль молитв и псалмов в произведении) и исповедание веры (отсюда богословские и экзегетические объяснения). К этому добавляется то, что специфически экклесиологический акцент в интерпретации *Книги Бытия* позволяет обратившейся индивидуальности в последних книгах (11–13) войти в новый социальный контекст, причем человеческое слово биографического рассказа уступает место слову Божию. Шарнир — десятая книга с ее систематическим самоиспытанием и глубоким анализом своей памяти. Но больше, чем весь этот комплекс, на позднейшие автобиографии повлияла интенсивность и тонкость психологического самоанализа. Новое содержание способствует возникновению нового жанра в точке пересечения прежних разновидностей.

Литературная техника

Для литературной техники Августина характерны метаморфозы античных писательских приемов: такова молитва-всту-

1. О *Confessiones* Августина и Апулея: W. HÜBNER, *Autobiographie und Metamorphose*, в: *Jahrbuch der Universität Augsburg* 1985, опубли. 1986, 161–170, особенно 166 сл.

пление, в которой мы можем узнать призыв к Музе или к богам прежних языческих текстов. В собственном, «августиновском» варианте этот прием доведен до совершенства уже в *Soliloquia*, самые знаменитые примеры дают *Confessiones* — гимническое «прославление», *praedicatio*, сочетается здесь с обнажением трудных интеллектуальных проблем, не дающих покоя молящемуся, так что вводная молитва берет на себя одновременно функции экспозиции.

Особого внимания заслуживает августиновское искусство цитирования. В *Confessiones* можно найти сколько угодно реминисценций различных мест из Библии, больше всего — из *Псалтыри*¹ и *Посланий* апостола Павла. Мы не устаем удивляться, как хорошо приведенные слова встраиваются в новый контекст, не как внешний орнамент, а как концентрат, квинтэссенция того, о чем уже думал Августин. Необычайно высокая степень ассимиляции, которую можно сравнить только с вергилиевским подражанием Гомеру, основана у Августина на ежедневном медитативном общении с цитируемыми текстами. Шаг к открытой экзегезе в одиннадцатой книге не столь резок, как могло бы показаться; разве длинные пассажи уже в девятой книге не читаются как истолкование четвертого псалма?

Благодаря тонкой литературной технике Августина возникает полифония молитвы, рассказа и экзегезы, протрептики и медитации, речи и слушания. Методы изложения позволяют риторически развернуть важные мысли, а также постепенно избавиться от ложных представлений и внутреннего беспокойства и заставить таким образом искусство говорения послужить молчанию (напр., *conf.* 9, 10, 25 в неоплатонической традиции).

Образы Августина — не только языковое явление; они играют определяющую роль во внутренней структуре его текстов. Мир августиновских метафор раскрывает — частично с помощью библейского словаря — «ландшафты души»: леса, водопады, туман — и является в своей ясной структурированности живым свидетельством упорядоченности его духа; в энергии и густоте его образной ткани одновременно проявляется его сильное, страстное воображение: *rapere*, «восхищать» — ключевое слово того мощного влечения, которое Бог возбуждает в

человеке, отношение к духовным предметам делают чувственно, даже интеллектуально явным метафоры еды и питья¹. Такого рода образы сами по себе не отличаются новизной; неожиданна интегративная сила, возводящая их к стержню *Confessiones* и делающая из них лейтмотив. Здесь сфера сознания взаимодействует с бессознательной. Библия называет Бога не только Отцом, Исайя сравнивает Его и с матерью (*Is.* 66, 13). Этот аспект религиозной привязанности, никоим образом не исчерпанный сопоставлением с привязанностью к матери, — спонтанный ответ духовному стремлению Августина к надежной почве под ногами. Занимаясь изысканием «источников» его образов, иногда забывают элементарное: истолкование всемирной истории как гигантомахии коренится не столько в манихейском учении², сколько в эллинистически-римской традиции. Великий противник Августина в его теологии истории, Вергилий, объясняет сражение при Акциуме как битву богов (*Aen.* 8, 698—705).

В римской литературе основательность и тонкость логической аргументации³ Августина — практически уникальное явление. Она основана на безусловном стремлении к истине.

Проблема риторических средств тесно связана с вопросом литературной техники самораскрытия либо самосокрытия ведущего повествование от первого лица. Из этой же сферы — вопрос об исторической достоверности *Confessiones*⁴. Ее как утверждали, так и отрицали с полной решимостью; перепроверка свидетельств Августина о самом себе за рамками автобиографии показывает необоснованность радикального скептицизма. Как раз тогда, когда становится ясно, что главная цель — не исторические сведения, а изображение в виде примера пути мыслителя к Богу и косвенное направление, которое епископ дает своему клиру, поражает достоверность именно фактического материала, беспощадность в обнаружении скрытых мотивов и часто — неожиданно сухие для столь

1. Также *epist.* 1, 3 *philosophiae uber*, «*въя философии*»; *verum* как *animi pabulum*, «*паства души*». Метафоры еды можно найти и у Сенеки (например, *epist.* 2) и апостола Павла (например, *1 Cor.* 3, 2).

2. А. АДАМ, *Das Fortwirken des Manichäismus bei Augustin*, ZKG 69, 1958, 1—25, особенно 19.

3. У К. Ф. МЕЙЕРА (С. F. MEYER) гуманист Поджо с любовью называет *Confessiones* «книжкой, исполненной остроумия» (*Plautus im Nonnenkloster*); ср. суждение Кальвина об *argutiae*, «*остротях*» Августина (у P. COURCELLE 1963, 380—382).

4. P. COURCELLE ²1968, 29—40 (с лит.).

красноречивого автора сообщения о тяжких заблуждениях, оставленные без комментариев.

Если нужно определить степень литературного преобразования его предмета в *Confessiones* и оценить его писательскую технику, невозможно обойти следующий вопрос: достоверно ли августиново описание взаимоотношения христианства и неоплатонизма в связи с его обращением? В данных *Confessiones* преобладает скорее христианство, в трактатах того времени — неоплатонизм. Он сам это ощущает (*conf.* 9, 7; *retract. prol.* 3). Несомненно, у позднего Августина и библейское, и церковное содержание проявляется сильнее, чем в середине его творческого пути, однако для той эпохи противоречие между христианством и неоплатонизмом, очевидное для нас сегодня, в этой форме не было актуальным; намерение Августина как раз и заключается в том, чтобы показать: последовательное продумывание научных проблем с неоплатонической точки зрения может подвести к порогу христианства. Правда, это сближение науки и религии ограничено: науке непостижимы историческое воплощение Логоса и соблазн распятия, и Отец Церкви открыто утверждает это в *Confessiones*. По сравнению с Минуцием Феликсом и Лактанцием, очевидно его превосходство в остроте разоблачения и в пронизательной глубине рационального вопрошания. Если в ранних произведениях философский элемент вообще преобладает, то не следует искать в этом точный слепок тогдашнего состояния души Августина; одновременно он активно работает с *Псалтырью* и *Посланиями* апостола Павла. Здесь проявляется только то, в каких областях автор чувствует в то время свою компетентность достаточной, чтобы выступить публично с трактатами на этот предмет.

Язык и стиль

Латинский стиль Августина понять невозможно, если упустить из виду особую музыкальность этого учителя церкви. Она проявляется не только в риторическом анализе отрывков апостола Павла по периодам и колонам (*doctr. christ.* 4, 7, 11–13), но и в потрясающем признании святого, что красота псалмопения¹ увлекала его иногда больше, чем содержание (*conf.* 10, 33, 49

1. Похвала псалмопению: Hier. in *Eph.* 3, 5, 19, PL 26, 561 сл.; Ambr. in *psalm.* 1, *praef.* 9, PL 14, 968 сл.; лит. см. ниже, разд. *Литературные размышления*.

сл.); и положительную роль, которую музыка сыграла в его обращении, он подчеркивает в том же месте; церковное пение, введенное Амвросием Медиоланским, воодушевляло его тогда, когда еще оставляли равнодушным чуда и мощи (*conf.* 9, 6, 14—7, 16).

Изоощренный вкус к звучанию слова чувствуется в проповедях, по большей части состоящих из кратких, чеканных фраз. Августин, конечно, стремится здесь к народности: *melius in barbarismo nostro vos intellegitis, quam in nostra disertitudine vos deserti eritis* (*in psalm.* 36 *serm.* 3, 6); однако само это программное высказывание в высшей степени риторично: это что угодно, только не «народная латынь»! Главным украшением этой «рифмованной прозы»¹ служат повторения слов и гомеотелевты, подготовившие стиль проповедей позднейших эпох. В удачных случаях мы имеем дело не просто с риторической игрой, а с достойным облачением парадоксальной истины.

Многообразие языковых и стилистических регистров, находящихся в распоряжении Августина, почти не поддается измерению. Есть стилистические дифференциации и в рамках отдельных произведений. На *Confessiones* — причем именно в лирических и созерцательных пассажах — сказалась библейская манера изложения, иногда и включая синтаксические особенности². Эстетическое полнокровие, царящее во многих частях этого произведения, часто сменяется предметным лаконизмом и логической строгостью — как, например, в философских рассуждениях. Богатством изобразительных средств Августин напоминает Цицерона.

Проблематичны, но интересны с исторической точки зрения поэтические опыты Августина. По его собственному свидетельству, ухо африканского жителя не могло в тот момент отличить долгий звук от краткого. Он считается с этим фактом и

1. NORDEN, LG 126; о том, как Августин считался с повседневной речью, В. LÖFSTEDT, Augustin als Zeuge der lateinischer Umgangssprache, в: H. RIX, изд., Flexion und Wortbindung. Akten der 5. Fachtagung der Idg. Gesellschaft (Regensburg 1975), Wiesbaden 1975, 192—197; G. J. M. BARTELINK, Augustin und die lateinische Umgangssprache, Mnemosyne ser. 4, 35, 1982, 283—289; теперь см. G. ВОСТ-СПИРА, изд., Strukturen der Mündlichkeit in der römischen Literatur, Tübingen 1990 (там об Августине: С. GNILKA, К. S. FRANK, S. DÖPP, M. ERLER).

2. M. VERHEIJNEN, *Eloquentia pedisequa*. Observations sur le style des *Confessions* de saint Augustin, Nijmegen 1949; J. FONTAINE, Sens et valeur des images des *Confessions*, AugMag 1, 1954, 117—126; все еще ценная работа: С. I. BALMUS, Etude sur le style de saint Augustin dans les *Confessions* et la *Cité de Dieu*, Paris 1930.

в своем антидонатистском псалме расчищает путь для некантитативной поэзии.

Стиль его писем открывает нам еще одну сторону его авторской индивидуальности. Он редко пишет о себе (например, когда просит у Валерия, епископа Гиппонского, времени для подготовки (21) или же (29) сообщает о своих проповедях о посте); по большей части он — как пастырь — затрагивает то, что касается его братьев по вере.

В стилистике его писем преобладает впечатление дистанции и холодок, даже и по отношению к такому ученику, как Небридий (*epist.* 10). То, что Августин ценит у своих корреспондентов и что даже способно пробудить и у него тон сердечности, — восприимчивость, духовный голод и стремление к истине. Об этом свидетельствует письмо к Гаю (19), сопроводительное послание к подборке собственных произведений. Намного богаче оркестровка письма к Паулину (31), исполненного остроумия и любезности и не скупающегося на превосходную степень. Несмотря на риторические уверения, на наш вкус производящие впечатление избыточности, здесь чувствуется человеческая заинтересованность. С этим цветастым стилем контрастирует скупость и жесткость послания к Макробию (106), который хотел повторно крестить иподьякона (409 г. по Р. Х.). Здесь епископ говорит как власть имущий. Предложения настолько короткие, насколько это возможно (*Noli, «не делай»*). Единственное украшение — повторы слов, они превращают настойчивость в неумолимость. Сардонический эффект производит предложение крестить его, епископа (*ἀπροσδόκητον*). Не менее резко послание 26 — нотация юному поэту достойна Толстого в старости: «Ты заботишься о своем стиле и пренебрегаешь душой». Такие антитезы — подходящая оболочка для «квазистоиического» ригоризма, который Августин в десятой книге *Confessiones* направляет против своей любви к музыке; в *De doctrina christiana* мы, правда, слышим более мягкую речь.

Таким образом, мы охарактеризовали три стилистических регистра августиновского творчества: созерцательный стиль философских рассуждений, определяемый преимущественно рациональными соображениями, приятная манера остроумной беседы, апеллирующая к нежным, дружеским чувствам, и повелительная речь князя церкви, имеющего намерение исполнить свою волю. Ей близок клинок его полемических произведений, точно так же как к первой группе причислены

дидактические письма. Во всех трех регистрах говорит одна личность, умеющая ограждать покровом свою душу и раскрывающаяся в той мере, в какой это следует делать в конкретных обстоятельствах. Притязание — и способность — быть учителем других чувствуется повсюду; однако он слишком сдержан, чтобы выставлять себя напоказ — что может показаться удивительным для автора *Confessiones*.

Лирически-взволнованный стиль *Confessiones*, куда стихи из псалмов и амвросианские гимны включаются не как чужеродные тела, — только одна из возможностей, которыми располагает Августин. В общем и целом более чувствуется дидактическая строгость.

Что касается диахронического развития, то стареющий Августин прежде всего становится противником языческих выражений, которые он употреблял в молодости: *fortuna*, *omen*, *Musae*¹. С другой стороны, специфически христианскую лексику — *salvator*, «Спаситель», *exorcizare*, «изгонять бесов», — он начинает применять лишь постепенно².

Неспонтанный характер писем взаимосвязан с тем обстоятельством, что Августин к большинству своих адресатов обращается как учитель, пекущийся об их душах, — эта психологическая и дидактическая задача созвучна и его светской профессии, и его духовному призванию. Еще до того, как он узнал о христианском монашестве, ему предносился идеал дружеского сообщества единомышленников, сначала в Цицероновской, потом в пифагорейско-платонизирующей оболочке³; христианское смирение и аскеза вступают в плодотворный контраст с высоким сознанием избранничества и ориентирующимся, вероятно, на Амвросия чувством духовной власти.

Особенности августиновской манеры становятся яснее в сравнении с Цицероном⁴. В соответствии с условиями работы античных писателей, способом использования источников, вкусу к экскурсам и примерам — но прежде всего с обычаем дружеского разговора, где происходило взаимное духовное обогащение! — у величайших латинских прозаиков можно обнаружить определенные композиционные вольности.

1. Chr. MOHRMANN, Comment saint Augustin s'est familiarisé avec le latin des chrétiens, AugMag 1, 1954, 111—116.

2. G. FINAERT, L'évolution littéraire de saint Augustin, Paris 1939.

3. P. COURCELLE 1963, 537.

4. M. TESTARD 1958, т. 1, 343.

Однако есть и решающее различие: мыслительный процесс Цицерона кажется уже давно завершенным к моменту написания, форма оказывает «пластическое» воздействие, Августин же — в скорее «музыкальном» духе — дает читателю возможность пережить вместе с ним развитие его мысли. У одного медитация предшествует записи, приобретающей характер «изложения»; проза другого (никоим образом не слабее продуманная!) — сама есть медитация, она сочетает «исследование» и «поучение». Симптоматично обилие вопросительных предложений широкого диапазона в, например, *De genesi ad litteram*. Из преимущественно «адвокатской» риторики республиканской эпохи выросла к закату античности риторика дидактического процесса и внутреннего диалога и монолога. Не в последнюю очередь именно это обеспечивает речи Августина ее живость и теплоту, делающую читателя непосредственным свидетелем и участником духовного события.

Образ мыслей I Литературные размышления

Как создавалась августиновская теория литературы? От его запланированной энциклопедии мы располагаем произведением *О музыке*; этот труд значим как его самостоятельное достижение — пример научного подхода к мусическим искусствам; поэтому мы в первую очередь обращаемся к нему. Августин различает такие явления, как численные соотношения тонов в звуке (*numeri sonantes*), в восприятии слушателя (*occursores*), в акте исполнителя (*progressores*), в памяти (*recordabiles*) и в естественном суждении слушателя (*numerus iudicialis*). Он выстраивает из этих феноменов иерархическую пирамиду и объясняет их с философской и богословской точек зрения¹. Как и в теории времени — измерения, свойственного мусическим искусствам, — здесь также мы сталкиваемся с психологизацией

1. Aug. *mus.* 6, 2–4; H. PFROGNER, Musik — Geschichte ihrer Deutung, München 1954, 97–104; A. MICHEL, Sagesse et spiritualité dans la parole et dans la musique: De Cicéron à Saint Augustin, в: Musik und Dichtung, FS V. PÖSCHL, Frankfurt 1990, 133–144; A. SCHMITT, Zahl und Schönheit in Augustins *De musica* VI, WJA NF 16, 1990, 221–237; A. KELLER, Aurelius Augustinus und die Musik. Untersuchungen zu *De musica* im Kontext seines Schrifttums, Würzburg 1993; M. von ALBRECHT, Zu Augustins Musikverständnis in den *Confessiones*, в: Philantropia kai Eusebia, FS A. DINLE, Göttingen 1993, 1–16; M. von ALBRECHT, Musik und Befreiung, Augustinus *De musica*, International Journal of Musicology 3, 1994, 89–114.

и внутренним усвоением. Музыка, которую мы слушаем, — самое малое в этой области; первая роль принадлежит сознанию и воле. Пифагор и Давид, теория тонов и практика псалмопения указывают на один и тот же факт: истинная музыка — *conversio* души и искупленного вместе с ней тела к Богу через любовь.

Теперь обратимся к риторической теории в узком смысле слова. Дошедшая до нас *Риторика* не столь самостоятельна и предположительно неподлинна, юношеское произведение *О прекрасном и уместном* утрачено. Как латинский ритор Августин обладает утонченным стилистическим чутьем; безыскусная словесная оболочка Св. Писания для него — главное препятствие в занятиях (*conf.* 3, 5, 9). Его юношеский философский энтузиазм был вызван — сколько бы он ни уверял в обратном — не только содержанием цicerоновского *Гортезия*, но и его блестящим стилем (*conf.* 3, 4, 7). Проповеди Амвросия он начал посещать прежде всего из риторического интереса; изысканная форма непроизвольно способствовала доступности содержания (*conf.* 5, 13, 23). Однако это только один из аспектов, поскольку обольстительная риторика манихея Фавста, лишенная интеллектуальной глубины, не смогла ослепить Августина. Вскоре он преобразует риторику изнутри, поставив ее на новую основу.

Первый шаг к научной знаковой теории¹ сделан в *De magistro*. Дальше проблема будет разработана в *De doctrina christiana*. Это произведение имеет точки соприкосновения с теорией науки в *De ordine*, где искали варроновское и неоплатоническое содержание. Для наставления клира, а возможно, и для борьбы с харизматиками, полагавшими, что не нужно никакого метода, Августин в *De doctrina christiana* создает теорию науки, не только задающую тон для западного типа научно образованного пастыря, но и далеко перерастающую предначертанные пределы.

Трактат *De doctrina christiana* — нечто большее, чем предназначенная для клира инструкция по работе с Библией: будучи с литературно-исторической точки зрения новой ступенью цicerоновских *De orato-*

1. C. P. MAYER, Die Zeichen in der geistigen Entwicklung und in der Theologie des jungen Augustinus, диссертация, Würzburg 1969; его же, Die Zeichen in der geistigen Entwicklung und in der Theologie Augustinus. II.: Die antimanchäische Epoche, Würzburg 1974.

re и *Orator*, это произведение не только рассматривает вопросы герменевтики и гомилетики, но и развивает настоящую теорию знаков и науки. Августин (ок. 396/97 г.) доводит свое произведение до 3, 25, 35 и заканчивает его только в 426/27 г. Первые три книги посвящены нахождению (*inventio*) того, что должно быть понято, последняя — изложению (*modus proferendi*). Августин различает предметы (*res*; кн. 1) и знаки (*signa*; кн. 2 и 3). Предметы со своей стороны распадаются на такие, которые годятся только для использования (мир), и предназначенные для наслаждения, поскольку в нем скрывается блаженство (любовь к Богу и ближнему). Только тот читает правильно, кого окрыляет любовь к «предмету» в высшем смысле слова, то есть к триединому Богу. Это соответствует взаимозависимости любви и познания, в которых совершается переход от отображения к первообразу¹. И наоборот, отсюда определяется отношение к действительному: речь идет не о филологическом или естественнонаучном познании отдельного факта, но о философско-богословской общей точке зрения. У науки таким образом появляется сильная этическая компонента. Как *contemplatio*, «созерцание», превосходит *actio*, «действие», так и *sapientia*, «мудрость», превосходит *scientia*, «знание» (*trin.* 12, 15, 25). Как духовное созерцание это познание из опыта: *cognoscibilia cognitionem gignunt, non cognitione gignuntur* («познаваемые вещи порождают познание, а не порождаются познанием», *trin.* 14, 10, 13). При этом задача заключается в том, чтобы понять «знаки». Таким образом у Цицерона делаются выводы о природе богов по («эндейктическим», указывающим на невидимое) знакам (*nat. deor.* 2, 16). Сотворенные вещи для Августина — естественные знаки. Таким образом, в конечном счете нельзя противопоставлять у него природу как отдельную «мирскую» область милости. Это более чем аллегореза, когда он в *Confessiones* интерпретирует историю творения, исходя из церкви, то есть из царства милости. Речь идет о том, что только Бог действителен и действителен — в этом сходятся у Августина его апостол Павел и его Платон.

Когда в *De genesi ad litteram* он развивает начатки собственной натурфилософии — начатки, которыми ни в коем случае нельзя пренебрегать, — он прибегает для этого к терминам, восходящим к органическому, а не техническому миру: семя и рост. В этой ныне забытой теории преобладают образы любви и попечения — полная противоположность «технологическим» мыслительным структурам нашей науки, носящей отпечаток не Августина, а номинализма. С другой стороны, Августин «современнее» Фомы: в его подходе (четкое различие между *ratio creandi hominis*, «причиной сотворения человека», и *actio creati*, «действием сотворенного»: *gen. ad litt.* 6, 9, 17) содержится и возможность «эволюционистского» истолкования².

1. R. LORENZ, Die Wissenschaftslehre Augustins, ZKG 4. Folge 5, 67, 1955—56, 29—60; 213—251.

2. Ср. *gen. ad litt.* 5, 23, 44 сл.; 6, 5, 8; 6, 6, 10.

Науки, обращенные к внешнему миру, теперь относятся к сфере *bene uti temporalibus* («хорошего использования временных благ», *trin.* 12, 14, 22). При этом история (включая естественную) в соответствии с риторической традицией становится кладезем примеров; она «ревалвируется» как созданное Богом время; *oikonomia* (*dispensatio*, «распорядительность», «план») Откровения — то, что нужно познать; *πίστις* (*fides*) — со времен Платона прикрепленная к этой сфере форма познания. Вера относится к слову. Августин пишет герменевтику Откровения. О знаках, важнейший из которых — слово, речь идет во второй книге *De doctrina christiana*.

Для понимания знака нужно не только знание языка и светской науки — в особенности Августин выделяет историю и диалектику (*doctr. christ.* 2, 31, 48—37, 55), но также и духовные дары, чье воплощение — мудрость. Слово само по себе научает нас немногому (*mag.*); ему нужен внутренний учитель, Христос. Истина слова открывается в истине бытия; с другой стороны, справедливо следующее: *res per signa discuntur* («вещи постигаются по своим знакам», *doctr. christ.* 1, 2, 2). Созерцанию Божиих знаков вообще служит автобиографический рассказ в *Confessiones*; это — лучший довод в пользу гносеологии Августина, исходящей — вполне по-римски — из наблюдения знаков. В конце второй книги *De doctrina christiana* рассматривается различие между Св. Писанием и языческой литературой. Не нужно бояться философских открытий, прежде всего платоников, скорее следует отнять их — как у незаконных владельцев. Здесь Августин ссылается на Киприана, Лактанция, Викторина, Оптата, Илария (2, 40, 61), даже на Моисея, который постиг всю египетскую премудрость (*Act.* 7, 22). Для изучающего Писание есть путеводная нить: *scientia inflat, caritas aedificat* («знание надмевает, а любовь назидает», *1 Cor.* 8, 1). Крест заключает в себе все пространственные измерения (*Eph.* 3, 17—19).

В третьей книге речь идет о многогранности знаков, в особенности Св. Писания. Если *ambiguit*, «двусмысленность», заключается в словах — значит, это вопрос пунктуации (3, 2, 2—5) или произношения (3, 3, 6 сл.). Прояснить ситуацию помогают контекст, различные интерпретации или оригинал. То, что должно воспринимать в переносном смысле, не следует понимать буквально: в особенности это относится ко всем местам в Библии, затрагивающим религиозное и нравственное чувство¹.

Иудеи оказались в таком положении, что они *signa spiritualium pro ipsius rebus observarent*, «сохраняли знаки духовных вещей, а не самые эти вещи» (3, 6, 10). Они были поработены полезными знаками, язычники — бесполезными (3, 7, 11). Поэтому церковь объясняет знаки иудеев, но отбрасывает знаки эллинов (политеизм). *Септуагинта* для Ав-

1. 3, 5, 9, ср. критерии Оригена: *ἄλογον, ἀδύνατον* («бессмысленно, невозможно», *princ.* 4, 3, 4).

густина — боговдохновенный текст; поэтому он сначала не понял, зачем Иероним привлекает еврейский подлинник. Герменевтически плодотворно указание, что одинаковое слово не всегда имеет тождественное значение. Так, *fermentum*, «закваска» в *Matth.* 16, 11 имеет отрицательный смысл, в *Luc.* 13, 21 — положительный. Отец Церкви избегает здесь опасности, возникающей при словарной работе с параллельными местами — конкретизации слов. С другой стороны, Августин правомерно подчеркивает важную роль параллелей (3, 28, 39), а также возможность того, что один стих будет обладать несколькими значениями (3, 27, 38). Экзегет должен также знать тропы, в особенности аллегорию — поскольку последняя для Августина заключается уже в самой сущности языка и Слове Божиим¹.

Червертая книга (*de proferendo*) содержит инструкции для проповедника, на словах исключая школьную риторику, на деле ее предполагающие.

Для защиты истины нужна риторика (4, 2, 3). Риторическое образование необходимо, по крайней мере книжное (4, 3, 4 сл.). Проповедник должен быть в состоянии разделить свою речь на части и стилизовать сообразно конкретной цели (4, 4, 6). Правда, важнее говорить *sapienter*, «мудро», чем *eloquenter*, «красноречиво» (4, 5, 7 сл.). Авторы Библии сочетают мудрость и красноречие. Слова Писания вытекают из самой сути; мудрость выходит из своего дома, а элоквенция — как служанка — идет за ней по ее стопам (4, 6, 10). Таким образом получает новое обоснование древнеримское *res tene, verba sequuntur*. Подчинение риторики истине, чего требовал еще Платон в *Федре*, христианский теоретик ораторского искусства вновь подчеркивает с той же серьезностью. Непременное стремление к истине — вообще характерная черта Августина (напр., *conf.* 3, 6, 10; 4, 15, 27). Откровение понимают как речь — Бог «говорит» своими деяниями (ср. *сiv.* 22, 8 и 22). Августин одухотворяет риторику и превращает ее в теорию познания. *An sit, quid sit, quale sit*, «есть ли что, и что именно, и каково оно»: риторические категории получают эпистемологическую функцию (*conf.* 10, 10, 17).

Примеры риторического оформления из апостола Павла и пророка Амоса (в переводе Иеронима!) подтверждают «нечаянную» риторическую красоту Библии. Киприан и Амвросий дают парадные примеры для трех известных стилистических регистров и их адекватного применения. Общая теория литературы и коммуникации у Августина — испытанное в строгих критериях истины учение «о прекрасном и уместном». В этом аспекте название утраченного юношеского произведения дает целому основной аккорд².

1. В этом отношении Августин сопоставляет свою теорию с экзегетическими правилами донатиста Тикония (в основном соглашаясь с ним). Эти правила по большей части тропологичны.

2. Философия риторики Августина в зачаточном виде содержится уже в

Августин — ритор по профессии и гносеолог по призванию. Поэтому в трактате *De doctrina christiana* он вдвойне оказывается в своей стихии. Аристотель впервые создал философию риторики; она стала учением о логических и психологических средствах убеждения и одновременно топографией и типологией души. Цицерон в *De oratore* предпринял совершенно другую, не менее значимую попытку: поставить риторику на службу образованию человека, в соответствии с римской ситуацией и с учетом политической практики. У Августина, третьего великого философа риторики, она связывается с общей теорией знаков, герменевтикой и гносеологией.

Было бы упрощением сводить это изменение господствующего интереса к внешней ситуации — экзегетической функции епископа, хотя и это играет свою заметную роль. Более глубокая причина — тот факт, что христианство поставило с неслыханной остротой вопрос об истине; подчинением ей Августин исполняет то требование, которое лежит в основе критики Платона в адрес риторики.

Образ мыслей II

Основной философски-религиозный вопрос Августин ставит во введении к *Soliloquia* следующим образом: *Deum et animam scire cupio* («Я жажду познать Бога и душу», 1, 7); на страстном языке *Confessiones* он звучит так: *inquietum est cor nostrum, donec requiescat in te* («наше сердце лишено покоя, доколе не упокоится в Тебе», 1, 1). Уже в биографическом обзоре мы смогли проследить этапы в прояснении понятия Бога у нашего автора. Здесь остается дополнить позднюю фазу. Происхождение исключительно трудных с философской точки зрения мыслей Августина о милости в конечном счете относится к сфере его переживаний, к жизнеощущению — его следует интерпретировать не с греческо-теоретической, но с римско-практической точки зрения: человек как не по заслугам помилованный грешник.

Августин оказывается завершителем в излюбленной области римской литературы — психологической. Здесь очень велик и вклад Тертуллиана. В беспощадном наблюдении жизни

произведении *De natura et origine animae*, которую нужно рассматривать в этом отношении как значимый подготовительный этап для *De doctrina*: M. C. PREUS, *Eloquence and Ignorance in Augustine's On the Nature and Origin of the Soul*, Atlanta 1985.

души вплоть до открытия страсти к злему отменно мастерство Овидия и Сенеки; как и они, Августин прибегает к риторике, чтобы измерить глубину человеческих бездн. Его психология ретроспективно обогащает его философию, например, анализом памяти (*conf.* 10) и времени (*conf.* 11). Богословие он оживляет использованием для истолкования Троицы психологических категорий, что приводит к оригинальной, специфически «западной» акцентуации догматического предмета. Решающий поворот вовнутрь, который можно охарактеризовать как завершение римской тенденции самоизображения, а также как упомянутый выше основной вопрос Августина, соответствовал духу времени: со времен поздней античности и вплоть до эпохи Ренессанса человеческое сознание будет относиться к природе как к чему-то второстепенному¹, в чем можно усмотреть заострение сократовской и эллинистически-римской концентрации мысли на этических и антропологических проблемах².

Начнем с психологии ребенка: здесь анализируются проблемы излишней строгости (страх перед побоями на занятиях греческим языком) и неуместной мягкости (улыбка отца в ответ на ранние сексуальные опыты сына). Почти вся вторая книга посвящена объяснению непослушания как отстаивания собственной индивидуальности. Стоит упомянуть и мир взрослых: исследование страсти к трагическим предметам, мучительное описание невозможности заставить себя сделать что-либо³. Августин входит, таким образом, в число крупнейших психологов античности — от Еврипида до Сенеки. Проницательный взор, улавливающий злые мотивы поступков, — его общая черта с Саллюстием и Тацитом. Не напрасно историки философии видят в Августине первооткрывателя *mala voluntas*, «злой воли»⁴ (что имело, правда, мощные корни в римской правовой мысли).

Однако этого не довольно: формулируя исходное несомненное, Августин в *Soliloquia* предвосхищает Декартово *Cogito, ergo*

1. Весьма выразительно, например, *enchir.* 5, 16 против Verg. *georg.* 2, 490 и 479 сл.

2. *Sed bonarum et malarum rerum causas nosse debemus*, «но мы должны знать причины благого и злого»: *enchir.* 5, 16.

3. Aug. *conf.* 8, 5, 10 сл.; о той и другой *voluntas* человека ср. *Rom.* 7, 18–20.

4. N. W. GILBERT 1963; ср. теперь A. DINLE, *The Theory of Will in Classical Antiquity*, Berkeley 1982, 123–144.

sum; одновременно он дает контраргумент *Ambulo, ergo sum* Гассенди¹. Интеллектуальный подход, отталкивающийся от субъекта, — к его родоначальникам относятся Протагор и Сократ — делает Августина одним из отцов Нового времени.

В первый раз он ставит философию времени на чисто субъективную основу. В этом отношении он опережает всех античных философов, включая Аристотеля. Тот, правда, знает, что время заключается в душе (*Physica* 4, 14), что прошлого и будущего нет, а существование настоящего проблематично. Но его мысль недостаточно субъективна: он ищет то, что было раньше, и то, что будет позже, в пространстве (*Physica* 4, 11), и движение звезд, то есть нечто, внеположное субъекту, задает ему масштабную шкалу для времени. Августин признает, что время отмеряет дух, и притом на основании того, что запечатлелось в его памяти. В настоящем присутствует мое наблюдение. Будущее станет реальным в настоящем, а настоящее сойдет на нет в прошлом: мы все время находимся в божественном *сегодня* (*conf.* 1, 4; 11, 13). Мгновенные миры сосуществуют в вечном настоящем Бога. У Августина есть интуиция единственно реального, данного в душе *тенефь*. Мы не знаем прошлого, настоящего и будущего, мы знаем только настоящее прошлого (воспоминание), настоящее настоящего (созерцание) и настоящее будущего (ожидание). Эта философия времени знаменует «большой прогресс... Она сформулирована лучше и яснее, чем субъективная теория времени Канта»². Гносеологический подход Августина плодотворен в самых различных областях: от понимания чувственного восприятия вплоть до истолкования божественной Троицы.

1. *Tu qui vis te nosse, scis esse te? — Scio. Unde scis? — Nescio. — Simplicem te sentis anne multiplicem? — Nescio. — Moveri te scis? — Nescio. — Cogitare te scis? — Scio* («Ты, который хочешь познать самого себя, знаешь ли ты, что ты существуешь? — Знаю. Откуда знаешь? — Не знаю. Состоишь ли ты из одной части или из многих? — Не знаю. — Знаешь ли ты, что ты движешься? — Не знаю. — Знаешь ли ты, что ты мыслишь? — Знаю», *soliiloq.* 2, 1).

2. В. RUSSELL, *Philosophie des Abendlandes* (оригинальное название — *History of Western Philosophy*), Berlin 1950, 299; о теории времени Августина: J. GUITTON, *Le temps et l'éternité chez Plotin et saint Augustin*, Paris 1959; O. LECHNER, *Idee und Zeit in der Metaphysik Augustins*, München 1964; J. F. CALLAHAN, *Augustine and the Greek Philosophers*, Villanova 1967, 74–95; S. BÖHM, *La temporalité dans l'anthropologie augustinienne*, Paris 1984; самостоятельность и актуальность августиновской философии времени с полным основанием подчеркивает N. FISCHER, *Sein und Sinn der Zeitlichkeit im philosophischen Denken Augustins*, REAug 33, 1987, 205–234.

Приоритет субъективного сознания, столь же решающий в философии времени, как и в *De trinitate* и в теории познания, позволяет сделать замечание и об августиновском учении о милости. Если принять его за объективный философский тезис, то единодейственность Бога и Его милости сводится к ограниченной спасающей воле Бога (например, *enchir.* 24, 97–26, 102). Таким образом Августин вступает в противоречие с Писанием (1 *Tm.* 2, 4; *enchir.* 27, 103) и постулирует Бога, которого вряд ли можно воспринимать как благого. Но эти рассуждения не затрагивают сути: основная мысль — субъективное самосознание искупленного, высокое чувство, что только милость спасла его от заслуженного осуждения на смерть.

На вопрос о свободе воли Августин также отвечает исходя из субъективного сознания: что свободнее, чем свободная воля, которая не становится рабом греха? (ср. *corrupt.*, PL 44, 936). Речь для него идет не о внешнем факте, а о сознании свободы (в этом он солидарен со стоиками).

Во всех важных сферах Августин остается верен себе. Его учение о милости — тезис, скроенный по мерке субъективного сознания; когда мы «экстериоризируем» его, делаем из экзистенциального отвлеченным, из религиозного — философским (от чего он, к сожалению, и сам не всегда воздерживается), мы оставляем без внимания сердцевину — его собственные переживания.

Традиция¹

Из соображений места мы ограничимся только тремя крупными произведениями — *Confessiones*, *De civitate Dei*, *De trinitate*.

1. M. COMEAU, Sur la tradition des *sermons* de saint Augustin, REL 10, 1932, 408–422; R. HANSLIK, Zur Aufarbeitung der Augustinus-Überlieferung, WHB 10, 1967, 15–19; M. OBERLEITNER, Die handschriftliche Überlieferung der Werke des hl. Augustinus, т. 1, 1 и 1, 2 (Италия), Wien 1969; 1970; F. RÖMER, то же изд. 2, 1 и 2, 2 (Великобритания и Ирландия) 1972; 3 (Польша и Скандинавия) 1973; J. DIVJAK, то же изд., 4 (Испания и Португалия) 1974; R. KURZ, то же изд. 5, 1 и 2 (ФРГ и Западный Берлин) 1976; 1979; ср., кроме того: F. RÖMER, Zur handschriftlicher Überlieferung der Werke des hl. Augustinus, RhM 113, 1970, 228–246; его же, Probleme der Augustinus-Überlieferung im Lichte neuerer Forschung, WHB 13, 1971, 25–34; J. DIVJAK, Die neuen *Briefe* des hl. Augustinus, WHB 19, 1977, 10–25; Les lettres de saint Augustin découvertes par J. DIVJAK, Communications présentées au colloque de 20 et 21 septembre 1982, Paris 1983; R. KURZ, Zur Überlieferung von Sammlungen der Briefe des hl. Augustinus im Mittelalter, CodMan 10, 1984, 121–134; M. M. GORMAN, The Diffusion of the Manuscripts of St. Augustine's *De doctrina*

Для *Confessiones* мы располагаем — начиная с самого старого кодекса (Sessorianus bibliothecae Romanae Victoris Emanuelis 2099, olim ecclesiae s. Crucis 55, вероятно, VI–VII вв.) вплоть до XV в. значительным числом в 258 рукописей. Что касается печатных изданий, то, начиная с editio princeps Иоганна Ментелина (Straßburg, между 1465 и 1470 гг.), известно более 120 титулов. В течение долгого времени — как и для других прозведений Августина — основополагающим было издание Congrégation de saint Maur, которое, в отличие от editio princeps, основывалось не на группе интерполированных кодексов, но на рукописях E, H, G (см. ниже), а также на Thuaneus и Benignianus, которые сегодня невозможно установить. Надолго ставшее основополагающим издание М. Скутеллы (Leipzig 1934) и новое издание в серии CC (L. VERHEIJEN, Turnholti 1981) предпочитают следующие рукописи¹:

- Bambergensis 33 (B III 23) XI в. (= B);
- Parisinus 1913, olim Colbertinus 711, Regius 3762, IX в. (= C);
- Parisinus 1913 A, olim Colbertinus 3275, Regius 4000/2.2., IX в. (= D);
- Parisinus 12191, olim S. Germani a Pratis 237, ante S. Mauri Fossatensis 70, X в. (= E);
- Parisinus 10862, olim S. Germani a Pratis, ante Echternach., IX в. (= I);
- Parisinus 12193, olim S. Germani a Pratis 757, IX в. (= G);
- Parisinus 12224, olim S. Germani a Pratis 736, ante S. Petri Corbeiensis, IX в. (= H);
- Fuldensis A a 9, olim Weingartensis (excerpta), VIII/IX в. (= J);
- Monacensis Clm 14350, olim monasterii S. Emmerami Ratisbonensis, X в. (= M);
- Parisinus 1911, olim Obrechtinus, Regius 4004/2., IX в. (= O);
- Parisinus 1912, olim Bethunianus, Regius 4004, ante S. Mariae de bello Prato, IX в. (= P);
- Romanus bibliothecae Victoris Emanuelis 2099, olim Sessorianae ad eccl. s. Crucis 55, VI–VII в. (= S);
- Vaticanus 5756, olim S. Columbani Bobiensis 17, IX/X в. (= V);
- Turonensis 283, X/XI в. (= Z);
- Stutgardiensis («Stuttgartensis») HB. VII 15., olim monasterii Weingartensis, X в. (= A, VERHEIJEN).

Другое семейство представлено эксцерптом Евгиппия (старейшая рукопись — Vaticanus 3375, VII в.).

В традиции *De civitate Dei* две части произведения — книги I–XVI и XVII–XXII — нужно рассматривать по отдельности. Для первой группы есть очень древние и достоверные рукописи:

- Lugdunensis 607 (lib. I–V), VI в.;

christiana in the Early Middle Ages, RBen 95, 1985, 11–24; A. G. HAMMAN, La transmission des sermons de saint Augustin. Les authentiques et les apocryphes, Augustinianum 25, 1985, 27–64; M. AVILÉS, Apéndice. Manuscritos del *De doctrina christiana* existentes en Europa, Augustinus 31, 1986, 379–390.

1. Стемму традиции *Confessiones* дает L. VERHEIJEN, изд., S. LVIII.

- Corbeiensis, postea Sangermanensis 766, nunc partim Parisiensis (B. N. Lat. 12.214; lib. I–IX), partim Petropolitanus Q. v. I, № 4; lib. X, VI в.;
- Veronensis XXVIII (26) (lib. IX–XVI), начало V в.; последний восходит к эпохе Августина.

Для книг XVII–XXII нам остается довольствоваться не столь старыми, но очень верными оригиналу рукописями, напр.,

- Patavinus 1469, XIV в.

На эти рукописи в основном опирается заново переработанное издание (DOMBART-KALB, CC 47, 14, 1 и 48, 14, 2, 2 тома, Turnholti 1955). Поскольку традиция у каждой книги своя, вряд ли можно восстановить стемму для произведения в целом. Опыт такой стеммы для первой книги содержится в тойбнеровском издании (DOMBART-KALB, ⁵1981, р. XXXIII). Кроме того, дивергенция в чтении значима практически исключительно для истории текста, но не для его установления. Некоторые разночтения, возможно, восходят к собственной переработке Августина, о которой он свидетельствует в письме к Фирму, открытом только в двадцатом столетии. Это последнее содержит и сведения об авторских намерениях в разделении произведения на части и о работе с так называемыми подзаголовками глав, которые он очевидным образом хотел предпослать всему произведению как аналитический указатель.

Произведение *De trinitate* было, как свидетельствует сам автор в письме к епископу Аврелию, отнято у него в незавершенном виде и опубликовано против его воли. Только через много лет — и с большими перерывами — он довел до конца отложенное произведение в духе первоначального замысла. Появившееся вскоре после editio princeps Генриха Ариминского (Страсбург, ок. 1474 г.) печатное издание Леонарда Пахеля (Милан, 1489 г.) дает текст высокого качества, не превзойденного и в издании Congrégation de saint Maur, так что новое издание (MOUNTAIN-GLORIE, CC 50–50 a, Turnholti 1968) прежде всего посвящено разработке истории текста. Большей частью издание основывается на рукописях:

- Parisinus B. N. lat. 2088, XI–XII в. (= codex Bigotianus);
- Parisinus B. N. nouv. acq. lat. 1446, X–XI в.;
- Parisinus Bibl. de l’Arsenal 303 (419 T. L.), XII в.;
- Vindocinensis Bibl. municipale 37, XI в.;
- Parisinus B. N. nouv. acq. lat. 1445, IX в.,

а также на свидетельствах Флора и Бенедикта Анианского.

Влияние на позднейшие эпохи

Августин придает латинскому языку гибкость и точность, делающие его пригодным для любого философского рассуждения. Таким образом — наряду с Боэцием, который пойдет еще даль-

ше по этому пути, — он становится одним из основателей профессионального языка средневековой, а также и новой философии.

Создание новых литературных жанров — таких как психологическая автобиография и историософский труд большого стиля — путем видоизменения и комбинирования прежних форм является следствием новой мысли, за которой будущее.

Августинова формулировка первой надежной гносеологической посылки¹ расчищает путь Декарту. Его открытия в философии времени признают Б. Рассел (см. выше) и Э. Гуссерль: «Гордое своей научностью Новое время в этих вещах не продвинулось достаточно далеко и не продвинулось намного дальше, чем этот крупный и серьезно борющийся мыслитель»².

Августин — также основатель философии воли, сочетающей ветхозаветные, стоические и римские взгляды³. В то время как воля для Эпикура (и Лукреция) — то, что вызывает движение в живом существе, стоик Хрисипп знает ее как длительное и разумное стремление, которым обладает только мудрец (аналогично Cic. *Tusc.* 4, 6, 13). Представление Сенеки — что *animus* может быть подвержен аффектам (*dial.* 3 = *ira* 1, 7–8) — Августин углубляет в духе апостола Павла, противопоставляя друг другу *bona voluntas* и *mala voluntas*, «добрую» и «злую волю», — вот душевно-духовная причина греха; воля отделяется от познания. А. Шопенгауер задним числом откроет ошеломляющие параллели между Aug. (*civ.* 11, 27) и своим собственным представлением о «воле к жизни»: «Я привел многие места из св. Августина, где есть поразительные совпадения со мной»⁴.

Наряду с Ареопагитом Августин — родоначальник средневекового платонизма. *Itinerarium mentis in Deum* Бонавентуры

1. Aug. *soliloq.* 2, 1; *lib. arb.* 2, 3, 7; *trin.* 15, 12, 21.

2. E. Husserl, Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins, hg. von M. HEIDEGGER, Halle (S.) 1928, 2 (= Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung 9, 1928, 368).

3. N. W. GILBERT 1963; ср. в особенности *lib. arb.* 3, 1, 3: *Non enim quicquam tam firme atque intime sentio quam me habere voluntatem eaque me moveri ad aliquid fruendum; quid autem meum dicam, prorsus non invenio, si voluntas qua volo et nolo non est mea, «Ничто я не чувствую так прочно и так глубоко, как то, что у меня есть воля и что я руководим ею, чтобы воспользоваться чем-либо; совершенно не могу понять, как я могу назвать что-то своим, если воля, которой я желаю или не желаю, не принадлежит мне».*

4. К Бэру 12. 1 1860 г. (= Schopenhauer-Briefe, изд. L. SCHEMANN, Leipzig 1893, 379); к Aug. *civ.* 11, 27 ср. *Die Welt als Wille und Vorstellung* 2, гл. 28 (изд. L. BERNDL, т. 2, München 1913, 456).

(† 1274 г.) основывается на фундаментальной мысли Августина: чтобы быть заодно с Богом, человек должен обратиться к самому себе.

Психологический самоанализ Августина оказывает влияние на средневековые автобиографии¹, изображавшие жизнь своих творцов как «подражание Августину», — возможно, самое значительное из этих произведений вышло из-под пера Аэльтре де Риво; что касается Нового времени, назовем Руссо, Сен-Бева и Ренана, черпавших стимулы для своих психологических изысканий у Августина. Наряду с этим у традиции есть и «педагогическая» ветвь (Винсент де Бове, Гибер из Турне, Веджио, Фенелон). Августиновский платонизм привлекает великих «гуманистов» средневековья: Скотта Эриугену², Абельяра, Иоанна из Солсбери, Петрарку³. Его историософская мысль — новое начало философии истории — будет стимулировать еще Гегеля и Тойнби. Религиозность радикального доверия к милости Божией сказывается как раз на глубоких и бескомпромиссных религиозных мыслителях⁴ (Уиклиф, мастер Эккарт, Таулер, Лютер, Кальвин, янсенисты, Паскаль) и все вновь и вновь пробуждает христианство от оптимистических пелагианских снов. Парализующая на первый взгляд вера в предопределение, пережив странное превращение, становится (особенно в Голландии и Англии) спонтанным жизнеощущением, толкающим на экономическую и политическую экспансию.

Августину принадлежит и первая монографическая разработка темы «труда» на христианском Западе: *De opere monachorum*. Книга — в духе апостола Павла и патристических традиций — обосновывает принципиальное достоинство любого честного труда и его аскетическую ценность. Таким образом был сделан значительный шаг вперед по сравнению с антич-

1. P. COURCELLE 1963 *passim* (с лит.); P. LEHMANN, *Autobiographies of the Middle Ages*, в: *Transactions of the Royal Historical Society*, 5. ser., т. 3, London 1953, 41—52; на Mont Ventoux Петрарка вычитывает в *Confessiones* и выстраивает линию обратно вплоть до Антония (*fam.* 4, 1, ed. V. Rossi, Firenze 1933); в традиции *Retractationes* пишет Гуго Тримбергский (*Registrum multorum auctorum*, ed. K. LANCOSCH, Berlin 1942, p. 193, в особенности стихи 753—756 = 937—940).

2. B. СТОКК, *Observations on the Use of Augustine by Johannes Scottus Eriugena*, *HThR* 60, 1967, 213—220.

3. E. LUCIANI, *Les Confessions de saint Augustin dans les lettres de Pétrarque*, Paris 1982.

4. A. ZUMKELLER, *Das Ungenügen der menschlichen Werke bei den deutschen Predigern des Spätmittelalters*, *ZKTh* 81, 1959, 265—305.

ностью, низко ценившей телесный труд. Но не надо впадать в противоположную крайность: некоторые пережитки античного аристократизма еще связывали августиновскую мысль (например, учет знатного происхождения монахов в том, что касалось физической работы, *op. Monach.* 21, 25); с другой стороны, Стоя подчеркивала воспитательную ценность труда; *labor* и *industria* — в более конкретном смысле, сельское хозяйство — в Риме исконно воспринимались как нечто весьма ценное (Катон Старший). Этим произведением, чье содержание средневековые сконцентрирует в формуле *ora et labora*, «*молись и трудись*», Августин за сто лет до Бенедикта накладывает решающий отпечаток на трудовую концепцию западного монашества¹ и косвенно подготавливает современную высокую оценку труда.

Конечно, строгие, даже жесткие черты в облике Августина позднего периода также не остались без последствий. Если его учение о первородном грехе плохо понятно, даже неуютно для современного человека, то причина этого в том, что сегодня часто забывают о его взаимосвязи с доктриной искупления. Правда, его концепция монашеской жизни создана в основном под знаком любви, свободы и скромности, и он много сделал для того, чтобы спасти западное монашество от антикультурного фанатизма и направить его усилия в пользу ближних и культурного делания. Если мораль, которую он завещал обеим великим западным конфессиям, сохраняет все же преобладание аскетических черт, нельзя при ее оценке упускать из виду, что точка зрения Августина для его эпохи была умеренной. Впрочем, что касается отношения к иноверцам-христианам, то Августин, первоначально отвергавший в вопросах веры любое принуждение (*epist.* 23, 7; 93, 5, 17), потом усваивает себе противоположную точку зрения, учитывая успешность осуществленных против донатистов государственных мероприятий (*epist.* 93 и 185); отсюда до инквизиции еще долгий путь, и еще более долгий — до практической отмены инквизиции церквями и повторного введения нехристианами.

Таким образом, как в своих достоинствах, так и в своих недостатках Августин — сын Рима и отец Европы. Несмотря на его огромное влияние и большую исследовательскую активность, некоторые стороны его облика не стали общим достоянием.

1. A. ZUMKELLER, *Das Mönchtum des hl. Augustinus*, Würzburg 21968 (с лит.).

Его почитатели не смогли вполне понять тщательно разработанную под знаком истины конвергенцию последовательно научного познания и христианской религии; он вовсе не односторонний поборник *credo, ut intelligam*, «верую, чтобы понять»¹; его жизненный путь показывает, что он изначально заботится о научном познании и тем самым уходит далеко вперед: естественный разум усваивает категориальные понятия, математические истины, эстетические и этические нормы, а также собственное бытие и существование Бога, хотя бы и «зерцалом в гадании» (1 Cor. 13, 12). Перед лицом несомненного развития в течение его долгой жизни есть соблазн столкнуть друг с другом его Платона и его апостола Павла. При этом непрерывность духовного бытия необоснованно теряется из поля зрения, хотя фраза «Бог — все, что мы можем» и находится не в позднем произведении, а уже в *Soliloquia* (2, 1, 1). Обычные противопоставления скрывают тот факт, что его фундаментальный теоцентрический опыт в течение всей жизни формулируется двояко: когда речь идет о Боге как единосущем, ситуации адекватна терминология Платона, как о единоедействующем — терминология ап. Павла. Ведь мысли выше слов (и школ), и Бог слышит только голос убеждения (*catech. rud.* 9, 13).

Сегодня склоняются к тому, чтобы считать обращение бегством или *sacrificium intellectus*, «жертвоприношением разума»; напротив, Августин мог сделать этот шаг из соображений интеллектуальной добросовестности, тем более что тогда христианство не предполагало опасливого отношения к науке, но, напротив, давало новый импульс занятиям ею. Не вполне, как представляется, оценили Августина как теоретика труда и первопроходца семиотики; не обратили внимание на его истолкование Сотворения мира, которое, в отличие от томистского, оставляет место для учения о биологическом развитии. Необычно для нас и то, что Гете в своей *Geschichte der Farbenlehre* цитирует Августина как «чисто чувственного» созерцателя².

1. Ср., тем не менее, *serm.* 118, 11; *in euang. Ioh.* 29, 6; *serm.* 43, 7; намек *trin.* 1, 1, 1; эту мысль в определенном аспекте можно через Амвросия возвести к Плотину; R. J. O'CONNELL, *The Enneads and St. Augustine's Image of Happiness*, VChr 17, 1963, 129—164.

2. «Вообще этот психологический феномен стойкого, меркнувшего в цветовом отношении светового впечатления не остался неизвестным чисто чувственным натурам той эпохи, почему мы и приводим в качестве свидетельства... место из Августина (*trin.* 11, 2, 4)» (WA 2, 3, 165²).

Это обоюдоострое оружие — определение Августина как «величайшего поэта» древней церкви¹; но теперь часто без внимания остается тот очевидный факт, что проза Августина — результат утонченного до предела риторически-психологического погружения и подлинно философского размышления — с формальной и содержательной точки зрения может считаться одной из вершин античной латинской прозы.

Издания: издание мавруиниан: Paris 1679—1700; PL 32—47; CSEL (под отдельными рубриками). * Лат.-англ. ПСС с введениями и прим. за 1989 — заявлено в проекте BVA Belmont MA USA. ** *Произведения против донатистов:* M. PETSCHENIG, CSEL 51—53, 1908—1910. * *beat. vit.:* R. W. BROWN (ПК), Washington 1944. * J. DOIGNON (ТППР), Paris 1986. * *c. acad., beat. vit., ord.:* P. KNÖLL, CSEL 63, 1922. * W. M. GREEN, CG 29, Turnholti 1970. * B. R. VOSS, I. SCHWARZ-KIRCHBAUER, W. SCHWARZ, E. MÜHLENBERG (ППР), Zürich 1972. * *catech. rud.:* J. P. CHRISTOPHER (ПК), Washington 1926. * *c. Fel., nat. bon., epistula Secundini, c. Secundin. (acc. Euod. fid.; Ps. Aug. comm.):* I. ZYCHA, CSEL 25, 1892. * *c. Iul. op. imperf. 1—3:* E. KALINKA, M. ZELZER, CSEL 85/1, 1974. * *civ.:* E. HOFFMANN, CSEL 40, (1: *civ. 1—13; 2: civ. 14—22*), 1899—1900. * B. DOMBART, A. KALB, Lipsiae 1928—1929, ⁵1981. * B. DOMBART, A. KALB, CC 47, 14, 1 и 48, 14, 2, Turnholti 1955. * G. E. McCracken (ТП), London 1957—1972. * W. THIMME (П), C. ANDRESEN (ПР), 2 тт., Zürich ²1978 (перепаб.). * C. J. PERL (П), 2 тт., Paderborn 1979. * *conf.:* P. KNÖLL, CSEL 33, 1896. * M. SKUTELLA, Lipsiae 1934. * M. THIMME (П), Zürich ²1950. * L. VERHEIJEN, CC 27, Turnholti 1981. * J. J. O'DONNELL (ТК), 3 тт., Oxford 1992. * *cons. euang.:* F. WEHRICH, CSEL 43, 1904. * *de serm. dom.:* A. MUTZENBECHER, CC 35, Turnholti 1967. * *doctr. christ.:* I. MARTIN, CC 32, Turnholti 1962. * L. ALICI (ППР), Milano 1989. * *doctr. christ. 4:* T. SULLIVAN (ТПК), Washington 1930. * G. M. GREEN, CSEL 80, 6, 6, 1963. * *epist.:* A. GOLDBACHER, CSEL 34 (1: *epist. 1—30; 2: epist. 31—123*), 1895—1898. * Его же, CSEL 44 (3: *epist. 124—184*), 1904. * Его же, CSEL 57 (4: *epist. 185—270*), 1911. * *Новооткрытые письма:* J. DIVJAK, CSEL 88, 2, 6, 1981. * *fid. et symb.:* E. P. MEIJERING (ПК), Amsterdam 1987. * *fid. et symb., fid. et op., agon., contin., bon. coniug., virg., bon. viduit., adult. coniug., de mend., c. mend., op. monach., div. daem., cur. mort., pat.:* I. ZYCHA, CSEL 41, 5, 3, 1900. * *fid. inviv.:* M. F. McDONALD (ТПК), Washington 1950. * *gen. ad litt., gen. ad litt. imperf., loc. hept.:* I. ZYCHA, CSEL 28, 3, 2, 1894. * *haer.:* L. G. MUELLER (ПК), Washington 1956. * *in euang. Ioh.:* D. R. WILLEMS, CC 36, Turnholti 1954. * *in psalm. 1—50:* D. E. DEKKERS, I. FRAIPONT, CC 38, Turnholti 1956. * *in Rom., in Gal., epistolae ad Romanos inchoata expositio:* J. DIVJAK, CSEL 84, 1971. * *lib. arb.:* W. M. GREEN, CSEL 74, 1956. * Его же, CC 29, Turnholti 1970, 207—321. * F. DE CAPITANI (ТПК), Milano 1987. * G. MADEC и др. (К), Palermo 1990. * *lib. arb., ver. rel.:* W. M. GREEN (Т), W. THIMME (П), Zürich 1962. * *mag.:* G. WEIGEL,

CSEL 77, 1961. * K. D. DAUR, CC 29, Turnholti 1970, 141–203. * E. SCHADEL (ПК), Würzburg 1975. * *mor. eccl., mor. Manich., quant. anim.*: J. K. COYLE и др. (К), Palermo 1991. * *mus.*: C. J. PERL (П), Paderborn ³1962. * U. PIZZANI, G. MILANESE (К), Palermo 1990. * *nat. bon.*: A. A. MOON (ПК), Washington 1955. * *pecc. mer., spir. et litt., nat. et grat., de natura et origine animae libri IV, c. Pelag.*: C. F. URBA, I. ZYCHA, CSEL 60, 1913. * *perf. iust., gest. Pel., grat. Christ., nupt. et concup.*: C. F. URBA, I. ZYCHA, CSEL 42, 1902. * *persev.*: M. A. LESOUSKY (ППр), Washington 1956. * *quaest. hept., in Iob*: I. ZYCHA, CSEL 28, 1895. * *quaest. hept., loc. hept., de octo quaestionibus ex veteri testamento*: I. FRAPONT, CC 33, Turnholti 1958. * *quant. anim., mag.*: K.-H. LÜTCKE; G. WEIGEL (ТППр), Zürich 1973. * *retract.*: P. KNÖLL, CSEL 36, 1902. * C. J. PERL (П), Paderborn 1976. * *soliloq., immort.*: H. FUCHS, Hansp. MÜLLER (ТП), Zürich 1954. * G. WATSON (TK), Warminster 1990. * *soliloq., immort., quant. anim.*: W. HÖRMANN, CSEL 89, 1986. * *spec.*: F. WEINRICH, CSEL 12, 1887. * *trin.*: W. J. MOUNTAIN, F. GLORIE, CC 50, 16, 1 и CC 50 A, 16, 2, Turnholti 1968. * *urb. exc.*: M. V. O'REILLY (ТПК), Washington 1955. * *util. cred., de duab. anim., c. Fort., c. Adim., c. epist. fund., c. Faust.*: I. ZYCHA, CSEL 25, 1891. * *util. ieiun.*: S. D. RUEFF (ТПК), Washington 1951. * *vera relig.*: K.-D. DAUR, CC 32, Turnholti 1962, 171–260. ** *Справочная литература*: Thesaurus Augustinianus, Series A (Formae), 1 т. (с указанием форм и частотности) и микрофиши, Turnhout: Brepols 1989. Series B (Lemmata) должна сконцентрироваться на отдельных произведениях. * Augustinus-Lexikon, изд. Cornelius MAYER и др., содержит энциклопедические статьи и статьи по истории понятий (без описания перспективы), первый из четырех запланированных томов (в том же самом издательстве, что и Thesaurus Augustinianus) в печати. * *Конкорданс*: D. LENFANT, Concordantiae Augustinianaе, 2 тт., Paris 1656–1665, перепечатка 1966 (до сих пор наиболее полный справочный указатель). * R. H. COOPER и др., Concordantia in libros XIII *Confessionum* S. Aurelii Augustini, 2 тт., Hildesheim 1991. * *Indices*: CC 27 (*conf.*: обратный конкорданс форм), Turnholti 1983. * CC 32 (*doctr. chr.*: аналогичный), *ibid.* 1982. CC 36 (*in euang. loh.*) Eindhoven 1976. * CC 38 (*in psalm.* 1–50) Eindhoven 1978. * CSEL 58 (*epist.*: Indices), 1923. * W. HENSELLEK, P. SCHILLING и др., *Vorarbeiten zu einem Augustinus-Lexikon*: CSEL Beih. 1 = A 3 (*De ordine*) 1973; Beih. 2 = A 1 (*c. acad.*) 1974; Beih. 3 = A 14 (*util. cred.*) 1977; Beih. 5 = A 13 (*ver. rel.*) 1980. * C. MAYER и др., изд., *Augustinus-Lexikon*, Basel, Stuttgart 1986 слл. ** *Библ.*: C. ANDRESEN, Bibliographia Augustiniana, Darmstadt ²1973. * R. LORENZ, Augustinliteratur..., ThRdschau NF 25, 1959, 1–75; 38, 1974, 292–333; 39, 1974/75, 95–138; 253–286; 331–364; 40, 1975, 1–41; 97–149; 227–261. * См. также ниже C. MAYER, K. H. CHELIUS, изд.

C. ANDRESEN, изд., Zum Augustin-Gespräch der Gegenwart, 2 тт., Darmstadt 1962; 1981. * R. H. AYERS, Language, Logic, and Reason in the Church Fathers, Hildesheim 1979. * W. BEIERWALTES, *Regio beatitudinis*. Zu Augustins Begriff des glücklichen Lebens, SHAW 1981, 6. * P. L. R. BROWN, Augustine of Hippo. A Biography, London 1967, нем. Frankfurt

1973 и München 1975. * H. CHADWICK, Augustine, Oxford 1986. * COURCELLE, *Lettres* 2¹⁹⁴⁸. * P. COURCELLE, *Les Confessions de saint Augustin dans la tradition littéraire. Antécédents et postérité*, Paris 1963. * P. COURCELLE, *Recherches sur les Confessions de saint Augustin*, Paris 2¹⁹⁶⁸ (дополн.). * J. и P. COURCELLE, *Iconographie de saint Augustin. Les cycles du XVI^e et du XVII^e siècle*, Paris 1972. * E. DINKLER, *Die Anthropologie Augustins*, Stuttgart 1934. * U. DUCHROW, *Sprachverständnis und biblisches Hören bei Augustin*, Tübingen 1965. * N. FISCHER, *Augustins Philosophie der Endlichkeit. Zur systematischen Entfaltung seines Denkens aus der Chorisimos-Problematik*, Bonn 1987. * N. W. GILBERT, *The Concept of Will in Early Latin Philosophy*, JHPH 1, 1963, 17—35. * E. GILSON, *Introduction à l'étude de saint Augustin*, Paris 4¹⁹⁶⁹. * F. GLORIE, *Augustinus, De Trinitate*, SEJG 16, 1965, 203—255. * H. HAGENDAHL, *Augustine and the Latin Classics*, 2 тт. (со статьей о Варроне, автор — В. CARDAUNS), Göteborg 1967. * H. HAGENDAHL, *Von Tertullian zu Cassiodor. Die profane literarische Tradition in dem lateinischen christlichen Schrifttum*, Göteborg 1983. * R. P. HARDY, *Actualité de la révélation divine. Une étude des Tractatus in Iohannis evangelium de saint Augustin*, Paris 1974. * L. HÖLSCHER, *The Reality of Mind. Augustine's Philosophical Arguments for the Human Soul as a Spiritual Substance*, London 1986. * R. HONSTETTER, *Exemplum zwischen Rhetorik und Literatur. Zur gattungsgeschichtlichen Sonderstellung von Valerius Maximus und Augustinus*, диссертация, Konstanz 1981. * C. KIRWAN, *Augustine*, London 1991. * G. N. KNAUER, *Psalmenzitate in den Confessiones des Augustinus*, Göttingen 1955. * E. KÖNIG, *Augustinus Philosophus. Christlicher Glaube und philosophisches Denken in den Frühschriften Augustins*, München 1970. * E. LAMIRANDE, *Church, State, and Toleration. An Intriguing Change of Mind in Augustine*, Vilanova 1975. * K.-H. LÜTCKE, *Auctoritas bei Augustin. Mit einer Einleitung zur römischen Vorgeschichte des Begriffs*, Stuttgart 1968. * F. G. MAIER, *Augustin und das antike Rom*, Stuttgart 1955. * A. MANDOUZE, *Saint Augustin. L'aventure de la raison et de la grâce*, Paris 1968. * R. A. MARKUS, *Saeculum. History and Society in the theology of St. Augustine*, Cambridge 1970. * H.-I. MARROU, *S. Augustin et la fin de la culture antique*, Paris 1938; 4¹⁹⁵⁸; нем. Paderborn 1982. * C. MAYER, K. H. CHELIUS, изд., *Internationales Symposium über den Stand der Augustinus-Forschung* (Gießen 1987), Würzburg 1989. * C. MOHRMANN, *Etudes sur le latin des chrétiens*, 4 тт., Rome 1961—1977. * R. J. O'CONNELL, *St. Augustine's Confessions. The Odyssey of Soul*, Cambridge, Mass. 1969. * G. O'DALY, *Augustine's Philosophy of Mind*, Berkeley 1987. * J. J. O'MEARA, *The Young Augustine. The Growth of St. Augustine's Mind up to his Conversion*, London 1954. * F. PASCHOUD, *Roma aeterna. Etudes sur le patriotisme romain dans l'occident latin à l'époque des grandes invasions*, Rome 1967. * M. PELLEGRINO, *Le Confessioni di Sant'Agostino. Studio introduttivo*, Roma 2¹⁹⁷². * P. PRESTEL, *Die Rezeption der ciceronischen Rhetorik durch Augustinus in De doctrina christiana*, Frankfurt 1992. * A. RODOMONTI, *Il Discor-*

so 105 di S. Agostino e il mito di Roma eterna, Genova 1992. * A. SCHINDLER, Augustin, TRE 4, 1979, 645–698 (лит.). * E. A. SCHMIDT, Zeit und Geschichte bei Augustin, Heidelberg 1985. * A. SCHÖPF, Augustinus. Einführung in sein Philosophieren, Freiburg 1970. * J. STELZENBERGER, *Conscientia* bei Augustinus, Paderborn 1959. * J. STRAUB, Augustins Sorge um die *regeneratio imperii*. Das *Imperium* als *civitas terrena*, HJ 73, 1954, 36–60. * G. STRAUSS, Schriftgebrauch, Schriftauslegung und Schriftbeweis bei Augustin, Tübingen 1959. * W. SUERBAUM, Vom antiken zum frühmittelalterlichen Staatsbegriff. Über Verwendung und Bedeutung von *Res publica*, *Regnum*, *Imperium* und *Status* von Cicero bis Jordanis, Münster 1977. * W. SÜSS, Studien zur lateinischen Bibel. I. Augustins *Locutiones* und das Problem der lateinischen Bibelsprache, Tartu 1932. * E. TESELLE, Augustine's Strategy as an Apologist, Villanova 1974. * M. TESTARD, Saint Augustin et Cicéron, 2 тт., Paris 1958. * P.-P. VERBRAKEN, Études critiques sur les sermons authentiques de saint Augustin, Steenbrugis 1976. * A. WACHTEL, Beiträge zur Geschichtstheologie des Aurelius Augustinus, Bonn 1960. * Chr. WALTER, Der Ertrag der Auseinandersetzung mit den Manichäern für das hermeneutische Problem bei Augustin, 2 тт., München 1972. * L. WITTMANN, *Ascensus*. Der Aufstieg zur Transzendenz in der Metaphysik Augustins, München 1980.

БОЭЦИЙ

Жизнь, датировка

Аниций Манлий Северин Боэций — выходец из знатной и состоятельной семьи. Он родился ок. 480 г. После ранней смерти отца (консула 487 г.) заботу о нем берут на себя влиятельные лица, в особенности Кв. Аврелий Меммий Симмах, на чьей дочери Рустициане Боэций впоследствии женится. Уже в молодые годы он заставляет говорить о себе благодаря своим научным способностям. На него обращает внимание король Теодорих; Боэций получает задание исполнить просьбу Гундобада (водяные и солнечные часы) или же назвать нужных для этого мастеров; для короля Хлодвига он должен найти лучшего кифареда. Он быстро делает политическую карьеру; в 510 г. становится консулом без коллеги. В 522 г. оба его сына, еще не достигшие зрелости, получают ту же самую высокую должность; по этому поводу он произносит речь к Теодориху (*cons.* 2, *pr.* 3). Вскоре его назначают руководителем всех придворных и государственных чинов (*magister officiorum*). Внутренние противоречия между готами и римлянами, арианским королем и

католическим сенатом приводят к открытому конфликту; патриция Альбина обвиняют в изменческих связях с восточноримским императором Юстином. Боэций без промедления спешит в Верону, чтобы взять под защиту Альбина и сенат, вовлеченный в это дело. Там он также становится жертвой обвинения. Король осуждает его, не выслушав, на основе одних только свидетельских показаний. После непродолжительного заключения в Кальвенцано в 524 г. Боэций был казнен¹. Следующая жертва Теодориха — Симмах (525 г.). В том же десятилетии (529 г.) происходят еще два события, знаменующие поворот от античности к средневековью: Бенедикт основывает Монте Кассино, а император Юстиниан закрывает просуществовавшую девять веков платоновскую академию.

Боэций, мыслитель и римлянин, пророчески угадывает течение времени: чтобы открыть философию западному миру, он собирается перевести все сочинения Платона и Аристотеля и — в духе Порфирия — доказать их согласие друг с другом. Это единственный человек, кто мог бы в то время исполнить подобный труд. К сожалению, коронованному варвару не пришлось в голову вместо казни подвергнуть его домашнему аресту, дав перо и чернила; таким образом молодая Европа сначала получает на латинском языке лишь немного из работ Аристотеля, а от Платона, кроме давно переведенного *Тимея*, и вовсе ничего.

Для датировки произведений веками служат 510 г. (комментарий к *Категориям*) и 523/24 г. (*Consolatio*). Что касается относительной хронологии переводов, то различные исследования независимо друг от друга пришли к такой последовательности: *Isagoge* Порфирия, *Категории*, *De interpretatione*, *Analytica priora*,

1. A. CAMERON, Boethius' Father's Name, ZPE 44, 1981, 181–183 (Marius Manlius Boethius); J. MOORHEAD, Boethius and Romans in Ostrogothic Service, Historia 27, 1978, 604–612; C. MORTON, Marius of Avenches, the excerpta Valesiana, and the Death of Boethius, Traditio 38, 1982, 107–136; U. PIZZANI, Boezio consulente tecnico al servizio dei re barbarici, RomBarb 3, 1978, 189–242; D. ROMANO, Il significato della presenza di Nerone nella *Consolatio* Boeziana, ALGP 9–10, 1972–1973 (1975), 180–185 (типология Нерон — Теодорих в *Consolatio*); P. ROUSSEAU, The Death of Boethius: the Charge of Maleficium, Studia Mediaevalia 3, Ser. 20, 1979, 871–889; H. TRÄNKLE, Philologische Bemerkungen zum Boethiusprozeß, в: Romanitas et Christianitas, FS J. H. WASZINK, Amsterdam 1973, 329–339; E. REISS, The Fall of Boethius and the Fiction of the *Consolatio Philosophiae*, CJ 77, 1981, 37–47 (неубедительно); Dh. SCHANZER, The Death of Boethius and the *Consolation of Philosophy*, Hermes 112, 1984, 352–366.

posteriora, *Topica*, *Sophistici elenchi* Аристотеля¹. Боэций, должно быть, пользовался кодексом — эта форма книги получила распространение с IV века; здесь тексты были собраны так, как и в византийских изданиях Аристотеля². Мы имеем дело с «неоплатонической» версией с *Введением* Порфирия в самом начале. Эту ясную картину, соответствующую планомерной рабочей методе Боэция, в незначительной степени искажают лишь два фактора: в традиции Боэция последовательность фиксируется иначе, и подлинность переводов *Аналитик*, *Топики* и *Sophistici elenchi* небесспорна³. Остается надежда на то, что давно уже необходимая рецензия рукописей Боэция будет наконец осуществлена.

Обзор творчества

Боэций перевел и объяснил *Органон*; кроме того, он переложил *Введение* Порфирия к *Категориям* Аристотеля и прокомментировал *Топика* Цицерона. Два комментария (к *Введению* Порфирия или же к аристотелевскому произведению *Об истолковании*) были написаны в двух версиях: более простой и более притязательной, соответственно как комментарий для школьников и для преподавателей. Сочиняя комментарий к *Категориям* и *Об истолковании*, Боэций, должно быть, переработал схолии к этим произведениям, которыми располагал⁴. Сохранившиеся в рукописи *Схолии к Аналитике* сегодня на основании языковых критериев приписывают Боэцию⁵. Его логические работы основываются на Марии Викторине; перевод *Isagoge* Порфирия, принадлежащий перу последнего, Боэций делает базой для первой редакции своего комментария; вторая содержит собственный дословный перевод.

Логические проблемы Боэций разрабатывает в самостоятельных трактатах: *De categoricis syllogismis*, *Introductio ad categoricos syllogismos*, *De hypotheticis syllogismis*, *De divisione*, *De topicis differentiis*.

От его изложения квадривиума (*арифметика, музыка, геометрия,*

1. S. BRANDT, Entstehungszeit und zeitliche Folge der Werke von Boethius, *Philologus* 62, 1903, 141—154; 234—275; A. P. MCKINLAY, Stylistic Tests and the Chronology of the Work of Boethius, *HSPH* 18, 1907, 123—156; L. M. DE RIJK, On the Chronology of Boethius' Work on Logic, *Vivarium* 2, 1964, 1—49, 125—162.

2. F. SOLMSEN, Boethius and the History of the *Organon*, *AJPh* 65, 1944, 69—74.

3. См., однако же, С. Н. HASKINS, Mediaeval Versions of the *Posterior Analytics*, *HSPH* 25, 1914, 87—105; H. R. PATCH 1935, 32.

4. J. BIDEZ, Boèce et Porphyre, *RBPPh* 2, 1923, 189—201; J. SHIEL, Boethius' Commentaries on Aristotle, *MRS* 4, 1958, 217—244.

5. L. MINIO-PALUELLO, A Latin Commentary (? translated by Boethius) on the *Prior Analytics* and its Greek Sources, *JHS* 77, 1957, 93—102.

астрономия) сохранились первые две части, для геометрии мы располагаем фрагментами (а также подделкой).

Богословские труды — отдельная группа; из пяти сохранившихся трактатов предпоследний заподозрен в неподлинности¹.

Consolatio

Особое положение занимает художественно оформленное произведение *Consolatio*. Структуру его лучше всего описать как подъем по ступеням. Мы имеем дело не с дискурсивным изложением жесткой системы, а с терапевтическим диалогом² Философии и человека, несправедливо приговоренного к смерти. Здесь Боэций продолжает римскую традицию «попечения о душе», образцово воплощенную Сенекой.

1: Узник выражает свою глубокую скорбь в страстной элегии; затем, как в божественной эпифании, появляется Философия и изгоняет муз. Одиночество — положение, в котором Откровение становится возможным³; можно вспомнить о Платоне, который хотел, чтобы Гомер был изгнан из его государства. Но вместе с Музами поэзия не оставляет произведение. Скорее стихи и ритмы теперь становятся инструментами философского наставления и воспитания. Боэций, вероятно, первый римлянин, который в этом отношении серьезно отнесся к поэтической программе Платона, правда, не в политике, а в сфере внутреннего мира: *quodsi Platonis Musa personat verum, / quod quisque discit, immemor recordatur* («Платон, правдива ежели твоя Муза, / что учим — вспоминаем мы и не помня», 3 *cart.* 11). В первой книге Боэций изливает душу, рассказывая о переживаниях своей молодости. Философия ставит диагноз: недостаток самопознания и знания о настоящей цели человеческой жизни, познании истины. Есть надежда на исцеление, поскольку у Боэция вера в Бога как причину и конечную цель всего происходящего еще не потрясена (1 *pr.* 6). Философия определяет и лечение: против скорби нужны сначала слабые, а потом все более сильные средства глубинного воздействия. Последнее стихотворение первой книги образует кульминацию в требовании бесстрастия, свободы от всех аффектов. Таким образом, конец этой книги, как и последующих, тесно связан с психологическим положением узника.

2: Вторая книга — пространная медитация о Фортуне; этот персонаж вначале выведен со своей репликой. Поскольку изменчивость в ее характере, человек не вправе требовать от нее чего-либо. Превратности судьбы трудно переносить, ведь Боэций раньше был очень

1. Решительно за подлинность: Н. SNADWICK, *The Authenticity of Boethius' Fourth Tractate, De fide catholica*, JThS 31, 1980, 368–377.

2. Н. RHEIN, *Die Dialogstruktur der Consolatio Philosophiae des Boethius*, диссертация, Frankfurt 1963; S. LERER 1985.

3. J. GRUBER 1969 (с лит.).

удачлив (2 *pr.* 4). С другой стороны, воспоминание о полученных благодеяниях — постоянная составная часть античных утешений¹ — может стать противовесом скорби. Здесь весьма удачно приведена ретроспекция о счастливой жизненной поре Боэция — его юности. То, что в его воспоминаниях более поздние события оказываются на первом плане, соответствует общему психологическому закону. Во второй книге автор сознательно вовлекает память; переполненность впечатлениями сменяется собственным действием.

Размышления о Фортуне углубляются (2 *pr.* 5—7): автор утверждает в духе диатрибы, что счастье, основанное на внешнем, не бывает совершенно; процесс интеллектуального «разбора» показывает: богатство, власть и ранг сомнительны, слава ничтожна (вспоминается *Somnium Scipionis*). Единственное благо в лживой Фортуне — то, что она может отвернуться от человека. Именно тогда ему открывается путь к истинным благам. Несчастье, таким образом, часто более целительно, чем успех (2 *pr.* 8); внешняя невозможность стремиться к земным благам прямо-таки заставляет узника обратиться внутрь себя. Однако осужденный не заходит так далеко, как Солженицын, и не говорит: «Будь благословенна, моя тюрьма!»

3: Если вторая книга пытается переоценить общепринятые ценности, то в третьей поставлена положительная цель: Бог как олицетворение блаженства, начало и конец наших поисков истины и добродетели. Таким образом разоблачение Фортуны, до сих пор выдержанное в духе стоицизма и вульгарного платонизма, выливается в аристотелевскую телеологию стремления к счастью. Истинное блаженство независимо от внешних благ, столь привычных для римлянина — *opes, honores, potentia, gloria, voluptates*, «богатств, почетных должностей, влияния, славы, удовольствий». При этом аристотелевская близость к действительному миру уступает место безусловности, окрашенной платонически и даже стоически. Мысль Боэция здесь пересекается с *De vita beata* Сенеки и Августина и с цицероновыми *Hortensius* и *De finibus*, правда, вопрос об источниках остается неясным. Как стоик или платоник, мудрец Боэция может надеяться на апофеоз. Правда, и это место не говорит против христианства Боэция; греческие Отцы Церкви не видят ничего запретного в рассуждениях об обожествлении человека.

4: Положительная цель поставлена; теперь становится актуальным вопрос о зле. Четвертая книга ведет, таким образом, на платоновские высоты: зло есть не сущее, счастье дурных людей — лишь видимость; их ожидает заслуженная кара. Для хорошего несчастье — испытание, аскеза, очищение. Судьба личности зависит от ее собственной позиции. Этот по-римски стоический финал книги² подчеркивает значе-

1. Ср. Hor. *epist.* 1, 4, 6—11; Sen. *Helv.* 14—17 и *Marc.* 5, 23—25; Plut. *cons. ad Timox.* ix. 8.

2. Относительно 4, *pr.* 7 ср. Sen. *prov.* 2, 1—12.

ние личности и ее воли, и именно на этом и может быть основано счастье.

5: То, что в конце ставится вопрос о свободе воли, — последовательный шаг. Еще в четвертой книге проведено различие между *providentia*, довлеющей божеству, и *fatum*, действующим в мире. Таким образом Боэций оставляет впрок для потомков платоновское противопоставление Вечного, Одного, Единого (то есть Бога) и временного, постоянно движущегося, многостороннего (то есть мира). Сделав (вероятно, косвенно направленное против эпикурейцев) замечание о случайности, которая никак не может обойтись без причины, что доказал еще Аристотель в *Физике* (2, 4), Боэций обращается к проблеме свободы, прежде всего свободы воли. Бог обладает свободой в полной мере; другие существа имеют в ней свою долю, насколько им дано разума. Человек свободен, обращаясь к Богу; порок делает его несвободным. Мы еще вернемся к замечательному решению вопроса о всеведении Божиим¹.

Источники, образцы, жанры

Когда римляне занимались логическими проблемами, со времен Элия Стилона и Варрона и вплоть до Апулея включительно, они ориентировались на стоиков; Марий Викторин приносит сюда перипатетическую струю, Боэций доводит его дело до конца.

Institutio arithmetica опирается на признанный авторитет — Никомаха Герасского (первая половина II в.); пять книг о музыковедении черпают свой материал у него же и у Клавдия Птолемея, *Геометрия* — у Евклида; утраченная *Астрология* в восьми книгах (которую Герберт еще видел в Мантуе в 983 г.), вероятно, восходила к Птолемею. У упомянутых учебников нет самостоятельных научных амбиций²; они передают Средним векам основы наук, имеющих дело с числами. Обозначение *quadrivium* (позднее *quadrivium*) для этих предметов в первый раз засвидетельствовано у Боэция (*arithm.* 1, 1). Более сложный комментарий к *Об истолковании* написан под знаком неоплатонизма; логические труды, наряду с Аристотелем, обрабатывают материал из Феофраста и Порфирия, трактат *De topicis differentiis*³ — из Фемистия (IV в.) и Цицерона.

1. Незавершенность *Consolatio*: Н. TRÄNKLE 1977, 148–156.

2. Но Боэций сокращает и распространяет изложение, которое по этой причине, например, во введении к *Арифметике*, выигрывает в ясности и изяществе.

3. Об источниках *diff. top.*: D. Z. NIKITAS, Ciceros rhetorische Schriften als Quel-

В первом богословском труде Боэций открыто ссылается на Августина: *vobis tamen etiam illud inspiciendum est, an ex beati Augustini scriptis semina rationum aliquos in nos venientia fructus extulerint* («вам, однако же, должно обратить внимание и на то, смогли ли семена мыслей из сочинений блаженного Августина, попавшие к нам, принести некоторые плоды», *trin. praef.*). Если не считать точек пересечения, вызванных самим предметом (что мы наблюдали в *Consolatio*), этих двух теологов объединяет уровень философской мысли; жизненные установки и решение проблем — совершенно разные.

Какова литературная традиция *Consolatio*? Чередование прозы и поэзии — особенность менишповой сатиры, которая уже у Варрона и еще у Марциана Капеллы и Фульгенция¹ служит для популярного разбора этических проблем. Однако под пером нашего автора с его индивидуальностью, судьбой и эстетической волей, с его строгим и отменным вкусом преобразился до неузнаваемости. *Consolatio* — начало нового, серьезного литературного жанра, где чередуются стихи и проза, оно больше похоже на *Vita Nuova* Данте, чем на Варрона.

Форма чередования близка к философскому диалогу; не-платоновский прием — введение аллегорического собеседника — напоминает беседу Августина со своим *ratio* в *Soliloquia*. Олицетворенная Философия, подходящая с утешением к заключенному в темнице, — образ, знакомый нам из Сенеки². С функциональной точки зрения роль Философии соответствует роли раскрывающих истину персонажей в апокалиптике³, однако речь идет не собственно о божестве, а об олицетворении человеческой мудрости и науки⁴ — достаточное методологическое основание для того, чтобы не прибегать к специфически христианскому учению.

Несмотря на заглавие, связи с утешительной литературой⁵ — прежде всего приходит на ум самоутешение Цицерона в связи

len von Boëthius' *De topicis differentiis*, в: *Praktika des 3. Griechischen Symposions für Lateinische Studien*, Thessaloniki 1989, 243–279 (по-новогречески с немецким резюме).

1. P. COURCELLE 1967, 17, прим. 2 и 20.

2. Sen. *epist.* 65, 16; ср. 16, 5; 53, 7 сл.; 103, 4.

3. F. KLINGNER 1921, 112–118; J. GRUBER 1969.

4. P. COURCELLE 1967, 18–22.

5. Исследование утешительной литературы практически не принимало во внимание Боэция; лит. см. R. KASSEL, *Untersuchungen zur griechischen und römischen Konsolationsliteratur*, München 1958.

со смертью дочери — у произведения Боэция не слишком тесные; однако исследования и здесь, вероятно, могут привести к определенному прогрессу (особенно по отношению к работам Сенеки). Узнику ближе то, что писали изгнанники (Овидий и Сенека¹), а также созданное в пору вынужденного досуга сочинение Цицерона о государстве с его низкой оценкой внешней славы (2 *pr.* 7) — откомментированное Макробием, некогда близким к кружку Симмаха.

Как и Цицерон, Боэций представляет платоновскую мысль о тождестве философа и правителя (1 *pr.* 4). В соответствии с особенностями позднеантичной религиозности, а также со своим серьезным положением, он еще более решительно обращается только к божественному. В этом смысле он и должен понимать торжественный финал *De re publica*; но он и еще раньше таким образом определил философию: «Эта любовь к мудрости — просвещение благоустроенного ума той чистой мудростью и некоторым образом ее возвращение и призвание к себе самой, так что стремление к мудрости кажется равнозначным стремлению к божественности и тесной связи с тем чистым духом. Этой мудростью, таким образом, любого рода душа заслуживает божественность и возвращается к своей естественной силе и чистоте»².

И вот тема «утешения» вырвана с корнем; она растворяется в обращении к Богу. Эта книга становится скорее *προτρεπτικός εἰς θεόν*³, нежели произведением в жанре утешения; правда, вряд ли стоит надеяться обнаружить здесь много фрагментов из аристотелевского *Προτρεπτικα* или цicerоновского *Гортензия*. Синтез Платона (у которого, например, последовательно заимствуется образ пещеры⁴, а в четвертой книге актуальны *Горгий* и *Тимей*), Аристотеля и Стои совершен под знаком неоплатонизма; даже стоически окрашенная мысль о Фортуне во второй книге напоминает среди прочего платонизирующий псевдоплатарховский *Προτρεπτικ* (хотя и здесь скорее следовало бы искать латинские параллели в литературе жанра *consolatio*); римские аспекты в части, посвященной Форту-

1. О *cons.* 1 *pr.* 3 ср. Sen. *dial.* 9 (= *tranq. an.*) 14; о теме Фортуны у Боэция и Сенеки см. P. COURCELLE 1967, 105–108; 125–134; об Овидии: H. SCHEIBLE 1972, 12–16.

2. Boëth. in *Porph. dial.* 1; PL 64, 11; ср. также V. SCHMIDT-KOHL 1965; критически об этом H. SCHEIBLE 1972, 217–229.

3. E. K. RAND 1904, 1–28, особенно 8.

4. 1 *cart.* 2; 1 *cart.* 6; 3 *cart.* 1; 3 *cart.* 12; H. SCHEIBLE 1972, 218.

не, заимствованы у неоплатоника Макробия. Учение Боэция о провидении, о ничтожности зла и материи, а также о вечности мира восходит к Проклу¹; в высшей степени вероятно, что посредником был неоплатоник из Александрии Аммоний², сын Гермия; Боэций использует его комментарий к *De interpretatione*. Если он плодотворно применяет содержащееся в последнем учение о «двойной необходимости» для решения проблемы свободы воли, это во всяком случае оригинальное заимствование.

Римская литература постоянно актуальна в его творчестве, идет ли речь о поэтических цитатах или примерах из мифологии и истории. Философия считает своим не только Аристотеля (*Aristoteles meus* 5 *pr.* 1), но и Лукана (*familiaris noster Lucanus*, «наш друг Лукан» 4 *pr.* 6); наряду с Сократом римские философы подают обреченному пример саморефлексии и бесстрашия перед лицом смерти (3 *pr.* 5)³. Сенека дает пример своей личностью, а также — как римский мастер попечения о душе. Цицерон указывает путь, как возможно быть государственным мужем и одновременно по-платоновски созерцать Бога, а также защищать свободу воли на аристотелевском фундаменте. Римские мыслители дали Боэцию нечто большее, чем одну только классическую оболочку для неоплатонической доктрины.

Литературная техника

Боэций облагораживает форму менипповой сатиры регулярностью, с которой чередуются у него стихи и проза, а содержание — отказом от характерных для жанра вульгарных элементов. Однако он не вовсе воспрещает себе сатиру на человеческую глупость (стоических и эпикурейских мудрецов включительно), тему Лукианова *Икаромениппа*.

Приведенные греческие изречения (например, 1, 4) и цитаты также делают форму более рыхлой. Проявлять свое искусство цитирования Боэцию пришлось при самых тяжелых условиях, поскольку в заключении у него не было библиотеки, и ему пришлось обращаться к своей памяти. Поэтому охоту

1. P. COURCELLE 1967, 164—168; 220—228.

2. P. COURCELLE 1967, 215—219; 227—229.

3. Ср. Tac. *ann.* 1, 16; 15, 60.

за цитатами не следует проводить слишком последовательно. Соответственно положению вещей мы часто сталкиваемся со слегка измененными крылатыми словами, которые он вовсе не обязательно почерпнул из чтения оригиналов. Мысли, которые Овидий и Гораций формулируют эпиграмматически, Боэций заостряет еще более: *quæ felicitas amicis fecit, infortunium faciet inimicis*, «того, кого счастье сделало другом, несчастье делает врагом»¹.

Часто, однако, для Боэция актуален и контекст, как, например, для ключевых слов и протрепетических лозунгов²: интенция фразы *felix qui potuit* (3 *carm.* 12) родственна вергилиевской (*georg.* 2, 490); только Боэций вместо эпикурейской имеет в виду неоплатоническую философию, и для освобождения ему нужно не познание природы, а взглянуть в собственную душу. Другой намек на *Georgica* выражает основную мысль второй книги *Consolatio*: если бы Боэций познал благо своей жизни, он был бы счастлив (2 *pr.* 4 *o te si tua bona cognoscas felicem*; ср. Verg. *georg.* 2, 458). Фраза из Лукана раскрывает внутренний триумф внешне побежденного: *Victricem quidem causam dis, victam vero Catoni placuisse familiaris noster Lucanus admonuit* («наш друг Лукан ведь указал, что дело победителя было угодно богам, а побежденного — Катону», Lucan. 1, 128; Voëth. *cons.* 4, *pr.*). Здесь цитаты — как можно наблюдать и у Августина — ведут в самую глубь внутреннего мира автора. Однако у Боэция они носят «мирской» характер.

Многообразие литературных приемов, к которым прибегает Боэций, превращается у него в некое более высокое единство. Так, в первой книге вслед за отчаянной элегией Философия произносит свое откровение. Затем дидактические стихи разоблачают контраст между высотой теоретических полетов мудреца и его нынешним малодушием. Затем идет диатриба Философии и защитительная — как перед судом — речь Боэция; примыкающие стихи выдержаны в том же молитвенном

1. 3 *pr.* 5; ср. Ov. *trist.* 1, 9, 5 сл.; (*Fortuna*) *servavit circa te propriam potius in ipsa sui mutabilitate constantiam*, («(Фортуна) сохранила относительно тебя постоянство в самой своей переменчивости», 2 *pr.* 1; ср. Ov. *trist.* 5, 8, 18); *atqui hæc (pecuniae) effundendo magis quam coacervando melius nitent* («да и они (деньги) больше блещут, когда их тратишь, чем когда собираешь в кучи», 2 *pr.* 5; ср. Hor. *carm.* 2, 2, 1–4); *quidquid dicat, aut erit aut non* («что бы я ни сказал — или будет, или нет», 5 *pr.* 3; Hor. *sat.* 2, 5, 59); *avaritiæ nil satis est* («нет ничего, что было бы достаточно для скупого», 3 *pr.* 3; Hor. *sat.* 1, 1, 62).

2. Ср. R. GLEI 1985, 225–238; поэтические цитаты должны подкреплять философские мысли (поэты как первые философы).

стиле. На этот отчаянный призыв о помощи Философия отвечает в стиле суазории; затем идет цепочка вопросов и ответов в духе платоновского диалога. Заключительное стихотворение в *versus Adonei*, которые античные метрики находили уже у Сапфо, звучит торжественно¹, подобно анапестическим гимнам в *Педагоге* Климента Александрийского и стихам Синесия.

Изменение темы сопровождается тонкой вариацией стилистических средств². Каждая реплика оформляется подходящим для нее образом; общий психагогический план дает жанровому чередованию более высокий статус: оно становится средством подчеркнуть контраст и обозначить новую ступень в интересах более крупного целого.

Литературное многообразие *Consolatio* ограничено стойкой внутренней дисциплиной. Отдельные части не производят впечатления обособленных. Доказательство — строгий параллелизм в композиции второй книги³. Соблазнительно назвать «классическим» это внутреннее единство, о котором свидетельствует везде заметный хороший вкус. Для потомства Боэций и на самом деле стал классиком. Но его «классичность» — не следствие, а причина широкой рецепции.

Для литературной техники произведения характерно колебание между прозой и поэзией⁴. Стихи — точки покоя. Они закрепляют добытые результаты или готовят то, что должно последовать, апеллируя не к разуму, а к воображению. В этой связи мифы получают значение примеров, как, скажем, Цирцея, которая превращает людей в животных (4 *carm.* 3); превращенные сохраняют свое человеческое сознание; но гораздо хуже утрата собственного существа в подчинении страсти (истолкование, выдержанное в духе платонической⁵ и стоической⁶ традиции). Геркулес (4 *carm.* 7) предстает как символ мудреца, который принимает на себя свою судьбу и преодолевает ее; так его образ понимала уже Стоя⁷. На примере Орфея автор показывает, как опасно заглядывать в Тартар и как про-

1. Cp. Mart. Cap. 2, 125, ed. WILLIS, Leipzig 1983, p. 38.

2. K. REICHENBERGER 1954.

3. F. KLINGNER 1921, 22—27.

4. D. BARTONKOVÁ, Prosimetrum. The Combined Style, in Boethius' Work *De consolatione Philosophiae*, GLO 5, 1973, 61—69.

5. Cp. Plat. *Tim.* 91 d—92 c; Plotin. 1, 6, 39.

6. Athen. 1, 10 e; Hor. *epist.* 1, 1, 23—26.

7. Epict. 1, 6; Porph. *ad Marc.* 7.

блематичен Эрос (3 *cart.* 12). Подход Боэция — платонизирующий; своим оформлением он пролагает путь средневековому истолкованию мифов¹. Уже первая сцена задумана аллегорически: Философия сама соткала свою одежду (1 *pr.* 1). При этом вспоминается Афина (*Il.* 5, 734 сл.). Эту богиню понимали как *Φρόνησις*, «Мысль» (схолии А к *Il.* 1, 195 сл.); она ведь схватила за вихор разгневанного Ахилла, помешав ему наброситься на Агамемнона. Плотин говорит об этом: «Если кто-то сумел бы обратиться назад, ... когда ему выпадает такая удача, что Афина хватается его за волосы, он... узрит Бога» (6, 5 [23], 7, 11).

Аллегореза как способ восприятия предопределяет приятие античных мифов для философов; точно так же поступает Боэций в своих философских стихах, давая языческому мифу доступ в средневековье. Аллегореза и аллегорические фигуры — десница и шуйца позднеантично-римской традиции: одна дает, вторая берет.

Боэций в последовательно проведенных метафорах — ведь это техническое описание аллегии — тематизирует появление Философии, ее роль целительницы (в чем он основывается на Сенеке, этом великом духовном враче латинской литературы), изгнание муз, фигуру и речь Фортуны и многое другое. Таким образом, явная уже у Платона склонность к аллегии сочетается с аналогичной тенденцией римской литературы и пластики, чтобы воплотить идейное содержание в искусственных образах — эта тенденция проходит свой триумфальный путь от Энния через Лукреция вплоть до Овидия и Клавдиана. Как синтез разных черт, которые во внешней действительности не проявляются вместе, эта манера заставляет искать значения образа на более отвлеченном уровне. Как самопорождение воображения, направляемого разумом, аллегория становится плодотворным эстетическим принципом, влиятельным в эпоху средневековья, Ренессанса и барокко. Она исчезает, когда творческая продуктивность и внутреннее содержание искусства начинает восприниматься не как эмоционально и рационально направляемые, но как иррациональные факторы. Сегодня стали лучше понимать этот аспект римского творческого метода.

Важная для Боэция форма мысли — исправление и одухотворение общепринятых понятий и взглядов: богатство, власть,

1. H. SCHEIBLE 1972, 124 сл.

ранг (3 *pr.* 4), родину и исцеление (4 *pr.* 2; 4; 6) он понимает как факторы внутренней жизни. Такого рода переоценки возникают тогда, когда преодолевается прежняя позиция. Поскольку рассматриваемое произведение сознательно выстроено ступенями, этот технический прием, известный по философскому увещиванию, все вновь и вновь применяется здесь. К этому же относится и обнаружение внутреннего смысла в образных представлениях: например, замена библиотеки активным размышлением¹.

Боэций умеет сообщать свои мысли в проникновенных и наглядных образах. У сверхчеловеческих существ также есть римские черты: Фортуна похожа на знатную даму со свитой (2 *pr.* 2), Бог — на *pater familias* (4 *pr.* 1; ср. эпилог Пруденция и места из апостола Павла, на которые он намекает). Наряду с этим чувствилище, воспринимающее настроения природы, похоже на вергилиевское. Изображение восхода солнца, когда меркнут звезды (2 *carm.* 3), верно подмечает особенности североитальянского утра; событие окружающего мира автор соотносит с движением души, без воспроизведения, но создавая изнутри живой образ, который способен стать символом. Природа таким образом становится как бы носителем душевных переживаний, но для непредвзятого взгляда Боэция она постоянно актуальна и в своем самостоятельном бытии. Он не мистик, далекий от земли, обращенный только к себе, но поэт Италии.

Боэций — тонкий художник: он искусно подчиняет автобиографический элемент общему замыслу и — психологически интригующе — выстраивает его в обратнo-исторической последовательности. О его такте свидетельствует то, что он не сообщает сам о собственных успехах, вкладывая сообщения о них в уста Фортуны или же Философии. Подключение темы Фортуны (литературный прием утешительных произведений) делает возможной взвешивание настоящего и прошлого. Наконец, Боэций сознательно ведет себя не так, как его король: вместо того чтобы только обвинять, он дает своей сопернице Фортуне возможность защиты, и ее позиция для него поучительна (кн. 2). Таким образом просопопея, которая в утешительной литературе и в иных случаях подчеркивает дистанцию (напри-

1. 1 *pr.* 5; ср. Petr. Chrys., *serm.* 58. 361 B; Hier. *epist.* 60, 10; Rufin. *Orig. in gen.* 2, 6 *pr.* 173 C; Cassiod. *inst. div.* 5 *p.* 116 B; аналогично Sen. *epist.* 2.

мер, Sen. Marc. 4 сл.), придает произведению дополнительное измерение — в глубину.

Язык и стиль¹

Язык Боэция удивительно классичен для его эпохи; специфически позднеантичные черты играют третьестепенную роль, даже по сравнению с Августином. Адекватное изложение должно исходить не из отклонений, а из закономерностей.

Он виртуозно владеет прозаическим ритмом и необычайно широким метрическим регистром², что позднее стяжало ему эпитет *centimeter*, «владеющий сотней размеров»; он разделяет его с архиметриком Теренцианом. Исследование просодии обнаружило лишь очень немногочисленные вольности. Ритмическое богатство — не самоцель; оно служит для выражения различных аффектов и настроений: холиамбы отражают переменчивость Фортуны (2 *carm.* 1). Контраст между элегической погруженностью в скорбь в начале первой книги и требованием освободиться от аффектов в конце сказывается и на различии метров. В то время как элегический приступ написан дистихами, в исходе книги Боэций прибегает к стихическим адонейам, краткость и размеренный каданс которых навевают чувство торжественного покоя: *Gaudia pelle, / pelle timorem / spemque fugato, / nec dolor adsit*, «прочь наслажденья, / прочь опасенья, / боль, упованье — / прочь от порога!». Было бы заманчиво включить ритмы Боэция в историю античной музыкальной терапии.

Благородный и ненавязчивый словарь способствовал тому, что Боэция называли последним классиком. Однако красочные натуралистические пятна не вовсе отсутствуют, например, *delatravi* («я пролаял», 1 *pr.* 5), как и поэтизмы: *carminis mulcedo*; *summum lassorum solamen animorum*, «ласковость стихов; высшее утешение усталых душ» 3 *pr.* 1). Наиболее прогрессивен тезаурус отвлеченных и философских понятий, основанный на Марии Викторине и на Отцах Церкви, начиная с Тертуллиана: *insufficiencia*, «недостаточность», *possibilitas*, «возможность», *praesentarie*

1. A. ENGELBRECHT 1902; K. DIENELT 1951; K. PRINZ, *Bemerkungen zur Philosophiae Consolatio des Boethius*, WS 53, 1935, 171–175. Ch. MOHRMANN, *Some Remarks on the Language of Boethius' Consolatio Philosophiae*, в: J. J. O'MEARA, B. NAUMANN, изд., *Latin Script and Letters A. D. 400–900*. FS L. BIELER, Leiden 1976, 54–61.

2. L. PEPE, *La metrica di Boezio*, GIF 7, 1954, 227–243.

(«в настоящее время», ἄπαξ), *valentia* в абстрактном смысле, «способность, сила», *alteritas* («инаковость», Mar. Vict., Aug., Волth.), *pluralitas* («множественность», Aug., Воëth.). Наличные слова получают специфически философский смысл, часто определяющий терминологию вплоть до наших дней: такие понятия, как «принцип», «универсальный», «спекуляция», «акциденция», «субъект», сообщил нам Бэций.

Греческие слова у нашего автора отражают особым способом достоинство и святость философии. Это разновидность философского «дистанцированного языка», исходящего не из человеческого, но из божественного, например, 4 *pr.* 6 (из неизвестного источника). Эта функция особенно интересна в заданном вымышленном контексте, поскольку греческий — и в самом деле родной язык философии; поэтому Философия пользуется исконно греческим междометием *φαραε* (1 *pr.* 6), чтобы выразить удивление.

Автор учитывает фонетический эффект своих слов; конечно, не случайны этимологические фигуры типа *tendat intentio* («устремляется стремление», 1 *pr.* 6), *oblectamenta delectant* («мешают утешения», 4 *pr.* 6); близкое к тавтологии *conexione constringit; proficiscatur exordiis* («связывает узлами», «пусть отправится от исходного пункта», 4 *pr.* 6), а также игра слов вроде *memoriam maeror hebetavit* («боль помрачила память», 1 *pr.* 6). То тут, то там можно обнаружить оксюморон: *infortunio dixit esse felicem* («назвал счастливым из-за неудачи», цитата из Еврипида 3 *pr.* 7); *hae ad beatitudinem viae devia quaedam* («эти пути к блаженству — бездорожье», 3 *pr.* 8). Однако такого рода приемы встречаются не столь часто и не мешают общему — спокойному и строгому — впечатлению.

Форма и содержание импонируют своим соответствием, когда сообщение о различных превратностях удачи дается в одном предложении, причем нагромождение прилагательных и причастий вызывает ощущение назойливой полноты: *Nescibas Croesum regem Lydorum Cyro paulo ante formidabilem mox deinde miserandum rogi flammis traditum misso caelitus imbre defensum?* («Разве ты не знал, что царь Лидии Крез, незадолго до того вызывающий страх, вскоре затем — жалость, был предан пламени костра и защищен посланным небесами ливнем?», 2 *pr.* 2).

Для таких избитых представлений, как Фортуна, — мы знакомы с ними и по утешительным произведениям Сенеки — очень важно придать предмету риторический блеск с

помощью красивых оборотов: нижеследующие строки — патетический протест против известного приема *Consolatio: nam in omni adversitate fortunae infelicissimum est genus infortunii fuisse felicem* («ведь во всей враждебности фортуны наиболее жалкая разновидность несчастья — то, что ты когда-то был счастлив», 2 пр. 4)¹. Не менее афористична реплика о драгоценных камнях: *quas quidem mirari homines vehementer admiror* («мне же весьма удивительно, что это — такое диво для людей», 2 пр. 5). Боэцию часто удаются лаконичнейшие обороты самого высокого поэтического напряжения, как, например, *carm. 4: ridens aetheris iras*, «смеясь гневу эфира»: не случайный образ человеческого Я, способного выступить против всего мира.

У манеры Боэция есть свое интеллектуальное обаяние. Как вряд ли еще кто-либо из римлян, он развивает каждую мысль строго из предыдущей и серьезно воспринимает все мыслимые возражения, чтобы устранить их логическим испытанием. Его определениям с широкими рамками, которые оказывают архитектурное воздействие, свойственна математическая красота: *Aeternitas igitur est interminabilis vitae tota simul et perfecta possessio* («вечность — одновременно полное и совершенное обладание бесконечной жизнью», 5 пр. 6); *licet igitur definire casum esse inopinatum ex confluentibus causis in his quae ob aliquid geruntur eventum* («стало быть, можно определить случай как неожиданный из содействующих причин исход тех событий, которые осуществляются вследствие чего-то», 5 пр. 1).

Образ мыслей I

Литературные размышления, теория науки

Как и Платон, Боэций делает словесность служанкой философии; в Риме он, вероятно, первый после Лукреция, кому это удалось с такой очевидностью. С эстетической точки зрения Боэций завершает на латинской почве определенные формы изложения, особенно ярко сказавшиеся на римской литературе, — например, аллегорию, смесь стихов и прозы — и заведает их средневековью, которое разовьет их дальше; однако риторические формы мысли, находящиеся в его распоряжении,

1. Подобную мысль Данте вкладывает в уста Франчески да Римини (*Inf. 5, 121–123*): *Nessun maggior dolore / che ricordarsi del tempo felice / nella miseria*, «Нету сильнейшей боли, / чем вспоминать о счастливых временах / в несчастье». Это не топос, а цитата — поскольку Франческа прибавляет: «И это знает твой учитель».

у него уступают философским в строгом смысле слова. Замыслы писателя Боэция раскрываются только исходя из его теории науки.

При этом он не строит системы с убийственной жесткостью, но анализирует путь через различные искусства и науки как лестницу, по которой он поднимается шаг за шагом, преодолевая уже достигнутый результат новой, более высокой мыслью. Отсюда становится ясно, какой смысл для Боэция имеет сочинение учебников. За его квадривиумом стоит мысль, что различные формы умственного усилия должны быть пройдены в обоснованной последовательности, и в каждой предметной сфере следует развивать способности, которые ведут выше и дальше. Таким образом он становится завершителем энциклопедической тенденции римской литературы и великим наставником Европы; при этом ново и плодотворно для будущего то, что образование он ставит на солидную логико-математическую основу.

Наряду с этой способностью дистанцирования, взгляда с высоты птичьего полета и переноса, по крайней мере такой же ценностью обладает и умение заострить и углубить, провести четкую грань между различными предметными областями и препарировать как бы с помощью скальпеля отдельные проблемы в рамках каждой дисциплины (музейные экземпляры — богословские трактаты и *cons.* 5).

Теория науки Боэция с подразделением на физические науки, математику и богословие будет оказывать воздействие еще долго, тем более что Фома в своем комментарии к *De trinitate* воспримет ее и возьмет под свою защиту. Августин клеймит физику как «*curiositas*»; у Боэция она получает свое место в системе наук. Он в этом отношении скорее перипатетик, Августин — богослов и неоплатоник.

В своих теологических работах Боэций практически не прибегает к библейским цитатам в качестве аргументов. Второй из этих трактатов (*Utrum pater et filius...*) завершается фразой: «Соедини, если возможно, веру с разумом» (*et fidem, si poteris, rationemque coniunge*). Этот принцип строго научного анализа сам автор формулирует в начале теологической работы со ссылкой на математику (*subst. bot. praef.*): *ut igitur in mathematica fieri solet ceterisque etiam disciplinis praeposui terminos regulasque quibus cuncta quae sequuntur efficiam*, «и, как то обычно делается в математике, другим дисциплинам я также предпослал посылки и пра-

вила, чтобы из них выводились все следствия»). Затем идут девять посылок; характерно, что они имеют чисто философский характер; то же самое справедливо и для способа рассмотрения проблем. Эта «математическая» форма изложения обусловила *obscuritates brevitatis*: краткость и темнота — признаки специального научного стиля. При этом под темнотой следует понимать не отсутствие ясности, а рассуждение, понятное только специалисту. Боэций на самом деле сознает, что он использует новые слова и старые в новых значениях (*trin. praef.*). Словарь должен сообщать содержание, а заодно скрывать его от непосвященных. Это платоновски-эзотерическая установка (ср. *subst. bom. praef.*). Однако речь здесь идет о теории не общей коммуникации (или же «экскоммуникации», отлучения), но предметно-научного сообщения. То, что Боэций очень хорошо умеет писать для более широкой публики, доказывает *Consolatio*, а также весь педагогический труд его жизни.

Ориентация мыслителя на математику лежит в основе того факта, что *quadriuium*, «четыре пути», воспринимается как предварительная школа для философа¹. Сюда же присоединяется и теория музыки².

Определение числа, восходящее к Никомаху, отличается трезвостью и прагматичностью: *numerus est unitatum collectio vel quantitatis acervus ex unitatibus profusus* («число есть совокупность единиц либо нагромождение количества, вытекающее из единиц», *arithm.* 1, 3). Боэций знает также важное для логики различие между «числом» и «количеством»: *numerus enim duplex est, unus quidem quo numeramus, alter vero qui in rebus numerabilibus constat. Etenim unum res est; unitas, quo unum dicimus... ergo in numero quo ni-*

1. *Inter omnes priscae auctoritatis viros, qui Pythagora duce puriore mentis ratione vigerunt constare manifestum est, haud quemquam in philosophiae disciplinis ad cumulum perfectionis evadere, nisi cui talis prudentiae nobilitas quodam quasi quadriuiio vestigatur* («Очевидно, что все древние мужи, заслуживающие доверия, которых — под предводительством Пифагора — отличала чистота ума и сила суждения, согласны в том, что никто не достиг высоты совершенства в философских дисциплинах, если он не проследил благородство этой высоты как бы на четырех путях», *arithm.* 1, 1).

2. C. BOWER, Boethius and Nicomachus: An Essay Concerning the Sources of the *De Institutione Musica*, Vivarium 16, 1978, 1—45; D. S. CHAMBERLAIN, Philosophy of Music in the *Consolation of Boethius*, Speculum 45, 1970, 80—97; G. B. CHAMBERS, Boethius *De Musica*. An Interpretation, StudPatr 3, 1961, 170—175; F. v. LEPPEL, Die antike Musiktheorie im Lichte des Boethius. Eine Studie, Berlin-Charlottenburg б. г.; U. PIZZANI, Studi sulle fonti del *De Institutione Musica* di Boezio, SEJG 16, 1965, 5—164; L. SCHRADER, Music in the Philosophy of Boethius, Musical Quarterly 33, 1947, 188—200.

*meramus repetitio unitatum facit pluralitatem; in rerum vero numero non facit pluralitatem unitatum repetitio, vel si de eodem dicam «gladius unus, micro unus, ensis unus»; potest enim unus tot vocabulis gladius agnosci («ведь число двойственно — одно, которым мы считаем, другое заключается в подлежащих счету вещах. Одно — вещь, единица, которую мы называем одним... Следовательно, в числе, которым мы считаем, повторение единиц создает множественность; в числе же вещей повторение единиц не создает множественности, как если бы об одном и том же мы сказали: «один меч, один клинок, одно лезвие»; ведь под столькими словами подразумевается один и тот же меч», *trin.* 3; аналогично Boëth. *herm. sec.* MEISER 56, 12). Современный историк философии¹ датирует различие между «числом» и «количеством» 1884 годом; это слишком поздно. Для Феона Смирнского (II в. по Р. Х.) единица (*μονάς*) и единое (*ἕν*) не одно и то же, как и число и то, что сосчитано².*

Таким образом, у Боэция были особые данные для того, чтобы перенести в другую сферу точки зрения и методы, которыми он обязан своей математической выучке. Выражаясь по-современному: он гений методического трансфера. Это намного больше, чем его способность быть посредником в передаче знаний, больше, чем в нем признают обыкновенно, и которую он разделяет с менее крупными фигурами в истории культуры.

Образ мыслей II

Нужно отметить два философских достижения Боэция: определение личности³ и рассуждение о свободе воли. Еще Фома Аквинский в своих исследованиях проблемы личности (*Summa theol.* 1, 29, 1—3) будет исходить из Боэция: «Личность — индивидуальная субстанция одаренной разумом природы», *natu-*

1. B. RUSSELL, *A History of Western Philosophy*, London 1946, гл. 31; нем. *Philosophie des Abendlandes*, Zürich 1950, 686.

2. H. GERCKE, *LAW* s. v. «Zahlbegriff», Sp. 3297.

3. M. ERLÄSSER, *Das Person-Verständnis des Boethius*, диссертация, Würzburg, Münster 1973; M. LUTZ-BACHMANN, «Natur» und «Person» in den *Opuscula sacra* des A. M. S. Boethius, *Th&Ph* 58, 1983, 48—70; M. H. MARSHALL, *Boethius' Definition of Persona and Medieval Understanding of the Roman Theater*, *Speculum* 25, 1950, 471—482; M. NÉDONCELLE, *Les variations de Boèce sur la personne*, *RSR* 29, 1955, 201—238; H. RHEINFELDER, *Das Wort persona*, Halle 1928; предварительные ступени у G. O'DALY, *Plotinus' Philosophy of the Self*, Shannon 1973; G. O'DALY, *Augustine's Philosophy of Mind*, Berkeley 1987.

rae rationabilis individua substantia (с. *Eut.* 3). Здесь древний римский опыт поднят на рациональный уровень. Латинский узус при употреблении слова *persona* сохраняет аспект маски, роли, а также — ранга, достоинства. Сначала ограниченный круг свободных людей, потом распространившийся на всех, этот юридический узус выполняет подготовительную работу в интересах христианства. Боэций в первый раз определил это по существу латинское понятие, исходя из неоплатонической традиции, причем не формально-юридически, а содержательно. Следовательно, определение *persona* как субстанции, а не функции, стимулировано христианством, придающим особую ценность каждому человеку, который, как творение Божие, удостоен искупления. Если вспомнить, как враждебно к личности платоновское государство, следует признать, что Боэций — далеко не только посредник в передаче греческих философских концепций. Правда, понятие *persona* нужно ему для того, чтобы высказать тезис о божестве, но его определение гораздо лучше подходит для человеческой личности (в этом аспекте Фома Аквинский и современные исследователи едины). Аналогичным образом Августин, занимаясь проблемами тринитарной доктрины, развернул учение о человеческой психологии.

У патристики своя, независимая точка зрения на «римскость»; именно здесь римская культура переживает свой первый ренессанс. Латинская литература осознает самое себя; она поднимается на новый уровень рефлексии. Августин и Боэций завершают восприятие греческой философии и превращают латинский язык в научный инструмент. Таким образом они куят духовное оружие для средневековья и Нового времени.

Боэций самостоятельно исследует проблему соотношения всеведения Божия и свободной воли человека. Вопрос о свободе воли¹ поднимает эпоха софистики; Сократ постулирует недобровольность неправого поступка. Сначала дискуссия ограничивается рамками этической области, свободы выбора; это справедливо еще для Аристотеля (*Никомахова этика*). Платон в мифологическом заключении своего *Государства* предполагает предэкзистенциальный жизненный выбор; неоплатонизм ищет в этом мифе ответ на вопрос о свободе воли. Во всей

1. E. GEGENSCHATZ, Die Freiheit der Entscheidung in der *Consolatio Philosophiae* des Boethius, МН 15, 1958, 110—129.

своей тяжести эта проблема поставлена у стоиков; с одной стороны, мировой процесс для них детерминирован, поскольку в нем царит строгая причинность, с другой — человек определяется как существо нравственно (то есть свободно) действующее. Таким образом он может осуществить свою свободу лишь во внутреннем согласии с роком, чей каузальный ряд — одновременно и выражение окончательной божественной *πρόνοια*. В латинском переводе сохранилось сочинение Прокла о провидении, роке и свободе воли. Учеником Прокла был Аммоний, наставник нашего автора.

Боэций исходит из того¹, что проблему разработал Цицерон в связи с дивинацией (5 *pr.* 4). Он имеет в виду не произведение *De divinatione*, а обобщающее рассуждение Августина (*civ.* 5, 9) в развитие мысли Цицерона (*De natura deorum*, *De divinatione* и *De fato*). Кроме того, Боэций использует собственный комментарий к *Об истолковании* Аристотеля, причем во второй редакции. Там, как сторонник этого философа — и в согласии с Цицероном — он пытается во имя свободы спасти «возможное». Но только в *Consolatio* он находит решение, оправдывающее и всеведение Божие, то есть приемлемое для христиан.

Бог вечен в ином смысле, нежели мир: в то время как мир находится в бесконечно продолжающемся процессе, Бог стоит над временем и видит все события, безразлично, окажутся ли они для нас в прошлом или в будущем, как настоящие. Однако эта божественная точка зрения не устраняет человеческой свободы воли: здесь ведь нужно провести различие между двумя видами необходимости — простой и гипотетической². Если одновременно наблюдать, как восходит солнце и человек движется по местности, то оба эти факта, в момент своего осуществления, необходимы. Но до того был необходим только солнечный восход; напротив, человек мог вполне и отказаться от своей прогулки. Если Бог видит все события мирового процесса одновременно и в настоящем, они необходимы как факты, им созерцаемые; однако он может, как и

1. H. R. PATCH, *Necessity in Boethius and the Neoplatonists*, *Speculum* 10, 1935, 393—404; E. GEGENSCHATZ, *Die Gefährdung des Möglichen durch das Vorauswissen Gottes in der Sicht des Boethius*, *WS* 79, 1966, 517—530; P. HUBER 1976.

2. Ср. Боэций, *herm. sec.* 3, гл. 9, ed. C. MEISER 2, Leipzig 1880, 241; Аммоний, *de interpr.* 122—124; = *in Arist. De interpretatione commentarius*, ed. A. BUSSE, Berlin 1897, 152—155 (*Commentaria in Aristotelem Graeca* 4, 5).

наблюдающий человек, сделать вывод относительно их осуществления — произошло ли это по необходимости или в силу свободного решения. Таким образом божественное всеведение не устраняет свободную волю. Человек ответствен за свои поступки, его надежды и молитвы не напрасны, поскольку он желает справедливого.

Бросаются в глаза два возможных возражения против философии Боэция: философско-гносеологическое и богословско-сотиериологическое. Первое — по Боэцию (ср. Aristot. *anima* 3) животному подобает *imaginatio*, «воображение», человеку — *ratio*, «разум», Богу (в отличие от Аристотеля) — *intellectus*, «ум» (5 *pr.* 5). Каждая более высокая форма познания включает и низшие, но не наоборот. Каким образом человек, наделенный только *ratio*, может что-либо знать и утверждать об *intellectus* Бога? Эту проблематику во всей ее глубине впервые постиг, может быть, только Кант; но и для того времени осознание проблем данной сферы в *Consolatio* не столь четко выражено; в качестве контраста напомним о все более и более самокритичной позиции Августина в метафизических вопросах. Даже Лактанций знает о гносеологической трудности проблемы и решает ее по-своему, возводя способность познания к «воздвижению», обретению прямой осанки в крещении. В богословских произведениях Боэций, правда, подчеркивает *differentia praedicationis*, «различие в предикации» (*trin.* 4), методический принцип, который подхватит схоластик в своих осторожных оговорках *analogia* и *eminentia*, «аналогии» и «превосходства». Гносеологическая проблема, между тем, не решается ясно и в *De trinitate* — философ останавливается на беглой апелляции к милости¹. Из заклю-

1. *Nos vero nulla imaginatione diduci sed simplici intellectu erigi et ut quidque intellegi potest ita aggredi etiam intellectu oportet... Quod si sententiae fidei fundamentis sponte firmisimae opitulante gratia divina idonea argumentorum adiumenta praestitimus, illuc perfecti operis laetitia remeabit unde venit effectus. Quod si ultra se humanitas nequivit ascendere, quantum inbecillitas subtrahit, vota supplebunt («Нам же необходимо не давать сбить себя с пути никакими силам воображения, но просто опираться на разум и — как что может быть достигнуто — так и продвигаться в постижении разумом... Поэтому если в пользу мнений, которые сами по себе утверждены на вере, с помощью благодати Божией мы прибавили уместные аргументы, то радость о завершеном труде вернется туда, откуда вышел самый труд. Поэтому если человеческая природа была не в состоянии подняться над собой, то, чего недостает от бессилия, восполняет обетования», *trin.* 6, 24—26; 30—36); ср. *cons.* 5 *pr.* 5: *quare in illius summae intelligentiae casumen si possunt erigatur, «потому мы будем стремиться на эту вершину высшего разума, если возможно»; о духовном познании: Plat. Phdr.* 249 a 1—5 (сила философского эроса); ср. Plotin. 3, 4, 36; Voëth. *cons.* 4 *carm.* 1, 1—30; *pr.* 5 *extr.**

чения *De trinitate* можно даже заключить, что Боэций считает философию служанкой богословия. Скорее он мог бы рассматривать как свой долг внести вклад в решение тогдашних теологических проблем с точки зрения своей науки, то есть как специалист по логике. В определенном смысле его богословские труды гносеологически яснее, поскольку, в отличие от *Consolatio*, что касается Бога и умопостигаемого, они ссылаются на Откровение и ортодоксальную веру.

Теперь второе возражение: с богословской точки зрения апелляция нашего автора на человеческие *virtus* и *sapientia* отдает чем-то наивным и языческим. Его мнение, что никто не делает зло сознательно ради зла (4 *pr.* 6), выдержано в духе греческого интеллектуализма. Такая по-сократовски высокая оценка познания предполагает, что человек пребывает всецело во власти своей позиции, и последняя не остается сухой теорией. Для такого фанатика логики, как Боэций, — для него ведь мысли были реальностями — это, возможно, и так; но по себе он не мог делать выводы о других; Августин не первый признал разницу между знанием и действием, или, словами апостола Павла, между волей и исполнением; до него это сделали Еврипид, Овидий и Сенека. Для римлянина Боэция характерно, что даже мысль о смирении связана с представлениями о заслуге: *iustae humilitatis pretio inaestimabilem vicem divinae gratiae promeretur* («ценою истинного смирения мы заслуживаем в последующем бесценное воздаяние Божией благодати», 5 *pr.* 3). Здесь Августин тоже видит глубже. Но в целом Боэций еще раз ярко запечатлел сочетание римского жизнеощущения с греческой отвлеченной мыслью. Наблюдатель волен в конечном счете воспринимать эту естественную человечность в ее благороднейшем выражении с более высокой точки зрения — с точки зрения милости.

Почему *Consolatio* ограничивается философскими рассуждениями, не обращаясь к христианству? Самое простое решение — честь Боэция язычником, а богословские трактаты — поддельными. Оно имело защитников в XIX в., пока важная находка не сделала эту позицию невозможной. Во фрагменте, который открыл Альфред Гольдер¹, Кассиодор свидетельствует, что его друг Боэций написал «книгу о Троице, некоторые

1. H. USENER, *Anecdoton Holderi. Ein Beitrag zur Geschichte Roms in ostgotischer Zeit*, Bonn 1877, перепечатка 1969.

догматические главы и книгу против Нестория». Это надежное свидетельство современника, подтверждаемое интеллектуальными и языковыми критериями, вынуждает искать иной ответ. К правильному решению подводит то наблюдение, что Боэций в своем *Consolatio* никогда не вступает в явный конфликт с христианством. Многие его философские мысли близки к религиозным: он подчеркивает личность Бога, потусторонние наказания, любовь, отказ от ненависти к врагам. Он четко различает время и вечность, Бог не вовлекается в мировой процесс; аристотелевское учение о вечности мира (5 *pr.* 6) даже и в глазах Фомы Аквинского¹ не противоречит вере. Но нам не нужно, как Алкуину (*De grammatica*), прибегать к *interpretatio christiana*.

Может быть, Боэций просто решил написать «человеческую» книгу? В иных случаях он также старался обсуждать проблемы и предметные области по отдельности, а в *Consolatio* это сфера человеческого разума. Четкая граница между философией и теологией — порождение неприязни прирожденного логика к расплывчатости в любом ее виде. Боэций — это понимали такие читатели, как Конрад из Гирсау и Иоанн из Солсбери² — в сознательной скромности замкнулся в сфере естественного разума и таким образом добился необычайно широкой аудитории.

Сенатор при дворе Теодориха по своей сути достойный представитель римского практицизма в политике — эта черта куда меньше свойственна Августину. Как и у Цицерона, за философским одухотворением понятия о славе чувствуется боль, которую испытывает Боэций, расставаясь со своей земной родиной. Человеческую добродетель — *virtus* — и человеческое достоинство он переживает более ярко, более по-римски, чем Августин. Без сомнения, религиозная проницательность африканца глубже; но трезвый Боэций, не отрекаясь от мира, своей отважной смертью доказывает, что он римлянин. Так — словом и делом — он завершает основную тему римской литературы: *magna mors*, величайшая духовная и нравственная высота одиночки перед лицом смерти³. То, что пережили многие римля-

1. *De aeternitate mundi contra murmurantes*, ed. Parm. 1065 т. 16, 320 = opusc. 27 в т. 27 ed. Vivès.

2. Conrad von Hirsau, *Dialogus super auctores*, ed. R. B. C. HUYGENS, в: Coll. Latomus 17, 1955, 46, 1163; Ioh. von Salisbury, *Policraticus* 7, 15, 672 b, ed. WEBB, т. 2, 155, 16.

3. Ср. 1 *pr.* 3; кроме того 2 *carm.* 7, 15 сл.

не, Боэций осмысляет по-новому. В силу его терапевтической программы вслед за слабыми целебными средствами должны применяться более сильные. Таким образом морально-философские рассуждения постепенно сменяются философскими размышлениями в узком смысле слова; наряду с этим, кажется, выстраивается иерархия философских школ.

Личность Боэция вызывает энтузиазм даже у такого критического и холодного логика, как Бертран Рассел: «За два века до него и десять после я не знаю ни одного европейского ученого, который был бы в той же мере свободен от всяческих суеверий и фанатизма. Но его личные качества еще значительнее: его взгляды — во всех отношениях возвышенны, незаинтересованны и не лишены величия. В любую эпоху он был бы выдающимся явлением, в его время он стал удивительной, несравненной фигурой»¹.

Соблазнительно было бы в такой же превосходной степени отозваться о его литературных талантах; цельность и преобразующая сила его души чувствуется в его творчестве вплоть до последней детали. Здесь — еще раз после Вергилия — в эстетической сфере воплощается то, что в этике составляет характерную черту античной самодисциплины: стремление не оставить на волю случая ни одной, даже самой незначительной подробности, соотнести их все с высокой целью. Оригинальность заключается не в предмете, а в способности духа пронизать материю и преобразить ее до конца.

Правда, Боэций не собирался застыть, как памятник, в позе римлянина. Его человечность проявляется в привязанности к близким людям — гордости за сыновей, в трогательной любви к жене — тем трогательнее, чем более скуп о ней говорит, — в искреннем уважении к тестю Симмаху, в бесстрашном заступничестве за друзей-сенаторов. Когда достоинств так много, скорее воспринимаешь с облегчением тот факт, что иной раз за философским плащом проглянет некоторая суетность. Мудрец вкладывает в уста Философии ту мысль, что он стал слишком скромно и не восхвалил подобающим образом свои действительные заслуги (1 *pr.* 5). Итальянская кровь проявляется во вкусе к праздничному блеску и почестям. В некоторых местах под маской философа и настоящего римлянина старого закала можно обнаружить лицо человека с почти современ-

1. B. RUSSELL, *ibid.* 314.

ным жизнеощущением, цепляющегося за мимолетность со всею возможною страстью (5 *pr.* 6).

Но в другом отношении Боэций далек от современной ре-зиньяции: мысли, с которыми он имеет дело, для него — реальность, как можно почувствовать из аффективного тона его стихотворений. Весь космос правим любовью (4 *carm.* 6) — Данте сделает эту сентенцию венцом своей Божественной Комедии: *L'amor che muove il sole e le altre stelle*, «любовь, которая движет солнце и иные звезды»¹.

Традиция

Из соображений места остановимся только на традиции *Consolatio Philosophiae*. Для настоящей рецензии² рукописей, которых несколько больше 400, и установления стеммы осуществленных на сегодняшний день коллаций недостаточно. Доказательство единого источника всех исследованных рукописей — общие недостатки. Стоящая в конце Вульгата частично ошибочна, частично насыщена *lectiones faciliores*. Источник лучшего чтения значительно меняется от случая к случаю; иногда, например, правильный вариант сохраняет только оригинал греческого перевода Максима Плануда. Поэтому предметом сопоставления становятся не столько различные классы, сколько различные чтения; для конъектуральной критики открыто широкое поле. Важнейшими рукописями считаются:

- Parisinus B. N. lat. 7181, antea Puteanus, Regius 5365, IX в.;
- Monacensis 18765, antea Tegernseensis 765, начало IX в.;
- Florentinus Laurentianus XIV 15, начало IX в.;
- Vaticanus lat. 3363, IX в.

Влияние на позднейшие эпохи³

Consolatio и в эпоху средневековья, и в Новое время читали всегда — независимо от сословных и мировоззренческих ба-

1. C. J. De VOGEL, *Amor quo caelum regitur: Quel amour et quel Dieu?*, в: L. OBERTELLO, изд., 1981, 193—200.

2. L. BIELER, CC 94, 1957, S. XII; W. WEINBERGER CSEL 67, 1934, S. XXII; L. BIELER, Vorbemerkungen zu einer Neuauflage der *Consolatio* des Boethius, WS 70, 1957, 11—21; A. ENGELBRECHT 1902; K. BÜCHNER, Bemerkungen zum Text der *Consolatio Philosophiae* des Boethius, Hermes 75, 1940, 279—297; K. DIENELT 1942 и 1951; J. GRUBER 1978, 45—48; F. TRONCARELLI, Boethiana Aetas. Modelli grafici e fortuna manoscritta della *Consolatio Philosophiae* tra IX e XII secolo, Alessandria 1987.

3. P. COURCELLE, La survie comparée des *Confessions* augustinienes et de la *Consolation* boécienne, в: R. R. BOLGAR, изд., Classical Influences on European Cul-

рьеров. Была ли причиной тому честность, с которой человек идет навстречу своей судьбе, чтобы преодолеть ее? Или дело в спокойной логике доказательств в сочетании с убедительными образами? Или в недогматическом, чисто человеческом языке, на котором философия умела говорить едва ли не только в Риме?

Двойственность эмоционального и рационального (*sententiarum pondus*, «весомость мнений», и *canendi iucunditas*, «изящество стихов», 3 пр. 1) стала залогом того сильного влияния, какое суждено было оказать нашему автору. С одной стороны, он оплодотворяет средневековую поэзию — даже метрики постоянно считаются с *Consolatio*, — с другой, дает научной мысли неоценимый инструмент аристотелевской логики (и наряду с этим — античную теорию музыки).

Consolatio — как и Библия, *Подражание Христу* и стихи Вергилия — оставалась одной из самых читаемых в эпоху средневековья книг. Едва прошло пятьдесят лет после Библии Гутенберга — а уже вышли в свет 43 печатных издания *Consolatio*. Еще Эдуард Гиббон († 1794 г.) называет его *a golden volume, not unworthy of the leisure of Plato or Tully*, «золотой книгой, вполне достойной досуга Платонова или же Цицеронова».

Среди подражателей, переводчиков и комментаторов мы

ture A. D. 500–1500, Cambridge 1971, 131–142; ранее: H. R. PATCH, The Tradition of Boethius. A Study of his Importance in Medieval Culture, New York 1935; R. ANASTASI, La fortuna di Boezio, MSLC 3, 1951, 93–110; A. AUER, Johannes von Dambach und die Trostbücher vom 11. bis zum 16. Jh., Münster 1928; K. BURDACH, Die humanistischen Wirkungen der Trostschrift des Boethius im Mittelalter und in der Renaissance, DVjs 11, 1933, 530–558; R. A. DWYER, Boethian Fictions. Narratives in the Medieval French Versions of the *Consolatio Philosophiae*, Cambridge, Mass. 1976; H.-W. HEINZ, Grazia di Meo, il libro di Boezio de chonsolazione (1343), Frankfurt 1984; G. МАТНОН, La tradition de la *Consolation* de Boèce, REAug 14, 1968, 133–138; F. P. PICKERING, Augustin oder Boethius? Geschichtsschreibung und epische Dichtung im Mittelalter und in der Neuzeit, Teil 1: Einführender Teil, Berlin 1967; D. Z. NIKITAS, Eine byzantinische Übersetzung von Boethius' *De hypotheticis syllogismis*, Göttingen 1981; D. Z. NIKITAS, Boethius' *De topicis differentiis* und die byzantinische Rezeption dieses Werkes (= Corpus Philosophorum Medii Aevi: Philosophi Byzantini, т. 5), Athen 1990; известны два византийских перевода — Максима Голобола (со схолиями) и Прохора Кидона (XIV в.); Голобола (XIII в.) перерабатывает Пахимер (конец XIII в.); A. THOMAS, M. ROQUES, Traductions françaises de la *Consolatio Philosophiae* de Boèce, Histoire littéraire de la France 37, 1938, 419–488; A. VAN DE VYVER, Les traductions du *De Consolatione Philosophiae* de Boèce en littérature comparée, H&R 6, 1939, 247–273. — О рукописных комментариях см. следующее прим. и издания. — О легенде: H. R. PATCH, The Beginning of the Legend of Boethius, Speculum 22, 1947, 443–445.

обнаруживаем блистательные имена: король Альфред переводит книгу на англосаксонский язык¹, Чосер², а затем Джон Лайдгейт — на английский, Ноткер III Лабенон на древневерхненемецкий (вместе с другими трудами Боэция)³, Максим Плануд — на греческий⁴; в высшей степени вероятно, что учитель Данте, Брунетто Латини — на итальянский. Неудивительно, что в эпоху средневековья мы обнаруживаем и французские версии; но Боэций на еврейском языке в одной ватиканской рукописи — это уже нечто из ряда вон выходящее. Боэций становится в Павии предметом местного культа (что папа Лев XIII утвердит в 1883 г.). Тамашняя стихотворная эпитафия, по-видимому, сочиненная папой Сильвестром II (крупным ученым Гербертом), прежде всего прославляет его переводческие труды под знаком логики.

В эпоху средневековья Боэций — один из самых комментируемых античных авторов. Комментарий к богословским произведениям⁵ и некоей *Vita* Боэция связаны с именем Иоанна Скотта; другой — также к *Opuscula sacra* — принадлежит перу Гильберта Порретана (PL 64). Но прежде всего едва ли не каноническое значение приобретает произведение *O Troiçe*. Математические произведения также находят своих истолкователей⁶.

1. K. OTTEN, König Alfreds Boethius, Tübingen 1964; F. A. PAYNE, King Alfred and Boethius. An Analysis of the Old English Version of the *Consolation of Philosophy*, Madison 1968; D. K. BOLTON, The Study of the *Consolation of Philosophy* in Anglo-Saxon England, AHMA 52, 1977, 33–78.

2. Westminster 1478, Facs. Norwood 1974; об этом см. В. JEFFERSON 1917.

3. Изд. E. GRAFF, Berlin 1837; Notker, Die deutschen Werke, изд. E. H. SEHRT, Halle 1933; H. NAUMANN, Notkers Boethius, Untersuchungen über Quellen und Stil, Straßburg 1913; E. LUGENBÜHL, Studien zu Notkers Übersetzungskunst, диссертация, Zürich 1933 (1970); I. SCHRÖBLER, Notker III. von St. Gallen als Übersetzer und Kommentator von Boethius' *De Consolatione Philosophiae*, Tübingen 1953.

4. Boëce, *De la Consolation de la philosophie*. Traduction grecque de Maxime Planude, publ. pour la première fois dans son entier par E.-A. BÉTANT, Genève 1871, перепечатка 1962.

5. Изд. E. K. RAND, Quellen und Untersuchungen, т. 1, Teil 2, München 1906; E. K. RAND, The Supposed Commentary of John the Scot on the *Opuscula sacra* of Boethius, RNeosc 36, 1934, 67–77; об *Opuscula sacra* ср. также M. CAPPUYNS, Le plus ancien commentaire des *Opuscula sacra* et son origine, RecTh 3, 1931, 237–272.

6. G. R. EVANS, Introduction to Boethius' *Arithmetical* of the Tenth to the Fourteenth Century, HS 16, 1978, 22–41; G. R. EVANS, A Commentary on Boethius' *Arithmetical* of the Twelfth or Thirteenth Century, Annals of Science 35, 1978, 131–141; M. FOLKERTS, «Boethius» *Geometrie II*, ein mathematisches Lehrbuch des Mittelalters, Wiesbaden 1970.

Многочисленные комментаторы *Consolatio*¹ больше всего обращают внимание на богословско-космологическое стихотворение 3 *cart.* 9; таким образом наш автор играет роль и в формировании физических представлений средневековья. Номиналист Вильям Оккам, отец современной мысли, примыкает к Боэцию.

Внушает уважение и поэтико-литературное и иконографическое влияние его книги. Его цитирует уже Юлиан Толедский. Стихи кладутся на музыку: уже 1 *cart.* 1, 2 *cart.* 5 и 3 *cart.* 8 с нотами можно найти в псалтыри Людвига Немецкого (cod. Berol. Meerm. 250, s. IX 1 b). Аллегория природы Алена Лилльского (Alanus ab Insulis) точно так же немислима без Боэция, как *Vita nuova* и *Divina Commedia* Данте; о чтении *Consolatio* свидетельствует захватывающий отрывок в *Convivio* 2, 13; в тот момент, когда Данте утратил то, что любил больше всего на свете, он читает Боэция, «чтобы обратиться на тот путь, на который вступил другой безутешный. И как сейчас случается, что некто ищет серебро и находит золото, которое ему дает скрытая причина не без произволения Господня, так и я, искавший только утешения, нашел не одно лекарство для своих слез, но и слова писателей, науки и книг; взирая на них, я должен был счесть, что философия, их госпожа, — должно быть, превосходнейшая вещь. И я подумал, что, если представить ее как благородную жену, я не мог бы усмотреть в ее характере никакой иной черты, кроме милосердия; и я со своим стремлением к правде смотрел на нее так, что не смог отвести взгляд». Образ *donna gentile*, «благородной жены», связан с таковым же Беатриче. Данте обязан Боэцию и мыслью о *reformatio* как возвращении к истокам². Очень тепло и проникновенно относится к Боэцию народный трибун Кола ди Риенцо († 1354 г.)³.

1. P. COURCELLE, *Etude critique sur les commentaires de la Consolation de Boèce* (IX^e — XV^e siècles), ANMA 14, 1939, 5—140. J. SILVESTRE, *Le commentaire inédit de Jean Scot Erigène au mètre IX du Livre III du De Consolatione Philosophiae*, RHE 47, 1952, 44—122; G. MATHON, *Le commentaire du Pseudo-Érigène sur la Consolatio Philosophiae de Boèce*, RecTh 22, 1955, 213—257; D. K. BOLTON, *Remigian Commentaries on the Consolation of Philosophy and their Sources*, Traditio 33, 1977, 381—394.

2. *Il sommo desiderio di ciascuna cosa e prima dalla Natura u lo ritornare al suo Principio* («Высшее желание любой вещи, и первое от природы, — вернуться к своему Началу», *Convivio* 4, 12; ср. Boeth. *cons.* 3 *cart.* 2 и *pr.* 3).

3. *Dilectissimum mihi alium illum patricium Boëthium Severinum palatinis a canibus accusatum* («мой возлюбленный наставник, тот патриций Северин Боэций, которого обвинили дворцовые псы», *Briefwechsel* 3, S. 394, Z. 280 сл.).

Еще Ницше ссылался на римлянина Боэция и его персонифицированную Философию (*cons.* 2 *pr.* 7), сетуя на своих перегруженных немецких читателей: «...она [книга] нуждается в избытке времени, в избытке светлого неба и сердца, в избытке *otium* в самом дерзком смысле; но всех этих исключительно хороших вещей мы, нынешние немцы, не имеем, а следовательно, не можем и давать. — После столь милого ответа моя философия советует мне умолкнуть и не спрашивать далее; тем более что в некоторых случаях, как на то намекает поговорка, можно *остаться* философом только благодаря тому, что — молчишь»¹.

Издания: ПСс (кроме *fid. cath.*): Joh. Greg. DE GREGORIIS, Venetiis 1491–1492. * *cons.*: A. COBURGER, Nürnberg 1473. * *fid. cath.*: ed. Ren VALLINUS, Leiden 1656. * *Полный текст:* PL 63–64, Paris (1847) 1882; 1891. * *categ.*: L. MINIO-PALUELLO, в: Aristoteles Latinus, 1, 1–5, Leiden 1961, 1–41. * *anal. pr. (recensiones duae)*: L. MINIO-PALUELLO, в: Aristoteles Latinus, 3, 1–4, Leiden 1962, 1–139; 143–191. * *divis.*: L. POZZI (Т из princeps Venetiis 1492, П) Brescia 1969. * *herm.*: C. MEISER, 2 тт., Lipsiae 1877–1880. * L. MINIO-PALUELLO, в: Aristoteles Latinus, 2, 1–2, Leiden 1965, 1–38. * *in top. Cic.*: I. C. ORELLI и I. G. BAITER, Ciceronis Opera 5, 1 Turici 1833, 270–388. * *in Porph. comm.*: S. BRANDT, G. SCHEPPS, CSEL 48, 1906. * *diff. top.*: D. Z. NIKITAS (Т, статья), Athen 1990. * E. STUMP (ППр, эссе), Ithaca 1978. * *syll. hyp.*: L. OBERTELLO (ТП), Brescia 1969. * *top. Arist.*: L. MINIO-PALUELLO, B. G. DOD, в: Aristoteles Latinus, 5, 1–3, Leiden 1969, 1–179. * *elench. soph.*: B. G. DOD, в: Aristoteles Latinus, 6, 1–3, Leiden 1976, 1–60. * *Quadrivium (arithm., mus., Ps.-Boeth., geom.)*: G. FRIEDLEIN, Lipsiae 1867, перепечатка 1966. * *arithm.*: M. MASI (ППр), Amsterdam 1983. * *mus.*: O. PAUL (ППр), Leipzig 1872. * *geom.* (2 сохранившихся эксцерпта): M. FOLKERTS 1975. * Ps.-Boëthius, *geom.*: M. FOLKERTS, Wiesbaden 1970. * *cons.*: A. FORTESCUE, G. D. SMITH (ТК), London 1925, перепечатка 1976. * W. WEINBERGER, CSEL 67, Wien 1934. * K. BÜCHNER, Heidelberg 1947, ³1977 (ed. min.). * L. BIELER, Turnholti 1957 (СС 94, с библ.), ²1984. * V. E. WATTS (П), Baltimore 1969. * O. DALLERA (Т), введение: Ch. MOHRMANN, Milano 1977. * J. GRUBER (К), Berlin 1978. * E. GEGENSCHATZ, O. GIGON (ТППр), Zürich 1988. * *cons., opusc. sacra*: R. PEIPER, Lipsiae 1871. * L. OBERTELLO, Milano 1979. * H. F. STEWART, E. K. RAND (Т с П «I. T.» 1609), London 1918, rev. S. J. TESTER, London 1973. * Стихотворения в *cons.*: E. RAPISARDA (ТП), Catania ²1960. * H. SCHEIBLE (К), Heidelberg, 1972, 7–171. * *cons.* 1 *carm.* 5: A. TRAINA (ТПК), Per l'esegesi di una lirica boeziana, Orpheus N. S. 1, 1980, 391–410. * *cons.* 1, 5–7; 5: R. W. SHARPLES (ТПК), Warminster 1991. * *opusc. sacra*: E. RAPISARDA (ТП), Catania ²1960. * M. ELSÄSSER (ТППр), Ham-

1. *Menschliches, Allzumenschliches, Vorrede* 8, в: F. Nietzsche, Werke, изд. K. SCHLECHTA, 1 München ⁷1973, 444 сл.

burg 1988. * Ps.-Boethius, *De disciplina scholarium*: O. WEIJERS (ТПр), Leiden, Köln 1976. ** *Средневековые комментарии*: Фома Аквинский, *In librum Boethii De trinitate expositio*: H. LENTZ (ТППр), W.-U. KLÜNKER (введ.), Stuttgart 1988. * R. E. BRENNAN (П), St. Louis, London 1946. * Византийский перевод *De hypotheticis syllogismis* Боэция: D. Z. NIKITAS, Göttingen 1982. * *Radulphus Brito*, Commentary on Boethius' *De differentiis topicis* and the Sophism *Omnis homo est omnis homo*: N. J. GREEN-PEDERSEN, J. PINBORG (Т, Index), CIMA 1978, № 26. * *The Commentaries on Boethius* by Gilbert of Poitiers: N. M. HÄRING, Toronto 1966. * *The Commentaries on Boethius* by Thierry of Chartres and his School: N. M. HÄRING, Toronto 1971. * Anonymous Latin *Commentary to Boethius* and French Introd.: S. DURZSA, Budapest 1978. * Notker der Deutsche, Boethius' Bearbeitung der *Categoriae* des Aristoteles: J. C. KING, Tübingen 1972. ** *Конкорданс*: L. COOPER, A Concordance of Boethius. The Five *Theological Tractates* and the *Consolation of Philosophy*, Cambridge, Mass. 1928. * M. BERNHARD, Wortkonkordanz zu Anicius Manlius Severinus Boethius, *De institutione musica*, München 1979. * J. HAMESSE, Auctoritates Aristotelis, Senecae, Boethii, Platonis, Apuleii et quorundam aliorum. I: Concordance, II: Index verborum. Listes de fréquences. Tables d'identification, Louvain 1972; 1974. ** *Библ.*: ALTANER 483—486. * V. CELLUPRICA, Il capitolo 9 del *De interpretatione di Aristotele*: Rassegna di studi 1930—1973, Milano 1977. * H. CHADWICK, Boethius. The Consolations of Music, Logic, Theology, and Philosophy, Oxford 1981, 261—284. * R. DEL RE, Boezio e il *De consolazione philosophiae*, *Cultura e Scuola* (Roma) 1967, № 24, 34—40 (Forschungsbericht за 50 лет). * L. OBERTELLO 1974 (содержит библ. до 1970). * Библ. у L. BIELER, издание *cons.*, Turnhout 2¹⁹⁸⁴, XVIII—XXXVII.

J. L. ACKRILL, Aristotle's *Categories* and *De interpretatione*, Oxford 1963. * L. ADAMO, Boezio e Mario Vittorino traduttori e interpreti dell' *Isagoge* di Porfirio, *RSF* 22, 1967, 141—164. * L. ALFONSI, Problemi filosofici della *Consolatio* Boeziana, *RFN* 35, 1943, 323—328. * L. ALFONSI, Romanità e barbarie nell' *Apologia* di Boezio, *StudRom* 1, 1953, 605—616. * L. ALFONSI, Boezio nella tradizione culturale della letteratura latina, *Orpheus* 2, 1955, 10—16. * L. ALFONSI, Virgilio in Boezio, Sileno 5—6, 1979—1980, 357—371. * M. ASZTALOS, Boethius as a Transmitter of Greek Logic to the Latin West. The *Categories*, *HSPH* 95, 1993, 367—407. * M. BALTES, Gott, Welt, Mensch in der *Consolatio Philosophiae* des Boethius. Die *Consolatio Philosophiae* als ein Dokument platonischer und neuplatonischer Philosophie, *VChr* 34, 1980, 313—340. * R. BEINHAEUER, Untersuchungen zu philosophisch-theologischen Termini in *De trinitate* des Boethius, Wien 1990. * R. BONNAUD, L'éducation scientifique de Boèce, *Speculum* 4, 1929, 198—206. * R. BRAGARD, L'harmonie des sphères selon Boèce, *Speculum* 4, 1929, 206—213. * H. J. BROSCHE, Der Seinsbegriff bei Boethius, Innsbruck 1931. * R. CARTON, Le christianisme et l'augustinisme de Boèce, *RPhil NS* 30, 1, 1930, 573—659. * H. CHADWICK, Boethius. The Consolations of Music, Logic, Theology, and Philosophy, Oxford 1981. * COURCELLE, *Lettres* 257—312. * P. COUR-

CELLE, *La Consolation de Philosophie* dans la tradition littéraire. Antécédents et postérité de Boèce, Paris 1967. * I. CRAEMER-RUEGENBERG, Die Substanzmetaphysik des Boethius in den *opuscula sacra*, диссертация, Köln 1969. * A. CROCCO, Introduzione a Boezio, Napoli 1975. * R. GROUSE, *Semina rationum*. St. Augustine and Boethius, *Dionysius* 4, 1980, 75–85. * T. F. CURLEY III., How to Read the *Consolation of Philosophy*, *Interpretation* 14, 1986, 211–263. * T. F. CURLEY, The *Consolation of Philosophy* as a Work of Literature, *AJPh* 108, 1987, 343–367. * C. J. DE VOGEL, The Problem of Philosophy and Christian Faith in Boethius' *Consolatio*, в: *Romanitas et Christianitas*. FS J. H. WASZINK, Amsterdam 1973, 357–370. * K. DIENELT, Sprachliche Untersuchungen zu Boethius' *Consolatio philosophiae*, *Glotta* 29, 1942, 98–128; *ibid.* 129–138; 31, 1951, 28–69. * K. DÜRR, The Propositional Logic of Boethius, Amsterdam 1951. * A. ENGELBRECHT, Die *Consolatio Philosophiae* des Boethius; Beobachtungen über den Stil des Autors und die Überlieferung seines Werkes, *SWAW* 144, 1902, 3. Abt., 1–60. * N. FOSCA, Le basi della *sillogistica ipotetica boeziana*, Pescara 1981. * J. C. FRAKES, The Ancient Concept of *casus* and its Early Medieval Interpretations, *Vivarium* 22, 1984, 1–34. * M. FUHRMANN, J. GRUBER, Boethius, Darmstadt 1984. * F. GASTALDELLI, Boezio, Roma 1974. * E. GEGENSCHATZ, Zufall, Freiheit und Notwendigkeit. Ein philosophiegeschichtlicher Exkurs im Kommentar des Boethius zur Aristotelischen Schrift *De interpretatione*, в: P. NEUKAM, изд., *Erbe, das nicht veraltet*, München 1979, 5–61. * M. GIBSON, изд., Boethius. His Life, Thought, and Influence, Oxford 1981. * R. GLEI, Dichtung und Philosophie in der *Consolatio Philosophiae* des Boethius, *WJA NF* 11, 1985, 225–238. * A. GRILLMEIER, Vorbereitung des Mittelalters. Eine Studie über das Verhältnis von Chalkedonismus und Neu-Chalkedonismus in der lateinischen Theologie von Boethius bis zu Gregor dem Großen, в: A. GRILLMEIER, H. BACHT, изд., *Das Konzil von Chalkedon*, т. 2, Würzburg 1953, 791–839. * J. GRUBER, Die Erscheinung der Philosophie in der *Consolatio* des Boethius, *RhM NF* 112, 1969, 166–186. * A. GUZZO, *L'Isagoge di Porfirio e i commenti di Boezio*, Torino 1934. * P. HADOT, La distinction de l'être et de l'étant dans le *De Hebdomadihus* de Boèce, в: P. WILPERT, изд., *Miscellanea Mediaevalia*, т. 2, Berlin 1963, 147–153. * P. HADOT, *Forma essendi*: interprétation philologique et interprétation philosophique d'une formule de Boèce, *LEC* 38, 1970, 143–156. * P. HUBER, Die Vereinbarkeit von göttlicher Vorsehung und menschlicher Freiheit in der *Consolatio Philosophiae* des Boethius, диссертация, Zürich 1976. * A. KAPPELMACHER, Der schriftstellerische Plan des Boethius, *WS* 46, 1927–1928, 215–225. * F. KLINGNER, *De Boethii Consolatione Philosophiae*, Berlin 1921, перепечатка 1960. * S. LERER, Boethius and Dialogue. Literary Method in *The Consolation of Philosophy*, Princeton 1985. * P. B. LUETTRINGHAUS, Gott, Freiheit und Notwendigkeit in der *Consolatio Philosophiae* des Boethius, в: A. ZIMMERMANN, изд., *Studien zur mittelalterlichen Geistesgeschichte und ihren Quellen* 15, Berlin 1982, 53–101. * M. LUTZ-BACHMANN, Natur und Person in den *Opuscula sacra* des A. M. S. Boëthius, *Th&Ph* 58, 1983, 48–70. * M. LUTZ-BACHMANN, Das

Verhältnis von Philosophie und Theologie in den *Opuscula Sacra* des A. M. S. Boethius. Eine Studie zur Entwicklung der nach-chalcedonischen Theologie, диссертация, Münster 1984. * J. MAGEE, Boethius on Signification and Mind, Leiden 1990. * B. MAIOLI, Teoria dell' essere e dell' esistenza e classificazione delle scienze in M. S. Boezio, Roma 1978. * M. MASI, изд., Boethius and the Liberal Arts. A Collection of Essays, Bern 1981. * G. МАТНОН, La tradition de la *Consolation* de Boèce, REAug 14, 1968, 133–138. * G. MAURACH, Boethiusinterpretationen, A&A 14, 1968, 126–141; повторно в: G. MAURACH, изд., Römische Philosophie, Darmstadt 1976, 385–410. * P. MERLAN, Ammonius Hermiae, Zacharias scholasticus, and Boethius, GRBS 9, 1968, 193–203. * F. DI MIERI, Il *De institutione arithmetica* di Severino Boezio, Sapienza 37, 1984, 179–202. * G. A. MÜLLER, Die Trostschrift des Boethius. Beitrag zu einer literarhistorischen Quellenuntersuchung, диссертация, Gießen 1912. * Ch. MUELLER-GOLDINGEN, Die Stellung der Dichtung in Boethius' *Consolatio Philosophiae*, RhM 132, 1989, 369–395. * L. OBERTELLO, Boezio, le scienze del quadrivio e la cultura medioevale, AALig 289, 1971, 152–170. * L. OBERTELLO, Severino Boezio, 2 тт., Genova 1974 (ч. 2 с библиографией до 1970). * L. OBERTELLO, изд., Atti del Congresso internazionale di Studi Boeziani (Pavia 1980), Roma 1981: статьи среди др. А. ТРАПЕ (Boethius als Theologe), С. МОРТОН (Boethius in Pavia), Е. ДЕМОУЖЕОТ (La carrière politique de Boèce), Л. М. ДЕ РИJK (Boethius' Seinsmetaphysik), Л. ОБЕРТЕЛЛО (sein Weltbild), У. ПИZZАНИ (Quadrivium), С. J. ДЕ ВОГЕЛ (*Amor quo caelum regitur*). * G. J. O'DALY, The Poetry of Boethius, London 1991. * H. R. PATCH, The Tradition of Boethius. A Study of his Importance in Medieval Culture, New York 1935. * H. R. PATCH, Fate in Boethius and the Neoplatonists, Speculum 4, 1929, 62–72. * G. PFLIGERSDORFFER, Zu Boethius, *De Interpr. ed. sec.* I p. 4, 4 sqq. MEISER nebst Beobachtungen zur Geschichte der Dialektik bei den Römern, WS 66, 1953, 131–154. * A. N. PRIOR, The Logic of Negative Terms in Boethius, Franciscan Studies 13, 1953, 1–6. * E. K. RAND, Boethius, the First of the Scholastics, в: Founders of the Middle Ages, Cambridge, Mass. 1928, перепечатка 1957, 135–180. * E. K. RAND, La Rome de Boèce et de Dante, RCC 37, 1, 1936, 450–463. * E. RAPISARDA, La crisi spirituale di Boezio, Firenze 1947, Catania 1953. * K. REICHENBERGER, Untersuchungen zur literarischen Stellung der *Consolatio Philosophiae*, диссертация, Bonn 1953, Köln 1954. * E. REISS, Boethius, Boston, Mass. 1982. * G. RIGHI, A. M. S. Boezio, *De syllogismo categorico*. Studio sul I libro, Milano 1984. * E. SCARRY, The Well-Rounded Sphere: The Metaphysical Structure of the *Consolation of Philosophy*, в: С. D. ЕCKHARDT, изд., Essays in the Numerical Criticism of Medieval Literature, Lewisburg 1980, 91–140. * H. SCHEIBLE, Die Gedichte in der *Consolatio Philosophiae* des Boethius, Heidelberg 1972. * G. SCHENK, H. U. WÖHLER, Boethius. Gedanken zu Werk und Wirkungsgeschichte, Deutsche Zeitschrift für Philosophie 28, 1980, 1324–1337. * W. SCHMID, Philosophisches und Medizinisches in der *Consolatio Philosophiae* des Boethius, в: FS B. SNELL, München 1956, 113–144; повторно в: G. MAURACH, изд., Römische Philoso-

phie, Darmstadt 1976, 341—384. * W. SCHMID, Boethius and the Claims of Philosophy, StudPatr 2, 1957, 368—375. * V. SCHMIDT-KOHL, Die neuplatonische Seelenlehre in der *Consolatio Philosophiae* des Boethius, Meisenheim 1965. * G. SCHRIMPF, Die Axiomenschrift des Boethius (*De hebdomadibus*) als philosophisches Lehrbuch des Mittelalters, Leiden 1966. * V. SCHURR, Die Trinitätslehre des Boethius, Paderborn 1935. * F. SCIUTO, Il dualismo della *Consolatio* di Boezio, Acta Philologica 3, 1964, 361—371. * J. SHIEL, Boethius the Hellenist, HT 14, 1964, 478—486. * E. T. SILK, Boethius' *Consolatio Philosophiae* as a Sequel to Augustine's Dialogues and *Soliloquia*, HThR 32, 1939, 19—39. * J. SULOWSKI, The Sources of Boethius' *De Consolatione Philosophiae*, Sophia 29, 1961, 67—94. * H. TRÄNKLE, Ist die *Philosophiae Consolatio* des Boethius zum vorgesehenen Abschluß gelangt?, VChr 31, 1977, 148—156. * S. L. VARVIS, The *Consolation* of Boethius, диссертация, Claremont, CA. 1986, ср. DA 47, 1986, 628 A. * S. F. WILTSHIRE, Boethius and the *Summum Bonum*, CJ 67, 1971—1972, 216—220. * C. WOLF, Untersuchungen zum Krankheitsbild in dem ersten Buch der *Consolatio Philosophiae* des Boethius, RCCM 6, 1964, 213—223.

ШЕСТАЯ ГЛАВА:
УСЛОВИЯ СОХРАНЕНИЯ
РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УСЛОВИЯ СОХРАНЕНИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«У традиции то свойство, что она не только пересаживает на почву позднейших эпох настроения и мнения, но и задает тон: Птолемей, Боэций, Августин.»

Гегел¹

Традицию и влияние чрезвычайно трудно рассматривать отдельно друг от друга, особенно когда традиция зависит от копирования рукописей. Подобный труд предпринимаешь в том случае, если есть сильный побудительный мотив. Однако исследование такого мотива — это уже сфера компетенции истории восприятия.

Античные книги не похожи на наши. Их своеобразие накладывает отпечаток и на сущность древней литературы, и на ее сохранение. Под книгой (*liber*) первоначально понимался папирусный свиток; обозначение *volumen* восходит к *volvare* «скатывать». Полоса папируса заполнялась справа налево колонками (*paginae*). В то время как правой рукой читающий разворачивал новую колонку, левой он снова сворачивал прочитанное. Автор и заглавие часто указывались в конце текста. По внешнему виду опознать книгу помогал *titulus*, наклеенный снаружи и выступающий кусок пергамента. Без сомнения, форма свитка мешала заглянуть в произведение; уже эта особенность объясняет некоторые черты античной литературы — недостаточную точность цитат, очень суммарные и часто весьма скудные данные об источниках, отсутствие сносок внизу — ведь чаще всего цитировали по памяти. Сначала даже кажется, что трудно было и делать заметки, поскольку при чтении обе руки были заняты. Конечно, это не стало серьезным препятствием; ведь по большей части тексты читались вслух. Вопреки утверждениям исследователей, которые проецируют позднейшее «сплошное письмо», *scriptura continua*, на раннюю и классическую эпоху, в латинском языке (что доказывают как надписи, так и литературные тексты) было правилом (типич-

1. *Paralipomena zur Farbenlehre*, W. A. II 5², 251.

но римское) разграничивать слова с помощью точек или пустого пространства, и некоторые тексты свидетельствуют даже о тщательной риторической интерпункции (по паузам в речи), что делает чтение куда более приятным, чем наша так называемая «логическая» пунктуация. Рано засвидетельствованный и широко распространенный способ помочь читателю — разбивка текста на параграфы¹. Исчезновение интервалов между словами со II в. по Р. Х., должно быть, связано с растущим в ту эпоху греческим влиянием.

Наряду со свитком примерно с I в. по Р. Х. возникает более дешевая, прочная и удобная форма книги, которая, к тому же, облегчает справки: *codex*, чьим прообразом были скрепленные дощечки, покрытые воском. *Codices* похожи на наши книги; но, поскольку папирус трудно сгибать, они по большей части делались из пергамента. Этот последний получил свое название от Пергама, чей правитель Эвмен II (правил со 197 по 159 г. до Р. Х.), в условиях египетского эмбарго на экспорт папируса, вспомнил об этом старом писчем материале и сделал его более тонким (ср. Plin. *nat.* 13, 70). В IV в. *codex* добился признания: в особенности он отвечал потребностям правоведения и церкви².

Чтение про себя в античную эпоху — исключение, и потому тексты должно интерпретировать как акустический процесс. Читатель — не созерцатель написанного; он вовлечен слухом в процесс общения, где подвергается непосредственному воздействию. Таким образом, книга обладала иным рангом, нежели сегодня: она не идентична тексту, а только способствует его реализации в исполнении. Не будем забывать, что сегодня мы ведем себя подобным образом в музыкальной сфере: только немногие посвященные будут читать про себя партитуру, но и они не будут воспринимать это как полноценную замену исполнения.

Что касается распространения книг, то нам и здесь предстоит попытка освободиться от современных интеллектуальных привычек. Текст можно было размножить, давая чтецу диктовать его группе рабов. Друг Цицерона Агтик, содержащий переписчиков, может — *cum grano salis* — быть назван издателем.

1. Rud. Wolfg. MÜLLER, *Rhetorische und syntaktische Interpunktion. Untersuchungen zur Pausenbezeichnung im antiken Latein*, диссертация, Tübingen 1964, особенно 35, прим. 3.

2. Aug. *conf.* 6, 3.

Аудитория таких публикаций была, конечно, шире, нежели круг друзей, которых знакомили с произведением до выхода в свет, читая его вслух, однако, по нашим понятиям, она все еще невелика. В этом основополагающем отличии от Нового времени ничего не меняет тот факт, что Гораций, Овидий и Марциал свидетельствуют о профессиональной книжной торговле, распространявшейся также и на провинции.

В поисках книг, которых у тебя нет, следовало обращаться в частные библиотеки друзей. После победы Павла при Пидне (168 г. до Р. Х.) царская библиотека Персея попадает в Рим. Крупными собраниями располагают Лукулл, Цицерон, Варрон и Атик. Первая публичная библиотека в Риме в *Atrium Libertatis* (осн. в 39 г. до Р. Х.) обязана своим существованием Азинию Поллиону; на Палатине Август строит двойную, греческую и латинскую, библиотеку. Значительные книгохранилища возникают в Риме при Траяне и в Афинах при Адриане. Ко времени Константина в одной столице таких было 28¹, но и Галлия отличалась значительными книжными фондами. Кажется даже, что малоизвестные и древнелатинские авторы в провинциях читались дольше — в силу ретроградности тамошних школ.

Рукописная форма традиции подвергает текст жестокому испытанию — не столько возможности искажения, сколько — в гораздо большей степени — решению его дальнейшей судьбы. Ведь его сохранение или гибель зависит от того, востребован он или нет. Копию делали тогда, когда казалось, что это необходимо или по крайней мере полезно. Этому немилосердному самоочищению в литературе, безусловно, было принесено много значимых и ценных жертв, и историк литературы поступает правильно, всегда считаясь с тем, сколь многое утрачено, уже для того, чтобы не преувеличивать абсолютности своих суждений, основанных только на сохранившемся материале.

1. Упадок продолжается вплоть до IV в.: Amm. 14, 6, 18 *bibliothecis sepulcrorum ritu in perpetuum clausis*, «библиотеки, как бы захоронения, были закрыты постоянно». Христиане опираются на частные библиотеки (Тертуллиан, Иероним, Августин), школьные собрания (Александрия, Кесария, Иерусалим, Нисибис), епископские (например, в Риме, под покровительством Агапита и Кассиодора) и прежде всего монастырские (эти последние, как в случае с Иеронимом, могли основываться на частных: S. GREBE, Die Bibliothek Agapets im Vergleich mit ausgewählten Bibliotheken der Zeit der alten Kirche und des Frühmittelalters, в: *Bibliothek und Wissenschaft* 25, 1991, 15–60.

Традиция — живой процесс. В состоянии ли мы непосредственно приблизиться к античным текстам, не создав для себя образ их передачи? Мы даже не можем быть уверены в точности текста, если пожалеем на это труда. Но и для понимания лучшего пути нет. Как сначала мы научились у Карла Лахманна восходить к архетипу, изучая взаимосвязь рукописей, а затем Виламовиц показал, что только действительная *история* текста может привести к его познанию, так и в конечном счете античную литературу можно понять и оценить, если считаться с процессом ее сохранения и, насколько это возможно, мотивами восприятия или отторжения каждого конкретного текста.

Конечно, это лишь далекая цель, и в большинстве случаев она остается недостижимой. Здесь нам придется ограничиться некоторыми авторами и несколькими указаниями. При отборе античных текстов, правда, играют свою (не всегда благодарную) роль и потребности формального образования и стилистической выучки, однако для многих читателей предметный интерес остается на первом плане.

Есть несколько решающих периодов для сохранения античной литературы. Сначала назовем критические эпохи: особой опасности существование определенных произведений подвергается при переписывании латинских произведений с папирусных свитков на пергаментные кодексы. Этот процесс завершился примерно к IV в. по Р. Х. Авторы, на которых тогда не было обращено внимание, впредь выпали из традиции.

Второй опасный период — так называемые «темные века» между закатом Западной Империи и правлением Карла Великого. Книги, не нашедшие убежища за стенами монастырей или в епископских библиотеках, погибают навсегда¹. В эпоху средневековья распределение книг по значительному числу небольших библиотек уменьшает опасность полной гибели римской литературы².

1. Вообще включение текста в состав монастырской библиотеки также не дает гарантий его выживания; чтобы сохранить дорогой пергамент, с него соскабливают многие языческие произведения и сверху пишут христианские тексты. Только в эпоху позднего средневековья мы сталкиваемся с обратными примерами: с палимпсестами, на которых христианский текст заменен языческим.

2. В древности засвидетельствован пожар Александрийской библиотеки при Цезаре; однако некоторые ученые (возможно, чтобы пощадить память Цезаря) считают ущерб относительно небольшим; в 475 г. сгорает библиотека

Не считая критических периодов, должно иметь в виду утраты из политических, религиозных и мировоззренческих соображений. Такие нежелательные по политическим мотивам фигуры, как поэт Корнелий Галл или историк Кремуций Корд, погибли для нас. Иовиан, христианский преемник последнего языческого императора, Юлиана Отступника, приказывает сжечь библиотеку, созданную Юлианом в Антиохии. Антихристианскую *Истинную речь* Кельса нам приходится реконструировать по церковной полемике против нее. Правда, тогдашняя церковь, как представляется, более терпимо относилась к языческим авторам, чем к инославным христианам, о чьих произведениях мы по большей части узнаем из трудов их соперников. Собрание еретических книг, основанное патриархом Константинопольским в конце VIII в., — исключение, которое подтверждает правило. Если до нас дошли такие авторы, как Тертуллиан или Ориген, хотя их ортодоксальность подвергалась весьма серьезным сомнениям, то дело только в том, что от них нельзя было отказаться в силу их громадного духовного значения.

Теперь обратимся к положительным факторам, способствовавшим сохранению текстов. Прежде всего нужно отметить деятельность ученых и филологов. Так, драмы Плавта сохранились потому, что они уже в республиканскую эпоху стали предметом филологического исследования и внимания (к сожалению, не выпавших на долю древнелатинской прозы); сохранившиеся пьесы — те самые, которые тогдашняя наука признала подлинными. Трудные авторы (Гораций, Персий) обязаны этой ученой работе очень многим. Цицеронов *Сон Сципиона* мы читаем полностью только благодаря его комментатору Макробию.

Немного иного рода, но сопоставимы те случаи, когда мы обязаны усердным читателям длинными цитатами из тех авторов, от которых иначе мы располагали бы лишь жалкими остатками: так, Энния мы лучше всего знаем по Цицерону, особенно любившему этого поэта, а многих других древнелатинских авторов — по Авлу Геллию, поклоннику старых текстов.

Основополагающее значение имеет издательская деятельность позднеантичных сенаторских фамилий — в особенности

Константинополя, которую за столетие до того обильно снабдил греческими и латинскими рукописями император Валент.

Симмахов и Никомахов — частично мы можем с ней ознакомиться благодаря подписям (*subscriptions*), позднее копируемым вместе с текстом. Во многом на эту работу опирается наша средневековая традиция.

Следующий важный шаг — учреждение скрипториев в монастырях, что сделал Кассиодор, правда, ненадолго, в Виварии. В монашеском уставе св. Бенедикта предписывается явно не копирование, но чтение, со своей стороны предполагающее таковое — даже если бы не было прямого распоряжения папы Григория Великого (581 г.).

Решающий импульс в сохранении античной литературы исходит от власти: для управления Империей Карл Великий испытывал потребность в образованных клириках и администраторах. Поэтому он велел учредить во всех аббатствах и городах с епископскими кафедрами школы и скриптории. Он мог при этом опираться на монастыри, созданные по большей части ирландцами и англосаксами. Его советник Алкуин был призван из Йорка, тогдашнего культурного центра северной Европы. Книжные сокровища придворной библиотеки Карла благодаря изготовлению новых рукописей передаются в доселе неслыханном числе французским, немецким и швейцарским монастырям и соборам. Таким образом была создана решающая предпосылка для возрождения античной литературы.

Чтобы понять факты традиции, стоит, кроме того, реконструировать критерии, по которым в различные эпохи ориентировались читатели. Шкала ценностей меняется в зависимости от общественного слоя, проявляющего интерес к римской литературе: сенаторы поздней античности сменяются сначала монахами и епископами, позднее священниками, в епископальных центрах, наконец, юристами и политиками, богатыми патрициями процветающих городов. Таким образом, в эпоху Возрождения латинская литература возвращается в среду, сопоставимую с той, в которой она первоначально возникла. Тип и способ восприятия меняется в зависимости от того процесса, который мы наметили: так, специфически научный интерес XII в. ведет за собой постепенное обмирщение, что сказывается на популярности авторов: у Овидия ищут чувственных радостей, у Сенеки — успокоения совести.

Мода и так называемый дух времени, конечно, объясняют не все. Уже сама история традиции со всей мыслимой четкостью показывает нам шанс личной инициативы, проявляется

ли она в великом (как мы видели на примерах Карла и Алкуина) или в малом. На самом деле многое погибло бы, если бы отдельные личности не вступались со всей страстностью за определенных авторов или определенные произведения и либо делали копию с единственной сохранившейся рукописи, образующей источник всей нашей традиции, либо заботились об установлении лучшего или сколь возможно более полного текста, соединяя ранее отдельные ветви традиции. Такие заслуги, как заслуги Петрарки по отношению к Ливию и Цицерону, имели еще средневековые монахи. При этом удивительно, что когда идет речь о традиции редких авторов или тех, кому угрожает опасность исчезнуть, все вновь и вновь всплывают имена отдельных ученых, в чьих руках сходятся разрозненные нити. Назовем из каролингской эпохи ирландца Дунгала, который читал древнейший наш текст Лукреция (так называемый *Oblongus Voss. lat. F. 30*); Лупа Феррьерского († после 862 г.) с его незаурядными познаниями цицероновского текста; Гейрика из Оксерры († ок. 876 г.), который среди прочего снабдил в IX в. примечаниями Помпония Мелу; Ратера Веронского († 974 г.), знатока Плавта и Катулла. В XII в. Вильям из Малмсбери († 1143 г.) знаком с Плавтом, Петронием и *Apocolocyntosis* и приводит цитаты из обеих (в иных случаях разрозненных) частей корпуса писем Сенеки. Иоанн из Солсбери († 1180 г.) читает все, что нам доступно из текста Петрония. Ришар из Фурниваля (впоследствии амьенский канцлер) ок. 1250 г. упоминает в своей *Bibliopomia*, описывающей реальную библиотеку как сад, даже Тибулла и Проперция. Падуанские предгуманисты, возглавляемые судьей Ловато Ловати († 1309 г.), предвосхищают мнимые открытия своих последователей: они читают Проперция (до Петрарки), Тибулла полностью (до Салютати), Лукреция и Валерия Флакка (до Поджо), Катулла (за полвека до его «обнаружения» в Вероне) и даже овидиевского *Ибиса*. Петрарка († 1374 г.) играет важную роль в сохранении текста Ливия, Мелы, Проперция, писем Цицерона. Бокаччо († 1375 г.) читает Марциала, Авзония, того же самого *Ибиса*, *Appendix Vergiliana* и собственноручно пишет нашу старейшую рукопись *Priapea* (Laug. 33, 31). Из Монте Кассино он получает *Анналы* и *Историю* Тацита, *Золотого осла* Апулея и *De lingua latina* Варрона. Поджо Браччолини († 1459 г.) в большом количестве извлекает из монастырских библиотек дальнейшие сокровища — прежде всего во время Констанцского собора.

Традиция некоторых авторов, много значащих для нас сегодня, буквально висела на одной ниточке: о Катулле мы ничего бы не знали, если бы в эпоху средневековья один из веронских епископов не заинтересовался поэтом-земляком; Лукреций и некоторые произведения Тацита были практически забыты средневековыми читателями, и эпоха придворной любви, возможно, лишь потому была названа *aetas Ovidiana*, что другие римские эротики — Катулл, Тибулл, Проперций — практически пропали без вести¹ (правда, в эпоху раннего средневековья произведения Овидия также относились к числу раритетов).

Как, с другой стороны, неуволима разница между сознательным сохранением и случайным спасением, показывает следующий эпизод: первая половина пятой декады Ливия сохранилась в одной позднеантичной рукописи, которую пробудили от почти тысячелетнего сна в монастыре Лорш только в XVI в. Здесь нет явственного разрыва с открытием в начале XIX в. палимпсеста Цицеронова трактата *De re publica*, обнаруженного Анджело Майи.

Наша слабая вера в высшую мудрость традиции начинает колебаться еще сильнее, когда мы вспомним — с другой стороны — об авторах с широкой традицией. Наряду с такими великими именами, как Вергилий и Теренций, в этот список попали учебники и энциклопедии, не слишком сегодня интересные для нас. Цицеронов шедевр *De oratore* и *Institutio* Квинтилиана многократно уступают школьной тетрадке *De inventione*. Цицероновскому *Гортензию* не помогло восхищение Августина, зато жизнестойкость какого-нибудь Марциана Капеллы ни разу не была поставлена под вопрос.

Таким образом, на основе нашей традиции мы даже не можем быть уверены, что обладаем по-настоящему представительным выбором римских авторов и текстов. То, что до нас дошло, в высшей степени репрезентативно для позднелатинских школы, науки и общества с их особыми интересами; однако и этот образ в дальнейшем перекрывается проблематикой, актуальной для средневекового читателя. Охват традиции — зеркало восприятия в определенные эпохи; но тот факт, что определенное количество как раз лучших авторов дошло до нас в одной или совсем немногих рукописях, доказывает,

1. Ср. также историю традиции Помпония Мелы.

что охранительная деятельность отдельных ученых, иногда плывущих против течения своего века, может решить вопрос о жизни и сохранности произведения. Такого рода решения иногда зарождались в сердцах читателей-одиночек.

E. AUERBACH, *Literatursprache und Publikum in der lateinischen Spätantike und im Mittelalter*, Bern 1958. * B. BISCHOFF, *Manuscripts and Libraries in the Age of Charlemagne* (перев. М. М. GORMAN), Cambridge 1994. * H. BLANCK, *Das Buch in der Antike*, München 1992. * K. BÜCHNER, *Überlieferungsgeschichte der lateinischen Literatur des Altertums*, в: H. HUNGER (и др.), *Die Textüberlieferung der antiken Literatur und der Bibel*, München 1975, 309–422 (перепечатка работы: *Geschichte der Textüberlieferung der antiken und mittelalterlichen Literatur*, т. 1, Zürich 1961). * J. DELZ, *Wo wurde die lateinische Literatur ins Mittelalter hinüber gerettet?*, в: H. L. C. TRISTRAM, изд., *Medialität und mittelalterliche insulare Literatur*, Tübingen 1992, 41–56 (лит.). * A. DEROLEZ, *Codicologie des manuscrits en écriture humanistique sur parchemin*, 2 тт., Turnhout 1984. * FUHRMANN, LG. * P. GANZ, изд., *The Role of the Book in Medieval Culture. Proceedings of the Oxford International Symposium 1982*, 2 тт., Turnhout 1986. * A.-M. GUILLEMIN, *Le public et la vie littéraire à Rome*, Paris 1937. * E. J. KENNEY, *The Classical Text. Aspects of Editing in the Age of the Printed Book*, Berkeley 1974. * E. J. KENNEY, *Books and Readers in the Roman World*, в: CHLL 1982, 3–32. * F. G. KENYON, *Books and Readers in Ancient Greece and Rome*, Oxford 1951. * LEO, LG. * F. LEO, см. также WILAMOWITZ. * *Le livre au Moyen Âge*, изд. Institut de recherche et d'histoire des textes (sous la direction de J. GLENISSON), Paris 1988. * K. LÖFFLER, P. RUF, *Allgemeine Handschriftenkunde*, в: *Handbuch der Bibliothekswissenschaft*, Stuttgart 1952, т. 1, 1, 106–162. * MANITIUS, LG. * NORDEN, LG. * NORDEN, *Kunstprosa*. * PASQUALI, *Storia*. * K. PREISENDANZ, *Papyruskunde*, в: *Hdb. der Bibliothekswissenschaft*, Stuttgart 1952, т. 1, 1, 163–248. * L. D. REYNOLDS, *Texts and Transmission. A Survey of the Latin Classics*, Oxford 1983. * L. D. REYNOLDS и N. G. WILSON, *Scribes and Scholars. A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature*, Oxford 1968, 1991. * C. H. ROBERTS и T. C. SKEAT, *The Birth of the Codex*, Oxford 1983. * SCHANZ-HOSIUS, LG. * W. SCHUBART, *Das Buch bei den Griechen und Römern*, Berlin 1907, перепечатка Heidelberg 1962. * C. WENDEL, *Kleine Schriften zum antiken Buch- und Bibliothekswesen*, изд. W. KRIEG, Köln 1974. * H. WIDMANN, *Herstellung und Vertrieb des Buches in der griechisch-römischen Welt*, *Archiv für Geschichte des Buchwesens* 1967, Heft 55, 35–81. * U. von WILAMOWITZ-MOELLENDORFF, K. KRUMBACHER, J. WACKER-NAGEL, F. LEO, E. NORDEN, F. SKUTSCH, *Die griechische und lateinische Literatur und Sprache* (= *KultdGgw* 1,8), Berlin und Leipzig (1905) 1912 (улучш. и расш.).

КНИЖНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПРИВЕДЕННЫЕ В СОКРАЩЕНИИ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

В нижеследующем списке приводятся книги и публикации в периодической печати, цитируемые в сокращении. Ссылки на латинских авторов приводятся по *Thesaurus Linguae Latinae*.

Названия специальных работ, приведенные в примечаниях однократно, не повторяются в указателях литературы к соответствующему автору.

Приведенные в примечаниях сокращения с инициалами, фамилией и годом отсылают к библиографическому списку в конце соответствующего раздела. Напротив, сокращения без инициалов указывают на общий список сокращений (напр., F. LEO 1912 отсылает к библиографии соответствующего раздела, а LEO, LG — к общему списку сокращений).

Для изданий в каждом случае отмечается, содержат ли они текст (Т), перевод (П), комментарий (К) или примечания (Пр). ТПК, таким образом, означает: текст, перевод и комментарий.

В разделах, посвященных отдельным авторам, справочники и руководства общего характера приводятся лишь в порядке исключения, если для того были особые основания.

Кроме того, для каждого автора необходимо обращаться к библиографическому списку по соответствующим жанрам (и наоборот).

Большие буквы после цитат из античных авторов означают издатель: напр., *Ennius ann. 237 V.* (= VANLEN), *trag. 217 J.* (= JOCELYN).

Frankfurt без дополнительных обозначений — Frankfurt am Main, соответственно Freiburg — Freiburg im Breisgau. Если мест издания несколько, указывается лишь первое. Перепечатки без изменений, если они вообще приводятся, даются лишь с обозначением года.

AAAd: *Antichità altoadriatiche*. Udine.

AAASzeged: *Acta antiqua et archaeologica*. Szeged.

AAEC: *Annuario dell'Accademia etrusca di Cortona*. Cortona.

AAG: *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*.
Philologisch-historische Klasse. Göttingen.

AAHG: *Anzeiger für die Altertumswissenschaft*, hg. von der Österreichischen Humanistischen Gesellschaft. Innsbruck.

AAIig: *Atti dell'Accademia Ligure di Scienze e Lettere*. Genova.

- AAntHung: Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. (cp. ActAnt).
- AAPat: Atti e Memorie dell'Accademia Patavina di Scienze, Lettere ed Arti, Classe di Sc. mor., Lett. ed Arti. Padova.
- AAPel: Atti della Accademia Peloritana dei Pericolanti, Classe di Lettere, Filosofia e Belle Arti. Messina.
- AAT: Atti della Accademia delle Scienze di Torino, Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Torino.
- AATC: Atti e Memorie dell'Accademia Toscana La Colombaria. Firenze.
- AAWM: Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Mainz, Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Wiesbaden.
- AAWW: Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philos.-Hist. Klasse. Wien.
- AB: Analecta Bollandiana. Bruxelles.
- ABAW: Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse. München.
- ABG: Archiv für Begriffsgeschichte. Bausteine zu einem historischen Wörterbuch der Philosophie. Bonn.
- AC: L'Antiquité Classique. Louvain.
- ACD: Acta classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis. Debrecen.
- AClass: Acta classica. Proceedings of the Classical Association of South Africa. Cape Town.
- Acme: Acme. Annali della Facoltà di Filosofia e Lettere dell'Università statale di Milano. Milano.
- ActAnt: cp. AAntHung.
- ADAW: Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur & Kunst. Berlin.
- A&A: Antike und Abendland. Beiträge zum Verständnis der Griechen und Römer und ihres Nachlebens. Berlin.
- A&R: Atene e Roma. Rassegna trimestrale dell'Assoc. Italiana di Cultura classica. Firenze.
- Aevum: Aevum. Rassegna di Scienze storiche, linguistiche e filologiche. Milano.
- AFLA: Annales de la Faculté des Lettres et Sciences humaines d'Aix, Sér. class. Gap.
- AFLB: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia di Bari. Bari.
- AFLC: Annali della Facoltà di Lettere, Filosofia e Magistero della Università di Cagliari. Cagliari.
- AFLM: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia, Università di Macerata. Roma.
- AFLPer: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia, Università di Perugia. Perugia.
- AFLN: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Napoli. Napoli.
- AFLT: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia. Trieste.

- AFMC: Annali della Facoltà di Magistero dell'Università di Cagliari. Cagliari.
- AG: Archivio giuridico. Modena.
- AGM: Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und Naturwissenschaften. Wiesbaden.
- AGPh: Archiv für Geschichte der Philosophie. Berlin.
- AGWG: Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin.
- AHAW: Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. Heidelberg.
- AHMA: Archives d'Histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age. Paris.
- AHR: American Historical Review. Washington.
- AIS: Annali dell'Istituto italiano per gli Studi storici. Napoli.
- AION: Aión. Annali del Seminario di studi sul mondo classico dell'Istituto universitario orientale di Napoli, Sezione linguistica. Pisa.
- AIPhO: Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales de l'Université Libre de Bruxelles. Bruxelles.
- AIV: Atti dell'Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, Classe di Scienze morali e Lettere. Venezia.
- AJAH: American Journal of Ancient History. Cambridge, Mass.
- AJPh: American Journal of Philology. Baltimore.
- AK: Antike Kunst. Hg. von der Vereinigung der Freunde antiker Kunst in Basel. Olten.
- AKG: Archiv für Kulturgeschichte. Köln.
- Akroterion: Akroterion. Quarterly for the Classics in South Africa. University of Stellenbosch.
- al.: и в других местах.
- AL: Anthologia Latina, изд. А. RIESE, Bd. 1, Lipsiae 21894, Bd. 2, 1870; изд. D. R. SHACKLETON BAILEY, Bd. 1, 1, Stutgardiae 1982.
- VON ALBRECHT, LG: M. VON ALBRECHT, Augusteische Zeit, Stuttgart 1987 (= M. VON ALBRECHT, изд., Die römische Literatur in Text und Darstellung, Bd. 3); см. также GÄRTNER, KISSEL, LEEMAN, PETERSMANN.
- VON ALBRECHT, Prose: M. VON ALBRECHT, Masters of Roman Prose. Interpretative Studies. Translated by N. ADKIN, Leeds 1989.
- VON ALBRECHT, Poesie: M. VON ALBRECHT, Römische Poesie. Texte und Interpretationen, Heidelberg 1977; Tübingen 21995.
- VON ALBRECHT, Prosa: M. V. ALBRECHT, Meister römischer Prosa von Cato bis Apuleius, Heidelberg 21983; Tübingen 21995.
- VON ALBRECHT, Rom: M. VON ALBRECHT, Rom: Spiegel Europas. Texte und Themen, Heidelberg 1988.
- ALFÖLDY, Sozialgeschichte: G. ALFÖLDY, Römische Sozialgeschichte, Wiesbaden 31984.
- ALGP: Annali del Liceo G. Garibaldi di Palermo. Palermo.
- ALL (G): Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik. Leipzig.
- ALMA: Archivum Latinitatis Medii Aevi (Bulletin Du Cange). Leiden.

- ALMARv: *Annales Latini Montium Arvernorum*. Clermont.
- ALTANER: B. ALTANER, A. STUIBER, *Patrologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter*, Freiburg, Basel ⁸1978.
- Altertum: *Das Altertum*, hg. vom Zentralinstitut für Alte Geschichte und Archäologie der Deutschen Akademie der Wissenschaften der DDR. Berlin.
- ALTHEIM: F. ALTHEIM, *Geschichte der lateinischen Sprache, von den Anfängen bis zum Beginn der Literatur*, Frankfurt 1951.
- Anazetesis: *Anazetesis. Quaderni di ricerca*. Pistoia.
- AncSoc: *Ancient Society*. Louvain.
- ANDRÉ, Lexique: J. ANDRÉ, *Lexique des termes de botanique en latin*, Paris 1956.
- ANDRÉ, Otium: J.-M. ANDRÉ, *Otium dans la vie morale et intellectuelle romaine des origines à l'époque augustéenne*, Paris 1966.
- ANDRÉ, Plantes: J. ANDRÉ, *Les noms de plantes dans la Rome antique*, Paris 1985.
- Année Épigraphique: *L'Année Épigraphique. Revue des publications épigraphiques relatives à l'antiquité romaine*. Paris.
- Anregung: *Anregung. Zeitschrift für Gymnasialpädagogik*. München.
- ANRW: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung*. Berlin.
- AntAfr: *Antiquités africaines*. Paris.
- Antichthon: *Antichthon. Journal of the Australian Society for Classical Studies*. Sydney.
- Antike: *Die Antike. Zeitschrift für Kunst und Kultur der Altertumswissenschaft*. Berlin.
- Antike und Christentum. *Kultur- und religionsgeschichtliche Studien*. Münster, Westf.
- AP: *Anthologia Palatina*, изд. Н. ВЕСКВУ (ТППр), 4 Bde., München ²1965–1967.
- Arcadia: *Arcadia. Zeitschrift für vergleichende Literaturwissenschaft*. Berlin.
- Archiv für Geschichte des Buchwesens (выходит как приложение к: *Börsenblatt für den deutschen Buchhandel*). Frankfurt.
- Archiv für Musikwissenschaft. Wiesbaden.
- ArchPhilos: *Archives de Philosophie. Recherches et documentation*. Paris.
- Arctos: *Arctos. Acta philologica Fennica*. Helsinki.
- Arethusa: *Arethusa. A Journal of the Wellsprings of Western Man*. Buffalo, State University of New York.
- ARID: *Analecta Romana Instituti Danici*. Odense Univ.
- Arion: *Arion. A Quarterly Journal of Classical Culture*. Boston University.
- ARW: *Archiv für Religionswissenschaft*. Berlin und Leipzig.
- ASI: *Archivio Storico Italiano*. Firenze.

- ASNP: Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa, Cl. di Lettere e Filosofia. Pisa.
- AT: Ветхий Завет.
- Athenaeum: Athenaeum. Studi periodici di Letteratura e Storia dell'Antichità. Pavia.
- Atti e memorie della Accademia Petrarca di Lettere, Arti e Scienze. Arezzo.
- AU: Der altsprachliche Unterricht. Arbeitshefte zu seiner wissenschaftlichen Begründung und praktischen Gestalt. Stuttgart.
- AUB: Annales Universitatis Budapestensis de Rolando Eötvös nominatae, Sectio classica. Budapest.
- AUERBACH, Mimesis: E. AUERBACH, Mimesis. Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur, Bern 1982.
- Aufidus: Aufidus. Rivista di scienza e didattica della cultura classica. Foggia.
- AugMag: Augustinus Magister. Congrès international augustinien, Paris (1954). Communications (Actes), 3 тт., Paris 6. г.
- AugStud: Augustinian Studies. Villanova.
- Augustiniana: Tijdschrift voor de Studie van S. Augustinus en de Augustijnerorde. Héverlé-Louvain.
- Augustinianum: Augustinianum. Roma.
- Augustinus: Augustinus. Revista publicada por los Padres agustinos recoletos. Madrid.
- AULLA (AUMLA): Journal of the Australasian Universities Language and Literature Association. Christchurch, New Zealand.
- AUS: 1. Annales Universitatis Saraviensis (Phil.-Lettres). Saarbrücken. 2. Annuaire de l'Université de Sofia, Faculté des Lettres. Sofia.
- BAB: Bulletin de la Classe des Lettres de l'Académie Royale de Belgique. Bruxelles.
- BAEHRENS: Æ. BAEHRENS, изд., Poetae latini minores, 6 тт., Lipsiae 1879—1886.
- BAGB: Bulletin de l'Association G. Budé. Paris.
- BAL: Bulletin des antiquités luxembourgeoises. Luxembourg.
- BARDENHEWER, LG: O. BARDENHEWER, Geschichte der altkirchlichen Literatur, 5 Bde., из них Bd. 1 и 2 опубли. во 2 изд., Freiburg 1913—1932.
- BARDON, Litt. lat. inc.: H. BARDON, La littérature latine inconnue, 2 тт., Paris 1952 и 1956.
- BCH: Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris.
- BCO: Bibliotheca Classica Orientalis. Dokumentation der altertumswissenschaftlichen Literatur der Sowjetunion und der Volksdemokratien. Berlin.
- Bd., Bde.: Band, Bände.
- BEHRENS, Einteilung: I. BEHRENS, Die Lehre von der Einteilung der Dichtkunst. Studien zur Geschichte der poetischen Gattungen, диссертация, Bonn 1939, Halle 1940.

- Belfagor: Belfagor. Rassegna di varia umanità. Firenze.
- Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse (=SSAL).
- BERSCHIN, Biographie: W. BERSCHIN, Biographie und Epochenstil im lateinischen Mittelalter. I: Von der *Passio Perpetuae* zu den *Dialogi Gregors* des Großen, Stuttgart 1986.
- BERSCHIN, Medioevo: W. BERSCHIN, Medioevo greco-latino, Napoli 1989 (расш. по сравнению с нем. оригиналом 1980).
- B&O: Bibbia e Oriente. Rivista trimestrale per la conoscenza della Bibbia. Bornato in Franciacorte (Brescia).
- BGB: Bürgerliches Gesetzbuch.
- BIANCHI BANDINELLI, Kunst: R. BIANCHI BANDINELLI, Die römische Kunst. Von den Anfängen bis zum Ende der Antike, München ³1975.
- Библи.: Библиографии и исследовательские сообщения.
- Bibl. di mat.: Biblioteca di materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici. Pisa.
- BIBLH&R: Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. Genève.
- Biblica: Biblica. Commentarii editi cura Pontificii Instituti Biblici. Roma.
- Bibliographia patristica. Internationale patristische Bibliographie. Berlin.
- Bibliothek. Forschung und Praxis. München.
- BICKEL, LG: E. BICKEL, Lehrbuch der Geschichte der römischen Literatur, Heidelberg ²1961.
- BICS: Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London. London.
- BIDR: Bullettino dell'Istituto di Diritto romano. Milano.
- BIEH: Boletín del Inst. de Estudios helénicos. Barcelona.
- BIELER, LG: L. BIELER, Geschichte der römischen Literatur, 2 Bde. in 1 Bd., Berlin ⁴1980.
- BIGNONE, LG: E. BIGNONE, Storia della letteratura latina, 3 тт., Firenze 1945—1950 (т. 1: ²1946).
- BINDER, Saeculum Augustum: G. BINDER, изд., Saeculum Augustum, 3 Bände, Darmstadt Bd. 1: 1987; Bd. 2: 1988; Bd. 3: 1991.
- BJ: Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn und des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande. Kevelaer.
- BKV: Bibliothek der Kirchenväter. München.
- BO: Bibliotheca Orientalis. Leiden.
- BOLGAR: R. R. BOLGAR, The Classical Heritage and its Beneficiaries, Cambridge 1954.
- BollClass: Bollettino dei classici. Roma, Accademia dei Lincei.
- BONNER, Declamation: S. F. BONNER, Roman Declamation in the Late Republic and Early Empire, Berkeley 1949, перепечатка 1969.
- K. BORINSKI, Die Antike in Poetik und Kunsttheorie vom Ausgang des klassischen Altertums bis auf Goethe und W. von Humboldt, 2 Bde., Leipzig 1914—1924, перепечатка 1965.

- BQR: Bodleian Quarterly Record. Oxford.
- BREMER, Iurisprud. antehadr.: F. P. BREMER, Iurisprudentiae antehadrianae quae supersunt, 2 Teile in 3 Bänden, Lipsiae 1896—1901.
- BROUGHTON, Magistrates: T. R. S. BROUGHTON, The Magistrates of the Roman Republic, 2 тт., New York 1951; 1952; Suppl. 1960.
- BRUNHÖLZL, LG: F. BRUNHÖLZL, Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters, Bd. 1: Von Cassiodor bis zum Ausklang der karolingischen Erneuerung, München 1975.
- BRUNS, Fontes: C. G. BRUNS, Th. MOMMSEN, O. GRADENWITZ, изд., Fontes iuris Romani antiqui, Tubingae, 1 und 2, ⁷1909; Additamentum 1 und 2: 1912.
- BSG: Berichte über die Verhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig, phil.-hist. Klasse. Leipzig.
- BSTEC: Bulletin de la Société toulousaine d'Études classiques. Toulouse.
- BStudLat: Bollettino di Studi latini. Periodico quadrimestrale d'informazione bibliografica. Napoli.
- BÜCHNER: см. FPL.
- BÜCHNER, LG: K. BÜCHNER, Römische Literaturgeschichte. Ihre Grundzüge in interpretierender Darstellung, Stuttgart ⁵1980.
- BUCK: A. BUCK, Die Rezeption der Antike in den romanischen Literaturen der Renaissance, Berlin 1976.
- Bursian: см. JAW.
- ByzF: Byzantinische Forschungen. Internationale Zeitschrift für Byzantinistik. Amsterdam.
- BZG: Baseler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. Basel.
- Caesarodunum: Caesarodunum. Tours.
- CAF: Т. КОСК, изд., Comicorum Atticorum fragmenta, Bd. 1—3, Lipsiae 1880—1888.
- CAIRNS, Generic Composition: F. CAIRNS, Generic Composition in Greek and Roman Poetry, Edinburgh 1972.
- G. CALBOLI, Nota: G. CALBOLI, Nota di aggiornamento a E. NORDEN, *La prosa d'arte antica*, B: NORDEN, Kunstprosa, Roma 1986, 971—1185.
- CASSIRER: E. CASSIRER, Philosophie der symbolischen Formen, 3 Bde., Berlin 1923—1929; Darmstadt ²1953—1954, перепечатка 1987—1990.
- CB: The Classical Bulletin. Saint Louis.
- CC (и CCL): Corpus Christianorum, Series Latina, Turnholti.
- CCC: Civiltà classica e cristiana. Genova.
- CE: Carmina Latina epigraphica, изд. F. BÜCHELER, 2 Bde., Lipsiae 1895—1897, перепечатка 1972.
- CEA: Cahiers des Études anciennes. Montréal.
- CÈBE, caricature: J.-P. CÈBE, La caricature et la parodie dans le monde romain antique des origines à Juvénal, Paris 1966.
- C&M: Classica et Mediaevalia. Revue danoise d'Histoire et de Philologie, publ. par la Soc. danoise pour les Études anciennes et médiévales. København.

- C&S: Cultura e Scuola. Roma.
- CF: Classical Folia. Studies in the Christian perpetuation of the Classics. New York.
- CFC: Cuadernos de Filología clásica. Madrid.
- CGF: G. KAIBEL, изд., Comitorum Graecorum fragmenta 1, 1, Berolini 1899 (содержит также античные тексты по теории комедии: *Tractatus Coislinianus*, Диомед, Евантий, Донат).
- Chiron: Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts. München.
- CHLL: The Cambridge History of Classical Literature, 2. Latin Literature, изд. E. J. KENNEY und W. V. CLAUSEN, Cambridge 1982.
- CHM: Cahiers d'Histoire mondiale. Neuchâtel.
- Ciceroniana: Ciceroniana. Rivista di Studi Ciceroniani. Roma.
- CICHORIUS, Studien: C. CICHORIUS, Römische Studien. Historisches, Epigraphisches, Literaturgeschichtliches aus vier Jahrhunderten, Leipzig 1922, перепечатка 1961.
- CIL: Corpus inscriptionum Latinarum. Berolini.
- CIMA: Cahiers de l'Institut du moyen âge grec et latin. Copenhague.
- CISA: Contributi dell'Istituto di Storia antica dell'Università del Sacro Cuore. Milano.
- CJ: The Classical Journal. Athens, University of Georgia.
- ClAnt: Classical Antiquity. Berkeley.
- CLARKE, Rhetoric: M. L. CLARKE, Rhetoric at Rome. A Historical Survey, London 1953.
- CLS: Comparative Literature Studies. Urbana, Illinois.
- CM: Clio Medica. Acta Acad. internat. historiae medicinae. Amsterdam.
- CML: Classical and Modern Literature. Terre Haute, Indiana.
- cod.: Codex.
- CodMan: Codices Manuscripti. Zeitschrift für Handschriftenkunde. Wien.
- CONTE, LG: G. CONTE, Latin Literature. A History, Baltimore 1994.
- Contemporanea: Contemporanea. Дополнение к Mostre e Musei. Torino.
- cos.: Consul.
- COURTNEY: E. COURTNEY, The Fragmentary Latin Poets, Oxford 1993.
- COURCELLE, Histoire: P. COURCELLE, Histoire littéraire des grandes invasions germaniques, Paris (1948) ³1964.
- COURCELLE, Lettres: P. COURCELLE, Les lettres grecques en Occident. De Macrobe à Cassiodore, Paris ²1948.
- CPh: Classical Philology. Chicago.
- CQ: Classical Quarterly. Oxford.
- CR: Classical Review. Oxford.
- CRAI: Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris.

- CRDAC: Atti del Centro ricerche e documentazione sull'antichità classica. Milano.
- CRF: Scaenicae Romanorum poesis fragmenta, II. Comitorum Romanorum praeter Plautum et Terentium Fragmenta, ed. O. RIBBECK, Leipzig ²1873, перепечатка 1962; Lipsiae ³1898.
- Critica: La critica. Rivista di Lettere, Storia e Filosofia. Bari.
- CSCA: California Studies in Classical Antiquity. Berkeley.
- CSEL: Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum, Wien.
- CURTIVS, Europäische Lit.: E. R. CURTIUS, Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter, Bern 1948, ⁹1978.
- CV: Commentationes Vindobonenses. Wien.
- CW: Classical World (ранее: Classical Weekly). Pittsburgh, Pa.
- DA: Dissertation Abstracts. Internat. Abstracts of Dissertations Available in Microfilm or as Xerographic Reproductions. Ann Arbor, Mich.
- DAW Berlin: Deutsche Akademie der Wissenschaften, Sektion Altertumswissenschaften. Berlin.
- DEKKERS: E. DEKKERS, А. GAAR, Clavis Patrum Latinorum, Steenbrugis ²1961, ³1995.
- DESSAU: см. ILS.
- DEVOTO, Geschichte: G. DEVOTO, Geschichte der Sprache Roms. Перевод с ит. I. OPELT, Heidelberg 1968. Оригинал: Storia della lingua di Roma, Bologna 1940, 1991.
- DHA: Dialogues d'histoire ancienne. Paris.
- Didactica classica Gandensia. Gent.
- DIHLE, Entstehung: A. DIHLE, Die Entstehung der historischen Biographie, SHAW 1986, 3.
- DIHLE, LG: A. DIHLE, Die griechische und lateinische Literatur der Kaiserzeit. Von Augustus bis Justinian, München 1989.
- Dioniso: Dioniso. Rivista trimestrale di studi sul teatro antico. Siracusa.
- DLZ: Deutsche Literaturzeitung für Kritik der internat. Wissenschaft. Berlin.
- DRAHEIM: J. DRAHEIM, Vertonungen antiker Texte vom Barock bis zur Gegenwart. Mit einer Bibliographie der Vertonungen (1700—1978), Amsterdam 1981.
- dt.: deutsch.
- DUFF, LG 1: J. W. DUFF, Literary History of Rome from the Origins to the Close of the Golden Age, London 1909, ³1960.
- DUFF, LG 2: J. W. DUFF, Literary History of Rome in the Silver Age, London 1927, ²1960 (изд. А. М. DUFF).
- DUMÉZIL, Idées: G. DUMÉZIL, Idées romaines, Paris 1969.
- DUMÉZIL, Mythe: G. DUMÉZIL, Mythe et épopée, 3 тт., Paris ²1968—1973.
- DUMÉZIL, Rel.: G. DUMÉZIL, La religion romaine archaïque, Paris 1966.
- Durius: Durius. Boletín castellano de Estudios clásicos. Valladolid.
- DVjs: Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Stuttgart.

- ECKSTEIN, Unterr.: F. A. ECKSTEIN, Lateinischer und griechischer Unterricht, Leipzig 1887.
- EClás: Estudios clásicos. Madrid.
ed.: edidit.
- Eikasmos: Eikasmos. Quaderni Bolognesi di Filologia Classica. Bologna.
- Eirene: Eirene. Studia Graeca et Latina. Praha.
- EISENHUT: W. EISENHUT, Einführung in die antike Rhetorik und ihre Geschichte, Darmstadt 1974.
- EL: Études de Lettres: Bulletin de la Faculté des Lettres de l'Université de Lausanne et de la Société des Études des Lettres. Lausanne.
- Elenchos: Elenchos. Rivista di studi sul pensiero antico. Napoli. EMC: Échos du Monde classique. Classical News and Views. Ottawa.
- Emerita: Emerita. Revista de Lingüística y Filología clásica. Madrid.
- Entretiens: Entretiens sur l'antiquité classique. Fondation Hardt, Vandœuvres-Genève.
- Eos: Eos. Commentarii Societatis Philologiae Polonorum. Wroclaw.
- EPhK: Egyetemes philologiai közlöny. Budapest.
- Eranos: Eranos. Acta Philologica Suecana. Uppsala.
- Euphorion: Euphorion. Heidelberg.
- Euphrosyne: Euphrosyne. Revista de Filologia clássica. Lisboa.
- Faventia: Faventia. Publicació del Departament de Filologia classica de la Univ. autònoma de Barcelona.
- FCC: Fragmenta comicorum Graecorum, coll. A. MEINEKE, 5 Bde., Berolini 1839—1857.
- F&F: Forschungen und Fortschritte. Berlin.
- FEENEY, Literature: D. FEENEY, Literature and Religion at Rome, Cultures, Contexts, and Beliefs, Cambridge 1998.
- FGrHist: F. JACOBY, Die Fragmente der griechischen Historiker, 3 Teile in 15 Bänden, Berlin 1926—Leiden 1958 (цитируется по номерам авторов).
- Filosofia: Filosofia. Rivista trimestrale. Torino.
- FLACH, Einführung: D. FLACH, Einführung in die römische Geschichtsschreibung. Darmstadt 1985.
- FPL: Fragmenta poetarum Latinorum epicorum et lyricorum, изд. W. MOREL, Lipsiae 1927, перепечатка 1963; новая переработка К. BÜCHNER, Lipsiae 1982; J. BLÄNSDORF, Stuttgart 1995; см. также COURTNEY.
- frag.*: фрагмент.
- FRIEDLÄNDER, Sittengeschichte: L. FRIEDLÄNDER, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine (1861—1871), 4 Bde., изд. G. WISSOWA, Leipzig ¹⁰1921—1923, перепечатка 1979.
- FS: Festschrift, юбилейный сборник.
- FUHRMANN, Lehrbuch: M. FUHRMANN, Das systematische Lehrbuch. Ein Beitrag zur Geschichte der Wissenschaften in der Antike, Göttingen 1960.
- FUHRMANN, LG: M. FUHRMANN, изд., Römische Literatur, Frankfurt 1974 (= Neues Handbuch der Literaturwissenschaft, Bd. 3).

- FUHRMANN, Rhetorik: M. FUHRMANN, Die antike Rhetorik, Zürich 1984.
- GÄRTNER, LG: H. A. GÄRTNER, Kaiserzeit II. Von Tertullian bis Boethius, Stuttgart 1988 (= M. VON ALBRECHT, изд., Die römische Literatur in Text und Darstellung, Bd. 5).
- GB: Grazer Beiträge. Zeitschrift für die klassische Altertumswissenschaft. Graz.
- Genre: Genre. A Quarterly Devoted to Generic Criticism. Chicago.
- Germanic Review: Germanic Review. New York.
- Ges. Schr.: Gesammelte Schriften.
- G&R: Greece and Rome. Oxford.
- GFF: Giornale filologico ferrarese. Ferrara.
- GGA: Göttingische Gelehrte Anzeigen. Göttingen.
- GIF: Giornale Italiano di Filologia. Rivista trimestrale di Cultura. Roma.
- GL: Grammatici Latini, rec. H. KEIL, 7 тт. и 1 Suppl., Lipsiae 1857—1880 (цитируется по тому и числу страниц).
- GLO: Graecolatina et Orientalia. Bratislava.
- Glotta: Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. Göttingen.
- Gnomon: Gnomon. Kritische Zeitschrift für die gesamte klassische Altertumswissenschaft. München.
- Goethe: Goethe. Viermonatsschrift der Goethe-Gesellschaft. Weimar.
- Graeco-Latina Pragensia: Graeco-Latina Pragensia. Acta Universitatis Carolinae Philologica. Praha.
- GRBS: Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham, N. C.
- GRF: Grammaticae Romanae fragmenta, Bd. 1, изд. H. (= G.) FUNAIOLI, Lipsiae 1907 (доварроновская, варроновская и августовская эпоха); продолж.: A. MAZZARINO, Grammaticae Romanae fragmenta aetatis Caesarum, Augustae Taurinorum 1955.
- GRIFFIN, Life: J. GRIFFIN, Latin Poets and Roman Life, London 1985.
- GRIMAL, Siècle: P. GRIMAL, Le siècle des Scipions. Rome et l'hellénisme au temps des guerres puniques, Paris 1953.
- GRMS: Germanisch-romanische Monatsschrift, Heidelberg.
- GROETHUYSEN, Philosophische Anthropologie: B. GROETHUYSEN, Philosophische Anthropologie, в: Handbuch der Philosophie, München 6. г. (1931): основополагающий труд по латинской философии.
- GRUMACH: E. GRUMACH, Goethe und die Antike. Eine Sammlung, 2 Bde., Berlin 1949.
- Grundriß: Grundriß der Literaturgeschichten nach Gattungen, Darmstadt. До сих пор вышли: J. ADAMIETZ, изд., Die römische Satire 1986. E. BURCK, изд., Das römische Epos 1979. E. LEFÈVRE, изд., Das römische Drama, 1978. G. A. СЕЕК, изд., Das griechische Drama 1979.
- GUILLEMIN, public: A.-M. GUILLEMIN, Le public et la vie littéraire à Rome, Paris 1937.
- Gymnasium: Gymnasium. Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung. Heidelberg.

H.: Hälfte.

H.: Heft.

Habis: Habis. Arqueología. Filología clásica. Sevilla.

HAFFTER, Dichtersprache: H. HAFFTER, Untersuchungen zur altlateinischen Dichtersprache, Berlin 1934.

HANDIUS: F. HANDIUS, Tursellinus, seu de particulis Latinis commentarii, 4 Bde., Lipsiae 1829—1845, перепечатка 1969.

HARNACK, LG: A. HARNACK, Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius, 3 Bde., Leipzig 1893—1904.

HAW: Handbuch der (klassischen) Altertumswissenschaft, оч. I. VON MÜLLER, расш. W. ОТТО, продолж. H. BENGTSON, München 1897 слл.

Hdb.: Handbuch.

HEINZE, V. e. T.: R. HEINZE, Virgils epische Technik, Leipzig ³1914 (quoted edition); теперь см. R. HEINZE, Virgil's Epic Technique, Translated by H. and D. Harvey, and F. Robertson, with a Preface by A. Wlosok, London 1993.

Helikon: Helikon. Rivista di tradizione e cultura classica. Roma.

Hellenica: Ἑλληνικά. φιλολ., ιστορ. καὶ λαογρ. Περιοδικὸν τῆς ἑταιρείας Μακεδονικῶν Σπουδῶν. Thessaloniki.

Helmantica: Helmantica. Revista de Filología clásica y hebrea. Salamanca.

Hermathena: Hermathena. A Series of Papers by Members of Trinity College. Dublin.

Hermeneus: Hermeneus. Tijdschrift voor de antieke Cultuur. Culemborg.

Hermes: Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie. Wiesbaden.

H&R: Humanisme et Renaissance. Paris.

Hg., hg.: Herausgeber, herausgegeben von.

HIGHET, Class. Trad.: G. HIGHET, The Classical Tradition. Greek and Roman Influences on Western Literature, Oxford 1949, перепечатка ³1978.

HINDS, Allusion: S. HINDS, Allusion and Intertext. Dynamics of Appropriation in Roman Poetry, Cambridge 1998.

HIRZEL, Dialog: R. HIRZEL, Der Dialog. Ein literarhistorischer Versuch, 2 Theile, Leipzig 1895.

Historia: Historia. Revue d'histoire ancienne, Wiesbaden.

HJ: Historisches Jahrbuch. München.

HLL: R. HERZOG, P. L. SCHMIDT, изд., Handbuch der lateinischen Literatur der Antike, до сих пор вышел в свет лишь Bd. 5: R. HERZOG, изд., Restauration und Erneuerung. Die lateinische Literatur von 284 bis 374 n. Chr., München 1989.

HÖLSCHER, Bildsprache: T. HÖLSCHER, Römische Bildsprache als semantisches System, ANAW 1987, 2.

Homonoia: Homonoia. Yearbook of the chair of Greek philology of the Univ. of Budapest.

- HRR: H. PETER, изд., *Historicorum Romanorum reliquiae*, Bd. 1, Leipzig²1914, Bd. 2, 1906, перепечатка с библиографией J. KROYMANN, Stuttgart 1967.
- HS: *History of Sciences*. Chalfont St. Giles.
- HSPH: *Harvard Studies in Classical Philology*, Cambridge, Mass.
- HT: *History Today*. London.
- HTHR: *Harvard Theological Review*. Cambridge, Mass.
- Humanistische Bildung. *Vorträge und Beiträge*. Stuttgart.
- Humanitas: *Humanitas*. Revista do Inst. de Estudos clássicos. Coimbra.
- HumLov: *Humanistica Lovaniensia*. Leuven.
- HUSCHKE, см. SECKEL-KÜBLER.
- HUTCHINSON: G. O. HUTCHINSON, *Latin Literature from Seneca to Juvenal. A Critical Study*, Oxford 1993.
- Hyperboreus: *Hyperboreus*. *Studia classica* Petropoli и München.
- HZ: *Historische Zeitschrift*. München.
- IA: *Iranica antiqua*. Leiden.
- ICS: *Illinois Classical Studies*. Urbana, Illinois.
- ICUR: *Inscriptiones Christianae urbis Romae septimo saeculo antiquiores, post I. B. DE ROSSI edidit A. SILVAGNI*, 9 тт., Romae 1922—1985.
- IF: *Indogermanische Forschungen*. Berlin.
- IJM: *International Journal of Musicology*. Frankfurt.
- IL: *L'Information littéraire*. Paris.
- ILS: *Inscriptiones Latinae selectae*, Bd. 1—3, 2, ed. H. DESSAU, Berolini 1892—1916, перепечатка 1962.
- IMU: *Italia Medioevale e Umanistica*. Padova.
- Ind.: Index.
- Index: Index. *Quaderni camerti di studi romanistici. International Survey of Roman Law*. Napoli.
- Ind. lect.: Index lectionum.
- INGARDEN, Kunstwerk: R. INGARDEN, *Das literarische Kunstwerk*, Tübingen²1972.
- Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Innsbruck.
- International Journal of American Linguistics*. Baltimore.
- InvLuc: *Invigilata Lucernis. Rivista dell'Istituto di Latino, Università di Bari*.
- Iura: *Iura. Rivista internazionale di Diritto romano ed antico*. Napoli.
- JACOBY, см. FGHist.
- JAQOBSON, Language: R. JAQOBSON, *Language in Literature*, изд. К. ПОМОРСКА, S. RUDY, Cambridge 1987.
- JANSON: T. JANSON, *Latin Prose Prefaces*, Stockholm 1964.
- JAUSS, Erfahrung: H. R. JAUSS, *Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik*, 1.: *Versuche im Feld der ästhetischen Erfahrung*, München 1977.
- JAUSS, Künste: H. R. JAUSS, изд., *Die nicht mehr Schönen Künste. Grenzphänomene des Ästhetischen*, München 1968.

- JAW (= Bursian): Jahresbericht über die Fortschritte der Altertumswissenschaft. Leipzig.
- JbAC: Jahrbuch für Antike und Christentum. Münster.
- JCS: Journal of Classical Studies. The Journal of the Classical Society of Japan. Kyōto.
- JDAI: Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.
- JENKYNs: R. JENKYNs, Three Classical Poets. Sappho, Catullus, and Juvenal, London 1982.
- Jg.: Jahrgang.
- Jh.: Jahrhundert.
- JHAW: Jahrbuch der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Heidelberg.
- JHI: Journal of the History of Ideas. Ephrata, Penna., & Philadelphia.
- JHPh: Journal of the History of Philosophy. Berkeley.
- JIES: Journal of Indo-European Studies. Hattiesburg, Miss.
- JJP: The Journal of Juristic Papyrology. Warsaw, Soc. of Sciences & Letters.
- JKPh: Jahrbücher für Klassische Philologie. Leipzig.
- JÖRS-KUNKEL-WENGER, Römisches Recht: P. JÖRS, W. KUNKEL, L. WENGER, Römisches Recht. In 4. Auflage neu bearbeitet von H. HONSELL, Th. MAYER-MALY, W. SELB, Berlin 1987.
- JRGZ: Jahrbuch des römisch-germanischen Zentralmuseums. Mainz.
- JRH: Journal of Religious History. Sydney.
- JRS: Journal of Roman Studies. London.
- JS: Journal des Savants. Paris.
- JThS: Journal of Theological Studies. Oxford.
- JUD: Jahrbuch der Univ. Düsseldorf.
- Jura: см. Iura.
- JWI: Journal of the Warburg and Courtauld Institute. London.
- KÄHLER, Rom: H. KÄHLER, Rom und seine Welt, 2 Bde., München 1958; 1960.
- KÄHLER, Tempel: H. KÄHLER, Der römische Tempel, Berlin 1970.
- KAPPELMACHER-SCHUSTER, LG: A. KAPPELMACHER, M. SCHUSTER, Die Literatur der Römer bis zur Karolingerzeit, Potsdam 1934.
- KASCHNITZ VON WEINBERG, Kunst: G. KASCHNITZ VON WEINBERG, Römische Kunst, 4 Bde., Hamburg 1961–1963.
- KASER, Privatrecht: M. KASER, Das römische Privatrecht, 1, München ²1971; 2, München 1959.
- KASER, Rechtsgeschichte: M. KASER, Römische Rechtsgeschichte, Göttingen 1967.
- KASER, Studienbuch: M. KASER, Römisches Privatrecht (Studienbuch), München ¹⁶1992.
- KAYSER, Kunstwerk: W. KAYSER, Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in die Literaturwissenschaft, Bern 1948, ¹⁹1983.

- KENNEDY, Rhetoric: G. KENNEDY, *The Art of Rhetoric in the Roman World*, Princeton 1972.
- KENNEY, CLAUSEN: см. CHLL.
- KISSEL, LG: W. KISSEL, *Kaiserzeit I. Von Seneca maior bis Apuleius*, Stuttgart 1985 (= M. VON ALBRECHT, изд., *Die römische Literatur in Text und Darstellung*, Bd. 4).
- KLINGNER, Geisteswelt: F. KLINGNER, *Römische Geisteswelt. Essays zur lateinischen Literatur*, München ³1965, перепечатка Stuttgart 1979 mit Nachwort von K. BÜCHNER.
- KLINGNER, Studien: F. KLINGNER, *Studien zur griechischen und römischen Literatur*, Zürich 1964.
- Klio: Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. Berlin.
- KIP: *Der Kleine Pauly*, изд. K. ZIEGLER, W. SONTHEIMER, 5 Bde., München 1964–1975.
- Kl. Schr.: *Kleine Schriften*.
- KIWöHell: *Kleines Wörterbuch des Hellenismus*, изд. Hatto H. SCHMITT und E. VOGT, Wiesbaden 1988.
- KNOCHE, Erlebnis: U. KNOCHE, *Erlebnis und dichterischer Ausdruck in der lateinischen Poesie*, *Gymnasium* 65, 1958, 146–165; повторно в: *Kl. Schr.* 146–165.
- KNOCHE, Kl. Schr.: U. KNOCHE, *Ausgewählte Kleine Schriften*, изд. W.-W. EHLERS, Meisenheim 1986.
- KNOCHE, Ruhmesgedanke: U. KNOCHE, *Der römische Ruhmesgedanke*, *Philologus* 89, 1934, 102–124.
- KRISTELLER, *Catalogus Translationum*: P. O. KRISTELLER, F. E. CRANZ, изд., *Catalogus Translationum et Commentariorum: Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries. Annotated Lists and Guides*, 6 тт., Washington 1960–1986.
- KROLL, Studien: W. KROLL, *Studien zum Verständnis der römischen Literatur*, Stuttgart 1924, перепечатка 1964.
- KRÜGER, Quellen: P. KRÜGER, *Geschichte der Quellen und Litteratur des römischen Rechts*, München ²1912.
- KRÜGER-MOMMSEN-STUEMUND: P. KRÜGER, Th. MOMMSEN, W. STUEMUND, *Collectio librorum iuris anteiustiniani*, 3 Bde., Berolini 1878–1890; Bd. 1 ⁴1899.
- KultdGgw: U. VON WILAMOWITZ-MOELLENDORFF, K. KRUMBACHER, J. WACKER-NAGEL, F. LEO, E. NORDEN, F. SKUTSCH, *Die griechische und lateinische Literatur und Sprache*, Berlin ³1912 (= *Die Kultur der Gegenwart* 1, 8).
- KÜHNERT, Bildung und Redekunst: F. KÜHNERT, *Bildung und Redekunst in der Antike*, *Kl. chr.*, изд. V. RIEDEL, Jena 1994.
- Labeo: *Labeo. Rassegna di Diritto romano*. Napoli.
- LABRIOLLE, LG: P. DE LABRIOLLE, *Histoire de la littérature latine chrétienne*, Paris ³1947 (rev. G. BARDY).
- Lampadion: *Lampadion* (продолж. в *Lampas* в форме сообщений).
- Lampas: *Lampas. Tijdschrift voor Nederlandse classici*. Muiderberg.

- Latinitas: Latinitas. Commentarii linguae Latinae excolendae, Città del Vaticano.
- Latomus: Latomus. Revue d'études latines. Bruxelles.
- LATTE, Religionsgeschichte: K. LATTE, Römische Religionsgeschichte, München 1960.
- LAUSBERG, Hdb.: H. LAUSBERG, Handbuch der literarischen Rhetorik, 2 Bde., München 1960, Stuttgart ³1990 (предисл.: A. ARENS).
- LAW: Lexikon der Alten Welt, изд. С. ANDRESEN, H. ERBSE, O. GIGON, K. SCHEFOLD, K. F. STROHEKER, E. ZINN, Zürich 1965.
- LCM: Liverpool Classical Monthly. Liverpool.
- W. D. LEBEK, Neue Texte im Bereich der lateinischen Literatur, в: Klassische Antike und Gegenwart = Dialog Schule: Wissenschaft. Klassische Sprachen und Literaturen, изд. P. NEUKAM, Bd. 19, München 1985, 50–67.
- LEC: Les Études Classiques. Namur.
- LEEMAN, Form: A. D. LEEMAN, Form und Sinn. Studien zur römischen Literatur, Frankfurt 1985.
- LEEMAN, Gloria: A. D. LEEMAN, Gloria, диссертация, Leiden 1949.
- LEEMAN, LG: A. D. LEEMAN, Republikanische Zeit II (Prosa), Stuttgart 1984 (= M. VON ALBRECHT, изд., Die römische Literatur in Text und Darstellung, Bd. 2).
- LEEMAN, Orationis Ratio: A. D. LEEMAN, Orationis Ratio. The Stylistic Theories and Practice of the Roman Orators, Historians, and Philosophers, 2 тт., Amsterdam 1963.
- LENEL, Palingenesia: O. LENEL, Palingenesia iuris civilis. Iuris consultorum reliquiae..., 2 Bde., Lipsiae 1889, перепечатка с Suppl. E. SIERL, 2 Bde., Graz 1960.
- LEO, Biogr.: F. LEO, Die griechisch-römische Biographie nach ihrer literarischen Form, Leipzig 1901, перепечатка 1965.
- LEO, LG: F. LEO, Geschichte der römischen Literatur, 1: Die archaische Literatur, Berlin 1913.
- LEO, Plaut. Forsch.: F. LEO, Plautinische Forschungen, Berlin 1895.
- LEO: см. также KultdGw.
- LESKY, LG: A. LESKY, Geschichte der griechischen Literatur, Bern ³1971.
- L&G: Latina et Graeca. Zagreb.
- Lettere italiane: Lettere italiane. Rivista trimestrale. Firenze.
- Lexis: Lexis. Studien zur Sprachphilosophie, Sprachgeschichte und Begriffsforschung. Lahr i. B.
- LF: Listy Filologické. Praha.
- LG: Literaturgeschichte.
- LIEBERG, Poeta creator: G. LIEBERG, Poeta creator. Studien zu einer Figur der antiken Dichtung, Amsterdam 1982.
- LIEBERG, Schöpfungstum: G. LIEBERG, Zu Idee und Figur des dichterischen Schöpfungstums, Bochum 1985.

- LIEBS, Recht: D. LIEBS, Römisches Recht. Ein Studienbuch, Göttingen 1975, ⁴1993 (изм.).
- Lingua: Lingua. Revue internat. de linguistique générale. Amsterdam.
- Lit. wiss. Jb. der Görres-Gesellschaft: Literaturwissenschaftliches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft. Berlin.
- LMA: Lexikon des Mittelalters (300—1500 n. Chr.), изд. W. ABEL, R. H. BAUTIER, A. D'AGOSTINO и др., München 1977 слл., до сих пор 4 тт.
- LÖFSTEDT, Late Latin: E. LÖFSTEDT, Late Latin, Oslo 1959.
- LÖFSTEDT, Syntactica: E. LÖFSTEDT, Syntactica, т. 1, Lund ²1942; т. 2, 1933.
- LThK: Lexikon für Theologie und Kirche, изд. J. HÖFER, K. RAHNER, 14 Bde., Freiburg ²1986.
- Lustrum: Lustrum. Internationale Forschungsberichte aus dem Bereich des klassischen Altertums. Göttingen.
- Maia: Maia. Rivista di letterature classiche. Bologna.
- MAL: Memorie della Classe di Scienze morali, storiche e filologiche dell'Accad. dei Lincei. Roma.
- MANITIUS, LG: M. MANITIUS, Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters, 3 Bde., München 1911—1931.
- MARROU, Education: H.-I. MARROU, Histoire de l'éducation dans l'Antiquité, 2 тт., Paris ⁶1964, перепечатка 1981.
- MARTINDALE, Redeeming: C. MARTINDALE, Redeeming the Text. Latin Poetry and the Hermeneutics of Reception, Cambridge 1992.
- MAT: Memorie (Atti) dell'Accademia delle Scienze di Torino. II. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Torino.
- MAWA: Mededelingen der Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Amsterdam.
- MB: Musée Belge. Revue de philologie classique. Liège.
- MC: Il Mondo Classico. Torino.
- MCR: Museum criticum. Quaderni dell'Istituto di Filologia classica dell'Università di Bologna. Bologna.
- MCSN: Materiali e contributi per la storia della narrativa greco-latina. Perugia.
- MD: Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici. Pisa.
- MDAI (R): Mitteilungen des Dt. Archäologischen Institutes (Römische Abteilung). Mainz.
- Meander: Meander. Revue de civilisation du monde antique. Warszawa.
- MEFR (A): Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'École Française de Rome. Paris.
- MGH: Monumenta Germaniae Historica. Hannover 1826 слл.
- MGH, AA: Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi, Berlin 1877—1919.
- MGM: Militärgeschichtliche Mitteilungen. Freiburg i. B.
- MH: Museum Helveticum. Revue suisse pour l'Étude de l'Antiquité classique. Bâle.
- Minerva: Minerva. Budapest.

- Miscellanea Berolinensia ad incrementum scientiarum ex scriptis Societati Regiae Scientiarum exhibitis edita. Berolini.
- MISCH, Autobiographie: G. MISCH, Geschichte der Autobiographie, Bd. 1, Frankfurt ³1949–1950.
- Mitteilungen für Lehrer der Alten Sprachen. Stuttgart.
- MlatJb: Mittellateinisches Jahrbuch. Berlin.
- MLR: The Modern Language Review. London.
- Mnemosyne: Mnemosyne. Bibliotheca Classica Batava. Leiden.
- Modern Language Notes. Baltimore.
- MOMMSEN, Ges. Schr.: Th. MOMMSEN, Gesammelte Schriften, 8 Bde., Berlin 1905–1913.
- MOMMSEN, RG: Th. MOMMSEN, Römische Geschichte, Bd. 1–3 Berlin ⁶1874–1875; Bd. 5, 1885, перепечатка в 8 тт. 1976.
- MOMMSEN, Staatsrecht: Th. MOMMSEN, Römisches Staatsrecht, 3 Bde., Leipzig 1887–1888, перепечатка 1971.
- MOMMSEN, Strafrecht: Th. MOMMSEN, Römisches Strafrecht, Leipzig 1899, перепечатка 1955.
- MOREL: см. FPL.
- MPhL: Museum Philologum Londiniense. Amsterdam.
- MRS: Mediaeval and Renaissance Studies. London.
- MS: Mediaeval Studies. Toronto.
- MSLC: Miscellanea di Studi di letteratura cristiana antica. Catania.
- MusAfr: Museum Africum. West African Journal of Classics and Related Studies. Univ. of Ibadan, Nigeria.
- NAFM: Nuovi annali della facoltà di magistero dell'Università di Messina. Roma.
- NAWG: Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philol.-Hist. Klasse. Göttingen.
- NEUBECKER, Musik: A. J. NEUBECKER, Altgriechische Musik. Eine Einführung, Darmstadt 1977.
- Neue Wege zur Antike: Neue Wege zur Antike. Leipzig.
- NF: Neue Folge.
- NGG: Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Phil.-Hist. Klasse. Göttingen.
- NISBET, Papers: R. G. M. NISBET, Collected Papers on Latin Literature, Oxford 1995.
- NJA: Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. Leipzig.
- NJAB: Neue Jahrbücher für Antike und Dt. Bildung. Leipzig.
- NJP: Neue Jahrbücher für Pädagogik. Leipzig.
- NJW: Neue Jahrbücher für Dt. Wissenschaft. Leipzig.
- NJW: Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung. Leipzig.
- NORDEN, Aen. VI: P. Vergilius Maro, Aeneis Buch VI (ТПК), изд. E. NORDEN, (³1927), перепечатка Darmstadt 1957.
- NORDEN, Agnostos Theos: E. NORDEN, Agnostos Theos. Untersuchungen zur Formengeschichte religiöser Rede, Leipzig 1913.

- NORDEN, Kunstprosa: E. NORDEN, Die antike Kunstprosa vom 6. Jh. V. Chr. bis in die Zeit der Renaissance, 2 Bände, Leipzig 1898, ³1915, перепечатка 1983; см. также CALBOLI.
- NORDEN, LG: E. NORDEN, Die römische Literatur. Mit Anhang: Die lateinische Literatur im Übergang vom Altertum zum Mittelalter, Leipzig ⁶1961.
- NORDEN, Priesterbücher: E. NORDEN, Aus altrömischen Priesterbüchern, Lund und Leipzig 1939.
- NORDEN, Urgeschichte: E. NORDEN, Die germanische Urgeschichte in Tacitus' *Germania*, Leipzig ³1923.
- Nova Tellus. México.
- NPh: Neophilologus. Groningen.
- NPhM: Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki.
- NRD: Nouvelle Revue historique de droit français et étranger. Paris.
- NS: Neue Serie, nova series, etc.
- NT: Новый Завет.
- ORF: Oratorum Romanorum Fragmenta, ed. H. (= E.) MALCOVATI, 3 тт., Torino 1930, ⁴1976—1979 (с индексом).
- ORom: Opuscula Romana (Acta Instituti Romani Regni Sueciae). Lund.
- Orpheus: Orpheus. Rivista di umanità classica e cristiana. Catania.
- PACA: Proceedings of the African Classical Association. Salisbury.
- PACPhA: Proceedings of the American Catholic Philosophical Association. Washington.
- Paideia: Paideia. Rivista letteraria di informazione bibliografica. Arona.
- Pallas: Pallas, fasc. 3 des Annales de l'Univ. de Toulouse-Le Mirail. Toulouse.
- Pan: Pan. Studi dell'ist. di filologia latina dell'Univ. di Palermo.
- ParOxy: The Oxyrhynchus Papyri, ed. B. P. GRENFELL, A. S. HUNT и др., до сих пор 56 тт., London 1898—1989.
- Paragone: Rivista mensile di arte figurativa e letteratura. Firenze.
- PASQUALI, Storia: G. PASQUALI, Storia della tradizione e critica del testo, Firenze (1934) ²1952.
- PCA: Proceedings of the Classical Association. London.
- PCG: R. KASSEL, C. AUSTIN, издд., Poetae comici Graeci, Berolini 1983 слл.
- PCPhS: Proceedings of the Cambridge Philological Society. Cambridge.
- PETER, Wahrheit und Kunst: H. PETER, Wahrheit und Kunst. Geschichtsschreibung und Plagiat im klassischen Altertum, Leipzig 1911 (перепечатка 1965).
- PETERSMANN, LG: H. и A. PETERSMANN, Republikanische Zeit I (Poesie), Stuttgart 1991 (= M. VON ALBRECHT, издд., Die römische Literatur in Text und Darstellung, Bd. 1).
- P&I: Le Parole e le Idee. Rivista internazionale di varia cultura. Napoli.
- Philologus: Philologus. Zeitschrift für klassische Philologie. Berlin.
- Philosophia naturalis. Archiv für Naturphilosophie und die philosophi-

- schen Grenzgebiete der exakten Wissenschaften und Wissenschaftsgeschichte. Meisenheim.
- Phoenix: Phoenix. The Journal of the Classical Association of Canada. Toronto.
- PhQ: Philological Quarterly. Iowa University Press.
- Phronesis: Phronesis. Rutgers University Studies in Classical Humanities. New Brunswick.
- PhW: Philologische Wochenschrift. Leipzig.
- PINKSTER: H. PINKSTER, Lateinische Syntax und Semantik. Aus dem Niederländischen von F. HEBERLEIN und Th. LAMBERTZ, Tübingen 1988.
- PL: Patrologiae cursus completus, series Latina, изд. J.-P. MIGNE. Parisii.
- PLATNAUER: M. PLATNAUER, изд., Fifty Years of Classical Scholarship, Oxford 1954, ²1968.
- PLLS: Papers of the Liverpool Latin Seminar. Liverpool (later Leeds).
- PLS: Patrologiae cursus completus, series Latina, Supplementum.
- Poetica: Poetica. Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft. Amsterdam.
- PP: La Parola del Passato. Rivista di Studi antichi. Napoli.
- PPol: Il pensiero politico. Rivista di storia delle idee politiche e sociali. Firenze.
- PRANG, Formgeschichte: H. PRANG, Formgeschichte der Dichtkunst, Stuttgart 1968.
- prol.: prolegomena.
- Prometheus: Prometheus. Rivista quadrimestrale di studi classici. Firenze.
- Prudentia: Prudentia. A Journal Devoted to the Intellectual History of the Hellenistic and Roman Periods. Auckland.
- PVS: Proceedings of the Virgil Society. London.
- QCTC: Quaderni di cultura e di tradizione classica. Palermo.
- QFC: Quaderni di Filologia classica. Università di Trieste.
- QS: Quaderni di storia. Rassegna di antichità redatta nell'Ist. di storia greca e romana dell'Università di Bari. Bari.
- QUCC: Quaderni Urbinati di Cultura classica. Roma.
- QUELLET: H. QUELLET, Bibliographia indicum, lexicorum et concordantiarum auctorum latinorum, Hildesheim 1980.
- RA: Revue Archéologique. Paris.
- RAAN: Rendiconti dell'Accademia di Archeologia, Lettere e Belle Arti di Napoli. Napoli.
- RABOW, Seelenführung: P. RABOW, Seelenführung. Methodik der Exerzientien in der Antike, München 1954.
- RAC (RivAC): Rivista di Archeologia Cristiana. Città del Vaticano.
- RAIB: Rendiconti dell'Accademia delle Scienze dell'Istituto di Bologna, Classe di Scienze morali. Bologna.
- RAL: Rendiconti della Classe di Scienze morali, storiche e filologiche dell'Accad. dei Lincei. Roma.

- Ramus: Ramus. Critical Studies in Greek and Latin Literature. Clayton, Victoria.
- Rassegna della letteratura italiana. Firenze.
- RBen: Revue Bénédictine. Abbaye de Maredsous.
- RBi: Revue Biblique. Paris.
- RBPh (H): Revue Belge de Philologie et d'Histoire. Mechelen.
- RCC: Revue des Cours et des Conférences. Paris.
- RCCM: Rivista di Cultura classica e medioevale. Roma.
- RE: Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.
- REA: Revue des Études Anciennes. Bordeaux.
- REAug: Revue des Études Augustiniennes. Paris.
- REByz: Revue des Études byzantines. Paris.
- rec.: recensuit.
- RecAug: Recherches augustiniennes (Suppl. к REAug).
- recc.: recentiores.
- RecPhL: Recherches de Philologie et de Linguistique. Louvain.
- RecSR: Recherches de Science Religieuse. Paris.
- RecTh: Recherches de Théologie ancienne et médiévale. Gembloux.
- REIFF: A. REIFF, *Interpretatio, imitatio, aemulatio*. Begriff und Vorstellung literarischer Abhängigkeit bei den Römern, диссертация, Köln, Würzburg 1959.
- REL: Revue des Etudes Latines. Paris.
- RELO: Revue de l'Organisation internationale pour l'étude des langues anciennes par ordinateur. Liège.
- RenQ: Renaissance Quarterly. New York.
- Rendiconti della Accademia d'Italia. Roma.
- RET: Revista Española de Teología. Madrid.
- Revue d'histoire littéraire de la France. Paris.
- RFC: Rivista di Filologia Classica. Torino.
- REYNOLDS, Texts: L. D. REYNOLDS, Texts and Transmission. A Survey of the Latin Classics, Oxford 1983.
- RFIC: Rivista di Filologia e d'Istruzione Classica. Torino.
- RFN: Rivista di Filosofia Neo-Scholastica. Milano.
- RHE: Revue d'Histoire Ecclésiastique. Louvain.
- RhetGr: Rhetores Graeci ex recog. L. SPENGLER, 3 Bde., Lipsiae 1853–1856, перепечатка 1966.
- RhetLatMin: Rhetores Latini minores, изд. С. HALM, Lipsiae 1863.
- Rhetorica: Rhetorica. Berkeley.
- Rhetorik: Rhetorik. Ein internationales Jahrbuch. Tübingen.
- RhM: Rheinisches Museum. Frankfurt.
- RHR: Revue de l'Histoire des Religions. Paris.
- RIBBECK, Tragödie: O. RIBBECK, Die römische Tragödie im Zeitalter der Republik, Leipzig 1875, перепечатка 1968 (с предисл.: W.-H. FRIEDRICH).
- RIBBECK: см. также CRF и TRF.

- RICCOBONO: S. RICCOBONO, J. BAVIERA, C. FERRINI, J. FURLONI, V. ARANGIO-RUIZ, *Fontes iuris Romani anteiustiniani*, 3 тт., Florentiae ²1940—1943.
- RICHTER: H. E. RICHTER, *Übersetzen und Übersetzungen in der römischen Literatur*, диссертация, Erlangen 1938.
- RIDA: *Revue internationale des Droits de l'Antiquité*. Bruxelles.
- RIGI: *Rivista Indo-Greco-Italica di filologia, lingua, antichità*. Napoli.
- RIL: *Rendiconti dell'Istituto Lombardo. Classe di Lettere, Scienze morali e storiche*. Milano.
- Rinascimento: *Rinascimento. Rivista dell'Istituto nazionale di Studi sul rinascimento*. Firenze.
- RLAC: *Reallexikon für Antike und Christentum*. Stuttgart.
- RMeta: *Review of Metaphysics*. Washington.
- RNeosc: *Revue Néoscholastique de Philosophie*. Louvain.
- ROHDE: E. ROHDE, *Der griechische Roman und seine Vorläufer* (1876), Leipzig ³1914, перепечатка 1974.
- ROL: *Remains of Old Latin*, ed. and transl. by E. H. WARMINGTON, London, 4 тт., London 1936.
- Romanic Review: *The Romanic Review. A Quarterly Journal*. New York.
- Romanische Forschungen. *Vierteljahrsschrift für romanische Sprachen und Literaturen*. Frankfurt.
- RomBarb: *Romanobarbarica*. Roma.
- ROTONDI, *Leges publicae*: G. ROTONDI, *Leges publicae populi Romani*, Milano 1912; перепечатка 1966.
- RPh: *Revue de Philologie*. Paris.
- RPhil: *Revue de Philosophie*. Paris.
- RPL: *Res publica litterarum. Studies in the Classical Tradition*. University of Kansas. Lawrence, Kansas.
- RQA: *Römische Quartalsschrift für christliche Altertumskunde und für Kirchengeschichte*. Freiburg.
- RSA: *Rivista storica dell'Antichità*. Bologna.
- RSC: *Rivista di Studi Classici*. Torino.
- RSCI: *Rivista di Storia della Chiesa in Italia*. Roma.
- RSDI: *Rivista di Storia del Diritto Italiano*. Bologna.
- RSF: *Rivista critica di Storia della Filosofia*. Firenze.
- RSI: *Rivista Storica Italiana*. Napoli.
- RSLR: *Rivista di Storia e Letteratura religiosa*. Firenze.
- RSPh: *Revue des Sciences Philosophiques et Théologiques*, Paris.
- RUSSELL, *Criticism*: D. A. RUSSELL, *Criticism in Antiquity*, London 1981.
- RUTKOWSKI, *Gattungen*: W. V. RUTKOWSKI, *Die literarischen Gattungen. Reflexionen über eine modifizierte Fundamentalpoetik*, Bern 1968.
- SABBADINI, *Storia*: R. SABBADINI, *Storia e critica di testi latini. Cicerone, Donato, Tacito, Celso, Plauto, Plinio, Quintiliano, Livio e Sallustio, Commedia ignota*, Padova ²1971.
- Saeculum: *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte*. Freiburg.

- Salesianum: Salesianum. Theologiae, Iuris canonici, Philosophiae, Paedagogiae. Roma.
- Sandalion: Sandalion. Quaderni di cultura classica, cristiana e medioevale. Sassari.
- Sapienza. Rivista di filosofia e teologia. Napoli.
- SAWW: Sitzungsberichte der österreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien, philosophisch-historische Klasse. Wien.
- SBAW: Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse. München.
- SC: Sources Chrétiennes. Paris.
- SC: Suisse Contemporaine. Lausanne.
- SCathol: Studia Catholica. Roermond (Holl.), Romen.
- SCHANZ-HOSIUS, LG: M. VON SCHANZ, C. HOSIUS, G. KRÜGER, Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian, 5 Bde., München 1914—1935.
- SCHEFOLD, Bildnisse: K. SCHEFOLD, Bildnisse der antiken Dichter, Redner und Denker, Basel 1943.
- SCHEFOLD, Kunst: K. SCHEFOLD, Römische Kunst als religiöses Phänomen, Reinbek bei Hamburg 1964.
- SCHEFOLD, Malerei: K. SCHEFOLD, Pompejanische Malerei. Sinn und Ideengeschichte, Basel 1952.
- SCHMID-STÄHLIN: W. SCHMID, O. STÄHLIN, Geschichte der griechischen Literatur, Teil 1 in 5 Bd., München 1929—1948; Teil 2 in 2 Bd., 1920—1924.
- SCHULZ, Einführung: F. (ritz) SCHULZ, Einführung in das Studium der Digesten, Tübingen 1916.
- SCHULZ, Geschichte: F. SCHULZ, Geschichte der römischen Rechtswissenschaft, Weimar 1961, перепечатка 1975.
- SCHULZ, History: F. SCHULZ, History of Roman Legal Science, Oxford ²1953.
- SCHULZ, Law: F. SCHULZ, Classical Roman Law, Oxford 1951.
- SCHULZ, Prinzipien: F. SCHULZ, Prinzipien des römischen Rechts, München 1934, перепечатка 1954.
- Schweizer Beiträge zur Allgemeinen Geschichte. Bern.
- SCO: Studi Classici e Orientali. Pisa.
- ScRF: Scaenicorum Romanorum Fragmenta, adiuvantibus O. SEEL et L. VOIT ed. A. KLOTZ, München 1953.
- Scriptorium: Scriptorium. Revue internat. des Études relatives aux manuscrits. Anvers.
- SD: Studi e Documenti di Storia e Diritto. Roma.
- SDAW: Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften, Berlin.
- SDHI: Studia et Documenta Historiae et Iuris. Roma.
- SEJG: Sacris Erudiri. Jaarboek voor Godsdienstwetenschappen. Steenbrugge.

- SENGLE: F. SENGLÉ, Die literarische Formenlehre. Vorschläge zu ihrer Revision, Stuttgart 1967.
 ser.: series, Serie.
- Serapaeum: Serapaeum. Zeitschrift für Bibliothekswissenschaft, Handschriftenkunde und ältere Literatur. Leipzig.
- SGLG: Sammlung griechischer und lateinischer Grammatiker. Berlin.
- SHAW: Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse. Heidelberg.
- SicGymn: Siculorum Gymnasium. Rassegna semestrale della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Catania. Catania.
- SIF: Studi internazionali di Filosofia. Torino.
- SIFC: Studi italiani di Filologia Classica. Firenze.
- Sigma: Sigma. Rivista quadrimestrale. Napoli.
- SKUTSCH: F. SKUTSCH, Die lateinische Sprache, v: Die griechische und lateinische Literatur und Sprache, Leipzig und Berlin ³1912 (= Die Kultur der Gegenwart 1, 8), 523—565.
 s. l. et a.: sine loco et anno.
- SMSR: Studi e Materiali di Storia delle Religioni. Roma.
- SO: Symbolae Osloenses. Oslo.
- Sokrates: Sokrates. Berlin.
- SPAW: Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
- Speculum: Speculum. Journal of Medieval Studies. Cambridge, Mass.
- SPEYER: W. SPEYER, Die literarische Fälschung im heidnischen und christlichen Altertum. Ein Versuch ihrer Deutung, München 1971 (= HAW 1, 2).
- SPh: Studies in Philology. Chapel Hill, University of North Carolina.
- SR: Studies in religion. Sciences religieuses. Waterloo, Ont.
- SRIC: Studi e Ricerche dell'Istituto di civiltà classica medievale. Genova.
- SSAL: Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, phil.-hist. Klasse.
- SSL: Studi e Saggi linguistici. Pisa.
- STAIGER, Grundbegriffe: E. STAIGER, Grundbegriffe der Poetik, Zürich ²1952.
- STEINTHAL: H. STEINTHAL, Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern mit besonderer Rücksicht auf die Logik, 2 Bde., Berlin ²1890—1891.
- STOLZ-DEBRUNNER: F. STOLZ, A. DEBRUNNER, Geschichte der lateinischen Sprache, 4-е, сильно перераб. изд. W. P. SCHMID, Berlin 1966.
- STROH, Liebeselegie: W. STROH, Die römische Liebeselegie als werbende Dichtung, Amsterdam 1971.
- STROH, Taxis: W. STROH, Taxis und Taktik. Die advokatische Dispositionskunst in Ciceros Gerichtsreden, Stuttgart 1975.

- STROUX: J. STROUX, Römische Rechtswissenschaft und Rhetorik, Potsdam 1949.
- StudClas: Studii Clasice. București.
- StudFilol: Studime Filologjike. Tirana.
- StudGen: Studium Generale. Berlin.
- Studia Biblica: Studia Biblica et Ecclesiastica. Essays Chiefly in Biblical and Patristic Criticism by Members of the University of Oxford. Oxford.
- StudMed: Studi medievali. Spoleto.
- StudPatr: Studia Patristica. Papers Presented to the International Conferences on Patristics. Berlin.
- StudRom: Studi Romani. Rivista bimestrale dell'Istituto di Studi Romani. Roma.
- StudUrb: Studi Urbinati di Storia, Filosofia e Letteratura. Urbino.
- SUERBAUM, Unters.: W. SUERBAUM, Untersuchungen zur Selbstdarstellung älterer römischer Dichter. Livius Andronicus, Naevius, Ennius, Hildesheim 1968.
- SVF: Stoicorum veterum fragmenta, coll. I. VON ARNIM, 3 Bde., Lipsiae 1903—1905; Bd. 4 (Index) M. ADLER 1924.
- SW: Sämtliche Werke.
- SYME, Revolution: R. SYME, The Roman Revolution, Oxford 1939.
- SYME, Tacitus: R. SYME, Tacitus, 2 тт., Oxford 1958.
- Tabona: Tabona. Revista de preistoria y de arqueología y filología clásicas. La Laguna.
- TAPhA: Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Cleveland, Ohio.
- TAPhS: Transactions of the American Philosophical Society. Philadelphia.
- T&C: Technology and Culture. Chicago.
- TEUFFEL-KROLL, LG: W. S. TEUFFEL, Geschichte der römischen Literatur. Neu bearbeitet von W. KROLL und F. SKUTSCH, 1, Leipzig ⁶1916; 2, ⁷1920; 3, ⁶1913.
- Th&Ph: Theologie und Philosophie. Freiburg.
- TGF: Tragicorum Graecorum Fragmenta, recensuit A. NAUCK (1888), suppl. adiecit B. SNELL, Hildesheim 1964; теперь см.: Tragicorum Graecorum Fragmenta, ediderunt B. SNELL, R. KANNICHT, S. RADT, Göttingen, Bd. 1: ²1986, Bd. 3: 1985, Bd. 4: 1977.
- THOMSON, Influences: J. A. K. THOMSON, Classical Influences on English Prose, London (1956), New York ²1962.
- Thought and Religion. New York.
- ThRdschau: Theologische Rundschau. Tübingen.
- THROM: H. THROM, Die Thesis — Ein Beitrag zu ihrer Entstehung und Geschichte, Paderborn 1932.
- ThZ: Theologische Zeitschrift. Basel.
- TR: Le temps de la réflexion, Paris.

- Traditio: Traditio. Studies in Ancient and Medieval History, Thought and Religion. New York.
- TRAGLIA: A. TRAGLIA (ТК, введение), Poetae Novi, Roma 1962.
- Transactions of the Royal Society. London.
- TRE: Theologische Realenzyklopädie. Berlin.
- TRF: Scaenicae Romanorum poesis fragmenta, Bd. 1, Tragicorum Romanorum fragmenta, ed. O. RIBBECK, Leipzig ²1871, перепечатка Hildesheim 1962; Lipsiae ³1897.
- TRG: Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. Groningen.
- ÜBERWEG-PRÄCHTER, Philosophie: F. ÜBERWEG, Grundriß der Geschichte der Philosophie, Bd. 1, von K. PRÄCHTER, Berlin ¹²1926; перепечатка Basel 1960. Neubearbeitung von H. FLASHAR, до сих пор опубли. Bd. 3: Древняя академия (H. J. KRÄMER), Аристотель (H. FLASHAR), перипатетическая школа (F. WEHRLI), Basel 1983; Bd. 1, 2 und 4 (и др. W. GÖRLER) в проекте.
- Übs., übs.: Übersetzung, übersetzt.
- UCPPH: University of California Publications in Classical Philology. Berkeley.
- U. P.: University Press.
- VChr: Vigiliae Christianae. A Review of Early Christian Life and Language. Amsterdam.
- verb.: verbessert.
- Verh. Akad. Wet. Amsterdam, Afd. Letterkunde: Verhandelingen der Nederlandsche Akademie van Wetenschappen, Afdeling Letterkunde. Amsterdam.
- Verhandelingen aan de Koninklijke Vlaamse Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Künsten van België, Kl. der Letteren. Bruxelles.
- VetChr: Vetera Christianorum. Bari.
- Viator: Viator. Medieval and Renaissance Studies. Berkeley.
- Vichiana: Vichiana. Rassegna di Studi filologici e storici. Napoli.
- Vivarium. A Journal for Mediaeval Philosophy and Intellectual Life of the Middle Ages, Leiden.
- VL: Vita Latina. Avignon.
- VOLKMANN, Rhetorik: R. VOLKMANN, Rhetorik, в: Hdb. der klassischen Altertumswissenschaft, Bd. 2, 3. Abt., München ³1901 (besorgt von C. HAMMER).
- VS: H. DIELS, W. KRANZ, изд., Die Fragmente der Vorsokratiker, 3 Bde., Zürich-Berlin (1: ⁸1956; 2: ⁶1952; 3: ⁶1952), перепечатка 1990.
- W. A.: Weimarer Ausgabe (для цитат из Гете и Лютера).
- WALZEL, Gehalt: O. WALZEL, Gehalt und Gestalt im Kunstwerk des Dichters, Berlin 1923; ²1929, перепечатка 1957.
- WdF: Wege der Forschung. Darmstadt.
- WEBSTER, Hellenistic Poetry: T. B. L. WEBSTER, Hellenistic Poetry and Art, London 1964.

- WEISS: R. WEISS, *The Renaissance Discovery of Classical Antiquity*, New York 1969.
- WENGER, Quellen: L. WENGER, *Die Quellen des römischen Rechts*, Wien 1953.
- WG: *Die Welt als Geschichte*. Stuttgart.
- WHB: *Wiener humanistische Blätter*. Wien.
- WIEACKER, Textstufen: F. WIEACKER, *Textstufen klassischer Juristen* (= AAG₃, 45), Göttingen 1960.
- WIEACKER, Rechtsgeschichte: F. WIEACKER, *Römische Rechtsgeschichte. Quellenkunde, Rechtsbildung, Jurisprudenz und Rechtsliteratur*, 1. Abschnitt: *Einleitung, Quellenkunde, Frühzeit und Republik*, 1, München 1988; 2 в проекте.
- WILAMOWITZ, *Hellenistische Dichtung*: U. VON WILAMOWITZ-MOELLENDORFF, *Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos*, 2 Bde., Berlin 1924.
- WILAMOWITZ, см. также: *KultdGgw*.
- WILLE, Einführung: G. WILLE, *Einführung in das römische Musikleben*, Darmstadt 1977.
- WILLE, *Musica Romana*: G. WILLE, *Musica Romana. Die Bedeutung der Musik im Leben der Römer*, Amsterdam 1967.
- WILLIAMS, Tradition: G. WILLIAMS, *Tradition and Originality in Roman Poetry*, Oxford 1968.
- WIMMEL, *Kallimachos in Rom*: W. WIMMEL, *Kallimachos in Rom. Die Nachfolge seines apologetischen Dichtens in der Augusteerzeit*. Wiesbaden 1960.
- WIRSZUBSKI, *Libertas*: C. WIRSZUBSKI, *Libertas als politische Idee im Rom der späten Republik und des frühen Prinzipats*, Darmstadt 1967 (= *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*, Cambridge 1950).
- Wissenschaft und Wellbild: Wien.
- WJA: *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft*. Würzburg.
- WKPh: *Wochenschrift für klassische Philologie*. Berlin.
- Wortkunst: *Wortkunst. Untersuchungen zur Sprach- und Literaturgeschichte*. München.
- WS: *Wiener Studien. Zeitschrift für klassische Philologie und Patristik*. Wien.
- Würzburger Studien zur Altertumswissenschaft. Stuttgart.
- WZHalle: *Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Univ. Halle-Wittenberg, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe*.
- WZJena: *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe*.
- WZRostock: *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe*.
- YCIS: *Yale Classical Studies*. New Haven.
- ZANKER: P. ZANKER, *Augustus und die Macht der Bilder*, München 1987.

- ZAnt: Ziva Antika. Anliquité vivante. Skopje.
- ZÄsth: Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. Stuttgart.
- Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. Stuttgart.
- Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. Tübingen.
- Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. Berlin.
- ZELLER, Philosophie: E. ZELLER, Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung, 6 Bde., Leipzig 71923, перепечатка 1963.
- ZETZEL, Textual Criticism: J. E. G. ZETZEL, Latin Textual Criticism in Antiquity, New York 1981.
- ZINN, Viva Vox: E. ZINN, Viva Vox. Römische Klassik und deutsche Dichtung, Frankfurt 1993.
- ZINN, Weltgedicht: E. ZINN, Die Dichter des alten Rom und die Anfänge des Weltgedichts, Antike und Abendland 5, 1956, 7—26; повторно в: Römertum, изд. Н. OPPERMANN, Darmstadt 1970, 155—187.
- ZKG: Zeitschrift für Kirchengeschichte. Stuttgart.
- ZKTh: Zeitschrift für Katholische Theologie. Wien.
- ZNTW: Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche. Berlin.
- ZPE: Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.
- ZRG: Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte (при цитировании без особых дополнений: Romanistische Abteilung). Köln.
- ZRGG: Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. Köln.
- ZRPh: Zeitschrift für Romanische Philologie. Tübingen.
- ZWG: Sudhoffs Archiv. Zeitschrift für Wissenschaftsgeschichte. Wiesbaden.
- Ω: все рукописи, или все, кроме приведенных.
- б. г.: без указания года.
- б. м.: без указания места.
- ВДИ: Вестник древней истории. Revue d'Histoire ancienne. Москва.
- Лит.: Приведенная работа содержит дополнительные библиографические данные.

ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

В настоящий указатель включены имена писателей, а также музыкантов, художников и скульпторов. Не включаются имена современных исследователей, литературных персонажей (в том числе исторических, мифологических и религиозных произведений). Древние авторы представлены под наиболее распространенными именами (напр., Г. Юлий Цезарь фигурирует как Цезарь, а не как Юлий). Термины входят в состав предметных статей (так, *причастие* — в разделе «Язык»). Цифры, выделенные курсивом, указывают на страницы главы, которая посвящена данному автору или понятию.

- Аббо де Флери 1764
Абеляр 891, 1846
абecedарий 1438, 1482, 1811, 1814
Аблабий 1435
Абунданций 1466
Август 707—725, 25, 123, 375, 456, 522 сл., 570, 590, 736 сл., 745, 856, 871 сл., 888, 954, 969 сл., 1136 сл., 1140, 1158, 1521, 1524, 1527 сл., 1542
Августин 1805—1852, 631—635, 43, 113, 267, 449, 505, 522, 546, 555, 557, 560, 563, 607, 611, 649, 664, 763, 767, 886, 951, 1293, 1362, 1373, 1408, 1409, 1412, 1415, 1418—1420, 1423, 1424, 1428—1430, 1439, 1440, 1453, 1461, 1493, 1510, 1512—1515, 1547, 1548, 1554, 1583, 1593, 1600, 1610, 1616, 1627, 1630, 1631, 1663, 1664, 1682, 1686, 1702, 1706, 1715, 1718, 1725, 1730, 1745, 1755, 1761—1764, 1766, 1770, 1777, 1778, 1779, 1782, 1789, 1796, 1797, 1799, 1856, 1858, 1861, 1865, 1868, 1871, 1872, 1874, 1875, 1896
Авзоний 1446—1457, 366, 368, 397, 567, 818, 1044, 1147, 1277, 1410, 1440, 1502, 1568, 1600, 1895
Авиан 1457—1458, 1088, 1096, 1422, 1436, 1619
Авиен 627, 311, 1076, 1436
Авит 943, 1442, 1484, 1494
Авраам а Санкта Клара 805, 1127
Аврелий Виктор 1501—1503, 517, 535, 943, 1419, 1504, 1518
Аврелий Котта 552, 584
Аврелий Опилий 637
Аврелий, см. *Симмах*
Авриль, Педро Симон де 270
автобиография, см. *биография*
автопсия (свидетельство очевидца) 150, 153 сл., 405, 413, 1168, 1206, 1552, 1554, 1558
автор «К Гереннию» 643—646, 632—634, 544—545, 639—643, 1355 сл.
автор «О возвышенном» 1069, 1287, 1291, 1320
Авфидий Басс 1207, 1630
Агафон 128, 189
Аген(н)ий 623, 1611
агиография 515, 519—521, 1209, 1312, 1313, 1420, 1580, 1663, 1715, 1717, 1790, 1801
— см. также *биография*

1. *Именной и предметный указатель* для настоящего издания основывается на *Namen- und Sachregister* оригинала, составленный Н. Крюгером, но греческие и латинские слова вынесены переводчиком в особые разделы.

Русский перевод «Истории римской литературы» издан в трех томах со сквозной нумерацией и составляет 2001 страницу:

I том — 1—694 стр.

II том — 695—1390 стр.

III том — 1391—2001 стр.

- Агобард Лионский 1685
 Агриппа, полководец Августа 960, 1378
 Агриппина 1207, 1210, 1212, 1263
 Адамантий (Адамантий) 1630
 Адами, Иоганн Самуэль 1107
 администрирование, см. *плановое хозяйство*
 Адриан 26, 27, 61, 125, 173, 428, 554, 978, 986, 991, 110, 119, 1195, 1196, 1404, 1405, 1413, 1414, 1417, 1420, 1423, 1428, 1434, 1446, 1498, 1500, 1518, 1520, 1528, 1529, 1531, 1532, 1541, 1549, 1634, 1635, 1638, 1643, 1646, 1647, 1656, 1891
 азианизм 85, 427, 432, 543, 573, 989, 1253, 1589, 1670, ср. *аттицизм*
 Азиний Квадрат 1499
 Азиний Поллион 906—911, 78, 88, 397, 472, 492, 647, 713, 735, 781, 905, 917, 942, 953, 1000, 1356, 1361, 1891
 Аймерик 233, 1126
 Академия, см. *Платон, платонизм*
 Аквила 1625
 Аквиллий Регул 112, 1146, 1252
 Акций 184—193, 77—81, 89, 90, 92, 123, 133, 146, 155, 172, 176, 179, 182, 259, 280, 288, 289, 295, 296, 302, 309, 551, 637, 646, 648, 654, 1277, 1278, 1282
 Аламантий, Луиджи 771, 834, 1126
 Алан аб Инсулис (Ален Лилльский) 1476, 1880
 Аларих 1461, 1467, 1470, 1653, 1820
 Александр Нумений 1608
 Алексис (Алексид) 203, 241
 Алкей 262, 364, 365, 485, 548, 788, 797
 Алкифрон 562
 Алкуин 472, 966, 1763, 1895
 аллегореза 337, 1489, 1607, 1680, 1701, 1728, 1758, 1761, 1778, 1836, 1863
 аллегория (и персонализация) 44, 107, 111 сл., 163, 187, 218, 230, 353, 730, 833, 880, 1038, 1091, 1174, 1186, 1470, 1473, 1486, 1489, 1625, 1676, 1751
 алтарь Победы 548, 1574, 1577, 1772
 Алфен Вар 676 прим. 1, 693, 970
 Алфий, см. *Авит*
 Алдим Авит 1411, 1435, 1442, 1494
 Алдим Алетий, Латин 1435
 Альберик Безансонский 1191
 Альберти, Леон Баттиста 966
 Альбин, патриций 1853
 Альбини, Лучано (папа Иоанн Павел I) 1374
 Альбинован Педон 902—903, 105, 901, 980, 1001, 1136, 1356
 Альбрехт Гальберштадтский 891
 Альбрехт фон Эйб 234
 Альбрехт, Георг Фрих 14, 895
 Альбурний Валент 1389
 Альд Мануций 1178
 Альфред, король англосаксов 1515, 1879
 Альфьери 1044, 1242, 1303
 Амафиний 322, 552
 Амвросий 1771—1786, 267, 346, 368, 520, 607, 1409, 1420, 1438, 1486, 1488, 1490, 1574, 1577, 1578, 1631, 1718, 1799, 1804, 1806, 1807, 1820—1825, 1831, 1833, 1838
 Аммиан Марцеллин 1550—1565, 88, 411, 414, 448, 522, 1125, 1241, 1409, 1415, 1418, 1419, 1422, 1500, 1506, 1518, 1536, 1547, 1617, 1753
 Аммоний, учитель Бозция 1860, 1872
 Аммоний, учитель Плутарха 992
 Ампелий 535, 1542
 амплификация 1141, 1172
 Анакреон 365, 788, 584
 Анаксагор 324, 328
 Анаксилай 1379
 Анаксимандр 314
 аналогия и аномалия в языке 465 сл., 599, 658 сл.
 Англия, литературная значимость 1412
 Андокид 522
 Андроник, см. *Ливий*
 анекдот 421, 424, 430, 531, 1089 сл., 1312, 1358, 1359, 1380, 1443, 1518, 1534, 1554, 1562, 1623
 Анней, см. *Корнут*
 Анней, см. *Лукан*
 Анней, см. *Флор*
 Анний, см. *Флор (Анней)*
 Ансельм Бесатский 1764
 Антей П. 1205
 антигностическая литература 1666
 Антигон Гонат 522
 Антигон из Кариста 514, 528
 антиеретическая литература 1486, 1668, 1734, 1775
 антииудейская литература 1666, 1744

- Антим 1412
 Антимах 814, 1033
 Антиох Аскалонский 552, 568, 583 сл.,
 588 сл., 599 сл., 647, 651 сл., 663,
 1280, 1281
 Антипатр Сидонский 168
 Антистий, см. *Лабео*
 антитеза, см. *язык и стиль*
 Антифан 241
 Антифонт 232, 522
 Антоний Диоген 1311, 1334
 Антоний Кастор 1379
 Антоний Прим 1132, 1208
 Антоний, см. *Гишфон*
 антропология, см. *человек, образ*
 антропоморфизм, см. *божество, пред-*
ставление о
 Анубион 1750
 Аппеллес, еретик 1670
 Апиций 629, 619, 1611
 апокалипсис, апокалиптика 1478,
 1788, 1823
 апокрифы, иудейские 1669
 Аполлинарий Лаодикейский 1787
 Аполлинарий, см. *Сидоний*
 Аполлодор Афинский 309, 527, 1159
 Аполлодор из Кариста 121, 251
 Аполлодор Пергамский 900
 Аполлоний Родосский 103 сл., 150,
 743, 744, 747, 876, 1020 сл., 1024—
 1027, 1070
 Аполлоний, грамматик 1607, 1620
 Аполлоний, см. *Малон*
 апологетика, апологетическая ли-
 тература 311, 1420, 1666, 1671, 1694,
 1706, 1724, 1733—1737, 1749, 1809,
 1820, 1825
 апофеоз
 — возлюбленной 386, 394, ср. 852
 и 883 сл.
 — героя 1025
 — мудреца 1009, 1856
 — политиков 170, 318 сл., 582, 748,
 823 (критика), 887 сл., 992 сл.,
 1006 сл., 1083, 1085, 1188, 1821
 — поэтический 733, 738, 757—759,
 884, 1081 сл., 1621, 1692—1693, ср.
 110—111
 — учителя 316 сл., 334, 340, ср. 732
 (Дафнис), 1083, ср. 110—111
 — филологии 1625 сл.
 — христианский 1856
 Аппиан 911, 1413, 1416, 1499, 1545
 Аппий, см. *Клавдий Цек*
 Аписирт 1610
 Апулей 1580—1600, 25, 40, 61, 378, 522,
 554, 558, 992, 1311—1317, 1325, 1342,
 1384, 1403, 1408, 1409, 1416, 1418,
 1420, 1423, 1449, 1580—1594, 1602,
 1612, 1626, 1670, 1676, 1678, 1697,
 1700, 1742, 1757, 1774, 1826, 1857, 1895
 Арат 89, 305, 308, 310, 311, 317, 328, 383,
 590, 962, 1063, 1064 сл., 1073, 1076
 сл., 1078, 1437
 Аратор 1011, 1441, 1484
 Арей Дидим 1279
 Ареллий Фуск 32, 861, 954, 1358
 прим. 2
 Ареопагит, см. *Дионисий* (Пс.-)
 ареталогии 1328, 1790
 арианство 1410, 1441, 1761, 1766, 1768,
 1771, 1816
 Ариосто, Лудовико 234 прим. 2, 270,
 279, 804, 1126, 1339
 Аристарх Самофракийский 82, 190,
 307, 636
 Аристарх Тегейский 162
 Аристенет 562
 Аристид Афинский 1694
 Аристид Квинтилиан 1626
 Аристид Милетский 432, 1325, 1584
 Аристид, см. *Элий*
 Аристий Фуск 715, 786
 Аристипп 786, 801, 1121
 Аристокс 1183
 Аристоксен 514, 962, 964
 Аристон из Пеллы 1694
 Аристон Хиосский 1281, 1757
 Аристотель 117, 150, 208, 298, 306, 328,
 348, 363, 406, 447, 459, 486, 514, 550,
 555, 587—600, 609, 611, 640, 655,
 690, 805, 809, 949, 992, 1089, 1124,
 1281, 1330, 1378, 1385, 1386, 1585, 1593,
 1608, 1613, 1624, 1694, 1700, 1756,
 1805, 1839, 1841, 1853, 1854, 1857,
 1859, 1860, 1871, 1872, 1873
 Аристофан 120, 135, 227 сл., 263, 292,
 1328, 1344
 арифметика, см. *научная литература*
 арифметическая задача 369, 383
 Арндт, Эрнст Мориц 1015
 Арно 1242

- Арнобий 1722—1732, 346, 554, 607, 1422,
 1488, 1669, 1690, 1702, 1703
 Арнобий Младший 1722
 Арнольд, Готтфрид 1562
 Арнольд, Мэттью 354
 Арриан 1183, 1190, 1413, 1416, 1499
 Аррунций Стелла 1031, 1132, 1137
 Аррунций, Л. 504
 Артемидор 1248
 Арузиан Мессий 1608
 Арулен Рустик 1145
 архаизмы 109, 167, 221, 256, 293, 334,
 411, 444, 484, 504, 544, 679, 717, 756,
 787, 796, 909, 991, 1117, 1186, 1197,
 1369, 1444, 1490, 1567, 1576, 1588,
 1614, 1726
 архаисты 1228—1229, 1373, 1404 сл.,
 1567, 1614
 Архелай 1379
 Архестрат из Гелы 81, 163, 309, 789
 Архий 575, 586
 Архилох 292, 364, 384, 788, 797, 813
 архитектура 626, 961—968, 618, 622,
 710, 855, 1133, 1441, 1489
 — амфитеатры 1133
 — виллы 1043
 — вкус к строительству 1255
 — дворец Домициана 979, 1043,
 1133
 — как профессия 963 сл.
 — Монтичелло 1257
 — пограничные укрепления Адри-
 ана 1405
 — при Нероне 1338
 — римские городские стены 1408
 — роскошь материала 1289
 — Святая София 979
 — символизм 758, 1486, 1489, 1492,
 1697
 — театральные постройки 122
 — храмовое строительство (рим-
 ское и христианское) 1489
 — см. *библиотеки*
 — см. *научная литература*
 аскеза 755, 1261, 1787, 1797, 1807, см.
 также *сексуальность*
 — в миру 1295
 аскетическая литература 1666, 1789
 Асклепиад Вифинский 327, 1348
 Асклепидот 1280
 Асконий Педиан 628 сл., 1351, 1522
 Аспр, см. *Эмилий*
 астрология и астрономия 627, 101, 112,
 ср. 231, 618, 958, ср. 962, 1061—1079,
 1121, 1230, 1383 сл., 1437, 1530, 1622,
 1625, 1749—1764, 1855, 1857
 — совместимость с моралью
 1749 сл.
 — см. *научная литература*, *Фирмик*,
Германик, *Манилий*
 Атедий Мелиор 1031, 1033, 1034, 1132
 атеизм 347—355, 1386, 1695, 1725, 1735
 Атей Капитон 714, 970, 972, 973, 1613
 Атей Филолог (= Л. Атей Претекстат)
 484, 638, 1159, 1522
 ателлана, см. *комедия*, *fabula Atellana*
 Атилиий Фортунациан 1603
 Атта 124
 Аттал, философ 1261, 1279
 Аттик 79, 322, 406, 448, 525, 528 сл.,
 534, 601, 647 сл., 649, 721, 1158, 1891
 аттицизм 85, 493, 532, 541, 543, 830 сл.,
 909, 1162, 1253, 1567
 Аття Вириола 1257
 Афанасий 517, 520, 1787, 1790, 1797,
 1804
 Афинагор 1669, 1694
 Афинодор 1280
 Афраний 124, 125, 458, 1435, 1449
 Африка как культурный ландшафт
 76, 248, 475, 482, 958, 1407, 1409,
 1519, 1580, 1663, 1690, 1722, 1732, 1755,
 1805
 Африкан (юрист) 1641
 аффект 122, 222, 224, 285, 462, 485, 600,
 640, 879, 921, 1057, 1119, 1266, 1285,
 1286, 1314 (*ictus animi*), 1368, 1371,
 1735, 1845, 1855, 1865, см. *божество*,
представление о
 — как источник красноречия 1297
 — как несущая опора всей речи
 (стиль *vehemens*) 590—593
 — смягчение аффекта 367
 — усиление иронией 1341
 — *commiseratio* 542
 Ацилий 88, 420, 430, 436, 689, 920
 Аэльре де Риво 608
 Аэций 1435
 Бабрий 1088, 1422, 1457
 Бавий 901
 Баиф, Жан Антуан де 398, 1455

- Байрон 354, 399, 808, 894, 1242
 Бальб, землемер 1354
 Бальде, Якоб 398, 805, 1435
 Бальдерих де Бургель 890
 Бальзак 1343, 1594
 Баптиста Мантуан 770, 1106
 Барклай, Джон 1342
 басня 1086—1098, 163, 785—786, 1312, 1422, 1436, 1617
 — многозначность 1093 сл.
 — стихотворный сборник 1093
 Басс, историк, см. *Авфидий*
 Басс, медицинский автор 1379
 Басс, метрик, см. *Цезий*
 Бассо, Себастьян 350
 Бах, И. С. 645, 771, 1374
 Беда 347 прим. 1, 1623
 Бейль, Пьер 349, 1148, 1730
 Белле, см. *дю Белле*
 Белло, Реми 835
 Бембо, Пьетро 398, 834 прим. 4
 Бенедикт Анианский 1844
 Бенедикт Нурсийский 966
 Бенцо 1455
 Беолко, Анджело 269
 Бергсон, Анри 350
 Берк, Эдмунд 1127
 Бернар Клервосский 1106
 Бернард Сильвестр 767, 1126, 1593, 1624 прим. 1, 1764
 Берн-Джонс, сэр Эдвард Колей 893
 Бернины 894
 Берсиур (Берсуар, Berchorius), Пьер 891, 944
 Бертен, Антуан де 835
 бессмертие 582, 609, 1231, 1734
 — благодаря милости 1723, 1742
 — благодаря познанию божества 1744
 — благодаря поэзии 1095
 — в памяти друзей 1256
 — возлюбленного(ой) 396
 — государственного мужа 582
 — души 349, 582, 1622, 1682, 1761
 — литературное 1254
 — отрицание 324, 1728
 — поэзии 396
 — поэта 396, 885
 Бетховен 771
 библиотеки 26, 82, 231, 249, 454, 534, 550 прим. 3, 647, 650 прим. 2, 710, 711, 943, 958, 1241, 1405, 1413, 1534, 1566, 1614, 1631, 1788, 1891 сл., 1893, 1894, 1895
 — замена библиотеки размышлением 1864
 Библия
 — риторические достоинства 1839
 — эпика на библейские сюжеты, см. *эпос*
 — см. *аллегореза*
 — см. *Иероним*
 — см. *экзегеза, комментарий*
 биография 512—525, 406, 525—537, 1205, 1311 сл., 1359, 1419, 1441, 1502, 1516—1540, 1553, 1663, 1717 сл., 1307 сл., 1804
 — автобиография 54, 94, 406, 413, 429, 473, 515, 516, 520, 522, 529, 861, 885, 1317, 1420, 1524, 1537, 1585, 1663, 1718, 1814, 1815, 1826, 1827, 1829, 1846
 — аретологический характер 519
 — биография должностного лица 515, 1524
 — биография императоров 1405, см. также *Historia Augusta, Светоний*
 — жизнеописание философов 518, 524
 — жития святых 514, 517, 520 сл., 1411, 1510—1511, 1662 сл., 1717, 1789, 1800, 1803 сл.
 — и историография 516, 519, 528
 — и историческая монография 1223
 — как диалог 515, 519
 — композиция *per species* 1535
 — краткая биография 1502
 — пародия 519
 — политическая 526—537
 — этос и пафос в биографии 524
 — *delectare* и *docere* 532
 — *imagines* как предшественники жанра 529
 — см. *топика обращения*
 Бион Борисфенит 329, 727, 789, 1278
 Бланд, ритор 1357
 Блок, Александр 378, 400, 505, 807, 1343
 Бодлер, Ш. 394, 769, 1015
 Боду(ю)эн, Бенуа 1302

- божественный аппарат 103, 107,
11 сл., 230 сл., 292, 833, 854 сл.
- божество, представление о:
- абстрактное и динамическое 601
 - антропоморфизм 11 сл., 887, 1041
 - безобразное 1231
 - бог внутри человека 1009, 1293
 - божественный гнев 739—742, 879, 885, 1041, 1231, 1735, 1743
 - врожденное 610, 1673, 1698
 - всеведение Божие и человеческая свобода воли 1871 сл.
 - древнеримское 55 сл., 58, 112, 245, 722
 - единодейственность 1835 сл.
 - единосущность 1835 сл.
 - единство 1680, 1721
 - естественное богопознание 1668, 1672, 1766
 - историческое развитие 1681
 - как «гомеопатический врач» 1675 сл.
 - как «органист» 1676
 - как отец 1701, 1743, 1864
 - космос как бог 1070 сл.
 - люди и боги, удаленность 393
 - монотеизм 607, 1429, 1681, 1699, 1734, 1752
 - нематериальное 1779 сл., 1806
 - неоплатоническое боговидение 1816
 - непознаваемость 1742
 - провидение 584 сл., 1271, 1382, 1616, 1743, 1871
 - провидение, поставленное под вопрос (эпикурейство) 191
 - свободное от аффектов 346, 1726 сл.
 - сравнение с солнцем 1697
 - телесное 1680
 - учение о милости 1763, 1782, 1808, 1842, 1847
 - функциональное понятие (хранитель в жизни) 341, 887 сл., 1382
 - *deus* намного древнее, чем *пистеп* 55
 - см. *теология, христианская*
- Бойль 349, 353
- Бойо(с) 876
- Бокаччо 892, 893, 944, 1154, 1238, 1241, 1584, 1591, 1895
- Бонавентура 1845
- Бонер 891
- Бонинконтри, см. *Буонинконтри*
- Борхардт, Рудольф 809
- ботаника, см. *научная литература*
- Боте, Ф. Г. 1107
- Боттичелли 348
- Боэций 1852—1883, 3, 280, 554, 557, 623, 624, 655, 697, 803, 1011, 1301, 1393, 1396, 1407, 1409, 1418, 1436, 1609, 1623, 1627, 1629, 1660, 1756, 1763, 1764, 1825, 1844, 1885, 1889
- Боярдо 1593
- брак, см. *женщины*
- Брант, Себастьян 268, 271, 805
- Браунинг, Элизабет Баррет 354, 1594
- Брейгель Старший, Питер 893
- Бренцио, Андреа 472
- Брехт, Бертольд 352, 473, 809
- Бриттен, Бенджамин 895
- Брох, Германн 769
- Бруни, Леонардо 608, 1241, 1363
- Бруно, Джордано 348, 354, 505
- Бруно, К. 1126
- Брут, легенда о 192
- Бруттиан 135
- Брюсов, В. Я. 399, 807, 1343
- Буало, Жиль 1127
- Буало, Никола 805, 1107, 1127, 1134
- Буассье, Гастон 1242
- буколика 726—735, 986, 1422
- в нероновскую эпоху 1080—1085
 - в эпоху Августа 735—781
 - в эпоху средней и поздней Империи 1436, 1438, 1449 сл.
 - раздвижение жанровых рамок 1082
 - у Силия 1051 сл.
 - см. также *Вергилий, Кальпурний, эйнзийские эклоги, Энделехий, Немезиан, поэзия*
- Буонинконтри 348, 1073
- Буркхардт, Якоб 472
- Бурманн 1028, 1340
- Бурмейстер, Иоганн 1148
- Бухгольц, Андреас 804
- Бэкон, Роджер 608, 1167, 1303
- Бэкон, Френсис 1304, 1617

- Бюде, Гийом 1257
 Бюргер, Готтфрид Август 1435
 Бюсси-Рабютен, Роже де 1342
- Вакка 997, 998, 1011
 вакханалии, см. *Диониса культ, дионисийство*
- Валафрид Страбон 767, 1363
 Валент 1389, 1500, 1503, 1505, 1506, 1552, 1750, 1893
 Валериан 27, 1408, 1607, 1705, 1719
 Валерий Азиатик 1269
 Валерий Антиат 88, 430, 431, 433, 916, 1171, 1498, 1725
 Валерий Катон 301, 637, 816
 Валерий Максим 1170—1179, 192, 428, 526, 701, 942, 958, 980, 1160
 Валерий Соран 551, 623, 637
 Валерий Флакк 1018—1030, 27, 104, 105, 435—438, 700, 766, 980, 985, 988, 1034, 1040, 1184, 1189, 1895
 Валерий Эдитуй 186, 189, 375, 384
 Валерий, см. *Катулл*
 Валерий, см. *Марциал*
 Валерий, см. *Проб*
- Валла, Лоренцо 944, 1125, 1191, 1373
 Валлоне, Джованни Антонио 1106
 Вальгий Руф 309
 Вальтарий 1058
 Вальтер из Шпейера 472
 Вальтер фон дер Фогельвейде 365
 Вальтер Шатильонский 767
 Вандальберт фон Прюм 767
 Варий Руф, Л. 89, 105, 123, 134, 191, 553, 710, 715, 736, 737, 765, 1278, 1282
 Варки, Б. 269
 Варрон, М. Теренций (Реатинский), ученый 646—670, 78, 82, 91, 146, 156, 183, 232, 241, 249, 266, 282, 292, 293, 296, 309, 397, 406, 423, 424, 428, 434, 447, 517, 519, 525, 528, 552, 553, 583, 616—625, 637, 712, 721 сл., 744, 829, 846, 877, 886, 932, 938, 955, 960, 962, 965, 1063, 1171, 1277, 1280, 1281, 1313, 1329 сл., 1348, 1350, 1378 сл., 1381, 1522, 1536, 1543, 1600, 1602, 1612, 1621, 1625, 1669, 1673, 1693, 1724, 1730, 1735, 1738, 1757, 1760, 1820, 1824, 1857 сл., 1895
 Варрон, П. Теренций (Агацинский), поэт 375, 845, 1020, 1449
- Василий 1511, 1774 сл., 1778, 1798, 1804, 1824 прим. 1
 Васкес де Люсен 1191
 Ватиний, П. 377, 381, 576
 вдохновение, поэтическое по сл., 284, 318 сл., 339, 345, 795, 821 сл., 852, 883 сл., 1491
 — благодаря аффекту 390 сл., 851, 119, 127 сл., 1367
 — благодаря богу, компетентному в соотв. предмете 312, 336, 883 сл.
 — благодаря властителю 318, 1001, ср. 1006 сл., 1020 сл., 1063, 1174
 — благодаря возлюбленной 852
 — благодаря изобразительным искусствам 847
 — благодаря негодованию 127 сл.
 — благодаря покровителю 1472
 — благодаря предшественнику, см. *преемственность, литературная*
 — благодаря риторике 861, 877, 881, 904, 1038 сл., 1470
 — обращение к Музам по, 144 сл., 153, 312, 318, 336, 885, 1020—1023, 1070
 — отказ от 1099, 1104
 — христианское 1479 сл.
- Вега, Гарсиласо де ла 770, 805
 вегетарианство 957, 1295, см. также *пифагорейство*
- Вегетий Ренат, П. Флавий 622, 623, 1609, 1610, 1611
 Веджио (Vegius), Мафей 1846
 Везувий, извержение 1018, 1023, 1025, 1248, 1255, 1376, см. также главы о Плинии Старшем и Младшем
- Веккерлин, Вильгельм Людвиг 806
 Велий Лонг 959, 1600, 1630
 Веллей Патеркул 1156—1169, 397, 504, 584, 607, 834, 904, 951, 980, 1171, 1206, 1701
 Венанций Фортунат 521, 1412, 1440, 1455, 1475, 1770
 Венделин фон Шпейер 191
 венчание поэтов 173
 Вергерьо, Пьер Паоло 269
 Вергилий 735—781, 23—26, 28, 30—33, 35, 55, 56, 102—106, 108—114, 146, 155, 156, 164, 173, 183, 185, 187, 189, 192,

- 234, 262, 265, 292, 296, 308—310, 312, 313, 315, 317—320, 322, 330, 334, 336, 337, 342, 343, 345, 354, 372, 397, 398, 428, 449, 485, 539, 552, 553, 560, 590, 655, 664, 665, 709, 710, 712, 715—723, 726—739, 781 сл., 787, 804, 817, 826, 827, 829, 832, 843, 845, 846, 851, 861, 862, 876, 878, 886, 890, 901, 903—906, 912, 927, 956, 980, 981, 985, 989, 990, 991, 992, 1002, 1004, 1006, 1012—1014, 1020, 1021, 1027, 1033, 1034, 1038—1040, 1044, 1048, 1050—1052, 1055, 1057, 1063, 1065, 1081—1084, 1126, 1140, 1142, 1147, 1154, 1174, 1184—1186, 1209, 1210, 1213, 1251, 1279, 1290, 1336, 1350, 1352, 1384, 1427, 1430, 1435, 1436, 1441, 1449, 1452, 1459, 1469, 1470, 1476, 1480, 1481, 1486, 1487, 1489, 1490, 1494, 1508, 1521, 1528, 1574, 1585, 1600, 1602, 1604, 1606, 1610, 1619—1621, 1669, 1692, 1693, 1724, 1735—1737, 1756, 1767, 1786, 1797, 1818, 1824, 1829, 1876, 1866
- как новый Орфей 1083
 - сопоставление Вергилия с природой 1621
 - *Энеида* Вергилия как образ человеческой жизни 1607
- Вергиний Флав 982, 1099
- Веррий Флакк 958—960, 245, 302, 345, 619, 637, 664, 973, 1171, 1757
- Веспа 1435
- Веспасиан 26, 397, 983, 989, 993, 1018, 1132, 1138, 1181, 1186, 1194, 1202, 1208, 1212, 1234, 1237, 1376, 1377, 1389, 1530, 1531, 1533, 1534
- Вестриций Коттий 1249
- Ветгий Агорий Базилий 1492
- Ветгий Филоком 295, 301
- Вивес, Хуан Луис 1548
- Вида, М. Иероним 768
- Видал, Гор 1562
- Видукинд 505
- Вико, Джамбаттиста 1163, 1241
- Викторий 663, 1630
- Викторин из Петтау 1788, 1804
- Викторин, см. *Марий*
- Виланд, Кристоф Мартин 472, 503, 807, 1258
- Виллалобос, Франциско де 234
- Виллани, Филиппо 966
- Виллегас, Херонимо де 806, 1126
- Виллена, Энрике де 767
- Вильям из Малмсбери 1178, 1895
- Вимфелинг, Якоб 269
- Виниций М. 1156, 1157, 1159, 1162, 1166
- Виниций П. 1156
- Винкельман, Иоганн Иоахим 351, 967
- Винсент де Бове 608, 891, 1126, 1178, 1846
- Винценций Леринский 1411, 1685
- Винчигуэрра, Антонио 1126
- Випон 505
- Випстан Мессала 1201, 1208
- Вирий Никомах Флавиан 1509
- Виталис из Блуа 234
- Виторий Марцелл 1366
- Витри, Жак 191
- Витрувий 961—968, 617—619, 622, 665, 710, 714, 718, 956, 958, 1609
- внимание к читателю, дружественное отношение к читателю 41—47, 312, 337, 460—462, 565 сл., 586, 590—593, 599, 620 сл., 878—883, 886, 930 сл., 1102 сл., 1141, 1294 сл.
 - композиция по материалу 649, 1619
 - названия глав и указатели содержания в античных произведениях 1377, 1613, 1768
 - расположение материала по алфавиту в античных произведениях 959, 1619
 - см. также *язык и стиль, обращение, риторика*
- военная диктатура 75 сл., 707, 1124, 1234
- возрождение римской литературы 18, 62, 234, 268 сл., 280, 399 сл., 448 сл., 1407 сл., 1412, 1415, 1419, 1894 сл.
- война 51, 170, 342, 752 сл.
- военная техника 961, 1611
 - военное дело и землемерное искусство 468, 474
 - военное искусство, см. *научная литература*
 - военные хитрости 1353
 - гражданская война 98, 339 сл., 548, 469 сл., 501, 569 сл., 647, 707 сл., 781, 823, 842, 906, 910, 913, 997—1017, 1233

- непонимание мирной политики 122б
- оборонительная политика 154б
- отсутствие одностороннего прославления 169 сл.
- офицеры в роли авторов 474—477, 115б, 1509
- религиозная война 113
- Союзническая война 75, 823
- *bellum iustum* 418 сл., 461, 761
- см. *paix*
- см. также *литературная техника, описания*
- Волкаций Седигит 92, 240, 246, 248, 266, 637
- Волтацилий Филолай (Пифолоай) 409, 529
- вольноотпущенники 83, 781, 1313, 1320, 1331 сл.
 - как адресаты произведений 1266 сл. (*ad Polybium*)
 - как актеры 216
 - как возлюбленные 379, ср. 391, см. *servitium amoris*
 - как литературные персонажи 785 (Насидиен), 1319, 1331 сл., 1335 сл.
 - как поэты 140, 240, 248
 - как ученые 482, 529, 958, ср. 408 сл., 426 сл., 616, см. также *Typhon*
- Вольтер 350, 610, 768, 835, 1015, 1242, 1303, 1343, 1562
- воля, юридическая 683 сл.
 - *velle* 225 сл.
 - *voluntas* 1761
- Вондел, Йост Ван Ден 768, 892, 893, 1302
- Вордсворт, Уильям 1128
- воспитание 113, 1294, 1370 сл., 1560, 1568
 - воспитательные сочинения *ad filium* 440, 585, 1620, 1625—1628, 1646, см. также *institutiones*
 - выучивание наизусть 1372
 - начальное 1365
 - тактика спора 1372
 - телесные наказания 781, 1372
 - упадок 1124
 - ученик, его достоинство 1371
- учитель, его обязанности 1368, 1369
- человеческого рода 1026, 1629, 1684
- чтение, его ценность 1368
- школа, см. *литературно-социологические аспекты*
- см. *artes liberales*
- Воциен Монтан 1356
- время, философская концепция, см. *философия*
- всадники 79, 125, 127, 287, 430, 525, 533, 536, 570, 637, 674, 689, 709, 800, 816, 826, 861, 871, 939, 970, 1030, 1099, 1131, 1194, 1226, 1354, 1413, 1416, 1519, 1530, 1546, 1634, 1636, 1639
- Вульгата 1424, 1661, 1788, 1794, 1798, 1799, 1801, 1877
- вымысел, вымышленное действие 45, 120, 1311, 1325
- Гагедорн, Фридрих фон 806
- Гадоард 608
- Гай, юрист 673 прим. 1, 675, 678, 679, 680, 683, 684, 686 прим. 1, 1636—1638, 1641, 1645—1647, 1651, 1654, 1658
- Гайди 772
- Гален 1416, 1610, 1779
- Галилей 348, 353
- Галлиен 27, 1414
- Галлия как культурный ландшафт 1407, 1410, 1570, 1766, 1891
- Гаргилий Марциал 447, 1384, 1609
- Гарнье, Робер 1014
- Гассенди, Пьер 349
- Гварини, Джованни Баттиста 771, 1084
- Гегель 1330, 1823
- гедонизм 442, 800, 1338, см. также *Эпикур*
- Гейде, Йоганн Даниэль 1107
- Гейне, Г. 861, 1341, 1594
- Гейнзе, Вильгельм 1343
- Гейрик из Оксерры 1106, 1178, 1298, 1351, 1895
- Гекатон 1280
- гексамер, см. *метрика*
- Гелений Акрон 1413, 1561, 1575, 1577, 1601
- Гелланик 417
- Геллий, Авл 1612—1619, 148, 176, 182,

- 183, 194, 240, 242—247, 381, 394, 421, 430, 448, 463, 466, 502, 504, 534, 555, 621, 648, 656, 659, 662, 664, 973, 1178, 1287, 1298, 1300, 1384, 1403, 1442, 1445, 1446, 1553, 1575, 1585, 1600, 1602, 1608, 1619, 1691, 1694, 1695, 1768, 1893
- Геллий, Гн. 428, 433
- Гельвеций, Клод Адриан 349
- Гельвидий Приск 1230, 1232, 1789
- Гельвий Цинна 78, 110, 383, 384, 906, 958
- Гельвия 1261, 1263, 1280, 1283, 1288, 1292, 1354
- Гельдерлин 719, 806, 1015
- Гельти, Людвиг 398
- Гендель 472, 771
- гений, см. *ingenium*
- Геннадий Массилийский 1536
- Геннадий, архиеп. 1146, 1494
- Генрих IV Наваррский 505
- географический элемент
- у Аммиана 1554
 - у Вергилия 765
 - у Саллюстия 500 сл.
 - у Сенеки 1271, 1277
 - у Силия 1052
 - у Тацита 1204
 - см. *научная литература*
 - см. *этнография*
- география, см. *научная литература*, *география и картография*
- Гераклид Понтийский 555, 585, 588, 593, 652, 1628
- Гераклид Тарентский 1348
- Герберт Бозегамский 1147
- Герберт из Орильяка 1061, 1126, 1363
- Гердер, И. Г. 47, 351, 465, 807, 892, 1107, 1455
- Геренний Дексипп 1499
- Геренний Модестин 1642
- Геригер Лаубахский 1147
- Гермагор 588, 640, 643
- Германик 1075—1079, 308, 310, 316, 319, 720, 766, 864, 873, 874, 888, 902, 980, 987, 1073, 1156, 1166, 1174, 1190, 1206, 1209, 1210, 1211, 1214, 1215, 1227
- Гермарх 327
- герменевтика 1631, 1680, 1711, 1714, 1794, 1812, 1837, 1839
- и литературное творчество 110, 189
 - и риторика 642, 1711, 1837—1839
 - истолкование Библии 1428, 1715
 - истолкование Гомера 1428
 - истолкование текста как модель понимания мира 1429
 - многогранный смысл Писания 1838 сл.
 - см. также *аллегореза*, *эксегеза*, *рецепция*, *типологическое истолкование*
- герменевтические произведения 1812
- герметика 1062, 1583, 1724, 1735 сл., 1741
- Гермипп из Смирны 514
- Гермоген из Алабанды 962
- Гермоген, еретик 1668, 1670, 1681
- Гермогениан 1646
- Герод 127, 1468
- Геродиан, грамматик 1607
- Геродиан, историк 1499, 1518
- Геродот 88, 102, 407 прим. 2, 418, 713, 918, 919, 926, 942, 950, 1184, 1186, 1499, 1566, 1584
- Герр, Михаэль 1303
- Геррера, Фернандо де 805
- Герхардт, Пауль 365
- Гесиод 102, 107, 168, 187, 190, 279, 307, 308, 310, 311, 313, 315, 316, 319, 328, 339, 423, 743, 744, 758, 932, 1087, 1091, 1162
- Гесс, Эобан 770, 1147
- Гесснер, Саломон 770, 1084
- Гете 44, 234, 271, 305, 306, 351, 352, 354, 398, 448, 473, 535, 769, 793, 807, 835, 857, 861, 892, 895, 967, 1014, 1045, 1074, 1107, 1148, 1154, 1303, 1343, 1374, 1455, 1549, 1594, 1848, 1889
- Гетулик, Гн. Корнелий Лентул 375, 1136, 1522
- Гиббон, Эдуард 1878
- Гибер из Турне 1846
- Гигин, землемер 625 сл., 1354
- Гигин, ученый эпохи Августа 958, 628, 632, 517, 519, 528, 535, 949, 1171, 1172, 1354, 1502, 1522, 1542, 1612 сл.
- Гиерокл Александрийский 1175
- Гильберт Порретан 1879
- Гильберт де Лаварден 834, 890
- Гильдон 1465, 1466, 1807
- гимн 73, 312 сл., 317, 328—330, 335, 346, 348, 350, 353, 368, 370, 381, 428, 734,

- 984, 1412, 1437 сл., 1449, 1459, 1482 сл., 1485 сл., 1490, 1494, 1583, 1589, 1712, 1720, 1726, 1762—1763, 1767 сл., 1773—1774, 1778, 1782, 1833, 1862
гиперурбанизм 221, см. *язык и стиль*
Гиппарх Никейский 83, 102 прим. 1, 307 прим. 3, 1076
Гиппократ 690, 1610
Гиппонакт 384
Гирций, А. 458, 459, 469, 471, 474, 475, 579, 649, 1160, 1168
Глюк, композитор 771, 895
Гнифон, М. Антоний 452, 455, 465, 637
гносис, гностики 1431, 1439, 1500, 1666 сл., 1672, 1680, 1721, 1724, 1758
Гоббс, Томас 353
Гогарти, Оливер Сент-Джон 1344
Годфрид Бретельский 1624
Годфрид Винчестерский 1147
Голдинг, Артур 891, 1303
Гольбах, Пауль Генрих Дитрих фон 349
Гольберг, Людвиг 270, 892, 1343
Гомер 26, 32, 82, 88, 92, 101—104, 107—114, 142—144, 162, 165, 168, 169, 190, 265, 292, 306, 307, 311, 315, 316, 317, 319, 322, 423, 445, 485, 539, 559, 660, 690, 712, 743, 744, 764, 767—769, 785, 788, 798, 804, 846, 847, 851, 876, 886, 890, 919, 990, 1000, 1003, 1006, 1012, 1013, 1019, 1020, 1033—1035, 1050, 1052, 1055, 1066, 1087, 1120, 1162, 1184, 1251, 1284, 1336, 1427, 1459, 1481, 1508, 1509, 1693, 1701, 1750, 1794, 1828, 1855
гомилетика, см. *риторика*
гомилии, см. *проповедь*
Гонорий 1465—1471, 1477, 1811
Гоофт, Питер Корнелиссоон 235, 1242
Гораций 781—812, 25, 30, 34, 36, 38, 41, 44, 50, 79, 84, 90, 109, 110, 118, 145, 146, 173, 192, 235, 246, 266, 277, 278, 280—285, 292, 293, 297, 298, 300—302, 310, 311, 313, 315, 317, 318, 320, 329, 348, 364—372, 382, 395, 397, 485, 516, 553, 562, 564, 566, 638, 709, 712, 715—719, 721—723, 727, 736, 745, 759, 765, 772, 826, 827, 834, 843, 846, 850, 874, 877, 890, 900, 902, 905, 906, 909, 927, 940, 956, 985, 1034, 1083, 1088, 1100, 1101, 1103, 1105, 1106, 1113, 1115, 1116, 1123, 1124, 1126—1128, 1137, 1138, 1140—1142, 1166, 1187, 1188, 1250, 1284, 1336, 1337, 1352, 1360, 1423, 1439, 1440, 1449, 1452, 1459, 1468, 1487, 1490, 1492, 1494, 1521, 1528, 1575, 1600, 1601, 1627, 1768, 1793, 1794, 1796, 1800, 1820, 1826, 1861, 1891, 1893
Горгий, софист 305, 315, 335, 370, 546, 587, 640
Горгий, учитель Цицерона 1353, 1356
Горджз, Артур 1014
Гордиан I 1044
Гортензий 80, 84, 375, 525, 541, 543, 568, 573, 574, 581, 593
Гостий 110, 425, 843, 940
государство, *res publica*, государственничество 54 сл., 61 сл., 75 сл., 96 сл., 105, 112 сл., 133 сл., 190, 298 сл., 372, 395, 416 сл., 499 сл., 507 сл., 545 сл., 579, 582 сл., 610 сл., 681, 707 сл., 721 сл., 752, 936, 1312
— в эпосе 113 сл., 748, 765, 1053, 1056
— гражданственность 945
— и философия 583, 601, 1292
— и церковь 1673, 1682, 1704—1717, 1772 сл., 1781 сл., 1820—1824
— идеальное государство 587, 601
— индивидуум и обществу 603
— как правовое государство 685
— объединение отдельной личности с группой 153, 438
— ослабление государственных связей 113 сл., 394, 823, 887
— полномочия трибуна 709
— поэт и государство 371
— проконсульский империй 708
— пропаганда и поэзия 1469
— республиканское 1261
— сохранение республиканской идеологии в теории 1225
— теология права 1744
— у историографов 407 сл., 426, 446, 468, 497 сл., 909, 912, 930—933, 936—939, 1195, 1553, 1559
— у Цицерона 571
— христианизированное 1431, 1712, 1717 сл., 1823
Готтфрид Страсбургский 890
Гофман, Е. Т. А. 1725
Гофмансталь 352, 400, 506

- Грабан Мавр 347, 1106, 1147
 гражданские войны, см. *войны*
 гражданское право 75 сл., 574, 690, 978, 1408, см. также *Constitutio Antoniniana*
 гражданственность, см. *государство*
 Грахн Г. 39, 80, 84, 90 сл., 257, 424, 429, 540, 542 сл., 547, 581, 586, 644, 908
 грамматика, см. *научная литература*
 Грандишан 804
 Граний Лициниан 1500
 Грасиан, Балтазар 1304, 1455
 Грасс, Пюнтер 1304
 Граттий 311, 318
 Грей, Томас 353
 греческая и латинская литература
 23, 29, 31–34, 66, 70, 81–84, 86–89, 117, 141, 149, 157, 162, 168, 188, 416, 431, 440, 533, 711 сл., 985, 1417–1420, 1615
 — культурные мосты (нижняя Италия, Сицилия, Родос, Пергам и др.) 81–84, 140, 162 сл., 550 сл.
 — параллельное рассмотрение 301, 1351
 — первенствующее положение греческой и латинской литературы, их чередование, см. *история литературы, римская*
 — «разделение труда» между греческим и латынью 556–558
 — романизация, содержательная 133 сл.
 — совмещение литературных горизонтов 985, 1545
 — сравнение 162, 1351, 1370 сл., 1512
 — сравнение языков 1370
 — ценностные представления, изменения и единство 1176, 1557
 — частая ранняя рецепция эллинистической литературы сравнительно с классической и архаической 29, 88 сл., 102, 120 сл., ср. 161, 711
 — эллинизация римских представлений 1294
 — см. *история литературы, античные попытки*
 — см. *история литературы, римская, смещение фаз*
 — см. *перевод*
 — см. *преемственность, литературная*
 — см. разделы «Греческий фон» и «Источники, образцы, жанры»
 — см. *рецепция, слияние культур*
 греческие слова в латинских текстах 295, 565, 656, 658, 1117, 1446, 1526, 1556
 греческий язык как предмет для начинающих 1369, 1372
 Григорий Великий 522, 1125, 1799, 1894
 Григорий Назианзин 522, 1511, 1787, 1804, 1824, 1826
 Григорий Нисский 1779, 1787
 Григорий Турский 522, 1412
 Григорий Эльвирский 1721
 Григорий, писатель-юрист 1646
 Гриллий 1608
 Грильпарцер 894
 Гриммельсхаузен 1593
 Гринингер, Ганс 270
 Грифий, Андреас 1640
 Просвита Гандерсгеймская 233, 267
 Гроций, Гуго 271, 945, 1078, 1242, 1302, 1628
 Гуго фон Тримберг 803, 1846
 Гукбальд 1299
 Гумбольдт, Александр фон 1303
 Гумбольдт, Вильгельм фон 48
 Гундобад 1654, 1852
 Гундольф, Фридрих 472
 Гуссерль, Эдмунд 1845
 Гэлли, Эдмунд (Галлей) 353
 Гюго, Виктор 350, 769, 808
 Гюисманс, Йорис-Карл 1108, 1334, 1477
 д'Урфе, Оноре 771
 Давид, см. *псалмы*
 Дазумий Л. 1195
 Дали 894
 Дан, Феликс 1456, 1562
 Даниила, книга 560, 744, 1514, 1720
 Данте Алигьери 32, 102, 472, 755, 767, 768, 769, 770, 803, 890, 943, 1003, 1012, 1044, 1126, 1301, 1494, 1536, 1677, 1858, 1877, 1879, 1880
 Дарвин, Эразм 354
 дарвинизм, наоборот 886
 Дарет 1312, 1420
 декламация 329, 541, 904, 954, 986,

- 113 сл., 119, 1287, 1314, 1320, 1335, 1354, 1356—1358, 1360, 1362 сл., 1365, 1670
- Делакруа 894
- Демазиу 768
- Деметрий Фалерский 279, 522, 1087, 1356
- Деметрий, киник 1279, 1281
- демифологизация 1312
- см. также *аллегореза*
- Демокрит 325, 327, 328, 348, 119, 1122, 1123, 1127, 1281
- демонология 1593, 1702
- Демосфен 84, 85, 444, 485, 544, 579, 582, 586, 644, 1351, 1794
- Демофил 121, 201
- Дениэл, Сэмюэл, английский эпический поэт 1013
- Державин, Г. Р. 807
- Дечембрио, Пьер Кандидо 191
- Джефферсон, Томас 807, 1257
- Джойс, Джеймс 772, 894, 1327, 1337, 1344
- Джонсон, Бен 806, 1359, 1363
- Джонсон, Сэмюель 277, 1127
- Джорджино 804
- Джоффрей из Монмаута 1012
- диалектика 1370 сл., см. также *artes liberales*
- диалог, диалогичность 580—586, 588, 593 сл., 602, 789 сл., 745, 1115, 1200 сл., 1203, 1278, 1314, 1334, 1420, 1620, 1691, 1703, 1726, 1790, 1807, 1825, 1857 сл., 1861 сл.
- аллегорический 163
- аристотелевский 593
- в биографиях 518 сл.
- в дидактических стихах 311 сл.
- в драме: ссылки на слова партнера 220
- там же: экспонирующий 253, 209 сл.
- в лирике 367 сл., 389
- в научной литературе 620 сл., 641, 655
- в письмах 565 сл.
- в философских произведениях 554 сл., 592 сл., 1695
- в *satira* 294
- гераклидовский 593
- платоновский 1100, 1105, 1696
- см. *внимание к читателю*
- диатриба 280, 291 сл., 329, 657, 789, 1065, 1100, 1122, 1175, 1279, 1282 сл., 1380, 1425, 1613, 1712, 1856, 1861
- дидактический эпос 305—321, 1061—1079, 1422, 1436 сл., 1489
- антропологический подход 319
- в республиканскую эпоху 321—361
- в эпоху Августа 309 сл., 715, 758
- в эпоху поздней Империи 310 сл., 1437
- в эпоху ранней Империи 1061—1079
- влияние на естественные науки 346 сл.
- обращения к богам 317 сл.
- поэтическая техника 312
- формулы перехода 315, 331
- экскурсы 313 сл., 330 сл., 745
- эпическая форма 312 сл., 316, 746 сл.
- эротико-элегический элемент 310 сл.
- см. *философия, жанры философских произведений*
- Дидим Слепой 1279, 1788, 1824
- Дидим, комментатор Демосфена 1351
- Дидро 350, 805, 1242, 1300
- Дикеарх 587, 654, 655, 662
- диктатура, развращающая подданных 1232, 1235
- см. *военная диктатура*
- Диктис 1238, 1312, 1507—1509
- и Дарет 1312, 1420
- см. *Септимий, Л.*
- Дикуил 1384
- Динон 527, 528
- Диоген Лаэртский 83, 232, 518, 665, 1339, 1613
- Диодор 1183, 1185, 1190
- Диодот 568, 590, 599
- Диокл из Пепарефа 417
- Диомед, грамматик 1605, 117, 245, 277, 307, 638, 1569, 1604, 1757
- Дион из Прусы (Хризостом) 522, 526, 530, 576, 993, 1428, 1670
- Дион, см. *Кассий Дион*
- Диониджи да Борго Сан Сеполькро 1178
- Диониса культ, дионисийство 116—119,

- 155, 177 сл. (*Pentheus*), 185 сл. (*Bacchae*), 336, 341, 437, 883 сл., 1022 сл., 1041
- Дионисий (Псевдо-), Ареопагит 1845
- Дионисий Галикарнасский 419, 420, 424, 428, 433, 434, 664, 916, 925, 929
- Дионисий Фракийский 636, 637
- Дионисий Экзигуй 521
- Диоскорид 1378, 1379, 1385, 1610
- Диофан 540 прим. 2, 654, 665
- Дитрих фон Пленинген 1303
- Дифил 121, 202, 203, 224, 254
- догматико-полемиические произведения 1667 сл., 1810
- догматические произведения 1719, 1767, 1773, 1809 сл.
- доказательство бытия Бога 328, 610, 1065, 1071, 1692, 1700 сл., 1743, 1746, 1836
- должностные обязанности, в понимании римлян христиан 1780 сл.
- Дольче 804, 1302
- Домитилла 1365
- Домициан 375, 979, 984 сл., 993, 1031, 1038, 1041, 1043, 111, 1132 сл., 1135, 1137, 1141, 1144—1146, 1194—1197, 1199, 1204, 1207, 1214, 1223, 1224, 1227, 1229, 1231, 1232, 1237, 1239, 1240, 1252, 1313, 1319, 1353, 1365, 1428, 1504, 1520, 1525, 1529, 1531, 1534, 1541
- Домиций Афр 1365
- Домиций Марс 900—902, 375
- Домиций Ульпиан, см. *Ульпиан*
- Донат, см. *Клавдий*
- донатисты 1420, 1808, 1811, 1832, 1847, 1849
- Донн, Джон 805, 1107
- Дорат 348
- Дорофей 1658, 1659, 1750
- Досифей 1757
- Драйден, Джон 353, 760, 894, 1107, 1127
- Дракон 1020, 1021
- Драконий 1028, 1421, 1436
- драма 29, 73, 89, 116—139, 139—276, 715, 1273—1278, 1283—1287, 1314
- боги 229
- ведение интриги 128—131, 177 сл., 208—219, 241, 246 сл., 252—256
- двойное действие 254, 264, 267
- действие, преимущественное по сравнению с лепкой характеров 208, 241 сл.
- драма для рецитации 1286
- интрига 178, 197, 200 сл., 215
- критика современности 147 сл., 228
- маски и жесты 216
- монолог 254
- пародия на трагедию 207
- пафос 245, 1285
- перевернутый мир 227
- происходящее за сценой 219
- пролог 209—212, 252, 259
- профессионализация 129
- разделение на акты 129, 208 сл.
- ритуальные рамки 121
- техника экспозиции 209—212, 253
- технические приемы трагедии в комедии 218 сл.
- требование правдоподобия действия 263
- уничтожение иллюзии 227, 263
- философское содержание 134, 171, 230 сл., 245, 252, 262
- характеристика персонажей 212—215
- школьные драмы 269, 472
- *fabula praetexta* 151, 156, 1282, 1305
- *tragicomedia* 196, 230
- см. *комедия*
- см. *перипетия*
- см. *трагедия*
- см. также отдельных авторов
- Дрейтон, Майкл 1013
- Дрексель, Г. 1561
- дружба 248, 287, 394 сл., 735, 801, 887, 1132, 1146, 1268, 1272, 1295
- между благодетелем и поэтом 169, 781
- между мужчиной и женщиной, см. *женщины*
- см. *звездная дружба*
- Дрэнт, Т. 804
- дуализм 1729, 1745 сл., 1805, 1825
- Дуглас, Гэвин 768
- Дунгал 1384, 1623 прим. 1, 1895
- Дунхад 1628
- Дурид 411, 918
- дю Белле, Иоахим 348, 767, 806, 892, 1455

- дю Ман, Пелетье 804
 Дюма сын, Александр 268
 Дюран, Гийом 1106
 Дюрер, Альбрехт 893, 967
- Евагрий 520, 1790
 Евангельская гармония 1482, Сводное Евангелие 1479
 Евгемер, евгемеризм 29, 161, 163, 172, 550 прим. 3, 551, 1669, 1673 сл., 1702, 1741
 Евгиппий 521, 943, 1409, 1420, 1843
 Евграфий 267
 Евклид (матемагик) 1857
 Евклид (сократик) 294
 Евмений 1572
 Евнапий 1499, 1518
 еврейская и греческая история в параллельном изложении 1499
 еврейский язык 1787 сл., 1789
 Еврипид 119, 120, 122, 123, 128—130, 134, 151, 155, 161, 162, 164, 165, 171, 177, 178, 180, 185—190, 192, 202, 203, 207, 209, 215, 219, 224, 292, 365, 514, 519, 551, 876, 1033, 1095, 1124, 1282, 1285, 1286, 1296, 1840, 1866, 1874
 Евсевий Кесарийский 517, 521, 1492, 1499, 1503, 1510—1512, 1630, 1686, 1788, 1789, 1804
 Евсевий Эмесский 1767
 Евстафий 1825
 Евтих 199, 1093, 1608, 1630
 Евтропий 1503—1505, 1160, 1469, 1500, 1501, 1505—1507, 1510, 1514, 1518, 1519, 1536, 1542
 Евшушенко, Е. А. 807
 Евфорион 814, 815
 Евфрат 1248, 1548, 1772
 Евфроний, грамматик 1151
 Евхерий Лионский 1411
 Египет как родина писателей 1463
 Езекииль 120, 187
 Епифаний 1603
 естественное право, см. *право*
 естественные науки 299, 322, 362, 721—723, 738 сл., 761—766, 854, 866 сл., 949 сл., 988, 1069, 1260, 1263, 1270 сл., 1277, 1279, 1290, 1301, 1749
 — см. также *научная и научно-популярная литература, сельское хозяйство, медицина, theologia tripartita*
- Жако де Форе 1013
 Жан де Менг 803, 943, 1126, 1127
 жанры, см. *литературные жанры*
 Жан де Тюим 1012
 женщины
 — актрисы 98
 — благодарность к женщинам-родственницам 1072, 1099, 1261 сл.
 — благотворительницы Отцов Церкви 1789
 — благотворительницы поэтов 1030, 1131 сл.
 — брак 394, 662, 1114, 1121, 1145, 1217
 — гетеры (жадные или великодушные) 212—215, 241, 255, 816
 — главные роли в драмах 126, 140, 144, 153, см. *образы женщин в литературе*
 — девушки-вольноотпущенницы вольных нравов, чужие жены, уличные девки 784
 — добродетели 1179
 — достаточно свободное положение в Риме 1296
 — дружба между женщиной и женщиной 395
 — жалоба на судьбу женщины 143
 — законы о браке 716, 863
 — знатные женщины и любовники из простого народа 1112
 — значение в Риме 57
 — как (приятное) зло 298, 449
 — как авторы порнографических произведений 875
 — как матери 540, 997, 1806—1809
 — как обожествленные возлюбленные, см. *апофеоз*
 — как поэтессы, см. *Корнифиция, Перилла, Проба, Сапфо, Сульпиция*
 — нарушение супружеской верности 127, 213, 262, 394 863
 — образованные 487, 848, 1116, 1356
 — одежда: пышные дамские рядов, смелые охотничьи костюмы, свобода в платье 435, 664, 1218
 — перемена точки зрения на женские добродетели 1177
 — политически влиятельные 1263

- рыцарственность по отношению к пою
- сатира на женщин III, IIIA, IIII
- сатира о браке 288
- спортивные состязания женщин, женская страсть 84б
- супруга, в отрицательном ключе и в положительном 264, 871, 887, 997
- тещи, в положительном аспекте 255
- эмансипация 1333
- *domina* 817
- см. *вольнотрущеники*
- живопись, см. *изобразительное искусство*
- животные в басне 1089 сл.
- Жильбер де ла Пуаре 1363
- Жираду 235
- Жодель 1302

- загадка 730
 - шарада 1152
- Закон Двенадцати таблиц 24, 68, 86 сл., 637, 673, 679, 687—690
- записки должностного лица, см. *contmentarius*
- застольная песнь 369
- звездная дружба 801, 1105
- Зеккендорфф, Фейт Людвиг фон 1014
- Зелинский, Ф. Ф. 14
- земледелие, см. *научная литература, сельское хозяйство* землемерие, см. *научная литература*
- Зеннерт, Даниэль 348, 350
- Зенобий 504
- Зенон, стоик 102, 1271, 1280, 1283, 1672
- зерцало государей 578 (Цицерон, *Pro Marcello*), 982, 1251, 1255, 1269, 1311, 1465, 1470, 1474, 1477, 1532, 1572, 1717
- Зидер, Иоганн 1593
- зло
 - как «лишение блага» 1780
 - как небытие 1856
 - очарование, вкус к 1297, 1810, 1840
 - происхождение 1723, 1810, 1811
 - риторическое вживание 1298
- знак, теория знаков 341, 1835—1839, см. также *реалии как знаки*

- Зосим 1554
- Зудерманн, Германн 1478

- Ибсен, Генрик 505, 1562
- идеал оратора 544 сл., 581, 1254, 1370
- идеальное государство бои
- идиллия, см. *буколика*
- Иероним 1786—1803, 240, 267, 280, 289, 323, 377, 485, 505, 517, 519—521, 528, 535, 563, 567, 607, 912, 913, 1105, 1201, 1239, 1301, 1373, 1408, 1416, 1418, 1421, 1427, 1441, 1482, 1493, 1503, 1505, 1510, 1510—1513, 1536, 1603, 1604, 1630, 1631, 1661, 1663, 1664, 1686, 1692, 1702, 1715, 1721, 1722, 1730, 1732, 1738, 1744, 1745, 1760, 1761, 1763, 1768, 1770, 1777, 1804, 1823, 1825, 1838
- Иероним Кардийский 417
- изгнание авторов, см. *литературно-циологические аспекты*
- издатель 1417 сл., 1366, 1890 сл., см. также *Аттик*
- Изиды культ 888, 1120, 1312, 1580—1600, 1695 сл., 1673, 1697, 1827
 - см. *мистерияльные религии*
- изобразительное искусство 148, 515, 715, 846, 893 сл., 963, 1290, 1323, 1334, 1368, 1384 сл., 1422 сл., 1428, 1443, 1471, 1482, 1489 сл., 1732, 1783, 1800, 1871
 - см. также *история искусств, художественная критика искусств, теория искусств*
- Иларий Арльский 346, 521, 522, 1411
- Иларий Пиктавийский 1766—1770, 1373, 1437, 1495, 1631, 1778, 1790, 1804, 1837
- Ильдефонс Толедский 1536
- империй, проконсульский 708
- импровизация и поэзия 1038
- инвектива 507, 575—578, 875, 1461, 1465, 1798, 1802
- индивидуализм 170, 299, 438, 684, 737, 761, 823 сл., 887, 1677
- индивидуальная характеристика 213—215, 255 сл., 460, 489 сл., 729, 748 сл., 923—925, 938, 1003, 1037, 1067, 1071, 1082, 1160, 1208, 1214, 1252 сл., 1295 сл., 1325, 1330 сл., 1358, 1359 сл., 1361, 1368, 1450, 1587, 1613, 1695, 1797

- косвенная 460, 490, 923—925, 950, 1220, 1325
- индивидуум
 - и история 1238 сл.
 - как предмет литературы, см. *поэзия личного самовыражения*
 - литературное творчество 25, 30, 34, 39 сл., 62, 69, 77 сл., 92, 102, 145, 177, 192, 372
- инновация как историческая категория, см. *историкофилософские взгляды*
- Иннокентий 161
- интерполяции 206, 471
- Иоанн Добрый 944
- Иоанн из Солсбери 1106, 1126, 1191, 1342, 1363, 1477, 1593, 1616, 1617, 1846, 1895
- Иоанн Лидиец 281, 1341, 1476, 1535
- Иоанн Малала 1547
- Иоанн Овильский (de Altavilla) 1106, 1476
- Иоанн Павел I, папа 1374
- Иоанн Христомом 350, 1469
- Иоахим из Флорис 1687
- Иоганн Скотт Эриугена 1763, 1846
- Иордан 1481, 1506, 1547, 1629
- Иосиф Искан 1028, 1044
- Ипполит Римский 1513, 1668, 1686, 1719
- Ирвинг, Вашингтон 665
- Ирландия, литературная значимость 1412
- Ириней 1667 сл., 1668, 1669, 1761, 1824
- ирония 217, 264, 295, 595, 791, 881, 1337, 1587 сл., 1738
 - самоирония 817, 858, 1698, см. также *юмор*
 - трагическая 880
- Исидор из Харакса 1378
- Исидор Севильский 346, 397, 624, 966, 1011, 1384, 1410, 1506, 1515, 1535, 1536, 1604, 1623, 1745, 1782
- Исократ 407, 411, 459, 489, 522, 562, 587, 640, 918, 1281
- Испания как культурный ландшафт 74, 436, 476, 482, 958, 979, 1131, 1262, 1354, 1407, 1410, 1479, 1484, 1580
 - см. также *Гигин, Марциал, Помпоний Мела, Пруденций, Квинтилиян, Сенека*
- истина
 - дочь времени 1617
 - и историография 404, 449 сл., 460 сл., 487, 495, 905, 919, 1156, 1220, 1395, 1498, 1584
 - и красота 366 сл., 566, 1477, 1568, 1740, 1795
 - и литература 1336, 1740, 1830
 - и поэзия (либо обман) 101, 168 сл., 283, 291, 309, 316—319, 339, 658, 799, 1101, 1104, 1428, 1469, 1475, 1479, 1487, 1740, 1745, 1855
 - и риторика 550, 1838
 - и христианство 1697, 1744, 1649
 - критерии 1708
 - познание истины 583, 1697, 1810
 - поиск истины 1827, 1839
 - трудность публичного сообщения 1697
- историография 404—419, 987, 1395, 1429, 1498, 1501, 1526, 1584
 - анналистика 415—427
 - анналистический подход 918 сл., 1210, 1553
 - беспартийность 462, 495, 908, как проблема 930 сл., 951, 1222 сл.
 - в республиканскую эпоху 414—417
 - в эпоху Августа 905—952
 - в эпоху ранней Империи 1156—1248
 - в эпоху средней и поздней Империи 1496—1564
 - драматическая техника 408, 459 сл., 485, 491, 918—921, 1170, 1187, 1218
 - жанровый отпечаток, наложенный отдельным автором 408
 - изучение документальных источников 482 сл., 1207, 1521, 1551
 - искусственный язык 1555
 - историограф как судья 1222
 - Италия, ее значение 411, 487
 - как современная история (*Tac., hist.*) 403, 412, 499 сл., 1203, 1551 сл., как критика современности 407
 - как средство политической борьбы 407
 - клиенты как историографы 428

- критика предшественников 1184, 1225
- лейтмотивы 919
- личность, ее значение 516
- мемуарная литература 429, 458
- монография, историческая 148, 410, 427 сл., 479—510, 1207
- морализм 407, 410 сл., 426, 444, 449, 485, 931 сл., 935, 1230
- на пороге литературы 69
- некрологи в 1185
- несенаторская 88, 409, 905
- нравственный упадок 423 сл., 490, 495—498, 506
- общая история 406, 948—952
- парные речи 483 сл., 490, 925, 1187, 1207
- патетическая 1185
- патриотический характер 407, 935 сл.
- помыслы о славе, см. *gloria*
- провинции, их значение 24 сл., 449, 452, 480, 969, 977 сл.
- ретуширование 918, 936 сл., 1169
- «рефлексия» в историографии 461, 1035
- речи (вставные) и письма 439, 459, 487 сл., 923 сл., 949, 1187, 1217, 1555
- римские добродетели, см. *ценностные представления*
- риторическая 1161, 1187
- сенаторская 88, 407 сл., 411, 904 сл., 1226
- сообщения о битвах 458—464, 484, 915—923, 1185, 1216, 1555
- сосредоточенность/несосредоточенность на Риме 25, 412, 446, 448, 936, 951, 1227, 1238, 1545
- трагическая, см. *з. драматическая техника*
- эллинистическая 1187
- эпизация 1187
- эстетические аспекты 426
- этиология 407, 410 сл., 424 сл., 446 сл., 487
- *Annales maximi* 414
- *Annales et historiae* 404 сл., 1206
- *bellum iustum*, см. *война*
- *commentarius* 406, 459 сл., 465 сл., 474, 477, 505, 1354, 1379, 1872
- *diligentia* 468, 907, 909
- см. *автопсия* (свидетельство очевидца)
- см. *анекдот*
- см. *биография*
- см. *истина*
- см. *Рим, критика Рима*
- см. *экскурс*
- историко-социальные взгляды 662, 666, 763 сл., 905, 930—940, 1165, 1237, 1512, 1513, 1545, 1607, 1734, 1744, 1799, 1808, 1820, 1827
- актуальность для настоящего 938
- антропологический интерес 940 сл.
- апологетика истории, языческая 1518
- греческая и еврейская история в параллельном изложении 1497
- греческая и римская история в параллельном изложении 1512
- индивидуум, его значение 1238 сл.
- инновация как историческая категория 940, 1163
- история церкви, см. также *Евсевий, Иероним* 1497
- мировые державы, их последовательность 965, 1513
- морализм, см. *историография*
- патриотический характер, см. *историография*
- периодизация истории 1165
- положительные черты настоящего 1177, 1229
- прогресс цивилизации 1026, в отрицательном аспекте 1382
- состязание талантов в великие эпохи 1163
- сравнение с возрастными человеческой жизни 1361, 1541, 1547 сл., 1822
- творческий акт по отношению к истории 662, см. *обретение идентичности*
- усиление пессимизма 497 (Саллюстий), 1199 (Тацит), фальсификации 1237
- философия истории, историо-

- софский элемент 662, 765—768, 1025—1028, 1420, 1431, 1513, 1631, 1674, 1682, 1820—1824, 1845, 1846
- *translatio imperii* 1566
 - см. *exemplum*
 - см. *история культуры*
 - см. *обретение идентичности*
 - см. *Рим, критика Рима*
- история искусств, античные начатки 1380
- история культуры 662
- история литературы, античные начатки 187, 300 сл., 511 сл., 545, 582, 652, 654, 665, 796, 1163, 1168 сл., 1368, 1371, 1477, 1791, 1799
- и история искусств, античные начатки 1165
- история литературы, римская
- взаимное «чередование» первенствующей роли греческой и латинской литературы 31, 90, 1417—1420
 - периодизация 29—31, 81, 711 сл., 718
 - проблематика 23
 - смещение фаз 29—31, 78 сл., 292, 712 сл.
 - см. *возрождения римской литературы*
- «История цезарей» (Kaisergeschichte) 1500—1503, 1504, 1506, 1518
- Италия, культурный ландшафт 65, 73, 81, 411, 1409
- взаимоотношения с провинциями 1099
 - Рим 25, 73, 451, см. также биографии большинства авторов
 - северная 378, 525, 734
 - Сицилия 81, 162 сл., 727
 - средняя 193, 479, 569, 825 сл., 842, 861
 - южная 78, 81, 121, 138, 146, 157, 781
 - см. *историография*
- иудаизм 995, 1431, 1481, 1509, 1669
- эллинизация 995
 - см. *экзегеза*
 - см. *еврейская и греческая история, еврейский язык*
 - см. *Филон*
 - см. *типологическое истолкование*
- иудео-христианство 1404, 1429
- Йенс, В. 473
- казуистика, см. *право*
- казуистический подход (за пределами юридической тематики) 555
- Калигула, Г., литературные суждения 981
- Калидий, М. 541
- Калкидий 1804, 1805
- Каллий Сиракузский 442
- Каллимах 162, 163, 290, 293, 297, 317, 318, 336, 374, 380—383, 390, 783, 788, 796, 814, 815, 818, 821, 852, 864, 876, 877, 1033, 1069, 1468
- Каллин 813
- Каллисфен 527, 1183, 1185
- Калло, Жак 1725
- Кальв, см. *Луциний*
- Кальвин 348, 1106, 1770, 1846
- Кальвино, Итало 895
- Кальпурний Пизон 423—424, 409 сл., 446, 553, 916, 1725
- Кальпурний Сикул 1080—1085, 728, 732—735, 766, 770, 990, 993
- Кальпурний Статура 1099
- Кальпурний Флакк 1362
- Камерарий, Иоахим 770
- Камозенс 102, 234, 768, 1481
- каннибализм 113, 118
- Канова 1594
- Кант 351, 1107, 1455, 1841, 1873
- Кантемир, А. Д. (кантемировское подражание) 399
- канцелярский стиль, см. *язык и стиль, деловой язык*
- Капитон, см. *Атей*
- Капр, Флавий 1600, 1605, 1607, 1620
- Кардано, Джеронимо 1537
- Кардуччи, Джозуэ 398, 834
- Каритео, Бенедетто 398
- Карл V 1013, 1191
- Карл Великий 767, 770, 890, 959, 1044, 1892, 1894
- Карнеад 83, 438, 549, 582—584, 1281, 1734, 1750, 1820
- Каро, Аннибале 768
- картография, см. *научная литература*
- Карфаген как культурный ландшафт 1408
- Кассиан 1630
- Кассий Гемина 422—433, 448

- Кассий Дион 414, 428, 1413, 1499, 1505, 1549
 Кассий Дионисий 654, 664
 Кассий Лонгин 677, 970, 1389
 Кассий Север 953, 1320, 1336, 1356, 1360, 1363, 1522
 Кассий Феликс 1610
 Кассиодор 1629—1633, 565, 624, 943, 951, 966, 1241, 1373, 1407, 1409, 1419, 1600, 1604, 1608, 1610, 1627, 1756, 1763, 1874, 1894
 Кастильоне, Бальдассарре 1617
 Кастор Родосский 654
 Касцеллий, А. 675, 714, 970
 Катон М. Порций Старший (Цензор) 435—451, 23, 30, 39, 59, 60, 64, 66, 79, 80, 81, 83, 84, 86, 88, 91, 95, 158, 171, 185, 246, 262, 291, 309, 410, 411—413, 415, 420—423, 427, 429, 453, 456, 468, 471, 481, 483, 486, 487, 490—494, 496, 499, 504, 507, 508, 515, 522, 526, 527, 534, 535, 538, 539, 542, 543, 547, 581, 585, 600, 617, 618, 620, 622, 624, 654, 657, 660, 663, 689, 905, 909, 916, 923, 936, 977, 1143, 1209, 1255, 1350, 1361, 1528, 1558, 1566, 1601, 1611, 1612, 1617, 1620, 1726, 1847
 Катон Младший (Утический) 185, 501, 541, 552, 584, 601, 982, 1012, 1160, 1165
 Катулл 377—403, 27, 29, 37, 38, 43, 60, 77, 79, 89—92, 96—98, 110, 173, 262, 321, 333, 345, 351, 364, 366—371, 375, 413, 473, 525, 536, 637, 658, 707, 709, 713, 720, 737, 742, 816, 821, 822, 829, 833, 845, 851, 858, 901, 906, 1026, 1034, 1112, 1131, 1136—1138, 1143, 1148, 1343
 Кафка 895, 1108
 Квинтилиан, М. Фабий 1365—1376, 314, 242, 266, 345, 464, 472, 487, 504, 640, 715, 831, 834, 862, 904, 912, 942, 979, 980, 983, 986, 1001, 1011, 1018, 1096, 1114, 1119, 1137, 1159, 1209, 1239, 1254, 1278, 1287, 1300, 1320, 1348, 1349, 1353, 1362, 1377, 1528, 1605, 1896
 Кельс, антихристианский автор 1694, 1700, 1724, 1893
 Кесарий Арльский 1411
 кинизм, см. *диатриба*
 Киприан 1705—1718, 27, 520, 1403, 1409, 1414, 1419, 1631, 1686, 1691, 1693, 1702, 1719, 1721, 1725, 1736, 1737, 1740, 1751, 1825, 1826, 1837, 1838
 Клавдиан Мамерт 1412, 1630
 Клавдиан, см. *Клавдий*
 Клавдий Агатин 1099
 Клавдий Бальбилл, Ти. 1522
 Клавдий Донат 628 сл., 1604 прим. 2
 Клавдий Квадригарий 430, 80, 88, 91, 410, 420, 492, 915, 916, 1498, 1612
 Клавдий Клавдиан 1463—1479, 15, 106, 107, 113, 115, 173, 366, 703, 776, 818, 890, 1036, 1044, 1125, 1399, 1409, 1415, 1418, 1421, 1422, 1437, 1460, 1550, 1571, 1573, 1745, 1863
 Клавдий Птолемей, астроном и географ 1075, 1183, 1240, 1416, 1504, 1750, 1857
 Клавдий Сатурнин, юрист 1669
 Клавдий Цек, Аппий 24, 69, 85, 408, 539, 638, 688
 Клавдий, император, как автор 982, 1528
 Клавдий, см. *Марий Виктор*
 классика, см. *classicus*
 классицизм
 — исторические условия 715, 989 сл., 1416, 1481, 1740
 — как восстание против общего вектора литературного процесса 737
 — как восстание против ученой или дилетантской ругины 795—799
 — социальная обусловленность 1441
 — умеренный 1369
 клаузулы, см. *прозаический ритм*
 Клеанф 1281, 1672, 1700
 Кледоний 1604
 Клейст 213, 235
 Климент Александрийский 1697, 1724, 1736, 1742, 1743, 1751, 1862
 Клитарх 411, 432, 485, 1183—1185
 Клитомах 289, 294, 583
 Клопшток 102, 768, 807, 808
 Клувий Руф 1207, 1522
 Кнебель, К. Л. фон 351, 857, 1455
 книготорговля 1890
 книжное дело 26, 712, 905, 1361
 Кокцей Нерва 1389
 Коллоди, А. 1242 (итал.)

- Колумелла, Юний Модерат 634 сл., 1350, 447, 617, 620, 622, 623, 665, 760, 979, 1349, 1609, 1610
- Кольридж 354, 1477
- комедия 117–138, 196–275, 1328, 1423, 1584
- вымышленное действие 120
 - Древняя комедия 118 сл., 129, 277, 1101, 1113
 - жанровые подразделения у Плавта 201 сл.
 - как средство просвещения 161, 178, 232
 - кантики 204, 215 сл., 223–225, 258
 - любовная тематика 118
 - мим 126 сл.
 - Новая комедия 118, 134, 201, 1325
 - Нового времени 233 сл., 268–671
 - паллиата 124, 130, 135, 216, 244
 - персонажи, типичные 212
 - Средняя комедия 129, 203
 - схема действия 129
 - тогата 125, 150
 - трабеата 125
 - фарс флаиакон 125
 - *fabula Atellana* 125 сл., 207
 - см. *драма* и разделы, посв. отд. авторам
 - см. *насмешливые стихотворения*
 - см. также *сатира*
- Комес, Наталис 893
- Коминиан 1601, 1605
- комментарий
- аллегорический 1607
 - близкий к тексту 1761
 - историко-реальный 1351
 - исторический (*commentarius*), см. *историография*
 - риторический 1357, 1756
 - теологический 1421, 1630, 1767, 1771, 1775, 1789, 1826
 - теолого-философский 1757
 - филологический 102, 154, 265 сл., 621, 638 сл., 803, 1033, 1351 сл., 1602, 1605, 1854
 - философский 1623, 1764, 1791, 1854 сл., 1858
 - эстетический 1602
 - юридический, см. *право*
 - см. также *аллегореза*, *герменевти-*
- ка*, *рецепция*, *традиция Гомера*, *типологическое истолкование*
 - компендиум 1159, 1167 сл., 1367, 1506, 1554, 1603
 - см. также *научно-популярная литература*, *историография*
 - композиция, см. *структурные принципы*
 - конкретное восприятие метафор (как элемент комики) 221
 - конкретность выражений (предпочтение) 43 сл., 49, 549, 861, 1102 сл., 1116 сл.
 - Конрад фон Гирсау 472, 1875
 - контаминация 124, 131, 142, 177, 205, 215, 244, 246, 254, 260, 1051
 - конфликт между отцом и сыном 171, 199
 - Конфуций 893, 994
 - Коперник 609, 1628
 - Корд, Евриций 770
 - Корефф, Иоганн Фердинанд 835
 - Корипп, Флавий Кресконий 1421, 1437
 - Корнелий Бальб 475
 - Корнелий Галл 26, 37, 397, 735, 736, 745, 766, 778, 816 сл., 821, 824, 828, 836, 843, 848, 853, 876, 1893
 - Корнелий Север 903–904, 105, 109, 999, 1001, 1356
 - Корнелий Сизенна 431 сл. (там же вопрос об идентичности историка и автора развлекательных произведений), 88, 405, 409–412, 485, 487, 637, 917, 1313, 1325, 1584
 - Корнелий Сципион Назика 429
 - Корнелий Фуск 1208
 - Корнелий Эпикад 516, 529
 - Корнелий, см. *Гетулик*
 - Корнелий, см. *Лабеон*
 - Корнелий, см. *Непот*
 - Корнелий, см. *Сулла*
 - Корнелий, см. *Тацит*
 - Корнелий, см. *Фронто*
 - Корнелий, см. *Цельс*
 - Корнелия, мать Гракхов 441, 452
 - Корнель 945, 1014, 1242, 1302, 1304
 - Корнифиций, Кв. 541, 643 прим. 1
 - Корнифиция 375
 - Корнут, Анней 997, 1048, 1099, 1100, 1104, 1613, 1630

- Коро, Камиль 893
 Кортней В. 234
 Корунканий, Ти. 689
 Косконий, Кв. 637
 Коста, Леонель да 270
 Котта, Джованни 397
 красноречие, см. *речь*
 Красс, Л. Лициний 39, 80, 84, 428,
 540, 543, 558, 580 сл., 641, 644
 Красс, М. Лициний 552
 Кратет Маллосский 82, 83, 184, 189,
 551
 Кратипп Пергамский 583
 Кремуций Корд 1000, 1166, 1209, 1221,
 1354, 1522, 1893
 Кретген де Труа 891
 критика Александра Македонского
 114, 191
 критика Гомера, см. *рецепция, тради-
 ция Гомера*
 критика религии (государственный
 культ) 1820
 — бессмысленность обрядов 346
 критика современности, см. *историо-
 графия*
 Крич, Томас 353
 Кроче, Бенедетто 271
 кружок поэтов 83—87, 379, 710 сл.
 крупные формы в литературе 1488
 Крылов, И. А. 1097
 Ксенофан 314, 339, 814, 1701
 Ксенофонт 60, 406, 407, 409, 445, 459,
 461, 485, 513, 522, 524, 527, 551, 875,
 1281, 1350
 Ксенофонт Эфесский 131 прим. 1,
 1329
 Ктесибий 962
 кулинария 629, 1118, см. *научно-попу-
 лярная литература*
 культ властителя, см. *апофеоз*
 культ императора, см. *апофеоз*
 культурные ландшафты 25, 82, 1407
 сл., 1580
 — см. отдельные области
 — см. *рецепция, культурные мосты*
 Куперус, Луи 1594
 Курион, Г. Скрибоний 540, 542
 Курций Валериан 1630
 Курций Монтан 982
 Курций Никий 301
 Курций Руф 1180—1194, 903, 942, 951
 Кьябрера 806
 Ла Фар 835
 Ла Шапель, Жан де 835
 Лабеон, Антистий 675, 714, 971 сл.,
 1390, 1613, 1641
 Лабеон, Корнелий 1724
 Лаберий, Д. 78 прим. 3, 127 сл., 1669
 Лабиен, Т. 906, 953, 981 прим. 1,
 1359 сл.
 Лабрюйер, Жан де 1304
 Лагарп, Жан-Франсуа де 835
 Лазо де Оропеза, Мартин 1013
 Лайдгейт, Джон 1879
 Лактанций 1732—1749, 301, 323, 344,
 346, 503, 554, 607, 664, 818, 1078,
 1125, 1178, 1277, 1300, 1360, 1403, 1409,
 1422, 1439, 1481, 1488, 1495, 1542, 1583,
 1616, 1666, 1669, 1686, 1691, 1693,
 1702, 1703, 1715, 1722, 1726, 1728, 1730,
 1791, 1818, 1830, 1873
 Лактанций Плацид 1044
 Ламетри, Жюльен Оффрэ де 1730
 Ланге, Хартмут 807, 895
 Ландино 805
 Ландольф Сагакс 1505
 Ландсбергер, Артур 1320
 Ларошфуко 1304
 Латини, Брунетто 890, 1879
 латынь, см. *язык и стиль*, см. также *ре-
 цепция, латинизация*
 Лафонтен 270, 349, 1097, 1593
 Лев I, папа 1687
 Левий 375, 376, 1443, 1444, 1445
 Лейбниц 856, 1342, 1343, 1746
 лексикография, см. *научная литера-
 тура*
 Лелий Архелай 301
 Лелий, Г. (младший) 288, 539, 543, 551
 прим 1, 568
 Ленц, Й. М. Р. 234
 Леон из Пеллы 1669
 Леон, Луис де 805
 Леонель да Коста 270
 Леоничени Н. 1385
 Леопарди, Джакомо 348, 857, 1544,
 1549
 лепка характеров, см. *характеристи-
 ка персонажей*
 Леруа, Гийом 767
 Лесаж, Ален Рене 1593

- Лессинг 263, 271, 398, 807, 1086, 1097,
1148, 1154, 1303, 1343, 1687, 1754
- Либаний 562, 1474, 1551—1554, 1559
- Либерал 1272
- Ливий Андроник 139—147, 28, 66, 67,
74, 77 прим. 1, 90, 101, 103, 104, 109,
113, 121, 122, 123, 150, 151, 152, 158, 159,
161, 177, 194, 366, 709, 781, 1282, 1794
- Ливий, Салинатор 140, 1049
- Ливий, Т. 911—948, 55, 60, 61, 65, 88,
121, 407, 409, 410, 411, 412, 415, 419,
420, 424, 428, 430, 431, 432, 433, 434,
445, 448, 449, 475, 504, 560, 598,
607, 709, 712, 713, 719, 720, 723, 877,
883, 904, 905, 906, 910, 949, 950,
956, 980, 981, 999, 1161, 1165, 1168,
1171, 1172, 1179, 1184, 1186, 1187, 1189,
1191, 1205, 1208, 1209, 1213, 1216, 1220,
1356, 1443, 1498, 1499, 1450, 1502,
1504, 1509, 1542, 1544, 1546, 1548,
1553, 1575, 1824, 1895, 1896
- Лигдам 817, 836 прим. 2, 837
- Лик Регийский 442
- Ликофрон 120, 744
- Липсий, Юст 1178, 1239, 1278, 1342,
1548, 1730
- лирика и лирический элемент 38,
90 сл., 362—373, 382—398, 781—806,
987, 1030—1046, 1342, 1423—1451,
1481—1494, 1767—1772, 1779, 1894
- в драме 365 сл.
 - жанровые подразделения, см. *литературные жанры*
 - как зеркало окружающей действительности 372
 - как индивидуальное достижение 38
 - лирика предмета 1465
 - малая форма, лирическая 372
 - «медленность» в начальных частях 388
 - мелика 362
 - ода 370, 732—809
 - риторизация 1421
 - см. *застольная песня*
 - см. *посвяtitельное стихотворение*
 - см. *приглашение в стихах*
 - см. *стихотворение на случай*
 - см. *παράκλησις*
 - см. *προπέπτικόν*
- см. также *поэзия*
 - см. также *эпиграмма*
- Лисий 522, 582
- литература и история
- как индивидуальное достижение 34—41, 53 сл., 372
 - как набросок 23, 42, 73
 - как реакция на события 23, 39 сл., 62, 74, 78 сл., 82, 104, 146 сл., 297, 418, 938
 - отношение к исторической действительности 61 сл., 92, 112, 146, 309, 502, см. также *истина*
 - упадок, его причины 119
 - условия возникновения 26—31, 77—81, 709 сл., 980—985, 1407—1417
- литературная критика, теория литературы
- аристотелевская, см. *драма*, см. *Аристотель*
 - Вергилий оратор или поэт 1540
 - дистанцирование от традиции 981, 1007, 1290
 - и теория знаков 1835—1839
 - и теория познания 1835—1839
 - Каллимахова 128 сл., 290 сл., 293 сл., 390—393, 796, 850—853, 883—886
 - комические поэты, оценка 660, см. также *Волкаций*
 - мифологическая поэзия как объект критики 119
 - перипатетическая, см. *историография*, *драматическая техника*
 - платоновская 307, 364, 640
 - поэзия как призвание, см. *поэт*
 - поэтика 116—119, 1487, 1606, см. *Неоптолем из Парфона*
 - поэтика восхваления 1439, 1492
 - поэтика жанра, библейская 652, 1428, 1606, см. *Диомед* и *литературные жанры*
 - поэтика преобразования 1492
 - поэтика, с дидактической ориентацией 1291, 1487
 - поэтика, христианская 1477, 1487, 1492, 1740 сл., 1771
 - «прозаическая критика» 1361
 - стилистическая критика 1528

- стоическая, см. *brevitas*, см. *Стоя*, *стоики*, *стоицизм*
- школьная риторика как объект критики 1315 сл.
- эпикурейская 798
- поэта, *poesis*, *poetice* 659
- см. автор «О возвышенном»
- см. *вдохновение*
- см. во всех главах, посвященных отдельным авторам, жанрам и эпохам, раздел «Литературные размышления»
- см. научная и научно-популярная литература, грамматика и метрика
- см. *самосознание*
- см. также *риторика*
- литературная техника
 - визуальность 104, 183, 186 сл., см. *evidentia*
 - идейность 46, 55 сл.
 - монолог, внутренний 1285, 1314, 1834
 - описания 106 сл., 386, 962, 1020 сл., 1034, 1259, 1333 сл., 1455, 1062, 1483, 1486, 1585
 - пародия 292, 1090, 1315—1327, см. также *комедия* и *драма*
 - перестановка, хронологическая 1212
 - переход, скользящий 790, 1217, 1284
 - персонификация, см. *аллегория*
 - повтор 333, 335 сл.
 - поток сознания 282
 - пророчество 107, 156, 743, 763 сл., 1010, 1019, 1557
 - сон 162, 168, 187, 551, 595, 665, 1608, 1622
 - сцена бури 739, 747, 1004, 1181, 1314
 - техника коллажа 1775
 - техника обращения: обмен ролями, перемена предметных и изобразительных уровней, обратный ход времени 581, 749—753, 754 сл., 1865
 - травестия 294, 1327, 1587
 - цитата, см. *рецепция*
 - эпилог 644, 879, 1481, 1558
 - *praeformatio*, *prooemium*, предисловие 93, 252, 312, 329 сл., 424, 430, 489, 497, 589, 598, 619—622, 643 сл., 1050, 1063, 1138, 1211, 1359, 1369, 1377, 1381, 1442, 1447, 1466, 1505, 1620, 1693, 1716
- *praeteritio* 440
- *varietas* 277, 305, 493, 919, 1173, 1177
- см. *индивидуальная характеристика стиха*
- см. *молитва*
- см. *образы*
- см. *перипетия*
- см. *повествовательная техника*
- см. *риторика*
- см. соотв. разделы в главах об авторах
- см. *сравнение*
- см. *структурные принципы*
- см. *экскурсы*
- см. *σύγκρισις*
- см. также *перевод*
- литературно-исторические произведения, см. *история литературы*, *античные попытки*
- литературно-социологические аспекты
 - агоны 129, 202, 279, 1435, 1809
 - аристократия в позднеантичной Галлии 1412
 - Афиней 1413
 - благородство в силу духовных достижений 1122 сл.
 - бродячие труппы 117
 - в республиканскую эпоху 71—100
 - в эпоху Августа 707—725
 - в эпоху ранней Империи 980—984
 - в эпоху средней и поздней Империи 1407—1417
 - взаимовлияние поэтов и властителей 1467
 - греки как латинские авторы 138 сл., 1030, 1459, 1549
 - изгнание авторов 26, 570, 712, 716, 863 сл., 884 сл., 1294, 1859
 - институции, их литературная значимость 1416
 - клиенты как историографы, см. *историография*

- культурные ландшафты, см. соотв. названия
- литературная политика 1365
- монастыри 23, 1632, 1649, 1788 сл., 1800 сл., 1807, 1906, 1909 сл.
- монашество, его литературная значимость 1416
- муниципальная аристократия 77 сл., 1156, 1159
- обряд, укорененность в 58, 66 сл., 121, 123 сл., 441
- общество, публика 54 сл., 78, 229, 265, см. также *внимание к читателю*
- общие условия развития римской литературы 23—70
- писательские и актерские коллегии 78, 140, 184
- покровительство поэтам, см. *Меценат, меценатство*
- попрошайничество в стихах 1082
- поэзия клиентов 45, 53, 158, 169, 247, 1004, 1112, 1144, 1467
- поэзия по заказу 1467
- придворный эпос 1422
- происхождение авторов 77 сл., 618, 674, 711, см. также *вольноотпущенники, всадники, сенаторы как писатели, рабы*, а также биографические разделы в главах об авторах
- рабы как авторы 1096
- сенатская аристократия 27, 76—79, 936 сл., 1436, 1551, 1756
- социальная основа классицизма 1436
- тюрьма 146, 228, 1281, 1856
- тяжелое положение интеллектуальной элиты 1112
- церковь и литература 29, 1415 сл., 1417 сл., 1422
- школа, см. *декламация, научная и научно-популярная литература, грамматика и метрика, риторика*
- эллинизация римского общества 1533
- языковая политика, императорское покровительство латыни 1416, греческому языку 1413, 1416
- *grammatici*, их литературная значимость 1450, 1529
- см. *библиотеки*
- см. *воспитание*
- см. *всадники*
- см. *кружок поэтов*
- см. *рецитация*
- см. *сожжение книг*
- литературные жанры
 - в республиканскую эпоху (обзор) 84—90
 - в эпоху Августа (обзор) 712—716
 - в эпоху ранней Империи (обзор) 987 сл.
 - в эпоху средней и поздней Империи (обзор) 1420—1424
 - возникновение жанров 38, 58 сл., 69, 85, 228 сл., 276, 310 сл., 814, 863, 876
 - дифференциация (драма против эпоса) 109, (у Горация) 795
 - жанр и индивидуум 34—41, см. также *индивидуум*
 - жанровые пересечения 30, 34, 165, 219, 277, 288 сл., 296, 304 сл., 311, 418, 523, 656, 876, 880, 1136, 1206, 1331, 1420—1424, 1454, 1483
 - жанровые подразделения 34, 367 сл., 383, 788, 1032, 1133—1138, 1032 сл., 1444 сл.
 - изменение жанра 42, 208, 283, 727, 880 сл., 1001—1004, 1420
 - композиция 34, 383, 829, см. также *жанровые подразделения*
 - литературизация отдельных разновидностей текстов 37, 85, 126, 428, 458, 542, 563, 1038, 1133 сл.
 - отличительные признаки 35—38, 101, 128, 279, 813, 818
 - размер и жанр, ослабление связей 1422
 - систематика жанров 1606, 1370
 - стиль и читательские ожидания 30, 40 сл., 328, 542, 547, 566, 587, 595, 886
 - христианизация 1429, 1487
 - христианские 1421
 - см. *на пороге литературы*
 - см. соотв. разделы в главах об авторах и главы о жанрах

- литературные размышления, см. со-
отв. разделы, см. также *литера-
турная критика, теория литера-
туры*
- Лихтенберг, Георг Кристоф 350, 1241
- Лициний Макр Кальв, Г. 433, 78, 375,
379, 390, 434, 541, 916, 1000
- Лициний Муциан 1378
- Лициний, см. *Красс*
- Ловати, Ловато 1028, 1301, 1895
- логика 550, 557 сл., 693, 1277,
1291 сл., 1583, 1585, 1594, 1622,
1756 сл., 1763 сл., 1830, 1855, 1857,
1868 сл., 1874, 1878 сл.
- логос, учение о 1429, 1818 сл., см. так-
же *теология*
- Лодж 1304
- Ломоносов, М. В. 807
- Лонг 727, 771, 131 прим. 1
- Лохер 271
- Лукан, М. Анней 997—1017, 26, 28, 35,
36, 44, 101—114, 265, 285, 336, 472,
766, 767, 772, 882, 890, 890, 903, 904,
936, 954, 979, 980, 982, 983, 985, 988,
989, 990, 991, 993, 1020, 1023, 1026,
1031, 1034, 1035, 1036, 1039, 1040,
1050, 1052, 1053, 1055, 1057, 1065,
1073, 1099, 1102, 1105, 1132, 1174, 1184,
1198, 1261, 1313, 1321, 1338, 1354, 1449,
1469, 1476, 1483, 1487, 1521, 1542, 1575,
1860, 1861
- Лукиан 459, 661, 665, 1157, 1222, 1282,
1303, 1311, 1516, 1554, 1584, 1612, 1620,
1668, 1860
- Лукиллий, эпиграмматический поэт
1135, 1136, 1141
- Лукреций 321—361, 27, 29, 33, 60, 80,
85, 89, 92—96, 109, 110, 132, 171, 266,
299, 302, 305, 307, 308, 310—320,
388, 397, 473, 485, 493, 535, 550, 554,
555—558, 618, 623, 655, 707, 713, 720,
721, 737, 746, 756, 784, 789, 804, 829,
832, 962, 987, 990, 1001, 1063, 1065,
1066, 1069, 1071, 1073, 1114, 1292, 1327,
1386, 1449, 1483, 1486, 1487, 1490,
1491, 1669, 1673, 1709, 1724, 1728, 1739,
1736, 1738, 1740, 1741, 1743, 1767, 1845,
1863, 1867, 1895, 1896
- Луксурий 1423, 1436
- Лукулл, Л. 552, 1891
- Лукцей, Л. (сын Квинта) 597 сл.
- Луп де Феррьер 608, 1147, 1177, 1178,
1298, 1373, 1535
- Лусций Ланувин 241, 244, 246, 261, 288,
293
- Луций Дафнис 406
- Луций Катул, Кв. 375 сл., 384, 406,
429, 540, 1160
- Луцилий, адресат Сенеки 1264, 1271
прим. 1, 1278 сл., 1280, 1291, 1292
- Луцилий = Лициний 287—304, 27, 34,
80, 90, 91, 173, 189, 191, 248, 277—285,
309, 329, 364, 516, 556, 637, 655, 656,
662, 727, 782, 784, 785, 789, 794, 796,
804, 985, 1088, 1100 сл., 1113, 1339,
1381, 1449, 1451, 1452, 1826
- любовь
- в комедии 118
 - земная и небесная 1591
 - как *ars* 312 сл.
 - как образ жизни и программа
820 сл., 830 сл., 853—856
 - как партнерство 95 сл., 394 сл.
 - как судьба 379, 887
 - супружеская 261, 867, 874, 887,
955, 1366, 1442, 838—868, 874 сл.,
885 сл.
 - у Вергилия 763
 - у Горация 802
 - у Катутла 96—97
 - у Лукреция 326
 - у Луцилия 296 сл.
 - у Теренция 261
 - у элликов 814—824, 831
 - чувственная и духовная 95 сл.
 - см. *сексуальность*
- любовь к мальчикам, см. *сексуаль-
ность, гомозротика*
- Людвиг Немецкий 1880
- Лютер 68, 234, 609, 770, 891, 1097, 1106,
1374, 1484, 1594, 1770, 1794, 1800,
1801, 1846
- магия 227, 738 (*ср.* 8), 866, 1334, 1339,
1580—1582, 1591
- Магон из Карфагена 617, 654
- Майков, А. Н. 1343
- Макиавелли 269, 944
- маккавеи 1786
- Макон 241
- Макробий 1619—1625, 102, 155, 421, 503,
583, 605, 664, 767, 1324, 1325, 1427,

- 1535, 1592, 1606, 1616, 1617, 1774, 1832,
1859, 1860, 1893
Макропедий, Георг 269
Максим Голобол 1878
Максим Плануд 472, 891, 1877
Максимиан 818, 1422, 1436
Малала, см. *Иоанн*
Малларме, Стефан 771
Мамертин 1570
Ман, см. *дю Ман*
Ман, Пелетье дю 804
Манефон 418, 1750
Манилий, дидактический поэт 1061—
1075, 310, 316, 318—320, 552, 720, 766,
956, 980, 981, 987, 992, 1043, 1076,
1077, 1174, 1750
Манилий, Маний, писатель-юрист
288, 691
манихеи, манихейство 1733, 1742, 1762,
1805 сл., 1810, 1813, 1825, 1829, 1835
Мантовано, Публио Филиппо 269
Мантуан, см. *Балтиса*
Манчини-Ниверне, герцог де 835
Марбод из Ренна 1147
Марешаль 350
Марий 76, 77, 89, 96, 321, 430, 432, 452,
455, 482, 485, 488—491, 494, 498, 500,
502, 506, 507, 568, 570, 707, 925, 939,
998, 1068, 1165, 1175, 1176, 1467, 1504,
1524, 1525, 1549
Марий Виктор, Клавдий 1028, 1442
Марий Викторин Афр 1755—1766, 66,
420, 557, 1421, 1423, 1603, 1771, 1779,
1804, 1806, 1824, 1854, 1857, 1865
Марий Максим 517, 1419, 1449, 1498,
1502, 1517, 1536
Марий Приск 110 прим. 1, 1195, 1249
Марин 517
Марк Аврелий 61, 522, 548, 552, 556,
567, 993, 1104, 1300, 1313, 1407, 1416,
1417, 1493, 1499, 1568, 1581, 1635
Марк Валерий (XII век) 1084
Маркион, маркиониты 1486, 1667,
1669, 1670, 1680, 1721, 1724, 1729,
1810
Маркс, Карл 352
Марло, Кристофер 892
Маро, Клеман 771, 891
Мароль, аббат 349
Марс, см. *Домиций*
Марулл 347, 398, 1356
Марцелл 151, 431, 586, 741, 843, 845, 923,
1033, 1049, 1053, 1057, 1263
Марцелл (Эмпирик), медицинский
писатель 1608, 1610
Марцелл, юрист, см. *Ульпий*
Марциал 1131—1150, 27, 280, 309, 366,
368, 375, 397, 504, 834, 857, 901, 902,
980, 983, 984, 988, 1011, 1018, 1031,
1058, 1070, 1083, 1096, 1105, 1110, 1113,
1124, 1253, 1277, 1333, 1384, 1413, 1434,
1449, 1455, 1609, 1891, 1895
Марциан 1623, 1642, 1658
Марциан Капелла 1625—1629, 280, 397,
649, 665, 1011, 1373, 1384, 1409, 1421,
1430, 1756, 1858, 1896
Марция 998, 1012, 1262, 1265
Масурий Сабин 1389
Масцезель 1465, 1466
математика, см. *научная и научно-попу-
лярная литература, арифметика*
— как интеллектуальная модель
1868
материализм 347—355, 1680, см. *мани-
хеи*
Матт, И. 1374
Маций 110, 376
Мевий 901
Мегет Сидонский 1348
медицина, медицинские аспекты
630 сл., 247, 299, 440, 618, 650, 868,
1348 сл., 1380, 1609 сл.
— диета 1348—1350
— история медицины 1350
— медикаменты 1350
— сборник рецептов 440, 1349,
1436
— этика, медицинская 1350, 1780
международное право, см. *право*
Мейер, Конрад Фердинанд 769, 1015,
1562, 1829
Мейфарт, И. Матт. 1374
Мела, см. *Помпоний*
Меланхтон 268, 472, 1374, 1385, 1801
Мелеагр 374, 382, 383, 814, 846
Мелитон Сардский 1669, 1670, 1707
Меммий, Г. 375
мемуарная литература 428, 451—479,
515, 1552
Менаж 1191
Менандр 42, 89, 121, 124, 130, 131, 132,
135, 201—203, 206, 208, 210, 212, 213,

- 215, 217, 219, 223, 227, 230, 234, 241—247, 251, 252 сл., 258, 261—266, 292, 384, 824, 846, 1065, 1083, 1124, 1181, 1311, 1325, 1557, 1615
- Менандр Лаодикейский, ритор 1471
- Менестрат 1356
- Менипп из Гадары 278, 653, 655, 659, 661, 1281, 1329
- Мережковский, Д. С. 1562
- Мерике, Эдуард 398
- Меробавд 1435
- Меса, Кристобаль де 768
- Мессала Корвин, М. Валерий 862, 873, 953, 958, 1220, 1522
- Мессалин 953
- местоимения, см. *язык и стиль*
- месть, положительно 761, отрицательно 1123
- метафоры, см. *образы*
- Метелл Нумидийский, Кв. Цецилий 484, 543, 637
- Метелл Сципион 456
- Метилий 1265
- метод образования догматов (оборонительный) 1680
- методы датировки 195, 203, 248
- метонимия, см. *язык и стиль*
- метрика 66 сл., 101 сл., 124, 142, 164 сл., 180, 223—225, 256 сл., 288, 333 сл., 369 сл., 387 сл., 597, 658, 718, 758, 795, 806, 820, 831, 882, 1138, 1153, 1351, 1413, 1436, 1443, 1446, 1467, 1486, 1602 сл., 1626, 1732, 1757, 1769, 1779, 1862, 1866, 1878
- акцентуирующая 1423
- асклепадов стих 1427
- гекзаметр 92, 102, 109, 142, 164 сл., 281, 288, 291, 333 сл., 387 сл., 591, 758, 795, 882, 1004, 1119
- дистих, элегический 163, 813, 820, 831, 838, 881
- неквантитативная 66, 142, 1438, 1832
- одиннадцатисложник 389, 1151
- отображения в современных языках с прим. 805 сл.
- сатурнов стих 65, 109, 143, 185, 374 сл., 688
- сенарий и триметр 1095
- спондей 131 прим. 2, 334, 397, 731, 757, 1055
- холиамб 1099, 1105
- *versus quadratus* 1435, 1541, 1769
- см. также *прозаический ритм*
- Меценат Мелисс 125
- Меценат, меценатство 25, 27, 78, 370, 376, 710 сл., 735, 736, 739, 780, 781, 782, 783 сл., 786, 791, 792, 798, 801, 843, 852, 855, 856, 900, 984, 1031, 1119, 1132, 1412, 1414, 1522, 1529, 1612, см. также *литературно-социологические аспекты*
- Милан 240, 1568, 1577, 1782, 1844
- Мильтон 102, 768, 771, 772, 804, 806, 892, 1014, 1363, 1442, 1476, 1481, 1746
- мим 125 сл., 101, 1329, 1483, см. также *комедия*
- Мимнерм 813, 814, 815, 846, 851
- Минучий Феликс 1690—1705, 174, 346, 437, 448, 504, 555, 557, 1403, 1420, 1569, 1686, 1725, 1729, 1736, 1737, 1740, 1744, 1826, 1830
- мир, см. *рах*
- мистериальные религии 61, 449, 554, 721 сл., 888, 991, 1529, 1589—1591, 1626, 1697, 1699, 1750, 1753, см. также *Диониса культ, Изиды культ*
- мистериальный язык 342, 1588
- Митры культ, см. *мистериальные религии*
- миф 44, 46, 51, 55, 66, 104, 108, 112, 153, 189, 192, 342, 723, 748, 765, 818, 845 сл., 867, 1335, 1473, 1607, 1683, 1670
- герменевтическая рецепция 1863
- превосходство реальности 882, 1140, 1467
- рецепция как «метонимия» 338
- секуляризированная рецепция 887
- мифография, см. *научная и научно-популярная литература*
- мифотворчество 156, 189, 722, 764 сл.
- мифы, критика 183, 337 сл., 1667, 1701, 1722, 1725
- см. также *аллегореза, критика религии, типологическое истолкование*
- Мицкевич, Адам Бернард 1074
- Мишель, Гийом 1593
- мнемоника, мнемотехника, см. *память*

- многознание 1281, 1615
 многосторонность римских авторов
 30, 34, 102, 139 сл., 146, 160, 175 сл.,
 384, 624 сл., 735, 886, 1278 сл., 1324
 Модестин 1642, 1647, 1651
 Модоин Отенский 770, 1084
 молитва 64, 319, 324, 336, 339, 392, 440,
 443, 837, 885, 1104, 1123, 1328, 1474,
 1483, 1768, 1815, 1827, 1828, см. гимны
 — искупительная песнь 141
 — юбилейная песнь 782, 788, 798
 — см. обращение к Музам
 — см. *orate*
 Молон, Аполлоний 83, 452, 462, 568,
 573, 593, 594
 Мольер 234, 270, 349, 1320
 монархическая топика, см. образ вла-
 стителя
 монастыри, см. литературно-социоло-
 гические аспекты
 монашеские уставы 1787 сл., 1894
 монашество 17, 567, 1416, 1632, 1684,
 1787, 1789, 1803, 1804, 1807, 1833,
 1847, см. аскеза, см. литературно-со-
 циологические аспекты, монастыри
 Мондо 804
 монография, историческая, см. исто-
 риография
 монотеизм, см. божество, представле-
 ние о
 монтанизм 1664 сл.
 монтанистические произведения
 1666
 Монтеверди 895
 Монтемайор, Хорхе де 771
 Монтень 268, 348, 350, 464, 472, 772,
 804, 892, 1013, 1126, 1147, 1179, 1241,
 1304, 1341, 1386, 1455, 1477, 1562, 1617
 морализм, см. историография, сатира
 моралисты 347, 803 сл., 809, 994, 1175,
 1177 сл., 1304, 1475
 морально-аскетические произведе-
 ния 1773
 морально-теологические и пастыр-
 ско-теологические произведения
 1813
 Моргенштерн, Христиан 808
 Моррис, Уильям 1594
 Моцарт 1304
 Мошерош, Иоганн Михаэль 1707
 мудрость 61, 80, 170, 324, 448, 578, 608,
 793, 800, 932, 1105, 1697, 1734, 1744,
 1776, 1836, 1859, см. *sapientia*
 — выше силы 169
 — и красота 1740
 — и наука 1818
 — и религия 1741, 1819
 — иудейская традиция 1431
 — кухонная 785, 789
 музыка, музыкальность 122, 140, 167,
 180, 207 сл., 223—225, 363—368, 399,
 631, 731 сл., 767, 773, 781, 788, 806,
 808, 894 сл., 962, 1069, 1366, 1370,
 1371 сл., 1374, 1608, 1622, 1626 сл.,
 1675, 1773, 1778 сл., 1784, 1831, 1835,
 1854, 1856, 1858, 1865, 1870, 1878,
 1890
 Муммий 291, 551 прим. 1
 муниципальная аристократия, см. ли-
 тературно-социологические аспекты
 Мурет 348
 Мурнер, Томас 768
 Мусей 308
 Мусоний Руф 982, 1230, 1251
 Муссато, Альбертино 1028, 1301
 Мустио(н) 1610
 Муций Сцевола, Кв. (авгур) 375, 568,
 690
 Муций Сцевола, Кв. (понтифик)
 87 сл., 540, 677, 684, 690, 1636, 1655
 Муций Сцевола, П. 298 сл., 288, 415,
 690
 мученики, деяния мучеников 1673,
 1008, 1011, 1429, 1487 сл., 1492, 1662,
 1673, 1742
 Мэй, Томас 1014
 Мэп, Уолтер 1147
 Мэрмион, Шекерлей 1594
 Мэрстон, Джон 1107
 Мэтр Эли 891
 надписи 45, 48, 64, 67, 88, 90, 109, 152,
 153, 185, 218, 374, 375, 388, 408, 442,
 512, 515, 522, 816, 857, 1074, 1134, 1135,
 1148, 1152, 1332, 1434, 1522, 1557, 1561,
 1691, 1889
 Назарий 1570
 Назо, Эккарт фон 895
 Наполеон I 472
 насмешливые стихотворения 67, 125,
 289, 1148, 1450
 натурализм 749, 858

- натурфилософия 1475, 1701, 1818, 1836,
см. также *физика*
- наука, светская и церковная
— см. *естественные науки*
— см. *научная и научно-популярная литература*
— см. *философия*
- научная и научно-популярная литература 616—635, 39, 85—88, 1348
— акведуки 622
— арифметика 626, 1625, 1627, 1854
— ботаника 1377 сл.
— в республиканскую эпоху 644—693
— в эпоху Августа 714, 958, 973
— в эпоху ранней Империи 1347—1390
— в эпоху средней и поздней Империи 1599—1633
— военное искусство 627, 1359, 1611
— география 618, 628 сл., 652, 958 сл., 1350, 1378, см. также *географический элемент*
— геометрия 624, 1371, 1626, 1854, 1857
— грамматика и метрика 1600—1601, 628, 636—640, 646—670, 964 сл., 1261, 1365, 1418, 1758 сл.
— диалогическая форма 641 сл.
— естествознание 618, 629
— землемерие 617, 622, 629 сл., 664, 1353, 1354, 1436, 1455, 1513, 1557, 1611, 1777 сл.
— зоология 1377 сл.
— и энциклопедия 616, 624 сл.
— картография 628, 960
— кулинария 629, 1118, 1611
— лексикография 960 сл.
— мифография 632
— право, см. соотв. разд.
— правоведение, см. *право*
— садоводство 1042, 1350
— сельское хозяйство 634, 438 сл., 443, 447, 655, 656, 665, 737 сл., 743, 747, 752—756, 760, 762 сл., 1348 сл., 1467, 1609
— стилизация 562
— уход за растениями 1377, 1684
— учебник, систематический, см. *institutiones*
— учет интересов читателя 623
— физиогномика 635
— ясность как литературный принцип 620, 638, 1253, отказ от него 1626
— *institutiones* 619, 620 сл., 678, 1607
— см. *архитектура*
— см. *астрономия, астрология*
— см. *медицина*
— см. *музыка*
— см. *филология*
— см. *философия*
- научная пропедевтика 1622
научно-популярные книги 1612
Неаполь 125, 289, 759, 1030, 1031
Невий 147—158, 24, 30, 33, 35, 74, 78, 103, 104, 107, 109, 112, 113, 122, 123, 124, 143, 146, 160, 161, 194, 207, 221, 226, 227, 244, 246, 260, 287, 395, 413, 443, 572, 637, 743, 757, 1057
Неккам, Александр 1458, 1476
Немезиан 729, 732—734, 770, 1084, 1422, 1436
неологизмы, см. *язык и стиль*
неопифагореизм, см. *Пифагор, пифагореизм*
неоплатонизм, см. *Платон, платонизм*
Неоптолем из Парина 318, 557, 789
неотерики 84, 92, 110, 370 сл., 390
Непот, Корнелий 525—538, 77, 79, 91, 379, 382, 390, 397, 406, 517, 519, 654, 1158, 1159, 1171, 1176, 1205, 1220, 1378, 1522, 1523, 1534, 1612
Непоциан 1173, 1174, 1178, 1179
Нераций Приск 677 сл., 1389, 1634, 1638
Нерон 26, 61, 105, 106, 519, 979, 982 сл., 983, 984, 989, 990, 992, 993, 997, 1006, 1007, 1011, 1080, 1085, 1104, 1145, 1168, 1181, 1207, 1210, 1213, 1214, 1218, 1263 сл., 1294, 1296, 1319, 1335, 1338, 1508, 1525, 1529, 1531, 1534, 1662
несогласование, см. *структурные принципы, асимметрия*
нетерпимость 1124, 1519
— воинствующая 1781, 1847
Нехепсо-Петосири 1378
Нигидий Фигул 553, 583, 618, 637, 721, 1063, 1378
Никандр 305, 308, 311, 313, 317, 876

- Никарх 135
 Никейский Символ веры 1687, 1714, 1766
 Никомах Герасский 1627, 1857, 1869
 Никомах, см. *Виргий Никомах Флавиан*
 Нитарт, Ганс 270
 Ницет Сащердот 1248
 Ницше 49, 352, 472, 506, 808, 1128, 1241, 1304, 1344, 1881
 Новат (Юний Галлион) 1265 прим. 2, 1354
 Новациан 1718—1722, 1686, 1705
 Новая академия, скептическая, см. *Платон, платонизм*
 новелла 1013, 1090, 1654, 1655, 1790
 Новый 126
 Ноний Марцелл 1602—1603, 146, 156, 173, 191, 233, 245, 302, 345, 432, 648, 664, 960, 1616
 Нонн Панополитанский 1475
 Ноткер III Лабен, Немец 1628, 1764, 1879
 Нотгебом, Кес 895
 Ньютон, Исаак 349, 353, 354
- Обинье, Теодор Агриппа д' 1715
 обмен ролями, см. *литературная техника*
 образ властителя 684, 707, 722, 1534
 — и *virtus* 1178
 — изменения 546, 988, 1204, 1303, 1681
 — образ тирана 74, 155, 191, 340, 454, 482, 500, 513, 519, 524, 682, 981, 993, 1009, 1025, 1037, 1183, 1296, 1739
 образование, образовательная практика
 — образовательный идеал 601, 1202, 1368
 — общее образование 601, 965, 1370, 1615
 — отвержение образования 662
 — риторическое 427, 538—549, 861, 912, 1838
 — формальное 1372
 — см. *воспитание*
 образы (метафоры, сравнения)
 — военные 51, 217, 752 сл., 929, 1294, 1428, 1482, 1487, 1555, 1588, 1708, 1737
 — дословное восприятие образов 336, 1065
 — из жизни семейства 386
 — из римской жизни 166
 — из сельского хозяйства 51
 — из театральной жизни 225
 — из хозяйственной жизни 51
 — медицинские 332, 336 сл., 1285, 1234, 1368, 1855, 1863
 — метафоры 43 сл., 1162, 1543, 1556, 1828, 1863
 — метафоры еды и питья 1828 сл.
 — метафоры и метонимии 45, 794 сл.
 — метафоры одежды 1708, 1711
 — метонимии 337, 1117
 — мифологические 342, 847, 1140
 — музыкальные 1368
 — обращение ролей предмета и сравнения 754
 — отдельные 106, 1020, 1054, 1441, 1465
 — персонификация частей тела 387
 — плавание по морю 752, 1284
 — положение в тексте 879
 — природные 142, 188, 332, 335, 339, 350, 387, 752—753, 1285, 1368, 1709, 1714, 1828, 1836, 1865, 1867
 — путешествие на колеснице 316, 878
 — символика света 188, 338, 1486, 1588, 1696
 — символика храма 1697
 — у Вергилия 752—756
 — у Катона 443
 — юридические 52, 1585
 — см. *конкретное восприятие метафор*
 — см. *сравнение*
 образы женщин в литературе 57, 97, 129, 145, 155, 229, 378, 389, 418, 450, 520, 817, 871, 877, 924, 955, 1115, 1296, 1333, 1444, 1530, 1734, 1796, 1805 сл.
 обратный ход времени, обмен ролями, см. *литературная техника, техника обращения*
 обращение к Музам, см. *вдохновение*
 обращение, см. *топика обращения*
 обращение, см. *язык и стиль*

- обретение идентичности 73, 168, 662
- в эпоху высокой Империи, рецепция иудео-христианской традиции 995, 1427, 1788—1804
 - в эпоху ранней Империи, слияние греческого и римского горизонта 1026, 1030, 1041, 1294, 1417
 - внутривосточное, *homo novus* 515 сл., 570
 - европейских литератур в споре с римской 145
 - имперское, восприятие стоицизма 62, 993, 1294 сл., 1252, 1256, 1405 сл., 1429
 - имперское, принятие христианства 62, 1405, 1429
 - имперское, религиозное творчество 61 сл.
 - индивидуальное, риторика 1291
 - индивидуальное, ценностные установки частного лица 342, 559, 987 сл., 1293, 813—898
 - Италии, возникновение латинской литературы 25, 31, 73, 81
 - мировой державы, поэзия 799—802
 - мировой державы, создание новых ценностей 59—62, 801, 931
 - мировой державы, творческий акт по отношению к истории 54, 765 сл., 938
 - писательское, усвоение греческого 31 сл., 168, 795—799
 - писательское, усвоение римской традиции 796, 875
 - позднеантичное, усвоение неоплатоническо-аристотелевской науки 1761 сл., 1783, 1858, 1867—1870
 - республиканское, создание ценностей и историософские взгляды 498—502, 583, 599—603
 - римской литературы перед лицом греческой 145
 - христианское, *ecclesia* 1440, 1710, 1810 сл.
 - христианское, одиночество человеческой совести 1720
 - христианское, преодоление имперской теологии 1823
- см. *биография, автобиография*
- Обсеквент, Юлий 943, 1500, 1507
- общее образование, см. *образование*
- Овидий 861—899, 26, 28, 31, 33, 36, 38, 43, 89, 104, 105—111, 114, 123, 134, 172, 173, 183, 191, 192, 298, 305, 308—310, 311—313, 316, 317, 319, 320, 333, 343, 345, 370, 391, 395, 397, 516, 552, 553, 563—566, 664, 709, 711, 712, 713, 715—722, 737, 765, 766, 795, 802, 815—820, 822—824, 827, 830, 834, 837, 847, 850, 857, 858, 900, 902—904, 945, 954, 956—958, 960, 980, 981, 983, 985, 987, 988, 989, 991, 992, 1001, 1012, 1013, 1021, 1034, 1036, 1038, 1039, 1064, 1065, 1068, 1074, 1103, 1113, 1137, 1142, 1143, 1152, 1173, 1179, 1261, 1278, 1279, 1282, 1302, 1356, 1436, 1459, 1469, 1470, 1472, 1473, 1476, 1477, 1489, 1575, 1627, 1697, 1735, 1736, 1826, 1840, 1859, 1861, 1863, 1874, 1891, 1894, 1896
- Одо де Менг 1147
- Оккам, Вильям 1880
- Октавий Герсенн 637
- Октавий Лампадион 150, 637
- Октавий (апологетическая лит-ра) 1691—1693, 1696—1699, 1701 сл.
- Опилий 637, 1522
- описания, см. *литературная техника*
- Опиц, Мартин 805, 806, 1014, 1107, 1134, 1302 прим. 4, 1455
- Оппий 470, 1205, 1522
- Оптат 1837
- Оптациан Порфирий 517, 1311, 1435
- Орбилий 146, 781, 900, 901
- Ориа, Винтила 895
- Орибасий 1610
- Ориген, оригенисты 521, 550, 1414, 1417, 1428, 1511, 1719, 1724, 1761, 1767, 1769, 1774, 1778, 1787—1789, 1790, 1792, 1798, 1803, 1804, 1810, 1822, 1893
- Орозий 1512—1516, 472, 943, 951, 1160, 1181, 1241, 1505, 1509, 1542
- орфография, см. *язык и стиль*
- Орфф, Карл 400
- Осберн из Глочестера 245
- освобождение индивидуума 549
- внутреннее, благодаря изгнанию 569, 953, 1281
 - политическое 1293

- философское или религиозное (плащ философа, христианское) 1293
 — см. *свобода*
- Осторий Скапула 1205
 Остроумов, Л. 1015
 Отец, см. *божество, представление о*
 — как *pater familias* 171
 Отто фон Фрейзинг 608, 1515
 Оттон III 942
 Оуэн, Джон 1147
 Офилий 678, 692, 970, 972
 охота за наследством 1122
- Павел, апостол 1301, 1343, 1344, 1354, 1425, 1667, 1675, 1677, 1678, 1684, 1709, 1728, 1742, 1757, 1758, 1761—1763, 1773, 1782, 1789, 1792, 1795, 1807, 1826, 1828, 1830, 1836, 1838, 1845, 1846, 1848, 1864, 1874
 — подложная переписка с Сенекой 1277, 1301, 1510
 — сравнение с Петронием 1342 сл.
- Павел Диакон 664, 959, 1505
 Павел квестор 1435
 Павел, юрист 1640 сл., 1645, 1646, 1647, 1649, 1650, 1651, 1653, 1654, 1657
 — сентенции 1640 сл.
- Павла и Феклы деяния 1312, 1420 прим. 1
 Павсаний 316, 1416
 Пакат 1570
 Пакувий 176—184, 80, 123, 133, 146, 167, 172, 185, 189, 195, 221, 240, 244, 246, 247, 279, 291, 551
 Палемон, см. *Ремий*
 Палефат 1514
 Палладий из Геленополя 519
 Палладий Рутилий Тавр 639, 621, 1609
 паллиата, см. *комедия*
 Палудан-Мюллер, Фредерик 1594
 памфлет 483, 1473, 1746, 1750, 1753, 1766 сл., 1773, см. также *полемические произведения*
 память 326, 455, 495, 750, 997, 1256, 1355 сл., 1363, 1712, 1780, 1817, 1825, 1856, 1866, 1892
 панегирик властителю 541, 547, 566, 993, 1419
 — см. также *образ властителя*
 панегирик 110, 31, 495, 836, 1030, 1085, 1249, 1468, 1520, 1739, см. также *эпос, панегирический, панегирик властителю*
 пантомима 711, 997 прим. 1
 Паоло да Перуджа 1106
 Папий 1147
 Папиниан 675, 679, 681, 1639, 1640, 1645, 1647, 1650, 1651, 1654, 1657
 Папиний, см. *Стаций*
 Папириан 1607, 1630
 Папирий Карбон, Г. 543
 Папирий Фабиан 957, 1261, 1279, 1281
 Папирий, юрист ранней эпохи 686 сл.
- парадокс
 — веры 1677 сл.
 — как форма мысли 1068, 1296
 — стилистический 1445, 1792
 — стоический 1269
- параллелизм (главных частей), см. *структурные принципы*
 параллелизм (стилистический), см. *язык и стиль*
 параллельные места (опасность работы с ними) 195
- Парини, Джузеппе 1107, 1127
 Паркер, Дуглас 1687
 Пармени 308, 315, 316, 329
 Парни, Эварист-Дезире де Форж де 835
- пародия, см. *литературная техника*
 Паррасий, А. Дж. 834
 Парфений 876
 Паскаль, Блез 348, 349, 1304, 1729, 1730, 1846
 Пассен Павел 857
 пастырские послания 1715
 Патерн 1611
 Патерно, Лодовико 1126
 патриотизм, см. *историография, патриотический характер*
 Патриций 522, 1423
 Паулин из Нолы 729, 1423 прим. 1, 1440, 1447 сл., 1455, 1482, 1511, 1568
 Паулин из Пеллы 1440, 1455
 Паулин Медиоланский 521, 567, 1419, 1718, 1773, 1782
 Паунд, Эзра 857, 893
 пафос 50, 188, 1082, 1301
 — в комедии 244

- и ирония у Горация 786 и Овидия 881
- теоретическое обоснование ценности 582
- у Вергилия (*gravitas*) 758
- у Лукана 1002
- у Цицерона 595
- у Ювенала 116
- Пахимер 1878
- Пахомий Египетский 1788
- пацифизм 1780
- Пеаний 1505
- педагогика, см. *воспитание*
- Пелагий, пелагиане 1513, 1775, 1788, 1789, 1808, 1811, 1812, 1846
- Пелагоний 1609, 1610
- Пендерецкий, Кшиштоф 890
- Пентадий 1435, 1735
- первое лицо (в элегии, в лирике), см. *повествовательная техника, от первого лица, ролевое стихотворение*
- Пергам 82, 307, 551, 900, 1261, 1332, 1890
- перевод 33 сл., 47, 102 сл., 144 сл., 1422, 1425, 1756 сл., 1789, 1795, 1804 сл., 1854
 - Библии 1403, 1483, 1659, 1667, 1706, 1718, 1789 сл., 1800
 - дословный 555, 558, 618, 1760, 1764
 - латинских текстов на греческий язык 1502
 - свободное переложение 164, 217, 241 сл., 260, 383, 558, 590 сл.
 - философских текстов 1416, 1854
 - см. *рецензия*
 - см. *vertere*
- переселение душ 168, 559, 663, 886
- Перилла 872, 885
- перипат, перипатетики 118, 328, 461, 523, 587 сл., 599, 653 сл., 918, 971, 1263, 1266, 1294, см. также *Аристотель и Теофраст*
- перипетия 128, 215, 1327
- перипл 619 прим. 2, 1351
- Перотти, Никколо 1096, 1097, 1147
- Персий 1099—1110, 34, 168, 182, 278, 280, 282—286, 301, 319, 345, 803, 901, 982, 985, 988, 989, 997, 1070, 1114, 1117, 1119, 1126—1128, 1142, 1158, 1198, 1339, 1521, 1826, 1893
- Перуджино 1179
- пестрая смесь 102, 207, 282, 316, 655, 1268, 1331, 1490
- Пет Тразея 911, 982, 1099, 1203, 1236, 1251
- Петр Диякон 966
- Петр из Блуа 1147
- Петр из Кресценций 665
- Петр Мученик из Англии 1476
- Петрарка 173, 269, 397, 505, 608, 665, 730, 766, 770, 804, 857, 891, 892, 943, 944, 1044, 1058, 1084, 1106, 1126, 1178, 1191, 1257, 1301, 1351, 1373, 1455, 1548, 1746, 1846, 1895
- Петрей 458, 998
- Петроний 1318—1347, 26, 112, 280, 282, 397, 665, 936, 980, 986, 988, 989, 1011, 1277, 1311—1313, 1315—1317, 1436, 1445, 1622, 1895
- Петроний Аристократ 1099
- Петруччи, Джованни 398
- Пигий 1178
- Пий Болонский 954, 1028
- Пикколомини, Эней Сильвий (папа Пий II) 269
- Пико делла Мирандола 1746, 1754
- Пиндар 364, 758, 788, 797, 809, 1020, 1025
- письма императорам 1776
- письмо, теория письма, послание 562—569, 85, 455, 527, 573, 597, 599, 607, 610, 988, 1249—1260, 1272, 1279, 1305, 1421, 1443, 1446, 1463, 1483, 1567, 1575, 1630, 1706, 1718, 1734, 1775, 1779, 1791, 1814, 1826, 1832
 - в стихах, моралистическое 289 сл., 787—790, 799—802, 805, 808
 - в стихах, элегия 868, 871—882, 885—888
 - как оболочка поэтической дидактики 787 сл., 795 сл.
 - посвятельное 379—383, 871—874, 1037, 1138, 1377, 1442, 1447, 1466, 1505
 - риторика в 567
 - сборники писем: см. *Аморсий, Аврелин, Цицерон, Иероним, Овидий, Плиний Младший, Сидоний, Симмах*
 - философское 566

- экзегетическое 1787 сл.
- юридическое 676, 973, 1388
- Пифагор, пифагореизм, неопифагореизм 24, 61, 70, 81, 316, 320, 340, 435, 663, 721, 870, 886, 956 сл., 1281, 1292, 1593, 1724, 1835, 1869
- Пифей 962
- Пиццетти, Ильдебрандо 400
- Плавт 194—240, 29, 31, 41, 46, 79, 80, 89, 91, 92, 120, 121, 124, 129, 131—133, 146, 152, 155, 156, 161—163, 171, 178, 182, 186, 241, 242, 244, 246—248, 251—258, 261—264, 266—268, 271, 292, 366, 370, 376, 432, 464, 659, 709, 786, 1159, 1162, 1302, 1352, 1416, 1423, 1449, 1791, 1893, 1895
- Плавций, юрист 1636
- плагиат (*plagium*) 31, см. также *преemptивность, литературная*
- плановое хозяйство 1406, 1407, 1800
- Плануд, Максим 472, 891, 1877
- Платен, Август граф фон 808
- Платон, платонизм 26, 43, 85, 127, 168, 294, 298, 306 сл., 328, 363, 393, 486, 498 сл., 513, 522, 546, 550, 554 сл., 562, 583, 587—589, 593, 597—600, 602, 640, 642, 654, 759, 886, 1064, 1100, 1281, 1292, 1330, 1313, 1367, 1554, 1582 сл., 1591 сл., 1620—1624, 1668—1672, 1680—1694, 1696, 1700 сл., 1721, 1724, 1728, 1735, 1758, 1774, 1779, 1805, 1836, 1845, 1853—1863, 1867—1871, 1878
 - Академия, «Древняя» 552, 599
 - Академия, «Новая» (Клитомах) 583
 - африканский 1728, 1735, 1738
 - и христианство, конвергенция, сравнение с пещерой 1758 сл.
 - критика Платона 1742
 - неоплатонизм 1429, 1577, 1622, 1724, 1761, 1779, 1806, 1830, 1871
 - скепсис, неоакадемический 559, 1590
 - средневековый платонизм 1845 сл.
 - средний платонизм 61, 550, 992, 1313, 1694, 1700 сл.
 - см. также отд. представителей
- Плацит, С. 1610
- Плиний Младший 1248—1260, 27, 397, 546, 547, 563, 562—567, 607, 857, 942, 979, 983, 984, 986, 990, 993, 1043, 1132, 1138, 1194, 1195, 1197, 1239, 1373, 1413, 1421, 1443, 1449, 1520, 1532, 1570, 1571, 1575, 1576, 1768, 1774
- Плиний Старший 1376—1388, 25, 27, 397, 423, 428, 534, 544, 617, 619, 620, 621 сл., 623, 637, 664, 902, 911, 951, 960, 965, 979, 987, 989, 990, 991, 994, 1058, 1178, 1182, 1186, 1207 сл., 1248, 1349, 1351, 1449, 1522, 1527, 1575, 1611
- Плотин 517, 550, 1415, 1417, 1620, 1757, 1758, 1759, 1774, 1779, 1782, 1821, 1824, 1825, 1826, 1863
- Плоций Сацердот 1353 прим. 1, 1601
- Плутарх 306, 428, 429, 431, 449, 482, 504, 512, 513, 518, 519, 523, 528, 535, 664, 911, 945, 960, 986, 992, 1181, 1182, 1183, 1206, 1208, 1302, 1416, 1522, 1545, 1546, 1560, 1591, 1613, 1615, 1619, 1694
- плутовской роман 1312, 1342, 1593
- повествовательная техника 443, 460, 474 сл., 491, 748, 879—883, 901, 919, 1053, 1060, 1185, 1211—1218, 1314, 1508, 1553 сл., 1586 сл., 1792
 - драматическая (трагическая) 459—461, 485, 491
 - лейтмотивы 1585 сл.
 - от лица группы 475, 1553
 - от первого лица 366, 818, 1314, 1331, 1335, 1586, 1693, 1827
 - от третьего лица 390, 459, 475
 - рамочное повествование, см. *структурные принципы*
- Поджо Браччолини 347, 1373, 1584, 1895
- полемиические произведения 579, 1000, 1420, 1667, 1670, 1693, 1767, 1768, 1789, 1790, 1810, 1832, см. также *памфлет*
- Полемон из Илиона 442
- Полемон Лаодикейский 1532
- Полибий 26, 58, 83, 410, 411, 413, 419, 421, 422, 425, 426, 427, 461, 485, 491, 522, 527, 528, 560, 912, 915, 916, 917, 918, 922—925, 931, 934, 938, 945, 1233, 1263, 1560
- Полибий, вольноотпущенник Клавдия 26

- Полиэн 951
 Поликарп 1662
 Полиньяк, де, кардинал 349, 353
 политика
 — доблести сопротивления 1230
 — и философия 601, 1271, 1280
 — отказ от завоеваний 710, 1177
 — феноменология политики 1237
 — см. *гражданское право*
 — см. *Рим*
- Полициан (Полициано) 348, 771, 805, 1106, 1477, 1617
 Помпей Ленея 301, 503
 Помпей, африканский грамматик 1604
 Помпей, см. *Трог*
 Помпилий Андроник 638, 1529
 Помпоний из Болоньи 126, 1725
 Помпоний Лет 234 прим. 2, 1013, 1058
 Помпоний Марцелл, грамматик 1351
 Помпоний Мела 628, 618, 1351, 1895, 1896
 Помпоний, С., юрист 677, 686, 689, 1389, 1635, 1641
 Помпоний, см. *Аттик*
 Помпоний, см. *Порфирион*
 Помпоний Секунд, П. 1376
 Понтан, Иоанн Иов. (= Понтано, Джов.) 398, 1073, 1754
 Понтий 1717, 520, 1718
 Понтик 1033
 Поппея 1293 прим. 1, 1305
 попрошайничество в стихах, см. *литературно-социологические аспекты*
 порнография, см. *сексуальность, женщины как авторы*
 портрет, литературный, см. *индивидуальная характеристика*
 Порфирий, см. *Оптациан*
 Порфирий, философ 517, 1620, 1750, 1752, 1756—1757, 1763, 1774, 1805, 1824, 1853, 1854, 1857
 Порфирион, Помпоний, комментатор 803, 908, 1601
 Порций Латрон 861, 954
 посвяtitельное письмо, см. *письмо*
 посвяtitельное стихотворение 395, 1134 сл., 1377, 1750
 Посидипп 241
 Посидоний 335, 459, 483, 484, 486, 551, 589, 653, 886, 917, 950, 962, 992, 1000, 1063, 1223, 1280, 1281, 1546, 1585, 1750
 послание, см. *письмо*
 Поссидий 521, 1420, 1536, 1718
 постройки, см. *архитектура*
 — описания, см. *литературная техника*
 Постумий Альбин 421, 88, 288, 295
 Поуп, Александр 353, 399, 771, 772, 805, 806, 1107, 1257
 похвала властителю, см. *панегирик*
 поцелуй
 — воздушный поцелуй 1695
 — как знак приветствия 1135
 — мужа и жены 243
 — эротический 386
- поэзия
 — аллегорическое истолкование 1740
 — в республиканскую эпоху 101—403
 — в эпоху Августа 726—904
 — в эпоху ранней Империи 997—998
 — в эпоху средней и поздней Империи 1434—1494
 — жанры, см. соотв. разделы
 — и действительность 348, 794, 858, 1012, 1034, 1138, 1329, 1334, 1446
 — и жизнь 299 сл., 391, 802, 821—823
 — как восхваление Бога 1741
 — как утешение 799
 — комическая 110 сл., 340, 347, 368, 738, 757, 763—765, 769 сл., 816, 886 сл., 1052, 1054, 1068, 1470, 1485, 1675
 — малые формы 1434
 — некантитативная 1832
 — пасторальная 727
 — рефлексия в поэзии 130—132, 192, 259, 264, 300, 399, 798 сл., 813, 1001 сл., 1099—1110, 1295—1297, 1487, см. также соотв. разделы
 — с прикладной публицистической целью (напр., вербовка) 813, 821
 — способность увековечивать 1007
 — теогоническая сила поэзии 101, 799

- у Цицерона 591
- христианская 1436—1440
- *poesis* и *poeta* 174, 195, 297, 659, 1907, 1924, 1079, 1487, 1625
- см. *истина и поэзия*
- см. *литературно-социологические аспекты, поэзия клиентов*
- см. *метрика*
- см. *Меценат, меценатство*
- см. *риторика*
- см. *смесь прозы и поэзии*
- поэзия личного самовыражения 336, 372
- поэзия клиентов, см. *литературно-социологические аспекты*
- поэт
 - как врач 110, 318, 337
 - как всеобъемлющий знаток предмета 102, 829, 1610, 1621
 - как доверенное лицо 1183
 - как жрец 758 сл., 1024
 - как клиент 131
 - как критик 185, 302, 795—799
 - как попрошайка 1144
 - как предатель истины и нравственности 1678
 - как пророк 338, 757
 - как свидетель истины 1740
 - как творец 92, 806, 1416, 1621
 - как учитель общества 787, 1104
 - как философ 1862 сл.
 - как *architectus* 226
 - как *dicti studiosus* 169
 - как *poeta* 164, 226
 - как *poeta grassator* 1143
 - как *vates* 716, 719, 733, 758 сл., 797 сл., 822, 856, 1142
 - происхождение 77 сл., 709
 - пролагающий путь христианству 1678
- поэтика, см. *литературная критика, теория литературы*
- поэтическая идея 173, 763
 - христианская 371
 - эпохи Августа 719—723
- поэтическая теология, см. *theologia tripartita*
- поэтический язык 103, 109, 152, 179 сл., 221, 256, 295, 315 сл., 334—336, 370, 376, 388 сл., 730 сл., 756 сл., 794 сл., 820, 831, 849, 882 сл., 901 сл.
 - право 671—685, 51, 68 сл., 86 сл., 559
 - в республиканскую эпоху 686—693
 - в эпоху Августа 968—973
 - в эпоху ранней Империи 1388—1390
 - в эпоху средней и поздней Империи 1634—1659
 - естественное право 559, 611, 673, 684, 1823
 - законы, принятые народным собранием 611, 945, 1388—1390
 - и риторика 1363
 - источники права 1643 сл., 1388
 - казуистика 676, 678, 1389, 1635, 1638, 1640, 1644, 1646
 - международное право, см. *естественное право*
 - Пандекты 675, 1657
 - попытки систематизации 693, 1389
 - послефеодальные новеллы 1653
 - постановления сената 692, 969, 1388, 1643
 - правоведение 995
 - правовые школы 970—973, 1389, 1418, 1647
 - правотворчество, императорское 969
 - практика ответов ученых правоведов 1638
 - предпосылки за рамками положительного права 684
 - преторский эдикт 692
 - самосознание юристов 681 сл.
 - субъективное право, его особая значимость 672, 681
 - частное право, его особая значимость 684
 - юридический комментарий 690
 - юристы из провинций 1636
 - язык и стиль знаменитых юристов 680 сл.
 - *bona fides*, см. *fides*
 - *boni mores* 681 сл., 684
 - *constitutiones principum* 1388 сл., 1641, 1643
 - *disputationes* 675
 - *edicta* 1388, 1644
 - *epistulae* 1388

- *ius* 170, 670 сл., 1634
- *ius civile* 677, 682 сл., 690
- *ius gentium* 87, 671, 684 сл.
- *ius naturale* 87, 683 сл., 1641
- *ius respondendi* 674, 714, 970, 1636, 1660
- *leges datae* 1388
- *legis actiones* 69, 688, 690
- *lex* 88, 151, 575 сл., 689, 692, 794, 972, 1135, 1163, 1641, 1644 сл., 1653 сл.
- *mandata principis* 1388
- *oratio principis (ad senatum)* 1643
- *quaestiones* 675, 1640
- *responsa* 677, 689, 1640
- *summum ius, summa iniuria* 691
- см. *Законы Двенадцати таблиц*
- см. *письмо, юридическое*
- см. *iustitia*
- правосудие, см. *iustitia*
- Праш, Иоганн Людвиг 1594
- предметные и изобразительные уровни, перемена, см. *литературная техника, техника обращения*
- предопределение 1072
- представление о божестве 1723, 1725, 1750
- преемственность, литературная (*imitatio*) 31—35, 103, 110, 161, 168, 237 сл., 267, 287, 303, 444, 483, 664, 1052, 1359, 1662
- благосклонность к предшественникам 110, 168, 338, 738, 761, 816, 875
- достоинство, чувство 109, 748, 758
- обращение мотивов оригинала 1135
- огрубление 241
- патетизация, см. *пафос*
- подражание от противного 158, 743, 747
- преодоление концепции *imitatio* 1163
- средства дифференцированного представления собственного содержания 104, 164, 177 сл., 483, 587, 590
- см. *греческая и латинская литература*
- см. *контаминация*
- см. *перевод*
- см. *плагиат*
- см. *рецепция*
- см. *типологическое истолкование*
- преемственность, философская и религиозная, см. *imitatio*
- преследования еретиков, см. *нетерпимость*
- претекста, см. *драма*
- преторский эдикт 87, 692
- как источник права 692
- Приапей 1150—1155, 395, 827, 1321
- приглашение в стихах 368
- прилагательные и наречия, см. *язык и стиль*
- принцепс, принципат, идея принципата 288, 709, 782, 969, 990, 1080, 1084, 1250, 1255, 1294, 1364, 1405, 1532, 1635, см. также *образ властителя*
- принцип индивидуальности 1652
- природа (персонификация) 1864
- Присциан 1607—1608, 164, 191, 245, 344, 663, 1011, 1078, 1125, 1409, 1418, 1476, 1601, 1602, 1604, 1610, 1630
- Присциллиан, присциллиане 1485, 1810
- Проб, М. Валерий 1352—1353, 628 сл., 155, 191, 232, 266, 301, 345, 504, 1528, 1600, 1613
- Проба 1441 сл., 1482
- провидение, см. *божество, представление о* 191, 1271, 1382, 1385, 1515, 1692, 1698, 1823, 1890
- провинции, значимость 24, 47, 62, 191, 421, 437, 439, 449, 480, 676, 919, 969, 977 сл., 1195, 1406 сл., 1451, 1528, 1636, 1666
- Продик 1057
- проза 78 сл., 84—88, 94, 403—609, 712—715, 904—973, 1156—1390, 1496—1885
- вымышленный сюжет 1325
- жанры, см. *соотв. разд.*
- и поэзия, размывание границ 1290, 1436, 1571
- обновление под пером Сенеки 1289
- см. *смесь прозы и стихов*
- см. также *риторика, поэзия*
- прозаический ритм 84, 443, 543, 1162, 1187 сл., 1288 сл., 1338, 1369, 1543,

- 1556 сл., 1589, 1611, 1710, 1726, 1737, 1739, 1778 сл., 1793 сл., 1865 сл.
- произведение о религиозном обращении 1697
- произведения искусства, описание, см. *литературная техника*
- происхождение культуры, учение о 350, 486
- Прокл 363, 517, 1860, 1872
- пропаганда, религиозная 1473, 1517
- пропемптик 368, 829, 906, 1035, 1135
- Проперций 842—860, 38, 646, 709, 710, 716, 719, 737, 765, 802, 814, 816—819, 820—826, 828, 830, 833, 836, 859, 862, 866, 873, 874, 875, 877, 1137, 1895
- проповедь 36, 280—283, 329, 520, 541, 548, 661, 785, 785—790, 1094, 1104, 1425, 1706, 1809—1814, 1825
- пророчество, см. *литературная техника*
- Проспер Аквитан 375
- Протагор 1841
- протрептик 486, 588, 1277, 1488, 1693 сл., 1699, 1724, 1828, 1859
- Проход Кидон 1878
- Пруденций 1484—1497, 106, 113, 311, 314, 319, 339, 346, 366, 367, 368, 371, 372, 803, 1011, 1038, 1301, 1410, 1415, 1418, 1422, 1423, 1428, 1439, 1455, 1470, 1475, 1561, 1578, 1677, 1864
- Прукнер, Н. 1754
- Пруст, М. 772, 1341
- псалмы 1438 сл., 1631, 1758, 1789, 1807, 1815, 1835
- в прозе 1438
- по алфавитному принципу 1438 сл.
- Псевдо-Аврелий Виктор, см. *Аврелий Виктор*
- Псевдо-Дарет, см. *Дарет*
- Псевдо-Диктис, см. *Диктис*
- Псевдо-Дионисий Ареопагит, см. *Дионисий Ареопагит*
- психагогия 132, 427, 459 сл., 1178, 1291, см. также *внимание к читателю*
- психология 104, 255, 264, 324 сл., 343, 387, 861, 876 сл., 923, 1431, 1666, 1681, 1722, 1728, 1741, 1744, 1759, 1798, 1810, 1818 сл., 1839—1842, 1846
- *anima naturaliter christiana* 1669, 1687
- внимание к индивидуальным задаткам 1295
- масс 1234, 1238
- психотерапевтическая программа 1875
- ребенка 1841
- телесность души 1810
- упражнения для преодоления аффектов 1266—1268
- см. также *бессмертие*
- см. также *образы женщин*
- Птолемей I 125, 522
- Птолемей, см. *Клавдий*
- Публилий Сир 127
- пуризм, см. *язык и стиль*
- Пуссен, Никола 1477
- путеводители 1454
- путевое стихотворение 818, 1443, 1454, 1483, см. также *itinerarium*
- путешествие на Луну 1330
- Пушкин, А. С. 399, 719, 750, 769, 807, 892, 894, 1068, 1343, 1503, 1594
- Пэтер, Уолтер 1594
- Раабе, Вильгельм 1304 прим. 4
- Рабенер, Готтлиб Вильгельм 805
- Рабирий, архитектор 1133
- Рабирий, поэт 1162
- Рабле 1385, 1725
- рабы 27, 51, 75, 83, 92, 127, 130, 133, 180, 196 сл., 199, 200, 201, 205, 213, 215, 216, 218, 222, 228, 229, 231, 240, 248, 255, 436, 438, 440, 483, 520, 794, 801, 855, 978, 983, 1087, 1096, 1120, 1131, 1320
- Радагаис 1464
- Радберт 1303
- Радке, Анна Элисса 808
- Радульф де Дичето 1147
- развлекательная литература 431, 1317, 1325, 1584
- религиозная 1312, 1587
- см. также *биография, роман*
- Рамлер, Карл Вильгельм 806, 1148
- рамочная техника, рамочное повествование, см. *структурные принципы*
- Рансмэйр, Кристоф 895
- Рапен, Рене 772
- Расин 192, 1287, 1302, 1303
- Рассел, Бертран 1845, 1876

- Ратер Веронский 396, 1106, 1895
 Рафаэль 643
 Рахель, Иоахим 1107, 1127
 реализм, см. *поэзия и действительность*
 реалии как знаки 45, 372, 765, 794, 1533 сл.
 — см. также *конкретность выражений (предпочтение)*
 Ребил 1272
 Рейхлин 269
 рекомендательные послания 1789
 Рембрандт 893
 Ремигий из Оксерры 1106, 1178, 1484, 1628
 Реммий, Палемон 156, 636, 1099, 1365, 1382, 1601, 1605
 Ренан, Эрнст 1702, 1846
 Ренье, Матюрен 349, 804, 857, 1127, 1342
 Репозиан 1435
 Ретгенбахер, Симон 398
 рецепция
 — библейской традиции 1431
 — в обратной хронологической последовательности (современная литература прежде классической) см. раздел «Греческая и латинская литература»
 — и герменевтика 1441
 — и изучение языков 1789
 — и рукописная традиция 1892
 — и центонная поэзия 1796
 — история рецепции, см. раздел «Влияние на позднейшие эпохи» в главе о каждом авторе
 — критическая рецепция классиков 1291, 1678, 1796, 1799, 1826, 1828
 — культурные мосты, см. *греческая и латинская литература*
 — латинизация 47, 150 сл., 156, 192, 261, 293 сл., 334 сл., 557 сл., 661, 962 сл.
 — методологический трансфер 661, 1870
 — методы извлечения эксцерптов 301, 1603
 — многоязычие 157, 415 сл., 420, 1424, 1459, 1549, 1553, 1615, 1662, 1666
 — непонимание рецепции образцов 1789
 — особенности цитирования, античные 135, 1377 сл.
 — отказ от греческих цитат 1217
 — парафраза, эпическая 1475
 — плодотворность 743
 — подражание от противного 1000 сл., 1004, 1050, 1063, 1135, 1482
 — понимание Вергилия 1541, 1621
 — посредническая роль латинской литературы 1429 сл.
 — программная и фактическая, расхождение между ними: подражание Гомеру 101 сл., называние знаменитых предшественников между фактически использованными 527, 587—590
 — романизация 36 сл., 52 сл., 118 сл., 121 сл., 142, 204, 227, 261—265, 339 сл., 393, 599—603, 660, 788, 797 сл., 963 сл., 1096 сл., 1480, 1744 сл.
 — сборники цитат 1711 сл.
 — слияние культур 25, 29 сл., 33, 41, 46, 69, 78, 104, 141, 229, 637, 745
 — техника монтажа 1657
 — типологическая рецепция греческой традиции 1027, 1189
 — травестия 294, 1327, 1587
 — традиция Гомера, истолкование Гомера, критика Гомера 102, 142 сл., 164, 1429, см. также *Гомер*
 — философский аспект против филологического 1291
 — христианизация литературных форм и римских представлений 1487, 1673, 1709, 1712, 1776, 1783
 — христианство и языческое образование 1428 сл., 1798
 — цитата 1102, 1218, 1252, 1285, 1359, 1614, 1718, 1736, 1861 сл., 1893
 — см. *аллегореза, эвгемеризм, экзегеза, герменевтика, комментарий, предметственность, литературная, типологическое истолкование*
 — см. во всех главах, поств. отд. авторам, раздел о влиянии на позднейшие эпохи, а также об источниках и образцах

- см. *греческая и латинская литература, сравнение*
- см. *историко-социологические взгляды*
- см. *комментарий*
- см. *литературно-социологические аспекты*
- см. *литературные жанры, жанровые пересечения*
- см. *миф, критика мифа*
- см. *обретение идентичности*
- см. также *перевод*
- рецитация 906 сл., 119
- речь 38 сл., 55 сл., 538—548
 - в республиканскую эпоху 84 сл., 435—450, 455 сл., 483, 568—615
 - в эпоху Августа 713, 953 сл.
 - в эпоху Империи 1249—1260, 1566 сл., 1570—1579
 - как инструмент привлечения на свою сторону 1671
 - как критерий традиции 482, 502
 - как прием членения 487 сл.
 - основные части 590 сл.
 - панегирик 546 сл.
 - политическое влияние 538 сл., 547, 712 сл., 953
 - прямая и косвенная 460 сл.
 - структура, обусловленная содержанием 541
 - упадок красноречия 1221, 1320, 1360 сл., 1365 сл.
 - *commiseratio* 542
 - *status* 591
 - см. *риторика*
- Риенцо, Кола ди 1880
- Рильке 895, 1495
- Рим
 - богиня Рома 1465 сл.
 - в историографии 411, 449, 502, 936—941, 950 сл.
 - в поэзии 371 сл., 727 сл., 733, 739 сл., 744, 755, 792, 855 сл., 871 сл., 887, 1048 сл., 1081, 111, 1132 сл., 1459
 - величие, его причины 1674, 1700, 1820, 1823
 - вечный 1492
 - возрождения 1461 сл.
 - восхваление 1423, 1466 сл., 1473
 - гимн-молитва к РOME 1459
 - его «биография» 1544 сл., 1549
 - защита культуры 1474
 - и культурно-исторические связи с Фивами, Афинами, Троей (Троя) 754, 878, 886
 - идея Рима 1461 сл., 1572 сл.
 - как власть порядка 1228 сл.
 - как место рождения авторов 451 сл.
 - как поприще деятельности писателей: см. биографические разд. в главах, посв. отд. авторам
 - критика Рима 467, 486, 855, 937, 1190, 1207, 1242, 1342 сл., 1823
 - литературная значимость в эпоху поздней античности 1409
 - мировое господство 1546
 - миссия Рима, см. *историко-социологические взгляды*
 - право гражданства 1474
 - право гражданства на основании достижений в духовной сфере 140 сл., 159
 - правовое сообщество, гарантия права 1461 сл., 1474 сл.
 - речь олицетворенного Рима 1575
 - роль в мировой истории 1821
 - сатира на Рим 111 сл., 1530, 1792
 - упадок 1735, 1820
 - упадок политического значения 1408
 - *rex Romana* 1546
 - см. *историко-социологические взгляды, историография*
- римские добродетели, см. *ценностные представления, римские*
- Ринтон 125, 201, 281
- Ринучини, О. 895
- Рипп, Гильом 269
- риторизация литературных жанров 875 сл., 989, 1001 сл., 1038, 1114
- риторика, риторический элемент, риторы 43, 49 сл., 84 сл., 108, 632 сл., 639—646, 988, 1038, 1161, 1282, 1334, 1352, 1354—1376, 1421 сл., 1453 сл., 1608, 1712, 1725, 1751, 1756, 1835
 - в речи 544 сл., 587 сл.
 - возвышенный стиль 1320
 - гомилетика 1836
 - и герменевтика 642, 1428, 1836

- и истина 642, 1838 сл.
- и политическая культура 610 сл., 639 сл.
- и поэзия 108, 123, 283, 294 сл., 305 сл., 314 сл., 335, 846, 875 сл., 904, 1001 сл., 1102, 1543
- и право 678, 680 сл., 690 сл., 1649 сл.
- и проза 427, 443 сл., 462 сл., 486, 544 сл., 566 сл., 588, 925 сл., 963 сл.
- и самовоспитание 1290 сл., 1297 сл.
- и философия 580, 597, 600, 1371, 1839
- *К Геренцию* 643—646
- критика риторики 1339
- морализация красноречия 1254
- образцовые речи 1571
- обращение к внутреннему миру 1283, 1290 сл., 1828
- отношение к предмету 446 сл., 546, 590 сл., 640
- принцип градации 1524 сл.
- разложение риторики 330 сл.
- риторическая школа 1362 сл.
- средства убеждения, рациональные и эмоциональные 588, 640
- торжественная речь 1034 сл.
- энкомий 1471
- эпидейктическая 1174
- *amplificatio* 1141
- *colores* 1355, 1358
- *controversiae* и *suasoriae* 876, 1355, 1357, 1361 сл.
- *insinuatio* 1708 сл.
- *perspicuitas* 1369
- *praeteritio* 440
- $\theta\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$ 1356
- $\rho\rho\omicron\upsilon\mu\upsilon\acute{\nu}\alpha\sigma\mu\alpha\tau\alpha$ 1357
- см. *аттицизм*
- см. *декламация*
- см. *психагогия*
- см. *aptum*
- см. также *аллегория*, *герменевтика*
- см. также главы об отд. авторах
- риторические произведения 579 сл., 632 сл., 639—646, 1352 сл., 1365—1376, 1608, 1756, 1809, 1835—1839
- Ричард из Сиренчестера 1012
- Ричардсон, Сэмюэль 1304, 1455, 1494
- Ришар из Фурниваля 1895
- Ришелье 1191
- Роберт Криккладский 1384
- Робортелли 804
- Роде, Август (фон) 1594
- Роден 894
- Родос 82, 452, 550, 573, 636, 637
- розы 1586
 - и лилии 1715 сл.
- Ройтгер, Герман 1344
- ролевое стихотворение 365
- Роллен, К. 1374
- роман 1311—1318, 988, 1318—1347, 1420, 1508, 1517 сл., 1580—1599, 1790 сл., 1826 сл.
 - автобиографический 1317
 - жанровые подразделения 1311 сл.
 - жизненная достоверность как проблема 1313 сл.
 - и историография 1314
 - и эпос 1313
 - исторический 1312
 - комический 1312 сл.
 - родственные жанры 1314
 - роман-аллегория 1321
 - сценическое оформление 1314
 - условия развития 1313
- роман о путешествии 1312, 1330, 1385
- роман об Александре 1191, 1312 сл., 1420
- роман об Июлае 1315, 1326, 1328
- романизация, см. *рецепция*
- Романо, Лалла 895
- Ронсар 348, 398, 719, 771, 772, 806, 835, 1084, 1455
- Рубенс 893
- Рупперт-Трибиан, Хельга 400
- Руссо 350, 945, 1128, 1303, 1846
- Рустик Гельпидий, христианский поэт 1441—1442
- Рустициана 1852
- Рутилий Клавдий Намациан 1458—1463, 818, 1125, 1422, 1436, 1448
- Рутилий Луп 1353
- Рутилий Руф, П. 288, 429, 483, 529, 540, 684, 691
- Рутилий, см. *Палладий*
- Руфий Фест Авиен, см. *Авиен*

- «Руфий» Фест, см. *Фест, историограф*
 Руфин Аквилейский, Тиранний 1511,
 1500, 1514, 1770, 1774, 1787, 1788, 1791
 прим. 2, 1804, 1824
 Руцанте, Анджело Беолко да 269
 Ручеллаи, Джованни 771
 Рэстелл, Джон 270
- Сабин, Целий, юрист 1636, 1641
 садоводство, см. *научная литература*
 сакрализация 734, 1663
 — см. *право, самосознание юристов*
 — см. *imitatio Christi*
 — см. также *секуляризация*
- Сакс, Ганс 270
 Саксон Грамматик 192
 Салан 873
 салийская песнь 65, 637
 Саллюстий 480—511, 28, 32, 39, 88, 91,
 98, 409—412, 415, 423, 425, 428, 430,
 432, 445, 448, 536, 560, 618, 638, 713,
 904, 905, 909, 917, 924, 925, 928, 929,
 939, 985, 989, 1124, 1159—1161, 1164,
 1171, 1186, 1205, 1208, 1209, 1213, 1215,
 1219, 1220, 1223, 1224, 1237, 1419, 1452,
 1502, 1508, 1512, 1514, 1528, 1542, 1546,
 1553, 1554, 1556, 1574, 1600, 1820,
 1824, 1840
- Сальвиан Массилийский 1412
 Сальвий Юлиан 680, 1635
 Салютати, Колуччо 396, 608
 самоизбавление 1586
 самоирония писателя, см. *юмор*
 самопознание и самокритика 228,
 300, 561, 662, 796, 802, 884, 936,
 1100, 1105, 1637, 1700, 1763, 1816 сл.,
 1855
 — божества 1068
 саморазрушение римской мировой
 державы 1007
 самосознание
 — литературное у прозаиков 439,
 446, 494—497, 531 сл., 545 сл.,
 558 сл., 566, 598 сл., 621—623,
 645, 658 сл., 681 сл., 929 сл., 963,
 1254 сл., 1289 сл.
 — поэтическое 110, 152, 161, 225 сл.,
 295 сл., 336—339, 371, 390—392,
 718—721, 758—761, 796—799, 831,
 850—853, 883—986, 1040, 1153,
 1447, 1466 сл.
- самоубийство 1032, 1275, 1287, 1295
 Санназаро 770, 771, 834
 Сантра 528, 637, 1522
 Сапата, Луис 804
 Сапфо 364, 383, 788, 862, 868, 888
 Сатир 514, 515, 519
 сатира (*satira*), сатирический эле-
 мент 277—287, 34—37, 68, 89, 162,
 285—304, 587, 715, 781—812, 988,
 1064, 1090, 1099—1128, 1312, 1316,
 1330, 1794
 — возмущение как движущий сти-
 мул 284
 — и комедия 277, 291, 784
 — и трагедия 291 сл., 119
 — и эпос 291, 119
 — критика современности 284,
 289, 297
 — личный отпечаток 168, 284
 — мениппова 291, 649, 654—658,
 661, 1267 сл., 1278, 1303, 1312, 1328,
 1495, 1858, 1861
 — патетизация 113—117
 — эротический элемент в 297, 1127
 — см. также *поэзия*
- сатира на военных 113
 сатурнов стих, см. *метрика*
 Сацердот, грамматик 1601
 сборник стихов как произведение ис-
 кусства 380 сл., 729, 737 сл., 745,
 783 сл., 827 сл., 843 сл., 865 сл.,
 870—875, 1038, 1500, 1769
 сборники свидетельств 1707
 Светоний 1519—1540, 44, 101, 240, 266,
 411, 472, 504, 513, 517—519, 521, 523,
 531, 535, 650, 664, 911, 1138, 1191,
 1208, 1249, 1373, 1403, 1449, 1450,
 1498, 1500, 1502, 1506, 1510, 1514, 1517,
 1518, 1555, 1601, 1605, 1611, 1612, 1669,
 1759, 1788
 Свифт 1127
 свобода 96—98, 320, 394, 472, 1105
 — благодаря добровольному само-
 убийству 1294
 — благодаря философии 340
 — внутренняя 1099 сл., 1700
 — духовная 78, 1482, 1588
 — индивидуума 1559
 — отсутствие места для человече-
 ской свободы 1069
 — стоическая 1293

- эпикурейская 340 сл., 1292
- см. *освобождение индивидуума*
- см. *свобода воли*
- см. *libertas*
- свобода воли 343, 1236, 1675, 1697, 1726 сл., 1842, 1857 сл., 1870—1873
- свободные искусства, см. *artes liberales*
- священство мирян 1687
- Севий Никанор 637
- Седли, Чарльз 270
- Седулий, поэт 1482—1484, 106, 311, 766, 1422, 1441
- Седулий Скотт 608
- Секст Эмпирик 1416, 1668, 1693, 1699
- Секст, «пифагореец» 1774
- Секстий Нигер 1378
- Секстий, Кв. и его тезка-сын 956, 957, 1261, 1277
- Секстилий Эна 999
- сексуальность 299, 533, 661
 - агрессивное отношение 1333
 - биологически и психологически 299
 - брак, см. *женщины, любовь*
 - вуайеризм 1319
 - гомоэротика, любовь к мальчикам 379, 738, 817, 832, 112, 114, 1120, 1324
 - и власть 1328
 - и познание 394
 - импотенция 865, 1323, 1338, 1435
 - любовная дидактика 297
 - любовь к гетерам 67, 816, 876
 - неразборчивость 395
 - несдержанная и обузданная 747
 - обшечность 388, 1136, 1139, 1142, 1150—1155, 1326
 - отказ 756
 - открытость 297 сл.
 - порнография 876, 1151
 - проституция 394 сл., 1120, 1322
 - словарь 1154
 - смена половых ролей в сравнении 387
 - старческая 1436
 - эрос, платоновский 876
- эрозияция, см. *язык и стиль, изменение значения*
- см. *аскеза*
- см. *amare et bene velle*
- см. *servitium amoris*
- секуляризация религиозных и мифологических представлений 1663
- Секунд, Иоанн 398
- Селин, Луи-Фердинанд 1344
- сельское хозяйство, см. *научная литература* и главы об отд. авторах
- семиотика 1848
- Семпроний Азеллион 425—426, 405, 409, 411, 432, 487, 917, 922
- Семпроний Тудитан 425, 288
- Семпрония 490, 1209
- сенаторская аристократия, см. *литературно-социологические аспекты*
- сенаторы как писатели 27, 184, 407, 435, 451, 479, 569, 617, 644, 1413, см. также *историография, сенаторская*
- сенаторы как юристы 674, 970
- сенатские постановления, см. *право*
- Сен-Бев, Шарль-Огюстен 1015, 1846
- Сенека Младший 1261—1310, 25, 26, 28, 39, 52, 61, 89, 118, 123, 128, 134, 174, 183, 191, 234, 258, 268, 280, 282, 285, 292, 345, 522—558, 563, 566, 596, 597, 602, 656, 658, 665, 713, 715, 760, 803, 809, 890, 902, 904, 907, 911, 954, 957, 979, 980, 981, 982 сл., 986—989, 991—993, 997, 998, 1000, 1001, 1002, 1004, 1008, 1026, 1034, 1072, 1084, 1096, 1099, 1115, 1123, 1132, 1137, 1139, 1146, 1162, 1184, 1204, 1205, 1210, 1220, 1230, 1235, 1251, 1319, 1321, 1543, 1383, 1426, 1429, 1430, 1445, 1487, 1488, 1410, 1542, 1543, 1567, 1669, 1670, 1678, 1693, 1697, 1709, 1737, 1740, 1742, 1743, 1796, 1797, 1824, 1826, 1840, 1845, 1856, 1858, 1859, 1860, 1863, 1866, 1874, 1894, 1895
- Сенека Старший 1354—1365, 128, 481, 607, 718, 861, 942, 953, 954, 979, 980, 1000, 1132, 1151, 1172, 1173, 1174, 1184, 1261, 1320, 1368, 1421, 1426, 1522, 1542, 1543
- Сен-Желз, Октавьян де 767
- Сенкевич, Генрих 1344
- Сен-Пьер, Бернарден де 771
- Сен-Пьерри, Вильгельм де 890
- Септимий Север 61, 1406, 1407, 1408, 1420, 1518, 1639, 1640
- Септимий Серен 1442, 1449
- Септимий, Л. 1507
- Септиций Клар, Г. 1520, 1522

- Сервантес 268, 1548, 1593
 Сервий 1606, 102, 420, 765, 766, 1002, 1124, 1125, 1535, 1604, 1620
 Сервилий Нониан 1099, 1207, 1209
 Серен, Кв. 1384, 1436
 Сибиль, Жиль 269
 сивиллины оракулы 1736
 Сидни, Филипп 771
 Сидоний Аполлинарий 106, 834, 966, 1044, 1125, 1241, 1277, 1411, 1435, 1439, 1475, 1494, 1514
 Сизенна, см. *Корнелий*
 Сикул Флакк 1354
 Силен, историк 427, 527
 Силий Италик 1047—1060, 27, 105, 111, 431, 449, 504, 766, 985, 988, 989, 990, 993, 1011, 1023, 1035, 1043, 1132, 1301, 1421, 1477, 1489, 1575
 Силий П. 1156
 Сильвестр II, папа (Герберт) 1126, 1879
 Симмах, Кв. Аврелий Меммий, правнук оратора, тесть Боэция 1419, 1852
 Симмах, Кв. Аврелий, оратор, современник Амвросия 1574—1579, 546, 548, 563, 1241, 1409, 1415, 1449, 1488, 1490, 1607, 1620, 1772, 1777
 Симонид 168
 Симфосий 1422, 1435
 Синесий Киренский 562, 1469, 1474 прим. 5, 1862
 синонимы, см. *язык и стиль*
 Сиссон, К. X. 894
 Скавр, грамматик, см. *Тереций Скавр*
 Скавр, Мамерк Эмилий, оратор 1354
 сказка о животных, см. *басня*
 сказки 1312, 1314, 1594, 1676
 Скалигер, Юлий Цезарь 805, 1013, 1028, 1058, 1074, 1107, 1151, 1341
 Скелтон, Джон 399, 1106
 скепсис 1263, 1405, 1667, 1692, 1694, 1697 сл., 1726 сл., 1741, 1751, 1807, 1819, 1824
 — см. также *Платон, платонизм*
 скабки, см. *язык и стиль*
 Скрибоний Деметрий 1306
 Скрибоний Ларг 1349 сл., 619
 Скрибоний Либон 1159
 Скрибоний, см. *Курион*
 Скудери, Мадлен де 1363
 слияние культур, см. *рецепция*
 словари, см. *научная и научно-популярная литература, лексикография*
 словарь, см. *язык и стиль*
 слово, словесная архитектура, игра слов, сочетания слов, см. *язык и стиль*
 смесь прозы и поэзии 655
 Смоллетт, Тобиас Джордж 1127
 совесть 716, 1113, 1123, 1196, 1232, 1236, 1296, 1720
 сожжение книг 26, 712, 1361
 созерцательная (и деятельная) жизнь 652
 Созомен 1629
 Сократ 279, 394, 513, 514, 551, 558, 584, 875, 992, 1100, 1105, 1123, 1235, 1264, 1270, 1279, 1281, 1590, 1630, 1671, 1672, 1698, 1795, 1841, 1860, 1871
 Сократ, историк Церкви 1630
 Солженицын 1856
 солнечные часы 1061, 1852
 Солон 314, 813, 814, 877, 926
 сон, см. *литературная техника*
 Соран Эфесский 1610, 1669
 Сосил 527
 Сотион 886, 957, 1261, 1279, 1281, 1292
 софистика 1173, 1589, 1674
 софисты 1356
 Софокл 116, 119, 123, 177, 181, 185—188, 190, 1282
 Софрон 127
 социальное происхождение писателей, см. *литература*
 социальные связи, см. также *ценностные представления, государство, res publica, государственничество*
 союзы, см. *язык и стиль*
 Спарс 1359
 Спенсер, Эдмунд 352, 771, 772, 804, 892, 1106
 спиритуализация 1481, см. *язык и стиль*
 спондей, см. *метрика*
 справедливость, см. *iustitia*
 сравнение 41, 192, 217, 299, 329, 335, 386, 465, 474, 496, 520, 558, 656, 659, 662, 744, 746, 753 сл., 791, 847, 879, 883, 923, 929, 933, 1023, 1042, 1050, 1054 сл., 1066 сл., 1116, 1172, 1181, 1344, 1360 сл., 1367, 1470 сл.,

- 1531, 1543, 1545, 1549, 1586, 1605,
1607, 1671, 1755
— в дидактическом эпосе 1487
— в эпосе 1586
— см. *образы*
- Стагилий Максим 1601
- Стаций Себоз 618, 1378
- Стаций, П. Папиний 1030—1047, 27,
28, 35, 38, 80, 104—107, 111, 114, 366,
368, 766, 802, 890, 902, 980, 983,
984, 985, 988, 989, 990, 993, 1011,
1013, 1018, 1023, 1028, 1055, 1126, 1132,
1138, 1139, 1145, 1174, 1249, 1277, 1413,
1434, 1449, 1451, 1459, 1468, 1469,
1473, 1476, 1477, 1487, 1607
- стенографы 636, 1377
- Стергиний Авит 1132
- Стил, Ричард 270
- стилистический аспект, см. *риторика*, см. *язык и стиль*
- Стилон, см. *Элий*
- стихотворение на случай 59, 366, 984,
988, 1256
- стихотворение по поводу праздника,
см. *стихотворение на случай*
- Стобей 120, 224
- Стоя, стоики, стоицизм 59, 80—82,
86, 117, 171, 189, 541, 551 сл., 559, 590,
761, 801 сл., 1010, 1056, 1069, 1105,
1123, 1175, 1262, 1281, 1290—1294, 1381,
1431, 1583, 1585, 1679, 1697, 1701, 1706,
1709, 1718, 1728, 1734, 1737, 1743, 1745,
1757, 1761, 1777, 1842, 1847, 1857, 1859,
1863, 1871
— см. также отд. персоналии
- Страбон 101
- страх перед богами, освобождение
от 327, 1735
- Строци, Тито 1044
- структура предложения, см. *язык и стиль*
- структурные принципы 102 сл., 288,
380 сл., 446 сл., 565, 591 сл., 744—
748, 791 сл., 829, 843 сл., 867—875,
878 сл., 883, 914 сл., 918 сл., 1004,
1020, 1102, 1184, 1210, 1365, 1524
— асимметрия 487, 850
— выстраивание периодов 49, 316,
334, 388
— и оформление стиха 257
— кольцевая композиция 1377
- осевая симметрия 97, 142, 293,
330, 384 сл., 783, 792, 818, 849,
865, 871—875, 1379, 1481
- оформление сцен 177, 217, 460,
491, 748, 920, 926, 929, 1003 сл.,
1035, 1054, 1285
- параллелизм (главных частей)
658, 747 сл., 865, 872
- последовательное продвиже-
ние 293, 849
- предметная обусловленность
541, 619
- преднамеренное несогласован-
ие 789 сл.
- рамочная техника, рамочное
повествование 148, 386, 487, 747,
783, 868—874, 1114, 1334, 1692
- симметрия 217, 224, 386, 463, 487,
595, 660
- слоговой квадрат 386
- Стэнигерст, Ричард 768
- субъективность
- изобразительных форм у Катул-
ла 387
- эпохи Августина 561, 1841
- Суинберн, Элджерон Чарльз 354
- Сулла 77, 88, 94, 126, 321, 377, 400, 413,
429, 432, 452, 459, 471, 488, 489, 497,
500—502, 516, 529, 568, 575, 914, 917,
1004, 1504, 1525, 1826
- Сульпиций Аполлинарий, Г. 1600,
1612
- Сульпиций Блифон 527
- Сульпиций Виктор 1608
- Сульпиций Гальба, Г. 540
- Сульпиций Гальба, Сервий 538—542
- Сульпиций Руф, Сервий 87, 552, 674,
676, 691, 692, 693, 1389
- Сульпиций Север 1511 сл., 517, 519—
521, 1160, 1167, 1241, 1411, 1420, 1513,
1718, 1791
- Сульпиция 839 сл., 375, 711, 836, 838,
862
- схолии 1020, 1106, 1352, 1855
- Сцевола, Кв. Цервидий, юрист 674,
1413, 1635, 1639
- Сцевола, см. *Муций*
- Сципион Африканский, младший
539, 543, 558
- Сципион Африканский, старший 429

- Тай, Жан де ла 191
 Танузий Гемин 1522
 Тассо, Бернардо 805
 Тассо, Торквато 768, 771, 1013
 Тагиан 1669
 Таулер, Иоганн 1846
 Тацит, Г. Корнелий 1194—1247, 27, 45, 286, 345, 408, 414, 432, 448, 493, 504, 505, 512, 517, 519, 536, 607, 603, 908, 922, 1249, 1251, 1254, 1300, 1305, 1319—1321, 1361, 1373, 1377, 1384, 1415, 1416, 1429, 1498, 1502, 1512, 1514, 1522, 1524, 1526, 1530, 1533, 1535, 1537, 1538, 1543, 1544, 1552, 1553—1558, 1575, 1580, 1591, 1669, 1694, 1696, 1840, 1895, 1896
 Тацит, цезарь 26
 творчество, см. *образ человека*
 тенденциозность
 — у анналистов 430—432
 — у Ливия 936—938
 — у Саллюстия 498 сл.
 — у Цезаря 466
 Теннисон, Альфред 354, 399, 769, 808
 Теодерих из С. Тронда 966
 Теодор Присциан 1610
 Теодора поклонники 1372
 Теодорет 1629
 Теодорих 1407, 1409, 1418 прим. 1, 1509, 1632, 1852, 1853, 1875
 теологические (богословские) произведения 1756
 теология, христианская
 — бинитаризм 1744
 — докетизм 1667
 — субординацианизм 1681
 — теология усыновления 1744
 — учение о Троице 1485, 1668, 1745, 1756—1760, 1763, 1769, 1816 сл., 1840 сл., 1874, 1879
 — хилиазм 1744
 — христология, учение о логосе 1679, 1681, см. здесь *учение о Троице*
 — экклесиология 1708, 1710—1713, 1716
 — юридический метод мышления 54, 1682 сл., 1710
 — *filioque* 1714
 — см. *афианство*
 — см. *божество, представление о*
 — см. *дуализм*
 Теон Александрийский 1086 сл.
 Теопомп 88, 407, 412, 486, 527, 598, 713
 теория масс (ивов) Блюме 1657
 теория науки 1867
 теория познания 1842
 Теофраст 101, 135, 328, 514, 550, 555, 588, 640
 Теренциан Мавр 311, 1028, 1341, 1437, 1442
 Теренций 248—276, 28, 29, 31, 35, 41, 42, 46, 50, 66, 79, 80, 89, 91, 92, 120, 121, 124, 125, 131, 132, 151, 153, 176, 209, 212, 216, 220, 224, 232—234, 240—242, 244, 246, 288, 292, 293, 296, 311, 441, 448, 497, 659, 1352, 1449, 1452, 1521, 1574, 1601, 1604, 1735, 1775, 1786, 1817, 1838
 Теренций Варрон, см. *Варрон*
 Теренций Скавр, Кв., грамматик 1413, 1600
 Тертуллиан, Отец Церкви 1663—1690, 346, 557, 597, 665, 1239, 1300, 1362, 1384, 1403, 1408, 1409, 1416, 1418, 1420, 1423, 1425, 1430, 1431, 1488, 1662, 1691, 1693, 1694, 1698, 1701, 1706, 1707, 1709, 1710, 1712—1714, 1719—1721, 1725, 1736, 1737, 1740, 1742, 1743, 1761, 1790, 1792, 1797, 1813, 1839, 1865, 1893
 Тертуллиан, юрист 1663
 технические приемы драмы 128—130, 164, 177 сл., 187 сл., 208—220, 241, 253—259, 1285 сл., 1314
 — в историографии 408, 426, 429, 459, 491, 919, 950, 1185, 1220, 1526, 1553
 — см. также *литературная техника*
 Тибериан 1435
 Тиберий, император 522, 1521
 Тибулл 826—842, 298, 709, 711, 716, 717, 719, 737, 745, 819—821, 823, 824, 845—847, 849, 853, 858, 862, 875, 877, 901, 1449, 1895, 1896
 Тиконий 1823, 1838
 Тимаген Александрийский 906, 949, 1183
 Тимей из Тавромения 150, 417, 442, 527
 Тиофрид из Эхтернаха 1012
 типологическое истолкование 1008, 1032, 1050—1052, 1212 сл., 1267, 1327, 1441, 1478, 1506, 1710, 1759, 1769, 1780, 1840

- Тиранный, см. *Руфин Аквилейский*
 Тирон 529, 590, 603, 972
 Тиртей 814
 Титмар Мерсебургский 1147
 Тициан 1457
 Тиций Аристон 1389
 Тициний Капитон 205
 Тициний, представитель тогаты 124
 тогата, см. *комедия*
 Тойнби, Арнольд 1238, 1846
 Толстой, Л. Н. 1832
 Томсон, Джеймс 353, 772
 топка Александра 1209
 топика обращения 817, 821, 843, 853
 Торвальдсен 1594
 трабеата, см. *комедия*
 травестия, см. *литературная техника*
 трагедия 988, 1113, 1142, 1273–1277, 1281 сл., 1285 сл., 1294, 1297, 1301 сл., 1313, 1483
 — выбор материала 122, 133
 — дидактические пьесы 1296
 — драма для рецитации 1286
 — значимость в Риме 133 сл., 744
 — и философия 134, 1294–1297
 — метрический аспект 132, 1288, см. также *метрика*
 — монолог 1289, 1303
 — носитель мифологической рецепции 133
 — образ человека 1296
 — риторизация 128, 1285
 — самопреодоление 1296
 — стихомифия 1303
 — «трагические остроты» 181, 188
 — ужасное 1286
 — хоровые партии 128 сл., 1296, 1301
 — школьные драмы 1303
 — экспозиция 1201
 — язык 132, 1288
 — *praetexta* 183
 — *ἄμαρτια* 117
 — *κάθαρσις* 117, 1297
 — см. *драма* и разд., посв. отд. авторам
 — см. *психагогия*
 трагика, аристотелевская 117
 — неаристотелевская 1297
 традиционное сознание, см. *ценностные представления, римские*
 традиция 1889–1897
 — Август 454, 737
 — значение определенных институций, общественных групп и личностей 1889–1897
 — монастыри 1802, 1894
 — сенатская аристократия 941, 1894
 — слабая традиция значимых авторов 343, 396, 1238, 1251, 1591, 1896
 — ученые 645, 1894
 — церковь 1894
 — Цицерон 245, 603
 — школа 27, 265, 637
 — см. соотв. раздел в главах об отд. авторах
 Тракль, Георг 830
 Трасилл 1378
 Траян 26, 546, 547, 622, 677, 977, 979, 984, 987, 989, 993, 1132, 1133, 1195–1198, 1229, 1248, 1249, 1256, 1389, 1428, 1464, 1520, 1528, 1546, 1671
 Требаций Теста 693, 714, 969, 970, 972, 1725
 Тревет, Николас 943, 1301 прим. 3, 1363
 Трир, резиденция императора 1411
 Трифон 1366, 1669
 Трог, Помпей 948–952, 88, 406, 411, 490, 504, 560, 714, 905 сл., 1171, 1183, 1234, 1378, 1500
 Троица, учение о, см. *теология*
 труд, см. *labor*
 трудовые песни 65, 366, 1434, см. также *фольклор*
 Губерон, Л. 552
 Губерон, см. *Элий*
 Тургенев, И. С. 769
 Турн, сатирик 113
 Турпилий 124, 241
 Тусциан 1389
 Тутэн, Шарль 1302
 Тьеполо 893
 Тюренн, Анри 191
 Уайет, Томас 1126
 Уайлдер, Т. 268, 400, 473
 Уиклиф 1846
 Уланд, Людвиг 1058
 Ульпиан, Домиций 676, 683, 1389, 1414,

- 1640, 1641, 1642, 1645, 1647, 1648,
1650, 1651, 1657, 1658
Ульпий Марцелл, юрист 1635, 1641
Уолтер Мэп 1147
Уоттс 806
Урфе Оноре д' 771
усыновление наследника престола
1236
уход за больными 1631, 1735
Уц, Иоганн Петер 806
учебник, систематический, см. *institutiones*
учение о числах 1623
- Фабиян, см. *Патифрий*
Фабий Максим, Павел 873, 953
Фабий Пиктор 416—419, 88, 405, 420,
427, 915, 916, 937
Фабий Рустик 1207, 1522
Фабий, см. *Квинтилиан*
Фавентин 966, 1609
Фавоний Евлогий 1608
Фаворин Арльский 1612, 1613, 1615
Фавст Риезский 1411, 1412
Фалес 1123
Фанний 424—425
Фанокл 814, 876, 1514
фарс флаковок, см. *комедия*
Федр, баснописец 1093—1098, 980,
993, 1086, 1088, 1089, 1090, 1091, 1137,
1457, 1458
Федр, эпикуреец 589, 599
Феллини, Федерико 1344
Фемистий 1554, 1857
Фенелон 1846
Фенестелла 1378, 1522
Фений Эресский 1523
Феноллет, Луис де 1191
Феогнид 314, 814, 1468
Феокрит 81, 127, 297, 383, 712, 726, 727,
730, 732, 738, 745, 770, 1080, 1081,
1329, 1435, 1468
Феон Смирнский 1870
Феофан из Митилены 485
Феофил Антиохийский 1670, 1719,
1736
Феофил, учитель права в Константи-
нополе 1658 сл.
Ферранд 521
Фест, историограф 1505 сл., 664, 943,
1500, 1518, 1547, 1553
- Фест, лексикограф 629, 146, 245, 959,
973
фесценнины 67, 216, 291, см. также *на-
смешливые стихотворения*
Фет, А. А. 399
физика, космология 174, 298, 315, 328,
335, 342, 347, 349 сл., 354, 359, 610,
618 сл., 636, 721, 738 сл., 757, 760,
766, 816, 854, 870, 886, 888, 964,
992, 1064, 1291, 1377 сл., 1421, 1582
сл., 1585, 1609, 1622, 1627, 1700, 1720,
1767, 1805, 1857, 1868, 1880
Филарх 491, 918
Филдинг, Генри 270, 1127
Филельфо 1373
Филемон, комический поэт 121, 202,
230
Филет 814, 815, 846
Филин Акрагантский 150, 419
Филипп Лейденский 1477
Филипп Орлеанский 1342
Филиск 548
Филодем Гадарский 322, 329, 336, 553,
588 сл., 1330, 1729, 1796
Филоком 301
Филоксен 1348
филология, *philologus* 169, 1351, 1522
— апофеоз 1627
— в отрицательном аспекте 1281
— и филология 1290
— см. также *научная литература,
грамматика*
Филон Александрийский (Iudaeus)
994, 1428, 1429, 1743 прим. 3, 1778,
1782, 1821, 1824 прим. 1, 1825
Филон из Лариссы 552, 568, 587, 599,
602
философия 548—561, 293 сл., 583—589,
600—602, 653, 956, 1229 сл., 1261—
1304, 1593, 1734, 1756—1764, 1779,
1806—1881
— антропология 992, 1377
— бесконечность, философски
продуманная 343
— в дидактическом эпосе 315,
319 сл.
— враждебное отношение к 26,
549, 558, 993, 1360, 1567
— врачевательная функция 1863
— время, философское восприя-
тие 561, 1756, 1816, 1841, 1846

- диалектика 1272
- диалогический принцип 555
- жанры философских произведений 555, см. также *дидактический эпос*
- и архитектура 965
- и императорская власть 552, 978, 1416
- и мистериальный язык 992
- и политика 601, 1293
- и право 171, 559, 682—685, 690
- и религия 1105
- и риторика, см. *риторика*
- и трагедия, см. *трагедия*
- и христианство 1429, 1756, 1761, 1767, 1816, 1830
- «инструментальный» характер 559
- использование в литературе 231, 549—561, 570, 654
- как «посвящение» 1292
- недоверие римлян к 328, 1261
- недогматический характер 555
- общий очерк как основная идея 601, 1264
- основные добродетели 1781
- отказ 392, 853
- персонификация 1855
- популярная, см. *диатриба*
- практическая 601, 993 сл., 1026, 1293, 1360
- примеры, практические 555
- против филологии 1290
- романизация 549—561, 956, 1048, 1293, 1756—1767, 1839—1842, 1870
- системы, мыслимые 653
- созерцание, его первенствующее положение 1292
- учение об обязанностях 586, 590, 601 сл., 610, 1175
- философия жизни 372, 721, 956, 1281, 1304
- философия культуры 343
- философские авторы 305—362, 549—561, 569—615, 912, 956, 1060—1074, 1260—1309, 1580—1599, 1619—1624, 1756—1767, 1806—1885
- философские понятия 557, 602, *abstracta* 108, 1425, см. также *язык и стиль*, и «бедность» латинского

языка

- философские школы, их конвергенция 600
- философские школы, их чередование: Стоя и платонизм 550, 1404, 1429 сл.
- философские школы, см. соотв. разделы
- философский элемент у римских авторов 171, 251, 292 сл., 299 сл., 486, 523, 654 сл., 788, 886, 934, 1007—1010, 1048, 1059, 1105, 1580—1599, 1679, 1756—1767, 1870, см. также разделы, посвященные философам и философским школам
- экзистенциальный подход 1292
- этика, ее первенствующее положение 559, 1290
- *artus*, см. *риторика*
- см. *аффект*
- см. *логика*
- см. *топика обращения*
- философия истории, см. *историософские взгляды*
- философские произведения 39 сл., 42, 62, 85, 549—561, 583—594, 597, 599—603, 653, 912, 956, 987, 1260—1309, 1619—1624, 1756—1767, 1806—1885
- философы
 - государственное покровительство 1416, 1429
 - изгнание из Рима 549, 993, 1429
 - как «боги» 342, см. также *апофеоз*
 - как враги истины 1741
 - как патриархи еретиков 1678
- Филострат 517, 562
- Финстерлин, Германн 894
- Фирмик Матерн 622, 1063, 1073, 1365, 1396, 1730, 1749—1754
- Фишарт, Иоганн 1772
- Флавий Афраний Сиагрий 1435
- Флавий Иосиф 1824 прим. 1
- Флавий, Гн. 69, 688
- Флавий, см. *Вегезий*
- Флавий, см. *Капр*
- Флавий, см. *Кассиодор*
- Флавий, см. *Корунн*
- Флегон 1518

- Флобер 1594
 Флодоард Реймский 1764
 Флор, Л. Анней и П. Анний (возмож-
 но, одно лицо) 1541—1550, 560,
 662, 936, 1011, 1160, 1186, 1403, 1446,
 1449, 1498, 1504, 1506, 1514, 1553,
 1684, 1844
 Флорентин 1658
 фольклор, светский 65, 365, 407
 прим. 2, 1335, см. также *комедия, fa-
 bula Atellana, на пороге литературы*
 Фома Аквинский 1782, 1836, 1868, 1870,
 1871, 1875
 Фонтенель 1084
 Фортнер, Вольфганг 400
 Фортунациан 628 сл., 1373, 1625 сл.
 Фосколо, Уго 808
 Фосс, Иоганн Генрих 769, 807, 836
 Фраатак 1156
 Фракасторо, Джироламо 348, 771
 Франсуа де Саль 1295
 Фредегар 1412
 Фрейтаг, Густав 1258
 Фридрих Великий 350 сл., 610, 1014,
 1342
 Фришлин, Никодем 472
 Фронтин 625 сл., 1353 сл., 428, 617—
 619, 622, 942, 951, 966, 1137, 1611
 Фронтон 1566—1570, 437, 440, 448 сл.,
 487, 502, 504, 525, 544, 563, 567, 1178,
 1300, 1373, 1403, 1408, 1413, 1417, 1520,
 1571, 1575, 1577, 1612, 1691, 1693
 Фуке, Фридрих де ла Мотт 1562
 Фукидид 32, 85, 88, 327, 407, 411, 421,
 461, 484, 485, 522, 527, 909, 918, 923,
 925, 926, 1003, 1224, 1233, 1236
 Фулон, Абель 1106
 Фульгенций 1606 сл., 767, 1044, 1419,
 1607, 1626, 1686, 1858
 Фунданий 715
 Фуфиций 618
 Фюретьер 1127
- Хаассе, Хелла С. 1478
 Халкидий, см. *Калкидий*
 Хамерлинг, Роберт 1594
 Харисий 1604 сл., 245, 1601, 1605, 1757
 Харитон 1329
 Хатчинсон, Люси 353
 Хаурегви и Анвилар, Хуан де 1013
 Хеннингер, Манфред 894, 1344
- Херасков, М. М. 768
 хиазм, см. *язык и стиль*
 Хилл, Джеффри 894
 Хильперик 1412
 Хирий Фортунациан 1608
 Хлодвиг 1852
 Хойрил из Иасоса 1187
 Хойрил Самосский 1187
 Холидей, Бэрген 1106
 Холл, Джозеф 805, 1107, 1126
 хорографии 1449, 1515
 Хоукинс, Исаак 354
 Хрисипп 1123, 1281, 1701 прим. 5, 1845
 христианство
 — антихристианская литература
 1742
 — и античность 995
 — и римскость, см. *рецепция, хри-
 стианизация*
 — пневматическое 1711
 — преследования христиан 1704,
 1732, 1741
 — христианизация литературных
 жанров 1420—1424, 1436—1441,
 1482—1485, 1497
 — см. *ценностные представления,
 римские, христианизация*
- Хуан де Мена 1013
 художественная критика, теория ис-
 кусств 963, 1339
 — см. *архитектура*
 — см. *изобразительное искусство*
- Цезарь, Г. Юлий 451—480, 50, 77, 78,
 80, 83, 91, 190, 256, 261, 321, 322, 377,
 378, 380, 381, 406, 407, 409, 411, 413,
 494, 499, 500, 516, 522, 561, 566, 569,
 581, 618, 638, 647, 692, 707, 708, 714,
 737, 830, 909, 912, 914, 923, 969, 998,
 999, 1006, 1009, 1014, 1057, 1080, 1174,
 1263, 1417, 1530, 1531, 1562, 1640
 Цезарь, Г. Юлий Цезарь Страбон 78,
 123, 184, 455, 541, 580, 597
 Цезарь, Л. Юлий (консул 64 г. до
 Р. X.) 638
 Цезелий Виндекс, Л. 1600, 1630
 Цезий Басс 1099, 1351 прим. 2, 1603,
 1757, 1760
 Целерина 1468
 Целий Аврелиан, медицинский ав-
 тор 1610

- Целий Антипатр 426—428, 80, 406, 409, 410, 411, 425, 448, 487, 916, 918, 1171
- Целий Апиций, см. *Апиций*
- Целий, см. *Сабин*
- Цельс, автор энциклопедических и медицинских трудов (А. Аврелий Корнелий Цельс) 630 сл., 1348—1349, 617—620, 624, 1350, 1378, 1379, 1381, 1611
- Цельс, юрист 679, 683, 1389, 1634
- Цельгис, Конрад 234 прим. 2, 398, 1014 сл., 1455
- Цензорин 664
- ценностные представления, римские 53—64, 112, 169, 466, 762, 923, 1235
- авторский отпечаток 61, 235, 372, 931 сл.
 - внутренние ценности 707
 - изменение 93—98, 394, 1176, 1229, 1235
 - оскотенение 1175
 - осознание традиции 25, 31—34, 38, 53, 62, 240, 259, 712
 - приписываемые представителям других народов 468, 1228
 - солидарность с противником 748
 - традиционные и новые 61 сл., 77, 191, 376
 - у Цезаря 468 сл.
 - христианизация 1439, 1481, 1495, 1820
 - см. также соотв. латинские рубрики
- центонная поэзия 1795
- церковно-исторические произведения 1377
- см. также *Евсевий*
- Цетий Фавентин, М. 966, 1609
- Цец 966
- Цецилий (товарищ Катутла по поэтическому ремеслу) 381, 384, 390
- Цецилий Стаций 240—248, 80, 124, 132, 251, 253, 292, 659, 1615
- Цецилий Эпирот 28
- Цецилий, см. *Метелл Нумидийский*
- Цивилис 1202
- Циммерман, Мак 502, 894
- Цинций Алимент 419 сл., 88, 1725
- цитата, см. *рецепция*
- Цицерон, Кв. Туллий 123, 344
- Цицерон, М. Туллий 568—615, 17, 26, 28, 30, 33, 38—42, 50, 56, 60, 61, 69, 78—80, 82—89, 91, 93, 95, 96, 98, 109, 110, 122, 125, 127, 155, 161, 167, 173, 176, 181—185, 190, 194, 225, 232, 233, 244—246, 258, 263, 266, 305, 308—310, 321, 323, 333, 337, 350, 372, 378, 379, 388, 397, 412, 415, 422, 426, 428, 433, 434, 441, 443, 444, 446, 448, 449, 453, 455, 456, 459, 462, 463—466, 470, 471, 474, 483, 485, 486, 500, 506, 507, 515, 522, 525, 526, 528, 529, 531, 533, 535, 536, 539—545, 547, 550, 553—556, 560, 561, 562, 564—566, 617, 618, 622, 623, 637, 639, 640—646, 648, 650, 654, 655, 656, 659—661, 663—665, 679, 680, 681, 688, 691, 693, 708, 713, 716, 721, 742, 861, 903, 904, 907, 908, 910, 912, 918, 922, 923, 927—929, 934, 935, 939, 965, 972, 981, 983, 985—991, 1000, 1003, 1048, 1068, 1076, 1077, 1113, 1115, 1124, 1159, 1164, 1165, 1171, 1175, 1179, 1203, 1204, 1209, 1220, 1222, 1229, 1235, 1239, 1248, 1251, 1252, 1257, 1263, 1264, 1277, 1280, 1287, 1288, 1292, 1336, 1351, 1353, 1356, 1357, 1359, 1360—1362, 1366, 1367, 1370, 1373, 1420, 1430, 1449, 1472, 1481, 1488, 1510, 1528, 1529, 1543, 1544, 1546—1554, 1559, 1567—1569, 1571, 1575, 1577, 1589, 1601, 1608, 1612, 1619, 1620, 1622, 1623, 1669, 1674, 1692—1697, 1701, 1702, 1725, 1727, 1735, 1736, 1738, 1740, 1742, 1743, 1745—1747, 1750, 1756, 1762, 1767, 1774, 1775, 1780, 1790, 1791, 1794, 1820—1822, 1824, 1826, 1831, 1833, 1834, 1839, 1854, 1857—1860, 1872, 1875, 1878, 1890, 1891, 1893, 1895, 1896
- Цукмайер, Карл 271
- человек, образ 1062, 1297, 1377, 1611, 1733 сл., 1741, 1745 сл.
- антропоцентрическая точка зрения 1381—1386, 1745
 - божественность человеческой природы, достоинство человека 1750, 1776
 - деятельная саморефлексия 558—561, 1025, 1432
 - многогранность 761 сл.

- нарушение границы дозволенного как опыт революционной эпохи 97, изображенное как плавание по морю 903, на примере Цезаря у Массилии 1009
- определение: прямая осанка, созерцание неба, познание божества, духовность 550, 1065—1069, 1292, 1740, 1743
- пределы познания 1722
- творческие способности человека 886, 993, 1428, 1622
- христианский 1744
- см. *индивидуальная характеристика*
- см. *индивидуум*
- см. *обретение идентичности*
- см. *освобождение индивидуума*
- см. *самопознание и самокритика*
- см. *свобода воли*
- см. *субъективность*
- см. *топика обращения*
- Чинцио, Джамбаттиста Джиральди 1302, 1304
- Чосер 608, 767, 892, 1013, 1028, 1044, 1126, 1303, 1385, 1476, 1879
- Чэпмен, Джордж 270, 892, 1014

- Шалюз, Матье де 1363
- Шанжи, Пьер де 1385
- Шатобриан 398, 835, 1435
- Шедель, Гартманн 1617
- Шекспир 183, 192, 198, 202, 227, 235, 270, 472, 861, 891, 892, 945, 1014, 1106, 1126, 1216, 1302, 1337, 1363, 1385
- Шелли 354, 771, 894, 1015, 1386
- Шеллинг 1823
- Шенье, Андре 350, 835, 857
- Шенье, Мари-Жозеф 1242
- Шиллер 190, 769, 807, 813, 857
- школа, см. *литературно-социологический аспект*
- Шлегель, Фридрих 352
- Шлоссер, Фридрих Кристоф 1107
- Шнур, Гарри К. 1128
- Шойффер, Петер 178
- Шолме, Шарль 1014
- Шопенгауэр, А. 1128, 1304
- Шоу, Бернард 473
- Шпренг, Иоганн 768, 891
- Шредер, Рудольф Александер 769

- Штифтер, Адальберт 1055
- Шторм, Теодор 1594
- Штраусс, Рихард 400, 895
- Шэдвелл, Томас 270

- Эберхард Немецкий 472
- Эвлин, Дж. 353
- Эгберт Люттихский 1190
- Эдлингтон, Томас 1593
- Эзоп 1087, 1091, 1093 сл., 1096
- эйнзильские эклоги 733, 770, 1085
- Эйнштейн, Альберт 352
- Эйхендорф 1562
- экзагеза 1441, 1631, 1758, 1795, 1824
 - буквальная 1795
 - как творческая деятельность 1758
 - пневматическая 1711, 1769
 - христоцентричная 1441, 1631
 - см. *аллегореза, эвгемеризм, герменевтика, комментарий, рецепция, типологическое истолкование*
- экзагетические произведения 1824
- Экарт, Мейстер 1846
- эклоги, см. *буколика*
- экскурс 422, 443, 457, 482, 542, 745 сл., 998, 1052, 1072, 1217, 1459, 1554, 1720, 1723, 1833
- элегия 813—825, 37 сл., 89 сл., 384, 715—718, 825—899, 1113, 1328, 1422 сл., 1435—1438, 1483, 1862
 - драматический элемент 849
 - как дидактическое стихотворение 313 сл.
 - топика пользы 817, 821
 - христианская 1478, 1483
 - этиологическая 852, 855, 870
 - см. *поэзия*, а также элегиков
 - см. *servitium amoris*
- Элиан 562
- Элий Аристид 522, 1416
- Элий, Донат 1603 сл., 156, 267, 1421, 1786
- Элий Корд 1516
- Элий Ламия 715
- Элий Пет Кат 87, 689
- Элий Стилон Преконий 79, 80, 82, 190, 194, 232, 428, 552, 637, 647, 653, 1529, 1725, 1857
- Элий Туберон, Кв., юрист 434, 691
- Элий Туберон Л. 433—435, 88, 552, 916

- Элий Фест Афтоний 1756, 1757
 Элий, см. *Марциан*
 Элиот (Eliot), Т. С. 769, 1343, 1435
 Элиот (Elyot), Томас 1477
 элоги 65, 67, 406, 408, 1002, 1007
 Элогий, Кв. 1522
 Эльсгеймер 893
 эмблематика 1614
 Эмилий Аспр 504, 1600, 1604
 Эмилий Лепид 543
 Эмилий Макр 309, 862, 876
 Эмилий Папиниан, см. *Папиниан*
 Эмилий Проб 535
 Эмилий Скавр, Мамерк, см. *Скавр Мамерк*
 Эмилий Скавр, Марк 429, 522, 529
 Эминеску, Михай 394, 806 прим. 1, 807
 Эмпедокл 85, 306, 308, 310, 311, 315, 320, 327—329, 332, 334—337, 339, 340, 485, 556
 эмпирики, медицинские 1349
 Эмпорий 1608
 Энвикилл, Джон 268
 Энделехий 729, 731, 770, 1422, 1455
 Энесидем 434
 энкомий 342, 353, 406, 490, 512—515, 518, 520, 523, 528, 530, 1160, 1205, 1449, 1450, 1471, 1476, 1522, 1527, 1549, 1555, см. также *панегирик*
 Энный 158—176, 24, 27—30, 33, 35, 60, 74, 78, 80, 81, 89, 91—94, 101, 103, 104, 107, 109, 110, 113, 114, 120, 123, 129, 134, 143, 146, 156, 177, 179, 181—186, 190, 192, 219, 221, 224, 231, 240, 244, 247, 248, 261, 279, 290—293, 298, 302, 309, 315, 318, 324, 329, 333, 334, 336, 337, 384, 408, 419, 436, 444, 447, 464, 476, 487, 551, 556, 557, 558, 559, 590, 636, 637, 709, 744, 756, 781, 789, 846, 929, 990, 1050, 1051—1053, 1057, 1088, 1093, 1159, 1162, 1209, 1277, 1278, 1282, 1290, 1329, 1449, 1451, 1468, 1473, 1474, 1528, 1701, 1725, 1734, 1863, 1893
 Эннодий 521, 522, 1362, 1409, 1435, 1455, 1702
 Эно 1167, 1168
 Энтимема 640, 1089
 энциклопедические авторы 660, 1347, 1376—1387, 1422, 1552
 энциклопедические тенденции в римской литературе 55, 440, 449, 555, 617, 623 сл., 1264, 1290, 1432, 1447, 1483, 1583, 1608, 1627, 1631, 1799, 1835, 1855, 1869
 — в творчестве Овидия 886
 — в творчестве Сенеки 1264
 — в творчестве Цицерона 600
 энциклопедическое образование благодаря чтению Вергилия 1622
 Эпаминонд 526 прим. 7, 530, 1523
 Эпафродит 161
 эпиграмма 374—376, 378—402, 816, 898 сл., 988, 1131—1155, 1328, 1424, 1443—1446, 1459, 1463, 1467, 1483
 — влияние на элегию 846
 — лирический элемент 136 сл.
 — любовная 376, 382, 1341
 — насмешливая 1133, 1148
 — общенность 1143, 1146
 — основные черты 374—376, 1153, 1156
 — посвятительная 374, 1133
 — реалистичность 1140, 1148
 — типичность 1148
 — финальная острота 1135, 1140
 — циклы 381 сл., 1139
 — членение («ожидание» и «концовка») 374, 1136, 1152
 — эпитафия 1134, 1448
 эпикедий 368, 1034, 1450
 Эпикет 522, 556, 993, 1048, 1104, 1636
 Эпикур, эпикуреизм 59, 61, 96, 118, 252, 299, 316, 317, 320, 323—353, 432, 518, 550—555, 562, 588, 599, 601, 661, 721, 759, 760, 789, 798, 801, 854, 931, 956, 1071, 1105, 1123, 1144, 1256, 1270, 1272, 1280, 1281, 1293, 1338, 1386, 1529, 1682, 1726, 1728 сл., 1737, 1796, 1845, 1860
 Эпименид 308
 Эпирот Кв. Цецилий 28, 901
 эпиталамий 381 сл, 397, 1034 сл., 1423, 1475, 1477
 эпитет, см. *язык и стиль, прилагательные*
 эпод, см. *ямб*
 эпос 28 сл., 35, 73, 78, 88 сл., 101—116, 291, 715, 987 сл., 1113, 1142, 1313, 1338, 1483, 1584
 — божественный аппарат 106, 112, 293, 483 сл., 886—889

- в республиканскую эпоху 138—175
- в эпоху Августа 734—780, 898—902
- в эпоху ранней Империи 997—1059
- в эпоху средней и поздней Империи 1436—1441, 1459—1494
- дидактический, см. *поэтика*
- историческая обусловленность 104
- исторический 105, 112, 156, 1003, 1052, 1142, 1323, см. также *Лука*
- каталоги 765, 1004, ср. 1052
- лирический элемент 1001
- «любовь к конкретным описаниям вещей» и «эпическая широта» 102
- малых форм 384
- мировоззрение, мифологическое и философское 112 сл., 761—766, 886—889
- мифологический 110 сл., 1018—1046, 1119, 1142, 1463
- на библейские сюжеты 107, 1422, 1438—1441, 1475
- образ человека 113 сл.
- обращение к Музам 108
- омещанивание 114, 1034
- оформление сцен 1003, 1020, 1049
- панегирический 1436, 1459—1474
- риторизация 876 сл., 902
- связь с современностью 105
- собрание богов 149, 741
- собрание богов подземного мира 1462, 1471
- эпизоды 107 сл., 148 сл., 740, 869 сл., 1048, 1050, см. также *структурные принципы, рамочная техника*
- ср. также *поэзия*
- Эразм 128, 348, 472, 944, 1363, 1374, 1455, 1494, 1535, 1617, 1715, 1801
- Эрасистрат 1348
- Эратосфен 82, 162, 307, 814, 876, 1159
- Эредиа, Хозе-Мария де 1128
- Эрменрих 1455
- эссе, эссеистика 186, 303, 1304, 1587, 1613, 1617
- эстетизм, римская позиция по отношению к нему 53 сл.
- красота и истина, см. *истина*
- красота и мудрость, см. *мудрость*
- христианское оправдание 818, 1475 сл., 1479, 1487, 1741
- Эсхил 52, 116, 119, 151, 161, 177, 181, 186, 187, 190, 1282
- Эсхин 582, 644
- этика, см. *философия*
- этимология 424, 650, 658, 829
- этиология 382, 405, 408, 412, 423, 447, 814, 818, 852, 855, 870, 1460, 1712
- этнография 459, 489, 950, 1000, 1204, 1220, 1422
- этрусское влияние 23, 67, 141 сл., 741
- Этьенн, Шарль 270
- Эфор 407, 486, 527
- Эшуар Ле Брен, Понс Дени 835
- Юба 1378, 1757
- Ювенал 1110—1130, 34, 36, 41, 106, 278, 280, 282, 283—286, 309, 314, 319, 329, 331, 339, 803—805, 809, 890, 984—986, 988, 989, 993, 1005, 1065, 1070, 1073, 1105, 1138, 1147, 1197, 1198, 1334, 1414, 1417, 1423, 1449, 1575, 1607, 1796
- Ювенк 1479—1482, 106, 111, 311, 766, 1441, 1483, 1484
- Ювенций, см. *Цельс, юрист*
- Юлиан Отступник 562, 1415, 1418, 1517, 1552—1554, 1561 сл., 1893
- Юлиан Толедский 1604, 1880
- Юлиан, см. *Сальвий Юлиан*
- Юлий Африкан, С. 1499, 1513, 1641
- Юлий Валерий 191, 1312
- Юлий Виктор 1373, 1608
- Юлий Модест 1351 прим. 2
- Юлий Павел, комментатор Целия 428
- Юлий Павел, юрист 676, 1640
- Юлий Парис 1178, 1419
- Юлий Роман 1413, 1601 сл.
- Юлий Севериан 1608
- Юлий, см. *Обсеквент*
- Юлий, Солин 1351, 1384, 1611, 1626
- Юлий, см. *Цезарь*
- Юлия Ливилла 1262
- Юм, Д. 610
- юмор 184, 208, 222, 226, 229, 243, 260,

- 305, 332, 440, 476, 592, 595, 597, 599, 659, 660, 727, 804, 807, 858, 1105, 1107, 1127, 1137, 1139, 1314, 1326, 1328, 1337, 1361, 1451, 1591, 1739, 1792, 1866
- Юний Брут Калпаций, Д. 78, 184
- Юний Брут, М. 406, 541, 553, 581, 691
- Юний Модерат, Л., см. *Калпумелла*
- Юний Нипс 1354
- Юний Отон 1356
- юридическая аргументация 1670, 1674, 1675, 1679, 1742, 1777, 1781, 1871, см. также *теология*
- юристы, см. *право*
- Юстин, император 1853
- Юстин, М. Юниан 1500, 522, 951, 1183, 1514
- Юстиниан I 17, 675, 683, 687, 1418, 1637, 1663
- Яволен Приск 1389, 1634 сл.
- язык и стиль 81–92, см. соотв. разд. в главах о писателях
- абстрактные понятия 222, 257, 556, 1090, 1095, 1161, 1174, 1186, 1380, 1423, 1425, 1675, 1865
 - аллитерация 50, 64, 68, 109, 143, 152 сл., 165, 167, 370, 423, 492, 1161
 - анафора 1368, 1425
 - антитеза 167, 243 сл., 425, 813, 881, 950, 1005, 1068, 1118, 1174, 1288, 1359, 1381, 1460, 1471, 1544, 1792
 - артикль, его отсутствие 48, 49, 556
 - афористичный стиль, стиль *rointe* 375 сл., 718, 954, 1039, 1055, 1068, 1140 сл., 1220, 1359, 1369
 - «бедность» латинского языка 92, 338, 599
 - бранные слова 257, 1738 сл., 1791
 - восклицания 1174
 - времена: перфект 756 сл., презенс, исторический 152 сл., 427, 463
 - вульгаризмы 387 сл., 475, 620, 657, 963, 1100 сл., 1140, 1152, 1315, 1335, 1425, 1831
 - германские слова у Тацита 1217
 - гиперболы 1303
 - гиперурбанизм 221
 - глагол, его положение в конце предложения 49, в начале предложения 463
 - грецизмы, греческий элемент 1067, 1117 (избегаемый) 1217, 1380, 1613 сл., 1736, 1759, 1866
 - дательный падеж (по Луцилию) 297
 - деловой язык 221, 409 сл., 422, 432, 462 сл., 678 сл., 1630
 - заключительное *-s* 166
 - зевгма 1024, 1219 сл., 1368
 - значение слова, новое значение 1102 сл.
 - и логика 48
 - изменение значения: приватизация, эротизация, спиритуализация и т. д. 96 сл., 341 сл., 394 сл., 601, 1026 сл., 1067, 1759 сл., 1863 сл.
 - инфинитив, исторический 493, 1502
 - инфинитив, субстантивированный 1759
 - иррелевантность грамматического рода 1727
 - как родной язык 452, 540
 - канцелярский стиль, см. *з. деловой язык*
 - макаронизмы 1451
 - междометия 257
 - местоимения 48, 167, 179
 - местоименные формы в поэзии 48, 167, 179
 - метафоры, см. *образы*
 - метонимия 44, 337, 793, 1103, 1141
 - наречия, временные наречия 922
 - неологизмы 109, 165, 179 сл., 333, 376, 601, 796, 881, 1004 сл., 1425, 1490, 1588, 1799, 1869
 - «непоэтические» слова 793, 1040
 - обращение 42, 389 (самообращение), 1005, 1116, 1173 сл., 1282, 1451
 - омонимия 1153
 - орфография 295, 465, 492, 503, 1601, 1629, 1757
 - остроты 220 сл., 236, 1090
 - отрицания 1710

- отсутствие заботы о сочетаемости слов 908
- падежные окончания, см. *зд. формы склонения*
- параллелизм (стилистический) 144, 425, 1161, 1425, 1438
- парентесис, скобки 463 сл., 882, 1024, 1187
- повседневный, обиходный язык 219 сл., 256 сл., 282, 295, 387 сл., 595 сл., 620, 796, 1102, 1117, 1315, 1335 сл.
- пословицы 1090, 1128, 1282 сл.
- правильное использование языка 463, 1567
- предлоги 48
- прилагательные 50, 152, 165 сл., 178 сл., 226, 295 сл., 333 сл., 463, 1039, 1117, 1368, 1450, 1588
- причастия 49, 164, 463 сл., 1024, 1460, 1556
- произношение 295
- пунктуация 1352
- пуризм, селекция и стилиобразование 50, 91, 109, 183, 259 сл., 462 сл., 506 сл.
- развитие стили 492 сл., 593 сл., 926 сл., 1220 сл.
- ритуальный, обрядовый 145, 219 сл.
- рифма 1315, 1438, 1589, 1697, 1831
- своеобразие латинского языка 47—52, 165
- связь предложений 49, 315, 333, 1005 сл., 1219 сл.
- семитизмы 1424
- сентенции 69, 173 сл., 188, 190 сл., 245, 296, 354 сл., 440, 564, 756, 807, 1039, 1090, 1103, 1118, 1173 сл., 1187, 1219, 1253, 1283, 1477, 1676
- синонимия: элиминация 463, варьирование 1094, нагромождение 50, 444, 543, 679, дифференциация 1067 сл., как предмет стремления 1153, отсутствие систематического различения 1217 сл.
- синтаксис, библейский 1831
- словарь 50 сл., 56 сл., 178 сл., 256 сл., 282, 334 сл., 427, 431 сл., 443, 492—496, 596, 756, 793 сл., 830, 849 сл., 881 сл., 926 сл., 963, 1173 сл., 1186, 1283 сл., 1588 сл., 1833
- словесная архитектура 48 сл., 143, 166, 188, 333, 808
- словотворчество 333, 466 сл., 556, 595 сл., 881 сл.
- сложносочиненная связь, см. *зд. связь предложений*
- смена наклонов 1368
- сочетание слов, необычное 1102 сл.
- сочетания слов 49 сл., 165, 179
- союзы, см. *зд. связь предложений*
- специальные термины 333 прим. 1, 556 сл., 1218, 1283 сл., 1368, 1380 сл., 1759 сл., 1763
- стиль периодов 333 сл., 388, 463, 594 сл., 1288, 1304 (преодоление)
- структура предложения, см. *зд. стиль периодов и глагол*
- субординация, подчинение 48 сл., 315
- тавтология 1055
- уменьшительно-ласкательные 387, 595, 1726, 1792
- употребление языка, должное 464 сл., 1567
- утрата значения 496, 909
- формальное богатство 47 сл.
- формы склонения 334, 464, исчезновение окончания 1335, 1412
- фреквентативы 1502
- хиазм 144, 385, 1368
- христианский 1423—1427, 1674 сл.
- цитата, см. *рецепция*
- эллипсис 1090, 1381
- эпитет, см. *зд. прилагательные*
- этимологические фигуры 1865 сл.
- язык юристов 1638
- языковые и стилистические уровни, стилистические дифференциации 85 сл., 90 сл., 152 сл., 167, 217—225, 370, 443 сл., 593—596, 656 сл., 717 сл., 927 сл., 1117 сл., 1218—1221, 1287 сл., 1315,

- 1335 сл., 1527, 1589 сл., 1831 сл., 1861 сл.
- ясность 922
 - *ablativus absolutus* 465, 1218, 1544
 - *coria* 466, 599, 626, 1447
 - *delectus verborum* 657, 1568
 - *verba propria* 928, 1568, *proprietas verborum* 909
 - ἀδύνατον 1118
 - ἀσύνδετον 441, 655 сл., 1678
 - ἐναλλαγή 166
 - κοινή 1424
 - ὑπαλλαγή 1005
 - ὑπέρβατον 427, 1021, 1023
 - см. аналогия и аномалия в языке
 - см. архаизмы
 - см. метрика
 - см. риторика
- языковые размышления, теория языка 56 сл., 295 сл., 333—336, 417, 462—465, 638—641, 653, 656 сл., 1423
- аналогия, аналогисты 1368, 1380
 - аномалия, аномалисты 1352, 1380
 - благозвучие, учение о 1382
 - изменение узуса 1290
 - критика языка как критика общества 436, 1335—1340
 - наука о языке: виды слов 1604
 - наука о языке: синтаксис 1605, 1607
 - наука о языке: стилистика 1605 сл.
 - описание слов как мироописание 660
 - пуризм 1369
 - слово и мысль 297, 299
 - сопоставление языков 189, 436, 1370, 1607
 - этимология 1623, 1735
 - языковое сознание 1451
- ямб, литературный жанр 383, 783—812
- размер, см. метрика
- Ямвлих 525

Index Latinitatis

- Acta Alexandrinorum* 1662
- Acta populi Romani* 1351
- Acta senatus* 1521
- admiratio* 1173
- aemulatio*
- историческая эффе́ктивность 427, 1017, 1046, 1079, 1163, 1919
- aequitas* 470, 683, 691, 1294, 1362
- aequum* 170, 683, 684
- agrimensores*, см. научная литература, землемерие 625—627, 629
- Alcestis Barchinonensis* 114 прим. 2, 1403, 1421
- amare* и *bene velle* 51, 97, 220, 355, 386, 395, 825, 877, 898
- ambitio* 481, 496, 497, 511, 517, 791, 931, 1531, 1532
- Ambrosiaster* 1761, 1773
- amentia* воюющих врагов 468
- Anonymi Valesiani* 1509
- Anonymus Neveleti* 1097
- Appendix Sallustiana* 507, 509
- Appendix Vergiliana* 110, 397, 776, 777, 1151, 1443, 1895
- aptum* 284, 596, 642, 662, 729, 796, 928, 1123, 1294
- argumentatio* 332, 500, 591, 592, 633, 643, 1355, 1634, 1678, 1689
- argumentum* 208, 241, 242, 404, 528, 609, 825, 1167, 1286, 1311, 1324, 1376, 1873
- ars* 631, 795 сл., 866
- и *ingenium* 1369
 - как название книги 627 (*ars amatoria*, ср. *oratoria*), 1603—1606
 - как система 571 прим. 2 (*De iure civili in artem redigendo*), 1072
 - см. литературные размышления
- artes liberales* 649, 1370 сл., 1625 сл., 1627, 1631
- Asclepius* 1583
- atomus* 596
- augur* 56, 64, 668, 1117
- bellum iustum* 461, 478
- bene facta* 97, *bene faciendum* 1739
- bene velle*, см. *amare*
- brevitas* 189, 422, 444, 464, 466, 493, 541, 565, 657, 981, 1089, 1095, 1097, 1139, 1254, 1267—1270, 1280, 1281, 1283, 1288, 1548, 1869

- captivus* 79, 197, 201, 205, 219, 227, 229,
 231, 232, 803, 1426, 1793
carmen arvale 64
Carmen de figuris 1422, 1437
Carmen de ponderibus et mensuris 1437
causae efficientes 601
Cena Cypriani 1706, 1715, 1716
classicus 1617
clementia 45, 58, 106, 456, 470, 471, 472,
 761, 932, 1037 (персонификация),
 1176, 1228, 1263, 1289, 1293, 1294, 1531,
 1532, 1545
Codex Euricianus 1653
Codex Gregorianus 1646, 1651, 1653, 1654
Codex Hermogenianus 1646, 1649, 1651,
 1654
Codex Iustinianus 1655
Codex repetitae praelectionis 1656
Codex Theodosianus 1651, 1655
Collatio legum Mosaicarum et Romanarum
 1642, 1647, 1773
commentarius
 — значения 459
 — как сборник материала 1379
 — см. *историкография*
 — см. *комментарий*
concordia 501, 932, 1372
confessio 1424, 1675, 1815
consolatio 329, 1114, 1279, 1288, 1858, 1859
constantia 1353
Constitutio Antoniniana 674, 969
continentia 1353
controversiae 861, 876, 1357
conversio см. *топка обращения*
convivium 1880
Corpus Caesareanum 474—480, 458, 471
Corpus Tibullianum 836—842, 817, 832,
 834 сл.
cunctator 58
curiositas 1518, 1591, 1826

descriptio 1357, 1359, 1450
digesta 673, 676, 677, 1634, 1635, 1637,
 1647, 1657
dignitas 469, 496, 499, 707, 708
disciplina 220, 1353, 1684, 1712

edicta, см. *право*
Edictum Theoderici 1651 сл., 1653
elegantia 119, 411, 463, 466, 849, 1336,
 1776

evidentia 331, 601, 922, 1001, 1216, 1586,
 1709
exemplum 45, 58, 108, 218, 229, 408, 449,
 514, 515, 601, 723, 784, 930, 932, 942
 сл., 980, 999, 1011, 1160, 1170—1180,
 1223, 1283, 1294, 1353, 1500, 1503,
 1502, 1503, 1522, 1560, 1718, 1775,
 1815
 — казуистическое истолкование
 1172
 — литературизация 1172, 1353
 — сборники 999

fabula 151, 216, 404, 1086, 1089, 1314
fabula Atellana, см. *комедия*
fabulae Milesiae 1316
fas 682 сл.
fatum, fata 114, 147, 585, 763, 935, 1009,
 1026, 1027, 1041, 1068, 1071, 1229, 1230,
 1335, 1857, 1871 сл.
fides 45, 57, 96, 106, 218, 394, 504, 855,
 937, 1057, 1078, 1217, 1545, 1761, 1775,
 1818, 1837, 1855
 — *bona* 670 прим. 2, 673, 684

flamen 57
foedus 96, 394, 720
fortuna и *Fortuna* 498, 669, 907, 935,
 1009, 1068, 1164, 1230, 1237, 1545,
 1560, 1833, 1857—1860, 1861, 1867

Gesta Romanorum 1363
gloria 76, 412, 495, 498, 1025, 1056, 1223,
 1226, 1856
 — одухотворение (слава) 487, 719
grammaticus 636, 637, 658, 1524, 1534
gratia 57
gravitas 53, 58, 131 прим. 2, 132, 243 сл.,
 246, 384, 493, 539, 731, 757, 924
groutatis, см. *научная литература, зем-*
лемерное искусство

Historia Apollonii regis Tyri 1313, 1363,
 1420
Historia Augusta 517, 951, 1255, 1419, 1498,
 1501, 1503, 1516—1519, 1527, 1534,
 1536, 1541, 1561, 1616, 1739
homo novus 59, 85, 94, 412, 439, 515 сл.,
 568, 570, 689, 939, 1157, 1165
humanitas 59 сл., 79, 98, 114, 204, 230 сл.,
 263, 267, 268, 493, 520, 539 сл., 540,
 662, 761, 801, 965, 1003, 1041 сл.,

- 1083 сл., 1176, 1218, 1221, 1382, 1439, 1618, 1735, 1738, 1798
- imitatio Christi* 1663 сл., 1717
- imitatio Epicuri* 341
- imitatio*, в литературе, см. *преемственность, литературная*
- impietas* 330
- inertia* 494, 829, 831, 1546
- ingenium* 445, 719, 769, 822, 851, 854, 884, 885, 894, 907, 981, 983, 1290, 1321, 1336, 1369, 1370, 1381, 1817, ср. 1636
- initium* 1212, 1533
- insania* 631
- institutiones* 619, 620, 641 сл., 656, 675, 1348 сл., 1365–1376, 1607, 1629, 1636 сл., 1640 сл., 1645, 1653 сл., 1657 сл., 1732–1749, 1768
- itinerarium* 1459, 1732, 1790
- iuris studiosi (iuris periti)* 1647
- iurisconsulti* 674, 680, 970, см. также 86
- ius*, см. *право*
- iustitia* 113–114, 468, 680–685, 1078, 1227 сл., 1353, 1465 сл., 1545, 1641 сл., 1735
- основание государства 582–583
- см. *образ властителя*
- см. *право*
- labor* 833, 1056, 1742, 1847
- laudatio funebris* 58, 69, 521, 538, 904, 954, 1205, 1250, 1773, 1775, 1791
- Lex Romana Burgundionum* 1654
- Lex Romana Visigothorum* 1645, 1646, 1648, 1651, 1653, 1654
- lex* 151, 683, 1644, 1647, см. *право*
- libertas* 155, 496, 683, 920, 1176, 1188, 1204, 1218, 1221, 1228, 1233, 1235, 1498, 1545, 1546, см. также *свобода*
- litterator* 28, 636, 1444
- mala voluntas* 1297, 1840, 1845
- mansuetudo* 500
- Medicina Plinii* 1384, 1609, 1610
- Menippea* 648, 655, 656, 657, 659, 665, 1337
- militia Christi* 1675, 1709, см. *образы, военные*
- timus* 1314, см. *комедия*
- misericordia* 456, 467, 470, 500, 1270, 1289, 1735, 1752
- moderatio* 800, 920, 924, 1228, 1531, 1532
- mores* 218, 413, 936, 1096, 1555, см. *ценностные представления, римские*
- *boni* 681, 682, 684
- mysterium* 1675
- narratio* 332, 542, 591, 592, 594, 643, 1089, 1174, 1514, 1566
- negotium* 46, 59, 96, 597, 1767
- numen* 55, 1009, 1146
- obscuritas* 1152, 1528, 1869
- obsequium* 817, 853, 1113
- omnipotens* 165, 174
- orare* 538, 1426, см. также *молитва*
- ornatus* 107, 108, 1480, 1767
- otium* 46, 59, 90, 96, 114, 170, 496, 597, 718, 831, 1026, 1132, 1270, 1271, 1452, 1767, 1881
- paganus* 1426
- Panegyrici Latini* 1257, 1570–1574
- Panegyricus Messallae* 837
- parabola* 1424
- Passio Sanctorum Scillitanorum* 1662
- patientia* в отрицательном смысле 1233
- pax* 832, 833, 856, 932, 1481
- *pax deorum* 229, 688
- *pax Romana* 1383, 1546
- Pañcalantra* 1329
- peroratio* 332, 540, 564, 595, 643
- perceptio* 601
- persona* 732, 994, 1632, 1675, 1870 сл.
- Pervigilium Veneris* 366, 368, 1403, 1418, 1435, 1541
- pietas* 57, 230, 299, 341, 394, 681, 748, 761, 920, 932, 1037 (персонификация), 1041, 1057, 1218, 1221, 1296, 1372, 1532
- poeta doctus* 144, 164, 334, 390, 847
- populus* 1218, 1426, 1430
- praefatio*, см. *литературная техника*
- praescriptio* 686, 1671
- praeteritio*, см. *литературная техника*
- probabilitas* 601
- proletarius* 1618
- prooemium*, см. *литературная техника*
- psychici* 1664, 1667
- quadrivium* 1857, 1869

quaestiones 1355, 1640, 1730

qualitas 601

Querolus 233

reformare, reformatio 1697, 1880

religio 55–58, 96, 114, 324, 330, 339–342,

346, 554, 761 сл., 887 сл., 893, 933 сл.,

1025, 1027, 1230, 1382, 1313, 1530, 1695,

1737–1738, 1742, 1827

— и *superstitio* 340, 935

— и философия 1590

— изменение значимости 1698

— неодоимостъ сохранения го-

сударственной религии 1383

— у Варрона 661

— см. *мистериальные религии*

— см. *theologia tripartita*

res publica, см. *государство*

Roman de Thèbes 1044

sacramentum 1675, 1709, 1713

sapientia, см. *мудрость*

Scholia Sinaitica 1642 прим. 3, 1648

semipaganus 1099

servitium amoris 387, 817, 821, 823, 831,

848 сл., 853

simplicitas 1337

— *sancta* 1791

superbia 438, 547, 1188, 1229, 1532

superstitio, см. *religio*

theologia tripartita («естественная»,

«мифологическая» и «политиче-

ская») у Варрона 661, 721, 886, 1673,

1820 сл.

— «естественная», «натуральная»

759–760, 1027, 1429, 1700–1701

— «политическая» у Валерия

Флакка 1024

— поэтическая теология 886, 1041

varietas, см. *литературная техника*

vates, см. *поэт*

velle, см. *воля*

veritas, см. *истина*

vertere 226

Vetus Latina 1404, 1661

virtus 57, 105, 134, 145, 170, 285, 294, 298,

299, 413, 486, 495–499, 507, 521, 530,

534, 600, 924, 932, 1009, 1056, 1057,

1164, 1171, 1196, 1197, 1209, 1223–1229,

1233, 1295, 1371, 1545, 1546, 1560, 1683,

1709, 1742, 1874, 1875

vita contemplativa, см. *созерцательная*

жизнь

vitium 490, 530, 1122, 1171, 1223, 1529,

1555, 1560

Index Graecitatis

αἴνος 1086

αἵτιον 108, 1034, 1090

ἄμουσος 1529

ἀναγνώρισις 219

ἀνάμνησις 1675, 1728

ἀπολογία 1671

ἀπόλογος 1086

ἀποστροφή 1025

ἀποτρεπτικός 1357

ἀπροσδόκητον 1140, 1832

ἀρετή 530, 1545

ἀριθμητικόν 383, см. также *арифметиче-*

ская задача

ἁρμονία 1546

ἀρχαιολογία 940

ἀρχή 1533

αὔξησις 1172, 1711

βίος ἐρωτικός 823

γαστροσοφία 785

γενεθλιακόν 1035

γνώμη 364

γραμματικός 636

γραμματιστής 636

δεισδαимονία 1591

διαδοχαί 686

διδάσκαλος 1664

δικαιοσύνη 683

δόξα 489, 1728

δρᾶμα 1314

ἐγκύκλιος παιδεία 624, 1366, 1370

ἐκπληξίς 920, 1590

ἐκφρασις 650, 1034, 1035, 1082, 1460,

1487, 1490, см. также *литературная*

техника, описания

ἐλεγος 813

- ἑνάρργεια 922, 926
 ἑνδοξοὶ ἄνδρες 528
 ἑνθύμημα 1089
 ἐπάδειν 1588
 ἑπαινοὶ 530
 ἑπη, ἑπος 307, 813
 ἐπιβατήριον 383
 ἐπίδειξις 1671
 ἐπιείκεια 683
 ἐπιμύθιον 1089, 1094, 1457
 ἐποποιός 306
 εὐχαριστικόν 1035
- ζητήματα 675
 ἡδονή 1590
 ἡδύ 464
 ἦθος, ἦθη 518
- θίασος 365
- ἱστορία 404, 405
- κακόζηλον 717, 731, 756
 κεφαλαϊωδῶς 443
 κτίσεις 407, 442
 κυριολογία 463
 κῶμος 118
- λόγος 1009, 1086, 1357
 λόγος βασιλικός 1205, 1532, 1571
 λόγος στρατιωτικοῦ ἀνδρός 464
 λύται 1645
- μάθησις 1675
 μανία 391
 μέλος 362
 μερισμός 331
 μέτρον 66, 813, 1760
 μίμησις 117
 μῦθος 306, 1086
- νομικοὶ 1639, 1647
- ὀδοπορικόν 1135
 οἰκονομία 103, 883, 965, 1675, 1681, 1837
 ὄνομα 636, 937
- πάθος, πάθη 243
 παιδεία 624, 670, 1366, 1370
 παράδειγμα 1089, 1680
 παρακλασιθύρον 727, 829, 831
 πάρεργον 779, 1157
 πενήτημμερής 904, 1103
 περιεργία 271, 1591
 περίπλους 619, 661
 πίστεις 640
 πλάσμα 1584
 πράξεις 518
 πρέπον 1294
 προκόπτων 748, 761
 προμύθιον 1087, 1089, 1094, 1457
 προσηγορία 636
 πρόσωπον προτατικόν 212, 253, 1285
 προπεμπτικόν 829, 1035, 1135
 προτρεπτικός 583, 1357, 1705, 1859
- σαφήνεια 922
 σεμνόν 334, 1198, 1209, 1218
 σπουδογέλοιοι 316, 659
 σύγχρισις 499, 1435, 1671
 συλλογισμός 461
 σύμβολον 1750
 συμπάθεια 920
 συμπόσιον 599
 — и *convivium* 1880
 συμποτικά 1134
 συναγωγή 518
 σύνοψις 517
 σύνταγμα δραματικόν 1314
 συντομία 922, 1157
 σφραγίς 317, 516
 σχόλια 676
 σωτήριοι 1035
- τάχος 1157
 τόπος 848
- φιλόλογος 169
- ὑπόμνημα 406, 676
 ψεῦδος 306
 ψόγος 530, 1469

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- VIII в. до Р. Х. Греческая колонизация Кампании
753 до Р. Х. Предполагаемая дата основания Рима
ок. 510 Конец этрусской династии. Начало республи-
ки
кон. VI в. Капитолийская волчица. Lapis Niger
сер. V в. *Законы Двенадцати таблиц*
ок. 390 Осада Капитолия галлами
312 Аппий Клавдий Цек, известный оратор, буду-
чи цензором, проводит акведук (aqua Appia) и
строит дорогу от Рима до Капуи (via Appia)
272 Завоевание Тарента — города, располагающе-
го традицией театральных представлений

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ЭПОХА I

(ок. 240—81 до Р. Х.)

- 241 Конец Первой Пунической войны, которая еще в
III в. была воспета кампанцем Невием. Объедине-
ние Италии и присоединение Сицилии: начало ла-
тинской литературы
240 Первая постановка литературной драмы на рим-
ской сцене (ее автор Ливий Андроник, вероятно,
родом из Тарента)
218—201 Вторая Пуническая война: о ней пишут Фабий Пик-
тор в прозе на греческом языке, а происходящий из
нижней Италии Энний — в латинских стихах
211 Взятие Сиракуз. В Рим привозят богатую добычу
197 Победа римлян над Филиппом V Македонским при
Киноскефалах
196 Греция объявлена свободной
191 Цизальпийская Галлия становится римской провин-
цией
186 Скандал с вакханалиями: запрет культа Диониса
184 Смерть комического поэта Плавта
169 Смерть поэта Энния, писавшего в разных жанрах

- 168 Л. Эмилий Павел одерживает при Пидне победу над Персеем Македонским. Библиотека царского двора из Пеллы доставлена в Рим. Греческие школы в Риме. Историк Полибий в Риме
- 166—160 Комедии Теренция на римской сцене
- 149 Смерть цензора Катона (оратора, историка, теоретика сельского хозяйства)
- 146 Разрушение Карфагена и Коринфа
- 133 Взятие Нуманции. Аттал III Пергамский завещает свое царство римскому народу. Влияние на Рим склоняющейся к стоицизму пергамской науки
- 133—121 Братья Тиберий и Гай Гракхи
- 121 Нарбоннская Галлия становится римской провинцией
- 111—105 Война с Югуртой. Нумидия становится провинцией
- 106 Год рождения Цицерона
- 100 Год рождения Цезаря

Условия

Поэты — сначала иностранцы, вольноотпущенники, затем в лучшем случае свободные италики.

Прозаики — сенаторы (или их клиенты)

Поэты родом из нижней и средней Институталии (Теренций — африканец), ораторы и прозаики — из средней Италии

Жанры

Поэзия

Эпос: Ливий Андроник: *Odusia* как эпизод древнейшей истории Италии; Невий: Первая Пуническая война; Энний: Вторая Пуническая война.

Драма: трагедия (Энний, Пакувий, Акций), комедия (богатый стиль: Плавт, Цецилий, строгий стиль: Теренций); наряду с этим другие, в том числе фольклорные формы.

Лирика: искупительная песнь Андроника. Эпиграмма: значительный памятник ранней эпохи — надписи в честь Сципиона; позднее (ок. 100 г.) игровые любовные эпиграммы.

Проза

Речь (богатый стиль — Катон; строгий стиль — Г. Гракх); историография: Катон, анналы. Первые столкновения с философией (Кратет Маллосский). Первые шаги филологии (также носящей отчасти стоический отпечаток).

Влияние

Греко-римское: при свободной адаптации разговор о «переводах» проблематичен. Современность (эллинистическая) воспринимается раньше, чем классика и архаика, на Гомера смотрят сквозь призму александрийского исторического эпоса и гомеровских рецепций; классическая трагедия воспринимается при посредстве эллинистической драматургии и практики эллинистических постановок. Одновременно воспринимаются миф и различные формы этимологизирования, заведомо исключающие веру в буквальный смысл событий. Многосторонность авторов-первопроходцев вроде Энния соответствует их роли посредников.

Влияние осуществляется через тарентскую и вообще великогреческую театральную традицию (у латинских драматургов со времен Ливия Андроника), нижнюю Италию и Сицилию (Архестрат, Эпихарм, Эвгемер, пифагореизм у Энния); Пергам, Пеллу, Родос (стоицизм, имеющий определяющее значение для дальнейшего духовного развития Рима); пребывание греческих философов в Риме; ученые рабы и вольноотпущенники.

Идеи

Индивидуальный аспект: поэтическое самосознание, основанное на достижениях в духовной области, складывается у авторов низкого происхождения. Философское содержание (как, например, пифагорейское переселение душ в *гомеровском сне* Энния) воспринимается не догматически, но, скорее, служит самоизображению.

Политический аспект: Невий, Энний, Катон Старший формулируют государственно-охранительные этические ценности. Равным образом на сцену выступает стремление к славе *gens* и отдельного лица. Уже Энний не свободен от культа индивидуальности (Сципион).

Межкультурный аспект: римская жизнь подвергается все возрастающему греческому влиянию. Это касается не одной только внешней стороны: вполне в духе греческой философии Энний ставит мудрость выше власти. Катон высказывается (современное сознание, замаскированное под нравы предков) в защиту мягкости по отношению к родосцам. Драмы, образцы которых отчасти отражают философские дискуссии или типизации, дают публике материал для размышления. Ораторы получают свое образование не только в римской практической деятельности, но и у греческих учителей красноречия; однако распространение этого искусства *латинскими* риторам еще долго встречает существенные препятствия.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ЭПОХА II

(ок. 81—43 до Р. Х.)

- 92 Преследование латинских раторов цензором Л. Лицинием Крассом
- 91—89 Союзническая война (борьба италиков за гражданские права)

- 88—82 Гражданская война между Марием и Суллой и их сторонниками
- 86 Рождение Саллюстия
- 82—79 Диктатура Суллы. Святилище Фортуны в Пренесте
- 81 Первая речь Цицерона (*Pro Quinctio*)
- 70 Первое консульство Помпея. Процесс Верреса. Рождение Вергилия
- 65 Рождение Горация
- 63 Консульство Цицерона. Заговор Катилины. Рождение Октавиана (впоследствии Август)
- 62 Так называемый первый триумвират: Помпей, Цезарь, Красс
- 58—57 Изгнание Цицерона
- 58—51 Цезарь завоевывает Галлию
- 57—56 Катулл и Цинна в свите Меммия в Вифинии
- 55 Первое появление Цезаря в Британнии. Театр Помпея (первый каменный театр в Риме). *De oratore* Цицерона. Смерть Лукреция
- 53 Потеря значков и гибель Красса у Карр
- 51 Цицерон заканчивает *De re publica*, Цезарь — *Bellum Gallicum*
- 48 Победа Цезаря над Помпеем при Фарсале
- 46 Самоубийство Катона Младшего в Утике
- 45 Введение юлианского календаря (Сосиген)
- 44 Убийство Цезаря
- 43 «Второй» триумвират: Антоний, Лепид и Октавиан, позднее Август; первое консульство Октавиана. Смерть Цицерона. Рождение Овидия

Условия

Поэт Катулл — представитель муниципальной аристократии; Лукреций тоже, по-видимому, независим. Прозаики (за исключением, например, Непота) — по большей части действующие политики и сенаторы

По происхождению авторы в основном из средней Италии, Катулл — из верхней Италии

Жанры

Поэзия

Расцвет неполитической поэзии (Лукреций, Катулл)

Проза

Ораторское искусство (Цицерон); автобиография и *commentarius* (Сулла, Це-

зрь); биография (Непот). Рассчитанные на удобство читателя обзорные труды по философии в прозе (Цицерон) и в поэзии (Лукреций). Первый подступ к систематизации права (Сцевола, Цицерон). Варрон как универсальный ученый.

Влияния

Падение влияния эллинистического азиатического стиля ораторского искусства (Красс, Гортензий) происходит под влиянием аттического красноречия (радикально — аттицисты, умеренно — Цицерон). Литературная обработка эллинистической риторики (ср. Auctor ad Herennium) осуществляется под знаком философской мысли, прежде всего — Аристотеля (Цицерон); государственная мысль, продолжающая эллинистическую традицию на римской почве, вступает в состязание с Платоном (Цицерон). Эллинистические философские концепции (Цицерон, Лукреций) отчасти воспринимаются в формах, свойственных классической эпохе (Платон) или даже архаической (Эмпедокл); Цезарь своими *Записками* побеждает Ксенофонта на его собственном поле. Каллимаховская шкала ценностей (Катулл) применяется к средним (эпиллий) и малым поэтическим формам; в единичных случаях можно отметить и влияние архаических образцов (Катулл — Сапфо). Перенос эллинистических приемов исследования языка и древностей на римскую почву осуществляет Варрон.

Идеи

Индивидуальный аспект: ослабление политических связей способствует самовыражению индивидуального начала (автобиография, биография) или поиску возможности самовоплощения вне политической сферы (философия — Лукреций; любовная лирика — Катулл).

Политический аспект: под знаком кризиса морально-политические и правовые представления ретроспективно осознаются — отчасти при помощи греческой философии — и вновь определяются для современности (Цицерон, юристы). Анналисты и Варрон формируют римские представления о своем прошлом и языковое сознание.

Межкультурный аспект: серия биографий греческих и римских политиков (Непот) и параллельное использование греческих и римских примеров в литературе (Цицерон; почва расчищена уже Катонам) конституируют «двойной ряд предков» в «греко-римское» культурное сознание.

ЭПОХА АВГУСТА (ок. 43 до Р. Х.—14 по Р. Х.)

- | | |
|-----------|--|
| 42 | Битва при Филиппах. Гораций — офицер армии Брута |
| ок. 42—35 | <i>Эклоги</i> Вергилия |
| 41—40 | Перузийская война. Во время резни в городе Проперций теряет родственника |

ок. 39—29	<i>Георгики</i> Вергилия
31	Битва при Акцииуме
ок. 29—19	<i>Энеида</i> Вергилия
28	Освящение храма Аполлона на Палатинском холме
27	Октавиан принимает титул Августа. Агриппа начинает строительство Пантеона
26	Самоубийство Корнелия Галла
23	Смерть Марцелла. Начат строительством Театр Марцелла. Три первые книги <i>Од</i> Горация
20	Возвращение парфянами потерянных Крассом значков. Первая книга <i>Посланий</i> Горация
19	(Не позднее 17 г.). Смерть Вергилия и Тибулла
18	<i>Lex Iulia de maritandis ordinibus</i> : законодательство Августа о браке
17	Юбилейные торжества; <i>Carmen saeculare</i> Горация
13—9	<i>Ara Pacis</i>
8	Смерть Горация
2	Август <i>Pater Patriae</i> . Форум Августа
ок. 1	<i>Ars amatoria</i> Овидия
8 по Р. Х.	<i>Метаморфозы</i> Овидия
14 по Р. Х.	Смерть Августа. Сообщение о его деяниях в надписях

Условия

Происхождение авторов — южная Италия (Гораций), средняя Италия (Саллюстий, Тибулл, Проперций, Овидий), северная Италия (Вергилий, Ливий)

Кружок Мецената: близость к принцепсу, авторы проверенного качества без оглядки на происхождение

Кружок Мессалы: дистанция по отношению к принцепсу, включает в том числе и юных авторов, но из знатных семейств

Историки — сначала еще сенаторы (Саллюстий, Поллион), затем — профессиональные писатели (Ливий).

Жанры

Поэзия

Эпос достигает высшей степени совершенства: *Энеида* Вергилия. Дидактическая поэзия: *Георгики* Вергилия; жанровая смесь в *Ars amatoria* Овидия и в *Ars poetica* Горация (Послание к Пизонам).

Новшество: *Viscolica* Вергилия: сборник из 10 пьес, обладающий внутренней структурой (ср. 1 книгу сатир Горация и 1 книгу элегий Тибулла). С метрической

точки зрения (как и во многих других отношениях) новшеством являются книги *Од* и книга *Ямбов* Горация.

Сатира начиная с Горация становится чисто гекзаметрической; поэтическое послание.

Расцвет элегии (Проперций, Тибулл, Овидий).

Эпиграмма (Марс).

Проза

Только сейчас в Риме возникает эстетически ценная историография.

Вместо обесценившейся политической речи появляется школьная декламация; насыщенный афористический стиль.

Научный труд Витрувия *De architectura*.

Влияния

Греко-римский контекст: обращение от эллинистических образцов к классическим и архаическим проявляется в творческой биографии Вергилия: от неотерических малых форм через идиллии Феокрита и аратовско-гесиодовскую дидактику к состязанию с Гомером. Равным образом Гораций опирается не только на эллинистические, но и раннегреческие образцы. Эти авторы плывут против течения литературно-исторического развития: раннегреческие оригиналы помогают им в обретении духовной независимости.

Латинская историография, исходя из достижений эллинизма и равным образом находя опору в более древних эпохах, в первый раз обретает собственный облик: Саллюстий может быть на римской почве продолжателем Фукидида, а Ливий — Геродота. Стремление к древнейшим эпохам, характерное для прозы и поэзии, имеют параллели в изобразительном искусстве и находятся в связи с политической атмосферой эпохи.

Внутрилатинский контекст: Саллюстий сознательно придает своему самостоятельному архаизирующему стилю катоновскую окраску. Гораций как сатирик считает себя победителем в споре с Луцилием. У элегиков внутриязыковая традиция складывается еще эффективнее. Теперь становится возможным вести диалог с собственным преданием: оно способно задать тон и стоит рядом с греческим и практически наравне с ним.

Идеи

Индивидуальный аспект: элегия открывает возможности индивидуального жизненного самовыражения; любовная тематика получает в *Метаморфозах* Овидия последовательно неполитическую проекцию в масштабе эпоса. Поэтическое дарование (*ingenium*) становится для изгнанного Овидия противовесом властителю. Обесмысливание политической деятельности делает возможным восстановление в правах философского созерцания (Манилий).

Политический аспект: только что дарованный после многолетнего смятения мир дает эпический осадок в *Энеиде*, чьи ценностные установки стали практически общепризнанными как выражение римской идентичности. Вергилий и Гораций, которые, как *vates*, чувствуют свою ответственность и за общество, во многом опережают свое время и создают и для него, и для властей своего рода зеркало: Вергилий настаивает на *pietas* вплоть до солидарности с противником. Муза Горация в *римских одах* дает владыке «мягкий совет» (*lene consilium*). Ливий проецирует почти менандровскую гуманность, в которой насто-

ятельно нуждается новая эпоха, на ранний этап жизни римского государства и задним числом стилизирует республику под сокровищницу образов важных для будущего гражданских доблестей.

Межкультурный аспект: Вергилий образует римский миф и сознательно сопоставляет его с Гомером. В отдельных деталях он также намекает, что вместо противостояния уже давно произошло примирение двух культур.

С большой полнотой, с одной стороны, Овидий разрабатывает греческий миф, а с другой — Тит Ливий римскую историю как арсеналы типичных персонажей, ситуаций и взаимоотношений. В это время возникают также библиотеки на обоих языках — греческом и латыни.

ЭПОХА РАННЕЙ ИМПЕРИИ

(14 по Р. X.—117 по Р. X.)

- | | |
|--------|---|
| 14—37 | Тиберий. Малые формы в историографии и поэзии |
| 37—41 | Калигула |
| 41—54 | Клавдий |
| 54—68 | Нерон. Освобождение от уз традиции в литературе и изобразительном искусстве |
| 64 | Пожар Рима. Преследование христиан. «Золотой дом» Нерона |
| 65 | Заговор Пизона: вынужденное самоубийство Сенеки и Лукана |
| 66 | Вынужденное самоубийство Петрония |
| 68—69 | Четыре цезаря на римском троне в течение одного года |
| 69—79 | Веспасиан |
| 70 | Разрушение Иерусалима. В Риме начат постройкой амфитеатр Флавиев. |
| 79 | Извержение Везувия. Смерть Плиния Старшего |
| 79—81 | Тит |
| 81—96 | Домициан. Арка Тита. Дворец Домициана. Флавиев классицизм в литературе (Квинтилиан, Плиний) |
| 96 | Домициан учреждает <i>Капитолийские игры</i> (<i>Ludi Capitolini</i>) |
| 96—98 | Нерва |
| 97 | Фронтин — <i>curator aquarum</i> |
| 98—117 | Траян |
| 100 | <i>Панегирик</i> Плиния |
| 114 | Арка Траяна в Беневенте |
| 117 | Колонна Траяна |

Условия

Многие писатели родом из Испании (Сенека, Лукан, Марциал, Квинтилиан), наряду с этим — из верхней Италии (оба Плиния).

Частное меценатство; смертные приговоры цезарей; состязания поэтов.

Поэты частью происходят из наиболее видных семей (Лукан, Валерий Флакк, Силий, Персий), частью зависят от меценатов (Кальпурний; Стаций; Ювенал; Марциал преувеличивает свою бедность). Федр — вольноотпущенник.

Прозаики — сенаторы (оба Плиния, Тацит, Петроний), офицеры (Веллей) или государственные служащие (Квинтилиан).

Жанры

Поэзия

Включение в сферу литературы малых форм или прикладных жанров (басня, эпиграмма, стихотворение на случай). Исторический эпос как противовес *Энеиде* (Лукан) или как ее продолжение на историческом материале (Силий). Мифологические эпосы: греческий материал в послевергилиевской форме. Трагедия: образы тиранов и преступников.

Сатира: философическая серьезность (Персий) и трагический пафос (Ювенал).

Проза

Речь — виртуозное школьное упражнение или похвала цезарю.

Высшая точка историографии — Тацит.

Компендиум: Веллей (краткая форма как противовес творчеству писателя эпохи Августа — Ливия).

«Низкие» жанры становятся литературой — письмо (Сенека, Плиний), роман (Петроний).

Влияния

Греко-римский контекст: безусловно, восприятие греческого материала продолжается, однако теперь уже оно происходит сквозь призму местной традиции: в этом отношении показателен эпос с вовлечением греческого героического мифа с послевергилиевскими структурными формами и смысловыми горизонтами.

Внутриримский контекст: литературная преемственность может теперь осуществляться и по отношению к латинским образцам. Поэтому в таких жанрах, как эпос и сатира, рефлексия достигает значительной высоты.

Идеи

Индивидуальный аспект: следствие внешнего политического гнета — глубина психологического проникновения; подчеркнутые «упоение злом» у Сенеки и совесть — у Тацита. Риторика обращается к внутреннему миру, становясь способом заботы о душе и самовоспитания (Сенека). Автор-одиночка властно противостоит всей традиции (Сенека).

Политический аспект: на первый план выступают стоические доблести — способность к сопротивлению. Литературное воплощение доблестей правителя

со стоической точки зрения (*De clementia* Сенеки, *Panegyricus* Плиния), как и добродетелей подданного и государственного чиновника (*moderatio*), указывают путь в будущее.

Межкультурный аспект: Валерий Максим на основе общих критериев сопоставляет в литературно оформленном собрании *exempla* римские и иноземные примеры. Учреждаются греко-латинские состязания поэтов. Квинтилиан рекомендует греческий язык для начального образования. Ключевой пункт в этом процессе — «романизирующее» включение фиванского цикла и мифов об аргонавтах в послевергилиевскую эпическую традицию.

ЭПОХА СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ (117 по Р. Х.—565 по Р. Х.)

- 117—138 Адриан. Вилла цезаря под Тиволи. Мавзолей Адриана (замок св. Ангела) в Риме. Олимпиейон в Афинах. Вал Адриана в Британии. В столице вновь строится Пантеон. Храм Венеры и Ромулы в Риме
- 120 Смерть Плутарха (автора сравнительных жизнеописаний знаменитых греков и римлян)
- 132—135 Восстание иудеев под предводительством Бар Кохбы
- 138—161 Антонин Пий. Германский *Limes*
- 161—180 Марк Аврелий, философ на троне, пишет *К самому себе* на греческом языке. Колонна Марка в Риме
- ок. 175 *Описание Эллады* Павсания
- 180—192 Коммод
- 193—211 Септимий Север. Триумфальная арка на *Forum Romanum*
- 197 (или позднее) Тертуллиан, *Apologeticum*
- 212 *Constitutio Antoniniana* (римское гражданское право для почти всех граждан Империи)
- 218—222 Элагабал
- 222—235 Север Александр. Кассий Дион пишет на греческом языке историю Рима. *Porta Nigra* в Трире
- 249—251 Деций. Преследование христиан. Смерть Киприана
- 253/4 Смерть Оригена
- 260—268 Галлиен. Эдикт о терпимости к христианам. Преподавательская деятельность философа Плотина в Риме
- 270—275 Аврелиан. Новые укрепления Рима.

- 284—305 Диоклетиан. Термы в Риме. Резиденции в Трире и Салониках. Дворцы в Сплите и Piazza Armerina
- 306—337 Константин. Лактанций, классицист, «христианский Цицерон»
- 312 Победа Константина над Максенцием у Мильвиева моста
- 313 Медиоланский эдикт о терпимости. Арка Константина в Риме
- 324 Начало строительства Константинополя
- 325 Никейский Собор
- 361—363 Юлиан Отступник
- 379—395 Феодосий I. Возрождение латинской литературы
- 384 *Relatio* Симмаха об алтаре Победы
- 393 Последние Олимпийские игры
- 395—423 Гонорий
- 397 Смерть Амвросия Медиоланского
- 408 Смерть Стилихона
- 410 Аларих завоевывает Рим
- 420 Смерть Иеронима
- 430 Смерть Августина
- 438 *Codex Theodosianus*
- 451 Битва с гуннами на Каталаунских полях
- 476 Конец Западной Римской империи
- 491 Призыв Теодориха на царский престол
- 524 Смерть Боэция
- 527—565 Юстиниан
- 528—534 *Corpus Iuris Civilis*
- 529 Закрывание платоновской Академии. Бенедикт основывает монашеское братство на Монте Кассино

Условия

Появление культурных ландшафтов. Двор императора пребывает в разных местах. Панегирики в прозе и стихах. Римская сенатская аристократия: защита классической литературы, публика для живущих авторов, таких как Аммиан. Деятельными культурными центрами становятся и другие города (Карфаген, Медиолан); школа (грамматики и риторы), церковь. Выдающиеся юридические школы, в том числе и на Востоке.

Авторы во многих случаях остаются представителями высших сословий (или по крайней мере разделяют их мировоззренческие ценности).

Африка — родина весьма многочисленных писателей (II—IV вв.); за ней следуют Галлия (V в.), Италия (VI в.), Испания (IV—VIII вв.). Иероним происходит из Далмации.

Жанры

Поэзия

Панегирическая эпика (Клавдиан), поэзия малых форм (Адриан, Авзоний, Клавдиан). Христианская поэзия: в традиционных формах у Лактанция, эпиков, перелававших библейские сюжеты, и прежде всего — у Пруденция; наряду с этим стихотворные гимны, частью в новых формах.

Проза

Эпоха средней Империи: речь (*Panegyrici Latini*; Апулей; Симмах); биография (Светоний); роман (Апулей); философские произведения (Апулей); расцвет юридической литературы.

Под знаком христианства на первый план выступают — переводы Библии, деяния мучеников, постепенное — жития святых. В эпоху до Никейского Собора преобладает апологетическая литература; затем — догматическая и внутрехристианская полемика. Относительно новые жанры — психологическая автобиография (Августин), историософские произведения (Августин).

Влияния

Греко-римский контекст: упадок греческой образованности на Западе косвенно содействует возникновению точных переводов специально-философских текстов и совершенствованию латинской профессиональной терминологии. Только сейчас на латинской почве в полном объеме полностью усвоена научная философия (Марий Викторин, Августин, Боэций) и — пролагая пути Новому времени — математическая мысль (Боэций).

Внутриримский контекст: восприятие языческой латинской литературы христианами авторами можно понимать как возрождение либо как духовную метаморфозу (Цицерон — Амвросий *De officiis*; Цицерон *De oratore* — Августин *De doctrina christiana*). Как религия Писания христианство способствует одухотворению риторики и превращению ее в герменевтику. Чтение письменных свидетельств как «знаков» способствует плодотворнейшему восприятию также и внутривосточной традиции на новом, более высоком рефлексивном уровне.

Библейско-латинский контекст: библейское содержание становится третьей ветвью традиции. Препятствие для ее восприятия античными читателями — нериторический характер дословных латинских переводов; только Иероним достигает равновесия между требованиями точности и красоты. Второе препятствие — моральная предосудительность многих сюжетов Ветхого Завета — преодолеваются (начиная с иудея Филона и христиан Оригена и Амвросия) аллегоризированием; данный метод был развит в греческой философии по отношению к мифам. «Пневматическому» (или же «христоцентрическому») чтению Ветхого Завета, которое намечается уже в Новом Завете, помогают собрания свидетельств (например, у Киприана).

Идеи

Индивидуальный аспект: освобождение личности божеством-искупителем (у Апулея и Отцов Церкви) или (религиозно окрашенной) философией (мотив обращения) имеет место у язычников и христиан, частью примыкая к научной протретики (*Hortensius* Цицерона и обоготворение Эпикура у Лукреция). Поэтому для отдельного человека становится возможным занять позицию вне

политической *res publica* и быть ее критиком. Монотеизм, на внешнем уровне согласующийся с большинством философских школ, позволяет христианству представить себя «философией» и интеллектуально превзойти прочие мистериальные религии.

Политический аспект: государи, считаясь с обстоятельствами, вовремя усваивают себе важнейшее духовное течение эпохи и таким образом лишают его оппозиционной силы: во II в. — идеи Стои, в IV в. — христианство. При этом все иные попытки духовно обосновать свою власть (религиозные новшества Элагабала или Аврелиана, запоздавшая неоплатонически-языческая реставрация при Юлиане) обречены на провал.

Межкультурный аспект: во II и в III вв. латинская литература за немногими исключениями (как, например, двуязычные, но в основном латинские авторы Апулей и Тертуллиан) отступает на задний план. По-гречески пишут не только философы, как христианин Ориген и язычник Плотин, но и римский историк Кассий Дион и панегирист всемирной столицы Элий Аристид. Только в IV в. латинская литература переживает возрождение, отчасти обусловленное политическими обстоятельствами, так что даже греки пишут по-латыни (Клавдиан, Аммиан).

Эллинизация христианско-иудейской традиции проходит сначала (II в.) под знаком Стои, затем (начиная с III в.) платонизма. Романизация упомянутой традиции выражается в применении юридических категорий и одухотворении римских представлений о ценностях, которые переносятся с Отечества на Церковь и с язычников — на христианских мучеников; римская неприязнь к теоретизированию и подчеркнутая связь с практикой идут навстречу иудейским традициям.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ
КАБИНЕТ»® Ю. А. ШИЧАЛИНА

1. Фрагменты ранних стоиков. Том I, 2. Перевод и комментарий А. А. Столярова.
2. А.-И. Марру. История воспитания в античности (Греция). Перевод с французского А. И. Любжина, М. А. Сокольской, А. В. Пахомовой. 384 с.
3. А. А. Столяров. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. Очерки истории: от Гомера до Лютера. 208 с.
4. А. Адольф, С. Любомудров. *Orbis Romanus Pictus*. Римский мир в картинках. 146 с.
5. М. Туллий Цицерон Речь в защиту М. Целия. Составление, предисловие и комментарии А. И. Любжина. 79 с. (Серия «Ad usum scholarum»).
6. Греко-латинский кабинет. Выпуск 3. 2000. 127 с.
7. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. Хрестоматия по ранней римской литературе. Лат. тексты с рус. переводами и комментариями. 2-е изд. 301 с.
8. Хрестоматия по истории Древней Греции для средней школы. Составители Н. Н. Трухина, А. Л. Смышляев. 377 с.
9. Платон. Собрание сочинений. Том 1: Апология Сократа. Греческий текст и перевод М. С. Соловьева, издание подготовили А. А. Глухов и Ю. А. Шичалин (совместно с издательством «Les Belles Lettres»). 152 с.
10. Ю. А. Шичалин. История античного платонизма в институциональном аспекте. 439 с.
11. О. Петрученко. Латинско-русский словарь. Репринт 9-го издания 1914 г.
12. М. Суини Лекции по средневековой философии. Вып. 1: Средневековая христианская философия Запада. Авторизованный перевод с англ. А. К. Лявданского. 303 с.
13. А. Скобельцин. Нарцисс, или мастерская взгляда. Перевод с франц. В. Илющенко. 355 с.
14. Прокл. Начала физики. Греческий текст с предисловием, переводом и комментарием С. Месяц. 115 с.
15. Н. В. Христофорова. Российские гимназии XVIII–XX веков. На материале г. Москвы. 206 с.
16. Н. К. Малинаускене. Введение в историю латинского языка (общие вопросы и доклассический период). 156 с.

17. В. Йегер. Пайдейя. Том 1, 2. Перевод с нем. А. И. Любжина.
18. И. Адо. Свободные искусства и философия в античной мысли. Перевод с франц. Е. Ф. Шичалиной. 475 с.
19. Свт. Григорий Нисский. Послание о жизни святой Макрины. Греческий текст, русский перевод, вступительная статья, комментарии, указатели Т. Л. Александровой. 127 с.
20. В. П. Завьялова. Каллимах. Гимн «К Артемиде». 112 с.
21. М. фон Альбрехт. История римской литературы. 1 том. 695 с.
22. Т. А. Карасева. Историческая фонетика латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VII—I в. до н. э. 256 с.
23. Первый псалом. Сборник переводов первого псалма на древние и новые языки и святоотеческих толкований на языке оригинала с параллельным переводом. 79 с.
24. Богословский вестник № 3, издаваемый Московской Духовной Академией и Семинарией. 433 с.
25. Д. Дилите. Античная литература. 287 с.
26. Л. А. Самуткина. Руководство для чтения Евангелия от Марка на греческом языке. 296 с.
27. А. М. Белов. *Arg grammatica*. Книга о латинском языке. 392 с.
28. А. Ч. Козаржевский. Учебник древнегреческого языка. Новое издание. 458 с.
29. С. А. Степанцов. 130 псалом в экзегезе Августина. 102 с.
30. Проперций. Элегии. Пер. А. И. Любжина. 271 с.
31. Древнегреческий язык. Начальный курс. В трех частях.
32. А. А. Столяров. Патрология и патристика. 156 с.
33. М. фон Альбрехт. История римской литературы. Том 2. 700 с.
34. О. А. Седакова. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. 432 с.
35. А. Р. Фокин. Латинская патрология. Том 1. 362 с.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

1. А. И. Любжин. Римская литература в России. Приложение к переводу «Истории римской литературы» М. фон Альбрехта. Библиография основных трудов на русском языке.
2. Плотин. Трактаты. 1—11 (в хронологическом порядке). Перевод, вступительная статья и комментарий Ю. А. Шичалина.
3. Д. В. Никулин. Метафизика и этика.

КНИГИ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ПО АДРЕСУ

Скрябинский пер., 12/14, метро «Проспект Мира»

ИЛИ ЗАКАЗАТЬ ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ

mglglk@rol.ru
museumgl@rambler.ru

ПРИГЛАШАЕМ НА САЙТ ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО
КАБИНЕТА Ю. А. ШИЧАЛИНА

<http://www.mgl.ru>

Научное издание

Михаэль фон Альбрехт

ИСТОРИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Том III

Научный редактор *А. А. Россиус*
Выпускающий редактор *М. С. Белова*
Корректор *Л. Д. Демидова*
Макет и верстка *А. В. Иванченко*

Изд. лиц. ЛР № 040433 от 03.06.1997
Подписано в печать 26.05.2005. Формат 60x80/16
Гарнитура «Баскервилль». Ус. печ. л. 35.80
Тираж 1000 экз. Заказ № 1047

Издательство «Греко-латинский кабинет»®
Ю. А. Шичалина
e-mail: museumgl@ Rambler.ru, mglglk@rol.ru
<http://www.mgl.ru>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-87245-114-8



